

В. М. Тихонов, Кан Мангиль
ИСТОРИЯ КОРЕИ

Том
2

Двадцатый
век

В. М. Тихонов, Кан Мангиль
ИСТОРИЯ КОРЕИ

Том
2

 Orientalia
et Classica

Russian
State University
for the Humanities

●Orientalia

etClassica

Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue XLI

V.M. Tikhonov, Kang Man'gil

HISTORY OF KOREA

In two volumes

Volume 2

The Twentieth Century

Moscow

2011

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск XLI

В.М. Тихонов, Кан Мангиль

ИСТОРИЯ КОРЕИ

В двух томах

Том 2

Двадцатый
век

.

Москва

2011

УДК 950(519)
ББК 63.3(5)я73
Т 46

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности
Выпуск XLI
Том 2

Под редакцией *И.С. Смирнова*

Оформление переплета – *Михаил Гуров*

На переплете: Памятная монета,
выпущенная Банком Республики Корея
к Сеульской олимпиаде 1988 г.

ISBN 978-5-8062-0343-5
ISBN 978-5-8062-0345-9

© Тихонов В.М., 2011
© Кан Мангиль, 2011
© Симбирцева Т.М., перевод, хронологические таблицы, индексы, 2011
© Издательство «Наталис», 2011

Карта Корейского полуострова (фрагмент)
из кн.: «Советский энциклопедический словарь».
Изд. 4-е. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 638.

Оглавление

<i>В.М. Тихонов. Предисловие ко второму тому</i>	11

В.М. Тихонов **Корея 1905–1945 гг.**

<i>Глава 16. Колонизация Кореи японским империализмом в 1905–1910 гг. и националистическое «просветительское» движение</i>	19
а) Русско-японская война (1904–1905) и процесс колонизации Кореи в 1905–1910 гг.	19
б) Сопротивление японскому колониализму и формирование националистических идеологий в Корее (1905–1910).....	41
1. Движение «армий справедливости» — <i>ыйбён</i>	42
2. Просветительское движение (<i>кемон ундон</i>). Социал-дарвинизм	54

Часть 4. Колониальная Корея: колониальная «модернизация» и национальное сопротивление (1910–1945 гг.)..... 70

<i>Глава 17. Японский «сабельный режим» и изменения в жизни Кореи 1910–1919 гг.</i>	70
а) Колониальная система и проблема развития капитализма в Корее 1910-х годов.....	70
б) Корейский национализм и национальное движение — в поисках ответа на вызовы эпохи	83
<i>Глава 18. Общенародное антиколониальное движение 1 марта 1919 г. и переход японского колониализма к политике уступок (1919–1931 гг.)</i>	88
а) Движение 1 марта — истоки, развитие, итоги	88
б) «Культурное правление» и развитие капитализма в Корее в 1920-е годы	98
в) Радикальные движения в общественно-политической жизни Кореи 1920-х годов	106
г) 1920-е годы — итоги декады	114

<i>Глава 19. Японский милитаризм и индустриализация Кореи:</i>	
1931–1937 гг.	116
а) Мировой кризис и изменения в японской политике в Корее.....	116
б) Радикальные и умеренные общественные движения в Корее	
начала 1930-х годов	123
<i>Глава 20. Война, тотальная мобилизация и Освобождение:</i>	
1937–1945 гг.	133
а) Агрессия Японии в Китае и война на Тихом океане	133
б) Репрессивно-мобилизационная политика японских	
властей в Корее	137
в) Корейское общество в военный период: сотрудничество	
и сопротивление.....	148
г) Освобождение Кореи от японского господства	157

Кан Мангиль

Новый взгляд на новейшую историю Кореи (1945–1992 гг.)

Перевод с кор. яз. Т.М. Симбирцевой;
науч. ред. и примеч. В.М. Тихонова

Предисловие переводчика	165
От редактора	169
<i>Часть 1. Возникновение и усиление системы раздела</i>	
(1945–1992 гг.).....	172
Введение	172
<i>Глава 1. Процесс национального раздела .....</i>	<i>176</i>
Поражение Японии (15.VIII.1945).....	176
Демаркация по 38-й параллели	178
Провал совместной советско-американской комиссии	
(20.III–6.V.1946, 21.V.–10.VII.1947)	181
Создание раздельных государств (15.VIII.1948, 9.IX.1948).....	187
<i>Глава 2. Корейская война (25.VI.1950 — 27.VII.1953).....</i>	<i>190</i>
Предпосылки войны	190
Ход войны.....	194
Значение войны	203

<i>Глава 3. Усиление системы Раздела (1948–1992 гг.)</i>	209
Режим Ли Сынмана (15.VIII.1948 — 26.IV.1960)	209
Режим Чан Мёна (23.VIII.1960 — 18.V.1961)	215
Режим Пак Чонхи(1): от военного правления к «гражданскому правительству» (16.V.1961 — 17.X.1972)	219
Режим Пак Чонхи (2): введение системы <i>юсин</i> (17.X.1972 — 26.X.1979)	225
Режим Чон Духвана (12.XII.1979 — 25.II.1988)	231
Режим Ро Дэу (25.II.1988 — 18.XII.1992)	239
 Часть 2. Развитие движения за демократию и воссоединение (1945–1992 гг.)	246
Введение	246
<i>Глава 1. Комитет по подготовке к строительству государства и «Народная Республика»</i>	250
Деятельность Комитета по подготовке к строительству государства (15.VIII. — 4.IX.1945)	250
Провозглашение «Корейской Народной Республики»	253
<i>Глава 2. Движение за сотрудничество левых и правых сил и встречи представителей политических сил севера и юга (1945–1948)</i>	255
Переговоры между «Корейской Народной Республикой» (КНР) и Временным правительством и «Коммюнике четырех партий» (7 января 1946 г.)	255
Деятельность Комитета за сотрудничество левых и правых сил	259
Встречи представителей политических сил Севера и Юга в апреле 1948 г.	265
<i>Глава 3. «Движение 19 апреля» за демократию и объединение (1960–1961 гг.)</i>	270
«Движение 19 апреля» — за демократизацию	270
«Движение 19 апреля» — за национальное воссоединение	274
<i>Глава 4. Совместное заявление Севера и Юга от 4 июля 1972 г.</i>	278
Переговоры Обществ Красного Креста Севера и Юга (август 1971 — май 1973 гг.)	278
«Совместное заявление Севера и Юга 4 июля 1972 г.»	281
<i>Глава 5. Народное восстание в Кванджу и «движение 10 июня» за демократизацию</i>	285
Народное восстание в Кванджу (18.V. — 27.V.1980)	285

«Движение 10 июня» (1987 г.) за демократизацию и национальное движение за воссоединение	290
Глава 6. Заключение соглашения Севера и Юга (10–13.XII.1991)....	297
Северный проект объединения через конфедерацию (10.X.1980) и южный проект национального примирения и объединения (22.I.1981)	297
Заключение Соглашения о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве (10–13 декабря 1991 г.)	300

Часть 3. Экономика: деколонизация и развитие

(1945–1992 гг.).....	305
Введение	305
Глава 1. Деколонизация экономики (1940–50-е гг.)	308
Аграрная политика Американской военной администрации — конфискация японской земельной собственности и проблемы земельной реформы	308
Земельная реформа в период правления Ли Сынмана	311
Политика Американской военной администрации и режима Ли Сынмана в отношении принадлежавшего японцам имущества	316
Глава 2. Развитие экономики на основе иностранной помощи (1950-е гг.)	321
Экономическая помощь США	321
Излишки сельскохозяйственного производства в США и сельское хозяйство Южной Кореи	324
Американская экономическая помощь и промышленность	327
Глава 3. Развитие экономики за счет привлечения иностранного капитала (1960–70-е гг.)	332
Начало ввоза иностранного капитала и его особенности.....	332
Иностранный капитал и индустриализация	337
Иностранный капитал и рост экспорта	342
Иностранный капитал и сельское хозяйство	346
Глава 4. Развитие открытой экономики (1980-е гг.)	350
Усиление монополистического капитала	350
Изменения в малом и среднем бизнесе	354
Изменения в структуре финансового рынка	358
Открытая экономика и сельское хозяйство	362

Часть 4. Общество и культура в период раздела	370
Введение	370
<i>Глава 1. Образование и общественные движения в преподавательской среде при системе раздела</i>	373
Образовательная политика Американской военной администрации (9.IX.1945–15.VIII.1948).....	373
Образовательная политика режима Ли Сыньмана (15.VIII.1948–19.IV.1960).....	376
Движение за демократизацию образования после Апрельской революции 1960 г. (19.IV.1960–16.V.1961).....	380
Образовательная политика режима Пак Чонхи (16.V.1961–26.X.1979)	383
Образовательная политика режимов Чон Духвана и Ро Дэу и Всекорейский профсоюз учителей (1.IX.1980–25.II.1993).....	386
<i>Глава 2. Рабочее движение при системе раздела</i>	391
Рабочее движение и отношение к нему Американской военной администрации	391
Рабочее движение и отношение к нему режима Ли Сыньмана.....	397
Рабочее движение после Апрельской революции (19.IV.1960–16.V.1961).....	401
Рабочее движение периода экономического роста (16.V.1961–6.XII.1971) и отношение к нему правительства	405
Рабочее движение периода <i>юсин</i> (6.XII.1971 — 26.X.1979) и отношение к нему правительства	409
Рабочее движение при Чон Духване (1980–1987).....	413
«Движение 10 июня» (1987 г.) за демократизацию и рабочее движение	416
<i>Глава 3. Движение деятелей культуры при системе раздела</i>	420
Раскол мира культуры	420
Литература и влияние на нее Апрельской революции (1960) и военного переворота 16 мая 1961 года	424
Развитие теорий «национальной литературы».....	428
Углубление теорий «национальной литературы».....	432
Приложения, сост. Т.М. Симбирцева, науч. ред. В.М. Тихонов	441
Хронологическая таблица 1. Корея 1904–1945	441
Японские генеральные резиденты и генерал-губернаторы в Корее (1906–1945 гг.).....	455

Хронологическая таблица 2. Южная Корея 1945–1992 гг.	456
Индекс понятий к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»	478
Индекс политических партий и организаций к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»	482
Сокращения к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»	490
Индекс имен... ..	492
Список изданий, откуда заимствованы иллюстрации	49

Предисловие ко второму тому

Учебник писать труднее, чем научную статью или монографию. Во-первых, приходится решать, какой именно материал, какие события наиболее важны, так как учебник, по определению, — компактное, сжатое повествование о *ключевом* в истории. Отбор «ключевого» материала — дело в значительной мере субъективное и всегда спорное. Данный учебник следовал советской/российской традиции: первостепенное внимание уделялось взаимосвязи между изменениями в структуре материального базиса (производительных сил) общества и эволюцией политико-идеологической надстройки. При всех преимуществах подобного подхода, он не лишен и значительных недостатков. Так, не уделяется достаточного внимания «микроистории» — бытовой культуре, персональным жизненным историям рядовых членов социума, их взглядам на общество и мир. Не остается достаточно места, чтобы увязать изменения в обществе с переменами в литературе, искусстве, формах проведения досуга. Осознавая невозможность дать полную и живую картину исторических событий в рамках экономико-социального анализа и стремясь по мере сил восполнить его недостатки, автор все же остановился на этом подходе, и, прежде всего, потому, что он обладает преимуществом *системности*. Автор надеется, что учебник поможет понять структурную взаимосвязь общественных и идеологических феноменов — появления и распространения новых социально-политических доктрин (социал-дарвинизма, национализма, основанного на социал-дарвинистском мировидении, и т.д.), образования всевозможных групп, партий, организаций и т.д. — с глубинными социально-экономическими процессами, с динамикой классовых и социальных интересов.

Во-вторых, толкование истории всегда политично. Одни и те же события истолковываются историками совершенно по-разному в зависимости как от их собственных социально-политических пристрастий, так и от того, каким образом хочет легитимизировать себя с помощью

истории та социально-политическая система, в которую историки включены. В каком-то смысле, можно сказать, что полностью объективное толкование истории невозможно в принципе. Ни один толкователь не может полностью высвободить себя из «паутины» интересов и пристрастий, будучи сам частью того или иного общества и завися от него. Так, при том, что, строго говоря, достаточных предпосылок для самостоятельного развития капитализма в Корею к 1884 г. не было и реформаторы (Ким Оккюн, Пак Ёнхё и другие) представляли собой периферийную, сильно зависимую от Японии «модернизаторскую» элиту, историки КНДР описывают их чуть ли не как «буржуазных революционеров» — ибо только так можно логически объяснить, каким образом партизанская деятельность группировки Ким Ир Сена в 1930-е годы могла являться «социалистической революцией».

Не лишен субъективности и автор данного учебника. Однако, поскольку возможно, учебник писался с критических позиций как по отношению к историографии КНДР, так и по отношению к националистическому историописанию Южной Кореи. Задачей автора было не легитимизировать с помощью истории то или иное из существующих на Корейском полуострове сегодня государств или политических течений, а показать социально-политические процессы на этапе перехода к современному обществу во всей их трагической противоречивости. Так, признавая коммунистическое движение Кореи 1920–30-х годов как субъективно, так и до известной степени объективно выразителем интересов формирующегося пролетариата страны и бедняцкого большинства крестьянства, автор в то же время стремился показать, что многие лидеры этого движения — например, выдающийся корейский революционер Пак Хонён, — сами происходили из социальных слоев, ничего общего с пролетариатом не имевших, и в отношении с «трудящимися» ощущали себя элитой, которой вовсе не обязательно было прислушиваться к мнению своих «ведомых». В результате движение, даже объективно отражая интересы широких масс, страдало от отсутствия внутренней демократии, а также от идеологической подчиненности догматическим взглядам своих лидеров, переносивших на сталинский СССР традиционное отношение корейских конфуцианских элит к имперскому Китаю. В этом смысле, данный учебник не делит исторические фигуры на «героев» и «злодеев», а старается выявить в деятельности каждого из них нюансы и внутренние противоречия. В конце концов, именно в осознании и преодолении противоречий — залог поступательного исторического развития.

Как известно, националистическая историография как КНДР, так и (в меньшей степени) Южной Кореи всегда с определенным подозрением относилась к исторической литературе по Корее (и особенно по

новой и новейшей истории), выходящей на иностранных языках за рубежом, видя в позиции ее авторов, прежде всего, отражение интересов тех стран, гражданами которых они являлись. Во многих случаях, надо сказать, подобное отношение было небезосновательным, хотя деятельность ряда прогрессивных зарубежных историков Кореи — японца Кадзимура Хидэки (1935–1989), много поработавшего над обобщением марксистского понимания новой истории Кореи, или американца Брюса Камингса, заложившего основы критического подхода к политике США на Корейском полуострове, — наоборот, скорее противоречила интересам правящих кругов «их» стран. Автор данного учебника — пишущий по-русски выходец из СССР, являющийся на данный момент гражданином Южной Кореи и в то же время российским ученым в широком смысле этого слова, исходит не из «национальных» интересов, как бы они не формулировались, а из категорий «прогрессивного» и «реакционного» в историческом процессе, рассматривая отношения Кореи с Российской Империей и СССР, прежде всего, с точки зрения корейских народных масс, передовой интеллигенции Кореи, боровшейся за освобождение страны и прогрессивные изменения в ее социально-политическом устройстве.

С этой точки зрения, несомненно, например, что Октябрьская революция — при всех тех эксцессах, в которые она позже вылилась в самой России, при всей неоднозначности политики партии большевиков, уже с весны 1918 г. начавшей отходить от провозглашенной в более ранних трудах В.И.Ленина («Государство и революция» и т.д.) программы построения демократического социализма, — была ключевым событием для истории Кореи в XX веке. Октябрь дал передовым людям Кореи надежду на национальное и социальное освобождение, одновременно позволив им преодолеть ограниченность националистических воззрений, повести освободительную борьбу в союзе с коммунистами колониальной метрополии-Японии. Но и столь же несомненно, скажем, что реальная политика Коминтерна в корейском вопросе вовсе не всегда проводилась с учетом местных условий и особенностей, и интересы корейского освободительного движения иногда приносились в жертву постоянно меняющейся «генеральной линии». «Национальной гордости великороссов» — так, как понимал ее В.И.Ленин, — нисколько не противоречит, наряду с законным чувством гордости, например, за Освобождение Кореи от японского владычества, и осознание ответственности за некоторые трагические моменты в новой и новейшей истории Кореи и корейцев СССР. Скажем, насильственное выселение приблизительно 171 тыс. советских корейцев, разделивших таким образом судьбу миллионов репрессированных граждан СССР самых разных национальностей, с Дальнего Востока в Среднюю Азию осенью 1937 г. на-

несло, несомненно, сильнейший удар по своеобразной культуре Корейцев России, складывавшейся с конца XIX в. Горька ирония судьбы — российские корейцы, в абсолютном большинстве своем с энтузиазмом поддерживавшие Октябрьскую революцию и немало сделавшие для установления власти Советов на Дальнем Востоке в борьбе с японской интервенцией, стали первым в советской истории этносом, подвергнутым массовой принудительной депортации!

Необходимо сказать несколько слов о структуре настоящего тома. Как первоначально и предполагалось, в него вошло описание истории Кореи с русско-японской войны 1904–1905 гг., поражение России в которой сделало возможной колонизацию Кореи Японией, и до Освобождения Кореи в августе 1945 г. — то есть новой истории Кореи в XX в. Используемое здесь понятие «новой истории» несколько отличается от использовавшегося в большинстве описаний истории Кореи советской эпохи. «Новая история» трактуется автором данного учебника как период включения Кореи в мировую капиталистическую систему в качестве сначала объекта политико-экономической экспансии (с 1876 г.), а затем — полуколонии и колонии Японии (с 1904–1905 гг.). Раннему периоду новой истории Кореи (1876–1904 гг.) посвящены последние главы первого тома. Однако новой историей Кореи с 1904 г. содержание настоящего тома не исчерпывается. В качестве дополнения в него включен перевод учебного пособия «Новый взгляд на новейшую историю [Южной] Кореи» почетного профессора университета Корё (Сеул) Кан Мангиля (р. 1933), взгляды которого весьма близки моему собственному пониманию истории Кореи этого периода. В марте 2007 г. я лично получил от проф. Кан Мангиля — на тот момент исполнявшего обязанности председателя Президентской комиссии по расследованию деяний прояпонских коллаборационистов колониального периода (*Тэтоннён сосок чхиниль панминджок хэнви чинсан кюмён вивонхве*) — любезное разрешение на перевод его книги, за которое, пользуясь случаем, хотел бы еще раз выразить благодарность.

Одной из принципиальных особенностей учебника проф. Кан Мангиля является то, что история КНДР в него не включена. Ученый сознательно ограничил себя историей государства, в котором живет — Южной Кореи, — исходя из понимания того, что в условиях продолжающегося раздела страны написание полной и сбалансированной истории Кореи после 1945 г. как целого практически невозможно. Для этого нужен как более свободный доступ к северокорейским материалам, так и выработка новых методологических подходов, которые позволили бы аргументированно указать на параллели в развитии двух корейских государств, но все это остается делом будущего. Поскольку история северной Кореи и КНДР после 1945 г. оказалась в настоящем издании не

охваченной, то читатель адресуется к трудам других корееведов, советских/российских и зарубежных, по этой теме. Надо отметить, что в советские годы в описании новейшей истории Кореи отечественные историки-корееведы отдавали бесспорный приоритет КНДР. В какой-то мере эта ситуация сохраняется и в последние годы, когда по данной тематике вышли работы В.П. Ткаченко, А.З. Жебина, Л.В. Забровской, Ю.В. Ванина, и ряда других исследователей*. Их и хотелось бы порекомендовать читателю.

Перевод с корейского языка книги Кан Мангиля выполнила к.и.н. Т.М. Симбирцева — преподаватель истории Кореи в Российском Государственном Гуманитарном Университете (РГГУ, Москва). Она проделала сложнейшую работу по переложению на русский язык насыщенного специальными терминами, именами и датами учебного текста в очень короткие сроки — немногим более чем за полгода, причем очень тщательно. Без ее переводческих и редакторских усилий учебнику проф. Кана вряд бы было суждено увидеть свет в России. Кроме того, Татьяна Михайловна составила хронологические таблицы к обоим томам «Истории Кореи», высказала ряд важных критических замечаний по содержанию второго тома, а также предоставила многочисленные иллюстративные материалы. Я благодарю ее за активное участие в подготовке настоящей книги.

Завершение второго тома учебника стало возможным благодаря помощи и содействию и других коллег. Пользуясь случаем, автор благодарит Л.Р. Концевича, давшего ценные советы по составлению и оформлению настоящего издания, транскрипции и библиографии. Неоценимую помощь в работе над книгой оказали устные и письменные замечания южнокорейских и японских коллег — Ким Дохёна (Сеул), Ю Ёньика (Сеул), Пак Сонджина (Сеул), Андзако Юка (Киото), Мията Сэцуко (Токио) и других.

Корейские термины и имена собственные приводятся в этой книге в соответствии с русской практической транскрипцией, разработанной Л. Р. Концевичем на основе научной транскрипции, предложенной проф. А.А. Холодовичем, которая широко применяется в научных изданиях и картографии с 60-х годов. Значительная часть хронографиче-

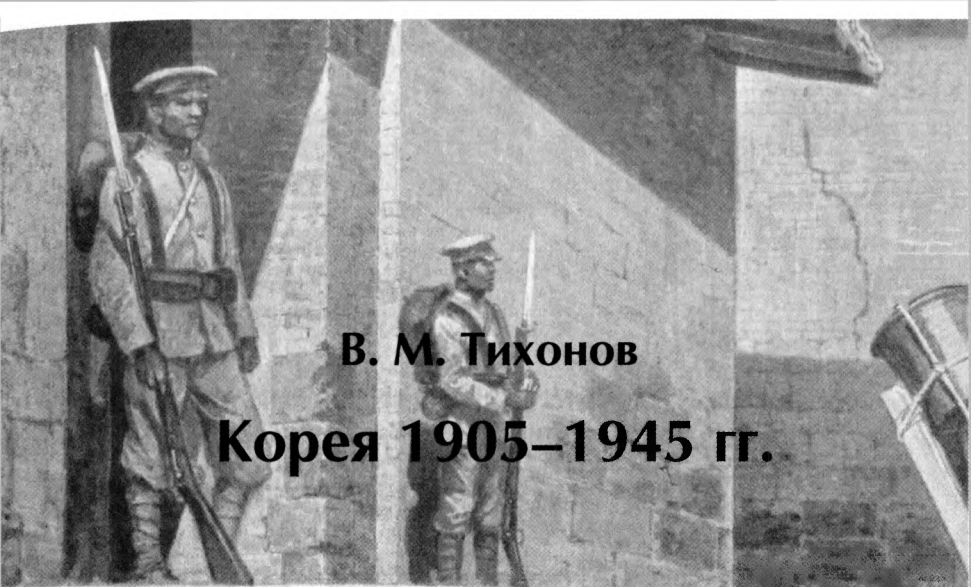
---

* Ткаченко, В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Вост. лит., 2000; Жебин, А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: ИДВ РАН — Русская панорама, 2006; Забровская, Л.В. Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации: от затворничества к открытости. Владивосток: Центр стратегических разработок, 2006; Ванин, Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: ИВ РАН, 2006; Панин, А.; Альтов, В. Северная Корея. Эпоха Ким Чжон Ира на закате. М.: ОМО-Пресс, 2004.

ской, библиографической и биографической информации была взята автором с южнокорейских исторических сайтов — www.koreanhistory.or.kr (Объединенная система исторической информации по Корее), <http://www.koreandb.net/KPeople/> (база данных по корейским историческим персоналиям), <http://www.hongik.ac.kr/~khc/> (библиографическая база данных по истории Кореи) и других. Для оформления книги также были использованы материалы виртуальных южнокорейских коллекций исторической фотографии (<http://www.nojum.co.kr/>, <http://www.koreanity.com/> и другие) и иллюстрированные издания, которые указаны в библиографии к разделам.

В. М. Тихонов

В. М. Тихонов

Корея 1905–1945 гг.

На предыдущей странице:
Корея в дни перед аннексией.

Рисунок из “Illustrated London News” за 17 сентября 1910 г.

Глава 16

КОЛОНИЗАЦИЯ КОРЕИ ЯПОНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ в 1905–1910 гг. И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ «ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ» ДВИЖЕНИЕ

а) Русско-японская война (1904–1905) и процесс колонизации Кореи в 1905–1910 гг.

Как и ожидалось многими наблюдателями как в Корее, так и за рубежом уже в начале 1900-х годов, в конце концов, противоречия между экспансионистскими проектами царской России и Японии в Корее и Маньчжурии привели обе державы к фатальному для судеб Кореи вооруженному столкновению. В то время как, судя по архивным источникам, царь Николай II понимал неподготовленность России к войне на Дальнем Востоке и желал, по крайней мере, оттянуть момент решающей схватки, группировка А.М.Безобразова, поддерживаемая царским наместником на Дальнем Востоке адмиралом Е.И.Алексеевым (внебрачный сын Александра II), вела авантюрную линию, провоцировала японские милитаристские круги на конфликт. Открытие 1 июля 1903 г. движения по всей магистрали КВЖД, т.е. железнодорожного сообщения между европейской Россией и Дальним Востоком, вызвав новые опасения по поводу дальневосточной экспансии России у японского истеблишмента, придало уверенности сторонникам агрессивной линии в окружении Николая II. Уже в июле 1903 г., готовясь к возможным столкновениям с Японией, российские части заняли позиции под городом Ёнампхо на корейской стороне границы с Китаем и начали проводку там телеграфных линий, что вызвало протесты корейского правительства. Ответом на корейские протесты стало усиление российских позиций на корейском берегу пограничной реки Амноккан (Ялуцзян) и требование сдать Ёнампхо в аренду России. Со своей стороны, японский кабинет направил 30 июня 1903 г. в Петербург заведомо неприемлемый для России проект договоренности по корейскому вопросу, требуя от Николая II согласиться на использование всей территории Кореи Японией в «стратегических целях», т.е. практически на японский протекторат над Кореей. Россия, в свою очередь, требовала оставить прилегающую к российской сфере

влияния в Маньчжурии территорию Кореи к северу от 39-й параллели нейтральной и, признавая будущий японский протекторат над Кореей в принципе, желала иметь гарантии того, что территория Кореи не будет использована как база для подготовки к войне против России (эти требования иногда не совсем корректно трактуются как предложения о «разделе Кореи по 39-й параллели между Японией и Россией»). Япония же до самого конца (последний ультиматум России был направлен 31 декабря 1903 г.) требовала от российского правительства исключить Корею из сферы российских интересов, т.е. признать «права» японцев на колонизацию Кореи и в перспективе отказаться от всякой политики в отношении Корейского полуострова. На это царское правительство, рассматривавшее милитаризацию японцами северной части Кореи как прямую угрозу своим планам «освоения» оккупированной российским корпусом Маньчжурии, согласиться не могло и не желало.

Не желало оно, в принципе, и идти первым на войну с Японией, для которой у России на Дальнем Востоке пока что не было достаточных сил. Кадровая армия России была самой большой в мире (1135 тыс. чел.), но к январю 1904 г. она имела на Дальнем Востоке лишь около 98 тыс. солдат и офицеров, разбросанных от Читы до Владивостока (не считая железнодорожных войск и погранохраны). Русский военный флот на Дальнем Востоке составлял около 60 боевых судов, из них 7 броненосцев. Япония же было относительно легко в случае необходимости перебазировать на континент свою армию, в мирное время насчитывавшую около 180 тыс. бойцов, а после мобилизации — 442 тыс. Японский флот уже к началу войны числил в своем составе более 130 кораблей (в т.ч. 6 броненосцев и 8 броненосных крейсеров), многие из которых превосходили российские аналоги по ряду военно-технических данных. Зная о неготовности страны к большой войне на Дальнем Востоке, царское правительство стремилось не форсировать события и по возможности затягивать переговоры с японской стороной. В высших сферах господствовала, однако, уверенность, что японцы — по крайней мере, пока что, — «не посмеют» напасть на огромную Россию первыми. Исходя из этого, официальный Петербург до самого конца отказывался признать за Японией исключительные права на Корею. Именно корейский вопрос (демилитаризация северной части Кореи, японское требование исключить Корею из российской сферы интересов) стал тем «детонатором», что привел Россию и Японию к

Конечно, конфликт колониальных амбиций в Корее и Маньчжурии был только одним из факторов, делавших крупномасштабную бойню на Дальнем Востоке «привлекательной» как для значительной части правящих кругов обеих стран, так и для их заморских покровителей. С точки зрения царского правительства, «маленькая победоносная война» (выражение известного реакционера, министра внутренних дел В.К. Плеве) должна была поднять пошатнувшийся авторитет самодержавной власти, связать руки ее либерально-демократическим критикам. Обуздание

экспансионистских планов Японии на Дальнем Востоке соответствовало и интересам главного кредитора и союзника царизма — Франции, активно поддерживавшей российскую дипломатию в ее корейской игре. В то же время финансовую поддержку Японии оказывали США, считавшие, что японский контроль над Кореей и Южной Маньчжурией будет благоприятнее для их собственной экономической экспансии, и в принципе желавшие, чтобы русские и японцы «истощили бы друг друга как можно больше и умерили бы в результате свои аппетиты» (президент США Т.Рузвельт). Великобритания, союзник и главный военный поставщик Японии, была резко настроена против российской экспансии на Дальнем Востоке вообще и делала все возможное для разжигания конфликта. Интересы Кореи как таковые не принимались в расчет ни одной из держав. Для центральных империалистических хищников (Великобритания, США, Франция), срамливавших между собой две периферийные империи (Россия, Япония), двор Коджона был лишь пешкой в большой игре. Наконец, для правящих кругов Японии война также была средством «дисциплинировать нацию», еще раз разжечь поутихшую со времени войны с Китаем военно-патриотическую истерию, а заодно и завоевать мировой престиж, победив одну из старых европейских империалистических держав. Платить же за дипломатические, военно-стратегические и экономические амбиции элит пришлось в итоге сотням тысяч российских и японских солдат, погибших или изувеченных в бессмысленной военной мясорубке.

В трагический для страны момент, когда судьбы Кореи решались в схватке чужеземных армий, раздираемая фракционной и межклановой борьбой правящая верхушка так и не смогла даже выработать единой и последовательной внешнеполитической позиции, не говоря уж об организации действенного сопротивления империализму. Сам Коджон и лидер пророссийской группировки Ли Ёнхик (1854–1907; выходец из низших слоев населения пограничной с Россией провинции Северная Хамгён, полностью преданный монарху и настолько близкий ему, что его часто называли «заместителем императора») желали сохранять себе определенную свободу рук путем дипломатической игры на российско-японских противоречиях и надеялись, что даже в случае войны провозглашение Кореи нейтральным государством под гарантиями великих держав спасет страну от колонизации. В то время как Коджон, питавший большие надежды на Россию как защитницу от японской угрозы, соглашался сдать Ёнампо в аренду России, Ли Ёнхик, при всех его пророссийских симпатиях, опасался, что решительный шаг такого рода в сторону России толкнет Японию на вооруженную акцию против корейского двора. Если некоторые пророссийские политики (например, остававшийся до конца 1903 г. в тесных связях с российской миссией Ли Гынхэк) видели основным «гарантом нейтралитета Кореи» союзницу России Францию, то проамериканские политики (Пак Чонъян,

Мин Ёнхван и другие) пытались договориться о бегстве Коджона в случае войны в американскую миссию, но натолкнулись на полную незаинтересованность американской дипломатии, к этому моменту поддерживавшей Японию против России. В свою очередь, ряд влиятельных политиков, начиная с исполнявшего обязанности министра иностранных дел Ли Хаёна, открыто выступал за союз с Японией против России. В конце концов, двор официально определил позицию Кореи в надвигающемся конфликте как нейтральную (23 ноября 1903 г.), но неофициально придворные группировки продолжали координировать свою деятельность с иностранными покровителями и надеялись, прежде всего, на их содействие. Никакой подготовки к обороне страны не велось, о том, чтобы поднять народ на борьбу с агрессией, не было и речи. В грозный для Кореи час правительство Коджона тратило время на бессмысленные мольбы об иностранном покровительстве и даже не попыталось мобилизовать своих подданных под националистическими — или хотя бы традиционно-конфуцианскими патриотическими — лозунгами.

9 января 1904 г. по приказу из Петербурга российские войска начали выдвижение на передовые позиции в районе реки Амноккан (Ялуцзян). Стало ясно, что, если стороны не достигнут компромисса в самый последний момент, война неизбежна. В предвидении надвигающегося кон-

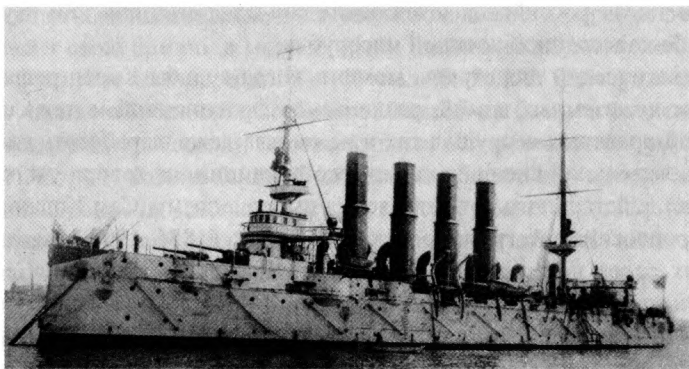

Рис. 1. Крейсер «Варяг» перед морским сражением под Чемульпхо (Инчхоном). 9 февраля 1904 г. японская эскадра в составе шести бронированных крейсеров и восьми миноносцев напала на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», стоявшие в порту Чемульпхо (Инчхон) для выполнения задач по охране российской миссии в Сеуле. В результате неравного боя в открытом море перед Чемульпхо «Варяг» потерял 31 моряка убитыми и почти 200 — ранеными (экипаж всего состоял из 18 офицеров и 535 матросов), но отказался сдаваться на милость противника, затопив вместо этого корабль на рейде Чемульпхо («Кореец» был взорван — см. иллюстрацию далее). Героизм «Варяга» был высоко оценен даже противником — в 1907 г. японский император наградил командира крейсера В.Ф. Руднева орденом Восходящего Солнца (который тот принял, но никогда не носил). Боем под Чемульпхо началась русско-японская война, итоги которой стали роковыми для судеб корейской государственности.

фликта Коджон издал 13 января декларацию о нейтралитете Кореи, намереваясь со временем даже сделать ее основой для придания стране постоянного нейтрального статуса под гарантиями держав. Державы, впрочем, не относились слишком серьезно к его заявлениям. Россия, на основе неофициально переданного российскому посланнику в Сеуле А.И.Павлову тайного заверения Коджона в том, что он в случае войны встанет на сторону России, рассматривала его как потенциального союзника. Япония же, в свою очередь, вообще не собиралась считаться с суверенитетом Кореи, рассматривая ее как свой будущий протекторат. Не испросив согласия у корейского правительства, японцы — уже 6 февраля официально разорвавшие дипломатические отношения с Россией — ввели 9 февраля 1904 г. в Сеул свои войска и приступили к оккупации стратегически важных пунктов страны. 10 февраля 1904 г. Япония официально объявила войну России. Коджон, веривший в тот момент в победу России, всерьез готовился просить убежища в миссии союзницы России Франции, но был остановлен жестким протестом английских и американских дипломатов.

Рис. 2. Канонерская лодка «Кореец», взорванная командой для того, чтобы не отдать корабль в руки противника. (Японская почтовая открытка)

Рис. 3. Перенос раненых российских моряков в принадлежавшую миссии англиканской церкви в Корее больницу Св. Михаила в Инчхоне. Другие медицинские учреждения современного типа в городе на тот момент отсутствовали.

Заняв Сеул, японцы сразу начали давить на Коджона, требуя от него дезавуировать его собственную декларацию о нейтралитете, вступить в союз с Японией и тем самым легитимизировать *post factum* японскую агрессию против Кореи. В условиях, когда Сеул был оккупирован более чем 20 тыс. японских войск, а значительная часть высшего чиновничества встала на открыто прояпонские позиции, Коджон не смог отказаться от навязанного ему японской стороной кабального «Союзного Договора» (подписан 23 февраля 1904 г.). Это соглашение разрешало японцам «давать политические рекомендации корейскому правительству» (т.е. вмешиваться во внутренние дела страны), а также «временно занимать стратегически важные пункты». Соглашение содержало обещание японской стороны «гарантировать спокойствие и благополучие корейского императорского дома».

Коджон, однако, не склонен был доверять японским обещаниям и продолжал посылать эвакуировавшемуся в Шанхай А.И.Павлову тайные письма (одно из них было перехвачено японской агентурой) с жалобами на японский произвол и уверениями в том, что, несмотря на все навязанные японцами соглашения, Корея остается союзницей России. Корейские войска, дислоцированные на северных границах страны, получили тайный приказ ни в коем случае не стрелять в русских, хотя отдельные стычки между казацкими отрядами и корейскими провинциальными частями всё-таки имели место. Вообще, на самой территории Кореи военные действия были относительно незначительны — потери в них российской стороны составили лишь 38 чел. погибшими и убитыми. В российском общественном мнении Корея воспринималась не как противник, но скорее как потенциальный (хотя и весьма слабый) союзник. Россия также осталась последним гарантом независимости Кореи для Коджона и ряда близких ему лиц из его окружения. Попытки Коджона продолжать маневрирование между Японией и Россией с использованием методов тайной дипломатии были, однако, сильно затруднены разгромом пророссийской группировки при дворе. Ее лидер Ли Ёнъик был задержан японскими военными и насильственно вывезен в Япо-

нию, в то время как многие из близких ему по взглядам придворных были высланы в провинцию, вынуждены эмигрировать или сменили внешнеполитическую ориентацию. Правительство оказалось в руках про-японской фракции, подчинившей большую часть высшего чиновничества своему влиянию.

Рис. 4. Японские солдаты высаживаются, в Инчхоне. Февраль 1905 г.

Рис. 5. Карикатурное изображение русско-японской войны в американской газете «Миннеаполис Трибюн» (художник Сепп Линарт). Карикатура подчеркивает пассивную позицию цинского Китая (официально нейтрального), «раздираемого на части» российским казаком и японским солдатом.

Рис. 6. «Завтрак казака» — типичная «шапкозакидательская» российская открытка начального периода войны. В российском обществе бытовало пренебрежительное отношение к потенциалу Японии и японских вооруженных сил, причем разделялось оно частично и прогрессивной интеллигенцией (А.П. Чехов, услышав о военных приготовлениях, сокрушался о «бедной маленькой Японии», которую Россия может уничтожить). Николай II был еще в начале января 1904 г. уверен, что Япония «не посмеет» первой объявить России войну. Расплата за самоуверенность и близорукость не заставила себя ждать...

Поражение российской армии в битве на реке Амноккан (Ялуцзян) 26 апреля — 7 мая 1904 г. и последовавший перенос основных военных действий на маньчжурский театр подорвали надежды Коджона на успешную высадку российских войск в Корее и избавление от японской оккупации. Для Японии, оккупировавшей к тому времени северные районы Кореи и взявшей в свои руки постройку железной дороги Сеул — Ыйджу для перевозки на север войск и военных грузов, это означало, в свою очередь, что Корея останется в ее руках. 18 мая 1904 г. корейский двор под давлением японцев денонсировал все имеющиеся договоры с Россией, тем самым официально встав на сторону Японии в войне против России. 31 мая 1904 г. японский кабинет принял решение дислоцировать японские войска в стратегически важных районах Кореи на постоянной основе, взять в свои руки международные связи корейского государства, а также сократить корейскую армию до небольшого отряда дворцовой охраны. Практически был взят курс на превращение страны в японский протекторат.

Зондируя реакцию двора и чиновничества на дальнейшее проникновение японского капитала в экономическую жизнь страны, японский посланник Хаяси Гонсукэ в июне 1904 г. потребовал от Коджона передать японским предпринимателям все необрабатываемые, но потенциально пригодные для обработки земли Кореи в аренду на 50 лет. В случае ее осуществления, эта мера означала бы, что в Корее появится значительный слой японских поселенцев, которые станут в дальнейшем авангардом в деле полного порабощения страны. Новое кабальное соглашение, навязанное японскими властями корейскому правительству (подписано 22 августа 1904 г.), обязало последнее приглашать японских советников или рекомендованных японцами иностранцев в основные министерства, прежде всего иностранных дел и финансов. Практически это означало передачу под японский контроль внешней и финансовой политики страны. Под нажимом японцев корейское правительство начало отзыв корейских дипломатов из корейских миссий за рубежом. Протестуя против навязанной японцами политики постепенного свертывания дипломатических связей Кореи с иностранными государствами, покончил с собой, приняв яд, корейский посланник в Лондоне Ли Ханын (1874–1905). Корейский посланник в Петербурге, Ли Бомджин, следуя тайному указанию Коджона, отказался покинуть свой пост и остался в России.

Реквизиции и мобилизации японских военных властей, беспрецедентные требования передачи под японский контроль громадных массивов необрабатываемых земель, жесткое давление на корейский двор не могли не вызвать антияпонского сопротивления в самых разных слоях корейского общества. Пассивное сопротивление было политикой Коджона и части лично близких ему чиновников, прежде всего из Ведомства Двора. Не видя в своих подданных *граждан* страны,

Рис. 7. Ли Бомджин (1852–1911) — первый (с июля 1900 г. по начало 1906 г.) дипломатический посланник Кореи в России. После подписания Договора о протекторате (18 ноября 1905 г.) по тайному указанию Коджона остался в Санкт-Петербурге. Указом Николая II на его содержание выплачивалось пособие. Находясь в эмиграции, Ли Бомджин поддерживал тесные связи с национально-освободительным движением в своей стране, оказывая ему политическую и финансовую поддержку. Покончил жизнь самоубийством в знак протеста против аннексии Кореи. Похоронен в Санкт-Петербурге.

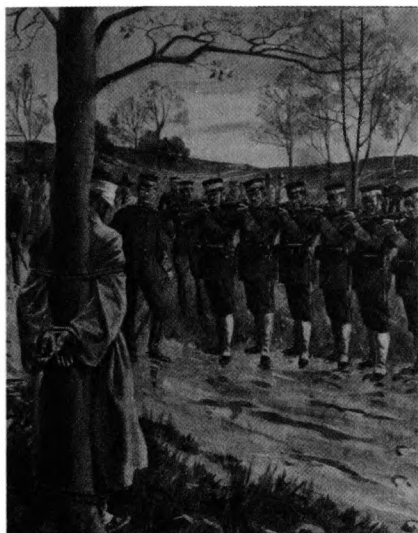

способных отстоять ее независимость и достоинство, и плохо понимая, какую роль должно играть гражданское общество в современном государстве, они продолжали цепляться за старую, обанкротившуюся политику маневрирования между империалистическими державами. Так, в согласии с тайным приказом все-таки надеявшегося на победу России Коджона, на стороне России сражалась Корейская вольная дружина под командованием доверенного лица корейского государя, бывшего начальника над корейским населением приграничных китайских областей Ли Бомюна (1856–1940). В Петербург с тайной миссией к Николаю II был послан летом 1905 г. вернувшийся из Японии Ли Ёньик. В то же время, не понимая сути антироссийской и прояпонской линии правительства президента Т.Рузвельта, Коджон, по рекомендации Мин Ёнхвана, послал еще в ноябре 1904 г. освобожденного из тюрьмы Ли Сынмана — к тому времени ставшего протестантом-методистом и уже хорошо известного американским миссионерам и дипломатам — с тайной миссией к президенту США, естественной, закончившейся неудачей. Опираясь на поддержку общественного мнения, Коджон ответил отказом на наглое требование японской стороны о передаче необрабатываемых земель Кореи в аренду японским предпринимателям, однако общего хода постепенной колонизации страны этот акт переломить не мог. Рупором Коджона должна была стать тайно финансируемая двором газета «Тэхан мэиль синбо», одновременно издававшаяся также и на английском языке (под названием «Korean Daily News») бывшим дворцовым переводчиком Ян Гитхаком (1871–1938) и английским журналистом Эрнестом Бетеллом (1872–1909). Официально зарегистрированная на имя неподсудного корейским или японским властям английского подданного Бетелла, газета могла позволить себе смелую антияпонскую линию и стала к концу 1900-х годов одним из центров радикального антияпонского и прозападного христианского национализма.

В то же время Коджону даже в голову не приходило обратиться к рядовым подданным Кореи с призывом подняться на борьбу за независимость страны, хотя стихийные бунты против произвола японской военщины, насильственных мобилизаций и реквизиций вспыхивали в 1904–1905 гг. в целом ряде районов Кореи. Именно отчуждение режима Коджона как от традиционных крестьянских масс, так и от зарождавшегося стоя мелких и средних торговцев и предпринимателей и предопределило в конечном счете неудачу всех его попыток удержать на плаву тонущий корабль «Корейской Империи». В то время как Коджон продолжал опасно относиться к таким современным формам гражданской организации, как политическое общество (сказался неприятный опыт с «Обществом Независимости!»), японцы повели активную борьбу за умы и сердца средних слоев, организовав в августе 1904 г. с помощью своей марионетки, жившего в Японии с 1895 г. торговца и промышленника Сон Бёнджуна (1857–1925), общество *Ильчинхве* («Единение и Прогресс»). Это общество, возглавлявшееся частью бывших активистов «Общества Независимости» и лидеров *тонхак* и объединявшее заинтересованных в «новых знаниях» мелких чиновников, землевладельцев и торговцев, использовало антироссийскую пропаганду с позиций «желтого» расизма (Россия объявлялась «вечным врагом всей желтой расы») для мобилизации десятков тысяч своих членов на перевозку японских армейских грузов, строительство железной дороги Сеул — Ыйджу и т.д. Расистская пропаганда *Ильчинхве* должна была «подготовить почву» для принятия японского господства наиболее активными и заинтересованными в усвоении современной культуры слоями корейского общества, парализовать развитие национального сознания на антияпонской основе.

В то время как битвы на суше и море между Российской и Японской империями окончательно решали вопрос о том, какая из двух держав будет доминировать на Корейском полуострове в течение следующих десятилетий, японские военные и гражданские чиновники постепенно входили во владение государственным аппаратом и экономикой Кореи. Пока японские армия и военная полиция жестоко подавляли любые попытки активного сопротивления на оккупированной ими территории (по обвинениям в «прорусском шпионаже», «саботаже» и т.д. было казнено приговорами военных судов 257 корейцев), японские советники «реформировали» Ведомство Двора, выведя из его подчинения ряд важных управлений (железнодорожного строительства и т.д.) и лишив его права собирать дополнительные налоги и акцизные сборы. Это выбивало почву из-под ног Коджона, ибо именно не контролировавшиеся кабинетом министров доходы Ведомства Двора использовались им для тайной дипломатии, финансирования «дружественной» прессы и т.д. Японский советник Министерства финансов, выпускник Гарвардского университета Мэгата Танэтаро (1853–1926), передал японскому «Дайити

Рис. 8. Расстрел японскими солдатами корейца, обвиненного в шпионаже в пользу России. Illustrated London News, 25 июня 1904 г.

Гинко» функции центрального банка Кореи и объявил, что в будущем облигации этого банка, наряду с японскими иенами, станут единственной валютой страны. Корейские никелевые монеты, ограниченные теперь в использовании (ими нельзя было, скажем, платить налоги), предлагалось обменивать в отделениях этого банка, но многие из них признавались порченными и обменивались только по заниженной стоимости. Эта «реформа», проводившаяся под предлогом «модернизации корейских финансов», ограбила сотни тысяч крестьян, ремесленников и мелких торговцев, обесценив их сбережения. В то же время находившиеся на счетах «Дайити Гинко» личные средства Коджона были переведены в распоряжение прояпонского кабинета министров. Под контроль японцев перешли корейские почты, японские полицейские инспекторы получили полную власть над провинциальной корейской полицией. Примерно в два раза, до 9 тыс. человек, была сокращена численность корейской армии. К тому времени, как тайный протокол Тафт-Кацура (29 июля 1905 г.), в котором США признавали господство японцев в Корее в обмен на японский отказ от претензий на колонизированные Америкой Филиппины, и поражение России в войне с Японией и признание ею в тексте Портсмутского мирного договора (23 августа / 5 сентября 1905 г.) «преобладающих интересов Японии» в Корее, создали внешнеполитические условия для дальнейшей колонизации страны, ключевые сферы ее хозяйства и администрации уже находились в руках колонизаторов.

Видя, что ни в самой стране, ни за ее пределами не существует более серьезных препятствий к юридическому оформлению японского доминирования на Корейском полуострове, японский кабинет принял 27 октября 1905 г. решение о превращении Кореи в протекторат Японии. Для осуществления этого решения в Сеул отправился «тяжеловес» японской политики Ито Хиробуми, попытавшийся вначале уговорить Коджона на «добровольное» подписание договора о протекторате, который передал бы страну практически под власть японской администрации. Коджон, проявив несвойственную ему твердость, отказался. Тогда Ито, приказав

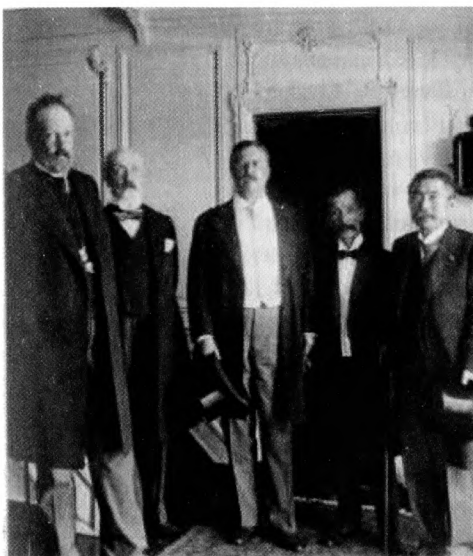

Рис. 9. Подписание мирного договора между Россией и Японией в Портсмуте. В центре — Т. Рузвельт, слева — представитель России граф С.Ю.Витте (1849–1915), второй справа — представитель Японии барон Комура Дзютаро (1855–1911).

изолировать упорно сопротивлявшегося японскому произволу премьер-министра Хан Гюсоля (1848–1930), удовлетворился подписями, поставленными на договоре в ночь с 17 на 18 ноября пяти прояпонски настроенными членами корейского кабинета (Ли Ванъён, Пак Чесун, Ли Гынтхэк, Ли Джиён, Квон Джунхён). Договор, лишавший Корею прав на дипломатические контакты с зарубежными странами и передававший администрацию страны под контроль японского генерального резидента в Сеуле и его подручных на местах, не был даже заверен хранившейся у Коджона государственной печатью. Заполнившей дворец японской солдатне удалось отыскать и использовать в своих целях лишь печать министра иностранных дел Пак Джесуна. Оформленный таким образом договор должен был бы считаться недействительным по всем международным юридическим нормам того времени. Однако ни одна из европейских держав не заявила Японии официальный протест. Как новый член империалистического «клуба», Япония уже получила на практике привилегию попираť нормы международного права в отношении периферийных стран. Тот факт, что первой иностранной миссией, покинувшей Сеул сразу после 18 ноября, была миссия США, на которую Коджон возлагал особые надежды, должен был бы показать Коджону и его окружению полную призрачность их упований на «международное сообщество». Однако, как мы увидим далее, горький урок так и не был усвоен ими до конца.

Рис. 10. Памятное фото — после подписания Договора о протекторате (Ыльса чояк). Сеул, 18 ноября 1905 г. В центре — Ито Хиробуми.

Кабальный договор был встречен в штыки общественным мнением Кореи. Самоубийством выразил свой протест против японского произвола ряд видных политиков, в том числе близкий к американской миссии видный дипломат Мин Ёнхван, чьи надежды на вмешательство США потерпели после 18 ноября полное крушение. Интересно, что, хотя при жизни Мин Ёнхван, соучаствовавший в проводимой Коджоном торговле чинами и должностями, был фигурой весьма малопопулярной, самоубийство сделало его героем в образованной среде: столь сильна была антипатия по отношению к японцам и их корейским лакеям. Пятеро министров, подписавших договор о протекторате, получили прозвище «пяти предателей» и стали мишенями для всеобщего гнева и презрения. Показательно, что, несмотря на сопровождавшие их повсюду японские полицейские эскорты, трое из них подверглись покушениям, причем один из них, чье имя стало синонимом предательства, — прояпонский политикан Ли Ваньён (ранее заигрывавший с российской и американской дипломатией) — всю жизнь не мог оправиться от ножевой раны, нанесенной ему в 1909 г. протестантом-националистом Ли Джэ-мёном (1890–1910).

Рис. 11. Ли Ваньён — глава прояпонской группировки, самая одиозная фигура корейской истории начала XX век. Сыграл большую роль в отречении Коджона от престола 21 июля 1907 г. Его подпись стоит на Договорах о протекторате (1905) и об аннексии Кореи (1910). За эти «заслуги» перед японцами был награжден титулом графа и суммой в 150 тыс. иен.

Мсть «пяти предателям» и их пособникам стала целью для целого ряда тайных групп вставших на националистические позиции конфуцианских интеллигентов. Лидером одной из таких групп был, например, известный конфуцианский ученый из провинции Чолла, На Чхоль (1863–1916), создавший позже (в 1908 г.) основанную на поклонении «предку нации» Тангуну религию *тэджонгё*.

Однако всеобщее возмущение произволом японцев и предательством чиновной верхушки не являлось особым препятствием в осуществлении японских колониальных амбиций, за которыми стояла прежде всего вооруженная сила. Ито Хиробуми, вступивший с марта 1906 г. в обязанности японского генерального резидента (кор. *тхонгам*, яп. *токан*) в Корею, и подчиненные ему 12 провинциальных резидентов очень скоро сосредоточили в своих руках административную власть через разветвленный аппарат японских «советников» и «помощников», назначавшихся теперь в каждое министерство и ведомство и к каждому из 13 провинциальных губернаторов. На самом верху административной системы Коджон лишился права публиковать указы и распоряжения без согласия министров кабинета, подбиравшихся из числа про-японских бюрократов и решавших основные вопросы жизни страны на еженедельных заседаниях «Комитета по административным реформам» в резиденции Ито Хиробуми. Внизу же командовавшие расквартированными в провинциях японскими военными частями офицеры, японские резиденты, а также японские полицейские и юридические советники при провинциальных губернаторах оставили корейской бюрократии чисто технические функции. Несколько десятков японских военных и полицейских офицеров, дислоцированные в каждом из 333 уездов страны, стали реальной властью на местах. Из компетенции корейских провинциальных чиновников — губернаторов и начальников уездов — был исключен сбор налогов, которым занимались теперь подчиненные японской администрации налоговые управления (36 главных и сборщики налогов в каждой волости-*мён* в их подчинении).

Однако, как замечал в своих мемуарах («*Мэчхон ярок*» — «Неофициальные записи Мэчхона») известный конфуцианский патриот и талантливый поэт Хван Хён (литературный псевдоним — Мэчхон; 1855–1910), «даже при том, что японские солдаты и полицейские зачастую позволяли себе издеваться над корейскими начальниками уездов, пинать и оскорблять их, почти никто из уездных начальников не покинул своих должностей». Средние и крупные землевладельцы — а именно из этой прослойки в основном рекрутировалось высшее и среднее провинциальное чиновничество — зачастую охотно шли на сотрудничество с колонизаторами, ибо японская власть показывала себя гораздо более эффективной, чем двор Коджона, в деле подавления угрожавших собственникам народных протестов. Кроме того, новые японские порядки позволяли землевладельцам-ростовщикам безнаказанно и эффективно

отбирать заложенные крестьянами земли, регистрировать общинные земельные участки как свою личную собственность. Современное сознание зачастую принимало у этой компрадорской прослойки колониально-периферийную форму, где на месте «нормального» буржуазного национализма оказывалось холуйское поклонение перед «передовой японской культурой».

Видя, как почва постепенно уходит у него из-под ног и опасаясь лишиться последних остатков власти и влияния в недалеком будущем, Коджон решился летом 1907 г. на самый смелый из всех когда-либо предпринятых им шагов. Он послал двух своих доверенных лиц — знавшего русский и английский языки бывшего замминистра юстиции Ли Сансоля (1870–1917) и близкого к Ли Ёнькику прокурора Ли Джуна (1859–1907) — на 2-ю Международную мирную конференцию в Гааге (состоялась 15 июня — 18 октября 1907 г.) с поручением выступить там с разоблачением сфабрикованного японцами договора о протекторате. На пути в Гаагу к Ли Сансолю и Ли Джуну присоединился Ли Виджон — хорошо владевший французским языком сын бывшего корейского посланника в Петербурге Ли Бомджина, отказавшегося возвращаться на оккупированную японцами родину и продолжавшего анти-японскую борьбу в эмиграции в России.

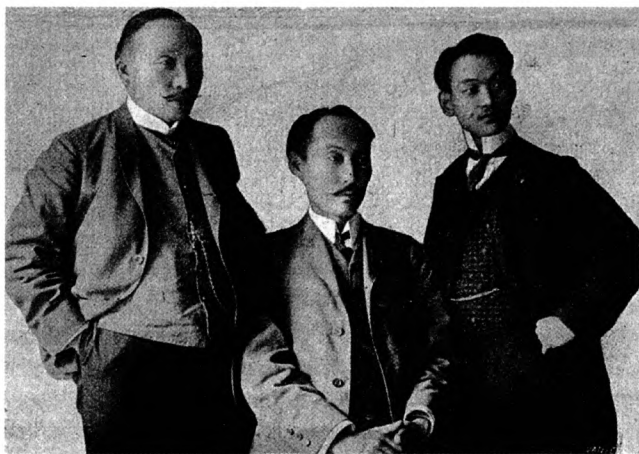

Рис. 12. Посланники императора Коджона на Второй Международной мирной конференции в Гааге — Ли Сансоль, Ли Джун и Ли Виджон. Фото из бюллетеня конференции от 5 июля 1907 г.

Коджон, по-видимому, так и не оставил до конца надежду на то, что ранее связанные с Кореей договорными обязательствами государства Запада окажут на Японию нажим, чтобы та приостановила колонизацию страны. Ожидания эти были, естественно, наивны. Дипломатам за-

падных стран было прекрасно известно без всяких новых разоблачений, что договор о протекторате был навязан корейскому кабинету в нарушение всех международных правовых норм. Однако ни одна из западных держав не собиралась заступаться за Корею. Для одних (Великобритания) Япония была союзницей, другие (США) видели в японском владычестве на полуострове гарантию неприкосновенности своих коммерческих интересов, для остальных же (Германия, Франция) насилия Японии в Корее были лишь незначительным эпизодом мировой колониальной эпопеи, не затрагивавшим их существенных интересов. Председатель конференции, российский посол во Франции А.И. Нелидов (1835–1910), в полном согласии со своими коллегами — представителями западных держав, категорически отказался дать слово на заседаниях конференции посланцам Коджона.

Пламенные выступления Ли Сансоля и Ли Джуна с обличениями творимых японцами в Корее насилий нашли некоторый отклик в западной прессе, и то главным образом радикальной и социалистической, но никакого влияния на позицию держав по корейскому вопросу не оказали. Ли Джун скоропостижно скончался от отчаяния и гнева уже через несколько дней пребывания в Гааге; а в это же время запуганный Ито Хиробуми и Ли Ваньёном Коджон официально объявил собственных посланцев «самозванцами» и подтвердил «подлинность» всех соглашений с Японией. Но ни отречение от собственных верных подданных, ни вынесенный Ли Сансолю корейским судом заочный смертный приговор (Ли Сансоль остался в эмиграции во Владивостоке) уже не могли помочь Коджону. С точки зрения японского кабинета неумелая дипломатия корейского «императора» предоставляла новые возможности для дальнейшего закрепления японских позиций в стране, и на пути к этой цели Коджон был лишь препятствием. 21 июля 1907 г., во дворце, занятом несколькими сотнями японских солдат, под давлением Ли Ваньёна и прояпонских чиновников его группировки (один из них, бывший выпускник японской военной академии Ли Бёнму, даже угрожал собственному государю саблей!), Коджон был вынужден отречься от престола в пользу своего безвольного сына Ли Чхока (1874–1926), впоследствии получившего посмертное тронное имя Сунджон.

Последнее препятствие в деле полной колонизации страны было, таким образом, устранено из корейской политики. Через три

Рис. 13. Отречение Коджона. Японская карикатура 1907 г., изображающая теперь уже бывшего императора Кореи в виде бедняка, покидающего дворец с котомками через плечо и банковской чековой книжкой в руке.

Рис. 13. Отречение Коджона. Японская карикатура 1907 г., изображающая теперь уже бывшего императора Кореи в виде бедняка, покидающего дворец с котомками через плечо и банковской чековой книжкой в руке.

дня после этого корейскому кабинету было навязано новое соглашение с Японией, дававшее возможность назначать рекомендованных генеральным резидентом японцев на все официальные посты в Корее вплоть до уровня заместителей министров и требовавшее от корейского правительства следовать руководству генерального резидента во всех сколько-нибудь значимых политических актах. Секретный протокол к этому соглашению предусматривал окончательный роспуск корейской армии, что делало независимость Кореи не более чем фикцией.

Хотя режим Коджона до самого своего конца так и не решился использовать армию для защиты независимости страны, само существование корейских вооруженных сил, а также антияпонские настроения

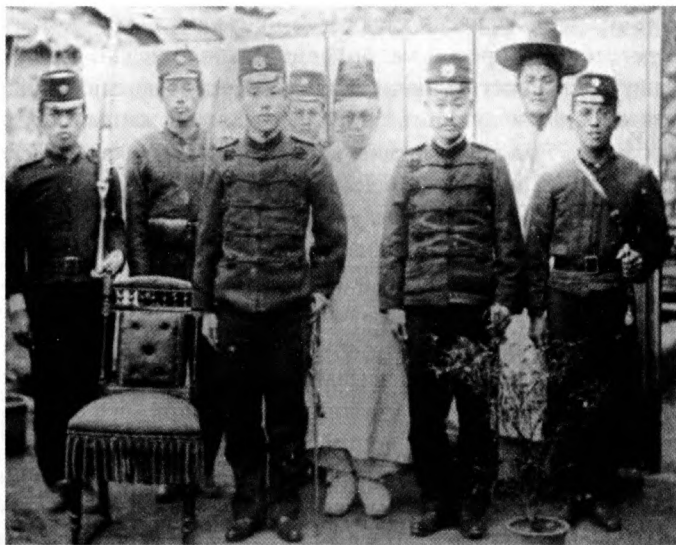

Рис. 14. Церемония роспуска старой корейской армии 1 августа 1907 г.

среди солдат и части офицерства, проявившиеся, в частности, в вооруженных столкновениях между корейскими военными и японской полицией 19 июля 1907 г. на улицах Сеула, были потенциальной угрозой японским планам. Поэтому одним из первых актов японцев после отречения Коджона от престола было опубликование от имени Сунджона указа о роспуске корейской армии (31 июля 1907 г.). Попытки солдат столичного и нескольких провинциальных гарнизонов оказать сопротивление японскому произволу не имели особого успеха — большая часть амуниции и оружия уже была в японских руках. В конце концов, финальная «реорганизация» корейской армии в конце 1907 г. оставила Сунджону в качестве личной охраны всего 644 пехотинца и 92 кавалериста, но и те находились под японским командованием.

Насильственный роспуск армии, вкупе с отречением Коджона и назначением японцев на основные посты в ключевых министерствах и ведомствах, вызвало взрывы народного возмущения и в столице, и в провинциях. Дома некоторых министров-предателей, в том числе Ли Ванъёна, были сожжены разгневанными толпами, а они сами с их семьями — вынуждены искать убежища в хорошо охраняемом японском квартале столицы (современный квартал Мёндон). Действия антияпонских «армий справедливости» в провинциях привели почти к полному параличу местной администрации. Ответом на активизацию народного сопротивления было ужесточение репрессий, формирование на корейской земле казарменного военно-колониального режима, опиравшегося на грубую силу, а также на своекорыстную поддержку части средних и крупных землевладельцев и привлекаемых на японскую службу деклассированных элементов. В Корею были дополнительно присланы японские подкрепления численностью около 7500 человек, всю территорию страны покрыли опорными пунктами японской военной жандармерии — *кэм-пэй* (их было 457), а в дополнение к 2369 японским военным жандармам набрали еще 4065 корейских помощников, в основном из числа деклассированных элементов, готовых участвовать в расправах над соотечественниками. Под предлогом «модернизации» юридическая система Кореи была полностью изъята из ведения провинциальной корейской администрации и объявлена «независимой». В реальности это означало, что назначаемые теперь прокурорами и судьями в Корею японские юристы могли больше не оглядываться на корейскую администрацию, вынося жестокие приговоры участникам антияпонского сопротивления. В октябре — ноябре 1909 г. контроль над тюремной системой и судопроизводством был полностью передан японской администрации. Распоряжением от 3 октября 1908 г. полиция получила право наказывать мелких правонарушителей штрафами и тюремным заключением вообще безо всякого суда, в административном порядке. При этом к корейцам — «согласно корейской традиции и практике» — разрешалось применять телесные наказания, к японцам не применявшиеся. «Модернизированные» японские законы запрещали пытки и бессудные расстрелы, но на практике и то, и другое могло быть применено к любому корейцу, подозреваемому в связях с сопротивлением.

Введение в Корею казарменного колониального режима сыграло значительную роль в процессе роста японского капитализма, ибо давало Японии привилегированный рынок для ее товаров, снабжало ее растущее городское население дешевым рисом, а также предоставляло «лишнему» населению Японии возможность «попробовать счастье» на Корейском полуострове в качестве колонистов. Вытесняя и разоряя корейских производителей, японский текстиль захватил к 1910 г. уже около 60% корейского рынка. В обмен Корея поставляла рис, бобовые и

хлопковое сырье для японских фабрик, но нестабильность цен на продовольственные и сырьевые товары приводила к тому, что отрицательный баланс корейской внешней торговли составлял к концу 1910-х годов ежегодно 20–30%. Средства корейских потребителей перекачивались в растущую индустриальную экономику Японии. Количество японских поселенцев в Корее выросло с 25 тыс. в 1903 г. до 145 тыс. в 1909 г., и общий капитал их коммерческих предприятий составлял приблизительно 10 млн. иен. Многие из них делали себе состояния скупкой крестьянских земель и эксплуатацией труда корейских арендаторов, а также ростовщичеством, часто практикуя худшие формы насилия, произвола и обмана в отношении корейского населения. Для покрытия расходов на содержание войск и администрации в Корее японцы провели в 1906 г. тщательную всеобщую перепись населения, приступили с 1907 г. к составлению нового земельного кадастра, а также ввели новые акцизные сборы на важнейшие потребительские товары — соль, алкоголь, табак. Собранные с обездоленных крестьян налоги тратились также на строительство, в добавление к уже существовавшим железнодорожным линиям Сеул — Пусан и Сеул — Ёйджу, шоссейных дорог, связывавших торговые центры внутри страны (Тэгу, Кванджу, Чонджу) с портами (Ёниль, Кунсан, Мокпхо). Эти работы, проводившиеся под вывеской «модернизации и прогресса», на деле обеспечивали японской армии лучшие возможности контролировать внутренние районы страны, а также облегчали сбыт японских товаров в корейской провинции.

При всех «успехах» в деле закабаления Кореи и подавления антияпонского освободительного движения — только за 1907–1909 гг. японцами было убито 17 тыс. и ранено 36 тыс. участников «армий справедливости» и подозревавшихся в связях с ними — темпы колонизации Кореи не удовлетворяли праворадикальные круги японского истеблишмента. В частности, находившийся в Корее в качестве советника генерального резидента лидер тайного «Общества реки Амур» (*Кокурюкай*)¹ Утида Рёхэй (1874–1937) использовал свои близкие связи с авторитетнейшим политиком официальной Японии, князем Ямагата Аритомо (1838–1922), и премьер-министром князем Кацура Таро (1847–1913) для того, чтобы обвинить Ито Хиробуми в «медлительности и чрезмерной осторожности».

С точки зрения правых радикалов, немедленное присоединение Кореи к Японии в качестве «нормальной» колонии, а не протектората,

---

¹ Созданная в 1901 организация правых экстремистов, ставившая своей целью создание «Восточно-Азиатской Империи» под японским господством, а в перспективе — «полное вытеснение белой расы из Азии». В преддверии русско-японской войны активно занималась шпионажем на российском Дальнем Востоке, стремилась к установлению контактов с российскими и китайскими революционными кругами (особенно с Сунь Ятсеном и его сторонниками), желая в случае революций в Китае и России обеспечить возможности для оккупации Японией Северо-Восточного Китая, Приморья и Сибири. Поддерживала активные связи с военной и политической элитой Японии.

обеспечило бы Японию надежной базой для дальнейшего «расширения имперских территорий» в Азии, а также позволило бы более эффективно расправляться со всеми попытками антиколониального сопротивления. В качестве аргумента в пользу немедленного присоединения Кореи Утида и его сторонники использовали акции возмездия корейских патриотов внутри и вне страны, в частности, убийство Чон Мёнуном и Чан Инхваном в Сан-Франциско 23 марта 1908 г. служившего японцам американского советника бывшего корейского Министерства иностранных дел Д.В.Стивенса, чья кампания по пропаганде «японских достижений в модернизации Кореи» в США щедро финансировалась японским правительством.

В значительной мере под влиянием праворадикальной пропаганды японское правительство взяло с марта 1909 г. курс на ликвидацию последних остатков суверенитета Кореи. С июня 1909 г. на должность генерального резидента вместо Ито заступил сторонник более радикальных действий в корейском вопросе барон Сонэ Арасукэ (1849–1910), а 6 июля 1909 г. японский кабинет принял решение о полной аннексии Кореи сразу по получению согласия на это держав Европы и США.

Убийство корейским патриотом Ан Джунгыном (1879–1910) одного из главных архитекторов японской политики в Корее, Ито Хиробуми, на вокзале в Харбине 26 октября 1909 г. — акт антиколониального сопротивления, вдохновивший немало борцов с агрессией японского империализма, — также было активно использовано японской пропагандой для дискредитации корейского национального движения, особенно в странах Европы и США, где Ито был весьма известен.

Вскоре после совершенного Ан Джунгыном акта возмездия в отношении Ито тайно финансировавший прояпонское общество *Ильчинхве* Утида инициировал подачу этой организацией «Прошения о присоединении Кореи к Японии», которое должно было создать для западной и японской публики иллюзию господства японофильских настроений в общественном мнении Кореи. Это пропагандистское шоу вызвало взрыв негодования по всей стране, но, вне зависимости от воли и желания корейцев, активная подготовка к полной аннексии их страны уже велась за кулисами. В апреле-

мае 1910 г. тайное согласие на окончательный захват Кореи было получено от России и Великобритании, а в июле на должность генерального резидента прибыл генерал Тэраути Масатакэ (1852–1919), убежденный экспансионист, чьей задачей было формальное оформление колонизации страны.

Рис. 15. Национальный герой корейского народа Ан Джунгын (1879–1910).

Рис. 16. Ан Джунгын в тюрьме, перед исполнением вынесенного ему смертного приговора (март 1910 г.), диктует прощальное письмо матери.

К началу июня он разработал основные принципы колониального управления Кореей. Японский генерал-губернатор Кореи должен был назначаться из числа генералов или адмиралов действительной службы, подчиняться непосредственно императору (минуя парламент), обладать правом издания действительных на территории Кореи указов и распоряжений, а также финансировать администрацию Кореи по возможности из собираемых в Корее налогов. Корея должна была, таким образом, управляться японской военной олигархией на принципах казарменной дисциплины, вне контроля даже со стороны представительных законодательных институтов Японии, не говоря уже о самом народе Кореи, который лишился прав на создание каких бы то ни было политических организаций. После достижения с прояпонским кабинетом Ли Ваньёна соглашения по поводу будущего статуса корейского «императорского» дома обе стороны подписали 22 августа 1910 г. «Договор о присоединении Кореи к Японии», сделавший Корею японским «генерал-губернаторством Тёсэн». Этот день капитуляции комрадорской верхушки старой Кореи перед военной олигархией империалистической Японии вошел в историю Кореи как «день национального позора». Корею, обреченной теперь на роль бесправной сырьевой периферии японского капитализма, предстояла долгая борьба за право на самостоятельное развитие.

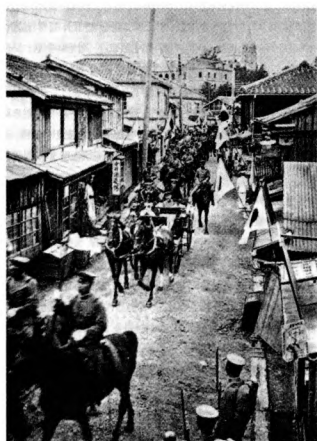

Рис. 17. Торжественное прибытие в Сеул нового генерал-резидента Кореи Тэраути Масатакэ. 23 июля 1910 г.

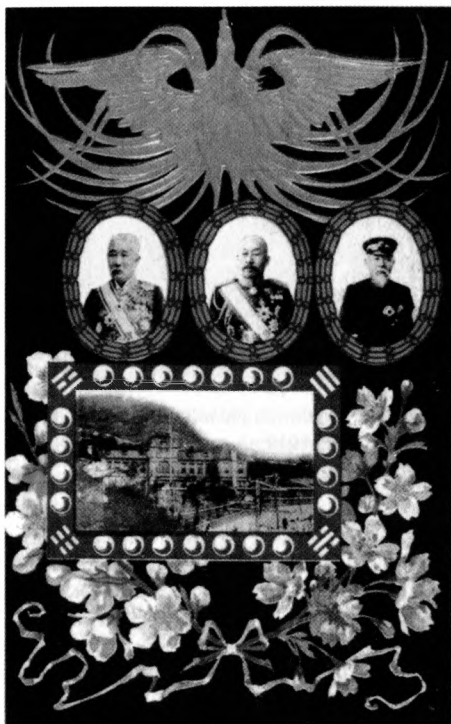

Рис. 18. Памятная открытка, выпущенная в Японии в связи с аннексией Кореи (1910). На ней изображены портреты первых трех японских генерал-резидентов в Корее и здание генерал-губернаторства в обрамлении цветущих ветвей.

Рис. 19. Праздничное приложение к газете «Осака симбун», выпущенное в связи с аннексией Кореи. Август 1910 г. На развороте изображены члены правящих домов двух стран (для Кореи — бывших) и видные чиновники. На карте Кореи указаны население по ее административным районам и сведения о производимых в них товарах.

б) Сопротивление японскому колониализму и формирование националистических идеологий в Корее (1905–1910)

Постепенная потеря реальной власти двором Коджона, незаконная оккупация страны японской армией в ходе русско-японской войны, кабальный договор о протекторате, насилия и произвол японцев на местах, и наконец, отречение Коджона и роспуск армии вызвали шквал протеста в корейском обществе. В то время как для многих представителей образованных слоев уже в 1904–1905 гг. было ясно, что поражение России и провал проводимой Коджоном политики маневрирования между великими державами открывают японцам путь к полному порабощению страны, патриотическое возмущение крестьянских масс подстегивалось также ухудшением условий жизни из-за роста цен на экспортируемый в Японию рис, разорением традиционной кустарной индустрии деревни в конкуренции с японской промышленностью, произволом японской армии и властей. Позитивно относились к процессу колонизации лишь немногочисленные, хотя и довольно влиятельные среди части «новой» интеллигенции, компрадорские слои: средние и крупные землевладельцы, ассоциировавшие японцев с «порядком и защитой частной собственности», учившиеся в Японии бюрократы (258 человек за 1895–1910 гг., т.е. около 7,5% от всей численности корейской центральной бюрократии) и часть выпускников «новых» школ, которым японское владычество открывало карьерные перспективы, записывавшиеся в помощники к японским жандармам или в сборщики налогов выходцы из маргинальных слоев. Для большинства же корейцев колонизация поставила вопрос о необходимости сопротивления агрессорам, как для защиты абстрактного «суверенитета» страны, так и для отстаивания более конкретных ценностей — конфискованных для «военных целей» земель, облагаемых все более тяжелыми налогами доходов, подвергавшихся насилиям японской солдатни родных и близких.

Как это часто случалось в подвергшихся империалистической агрессии периферийных зонах, антиколониальное сопротивление приняло в Корее в конце 1900-х годов две основные формы. С одной стороны, стихийный протест крестьянских масс выливался в основном в вооруженное антиколониальное движение «армий справедливости» *ыйбён* во главе с местной конфуцианской элитой (обычно неслужилые средние и мелкие землевладельцы), которые воевали под лозунгами восстановления традиционных порядков в более совершенной, близкой к конфуцианским канонам форме. С другой стороны, патриотическая часть «новой» интеллигенции, в определенной степени продолжая традиции «Общества Независимости», видела своей целью превращение Кореи в конституционную монархию с сильной армией и капиталистической экономикой по образцу Японии и стран Западной Европы, а основной задачей интеллектуа-

лов-просветителей считала «развитие народных сил», прежде всего через распространение современного образования и националистической идеологии. В то же время различные группы в конфуцианской интеллектуальной среде, не отказываясь от конфуцианства и не переходя целиком на модернистские позиции, признавали необходимость «спасения нации» через распространение современных знаний, институтов и навыков.

1. Движение «армий справедливости» — *ыйбён*

Движение «армий справедливости», начало которому было положено сразу после опубликования договора о протекторате, не утихало вплоть до полной аннексии страны в 1910 г., продолжаясь, по сведениям некоторых источников, какое-то время и после окончательной гибели самостоятельной корейской государственности — приблизительно до 1911 г. Движение — несмотря на то, что в 1907 г. был организован подпольный штаб лидеров «армий справедливости» всех 13 корейских провинций, — носило, прежде всего, локальный характер. Отряды *ыйбён* формировались из местных крестьян (прежде всего бедняков и безземельных) по инициативе и зачастую на средства авторитетных конфуцианских лидеров, и редко пытались действовать за пределами «своих» регионов. Подобный характер движения был одновременно и силой *ыйбён*, и их слабостью. С одной стороны, японцам и их местным пособникам было крайне нелегко «искоренить» отряды «армий справедливости», всегда пользовавшиеся симпатией и безусловной поддержкой большинства местных жителей. Этим и объясняется способность многих отрядов, не имевших ничего, кроме фитильных ружей и бамбуковых пик, держаться по нескольку лет в неравной борьбе с оснащенными самыми современными видами вооружений колонизаторами. С другой стороны, недостаток координации между различными региональными лидерами мешал *ыйбён* проводить согласованные акции, поневоле сужал их задачи, сводя их к отстаиванию от врага «своих» провинций и уездов. Притом, что немалое число крестьян уходило в *ыйбён*, не выдержав ростовщической эксплуатации, повышения арендной платы местными и японскими землевладельцами, роста цен на рис и налогового гнета, мотивация лидеров движения имела в основном ярко выраженный традиционалистский характер. Будучи сторонниками сложившегося уже в 1870–80-е годы движения «в защиту ортодоксии, против ереси» (*виджон чхокса*), они стремились не просто защитить независимость страны, но и отстоять Корею как последний оплот конфуцианской морали от «варваризации» под японским и европейским влиянием. Эта консервативно-традиционалистская идеология в основном разделялась, хотя бы и на пассивном уровне, и рядовыми *ыйбён* из крестьян. Здесь сказывался и патриархальный уклад корейской деревни того времени, с присущим ей отношением к *янбанам* — особенно мелкопоместным, т.е. прямо не эксплуатировавшим своих соседей —

как «моральным лидерам», и осознание того, что именно торговля с «варварами» подталкивает малоимущие слои к разорению. Отражая повсеместную ненависть к колонизаторам, а также высокий авторитет местной конфуцианской элиты, *ыйбён* 1905–1911 гг. стали, пожалуй, самым массовым политическим движением в Корее со времен *тонхак*. В них участвовало до 140 тыс. человек, их потери ранеными и убитыми в более чем 2800 схватках с колонизаторами и их присными составили около 53 тыс. бойцов.

Рис. 20. Казнь захваченных в плен бойцов «армии справедливости». Фото из французского журнала L'Illustration. 1907 г.

Одним из идеологов и наиболее авторитетных вождей «армий справедливости» 1905–1911 гг. был известный конфуцианский ученый Лю Инсок (1842–1915), в свое время уже подымавший *ыйбён* на борьбу с японцами и их ставленниками в корейском правительстве в 1895–1896 гг. В 1907–1908 гг. его ученик, бывший мелкий военный чиновник Ли Ганнён (1858–1908), руководил отрядами *ыйбён*, фактически державшими под контролем значительную часть провинций Северная Чхунчхон и Канвон. После поражения и гибели Ли Ганнёна в 1908 г. Лю Инсок эмигрировал во Владивосток, а затем до самой смерти работал над организацией вооруженного сопротивления японцам среди корейского населения Северо-Восточного Китая. Конечной целью борьбы с захватчиками для Лю Инсока, как и для других приверженцев движения «в защиту ортодоксии, против ереси», было возвращение к идеализируемым им конфуцианским порядкам внутри самой Кореи и восстановление традиционных форм международных отношений в Восточной Азии в целом. Его идеалом была патриархальная монархия, в которой на деле первую скрипку играли бы оттесненные в правление Коджона кланом Минов и столич-

Главной опасностью для Кореи была, с точки зрения Лю Инсока, даже не агрессия Японии, а проникновение в страну «заморских ересей». Он имел в виду в первую очередь христианство, а также идеи свободы и равенства, которые он именовал не иначе, как «худшей из всех ересей, способной известить все человечество и разрушить Небо и Землю». Защита Лю Инсоком старой сословной системы, а также его выступления против «воспитывающих детей аморальными зверьми» школ современного типа были явственно связаны с опасениями в той среде, к которой он сам принадлежал — мелкопоместных местных *янбанов*, — потерять авторитет и влияние на местах в ходе модернизационных процессов. С другой стороны, ненависть Лю Инсока к японским захватчикам, в которых он видел «врагов небесных устоев, зверей в человеческом облике», его призывы к полному прекращению разорительной торговли с Японией не могли не привлечь значительную часть бедняков на его сторону. Как и большинство других вождей «армий справедливости» из *янбанской* среды, видевших себя представителями конфуцианской государственности, ученики Лю Инсока поддерживали строжайшую дисциплину в отрядах *ыйбён*. Под страхом смерти запрещая грабить крестьян, они закупали продовольствие и амуницию или на деньги зажиточных «спонсоров» движения из *янбанской* среды, или же на средства, изъятые в качестве «налога» (с выдачей соответствующих документов) у местных богачей и администраторов. В то же время беспощадному возмездию подвергались японцы и их местные приспешники. Смертная казнь ждала и рядовых членов отрядов *ыйбён*, посмеявшихся, скажем, не выразить *янбанам* должного почтения.

Большинство лидеров *ыйбён* было неслужилыми мелкопоместными *янбанами*. Одним из исключений являлся Мин Джонсик (1861–1917) — обосновавшийся в Чонсане (пров. Южная Чхунчхон) выходец из господствовавшего при дворе клана Минов, дослужившийся до заместителя министра и ушедший со службы после трагической гибели государыни Мин в 1895 г. Подняв экипированный на собственные средства, а также деньги сочувствовавших ему местных *янбанов* более чем тысячный отряд в мае 1906 г. под лозунгом «спасти народ, вернуть суверенитет страны, отомстить пяти министрам-предателям и японцам», он через неделю сумел занять укрепленный уездный город Хонджу (пров. Южная Чхунчхон) и уничтожить несколько мелких групп японских солдат. Однако уже через десять дней к Хонджу подошли японские подкрепления, быстро снесшие залпами своих пушек крепостные ворота и убившие или пленившие в последовавшей за этим двухчасовой схватке примерно четвертую часть бойцов Мин Джонсика — ведь только у половины из защитников Хонджу было огнестрельное оружие. Потери же самих японцев составили лишь 14 человек. Бежавший из пылавшего Хонджу Мин Джонсик пытался и после

этого поднять провинцию Южная Чхунчхон на борьбу, но был через несколько месяцев схвачен японскими агентами по доносу одного из их корейских агентов. Интересно, что, как явствует из мемуаров Хван Хёна («*Мэчхон ярок*»), жена Мин Джонсика, пытавшаяся собрать средства в помощь томившемуся в тюрьме мужу, получала отказ всякий раз, как она обращалась к какому-либо из членов клана Мин, занимавшему видный пост. Для пресмыкавшейся перед агрессорами высшей бюрократии политическая благонадежность была важнее традиционных норм клановой солидарности. В то время как большая часть схваченных карателями приверженцев Мин Джонсика была приговорена к смерти или пожизненной ссылки, сам он провел в ссылке лишь несколько месяцев, вернулся к концу 1907 г. по амнистии домой (возможно, сказались его знатность и бывшее служебное положение), но больше в общественной жизни не участвовал, страдая до самой смерти от последствий зверских пыток, которым его подвергли после ареста.

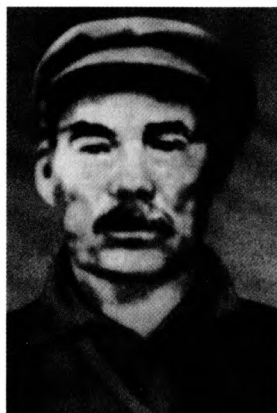
Полной неудачей, хорошо показавшей все слабые стороны движения *ыйбён* в целом, закончилось и выступление известнейшего идеолога конфуцианского консерватизма Чхве Икхёна (1833–1906), сразу после поражения Мин Джонсика попытавшегося, вместе с приблизительно 80 своими учениками, поднять против захватчиков провинцию Северная Чолла. В течение нескольких дней число бойцов в отряде Чхве Икхёна выросло со 100 до 800 — столь велика была ненависть крестьянства Чолла к японским солдатам и торговцам. Однако лишь четверть подчиненных Чхве Икхёна имела хотя бы какое-нибудь огнестрельное оружие. Сам же Чхве Икхён, преисполненный желания пожертвовать собой в борьбе с японскими оккупантами, отказался от схватки и сразу же распустил свой отряд, как только понял, что ему противостоят посланные по приказу Коджона провинциальные корейские части — в роли мятежника он себя представить не мог. Героическая смерть Чхве Икхёна в ссылке на острове Цусима от истощения после голодовки протеста против издевательского обращения со стороны японских властей (кроме того, Чхве Икхён в принципе не желал принимать пищу из рук врагов) всколыхнула широкие слои корейской конфуцианской интеллигенции. С другой стороны, нельзя не отметить, что именно бескомпромиссное следование букве конфуцианской ортодоксии со стороны Чхве Икхёна («нельзя сражаться против государевых войск»), вкупе с отсутствием у *ыйбён* современного оружия в достаточном количестве, сделано попытку сопротивления практически безрезультатной.

Если в провинциях Чхунчхон и Чолла вождями *ыйбён* 1906 года были в основном консервативные *янбаны*, иногда сразу распускавшие свои отряды после того, как их подчиненные-крестьяне начинали грабить богачей, то в провинции Северная Кёнсан видную

роль в руководстве движением играли радикально настроенные выходцы из простонародья или низших слоев господствующего класса. Почти легендарной фигурой стал, скажем, вождь действовавших в районах гор Ирвольсан повстанцев Син Дольсок (1878–1908). Выходец из разорившегося *янбанского* рода (отец был мелким уездным чиновником без жалованья), одно время бродяжничавший и прославившийся смелостью и силой в стычках с японскими солдатами и торговцами, Син Дольсок выступил на борьбу в марте 1906 г. с тремя сотнями соратников, но вскоре привлек к себе до трех тысяч человек. Его отряд продержался более двух лет, искусно ведя настоящую партизанскую войну с японскими войсками: когда возможно, атакуя и захватывая уездные города, расправляясь со служившими японцам чиновниками, а при подходе японских подкреплений сразу же скрываясь в горах. Борьба с дружинами Син Дольсока потребовала от японцев немало сил, но в ноябре 1908 г. народный вождь погиб от руки предателя.

Несколько позже, в сентябре 1907 г., на борьбу с японцами и местной компрадорской верхушкой выступил в далеком северном городе Капсане (провинция Южная Хамгён) бывший солдат провинциального гарнизона Хон Бомдо (1868–1943), которому позже суждено было сыграть немалую роль в антияпонском сопротивлении корейцев российского и советского Дальнего Востока. Колоритный человек с тяжелым жизненным опытом, к 1907 г. уже получивший известность в северных районах Кореи за свои беспощадные расправы с прояпонскими элементами, сменивший на своем веку немало профессий (был ремесленником в бумажной мастерской, рабочим на рудниках, охотником и даже буддийским монахом), Хон Бомдо прославился как Робин Гуд корейского Севера. Под угрозой смерти отбирал он деньги и имущество у богачей и раздавал их семьям своих погибших бойцов и соседним беднякам.

Рис. 22. Хон Бомдо (1868–1943), корейский Робин Гуд. Его первые шаги на ниве борьбы с японскими агрессорами колоритно описаны в составленной им самим уже в 1932 г. автобиографической справке: «В 1894 году в дер. Максиль (рядом с табачным селением Чоннён), лишив трёх корейцев жизни, являвшихся сторонниками японского монархизма, бежал из с. Чоннён, где я тогда работал на бумажной фабрике, в горное селение Чхорвон, провинции Канвондо, где я впервые организовал отряд инсургентов в 300 человек для борьбы с японским хищником». Впоследствии о беспощадных и бесстрашных народных мстителях из отрядов Хон Бомдо корейцы в северной части Кореи и советском Приморье складывали легенды.

Характер его деятельности хорошо показывают отрывки из «Дневника» — своеобразной беллетризированной автобиографии, составленной им уже на склоне лет, в 1942 г., по просьбе режиссера корейского театра в Кзыл-Орде (где тогда жил и позже скончался народный герой), собиравшегося ставить спектакль по мотивам его жизни. Эти отрывки хорошо показывают ожесточенность и беспощадность той борьбы, что развернулась в провинциальной Корее накануне японской аннексии, а также и глубину социально-политических противоречий, порождавших подобное ожесточение:

«Чи Соджу — это был такой капиталист, который из трехлетнего жалования своим работникам недоплачивал за семь месяцев. Мы ночью пришли к нему домой и убили его»

«14 декабря 1907 г. заняли уездный город Самсу, добыли там 294 ружья и 160 ящиков пороха. Уездного начальника, некоего Ю, обезглавили, а голову его посадили на высокий шест и выставили на всеобщее обозрение»

Мстя «Робин Гуду северных гор», японцы и их приспешники запытали до смерти его жену и старшего сына. О смерти жены «Дневник» рассказывает так:

«18 февраля 1908 г. члены *Ильчинхве* Им Чэдок, Ким Вонхон, Чхве Джонок и с ними 103 японских солдата и 80 корейских приспешников захватили мою жену и сына, решив, что они что-то про нас знают. Жену пытали, просовывая ей горящий фитиль через пальцы ног, и довели до полусмерти, но она им ни слова не сказала. Ее увели в уездный город Капсан и там уже запытали до смерти».

Рис. 23. Члены одного из «отрядов самообороны» (*чавидан*), которые создавались при японском активном участии прояпонским обществом *Ильчинхве* для борьбы против партизан «армий справедливости».

Отряд Хон Бомдо, состоявший приблизительно из 650 человек (по японским источникам), около трех лет вел против японцев партизанскую войну в гористых районах провинций Южная и Северная Хамгён, не раз брал на несколько дней под свой контроль уездные города Капсан, Самсу, Хесан и ряд других, наносил в некоторых схватках чувствительные потери японской стороне (вплоть до 150–200 человек убитыми). Спасения от преследования со стороны японцев отряд искал по китайскую сторону корейско-китайской границы, а оружие закупал, в том числе, и через корейцев российского Приморья. После окончательной колонизации Кореи в августе 1910 г. Хон Бомдо и оставшиеся с ним партизаны перешли на российскую территорию, намереваясь при первом же удобном случае возобновить вооруженную борьбу.

Забегая вперед, можно сказать, что впоследствии Октябрьская революция привела этого стихийного бунтаря из горных долин северной Кореи на пути более организованного, идеологически осознанного сопротивления — уже под коммунистическими лозунгами. В начале 1921 г., теснимый японцами, отряд Хон Бомдо перешел из Маньчжурии (где он искал возможности для вооруженного проникновения на корейскую территорию) на советский Дальний Восток, где влился в состав Красной Армии. Легендарный партизан стал командиром 1-го батальона корейской национальной бригады 5-й армии. В ноябре 1921 г. он уже ехал в Москву — встречаться с В.И. Лениным, докладывать ему о положении дел в корейском партизанском движении на Дальнем Востоке. Член ВКП(б) с 1927 г., Хон Бомдо был одним из самых авторитетных фигур корейской общины на Дальнем Востоке. По-видимому, для Хон Бомдо и подобных ему «народных» коммунистов, — изначально совершенно незнакомых даже с начатками марксистской теории, но имевших значительный практический опыт классовой борьбы в присущих традицион-

Рис. 24. Могила Хон Бомдо в Кызыл-Орде, Казахстан.

ному обществу формам, — советский эксперимент осознавался как попытка построения крестьянской утопии, общества, подобного одной большой патриархальной семье, где не нужна будет торговля и исчезнет имущественное неравенство. Время показало неосуществимость подобных утопий (по крайней мере, на данном этапе истории человечества), но можно ли осуждать за следование им тех выходцев из самых угнетенных слоев распадающегося традиционного общества (безземельные крестьяне, батраки, неквалифицированные рабочие), для которых и японская оккупация, и жесткие товаро-денежные отношения, которые она поощряла и укрепляла, были абсолютным злом?

Большой поддержкой для Хон Бомдо и его товарищей, партизан северного корейского края, была работа по организации групп *ыйбён* и их засылке на территорию Кореи, проводившаяся с 1906 г. на деньги богатых корейцев Приморья (и при неофициальном содействии российских военных властей) жившим в эмиграции во Владивостоке Ли Бомюном — бывшим командиром сражавшейся на стороне России в русско-японской войне Корейской вольной дружины. Иногда группы партизан насчитывали до 700 человек, но обычно тактика подчиненных Ли Бомюна, по описанию Штаба Приамурского военного округа, выглядела следующим образом: «Они поодиночке или группами в 3–6 человек проникали через границу в Корею, селились среди местного населения. В удобный момент группы собирались против намеченного для нападения японского поста и нападали на него, затем перебирались обратно в Россию». Против подобной тактики «блошинных укулов», предпринимаемых с недоступной для японской армии российской территории при полной поддержке большинства местного населения японцы мало что могли сделать. Однако Россия, стремившаяся после Портсмутского мира улучшить отношения с Японией, не могла бесконечно игнорировать японские дипломатические протесты по поводу партизанских операций корейцев. Кроме того, к 1909 г. и российские военные эксперты пришли к выводу, что ввиду плохого вооружения и подготовки, численного превосходства японских сил, а также отсутствия твердого единоначалия в руководстве (у Ли Бомюна к тому времени испортились отношения с рядом богатых российско-корейских предпринимателей, спонсировавших деятельность партизан) борьба *ыйбён* все равно не мешает японцам установить контроль над прилегающими к российской границе районами Кореи — потери партизан превосходили японские потери в 12 раз! Поэтому после формальной колонизации Кореи в августе 1910 г. Ли Бомюн, Лю Инсок и ряд других лидеров *ыйбён* были временно арестованы российскими властями, а их подразделения — распущены. Вооруженное антияпонское движение российских корейцев возобновилось лишь после Октябрьской революции.

Интересно, что с точки зрения российских военных авторов конца 1900-х годов (А.Россов и др.) борьба *ыйбён* являлась проявлением «на-

ционального самосознания», т.е. корейского национализма. Похожей концепции придерживается и ряд современных авторов в Южной Корее; она является официальной в северокорейской исторической науке. Однако ни в проходившей под исключительно консервативными лозунгами антияпонской войне *ыйбён* в провинциях Чхунчхон и Чолла в 1906 г., ни в партизанской войне Син Дольсока или Хон Бомдо, тесно связанной с традициями крестьянских бунтов, практически не звучало представление о «нации» в современном смысле этого слова — как об объединении равноправных граждан, связанных общностью происхождения, культуры и политических или экономических интересов. В то время как конфуцианские лидеры (Чхве Икхён, Лю Инсок и другие) рассматривали корейское общество как состоящее из принципиально неравноправных сословий, высшее из которых, *янбанское*, обязано было противостоять японской агрессии из преданности монарху и ради защиты «истинной морали» от «заморских ересей», бунтари Син Дольсок и Хон Бомдо выражали интересы не «нации», а местных низов, страдавших, прежде всего, от эксплуатации со стороны локальной элиты. Практически антияпонское сопротивление объединило две группы: мелкопоместных консервативных *янбанов* и крестьянскую бедноту с различными классовыми интересами, но одинаково негативно настроенными по отношению к включению Кореи в мировую капиталистическую систему, — «стандартной» идеологией, которой и является национализм в различных формах. Националистическое движение «новой» интеллигенции развивалось в 1900-е годы отдельно от борьбы *ыйбён* и достаточно негативно относилось к консервативной конфуцианской идеологии *янбанских* лидеров «армий справедливости».

События лета 1907 г.: потеря Коджоном последних остатков власти и роспуск корейской армии, — активизировали движение *ыйбён* и несколько изменили его характер. В состав *ыйбён* влилось более 3 тысяч бойцов распущенных корейских частей, в основном сумевших унести с собой армейское легкое вооружение современных западных образцов, что не могло не повысить боеспособность «армий справедливости». Кроме того, окончательный захват японцами и их пособниками власти в стране «вытолкнул» в ряды командиров *ыйбён* тех (надо сказать, довольно немногочисленных) представителей высшего столичного чиновничества и симпатизировавших «новым» идеям конфуцианских интеллигентов, которые были готовы стоять до конца в деле защиты суверенитета страны. Знакомые с европейскими идеями и согласные на включение Кореи в ряды современных государств, эти лидеры не стремились особенно подчеркивать мотив «защиты истинной культуры от варварства», предпочитали выдвигать более конкретный и реалистичный лозунг возвращения Корее полного суверенитета, требовали от Японии соблюдать в отношении Кореи нормы международного права.

Типичным примером лидера из этой когорты был Хо Ви (1854–1908) — близкий ко двору судья верховного суда, которому сам Коджон отдал тайный приказ о наборе «армий справедливости» и развертывании антияпонского сопротивления. Хо Ви выдвинул осенью 1907 г. уважаемого в конфуцианской среде командира *ыйбён* уезда Вонджу (пров. Канвон) Ли Инёна (1867–1909) на должность «верховного командующего армиями справедливости 13 провинций», но сам в качестве заместителя Ли Инёна продолжал играть ведущую роль в определении стратегии и тактики антияпонского сопротивления. Ряд источников сообщает, что именно ему принадлежала идея разослать в иностранные консульства в Сеуле документ за подписями ведущих командиров *ыйбён*, в котором обличалось нарушение японцами международно-правовых норм, выдвигалось требование признать *ыйбён* легальной воюющей стороной. Японии предлагалось отказаться от договора о протекторате и незаконно полученных в Корее привилегий и установить с Кореей равноправные добрососедские отношения. Известный канадский журналист Фредерик Макензи (1869–1931), посетивший стан *ыйбён* в районе Вонджу осенью 1907 г., засвидетельствовал, что бойцами сопротивления на местах командовали бывшие младшие офицеры корейской армии в форме европейского образца. Как европеец, Макензи встретил к себе самое доброжелательное отношение, и командиры *ыйбён* даже пытались уговорить его выступить посредником в сделке по приобретению современного оружия у западных торговцев!

В ноябре 1907 г. объединенные силы *ыйбён*, главным образом из провинций Чхунчхон, Канвон и Кёнги, в количестве приблизительно 10 тысяч бойцов, попытались отбить у японцев Сеул. К январю 1908 г. им удалось прорваться на расстояние нескольких километров от стен корейской столицы, но после этого упорные контратаки японской армии вынудили их отступить. Сказалось как численное превосходство японских войск и их абсолютное превосходство в вооружении (более чем половина наступавших на Сеул корейских бойцов не имела ничего, кроме фитильных ружей и бамбуковых пик), так и несовместимость дорогого многим из лидеров *ыйбён* конфуцианского ритуализма с требованиями современной войны. Например, в самый разгар битвы за Сеул у Ли Инёна скончался отец, и «верховный командующий армиями справедливости 13 провинций» счел возможным оставить свой отряд и вернуться на родину для того, чтобы справить траур по отцу (там его и схватили японцы), ибо «сыновья почтительность первична по отношению ко всем остальным добродетелям» — в том числе воинской дисциплине. Вынужденные отступить от Сеула, отряды *ыйбён* повели борьбу с японцами и их приверженцами в своих провинциях.

Пиком сопротивления был 1908 г., когда японские источники зарегистрировали 1976 столкновений, в которых участвовало более 80 тыс. корейских бойцов. Жестокие репрессии японских властей, истребляв-

ших целые деревни в отместку за поддержку повстанцев, несколько сбили накал борьбы к 1909 г., но сопротивление не прекращалось до самого лета 1910 г., а в некоторых местах продолжалось и позже, до 1911 г. Невозможность военной победы над многочисленным, вооруженным новейшей техникой врагом влекла некоторых лидеров *ыйбён* на тропу индивидуального террора. Так, патриот Ан Джунгын, расправившийся с Ито Хиробуми на вокзале в Харбине 26 октября 1909 г., одно время командовал вооруженной и экипированной на средства российских корейцев дружины *ыйбён* в северных районах Кореи и прославился тем, что отпустил на свободу плененных им японских солдат, ибо, считая себя законной воюющей стороной и не желая расстрелом пленных нарушать международные законы и обычаи войны. В отличие от него, японская сторона не считала себя связанной какими-либо легальными или моральными нормами в обращении с «бандитами». Как рассказывает Макензи, японцы почти не брали пленных (за исключением вожаков — для последующих «суда» и казни) и добивали корейских раненых на месте.

Неравная битва плохо вооруженных, плохо координировавших свои действия друг с другом и во многом остававшихся в плену конфуцианских стереотипов отрядов *ыйбён* против регулярной армии Японии вряд ли имела серьезные шансы на успех. История Африки или Азии конца XIX — начала XX вв. практически не знает примеров победы партизанских соединений колонизируемых над армиями колонизаторов — по крайней мере, без ощутимой внешней поддержки. Однако военные и политические поражения *ыйбён* вовсе не означают, что громадные жертвы, принесенные корейской деревней в ходе вооруженного антияпонского сопротивления 1906–1911 гг., были напрасными. К 1909 г. — согласно собранным японскими карателями данным — выходцы из *янбанской* среды составляли уже только около 25% руководящего состава *ыйбён*. Остальные командиры партизан были к тому времени простолюдинами или принадлежали к низшим слоям привилегированного класса. Среди них были как крестьяне, охотники, рабочие рудников, так и бывшие мелкие местные чиновники, а также солдаты и младшие офицеры бывшей корейской армии. Соответственно стал меняться и характер борьбы. Во многих случаях основными мишенями партизанских атак становились уже не японцы, а наиболее ненавистные эксплуататоры и представители государственного аппарата на местах — богачи, отказывавшиеся материально поддерживать антияпонскую борьбу, волостные чиновники, сборщики налогов. В некоторых из воззваний командиров *ыйбён* явно звучит ненависть и презрение к богачам как таковым — партизанские лидеры призывали их «отречься от эгоистических помыслов и подумать о том, что с вами будет, если вы продолжите грешить против страны и народа». Не раз атаки *ыйбён* на местные органы власти и усадьбы прояпонски настроенных богатеев завершались

тем, что выбитые с крестьян налоги и «неправедно нажитое» имущество тут же раздавалось бедноте.

Конечно, даже наиболее радикально настроенные *ыйбён*-простолюдины не пытались сломить традиционные порядки в деревне и, скажем, поделить между малоземельными и безземельными крестьянами *янбанские* земли. *Янбаны* — за исключением скомпрометировавших себя сотрудничеством с японскими оккупантами крупных и части средних землевладельцев — по-прежнему оставались авторитетными лидерами патриархального корейского села. Не пытались *ыйбён* и выступать против Чосонской династии. Она оставалась для них символом страны, за которую они шли на бой. Но даже при этом те мотивы классового протеста, что отчетливо выявились в деятельности ряда отрядов *ыйбён*, особенно на более позднем этапе, вошли в коллективную память народа, вдохновляя впоследствии сопротивление господствующим классам и государственному аппарату. Бывшие бойцы *ыйбён*, их родственники и потомки, зачастую вели уже в период японского колониального ига борьбу за снижение арендной платы, организовывали в 1930-е годы крестьянские союзы и общества, саботировали мероприятия японских властей. Героизм *ыйбён* стал символом несогласия корейских масс с колониальной системой.

2. Просветительское движение (*кемон ундон*). Социал-дарвинизм

В то время как значительная часть корейского села была объята огнем партизанской борьбы, «новая» интеллигенция — по преимуществу городская — возглавила так называемое просветительское движение (*кемон ундон*), сыгравшее в итоге решающую роль в формировании в Корее современного национализма и гражданского общества. Продолжая традиции «Общества Независимости», просветители видели Корею будущего сильной капиталистической страной по образцу держав Европы или Японии. Те из них, кто принял к тому времени христианство, иногда еще и добавляли, что христианская религия, как символ и залог «цивилизации», должна в будущем стать «общенациональным исповеданием». Другая часть просветителей, сохранявшая связи с конфуцианской средой (Пак Ынсик, Чан Джиён и др.), искала возможности превращения конфуцианства в национальную религию, которая стала бы такой же религиозной основой для нарождавшегося в Корее гражданского общества, как христианство в Европе или *синто* в Японии периода Мэйдзи. В принципе, как христианство, так и конфуцианство видят своим идеалом гармоническое общество, построенное на идеалах альтруизма и солидарности.

Однако, как ни парадоксально, большинство деятелей просветительского движения в Корее 1900-х годов — как обратившихся в христианство, так и оставшихся верными конфуцианским идеям — объясняло

современный мир, да и историю человечества вообще, с позиций социал-дарвинизма. В этом учении, систематизированном Гербертом Спенсером (1820–1903) и Томасом Хаксли (1825–1895), дарвиновский принцип «борьбы за существование» и «выживания сильнейших» без достаточных научных оснований применяется к человеческому обществу. Так, в программной статье под заголовком «Лишь образование обеспечит нам выживание» в первом номере известного просветительского журнала «Соу» (декабрь 1906 г.) Пак Ынстик утверждал следующее:

«Как объясняют западные ученые, борьба за существование есть закон природы, а выживание сильнейших и гибель слабейших — естественный принцип. На первый взгляд, это противоречит принципам гуманности и этики. Однако при этом конкретными проявлениями гуманности и этики являются знания, телесная мощь, здоровье и храбрость. Гуманность и этика не проявляются у слабых и глупых. Так что разве не естественно, что в конкурентной борьбе сильные побеждают, а слабые гибнут? Как это ни грустно, борьба за существование между всеми живыми существами идет с момента возникновения Неба и Земли, (...) и побеждает в ней, прежде всего, самый умный и мудрый. (...) Люди смогли победить зверей в борьбе за существование потому, что пользовались своим разумом и изготавливали орудия труда и войны, (...), так что те человеческие коллективы, которые неспособны применять свой разум к усовершенствованию механизмов, — не более чем звери. Разве не естественно, что другие уничтожают их, сгоняют их с насиженных земель? (...) Увы, теперь, когда борьба со зверями осталась в прошлом, борьба за существование ведется уже между людьми, и со времен средних веков борьба эта, главным орудием которой выступает интеллект, становится все более жестокой. Теперь, когда пять океанов и шесть континентов сообщаются между собой, пять человеческих рас соперничают друг с другом. Те, что способны развить интеллект и распространить свое влияние вокруг, называются высшими расами, а те, которым не хватает как сил, так и интеллекта, — низшими расами. Высшие расы обращаются с низшими расами как с варварами и не видят ничего плохого в том, чтобы истреблять их, так что низшие расы становятся слабее и слабее и приходят во все больший упадок, подобно африканским неграм или американским индейцам. (...) А каково же наше место, соотечественники-корейцы, в эту эпоху? С нашим интеллектом и нашими силами мы уже утратили высшие позиции. Перед нашими глазами стоит теперь угроза стать чужими рабами и быть принесенными в жертву. Как могут не грустить, не содрогаться от ужаса и гнева те, кто уже открыл глаза на реальность? (...) Отцам и старшим братьям в нашей стране следует разок подумать. Их мозги уже затвердели под удушающим влиянием тех старых обычаев, в атмосфере которых они выросли, так что им самим нелегко получить новое образование и впитать в себя новую мудрость. Но разве можно им оставлять молодое поколение невежественным, допуская, чтобы оно скатилось бы на самые низкие позиции, стало бы чужими рабами и было бы принесено в жертву? (...) Человеку свойственно желать добра детям, так почему же должны наши соотечественники оставлять детей неучеными, позволяя им оставаться в аду на веки вечные (...)? Одним словом, лишь развитие образования обеспечит нам выживание в эту эпоху!»

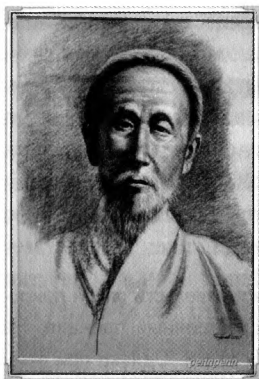

Рис. 25. Пак Ынстик (1859-1925) — видный историк, общественный деятель, идеолог просветительского движения в Корее. В 1925 г., перед самой смертью, был приглашен на должность президента Временного правительства Кореи в Шанхае.

Хотя в вышеприведенном тексте и пропускают нотки *персональной* жалости в отношении уничтожавшихся империализмом аборигенов Африки или Америки, псевдонаучные построения европейских социал-дарвинистов, а также откровенно расистская вера в существование «высших и низших рас» явно рассматриваются Пак Ынстиком как *объективная* истина, отправная точка для программы действий нарождавшегося корейского национализма.

Каким же образом бесчеловечное учение, использовавшееся, как известно, европейским, американским и японским империализмом конца XIX — начала XX вв., превратилось в безусловную истину для националиста Кореи — страны, как раз становившейся жертвой империалистического разбоя? С идейно-политической точки зрения, тотальная абсолютизация социал-дарвинистской парадигмы была — как и широкое распространение христианства в кругах «новой» интеллигенции начала 1900-х годов — прежде всего следствием не менее тотального разочарования в неоконфуцианской ортодоксии, бездумное преклонение перед которой и привело страну, с точки зрения Пак Ынстика и его единомышленников, к угрозе национального порабощения. Пак Ынстик, как и многие из его соратников, до самого конца остался привязан к конфуцианским принципам как мыслитель и строго соблюдал конфуцианские нормы в личной жизни. Однако уже в начале 1900-х годов знакомство с японскими переводами европейской литературы и трудами известного китайского просветителя и реформатора Лян Цичао (1873–1929) привело его к мысли, что бескомпромиссное отстаивание неоконфуцианской метафизики, сословных норм и патриархально-монархических институтов идеологами движения «в защиту ортодоксии, против ереси» вело страну в тупик и к окончательной гибели.

В ситуации, когда метафизические основы неоконфуцианства — вера в благой космический принцип *ли*, который должен был познавать и пути которого должен был следовать интеллигент-*янбан* — выродились в апологию сословных привилегий, «новой» интеллигенции требовалась радикально новая философия. Необходима была совершенно новая система взглядов на мир, которая стимулировала бы социально-политическую и культурную активность современного типа, легитимизировала бы приобретение европейских знаний. Именно эту роль и взял на себя социал-дарвинизм — в мире, где «отсталые» народы не имели

шансов на выживание, у корейской образованной элиты не было морального права обрекать страну на гибель упрямой приверженностью традициям. В мире, где современные европейские знания были важнейшим орудием в борьбе за существование, строительство «новых» школ, издание просветительской литературы, активное участие в модернизационных процессах становились «моральным абсолютом» для любого патриота. Конечно, теоретически борьбу за спасение страны от империалистического порабощения можно было теоретически обосновать, и не запугивая соотечественников «поражением в борьбе за существование», не объявляя зверства империалистов «проявлением законов природы». Однако самостоятельная разработка идейно-философских оснований борьбы за модернизацию страны была не под силу большинству корейских просветителей, обладавших очень скудными познаниями в естественных науках и знакомыми со странами Европы и США в основном по вторичным — китайским и японским — материалам. Проще было заимствовать готовыми популярными в ту пору социал-дарвинистские построения, причем в основном не с европейских оригиналов, а с японских и китайских переводов. Периферийный статус Кореи сказывался, таким образом, и в области общественно-политической мысли.

Другим фактором, объясняющим популярность псевдонаучной идеологии европейского капитализма конца XIX — начала XX вв. в далекой Корее, был социально-экономический статус большинства «новых» интеллигентов, их социально политическая ориентация. Практически все они принадлежали к верхушке тогдашнего корейского общества — если не по своему имущественному статусу, то по занимаемому положению, связям в высших кругах государственного аппарата. Так, Пак Ынсик, сам человек относительно небогатый, сумел в 1888–1894 гг. получить доходную должность смотрителя королевских могил (*нын чхамбон*) по протекции со стороны расположенных к нему членов могущественного клана Минов. Юн Чхихо, возглавлявший в конце 1890-х годов «Общество Независимости», а в 1900-е годы ставший одним из лидеров просветительского движения, принадлежал к одной из богатейших землевладельческих семей страны и находился с 1904 г. на высших должностях в Министерстве иностранных дел. Ведущий организатор просветительских обществ в 1904–1910 гг., Юн Хёджон (1858–1939), бывший в середине 1890-х гг. скромным секретарем Министерства финансов, приобрел значительные связи во дворце после своего возвращения из японского изгнания в 1904 г. (он бежал в Японию, спасаясь от ареста, как бывший активист «Общества Независимости»). Во время пребывания в Японии он организовал убийство одного из бежавших туда корейских офицеров, замешанных в убийстве государыни Мин, и тем приобрел не только прощение, но и личную благодарность Коджона.

Имущественное и чиновное положение просветителей, их связи с сильными мира сего означали, что радикальным изменениям в отноше-

ниях собственности не было места в вынашиваемых ими планами преобразований. Публиковавшиеся в «передовых» газетах и журналах конца 1900-х гг. планы развития промышленности и сельского хозяйства Кореи были адресованы, прежде всего, крупным владельцам земли и капиталов. Их просветители убеждали инвестировать средства в «дело», а не в скупку недвижимости, активнее использовать новую технику, удобрения, финансировать закупку новых сортов семян и пород скота, строить школы. О крестьянских массах все эти сочинения упоминали довольно редко: от них требовалось, прежде всего, вносить деньги на содержание школ, учить детей грамоте и усердно работать на хозяев. Социал-дарвинизм, с его культом «сильнейших», легитимизировал господство собственнической элиты, объявляя его следствием «естественных законов». Социально-политические позиции просветителей, наряду с чисто идеологическими разногласиями, объясняли и их неприязнь к движению *ыйбён*, в котором, особенно на поздних этапах, столь явно пробивались мотивы классового протеста. Оправдывая неравенство и эксплуатацию, социал-дарвинизм — в той форме, в которой он приобрел популярность в Корее в то время, — возвеличивал то самое государство, которому служили или с которым были так или иначе связаны просветители. «Сила и богатство государства» объявлялись главной гарантией «выживания нации», так что у просветительских лидеров были все основания навязывать массам «патриотизм» в качестве «главной добродетели новой эпохи». Естественно, «патриотизм» истолковывался как «преданность государю и отечеству» и готовность следовать за имущей, по-западному образованной элитой по пути капиталистической модернизации. Бойцы *ыйбён*, в этой интерпретации, становились «ложными патриотами», а то и прямо «предателями отечества».

Продолжая традиции «Общества Независимости», просветители создавали общественные организации, намереваясь через их посредство привить образованным слоям элементарные демократические навыки, вести пропаганду своих идей, а также оказывать влияние на власти. Первой из таких **организаций на общенациональном уровне** стало «Общество самоусиления Кореи» (*Тэхан чаганхве*), образованное 14 апреля 1906г. по инициативе Юн Хёджона, Юн Чхихо, Чан Джиёна и ряда других известных просветителей с целью «развивать народное просвещение и предпринимательство, повышать культурный уровень народа и таким образом заложить фундамент нашей независимости через развитие внутренних сил». Видя в постепенной колонизации Кореи Японией лишь следствие отсталости корейского народа, стоявшие во главе «Общества самоусиления» состоятельные чиновники, землевладельцы и публицисты поставили своей задачей ускоренное буржуазное развитие страны «в рамках законов и русле цивилизации», т.е. с публичным отказом от радикальной антиколониальной борьбы. Более того, советником

организации стал японский деятель праворадикального, «азианистского» толка Огаки Такэо (1861–1929), приехавший в Корею с целью «объединить корейцев и японцев в борьбе с белой экспансией» и поддерживавший широкие связи с японской бюрократией и военщиной на полуострове. Тесные отношения между Огаки и корейскими лидерами «Общества самоусиления» давали японской администрации возможность быть постоянно информированной о настроениях в корейской интеллигентской среде. Японцы соглашались терпеть «Общество самоусиления» постольку, поскольку оно, не ведя никакой реальной антиколониальной борьбы, позволяло умеренным националистам «выпустить пар» в русле легальной «культурнической работы», но закрыли его в августе 1907 г., после того, как часть рядовых членов «Общества» приняла активное участие в демонстрациях против насильственного отречения Коджона.

«Общество самоусиления» имело 28 местных отделений, причем практически все они находились или в северной части Кореи, где были более развиты торговля и предпринимательство, или в портовых городах центральной и южной Кореи. К охваченным движением *ыйбён* внутренним районам южной части полуострова у «Общества» практически не было доступа. Общее число его членов не превышало 1500 человек. В своих публикациях оно подчеркивало, что желает видеть своими членами, прежде всего, «образованных и просвещенных господ», тем самым практически закрывая простонародью путь в свои ряды. Высшим органом «Общества» было общее собрание, собиравшееся раз в месяц и выбиравшее председателя, его заместителя, членов Совета и прочих функционеров. Одной из главных целей *Тэхан чаганхве* было введение в Корее обязательного начального образования, по образцу передовых западных стран и Японии. Всеобщая начальная школы должна была не только усилить Корею через распространение грамотности, но и стать носителем патриотического сознания. Планы «Общества» по введению обязательного всеобщего обучения рассматривались на правительственном уровне, но были в итоге отвергнуты со ссылкой на «финансовые обстоятельства».

В реальности же японские власти и их корейские марионетки были менее всего заинтересованы в том, чтобы предоставить националистически настроенным интеллигентам возможность влиять на массы через сеть обязательных школ. Они с подозрением относились и к тем частным школам, которые открывали на местах активисты «Общества». Побуждая состоятельных корейцев к предпринимательской деятельности, «Общество» также требовало от властей упорядочить порядок торговли недвижимостью, желая, в частности, предотвратить таким образом полузаконную скупку японцами лучших земельных участков. В политической области, лидеры *Тэхан чаганхве* считали в перспективе наиболее пригодной для Кореи конституционную монар-

хию английского или японского образца. Однако конкретных политических шагов они почти не предпринимали, обоснованно опасаясь «последствий» со стороны японских властей и марионеточного корейского кабинета. Подготавливать почву для конституционализма должно было, по мнению публицистов «Общества», местное самоуправление, но все ходатайства «Общества» к правительству по созданию на местах представительных органов власти натывались на отказы. Самым значительным предприятием «Общества» была публикация ежемесячного журнала «Тэхан чаганхве вольбо», расхвалившего тиражом более тысячи экземпляров и публиковавшего материалы по современному праву, педагогике, промышленности и коммерции зарубежных стран. Многие авторы журнала были выходцами из реформистской конфуцианской среды и сочетали в своих статьях призывы к «самоусилению ради выживания в мире, где выживают лишь сильнейшие» со ссылками на конфуцианскую мораль и китайских классиков. Подобный «перевод» националистической социал-дарвинистской логики на язык конфуцианского канона, при всей его натянутости и поверхностности, обеспечивал авторам журнала внимательную аудиторию в среде традиционной интеллигенции.

После разгона «Общества самоусиления» японскими властями его бывшие активисты, получив, после некоторого перерыва, при посредстве Огаки Такэо, разрешение администрации протектората на продолжение общественно-просветительской деятельности, образовали 10 ноября 1907 г. «Корейское общество» (*Тэхан хёнхве*), просуществовавшее вплоть до полной аннексии страны. Первоначально председателем «Корейского общества» был избран известный протестантский лидер Намгун Ок (1863–1939), но вскоре его сменил один из бывших деятелей прояпонского режима 1894–95 гг. Ким Гаджин (1846–1922), под руководством которого верхушка организации пошла по пути сотрудничества с японской администрацией. Среди активистов «Корейского общества» выделялись как бывшие деятели «Общества самоусиления Кореи» (Юн Хёджон, Чан Джиён), так и приверженцы легализованной и постепенно расширявшей свое влияние религии *чхондогё* из *янбанской* среды (О Сечхан, Квон Донджин).

«Корейское общество» имело 67 отделений на местах и более двух тысяч членов. Его отделения появились и в консервативных внутренних районах южных провинций, где их возглавляли местные конфуцианские лидеры, надевавшиеся через «самоусиление по образцу великих держав» вернуть Корею потерянный суверенитет. Это показывало, какие сдвиги начали происходить к 1907–8 гг. в сознании *янбанской* интеллигенции на местах. «Корейское общество» придерживалось той же доктрины «постепенного развития внутренних сил», что и «Общество самоусиления». Оно занималось правозащитной работой на местах (прежде всего, борьбой с незаконными конфискациями имущества), популя-

ризацией нового законодательства и современных государственно-правовых идей, сбором средств на строительство школ, а также критикой «устаревших и вредных обычаев» (ранние браки, ношение традиционных белых одежд, «транжирство» на брачные и поминальные церемонии и т.д.) в своем ежемесячном журнале. Авторитет «Корейского общества» был серьезно подорван, когда в 1909 г. часть его руководителей начала переговоры с прояпонской организацией *Ильчинхве* об объединении двух организаций во имя «цивилизации и прогресса». Переговоры эти не увенчались в итоге успехом, как в связи с протестами со стороны членов «Корейского общества» на местах, так и в связи с неприязнью к *Ильчинхве* Ли Ванъёна, имевшего значительное влияние на верхушку «Корейского общества». Главный коллаборационист в корейском кабинете боялся, что прояпонская деятельность *Ильчинхве* «затмит» его собственные «заслуги» перед Японской Империей! Этот эпизод хорошо показывает двойственную позицию умеренных националистов по отношению к колониальным властям. С одной стороны, они желали видеть Корею сильным и независимым капиталистическим государством, причем в этом отношении Япония рассматривалась как наиболее привлекательная модель. С другой стороны, ни сил на активную борьбу с колониальным порабощением, ни желания рисковать своим благополучием в такой борьбе у них не было. Японские власти, мало считавшиеся с интересами корейских буржуа, но все же гарантировавшие им имущественные права в рамках современного капиталистического порядка, были для умеренных националистов ближе, чем *ыйбён* — приверженцы традиционных ценностей.

Наряду с общенациональными просветительскими организациями, важную роль в распространении в Корее в конце 1900-х годов буржуазно-националистической идеологии играли и **местные просветительские общества**. Первым из них появилось на свет «Общество друзей Запада» (*Соу хакхве*), организованное в октябре 1906 г. проживавшими в Сеуле интеллигентами и чиновниками — выходцами из наиболее развитых в коммерческом отношении северо-западных районов страны. Идейным вдохновителем общества был известнейший публицист Пак Ынсик, а его первым председателем стал Чон Унбок (1870-?) — обучавшийся в свое время в Японии публицист, редактировавший с 1906 г. корейское издание официальной газеты японских властей и тесно связанный с Ито Хиробуми. С 1907 г. в руки Чон Унбока перешла влиятельная газета «Чегук синмун», что сделало его одной из центральных фигур в мире столичной интеллигенции. Среди активистов «Общества друзей Запада» были как националисты протестантского толка, так и бывшие выпускники японских военных училищ, ставшие затем офицерами корейской армии, а также интересовавшиеся новыми идеями чиновники и конфуцианские ученые.

«Общества друзей Запада» имело 25 местных отделений на северо-западе Кореи и до двух тысяч членов. Оно брало под свою опеку частные школы «нового типа», организовывало распространение «новых» учебников через свою контору в Пхеньяне, а также основало на средства своих членов вечернюю учительскую школу в Пхеньяне, затем преобразованную в дневную. Для поощрения «патриотического духа» среди учащихся подопечных школ «Общество друзей Запада» организовывало массовые спортивные праздники. Считалось, что именно спорт, регулярные физические упражнения должны сыграть решающую роль в формировании «цивилизованного подданного и патриота». Большое значение для распространения социал-дарвинистских концепций Лян Цичао, а также популяризации разного рода «новых знаний» (особенно гигиены и санитарии) имел издававшийся «Обществом друзей Запада» ежемесячник «Соу», редакцию которого возглавлял Пак Ынсик. В январе 1908 г. «Общество друзей Запада» объединилось с просветительским обществом провинций Северная и Южная Хамгён в общую организацию — «Западное и Северное общество». Новая организация, возглавлявшаяся по-прежнему Чон Унбоком, имела 31 отделение на местах и более 2500 членов и просуществовало вплоть до полной аннексии страны. Оно концентрировало свои силы как на образовательной работе (причем большое внимание уделялось техническому образованию — созданию в школах особых классов для подготовки землемеров и т.д.) так и на издании ежемесячного просветительского журнала. В том, что по численности частных школ (279 в провинции Северная Пхёнан, 194 в провинции Южная Хамгён и т.д.) северные районы страны далеко превосходили более консервативные южные (скажем, в провинции Северная Кёнсан было лишь 72 школы) — было, в том числе, и заслугой просветительских обществ.

К 1907 г. просветительское движение стало приобретать влияние и в южных районах Кореи. Центром просветительской деятельности в провинциях Северная и Южная Чолла была созданная в июле 1907 г. провинциальная просветительская организация «Хонамское ученое общество» (*Хонам хаххве*), объединявшая в основном интересовавшихся новыми идеями конфуцианских интеллигентов, средних и мелких чиновников. Одним из идейных вдохновителей этой организации был оригинальный мыслитель и известный поэт Ли Ги (1848–1909), пытавшийся сочетать увлекавшие его в молодости идеи *сирхак* с заимствованными, главным образом, у Лян Цичао эволюционистскими представлениями. Сам Ли Ги увлекся культом Тангуна в последний год своей жизни. Ряд его бывших коллег по просветительской деятельности также позже стали активистами националистической религиозной группы *тэджонгё* («вера Великого Предка»), которую основал в 1908 г. выходец из мелких *янбанов* провинции Чолла На Чхоль (1863–1916), пытавшийся таким образом воссоздать на корейской почве аналог совре-

менного японского *синто* — государственного националистического культа. Позже, в марте 1908 г., подобное общество (под названием «Кёнам хакхве») возникло и в провинции Северная Кёнсан, где центром просветительской деятельности был бурно развивавшийся город Тэгу. Общество пользовалось поддержкой крупных землевладельцев и предпринимателей Тэгу и его окрестностей, а активистами его были, прежде всего, выходцы из провинции Северная Кёнсан, служившие в столице.

Особенной известностью пользовался молодой заместитель председателя общества Сан Хо (1879-?) — первый кореец, закончивший в Японии университетский курс по технической специальности (кораблестроение). В то время как Сан Хо и другие лидеры общества считали японское владычество в Корее неизбежным и до известной степени «прогрессивным», среди рядовых членов общества были и радикальные националисты. Так, член этого общества Пак Санджин (1884–1921), ученик казненного японцами лидера *ыйбён* Хо Ви, создал впоследствии, в 1915 г., тайный «Союз возрождения Кореи» (*Тэхан кванбокхве*) — одну из первых в колониальные времена организаций внутри страны, ставивших своей целью вооруженную борьбу с захватчиками. Просветительские общества существовали также в провинции Канвон (но особенной активности там не проявляли) и в столичной провинции, где на взносы членов общества и пожертвования заинтересованных делом просвещения высших чиновников была в 1908 г. основана крупная частная школа Кихо. Существовали просветительские организации и на уровне отдельных уездов и городов, объединяя в своих рядах новую местную элиту — получивших современное образование чиновников и преподавателей, богатевших на торговле рисов и импортными потребительскими товарами землевладельцев и купцов, протестантских священнослужителей и мирян-активистов.

Социально-экономическое положение просветителей — в основном средних или крупных землевладельцев, в некоторых случаях занимавшихся предпринимательством, а чаще использовавших диплом «новых» школ для того, чтобы завоевать положение в бюрократическом аппарате или статус преподавателя, — определяло и их отношение к японскому владычеству. В отсталой Корее капитализм мог развиваться лишь при условии наличия сильных государственных структур, заинтересованных в ускоренной «догоняющей» модернизации страны и способных защитить «новый класс» по-современному образованных бюрократов, землевладельцев-экспортеров сельхозпродуктов и предпринимателей от гнева разоряемых в процессе первоначального накопления капитала народных масс.

Конечно, для зарождавшегося корейского буржуазного класса желательно было бы, чтобы эту роль, как в Японии, выполняло бы «свое» национальное государство. Но поскольку монархия Коджона оказалась

неспособна ни подавить своими собственными силами крестьянские выступления (в частности, восстание *тонхак* 1894–1895 гг.), ни наладить в стране современную систему денежного обращения, ни защититься от японской агрессии, то для многих просветителей логичным кандидатом на роль «защитника и покровителя» было японское колониальное государство. Дискриминировавшее корейскую буржуазию и бюрократию по отношению к японской, оно все же было способно эффективно подавить движение *ыйбён* и снабдить Корею необходимой буржуазному обществу правовой и материальной инфраструктурой: сетью полицейских участков по всей стране, правовыми гарантиями собственности, стабильной валютой, дорожно-транспортной сетью и т.д. В этом смысле теснейшее сотрудничество ряда просветительских лидеров — Юн Хёджона, Чон Унбока, Сан Хо — с японской администрацией было закономерным выражением их классовых интересов. В то же время ряд видных просветительских публицистов, прежде всего печатавшиеся в «Хвансон синмун» и еще более радикально-националистической «Тэхан мэиль синбо» Пак Ынсик и Син Чхэхо (1880–1936) не приняли реалий колониального общества и предпочли эмигрировать в Китай после полной аннексии Кореи японцами. В духе последовательного национализма они видели в утрате Кореей независимости угрозу «выживанию корейской нации» и считали главной задачей национальной интеллигенции «поддерживать корейский национальный дух» путем просветительской работы среди корейских эмигрантов в Маньчжурии и готовиться к вооруженной борьбе за освобождение страны. Организационной опорой для радикальных эмигрантов-националистов служила в начале 1910-х годов религиозная группа *тэджонгё*, перенесшая свой центр в приграничные с Кореей районы Маньчжурии.

О том, что радикально-националистическая позиция — взгляд на колонизацию как на «физическую смерть нации», призыв к самопожертвованию во имя «поддержания национального духа» и «национального возрождения» — отражала определенные черты в коллективном мировоззрении «новой» буржуазной интеллигенции, говорит и достаточно

Рис. 26. Син Чхэхо (1880–1936) — видный деятель просветительского движения в Корее, философ, писатель. С начала 1920-х гг. увлекся идеями анархизма, вел освободительную борьбу против японского империализма в сотрудничестве с китайскими анархистами. Арестован японскими жандармами в 1929 г. после неудачной попытки сбыть на Тайване (тогда японская колония) подделанные им и его товарищами японские иены и таким образом получить средства на издание анархистского журнала. Умер в заключении.

значительное участие ее представителей, особенно учащихся и студентов, в деятельности разного рода полулегальных и нелегальных националистических организаций в годы колониального ига, и уважение, которым пользовались Пак Ынсик или Син Чхэхо в образованной среде колониальной Кореи. Поскольку корейский национализм как идеология «нового класса» буржуазного общества уже сформировался в предколониальные годы, колонизация не могла не ощущаться большинством образованных корейцев как «поражение нации в борьбе за выживание», «национальный позор». Однако для большинства корейских буржуа союз с народными массами — носителями добуржуазных воззрений — на антиколониальной почве был невозможен. Оставалась либо легальная «культурническая» работа в условиях колониального ига, либо — для меньшинства наиболее непримиримых националистов — путь эмиграции и радикальной антияпонской борьбы.

Однако и «культурническая» работа вовсе не всегда была безопасной. Об этом говорит судьба «Общества нового народа» (*Синминхве*) — тайной организации, основанной в апреле 1907 г. вернувшимся незадолго до этого в Корею популярным среди первых корейских эмигрантов в США протестантским активистом Ан Чханхо (1878–1938) и редактором «Тэхан мэйль синбо» Ян Гитхаком. Основу организации составляли такие же, как Ан Чханхо и Ян Гитхак, протестанты не-янбанского происхождения из северо-западных районов Кореи. Зачастую это были предприниматели, недовольные покровительством, которое японская администрация оказывала их японским конкурентам. Одним из главных организаторов общества был известный торговец латунной утварью протестант Ли Сынхун (1864–1930), содержавший также крупную книжную лавку в Пхеньяне и снабжавший местную публику просветительскими публикациями.

Организация, имевшая, по разным сведениям, от 200 до 400 членов (в основном из числа предпринимателей и интеллигентов), ставила своей задачей «всестороннее обновление корейской нации» путем распространения новых знаний, постепенного формирования «нового человека — энергичного, трудолюбивого, предприимчивого и патриотичного», поощрения предпринимательства и создания сети легальных просветительских обществ. Конечной целью было возвращение Кореи ее независимости — подразумевалось, что в случае войны Японии с США или Россией «обновленная» нация сумеет воспользоваться этим шансом. Ан Чханхо, вопреки возражениям Ян Гитхака, настоял на том, чтобы общество было тайным, ибо конечным его идеалом было республиканское государственное устройство. Члены общества открыли в Пхеньяне ставшую колыбелью для многих молодых националистов частную школу Тэсон, организовали легальное «Молодежное общество учащихся» (*Чхоннён хагухве*), занимавшееся воспитанием у молодежи «христианских и патриотических добродетелей», а также издавали просветительский журнал «Сонён» («Мальчик»), публиковавший переводы европейской литературы (в частности, немало писавший о Л.Н.Толстом).

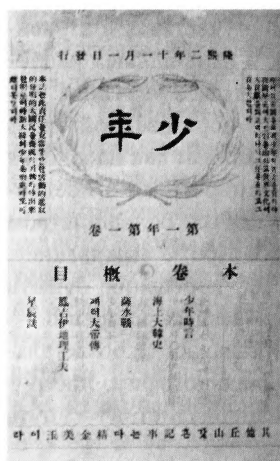

Рис. 27. Обложка первого выпуска просветительского журнала «Сонён» («Мальчик»), основанного в 1908 г.

Ряд членов общества — в основном, бывшие офицеры распушенной в 1907 г. армии — настаивали на необходимости заняться в будущем в Маньчжурии подготовкой бойцов, способных освободить родину от японцев, но каких-либо конкретных планов по этому поводу общество не имело. Однако японцы, в 1909 г. получившие агентурные данные о существовании общества, связали его с планами покушения на генерал-губернатора Тэраути, предположительно вынашивавшимися отдельными национал-радикалами (к обществу не принадлежавшими) и арестовали в 1911 г. около 600 протестантов, преимущественно из северо-западных районов Кореи, по подозрению в «терроризме». Официальные обвинения были предъявлены 105 из них, но большинство, несмотря на жесточайшие пытки, отказалось оговаривать себя и товарищей. «Дело» получило международную огласку, и по результатам повторного слушания виновными в конце концов были признаны лишь 6 человек, в том числе известный протестант-националист Юн Чхихо. Никто из них, разумеется, никакого отношения к «террору» не имел, но японские власти желали таким путем напугать корейские имущие слои и пресечь в зародыше интерес к радикальным националистическим идеям.

Провалы в деятельности просветителей нельзя объяснить, однако, лишь репрессиями со стороны японской администрации. Не меньшую роль играла и идейная ограниченность ранних буржуазных националистов Кореи, наивность и незрелость в их представлениях о «цивилизованном мире», а также организационная раздробленность, склонность к групповщине и фракционным распрям, неизбежная для изолированных от масс и не изживших клановость конфуцианского быта буржуазно-интеллигентских кругов. Хорошим примером может служить движение за выплату корейского долга Японии (более чем в 13 млн. йен), начатое в феврале 1907 г. двумя буржуа-католиками из Тэгу — богатым торговцем Со Сандоном (1851–1913) и хозяином публиковавшего переводы европейской литературы издательства «Кванмунса» Ким Гвандже (1866–?). Идея «всем народом отказаться от курения и проявлять умеренность в винопитии, чтобы сэкономить деньги и выплатить государственный долг» несомненно, не могла не привлечь народные массы, с их стихийным патриотизмом и глубокой ненавистью к японским оккупантам. Поэтому и не удивительно, что отклик на призыв Со Сандона и

Ким Гвандже был горячим. Газеты «Чегук синмун», «Хвансон синмун» и «Тэхан мэиль синбо» почти ежедневно печатали вести с мест об учреждении центров для сбора пожертвований, о женщинах, отдававших «во имя выживания нации» свои драгоценности, о рикшах и грузчиках, голодавших, но отдававших на выплату долга заработной платы за несколько дней и недель, о трогательном единстве протестантских пасторов и буддийских монахов в деле сбора пожертвований.

Однако эта первая в современной истории Кореи массовая патриотическая кампания (сразу же одобренная, кстати, Коджоном и его министрами) с самого начала основывалась на крайне идеализированном представлении об империалистическом миропорядке, на наивной вере в то, что если корейцы проявят «силу нации в патриотическом единодушии», то смогут сохранить от японской агрессии свою государственность. Организаторы движения приводили в своем воззвании пример японцев, собиравших пожертвования на армию и «выигравших силой своего патриотизма войну с огромной Россией», не понимая, что между империалистической Японией и ее жертвой — Кореей существовала качественная разница, и те формы «патриотизма», которые поощрялись правящими классами империалистических стран, вряд ли могли избавить Корею от агрессии и порабощения. Энтузиазм народных масс, вначале готовых отдать последнее ради спасения страны, значительно ослаб после того, как они поняли, что отказ от табака и алкоголя не спас Коджона от насильственного отречения, а корейскую армию — от роспуска. К этому добавились распри между двумя столичными организациями, взявшими на себя сбор и хранение пожертвований с мест — обе обвиняли друг друга в погрешностях учета и хищениях.

В связи с этим в 1908 г. объем пожертвований стал быстро уменьшаться. Свою роль сыграло и давление японской администрации, организовавшей в августе 1908 г. судилище над редактором «Тэхан мэиль синбо» Ян Гитхаком по явно сфальсифицированному обвинению в хищении собранных газетой средств. Ян Гитхак был оправдан за недостатком улик, но враждебность японцев по отношению к движению оттолкнула от него значительную часть умеренных буржуазно-чиновничьих кругов. В итоге движение сошло к концу 1908 г. на нет, а собранные за счет немалых жертв деньги (всего около 180 тысяч йен) решено было, в конце концов, потратить в будущем на приобретение земли для финансирования за счет доходов с нее национального высшего образования. Решение это так и не было проведено в жизнь (по некоторым источникам, значительная часть собранных средств в итоге была просто конфискована японской полицейской администрацией). Важным итогом кампании было, однако, то, что в ней национальная буржуазия впервые выступила, хотя и без особого успеха, в роли лидера, готового возглавить массы в решении общенациональных задач. В дальнейшем этот опыт был использован при подготовке массового движения за независимость в феврале-марте 1919 г.

В целом, просветительское движение, не сумев спасти Корею от колониализма или создать в стране полноценного гражданского общества на базе идеалов Нового Времени, выполнило, тем не менее, ряд важных задач. Корейский язык постепенно стал языком публицистики и «новой» художественной литературы, быстро обогащаясь переводами современных текстов с европейских и японского языков. В то время как социал-дарвинистская идеология раннего корейского национализма ставила на первое место «выживание нации и государства и дух коллективной сплоченности», в обиход стали входить и другие понятия из концептуального арсенала Нового Времени — «личность», «права человека», «правовое государство» и т.д. Хотя новые учебники государства и права, под сильным японским влиянием, определяли свободу личности, прежде всего, «рамками того, что разрешено государственными законами», они, тем не менее, содержали идею правового регулирования отношений между индивидом и обществом/государством. Это было шагом вперед по отношению к конфуцианскому представлению о государе как «отце народа» и государстве как органе «морального преобразования подданных», не связанном перед ними никакими формальными обязательствами. Критика нарушений прав человека со стороны государства — телесных наказаний, незаконных изъятий имущества и т.д. — была одной из основных тем просветительской публицистики. Хотя просветители видели в женщине, в первую очередь, «мудрую мать и хорошую жену», к концу 1900-х годов в Корее появилось более ста женских школ, стал рождаться (правда, пока что очень тонкий) слой женской интеллигенции. Женщина была признана частью гражданского общества (хотя и неполноценной), что было немыслимо в конфуцианской Корее.

Одним словом, к концу 1900-х годов в Корее существовали уже до какой-то степени зачатки современного гражданского общества, с присущими ему представлениями о государстве как коллективе граждан, личности (а не клане или семье) как базовой единице гражданского коллектива и праве как рациональной, универсальной основе всех отношений в обществе и мире. Если в 1900-е годы идеология корейского гражданского общества не выходила за пределы подражательного по отношению к японским и европейским образцам социал-дарвинистского национализма, то к началу 1920-х годов идейная жизнь образованной городской Кореи стала более разнообразной. На корейскую почву начали прививаться как коммунистическая идеология и анархизм, так и интерес к более умеренным формам социалистической мысли. Углубилось разделение националистов на умеренных и радикалов, а среди христиан наметился гораздо более живой, чем ранее, интерес к социальным проблемам, к вопросу о взаимоотношении христианства с национальной традицией. Особенно сильно было влияние коммунизма и вообще радикальных левых идей — оно было выше в образованных

кругах Кореи 1920-х годов, чем в любой другой колониальной стране Азии. Но подобного рода развитие стало возможно только благодаря тому, что основные идеи и представления Нового Времени были уже «пересажены» на корейскую почву к концу 1900-х годов.

Использованная литература

- Хан Маркс. *Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905–1910)*. М., 1961.
- Шипаев В.И. *Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917)*. М., 1964.
- Ким Хосон. *История движения «армий справедливости» в последние годы старой Кореи* (김호성, 韓末義兵運動史). Сеул, изд-во Корёвон, 1987.
- Чон Бокхи. *Социал-дарвинизм и представления о государственности в последние годы старой Кореи* (전복희, 社會進化論과 國家 思想: 舊韓末을 中心으로). Сеул, изд-во Хануль Акхадеми, 1996.
- Ю Ённёнль. *Национальное движение в годы Корейской Империи* (유영렬, 大韓帝國期の 民族運動). Сеул, изд-во Ильчогак, 1997.
- Korea Illustrated by British Weeklies, 1858-1911. Сеул, изд-во Саллим, 2008
- Lee, Kwang-rin. “Korea’s Responses to Social Darwinism” — *Korean History: Discovery of Its Characteristics and Developments*. Ed. by Korean National Commission for UNESCO. Elizabeth, NJ: Hollym, 2004, pp. 439–475.
- Посланники Корейской Империи на Гаагской конференции 1907 года* (대한제국 1907 헤이그 특사). Сеул, Управление культурного наследия, 2007.

Часть 4

КОЛОНИАЛЬНАЯ КОРЕЯ: КОЛОНИАЛЬНАЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ (1910–1945)

Глава 17

ЯПОНСКИЙ «САБЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ» И ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ КОРЕИ 1910–1919 гг.

а) Колониальная система и проблема развития капитализма в Корее 1910-х годов

Если колонизация азиатских или африканских территорий европейцами часто начиналась как коммерческое предприятие и с самого начала была направлена на извлечение прибыли из эксплуатации ресурсов и экспорта промышленных товаров, то Корея являлась, строго говоря, не столько колонией Японии, сколько колонией японской армии. Все японские генерал-губернаторы Кореи были генералами армии — за исключением одного, являвшегося адмиралом флота. Совмещая административную, юридическую (право назначать судей) и законодательную (право издавать действовавшие только на территории Кореи и в отношении корейцев законы и указы) власть с верховным командованием размещенными на территории Кореи двумя армейскими дивизиями, генерал-губернатор Кореи был подотчетен лишь императору и формально премьер-министру, но не парламенту. Пост генерал-губернатора Кореи рассматривался как одна из карьерных высот в структуре японской армии. Многие бывшие генерал-губернаторы Кореи становились затем премьер-министрами и играли ключевую роль в японской политике. Опорой абсолютной власти генерал-губернатора, значительно превосходившей по своим реальным возможностям власть корейских монархов, была отлично вооруженная, располагавшая разветвленной агентурной сетью и имевшая свои участки и опорные пункты в каждом уголке полуострова жандармерия и полиция. В 1911 г. 935 жандармских участков начитывали

7749 жандармов и подручных, а 678 полицейских участков — 6222 полицейских. К 1920 г. общая численность полицейских и жандармов составляла уже 18366 человек, и на их содержание уходила примерно шестая часть всего колониального бюджета. Корея, не имевшая в традиционный период регулярной полиции за пределами столицы, теперь контролировалась примерно таким же количеством вооруженных агентов власти в пропорции к числу населения, как и средняя западноевропейская страна.

Одним из первых заведующих полицейской службой колониальной Кореи был полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919) — специалист в области подрывной работы и провокаций. В бытность военным атташе в Санкт-Петербурге (1902–1904) и позже, во время русско-японской войны, он «прославился» организацией антироссийских операций с использованием закавказских и финских националистических групп и ряда российских революционных организаций, которые приобретали за японский счет вооружение за границей. Используя свой опыт на новой должности в Корее, Акаси прилагал все усилия для дезорганизации зачатков национального движения в стране с помощью политики «кнута и пряника» — жестоких репрессий против любых потенциально «опасных» организаций и одновременно поощрения образованных корейцев к переходу на прояпонские позиции. Более половины колониальных полицейских было набрано из корейцев, что позволяло проникать в самую сердцевину структур корейского общества, вербовать агентов и получать информацию из всех социальных слоев. Созданное японцами на корейской земле современное полицейское государство охраняло существующие отношения собственности и социальный порядок в целом, тем самым служа и интересам корейских имущих слоев. Но, в первую очередь, оно было опорой национального господства японцев над корейским народом. Когда дело касалось корейских масс, полицейская система грубейшим образом попирала права и интересы личности.

Рис. 28. Коридоры Содэмунской тюрьмы в столице колониальной Кореи, Кёнсоне (так назывался Сеул в колониальную эпоху). Открытая 21 октября 1908 г., построенная по образцу «современных» тюрем самой Японии, эта тюрьма вмещала одновременно до 500 заключенных — в то время как во все тюрьмы тогдашней Кореи на тот момент помещалось не более 300. В колониальные годы через камеры этой тюрьмы — символа японского военно-полицейского контроля над страной — прошел цвет корейской интеллигенции. Интересно, что эту же тюрьму использовали до 1987 г. для репрессий против «подрывных элементов» и сменившие японцев военно-авторитарные режимы Южной Кореи.

Рис. 29. Суд над группой корейцев, обвиненных в «подрывной деятельности».

Полиция имела по указу 1912 г. право наказывать корейцев за «мелкие нарушения» без суда и следствия, в том числе и с помощью телесных наказаний, отмены которых добивалась прогрессивная корейская общественность 1900-х годов. Согласно этому указу, телесное наказание рассматривалось как замена тюремному заключению или штрафу — одна иена штрафа заменялась одним ударом палкой. Физическая расправа предназначалась, прежде всего, для малоимущих слоев населения. Широчайшим образом практиковались пытки при допросах. Известный корейский националист Ким Гу (1876–1949), сыгравший впоследствии важную роль в организации национально-освободительного движения в эмиграции, рассказывал, например, в своих воспоминаниях, что, будучи арестован в январе 1911 г. как член «Общества нового народа», он был подвешен на импровизированную дыбу в полицейском участке и избит до потери сознания еще до того, как полицейские объяснили ему, в чем он обвинялся. Физически крепкий человек, Ким Гу несколько раз терял сознание под пытками и вспоминал, что его товарищи по несчастью вышли на суд «практически полумертвыми» (одного запытали до смерти), а полицейский централ в Кёнсоне (японское произношение — Кэйдзё; так стал называться в период японского владычества Сеул), куда его в итоге перевели, «напоминал скотобойню — стены его были постоянно наполнены нечеловеческими воплями истязаемых». После всех истязаний и унижений Ким Гу поклялся себе, что больше не будет следовать канонам христианского всепрощения и поведет с Японией беспощадную войну — столь велик был шок от полицейского «беспредела».

Полное пренебрежение к правам человека, характерное для всевластной колониальной полиции, драконовские законы, дававшие генерал-губернатору и полицейским властям право распустить и запретить любую общественную организацию, запрещавшие любые «митинги и демонстрации политического характера» и грозившие штрафом и тюрем-

ными сроками (до двух лет) безо всякого формального суда любому корейцу, посмевшему «неблагоденственно высказаться о политике», — все это наложило характерный отпечаток на жизнь как в Северной, так и в Южной Корее после конца колониальной эпохи.

Основанное, в первую очередь, на прямом военно-полицейском насилии и бюрократическом контроле, японское господство в Корее опиралось в то же время и на прояпонские настроения среди значительной части правящих классов Кореи, всячески поощрявшиеся колониальным режимом. Так, 30 декабря 1910 г. был опубликован указ «О департаменте государева двора бывшей династии Ли», согласно которому в штат департамента, занимавшегося обслуживанием бывших государей Коджона и Сунджона и их клана, было включено 198 корейских и японских чиновников на годовом бюджете в полтора миллиона иен. Для сравнения, годовое жалование премьер-министра Японии было в 1910-е годы приблизительно 10 тыс. иен. В обслуживании одного Коджона находилось 34 чиновника, включая четырех личных докторов. Седьмой сын Коджона, принц Ли Ын (1897–1970), окончивший японскую военную академию (до 1945 г. успел дослужиться до генерал-лейтенанта), был женат на дочери племянника императора Мэйдзи, принцессе Масако (1901–1989). Этот брак должен был символизировать, что бывший правящий род Кореи «навсегда связал свою судьбу» с японской императорской фамилией. Один из младших членов этого клана, Ли Гон — старший сын пятого сына Коджона принца Ли Гана (1877–1955), — чувствовал себя настолько преданным Японской империи, что после поражения японского милитаризма в 1945 г. остался жить в Японии и в 1947 г. даже принял японское гражданство под новым именем — Момояма Кэнъити. Неудивительно, что, за исключением одного-двух изолированных инцидентов, бывший государев клан практически никакого участия в антияпонской освободительной борьбе не принимал, подавая правящему классу Кореи «пример» сотрудничества с колонизаторами.

Другой указ, «Об аристократах Кореи», опубликованный одновременно с «Договором о присоединении Кореи к Японии», присваивал 76 высшим чиновникам старого корейского правительства, в основном из знатных семей, наследственные аристократические титулы. Показательно, что только двое из числа новоиспеченных «японских аристократов» нашли в себе мужество отказаться от присваиваемых завоевателями «титулов» (одним из этих «отказников» был известный реформаторский лидер Ю Гильджун, 1856–1914) — к 1910 г. в целом прояпонские настроения господствовали в высшей чиновной среде. На «поздравительные» клану бывшего государя, «корейским аристократам» и семьям погибших членов прояпонской реформаторской группировки была израсходована сумма более чем в 8 млн. иен, частично выплачивавшихся правительственными ценными бумагами. Объектом задабривания стала и местная *янбанская* элита — денежное вознаграждение в ноябре 1910 г.

было выплачено 9721 «пожилому почтенному конфуцианцу». Другой, символической, уступкой традиционным слоям *янбанства* было сохранение местных конфуцианских школ и храмов, жертвоприношения в которых проводили теперь японские чиновники.

Рис. 30. Бывшие монархи Кореи и их наследники. Памятная японская открытка середины 1930-х годов. Изображены: справа сверху и внизу — император Коджон (1852-1921) и его главная наложница, мать наследника «леди» Ом; слева сверху и внизу — император Сунджон (1874-1926) и его супруга императрица Юн (1894-1966); в центре — наследник престола, младший сын Коджона принц Ын (другое дворцовое имя — Ёнчхин-ван, 1897-1970) и его супруга принцесса Масако (корейское имя Ли Панджа, 1901-1989) и их сын Ли Гу (1931-2005). Цветок сливы сверху — геральдический знак этой фамилии, который стал «по рекомендации» японцев использоваться со времен протектората как символ ее изменившегося статуса.

Важным моментом в привлечении как выходцев из традиционных *янбанских* семей, так и «новой» интеллигенции на сторону японской власти было предоставление им возможности поступать на государственную службу. В 1915 г. из приблизительно 30 тысяч чиновников администрации генерал-губернатора этнических корейцев было более 12 тысяч. Особенно много их было среди чиновников провинциальной администрации, которым по роду их служебных обязанностей приходилось иметь дело с корейской по преимуществу низовой (волостной и деревенской) администрацией и местным населением. К 1920 г. прибли-

зительно 80–90% уездных начальников было корейцами, попадались корейцы и среди губернаторов 13 корейских провинций. Типичным примером корейца, сделавшего блестящую карьеру на японской службе в ранней колониальной Корее, был, например, Ли Гюван (1862–1946) — выходец из разорившейся *янбанской* семьи, в юные годы бывший приживальщиком в доме известного реформатора Пак Ёнхё и лично занимавшийся физическим уничтожением врагов своего хозяина из клана Минов во время неудавшегося переворота 1884 г., а затем долгое время живший в эмиграции в Японии и США и женившийся на японке. Вернувшись в Корею и будучи назначенным губернатором вначале провинции Канвон, а затем Южная и Северная Хамгён, Ли Гюван печатал в официальной японской колониальной прессе статьи, призывавшие корейцев «преодолеть предковскую лень и сделаться столь же экономными и трудолюбивыми, сколь и американцы», устроил рядом с губернаторской резиденцией провинции Канвон шелководческое училище и лично проводил там занятия. Не веря в то, что «цивилизационный уровень» корейцев позволит им стать независимыми, Ли Гюван мечтал о предоставлении корейцам в будущем политических прав в рамках Японской Империи.

Подобное сочетание колониального комплекса неполноценности и веры в то, что японское правление «цивилизует» Корею, было характерно и для многих других корейцев на средних и высших уровнях японской службы. Для этих людей, зачастую выходцев из разорившихся *янбанских* кланов или простолюдинов, колониальное правление открыло новые, ранее немыслимые карьерные перспективы. Приблизительно 6 тысяч волостных секретарей и 23 тысячи деревенских старост на государственном жаловании (1915 г.) — практически все корейцы, обычно достаточно низкого происхождения, к местной элите не принадлежавшие, — также получили возможности для социального роста, о которых простолюдины в старой Корее вряд ли могли даже мечтать. Имея зачастую только начальное образование современного типа и некоторое знание японского языка, эти низовые колониальные бюрократы могли встать наравне со средними и мелкими землевладельцами *янбанского* происхождения в неписаной местной иерархии. Однако даже верная служба новым хозяевам не спасала местную колониальную элиту от национальной дискриминации, унижительной и всеохватывающей. Продвижение чиновников-корейцев по службе было ограничено и их жалование часто составляло лишь 30–50% от жалования их японских коллег, так что кореец — начальник уголовного отдела провинциального полицейского управления получал, скажем, в начале 1920-х годов меньшее жалование, чем его заместитель-японец. Для того чтобы снять с собственного счета в банке более тысячи иен, кореец-чиновник, землевладелец или предприниматель должны были писать объяснительную записку о том, как они намереваются потратить эту сумму. Подобная колониальная дискриминация,

делавшая правящий класс корейского происхождения «второсортными хозяевами жизни», вызвала у корейской элиты недовольство, вылившееся позднее в «культурное» националистическое движение 1920-х годов.

Хотя некоторую часть колониальных бюрократов-корейцев и составляли простолюдины или обедневшие *янбаны* (подобные Ли Гювану), сделавшие карьеру благодаря современному образованию или политическим контактам, в основном высшие и средние слои чиновничества корейского происхождения рекрутировались из среды *янбанов* — землевладельцев. Именно эта группа корейского населения была основной социальной опорой чужеземной власти, многое сделавшей для того, чтобы упрочить и увековечить господство землевладельческой элиты над корейской деревней. К 1910 г. «средними и крупными землевладельцами» (*чиджу*) считалось примерно 3% сельского населения Кореи, а к 1920 г. корейцев, владевших более чем 10 гектарами земли, насчитывалось 29062 человека (примерно 1,1% от общего числа сельских домохозяйств). Из них крупными по масштабу угодьями (более 100 га) владело 266 человек. Корейским землевладельцам приходилось выдерживать неравную конкуренцию с землевладельцами японскими, владения которых, составлявшие только 60 тыс. га в 1910 г., достигли 236 тыс. га (примерно 5% всей обрабатываемой территории) к 1920 г. и продолжали расти. Уже в 1910 г. японские землевладельцы, имея возможность при содействии властей скупать самые плодородные земли, производили 9% всего выращиваемого в Корее риса — главного экспортного продукта страны. Корейская землевладельческая элита проигрывала японской в конкуренции за скупку лучших участков и не получала той помощи колониальной администрации в ирригационных работах и освоении залежных земель, от которой выгадывали японские колонисты.

В то же время корейские землевладельцы, так же, как и японские, были удовлетворены земельной политикой колониальных властей, направленной на закрепление существующих поземельных отношений, придание им «современной» формы. В 1910–18 гг. власти генерал-губернаторства потратили почти 25 млн. иен на составление нового земельного кадастра, который якобы призван был «уточнить, на основе существующих документов, и навечно закрепить законные права всех земельных собственников», а также определить стоимость земли для исчисления поземельного налога (зависевшего от урожайности). На самом деле, собственниками, обладавшими реальной возможностью, согласно требованиям составителей кадастра, предъявить в письменном виде свои документы (в том числе план межей на границах владений и т.д.) японским администраторам, были, прежде всего, средние и крупные землевладельцы. Некоторые бедняки, абсолютное большинство которых было неграмотно, вообще не понимали, чего от них требует японская администрация, и боялись или не желали иметь с ней дело. Их наивная уверенность в том, что те земли, которые они обрабатывали из

поколения в поколение и считали «своими» по обычному праву, даже если соседний *янбан* требовал с них арендную плату, останутся за ними, дорого им стоила. Те 3% землевладельцев, у которых имелись возможности и желание «по закону» оформить у японской администрации как права на свою фамильную собственность, так и свои претензии на общинные, клановые, а то и соседские крестьянские или спорные угодья, получили к 1918 г. контроль над половиной всего корейского земельного фонда.

В результате к 1918 г. мелкие землевладельцы-собственники составляли лишь полмиллиона дворов, в то время как абсолютное большинство корейских крестьян было вынуждено частично (около миллиона дворов) или полностью (также около миллиона дворов) арендовать земли средних и крупных землевладельцев. Последние, опираясь на оформленные «посовременному» владельческие права и мощь японской полиции, не имели более нужды церемониться со своими арендаторами. Наследственная аренда, характерная для старой Кореи, была заменена краткосрочными контрактами (1–3 года), по истечении срока которых «недостаточно усердного» арендатора можно было без всяких препятствий выгнать с земли, обрекая его с семьей на бродяжничество или голодную смерть. Арендаторов вынуждали «соревноваться» между собой, а арендная плата поднялась с 30–50% до 50–70% урожая, причем арендаторов заставляли платить еще и поземельный налог за обрабатываемую ими землю. Беспрепятственная, не ограниченная больше общинными традициями или конфуцианской патриархальной моралью эксплуатация бедного и беднейшего крестьянства «на современный лад» была тем элементом колониальной жизни, что более всего привлекал симпатии среднего и крупного землевладельческого класса.

Промышленная политика японских колониальных властей отличалась с самого начала двойственностью. С одной стороны, государственно-капиталистические методы, а именно крупные государственные ассигнования и прямое государственное управление, были использованы для строительства на Корейском полуострове инфраструктуры, прежде всего транспортной, которую Япония считала стратегически необходимой как с точки зрения дальнейшей военной экспансии на континент, так и для упрочнения контроля над корейской провинцией. С другой стороны, вплоть до промышленного бума, последовавшего за началом первой мировой войны в 1914 г., японские власти, следуя примеру большинства европейских колониальных держав того времени (скажем, Франции во Вьетнаме), препятствовали развитию промышленности в Корее, видя в ней рынок сбыта для собственно японских товаров. Впечатляющий рост инфраструктуры зачастую приводился японской администрацией — и приводится до сих пор рядом консервативных японских ученых — как аргумент в пользу «прогрессивности» японского колониализма для якобы «безнадежно отсталой» Кореи. Действительно,

за 1910–1919 гг. протяженность железнодорожной сети в Корее выросла более чем в два раза, с приблизительно 1000 до 2200 км. Построенные в этот период железнодорожные пути от Кёнсона на юг, в провинции Южная и Северная Чолла, и на восток, к порту Вонсану, а также ветка в северо-восточную провинцию Хамгён имели крупное экономическое значение. В перспективе они способствовали как формированию единого общенационального рынка, так и, в конечном счете, преодолению традиций региональной замкнутости и формированию в Корее буржуазной нации современного типа. Годовой объем грузовых перевозок по железным дорогам увеличился за 1907–1919 гг. десятикратно, до трех с половиной миллионов тонн.

Рис. 31. Станция Ёнсан на окраине Кёнсона (Сеула). Построенное в 1906 г. деревянное здание станции было заменено в 1932 г. на трехэтажную каменную постройку, простоявшую до 1978 г. Отсюда отправлялись поезда на север — к городу Ёйджу на китайской границе.

Рис. 32. 1915 г. — трамвай и линия электропередач на одной из центральных кёнсонских улиц (недалеко от Южных Ворот столицы — Намдэмуна). Вдали виднеется построенное японцами здание Центрального почтамта.

Рис. 33. 1915 г. — одна из первых пожарных станций современного типа в Кёнсоне. Уже используются автомашины, но на пожарной каланче вместо сирены — традиционный колокол.

Строились — прежде всего, для вывоза корейского риса и ввоза в страну японских промышленных товаров — современные порты в Пусане, Инчхоне, Чиннампхо и Вонсане, а протяженность шоссейных дорог выросла за первую колониальную декаду в три раза, до 3400 км. Строительство шло или за счет ассигнований генерал-губернаторства (шоссе), или за счет как государственных ассигнований, так и подписки на гарантированные генерал-губернаторством облигации внутри самой Японии (железные дороги). Однако при этом нельзя забывать, что за строительство инфраструктуры платили, в конечном счете, корейцы, налоговые поступления от которых были основным источником доходов генерал-губернаторства. Составление нового поземельного кадастра, ужесточение контроля над рынками и торговлей, рост ввоза японских промышленных товаров позволили увеличить налоговые поступления с приблизительно 12 миллионов иен в 1911 г. до 34 миллионов иен в 1920 г. При этом львиную долю составляли поземельный налог и акцизы (косвенные налоги, включавшиеся в итоге в цену потребительских товаров), тяжелым бременем ложившиеся на крестьян и мелкий городской люд. Прогрессивного налогообложения колониальная Корея не знала, т.е. к лояльной Японии землевладельческой элите применялась та же налоговая ставка, что и к бедноте. При строительстве шоссейных и железных дорог земли в полосе отчуждения, принадлежавшие корейцам, зачастую не выкупались, а конфисковались безвозмездно. Крестьян из соседних деревень, как и в традиционные времена, насильственно сгоняли на дорожные работы, не обеспечивая даже ночлегом.

Строя с помощью драконовских мер инфраструктуру, японцы практически законсервировали на определенное время то состояние промышленной отсталости, в котором Корея находилась на момент колонизации. По изданному генерал-губернаторством в декабре 1910г. «Положению о коммерческих компаниях» (*хвесарён*), на создание новых компаний требовалось особое разрешение центральных властей колонии, которые выдавали лицензии неохотно и обладали также правом в любой момент закрыть неугодное предприятие. На 1911 г. в Корее действовало 252 промышленных предприятий. Из них собственно корейской буржуазии принадлежали только 66 (остальными владели в основном японцы), и работало на них всего две с половиной тысячи рабочих. В основном это были небольшие текстильные, бумажные и табачные фабрики, а также гончарные мастерские, большей частью в Кёнсоне и окрестностях. Вплоть до конца первой колониальной декады корейским предпринимателям, в отличие от японских, не выплачивалось правительственных субсидий, их изделия не закупали армия и государственные учреждения. Несколько активизировалась корейская индустрия с началом первой мировой войны, когда в связи с военными действиями на море и переориентацией европейской индустрии на военные заказы импорт в Японию и колониальную Корею высококачественных евро-

пейских товаров сократился, а цены на большинство потребительских товаров выросли. Поскольку заработная плата корейского рабочего была в 2–3 раза ниже японской (в 1917 г. корейский квалифицированный рабочий получал одну иену в день на строительстве и ремонте судов, а японский — почти две), разбогатевшие на военных дефицитах и заказах крупные и средние японские капиталисты были заинтересованы в строительстве фабрик в Корее.

Общее оживление конъюнктуры и ослабление ограничений на строительство новых фабрик с 1916 г. толкало и некоторых корейских землевладельцев и купцов к инвестициям в промышленность. К 1919 г. корейские буржуа владели уже 956 фабриками и заводами с приблизительно десятью тысячами рабочих. Однако выиграли на военной конъюнктуре, прежде всего, японские буржуа. Если в 1911 г. им принадлежало 26% всего уставного капитала в корейской промышленности, то в 1917 г. — уже 77%. К 1919 г. на японских капиталистов работало уже около 30 тысяч корейских рабочих. К концу войны в строительство фабрик в Корее вкладывал средства ряд известных японских монополий в производстве цемента («Онода», «Асано»), текстильной индустрии («Катакура», «Канэбо», «Нитимэн»), тяжелой промышленности («Мицуи» и «Мицубиси»). Однако, даже при том, что к концу декады связанные так или иначе с современным промышленным сектором лица (рабочие, инженеры и техники, служащие муниципальных и государственных предприятий, строительные рабочие-поденщики и т.д.) и члены их семей составляли 18% всех жителей Кёнсона, Корея оставалась преимущественно аграрной страной. 65% валового внутреннего продукта производилось в первичном секторе — сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве. Не имея пока что достаточных причин для того, чтобы всерьез реализовывать в Корее программу индустриализации, колониальные власти использовали страну в качестве аграрно-сырьевого придатка и рынка сбыта для динамично развивавшейся экономики метрополии.

Что представляла собой крупная и средняя корейская буржуазия первой колониальной декады? Слой этот был достаточно разнороден, включая несколько различных по своему происхождению, культурным координатам и ориентации прослоек. Объединял их общий страх перед простонародьем и симпатии к «твердому порядку», установленному колонизаторами, хотя политику генерал-губернаторства по конкретным вопросам корейские богачи могли и не одобрять. Верхушка корейской буржуазии была выходцами из высших слоев старого корейского чиновничества, или связанными с предпринимательской деятельностью еще с традиционных времен (скажем, занимавшимися ростовщичеством в крупных размерах), или избравшими коммерческую деятельность уже под влиянием новых веяний. К первым относился, например, Ким

Джонхан (1844–1932), ставший еще в 1903 г. заместителем директора одного из старейших в Корее — Хансонского (Сеульского) банка («Хансон ынхэн»). Ответственный чиновник Ведомства Двора и лично близкий Коджону, Ким Джонхан происходил из старинного *янбанского* клана Андонских Кимов, занимавшего в первой половине XIX в. господствующие позиции в политической жизни страны. Опытнейший бюрократ, начавший делать карьеру еще с 1870-х годов, Ким Джонхан был известен и как крупный ростовщик. Он ссужал сеульским купцам немалые суммы и обладал крепкими связями в купеческой среде. Банк, ставший в 1903 г. официальным банком корейского правящего дома, занимался как кредитованием двора Коджона, так и предоставлением ссуд тесно связанным с двором крупным сеульским купцам. Многие представители купечества и сами пробовали себя в банковском бизнесе. Так, после ухода Ким Джонхана с поста зам. директора Хансонского банка в 1908 г. на пост аудитора туда пришел Чо Джинтхэ — богатый купец и землевладелец, уже с 1880-х годов считавшийся старейшиной сеульских торгово-предпринимательских кругов, владелец акций банков «Тэхан чхониль» (основан в 1899 г.) и Хансонского (Сеульского) аграрно-индустриального банка («Хансон нонгон ынхэн», основан в 1907 г.). Акционерами семи существовавших в первую колониальную декаду корейских банков были и другие сеульские купцы, связанные с бюрократическим капиталом — Пэк Ванхёк, Ким Дусын, Ё Джонсок.

Новое поколение бюрократического капитала представлял преемник Ким Джонхана на посту главного менеджера Хансонского банка — Хан Саннён (1880-?). Выходец из обедневшей, но знатной чиновной семьи, он попал на пост сначала управляющего делами (1910), а потом главного менеджера (1910) Хансонского банка как благодаря родственным связям с главой прояпонской группировки в среде высшей корейской бюрократии Ли Ванъёном, так и благодаря контактам, завязанным во время учебы в Японии. Для крупных капиталистов из бюрократической среды, таких, как Ким Джонхан или Хан Саннён, лояльность Японии была основой не только политического выживания, но и коммерческого успеха. Ким Джонхан, получивший в связи с аннексией Кореи японский баронский титул, занимался в 1910-е годы активной коммерческой деятельностью в партнерстве с японским капиталом (например, крупными скотопромышленниками). О движении за независимость он говорил обычно следующим образом: «Пусть корейцы вначале скажут спасибо Японии, которая сделала их независимыми от Китая и научила слову “независимость”». Коммерческому успеху в управлении Хансонским банком, капитал которого он довел к 1919 г. до 6 миллионов иен, Хан Саннён был обязан как покровительству со стороны генерал-губернаторства, так и межбанковским кредитам от японских банков, хотя акции Хансонского банка вплоть до 1920 г. японцам не продавались. Неудивительно, что в качестве члена совета управляющих Сеульской торгово-

промышленной палаты — лоббистской организации крупных корейских буржуа — Хан Саннён официально внес предложение (оно было в итоге принято) объединить эту организацию с торгово-промышленной палатой японских капиталистов.

Хотя ряд мероприятий японских властей и мог быть им невыгоден, крупные корейские коммерсанты не отделяли своих интересов от интересов «старших партнеров» — японских буржуа. Они могли быть заинтересованы в ликвидации дискриминационных по отношению к корейскому капиталу мер, активной индустриальной политике в Корее или расширении политического представительства для корейской верхушки и средних классов, но не в борьбе за политическую независимость Кореи. Мало отличалась от бюрократического капитала, с точки зрения политической ориентации, и другая прослойка крупного и среднего капитала — провинциальные крупные землевладельцы, начавшие инвестировать доходы от экспорта риса в бизнес, и, прежде всего, финансовые и торговые предприятия. Например, один из крупнейших землевладельцев провинции Южная Чолла, Хён Бонги (1854–?), известный в раннюю колониальную эпоху как ведущий акционер «Мокпхоского торгово-финансового общества» (финансовая компания, кредитовавшая экспортно-импортные операции) и коммерческий директор Кванджуского аграрно-индустриального банка, даже переехал в разгар вооруженной борьбы отрядов *ыйбён* против японского колониализма в 1907–1910 гг. в Мокпхо, под защиту японской полиции. Вожди *ыйбён* требовали от него материально поддержать их движение, но никакого интереса к защите суверенитета своей страны разбогатевший на экспорте риса в Японию Хён Бонги не испытывал. Сын его, Хён Джунхо (1889–1950), стал впоследствии известным колониальным банкиром. Индустриальная буржуазия — владельцы небольших текстильных, табачных и керамических предприятий — испытывала определенное недовольство японской колониальной политикой, но была слишком слаба и зависима от банковского капитала для того, чтобы выступить выразителем национальных чаяний корейского народа. В результате, первую скрипку в национально-освободительном движении в Корее играла не буржуазия, а националистическая интеллигенция, в 1910-е годы выступавшая или под националистическими и буржуазно-демократическими лозунгами или за восстановление старой монархической государственности, а в 1920-е годы в значительной своей части перешедшая на левые позиции. На сотрудничество с националистической интеллигенцией шла лишь небольшая часть предпринимательского класса (скажем, некоторые буржуа-протестанты из северо-западных районов Кореи, такие, как торговец латунной утварью Ли Сынхун), но и ее позиция отличалась нерешительностью и непоследовательностью. Как и во многих других колониальных и зависимых странах, буржуазия Кореи не имела ни возможности, ни желания выступить в роли гегемона в национально-освободительной борьбе.

б) Корейский национализм и национальное движение — в поисках ответа на вызовы эпохи

Какие же пути к освобождению страны от японского гнета видели националистические интеллектуалы в первые колониальные годы? Большая часть идеологов просветительского движения 1900-х годов (например, знаменитый публицист Чан Джиён) примирилась с колониальными реалиями и отошла от национального движения, переключив свое внимание на деполитизированную «борьбу с феодальными обычаями и предрассудками», т.е. за улучшения в рамках существующей системы. В то же время некоторые радикальные националистические лидеры выбрали путь борьбы за возрождение корейской государственности в эмиграции. Так, переехал на жительство в Китай ведущий идеолог просветительства Пак Ынсик, ставший в начале 1910-х годов ревностным приверженцем националистической религии *тэджонгё*. Будучи тесно связан с выдающимся реформатором конфуцианства, сторонником умеренной модернизации в рамках традиционной идеологии Кан Ювзем (1858–1927), Пак Ынсик занимался по поручению последнего редакционно-издательской работой в находившейся под влиянием Кана и его идей китайской прессе. Вместе с другими, преимущественно проживавшими в Шанхае корейскими эмигрантами — например, обучавшемся ранее в Японии выходцем из знатного *янбанского* рода Хон Мёнхи (1880–1968), впоследствии известным писателем, — Пак организовал ряд националистических групп, ориентированных на сохранение корейского культурного наследия, развитие национального образования с целью подготовки нового поколения корейских эмигрантов к борьбе за свободу страны. В предисловии к своему труду «Горестная история Кореи» (1915 г.) он, приводя в качестве примера судьбу еврейского народа после рассеяния, выразил уверенность в том, что сохранение «нематериальной сущности нации — национального духа» оставляет народу надежду на восстановление в будущем политической независимости даже после того, как «материальная форма жизни нации — государственность» — утрачена. Подобный подход, восходивший как к конфуцианским представлениям о «лояльности истинному государю и непризнании завоевателей-варваров», так и дошедшей до Пан Ынсика через японские и китайские переложения немецкой романтико-националистической идее «народного духа», сыграл серьезную историческую роль, вдохновляя новые поколения корейских интеллигентов на работу по сохранению национального наследия. Однако в то же время подход этот был элитарным, чуждым большинству корейцев, не имевшему никакого отношения к той «высокой» культурной традиции господствующих классов, которую имел в виду Пак Ынсик.

В похожем, «культурно-националистическом», направлении развивалась и мысль другого радикального националиста, который предпочел эмигрировать с оккупированной японцами родины — публициста и историка Син Чхэхо. После аннексии Кореи он переехал на жительство во Владивосток, где работал в корейской прессе, в том числе в качестве редактора издававшееся с марта 1912 г. газеты «Квоноп синмун». Однако раздоры между различными провинциальными группировками в среде владивостокских корейцев, недоверие русскоподданных корейцев — в основном выходцев из северо-восточных районов Кореи — к «чужакам» из центральных районов страны вынудили его уехать в 1913 г. в Китай. Сотрудничая в создаваемых Пак Ынсыком националистических эмигрантских организациях, Син Чхэхо продолжал заниматься исследованиями древнекорейской истории, бывшей для него «фундаментом нашего национального духа», и искал возможности для организации вооруженной борьбы с японскими захватчиками. Однако вплоть до конца первой мировой войны ни в России, ни в Китае, являвшихся союзниками Японии и стран Антанты в борьбе против Германии, организация вооруженного антияпонского сопротивления реальной не представлялась. Как и Пак Ынсык, Син Чхэхо оставался приверженцем идей социал-дарвинизма, причем в их крайней форме. В своем романе «Небо, которое я увидел во сне» (1916 г.) он изобразил загробную жизнь как продолжение «борьбы за выживание» в реальной жизни — победители в ней отправляются в рай, а побежденные — в ад. Рай был также наградой за верность нации, а ад предназначался «предателям», в число которых Син Чхэхо включал даже тех, кто, например, женился или выходил замуж за японцев. Государственнический социал-дарвинизм Син Чхэхо 1910-х годов мог быть привлекателен для части эмигрантской интеллигенции, но практически никоим образом не соотносился с реальной жизнью основной массы корейского народа, с борьбой сельской и городской бедноты против эксплуатации со стороны как японских, так и корейских землевладельцев и предпринимателей.

Более практичной и результативной можно считать деятельность протестантского активиста крестьянского происхождения Ан Чханхо, эмигрировавшего из оккупированной японцами Кореи вначале в Китай, а затем, после недолгого пребывания во Владивостоке — в США. В Америке, став в 1912 г. президентом Корейской национальной ассоциации (националистической группы, созданной в 1905 г. в Лос-Анжелесе), Ан Чханхо вел активную работу по облегчению трудовой эмиграции корейцев в США, защите корейского населения от притеснений и расистских атак, улучшения условий труда корейцев на плантациях в США и Мексике. Однако, при всем значении, которая его правозащитная и просветительская деятельность имела для корейской общины в США, Ан Чханхо также являлся сторонником социал-дарвинизма. Он был убежден, что лишь «улучшение корейского национального характера» и «воспитание в корейцах трудолюбия, чистоплотности, бережливости и

духа взаимопомощи и доверия» — т.е. капиталистических ценностей — поможет Корею постепенно «подготовиться к независимости».

Этим целям должна была, в частности, служить основанная им в 1913 г. «Академия по воспитанию благородных мужей» (*Хынсадан*), задачей которой было привить подрастающему поколению корейской эмиграции «христианские и американские ценности». К любым проявлениям радикальной борьбы масс за свои права Ан Чханхо относился отрицательно, противопоставляя им идеалы «единения во имя нации». Идеи Ан Чханхо пользовались популярностью среди мелкой и средней протестантской буржуазии северо-западной Кореи (на родине самого Ан Чханхо), а также среди части корейской интеллигенции и студенчества, но вряд ли были способны завоевать массовую популярность. Еще дальше от забот и интересов простых людей отстоял другой действовавший в США протестантский националист — будущий первый президент Южной Кореи Ли Сынман. Первый кореец, получивший степень доктора философии в американском университете (Принстон, 1910 г.), Ли Сынман отстаивал идею «дипломатического пути к независимости», надеясь, что в будущем США войдут в военный конфликт с Японией, который и избавит в итоге корейцев от колониального ига, и считая главной задачей налаживание связей с американским истеблишментом, а также религиозно-образовательную работу в эмигрантской среде.

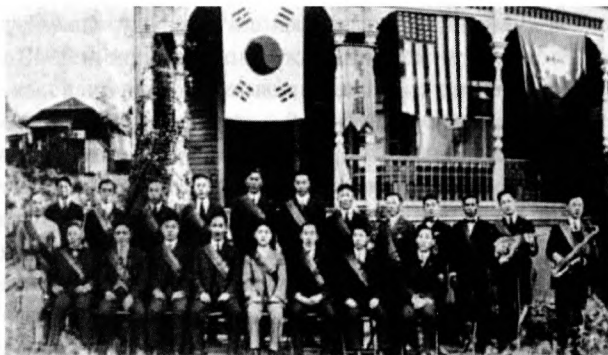

Рис. 34. Групповая фотография активистов «Академии по воспитанию благородных мужей». Калифорния, 1917 г.

В целом, корейские националисты социал-дарвинистского плана, как жившие и работавшие в Китае (Пак Ынсик, Син Чхэхо), так и опиравшиеся на американскую корейскую общину (Ан Чханхо, Ли Сынман), были глубоко оторваны от проблем и интересов большинства корейского народа, «вождями» которого они себя считали. Показательно, что, при всех их усилиях в области просвещения, работы над национальной историей и культурой, ни один из них не затрагивал в своих работах и выступлениях таких животрепещущих, первостепенных для

сельской бедноты тем, как земельная реформа или хотя бы ограничение эксплуатации безземельных и малоземельных крестьян. Как социальное происхождение националистических лидеров, так и их социал-дарвинистская уверенность в «первостепенности национального сплочения в эпоху борьбы за выживание между нациями всего мира», лишали их интереса к реальным проблемам жизни корейских «низов».

В то время как националистические лидеры в эмиграции продолжали развивать уже оформившиеся в 1900-е годы идеи «самоусиления», среди интеллигентной молодежи стало намечаться размежевание между радикалами и умеренными реформаторами. В самой Корее политика генерал-губернаторства препятствовала развитию среднего специального и высшего образования. Не поощрялось вообще и образование для корейцев как таковое, из опасения, что школы легко могут стать рассадниками антияпонских настроений. Если на момент аннексии Кореи в стране было около 2200 частных школ, то уже через пять лет политика административных преследований независимого образования привела к сокращению этого числа почти в два раза. В 1915 г. во всей стране было только 8 средних школ повышенной ступени и 19 специальных учебных заведений (сельскохозяйственных, коммерческих училищ и т.д.) — и ни одного университета. Неудивительно, что каждый год до сотни корейцев отправлялись на учебу в японские университеты и колледжи. В Токио в начале 1910-х годов существовала корейская студенческая община из 400–500 человек, имевшая с 1912 г. свою ассоциацию и издававшая с 1914 г. журнал «Свет Знания» (*Хакчигван*). В основном корейские студенты в Японии 1910-х годов — большей частью выходцы из землевладельческих или чиновных семей или стипендиаты религиозных организаций — придерживались умеренных социально-политических взглядов, густо окрашенных социал-дарвинизмом. Первая мировая война рассматривалась корейскими студентами как проявление «извечной для людей вообще, и особенно для современных цивилизованных государств, борьбы за существование», а секрет успеха в это борьбе для Кореи студенты видели в «воспитании прилежания и бережливости в народе», развитии кредитно-банковской системы и льготных кредитах для индустрии, особенно текстильной, а также движении за покупку населением корейских товаров вместо импортных. Некоторые студенты и молодые интеллигенты — в основном школьные преподаватели — объединившись с несколькими текстильными фабрикантами, даже создали в 1915 г. «Общество поощрения корейского текстильного производства», впрочем, скоро разогнанное властями. Ясно, что популярные среди студентов идеи промышленной модернизации страны отвечали, прежде всего, интересам зарождавшихся в Корее предпринимательских слоев.

Но вместе с тем намечались в среде корейских студентов в Японии и иные веяния. Так, выпускник Университета Мэйдзи, выходец из старинного *янбанского* рода Чо Соан (1887–1958) — в будущем ставший теоретиком «прогрессивного национализма» корейской эмиграции,

близкого во многих отношениях европейской социал-демократии — увлекался революционными республиканскими идеями Сунь Ятсена (1866–1925) и литературными произведениями Максима Горького (1868–1936), переводил на корейский язык книги таких японских демократов, как один из первых сторонников идеи «универсальных прав человека» на Дальнем Востоке, Баба Тацуи (1850–1888). Уехав вскоре после окончания учебы в эмиграцию в Китай, он наладил связи с представителями радикального крыла буржуазно-националистической партии *гоминьдан*, участвовал в августе 1917 г. в работе международной социалистической конференции в Стокгольме, где разоблачил перед представителями левых социалистических партий Европы миф о прогрессивности японского колониализма в Корее. Студент Университета Васэда из провинциальной купеческой семьи Ким Чхольсу (1893–1986) — в будущем ставший ответственным секретарем подпольной Компартии Кореи — опубликовал в десятом номере журнала «Свет Знания» в 1916 г. первую в истории корейской прессы статью о проблемах рабочего движения. В 1916 г. он, вместе с несколькими десятками других корейских и китайских студентов организовал в Токио «Союз новой Восточной Азии», целью которого была как совместная борьба с японским империализмом, так и борьба против империализма как такового.

Еще до этого, в 1914 г., в Осаке было организовано «Дружеское общество корейцев» (*Чосонин чхинмокхве*), возглавлявшееся молодыми интеллигентами анархо-синдикалистской направленности. Один из радикальных студентов, На Гёнсок — позже известный анархист — опубликовал в 1915 г. в журнале «Свет Знания» статью, где защищал право рабочих и крестьянской бедноты на активное сопротивление эксплуататорам, в том числе через забастовки и саботаж. Радикальные идеи в различных формах — от радикально-демократических до социалистических и анархистских — постепенно овладевали умами той части интеллигентной молодежи, которую не удовлетворял социал-дарвинистский национализм просветительского движения, которая начинала видеть в борьбе масс за свои интересы источник прогресса, движущую силу национального освобождения. Однако решающую роль в радикализации значительной части корейской молодой интеллигенции сыграла, прежде всего, Октябрьская революция 1917 г., ставшая для многих корейцев на долгие годы олицетворением их собственных надежд на политическое и социальное освобождение.

В целом, к 1917–1918 гг. итоги первой колониальной декады были печальны для Кореи. В то время как бум военных лет начал превращать Японию в индустриальную державу с тяжелой и химической промышленностью мирового уровня, Корея оставалась аграрно-сырьевым придатком японской экономики, с голодающим, малоземельным и практически полностью неграмотным крестьянством и только слабыми зачатками современной индустрии. В то время как малочисленная буржуазия, теснейшим образом связанная как с колониальными инсти-

тутами, так и с крупным землевладельческим классом, не испытывала особенного интереса к общенациональным или социальным проблемам, националистические лидеры корейской эмиграции считали социальные проблемы корейских масс делом второстепенным и рассматривали простонародье как орудие «возрождения корейской государственности». Однако в то же время в стране подрастала и новая, молодая интеллигенция современного типа, которой было свойственно гораздо более четкое осознание социальных реалий корейского общества, искреннее стремление вывести народ из тех нечеловеческих условий жизни, на которых его обрекал японский колониализм и его корейские союзники. Именно эта интеллигенция, которой Октябрь 1917 г. дал толчок к восприятию радикальной социалистической идеологии, заложила в итоге основания современной революционной традиции в Корее.

Использованная литература

- Ким Г.Ф. «Формирование корейского пролетариата» — *Народы Азии и Африки*. 1964, № 5.
- Кадзимура Хидеки. *Формирование и развитие капитализма в Корее* (Тё:сэн-ни океру сихонсюги но кэйсэй-то тэнкай). Токио, изд-во Рюкэйсёся, 1977.
- Миядзима Хироси, *Исследования по составлению земельного кадастра [японскими властями] в Корее [в 1910-е годы]* (Тё:сэн тоти тё:са дзигё:си-но кэн-кю). Токио, Институт восточной культуры Токийского университета, 1991.
- Пак Кёнсик. *Владычество японского империализма в Корее* (박경식, 日本帝國主義의 朝鮮 支配). Сеул, изд-во Чхона, 1986. С. 1–193.
- Han, Kee-hyung. “Sin Chaeho and Nationalist Discourses in East Asia” — *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. Vol. 2, Issue 2. August 2002. Pp. 44–66.
- Robinson, M. E. “Nationalism and the Korean Tradition, 1896–1920: Iconoclasm, Reform, and National Identity” — *Korean Studies*. Vol. 10, 1987. Pp. 35–53.

Глава 18

ОБЩЕНАРОДНОЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1 МАРТА 1919 г. И ПЕРЕХОД ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА К ПОЛИТИКЕ УСТУПОК (1919–1931 гг.).

а) Движение 1 марта — истоки, развитие, итоги

Колонизация Кореи Японией проходила в контексте общего развития мировой системы империализма, в условиях жесткого межимпериалистического соперничества. Конкуренция вначале со стороны Китая, а

потом со стороны России не давала Японии возможности приступить к превращению Кореи в протекторат вплоть до окончания Русско-японской войны. Неудивительно, что в сердцах интеллигентов колонизированной Кореи продолжала жить надежда на то, что в какой-то исторический момент изменения в мировой системе, в соотношении сил между Японией и другими державами дадут корейскому народу шанс на восстановление утраченной государственности. Так как в первой мировой войне Япония встала на сторону Антанты, немалая часть корейской эмигрантской интеллигенции в Китае стала возлагать надежды на возможную победу Германии и ее союзников. К февралю 1917 г., с известиями о демократической революции в России, новой надеждой для корейских интеллигентов стали прогрессивные социальные преобразования, которые смогли бы, в конце концов, избавить население колоний от порабощения. С энтузиазмом встретил события в России перебравшийся к 1918 г. на территорию российского Приморья вождь националистической эмиграции Пак Ынсик, заявивший в 1919 г., что, перейдя «от крайнего империализма к крайней форме республиканского строя, Россия заложила основы преобразования всего мира на основе справедливости и гуманности». По-видимому, лидеры эмиграции питали надежды на то, что преобразования в России дадут импульс подвижкам в сторону либерализма и демократии и в Японии, что сможет, в конце концов, позитивно сказаться и на решении корейского вопроса. Интересно, что пример России подвигнул Пак Ынсика и других лидеров корейской эмиграции в Китае издать в июле 1917 г. «Декларацию национального единения» (*Тэдон тангэль сонон*), в которой заявлялось о том, что монархия в Корее исчерпала себя, и предлагалось создать временное корейское правительство в изгнании на основе республиканских принципов.

Новым импульсом для активизации национально-освободительного движения как в эмиграции, так и внутри Кореи стали события конца 1917 — начала 1918 г. С одной стороны, в России пришла к власти радикальная социалистическая коалиция во главе с партией большевиков. В Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., Советское правительство объявило о безусловной и немедленной отмене всего содержания тайных договоров, «поскольку оно направлено... к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов...». В Обращении ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока от 20 ноября 1917 г. Советская Россия заявила о своем стремлении «помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу», и прямо указала на ряд аннулированных ею договоров, противоречивших интересам полуколониальных и зависимых народов Азии. С другой стороны, в своем обращении к Конгрессу США 8 января 1918 г. президент США В.Вильсон изложил знаменитые «14 пунктов» (сделавшие его в 1919 г.

лауреатом Нобелевской премии мира), включавшие, в частности, «справедливое разрешение колониальных вопросов с принятием во внимание интересов населения колоний». Этот пункт был истолкован корейской националистической интеллигенцией как признание права колоний на самоопределение.

Конечно, объективному наблюдателю было бы ясно, что у истощенной и обескровленной войнами, интервенцией и блокадой молодой Советской Республики не было никакой возможности освободить Корею от японского гнета. Что касается риторики Вильсона, то, как он и сам пояснял своим европейским союзникам уже к концу 1918 г., она относилась лишь к побежденным Германии и Австрии, но никак не к победителям, включая Японию. Однако корейские националисты, не имевшие возможности ни вести легальную политическую деятельность внутри страны (в отличие, скажем, от умеренных националистов в Индии), ни развернуть полноценное вооруженное сопротивление из-за рубежа, смотрели на мировые события сквозь призму своих надежд и были склонны принимать желаемое за действительное. В духе конфуцианских стереотипов, они хотели разглядеть в империалистическом переделе мира после первой мировой войны «перестройку мирового порядка на началах гуманности и справедливости».

Желая, чтобы в процессе этой «перестройки» были учтены и корейские интересы, Корейская национальная ассоциация в США решила в декабре 1918 г. послать Ли Сынмана и нескольких других «национальных лидеров» представлять порабощенную Корею на Версальской мирной конференции². В Париж лидеры умеренной корейской эмиграции не попали. Госдепартамент США отказался выдать политическому беженцу Ли Сынману паспорт для путешествия в Европу, а старый покровитель Ли Сынмана, президент Вильсон (бывший ректором в Принстонском университете, когда Ли Сынман обучался там в аспирантуре в 1908–1910 гг.), не захотел даже встретиться с ним. Тем не менее, Ли

---

² На этой конференции (18 января 1919 г. — 21 января 1920 г.), являвшейся самым значительным дипломатическим форумом со времени Венского конгресса 1814–1815 гг., в результате сложных переговоров были намечены границы нового послевоенного мироустройства. Особо важным моментом на ней стала договоренность о создании Лиги наций, которая по уставу, должна была способствовать развитию сотрудничества между всеми народами, гарантировать мир и безопасность. Это стало первым шагом к формированию международного правового пространства, складыванию принципиально новой философии международных отношений. Вместе с тем под эгидой Лиги наций был оформлен миропорядок, отвечающий интересам именно стран-победительниц. Это, в первую очередь, выразилось в фактическом переделе между ними колоний. Была введена так называемая «мандатная система», в рамках которой отдельным государствам предоставлялись мандаты на управление бывшими колониальными владениями держав, потерпевших в войне поражение.

Сынман послал администрации США петицию с просьбой освободить Корею от японцев и сделать ее подмандатной территорией будущей Лиги Наций на условии предоставления в дальнейшем полной независимости. Подобный текст вполне отвечал мировоззрению Ли Сынмана, относившегося к США и к предложенной администрацией Вильсона в качестве будущего арбитра мировых проблем Лиге Наций примерно так же, как старые корейские конфуцианцы относились к «центру мировой цивилизации» — Китайской империи. Однако затем эпизод с петицией стал одним из камней преткновения на пути сотрудничества между Ли Сынманом и более радикальными националистическими кругами. Больше повезло другому представителю корейских протестантских националистов, Ким Гюсику (1881–1950), посланному в Версаль Молодежной партией новой Кореи (*Синхан чхоннёндан*) — организацией корейских эмигрантов, нашедших убежище в Шанхае. Он сумел добраться до Версаля, и, хотя и не получил возможности официально участвовать в работе мирной конференции, сделал немало для информирования международной общественности о действительной ситуации в Корее.

Пришли в движение и корейские студенты, обучавшиеся в Японии — молодой авангард корейской интеллигенции. 8 февраля 1918 г. собравшиеся в лекционном зале корейской Христианской ассоциации молодых людей (YMCA) в Токио корейские студенты приняли «Декларацию Независимости». В этой декларации, выражая Японии «благодарность за избавление от китайской зависимости и опасности русской агрессии», они просили Японию вернуть Корее независимость, «так как ни Россия, ни Китай более не угрожают нам, и нет причин на то, чтобы оставаться в составе Японской империи». Как мы видим, формулировки этой декларации были очень лояльными, но сам факт упоминания о независимости Кореи оказал большое влияние на состояние умов внутри страны.

Подвижки в международной ситуации, активизация националистической эмиграции в Китае и США и движение среди корейских студентов в Японии оказали влияние и на ситуацию внутри страны. Под влиянием новостей и слухов о событиях за пределами Кореи определенной части корейской интеллигенции стало казаться, что пришло время напомнить японским колонизаторам о законных правах корейского народа, что в атмосфере социальных и политических перемен в мире подобное выступление вызовет сочувственную реакцию мировой общественности, что вынудит Японию пойти на важные уступки. Особенную активность стали проявлять религиозные круги, обладавшие, даже в атмосфере полицейского террора 1910-х годов, определенной организационной независимостью, и поддерживавшие тесные связи с корейскими студентами за рубежом и националистической эмиграцией.

Рис. 35. Памятник Сон Бёнхи (1861–1922), который в 1919 г., будучи главой национальной религиозной организации «Небесного пути» (*Чхондогё*), выступил инициатором опубликования внутри Кореи «Декларации независимости» и стал одним из тридцати трех подписавших ее наиболее авторитетных религиозных и общественных деятелей страны. Парк «Пагода», Сеул.

После того, как одному из корейских студентов, подготовивших опубликование токийской «Декларации Независимости», удалось тайно переправить ее текст в Корею, идеей опубликования подобного документа от имени «религиозных лидеров нации» внутри самой Кореи заинтересовался Чхве Рин (1878–1958), выпускник Университета Мэйдзи, директор средней школы повышенной ступени Посон (ныне — Университет Корё в Сеуле) и влиятельное лицо в иерархии религии *чхондогё* («Учение Небесного Пути»), наследников *тонхак*. Он сумел уговорить идейного лидера *чхондогё* Сон Бёнхи поддержать выступление, привлечь к нему буддийских активистов Хан Ёнуна (1879–1944) и Пэк Ёнсона (1863–1940), а также заинтересовать в своих планах одного из центральных лидеров протестантской общины северо-запада Кореи — предпринимателя и пастора Ли Сынхуна, к тому времени успевшего уже отбыть тюремный срок за участие в «Обществе нового народа» (*Синминхве*).

Через Ли Сынхуна к движению подключились и молодые протестантские активисты столичного региона — выпускник методистской религиозной школы и исполнительный секретарь столичной Христианской ассоциации молодых людей (УМСА) Пак Хидо (1889–1951), выпускник медицинской школы при больнице им. Северанса Ли Гапсон (1889–1981: впоследствии видный южнокорейский политик консервативной ориентации) и другие. Через них, а также через популярного среди студентов столичного буддийского колледжа Хан Ёнуна, инициаторы выступления наладили связь со студентами, которые должны были распространить составленную и подписанную «национальными лидерами» декларацию о независимости Кореи. Составить эту декларацию поручили молодому, но получившему уже известность историку, поэту и издателю Чхве Намсону (1890–1957), написавшему в итоге высокопарный, в архаическом стиле документ. В нем говорилось, что корейцы, «обращаясь за поддержкой ко всем странам мира, (...) не собираются привлекать японцев к ответственности за аннексию Кореи и презрительное, колониальное отношение к корейскому народу, но лишь желают, чтобы, в соответствии с духом перестройки мира на началах

Рис. 36. Чхве Намсон (1890–1957), один из основателей современной корейской поэзии, крупный историк, автор текста «Декларации независимости» 1919 г. В дальнейшем изменил свои взгляды и пошел на сотрудничество с японцами. С 1927 г. работал над составлением истории Кореи в аппарате генерал-губернаторства, а в конце 1930-х — начале 1940-х годов занимал посты в подконтрольной японцам прессе Маньчжурии. С начала 1930-х гг. активно поддерживал японский милитаризм, видя в «грядущем триумфе» Японии над Китаем и СССР залог «великого будущего корейской нации» в континентальной Азии. После 1945 г. жил в Южной Корее, написал и опубликовал учебное пособие по истории Кореи для военных вузов и ряд других произведений.

гуманности и справедливости, Япония восстановила бы независимость Кореи и тем исправила бы свои старые ошибки и устранила бы опасность для мира в Азии». Кроме того, совершенно не желая, чтобы опубликование этой декларации привело бы к прямому выступлению масс против колониального гнета, «национальные лидеры» специально предупредили своих последователей о «недопустимости своевольных и неразумных действий». Так как на назначенные на 3 марта 1919 г. похороны неожиданно скончавшегося 22 января (ходили слухи, что он был отравлен японцами) бывшего государя Коджона в столицу Кореи собралось немало народу, выступление запланировали на 1 марта — за два дня до похорон.

Желая привлечь к себе внимание международной общественности и заставить Японию пойти на серьезные уступки, но отнюдь не желая идти на открытое противоборство с японскими властями, подписавшие «Декларацию независимости» «национальные лидеры» — всего их набралось 33 — в канун запланированного выступления неожиданно изменили сценарий событий. Вместо того чтобы, как и было уговорено со студентами, публично зачитать свою декларацию перед заранее собравшимися в парке «Пагода» в центральном Кёнсоне учащимися и любопытствовавшей публикой, 29 «национальных лидеров» (четверо, в их числе один из первых пресвитерианских пасторов-корейцев Киль Сонджу, не смогли или не захотели явиться) собрались в роскошном ресторане «Тхэхвагван» по соседству. Не внимая уговорам студенческих представителей, они заказали плотный обед с алкоголем и зачитали за ним «Декларацию независимости» «в своем кругу». Сразу же после того, как декларация была зачитана, один из «лидеров нации» позвонил начальнику полицейского управления генерал-губернаторства, проинформировал о происшедшем и сказал, что, только что провозгласив Корею независимой, «лидеры нации» «ждут ареста». Арест, естественно, не замедлил последовать, так что к демонстрациям, развернувшимся с 1 марта по всей стране, «национальные лидеры», строго

говоря, прямого отношения не имели. Умеренные националисты, желавшие получить независимость — или хотя бы либерализацию колониального режима — через давление из-за рубежа и путем переговоров с колонизаторами, они сделали все, чтобы, по их собственному выражению, «не допустить бунта глупой черни, которая может не так понять наши намерения». Но «чернь» все равно «взбунтовалась» — вне зависимости от намерений самозванных «вождей корейского народа».

Как только молодой провинциальный учитель Чон Джэён зачитал в парке «Пагода» «Декларацию независимости», демонстрации учащейся молодежи развернулись практически по всему городу. Вскоре к студентам присоединились рабочие — железнодорожники, печатники, табачники и т.д. — а также мелкие торговцы и ремесленники. Большая — более чем трехтысячная — колонна направилась к главному зданию генерал-губернаторства, где вскоре была жестоко разогнана японской полицией и подоспевшими к месту событий японскими поселенцами. В Кёнсоне, несмотря на энтузиазм и самоотверженность демонстрантов, армия и полиция уже через несколько дней после начала событий взяли ситуацию под контроль — в столице были сконцентрированы самые значительные силы карателей. Однако машина репрессий не смогла помешать разбуженной первоапрельскими демонстрациями стачечной борьбе кёнсонских рабочих. Целыми днями простаивал трамвай, несколько раз выходили на стачки железнодорожники, остановилась «Восточноазиатская табачная фабрика» (*Тонъя ёнчхо конджан*) на окраине столицы. Примеру пролетариата Кёнсона последовали и рабочие ряда крупных провинциальных предприятий, в частности, металлургического завода в Кёмпхю, провинция Хванхэ, — первого металлургического предприятия современного типа в Корее, построенного в 1918 г. Первый раз в недолгой своей истории рабочий класс Кореи получил опыт массовой политической забастовки. Однако рабочие были пока еще слишком малочисленны для того, чтобы возглавить борьбу. Роль эта принадлежала учащейся молодежи. Уже со 2 марта школьники и студенты, участвовавшие в демонстрациях в Кёнсоне, стали разъезжаться по своим родным городам и селам, призывая родных, соседей и друзей поднимать народ на борьбу.

Призывы эти нашли немедленный отклик, и, прежде всего, в столичной провинции и северных провинциях страны, где было сильно христианское влияние. Согласно японской правительственной статистике, в столичной провинции Кёнги в демонстрациях участвовало до 130 тыс. человек, а в провинции Северная Пхёнан на северо-западе страны — 60 тыс. В провинциальных городах и деревнях центральной и северной Кореи после нескольких дней демонстраций, сопровождавшихся жесткими карательными мерами японской полиции (часто открывавшей стрельбу по безоружным людям), народ во многих случаях начал переходить к более активным методам борьбы. Повсеместными были нападения на полицейские участки,

уездные и волостные управы, зачастую переходившие в кровавые и безжалостные схватки. Так, в Сончхоне, недалеко от Пхеньяна, при разгроме местной жандармерии погибло более 30 человек, и около 300 было затем арестовано. В Мёнчхоне (провинция Северная Хамгён) толпа забила до смерти волостного голову и разгромила волостную управу. К концу марта сопротивление колонизаторам приняло жесткие формы и в провинциях юга Кореи. Так, в Андоне (провинция Северная Кёнсан) толпа разнесла полицейский участок и захватила хранившееся там оружие. Во многих уездах северо-запада и юго-востока Кореи японские колонисты снимались с насиженных мест в глубинке и перебирались в портовые города, опасаясь, что события примут форму общенационального восстания, которое колонизаторам не удастся подавить.

Эти опасения, как оказалось, были напрасны — японские войска, полиция и поселенческие «отряды самообороны» подавили общенациональное движение марта 1919 г. с чудовищной жестокостью. За три месяца (март-май 1919 г.) при разгоне демонстраций и от ран и пыток в тюрьмах скончалось почти восемь тысяч корейцев, а еще 16 тыс. было ранено. 47 тыс. человек было арестовано, и большинство подверглось пыткам и издевательствам. В тех случаях, когда японская сторона несла сколько-нибудь ощутимые потери, она отвечала несоразмерными зверствами. Так, в окрестностях Сувона (под Кёнсоном) демонстранты убили особенно ненавистного народу японского полицейского корейского происхождения (застрелившего перед этим несколько человек) и сожгли несколько японских домов и школ. В результате все христиане из деревни Чеамни под Сувоном были согнаны в церковь и сожжены там заживо. Только в столичной провинции было сожжено и уничтожено несколько десятков деревень, однако расправа в Чеамни получила особенную известность за рубежом благодаря усилиям проводивших свое собственное расследование американских и английских миссионеров. Миф о «цивилизованном» характере японского господства был поколеблен.

Рис. 37. 1 марта 1919 года. На демонстрацию вышли даже женщины (в первую очередь, учащаяся молодежь), традиционно отстраненные в старой Корее от политической жизни.

Рис. 38. Начало марта 1919 г. — массовые демонстрации развернулись по всей Корее.

Рискуя жизнью и имуществом, почти два миллиона корейцев приняли участие в демонстрациях после 1 марта 1919 г. За исключением незначительного меньшинства крупных землевладельцев и предпринимателей, практически все слои корейского населения поднялись, в той или иной форме, на борьбу с колониальным угнетением. Движение приняло такие масштабы, которых его первоначальные инициаторы даже и не могли предвидеть. Крестьян (составлявших 60%

от всех арестованных за участие в демонстрациях), ремесленников, рабочих, рядовых интеллигентов и учащуюся молодежь поддержали и мелкие торговцы (13% от числа всех арестованных), закрывавшие в Кёнсоне и других городах рыночные ряды в знак протеста против арестов и репрессий. Во многих местных учреждениях низшие служащие-корейцы отказывались выходить на работу, а в некоторых исключительных случаях даже вставали во главе демонстраций. Общему настрою поддались даже сотрудничавшие с японцами с начала колониального периода видные конфуцианцы и бывшие министры старого корейского правительства Ким Юнрик (1835–1922) и Ли Ёнджик (1852–1932), подавшие после 1 марта петицию о даровании Корее независимости. Не остались в стороне и консервативные конфуцианские ученые из провинции Северная Кёнсан. Возглавляемые авторитетным интерпретатором неоконфуцианского учения Квак Чонсоком (1864–1919), они также послали на рассмотрение Версальской конференции написанную на классическом китайском языке петицию о независимости страны.

Рис. 39. Расправа в дер. Чамни, где 15 апреля 1919 г. японские каратели согнали в церковь и сожгли заживо всех ее жителей-христиан. Памятный барельеф в парке «Пагода», Сеул.

Что же подвигло столь разнообразные слои и группы — протестантов и конфуцианцев, полуголодных крестьян-арендаторов и относительно зажиточных торговцев — на совместную борьбу? Общим фактором недовольства корейского населения в целом был характер японской государственной машины в колониальной Корее — «современный» в смысле ее способности контролировать в деталях все стороны корейской жизни и в то же время более чем «традиционный» в смысле полного бесправия всех корейцев перед лицом даже самого незначительного японского служащего. Даже предприниматели Кореи не имели никакой возможности влиять на промышленную политику генерал-губернаторства. Регистрация новых компаний всячески ограничивалась, а уже зарегистрированным генерал-губернаторство не выплачивало тех субсидий, которые оно выплачивало их японским конкурентам. Беспешный импорт большинства японских товаров не оставлял на рынке свободных ниш для корейских производителей. Корейским землевладельцам трудно было найти справедливость, если у них возникали конфликты с японскими соседями. Любой житель корейской деревни вынужден был следовать жестким и докучливым административным распоряжениям — не имея, скажем, права, зарезать у себя дома свинью или курицу, так как это «противоречило соображениям гигиены». Подобное положение дел возбуждало недовольство даже у значительной части имущих слоев, вообще-то довольных теми гарантиями «порядка и собственности», которые им обеспечивала японская власть.

Что же касается «низов», и, прежде всего крестьян-арендаторов, то им было, по сути, нечего терять. За 1912–1939 гг. потребление калорий на душу корейского населения в среднем уменьшилось на 8%, но в то время как питание значительной части городского населения и зажиточного меньшинства в деревне улучшилось, большинство арендаторов с их семьями балансировали на грани голодной смерти и видели, как жизнь становится голодней год за годом. Сорокатысячный пролетариат Кореи, страдавший от непосильного труда (рабочий день иногда доходил до 17 часов, а в среднем составлял 12–13 часов), жестокой системы штрафов и вычетов, бессудных физических расправ со стороны японских мастеров и начальников и также, за небольшими исключениями, живший почти впроголодь, уже с 1918 г. начал подниматься на борьбу. Если в 1914 г. в Корее имела место лишь одна забастовка за целый год, то в 1919 г. их было 84, и участвовало в них 17 тыс. рабочих — более трети всего корейского пролетариата. В этом смысле события марта 1919 г. были для рабочих продолжением уже начавшейся протестной волны. В марте-мае 1919 г. японская полиция с тревогой отмечала «большевицкие разговорчики» в некоторых городах и деревнях Кореи. Скажем, 16 апреля среди крестьян-бедняков провинции Южная Кёнсан были отмечены разговоры о том, что «если мы станем независимы и будем выбирать себе президентов, то и собственность надо поделить

поровну». У низов общества ненависть к колонизаторам явно наслаивалась на недовольство социальным неравенством.

б) «Культурное правление» и развитие капитализма в Корее в 1920-е годы

На момент национального движения в Корее правительство Японии возглавлял Хара Такаси (1856–1921) — политический протеже и наследник Ито Хиробуми, глава консервативной буржуазно-помещичьей партии *сэйюкай* (финансировавшийся концернами «Мицуи» и «Ясуда»), заинтересованный, тем не менее, в некотором уменьшении влияния военных на политическую жизнь страны. Решив, что взрыв недовольства корейцев был спровоцирован слишком жесткой политикой генералов сухопутных войск, до тех пор назначавшихся на генерал-губернаторство в Корею, Хара, не сумев добиться согласия военной олигархии на посылку в качестве генерал-губернатора гражданского лица, пошел на компромисс. В августе 1919 г. новым генерал-губернатором Кореи стал отставной адмирал барон Сайто Макото (1858–1936), а главой политического управления при нем — доктор юридических наук Мидзуно Рэнтаро, известный своей готовностью идти на уступки корейской элите. В вопросе о том, каков должен быть масштаб этих уступок, у различных фракций в среде японской бюрократии и интеллигенции были различные мнения. Так, в конце апреля либеральная газета «Асахи» призывала «дать корейцам возможность иметь свои печатные органы и гласно обсуждать там свои проблемы» и отменить политику национальной дискриминации. Известный христианский либерал, профессор Ёсино Сакудзо (Токийский государственный университет), пошел еще дальше и предложил дать корейцам внутреннее самоуправление, т.е. возможность иметь выборный представительный орган, который контролировал бы деятельность генерал-губернаторства. В реальности, конечно, японские колонизаторы не собирались проявлять подобный либерализм.

Уступки — получившие название «культурного правления», по контрасту с жандармским режимом 1910-х годов, — были поверхностными и касались экономической, социальной и административной сферы, но не базовых отношений власти в колониальном обществе. Была изменен статус жандармерии — из ее ведения были изъяты регулярные полицейские функции, а местная полиция была, как и в самой Японии, переподчинена местным властям. Вместе с сокращением роли жандармов отменены были и унижительные телесные наказания для корейцев, а также старые правила, предписывавшие всем чиновникам, в том числе и гражданским, носить сабли на службе (т.е. японские педагоги должны были быть при сабле во время уроков). Однако это вовсе не означало, что полицейский контроль над покоренной страной был ослаблен. На-

оборот, численность полиции увеличили втрое, до 18 тыс. в 1920 г., и приблизительно втрое увеличился и полицейский бюджет — самая большая статья расходов генерал-губернаторства.

Реформы 1921–22 гг. в области образования увеличили срок обучения в корейских начальных школах с 4 до 6 лет — т.е. до уровня начальных школ в самой Японии. Произведены были изменения и в содержании преподавания — корейским детям «милостиво разрешили» изучать корейский язык, один из иностранных языков (английский, немецкий, французский) сделали обязательным для начальных школ повышенной ступени, включили в обязательную программу рисование и физкультуру. Интересно, однако, что при этом на иностранный язык отводилось примерно в два раза больше часов, чем на корейский, а большинство предметов корейским детям по-прежнему преподавалось на японском языке. Японская администрация торжественно обещала увеличить количество школ и дать возможность получения, по крайней мере, начального образования всем желающим. Однако к 1925 г. только 15% корейских детей школьного возраста ходило в школы. Для сравнения — у японских поселенцев в Корее в школы ходил 91% детей. В этом смысле Корея мало отличалась, например, от британской Индии, где в 1921 г. в школы ходило 13% «туземных» детей. Школ хронически не хватало, и у полуголодных корейских крестьян и городских бедняков зачастую не было возможности платить по 8–10 иен в год за обучение детей. Попытка группы умеренных националистов (Ю Сонджун, Ли Сынхун и другие) организовать в 1923 г. сбор средств на постройку частного «национального университета» окончилась неудачей. С одной стороны, препятствия чинили японские власти, а с другой стороны, корейская беднота отнюдь не горела желанием отдавать последние сбережения на постройку высшего учебного заведения для «будущих лидеров нации». В конце концов, японский государственный университет открылся в Кёнсоне в 1924 г. (сейчас это Сеульский государственный университет), но корейцев туда принимали лишь по «остаточному принципу», на места, оставшиеся после приема японских студентов. Обычно процент корейских студентов там был не более 25–35%. Несмотря на то, что Сайто амбициозно назвал свою новую политику в Корее «культурным правлением», образование выше среднего по-прежнему оставалось для корейцев малодоступной роскошью. В 1925 г. на всю страну имелось лишь 12 специальных высших учебных заведений (колледжей), в которых обучалось всего около полутора тысяч человек. Как и в 1910-е годы, большинству корейцев, желавших получить высшее образование, приходилось ехать в Японию, где в 1925 г. училось уже 3275 корейцев (в 1918 г. их было всего 678). Образовательный бюджет на 1920 г. составлял меньше трети бюджета полицейского.

Послабления в политической области носили в лучшем случае косметический характер. Так, богатым — т.е. уплачивавшим более 5 иен

местных налогов — корейцам разрешили, вместе с богатыми японскими поселенцами, принимать участие в выборах местных «консультативных советов» при городских и волостных административных органах. Однако корейцев, удовлетворявших данный имущественный ценз, было в 1920 г. всего 6346 человек на всю страну. К началу 1930-х годов их стало в несколько раз больше, но классовой сути «выборов» это не изменило. Реальных прав у избираемых ими представителей в 1920-е годы практически не было. Как признавали даже британские дипломаты и миссионеры, отнюдь не расположенные в пользу корейского национализма, режим изменился лишь на поверхности. Корейцы оставались бесправными «объектами администрирования», по-прежнему, вопреки всем законам, подвергавшимся пыткам в полицейских участках, в большинстве своем лишенными доступа к образовательным и медицинским услугам современного типа.

Наиболее серьезными были изменения в экономической политике и в политике по отношению к корейским периодическим изданиям. Стремясь насытить японский рынок дешевым корейским рисом, а заодно и улучшить доходность владений крупных японских и корейских землевладельцев, генерал-губернаторство объявило в 1922 г. о политике ускоренного увеличения производства риса. Одним из аспектов этой политики было внедрение новых, улучшенных, сортов риса, выводившихся японскими агрономами с 1870-х годов. Эти сорта, которыми в 1920 г. засевалось 57% всех корейских рисовых полей, а в 1937 г. уже 84%, были примерно на 30% более урожайными, чем прежние, но требовали также более глубокой вспашки, более интенсивного засева, приблизительно в 4 раза большего объема удобрений и т.д. Если в 1916 г. удобрений в Корее потреблялось на 14 млн. иен, то в 1936 г. — уже на 180 млн. иен. Однако с учетом высоких цен на удобрения, как завозившихся из Японии, так и производившихся на японских предприятиях в Корее (в 1930 г. в Хамхыне вошел в строй один из крупнейших заводов азотных удобрений в Восточной Азии), введение новых сортов было разорительно для мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Стремясь увеличить урожайность риса, генерал-губернаторство выделило в первой половине 1920-х годов 230 млн. иен на увеличение посевных площадей и улучшение их качества. Примерно 62% прямого правительственного финансирования и 88% займов под правительственную гарантию шло ирригационным товариществам, которые и сыграли основную роль в увеличении доли орошаемых посевных площадей с 22% в 1920 г. до 68% в 1935 г. (для сравнения, в британской Индии в 1947 г. доля орошаемых площадей составляла лишь 25%). К 1934 г. хозяйства, входившие в эти товарищества, собирали 17% всего рисового урожая в Корее. Небольшая часть ирригационных товариществ создавалась корейскими бедняками и середняками на базе традиционных ирригационных

артелей, но в основном заправляли в ирригационных товариществах крупные и средние землевладельцы, как корейские, так и японские. Для бедноты вступительные взносы и выплаты по займам в 9–11% годовых были недоступны.

В целом, хотя амбициозные планы повышения производительности сельского хозяйства за 1920–1925 и 1926–1929 гг. были выполнены лишь приблизительно на 60%, товарность корейского сельского хозяйства значительно окрепла. Экспорт риса в Японию увеличился за 1920–27 гг. почти в 4 раза, и доля корейского риса на японском рынке достигла к 1930 г. почти 15%, к немалой выгоде крупных и средних землевладельцев Кореи. Мелкие же землевладельцы продолжали разоряться под непосильным бременем расходов на удобрения и орошение, под грузом долгов — ростовщики, корейские и японские, требовали до 70–80% годовых за ссуды без обеспечения. Процент безземельных арендаторов в корейской деревне увеличился с 40% в 1920 г. до 52% в 1933 г., и приблизительно 48% всех крестьянских дворов в 1930 г. регулярно голодали каждую весну, не в силах дотянуть до нового урожая. Около 25% всего корейского населения квалифицировалось в 1931 г. как «крайне бедные» (*сегунмин*). В это число входили бродяги, нищие, разоренные крестьяне, жившие подсечно-огневым земледелием в горных районах, и т.д. Хваленая «активная аграрная политика» колониального правительства обогащала сельскую верхушку и давала ей возможность инвестировать прибыли от эксплуатации арендаторов и вывоза риса в торговлю и промышленность (в 1930-е годы такие инвестиции делало до 40% крупных землевладельцев южных провинций Кореи), но в то же время ускоряла разорение и обезземеливание сельской бедноты.

Видя в Корее, прежде всего, поставщика риса и потребителя японских промышленных товаров, японские колониальные власти воздерживались в 1920-е годы от проведения особенно активной промышленной политики. С 1920 г. были сняты прежние ограничения на основание корейцами новых компаний (а также на японские инвестиции в Корею), но последовательной политики поощрения промышленного роста не проводилось. Тем не менее, объёмы промышленного производства увеличивались в 1920-е годы в среднем на 4,5% в год — темпы роста, крайне необычные для колониальных стран того времени. Если темпы роста корейской экономики в целом были на уровне 2,3% в год в 1920-е годы, то в британской Индии, например, они составляли всего около 1%. Частично промышленный рост финансировался за счет накопления излишков в сельском хозяйстве (естественно, у крупных землевладельцев), но основным его «мотором» был поток инвестиций из метрополии. В пересчете на душу населения колонии общий объем японских инвестиций в Корею составлял к 1938 г. 37 долларов США (по тогдашнему курсу), в то время как соответствующая цифра для британских инвестиций в Индии была лишь 8 долларов. В течение

1920-х годов японский капитал постепенно подчинял себе корейский. Доля корейского капитала в экономике колонии снизилась с 13% до 10%, доля японского оставалась почти неизменной на уровне 78–82%, а вот доля смешанного капитала — где первую скрипку играли японские предприниматели — возросла до 6–7%. Даже в 1939 г. большинство акций корейских компаний не котирировалось на кёнсонской бирже.

Развитие капитализма, основанное на импорте капитала из метрополии, имело и свои преимущества. Быстрыми темпами росли передовые, высокотехнические и высокодоходные секторы индустрии — гидроэнергетика, химическая промышленность и т.д. — которые корейский капитал вряд ли смог бы создать самостоятельно в столь краткие исторические сроки. Однако, с другой стороны, японские инвесторы реинвестировали значительную часть полученной в Корее прибыли у себя дома, в Японии. Кроме того, теснейшая связь, например, построенных японскими концернами предприятий химической индустрии с японским рынком (скажем, Корея вывозила в Японию в 1932 г. более половины всего произведенного ею сульфата аммония и 60% переработанного на месте сардинового масла) означала, что их конкурентоспособность окажется под угрозой после деколонизации и введения внешнеторговых пошлин. Хотя промышленность Кореи и развивалась весьма быстрыми темпами, ее высокотехнологичные отрасли оставались придатком к экономике метрополии. Более тесной была связь с внутренним потребительским рынком у отраслей легкой промышленности, которые в середине 1920-х годов все еще доминировали в структуре корейской индустрии. 70% стоимости всех произведенных в Корее товаров приходилось на пищевую промышленность,

Рис. 40. На снимке — возведенное в японском квартале в центре Кёнсона в 1930 г. здание японского универмага «Мицукоси», принадлежавшего монополии «Мицуи». «Мицукоси» был первым открывшимся в корейской колониальной столице универмагом современного типа, а также одним из любимых мест для семейных прогулок корейской колониальной элиты начала 1930-х годов. Сейчас на этом месте (1-я улица Чхунму, Сеул) находится универмаг «Синсеге».

и 7% — на текстильную. Платежеспособный спрос на товары этой группы повысился с 290 млн. иен в 1920 г. до 340 млн. иен в 1930 г., что дало органический импульс для расширения местного производства. Однако для того, чтобы воспользоваться относительно благоприятными условиями на рынке, у молодых корейских капиталистов не хватало ни средств, ни административной поддержки, ни знаний и навыков.

Корейскому капиталу — в основном крупным купцам, перешедшим к вложениям в индустрию — удалось установить господство в некоторых небольших нишах на рынке, например, в производстве носков (здесь к 1927 г. 60% продукции выдавали пхеньянские заводы, в основном находившиеся в собственности национального капитала) и резиновой обуви (здесь лидировали фабриканты из Мокпхо). Но даже в относительно хорошо «освоенной» корейскими капиталистами текстильной отрасли к 1939 г. пять крупных японских фабрик выдавали приблизительно четверть всей продукции. Объем продукции, произведенной на одного рабочего, был на этих японских фабриках в 7 раз выше, чем средний показатель по Корее, что хорошо говорит об уровне технической оснащенности мелких и мельчайших корейских предприятий. Не произошло в текстильном секторе и избавления от засилия японского импорта. Напротив, его объем увеличился за 1920-е годы в 1,5 раза, и составил к 1931 г. 63% всех потреблявшихся в Корее текстильных продуктов. В целом, при том, что «культурное правление» 1920-х годов давало определенный импульс развитию корейского капитала и в этом смысле являлось уступкой колониальных властей по отношению к корейским предпринимателям, корейский капитал оставался относительно слаб и того режима наибольшего административного благоприятствования, которым пользовались японские монополии, не имел. Даже самые большие и хорошо оборудованные корейские заводы, принадлежавшие национальному капиталу, блекли по сравнению с промышленными предприятиями в других странах Азии, не говоря уж о Европе и США. Так, к 1930 г. на прядильных и ткацких фабриках индийского концерна «Тата» было 274 тыс. челноков и 7 тыс. станков, а у крупнейшего корейского текстильного магната Ким Ёнсу на фабриках «Кёнсонской текстильной компании» — всего 62 тыс. челноков и 2 тыс. станков.

Важным элементом политики уступок было предоставление корейской элите возможностей самостоятельно выпускать ежедневную и ежемесячную периодику. Напуганные появлением нескольких десятков подпольных и нелегальных газет в бурные дни марта — апреля 1919 г., японские власти решили, что лишь появление умеренно-националистической корейской прессы сойдет за популярность радикальных националистов и «социалистических агитаторов». Одним из первых разрешение на издание корейской газеты получил Ли Санхёп (1893–1957) — «надежный», с точки зрения японцев, журналист, обучавшийся в Универ-

ситете Кэйо и работавший в 1916–1919 гг. редактором единственной в Корее центральной газеты на корейском языке — официозной «Мэиль синбо». Крупнейшим и наиболее активным из 410 инвесторов нового издательского предприятия стал выпускник университета Васэда Ким Сонсу (1891–1955), вскоре получивший пост директора и практически руководивший изданием новой газеты — получившей имя «Тонъя ильбо» («Восточноазиатский ежедневник») — до конца своей жизни. Ли Санхёп стал при нем главным редактором. Ким Сонсу происходил из провинциального *янбанского* клана (уезд Кочхан провинции Южная Чолла), разбогатевшего после 1876 г. на вывозе риса в Японию (и, по некоторым предположениям, на контрабандной торговле с Китаем) и вошедшего к 1910-м годам в число нескольких десятков корейских семей, чье состояние оценивалось более чем в 500 тыс. иен. Семья Ким Сонсу, как и многие другие крупные землевладельцы этого периода, имела и промышленные интересы. Брат Ким Сонсу, Ким Ёнсу, приобрел в 1919 г. основанное несколькими мелкими кёнсонскими фабрикантами-текстильщиками «Кёнсонское ткацкое акционерное общество» («Кёнсон чинню чусик хвеса»), вскоре развившееся в крупнейшую из находившихся во владении корейцев текстильную компанию — знаменитую «Кёнсонскую текстильную компанию».

Похожим сочетанием сельскохозяйственных и торгово-промышленных интересов отличались и другие крупные акционеры новой газеты — Чхве Джун (крупный землевладелец из Кёнджу и один из основателей рисоторговой фирмы «Пэксан» в Пусане), Хён Джунхо (известный банкир из крупной землевладельческой семьи провинции Южная Чолла) и т.д. Неудивительно поэтому, что уже с первым своим номером (вышедшим 1 апреля 1920 г.) «Тонъя ильбо», пообещав «выражать национальные интересы и отстаивать идеалы демократии и общечеловеческой культуры», на деле начала вести кампанию за защиту интересов корейского бизнеса. Газета требовала ввести покровительственный тариф на ввоз в Корею японского текстиля и запретительный тариф на вывоз из Кореи текстильного сырья, а также выплачивать субсидии корейским фабрикантам. Одна из редакционных статей с требованием субсидий для корейских промышленников была опубликована в июле 1922 г. как раз перед тем, как Ким Ёнсу ходатайствовал о выплате такой субсидии своей «Кёнсонской текстильной компании». Субсидию ему дали, и к 1927 г. общий размер полученных им от генерал-губернаторства денег составлял уже 70% уставного капитала компании.

Развернула газета в 1922–23 гг. и кампанию за «поощрение использования корейских товаров» — избегая, однако, прямых призывов к бойкоту товаров японских и тем самым не навлекая на себя гнев генерал-губернаторства. Вначале движение имело в народной среде значительный успех. Оно включало в себя призывы к организации потребительских кооперативов, использованию продукции мелких и мельчай-

ших ремесленных предприятий, объединению ремесленников в гильдии для защиты своих интересов, борьбу с алкоголем, курением и потреблением импортных предметов роскоши. В марте — апреле 1923 г. успех имели, например, шляпы корейского производства, заказывавшиеся большими партиями через местные молодежные ассоциации. Какое-то время движение поддерживала даже умеренная часть корейских анархистов и социал-демократов (На Гёнсок, Ли Сунтхак и т.д.), видевшая в нем перспективу «развития производительных сил». Однако вскоре выяснилось, что имеющихся в Корее производственных мощностей национального капитала все равно недостаточно для того, чтобы удовлетворить весь платежеспособный спрос, что движением бесцеремонно пользуются фабриканты для рекламы своих товаров, и что «Тонъя ильбо» видит перспективу развития корейской индустрии в крупном капитале, а не в ремесленных кооперативах. Подвергнувшись серьезной и принципиальной критике со стороны корейских коммунистов, движение вскоре потеряло популярность, хотя и продолжало оказывать определенное влияние на средние слои центров легкой промышленности, например, Пхеньяна.

Рис. 41. Семья Пак Ёнхё. Вождь реформаторского движения 1880–90-х годов стал в 1910–20-е годы одной из центральных фигур «высшего общества» колониальной Кореи. Получив во время аннексии страны в 1910 г. титул маркиза и 280 тысяч иен «вознаграждения за заслуги» в наличных и ценных бумагах (для сравнения, годовое жалование премьер-министра Японии было тогда около 10 тысяч иен), Пак Ёнхё вошел в число обладавших состоянием более 500 тысяч иен тридцати крупнейших богачей Кореи. С 1918 г. он был также назначен членом совета директоров созданного генерал-губернаторством Корейского Промышленного Банка — государственного финансового органа, кредитовавшего «перспективные» отрасли в соответствии с приоритетами японских властей. Через Пак Ёнхё — некоторое время директорствовавшего в «Тонъя ильбо» и тесно связанного с семьей Ким Сонсу — Ким Ёнсу — корейские буржуа лоббировали колониальные власти, пытаясь получить доступ к льготным кредитам на одинаковых условиях с японскими конкурентами.

Немалый шум вызвала публикация в «Тонъя ильбо» в январе 1924 г. серии написанных известным писателем Ли Гвансу (1892–1950) редакционных статей под амбициозным заголовком «О пути нашей нации в будущее» (*Минджокчок кённюн*), где корейцы призывались к тому, чтобы сосредоточить все силы на развитии промышленности и образования «в рамках, дозволенных законами Японской империи». В целом, кроме решения непосредственных задач по лоббированию интересов крупной корейской буржуазии, газета «Тонъя ильбо» должна была отвлечь корейскую интеллигенцию от радикальных идей, привлечь ее на позиции лояльного японской администрации «умеренного», «культурнического» национализма.

Однако нельзя сказать, что в бурные 1920-е годы «Тонъя ильбо» могла выполнять эту задачу в полном объеме. Серьезную конкуренцию ей составляли издания более радикального направления, скажем, газета «Чосон ильбо» («Корейский ежедневник»). Основанная в 1920 г. про-японски настроенными предпринимателями, она долгое время возглавлялась радикальными националистами Син Согу (1895–1953), Ан Джэхоном (1891–1965) и Пэк Квансу (1889–?). Имея в штате несколько журналистов, принадлежавших к Коммунистической партии Кореи, она часто печатала статьи достаточно вызывающего содержания.

в) Радикальные движения в общественно-политической жизни Кореи 1920-х годов

Распространение радикализма в различных формах, прежде всего коммунистической и анархистской, в Корее 1920-х годов было связано с несколькими факторами. Численность фабрично-заводского рабочего класса в Корее выросла за 1920-е годы вдвое, приблизившись в 1930 г. к стотысячной отметке. Вместе с работниками горнорудных предприятий и транспорта число рабочих в Корее было уже около 170 тыс. Однако быстрое индустриальное развитие не приводило к улучшению положения большинства наемных работников. К обычным бедам рабочего класса на ранних этапах промышленного развития — низким заработкам, несправедливости на рабочем месте и жестокой системе штрафов и вычетов, отсутствию гарантий постоянного найма — прибавлялась еще национальная дискриминация. Если средняя зарплата японского рабочего в Корее на 1929 г. составляла две с половиной иены в день, то корейцу, под разнообразными предлогами («плохое знание японского языка и непонимание инструкций», «низкая квалификация»), платили в среднем в два раза меньше. Прожиточный минимум для городской семьи из пяти человек был в 1926 г. приблизительно 50 иен в месяц, но многие корейские рабочие — особенно женщины-работницы, составлявшие 35% от общего числа фабрично-заводских трудящихся, — зарабатывали зна-

чительно меньше. Положение крестьян-арендаторов, отдававших землевладельцам до 70–80% урожая, или сотен тысяч люмпенизированных поденщиков и безработных городов и деревень было еще хуже — в этой среде медленная смерть от недоедания была обычным явлением.

Не удивительно, что, не без влияния также и новостей о «русских событиях», корейские рабочие и крестьяне 1920-х годов проявляли тенденцию к объединению, активной борьбе за социальные права. Возникшее уже в 1920 г. «Корейское общество рабочей взаимопомощи» (*Чосон нодон конджесхве*) подпало вскоре под влияние радикальных социалистов (в том числе коммунистического направления) и было, значительно расширившись, переоформлено в 1924 г. в Корейскую рабоче-крестьянскую федерацию (*Чосон нонон чхонтонмэн*), твердо стоявшую на платформе «освобождения пролетариата в борьбе с буржуазией и строительства нового общества». К 1926 г. эта федерация насчитывала уже около 110 тыс. членов, объединяя наиболее значительные профсоюзы и сельские союзы арендаторов и бедняков. Японская полиция терпела независимые от нее рабоче-крестьянские организации такого рода вплоть до начала 1930-х годов, надеясь, видимо, что они отобьют приверженцев у национал-радикалов (хотя целый ряд индивидуальных активистов из этих организаций подвергались преследованиям и арестам).

Корейские профсоюзы, опираясь на ряд высокоорганизованных региональных организаций (особой сплоченностью отличались региональные профобъединения в портовых центрах Восточного побережья Кореи — Ёнхыне, Вонсане и т.д.), уже с начала 1920-х годов успешно провели ряд крупных забастовок, часто под достаточно радикальными лозунгами. Так, бастовавшие в марте 1925 г. печатники Пхеньяна требовали введения 8-часового рабочего дня, норм минимальной заработной платы и системы «закрытого цеха» (когда все работающие на предприятии в обязательном порядке вступают в профсоюз). В Южной Корее подобные требования были на практике осуществлены лишь в конце 1980-х годов, и то лишь на немногих крупных предприятиях. К концу 1920-х годов интенсивность забастовочной борьбы резко пошла вверх, в значительной степени под влиянием ставших весьма популярными среди рабочих активистов коммунистических идей. В 1927 г. в забастовках по всей стране участвовало более 10 тыс. рабочих, и некоторые забастовки (например, на графитовых рудниках Ёнмана продолжались до 70 дней, сопровождаясь организацией отрядов рабочей самообороны и ожесточенными столкновениями с полицией. Пиком стачечной борьбы корейского пролетариата 1920-х была знаменитая четырехмесячная всеобщая забастовка в Вонсане в 1929 г., в которой участвовало до трети экономически активного населения этого города. Забастовка была в конце концов подавлена японской полицией, организовавший «официальный» профсоюз для того, чтобы изолировать на-

стоящие, боевые профсоюзные организации, и арестовавшей организаторов борьбы. Но знаменательно, что ее поддерживали даже японские моряки на швартовавшихся в Вонсане судах, не говоря уж о рабочих соседних СССР и Китая.

Корейское рабочее движение стало важной составной частью радикальной волны, охватившей в 1920-е годы все страны Дальневосточного региона, начиная с самой Японии. Активно развивалось и движение крестьян-арендаторов. Во второй половине 1920-х годов было зарегистрировано более двух с половиной тысяч коллективных конфликтов между арендаторами и землевладельцами, в которых арендаторы в основном требовали снижения арендной платы до 40–50% урожая и заключения долговременных, а по возможности и постоянных, арендных контрактов. Именно на фоне волны классовой борьбы в городе и на селе — ставшей возможной благодаря экономическому росту и некоторым послаблениям в полицейском режиме после мартовского движения в 1919 г. — идеи коммунизма и анархизма были органично восприняты значительной частью молодой интеллигенции Кореи. Другими важными факторами были, несомненно, разочарование в умеренных националистах и их идеях, а также влияние революции в России. Во многих случаях корейские интеллигенты, считавшие себя коммунистами, были с объективной точки зрения, скорее ближе к радикальным националистам по своим стремлениям и настроениям, и шли в коммунизм с единственной надеждой на то, что «братский» СССР поможет корейскому народу изгнать японских оккупантов и построить «лучшее общество», контуры которого вырисовывались весьма смутно. В этих условиях партийное строительство часто вырождалось в склоки между интеллигентскими «коммунистическими» кружками, конкурировавшими между собой за признание и субсидии со стороны Коминтерна, и отнюдь не всегда осуществлявшими действенное руководство рабочим и крестьянским движением на местах.

Первые корейские коммунистические организации появились под непосредственным влиянием социалистической революции в России в 1918–1919 гг. в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Самыми крупными из них были две — Партия корейских социалистов (*Ханин сахведан*), организованная в июне 1918 г. в основном из недавних эмигрантов с сильными националистическими тенденциями, и Корейская коммунистическая партия, оформившаяся на учредительном съезде в мае 1921 г. и состоявшая в основном из родившихся на российской территории этнических корейцев — в большинстве своем российских граждан и членов РКП(б). Серьезные различия во взглядах на стратегию и тактику революции в Корее этих двух организаций — по месту проведения партийных съездов в 1921 г. первую называли «шанхайской», а вторую «иркутской» — делали практически невозможной совместную

работу и приводили к серьезным конфликтам, в некоторых случаях перераставшим в кровопролитные столкновения. Если «шанхайцы» соглашались сотрудничать с радикальными националистами корейской эмиграции, то «иркутяне» были догматически настроены против любых «уступок национализму», и обвиняли «шанхайцев» чуть ли не в сотрудничестве с японской полицией (безо всяких на то оснований).

Конфликт между этими двумя группами перешел и на коммунистические организации внутри Кореи. Так, в организации в 1924 г. влиятельной подпольной коммунистической группы в Кёнсоне — «Общества вторника» (*Хваёхве*: во вторник родился Карл Маркс) — основную роль сыграла группа левых интеллигентов, связанных с «иркутянами». Видное положение среди них занимали выходец из зажиточной семьи торговца Пак Хонён (1900–1955: стал в 1921 г. ответственным секретарем комсомола в шанхайской региональной группе «иркутской» партии), сын аптекаря-протестанта из Кимчхона (провинция Северная Кёнсан) Ким Даня (1899–1938: также был активистом шанхайской комсомольской ячейки «иркутян»), выходец из обедневшей, но знатной *янбанской* семьи из Андона (провинция Северная Кёнсан) Квон Осоль (1897–1930: вел на родине активную работу по организации борьбы крестьян-арендаторов), бывший студент университета Кэйо Лим Вонгын (1899–1963) и некоторые другие. В основном они были представителями интеллигентной молодежи, пришедшей к коммунизму из чувства «долга перед народом» и разочарования в теории и практике националистических организаций. Примерно таковы же были и мотивы молодых интеллигентов (Ким Сагук, Ли Ён, Ким Яксу и др.), примыкавших к подпольным кружкам, связанным с «шанхайцами» или старавшихся соблюдать нейтралитет по отношению к фракционным распрям в эмиграции, — «Сеульскому молодежному обществу» (создано в Кёнсоне в 1921 г.), «Обществу северного ветра» (*Пукхунхве* — создано корейскими студентами в Токио в 1924 г.).

Невозможность легальной работы в массовых организациях, преобладание интеллигентной молодежи над собственно рабочими и крестьянскими активистами, неофитский догматизм и начетничество в понимании марксистско-ленинской теории, а также зависимость от Коминтерна и эмигрантских групп и лидеров приводила эти кружки к бесконечным фракционным конфликтам. Так, первая в истории Кореи нелегальная коммунистическая партия была создана в Кёнсоне 17 апреля 1925 г. на базе поддерживавшегося «иркутянами» «Общества вторника» и при участии членов «Общества северного ветра», но не включила в число своих членов активистов Сеульского молодежного общества. На следующий день под руководством Пак Хонёна был создан и корейский комсомол. Партия создала региональные отделения во всех провинциях Кореи, вела активную работу в профсоюзах Вонсана и Инчхона, публиковала ряд статей по марксистской теории в легальных

газетах и журналах и отправила 21 человека на учебу в Москву, но уже в декабре 1925 г. была разгромлена полицией. Сразу же после этого активист «Общества вторника», журналист газеты «Чосон ильбо» Кан Дарён (1887–1942) предпринял попытку воссоздать партию (получив на это 10 тыс. иен от Коминтерна в июне 1926 г.), но и в возглавленной им партийной организации не прекращались фракционные дразги между «Обществом вторника» и «Обществом северного ветра». Организация Кан Дарёна, в сотрудничестве с радикальными националистами, успешно организовала 10 июня 1926 г. в Кёнсоне крупные антияпонские демонстрации по случаю похорон бывшего государя Сунджона — последнего владыки независимой Кореи, — но затем была сразу разгромлена.

В третий раз подпольная Коммунистическая партия Кореи была организована в декабре 1926 г. группой революционеров во главе с упоминавшимся выше Ким Чхольсу — бывшим студентом университета Васэда, поддерживавшим с начала 1920-х годов тесные организационные связи с «шанхайцами». Распри с Сеульским молодежным обществом (даже попытавшимся создать собственную компартию и получить санкцию Коминтерна) продолжались с еще большей интенсивностью. Однако, несмотря на внутренние склоки и полицейские преследования, партия сумела создать серьезную сеть местных ячеек и — оставаясь на нелегальном положении — стать одной из основных сил в составе «Общества новой основы» (*Синганхве*). *Синганхве*, созданное в феврале 1927 г., было плодом достаточно неустойчивого союза между радикальными националистами (в том числе христианского и буддийского толка) и коммунистами, в котором каждая из сторон преследовала свои цели. Националисты желали, создав легальную массовую организацию, оттеснить умеренных националистов правобуржуазного толка из «Тонья ильбо» от руководства национальным движением. Коммунисты же хотели, следуя коминтерновской тактике «единого фронта», воспользоваться легальной организацией для привлечения рабочих и националистической молодежи на свою сторону, захвата «гегемонии в национально-освободительной борьбе». Имея значительный вес во многих региональных секциях *Синганхве* (скажем, в кёнсонской), насчитывавшего до 40 тыс. членов, коммунисты вели там серьезную работу, обеспечивая — вместе с некоторыми радикальными националистами (писатель Хон Мёнхи и другие) — поддержку, например, стихийно вспыхнувшему в ноябре 1929 г. в Кванджу бунту корейских школьников. Однако подпольная партия оставалась под прицелом полиции, арестовавшей в феврале — марте 1928 г. большую часть партийных кадров. Попытка рабочего активиста и лидера Мапхоской (Мапхо — одна из рабочих окраин тогдашнего Кёнсона) секции *Синганхве* Чха Гымбона (1898–1929) воссоздать партию в четвертый раз провалилась уже через пять месяцев — арестованный полицией Чха Гымбон погиб под

пытками на допросах, в тюрьме оказалось и большинство его соратников.

Впоследствии предпринималось еще несколько попыток воссоздать общекорейскую партийную организацию — представители Коминтерна засылались в страну с территории СССР и Китая. Однако эти попытки неизменно оканчивались провалом, что говорит о степени контроля японской полиции над корейским обществом. Тем не менее, деятельность рабочих и крестьянских групп коммунистической ориентации, поддерживавших контакты с СССР и друг с другом, продолжалась в глубоком подполье и в 1930-е годы. Судьба же *Синганхве* («Общества новой основы») — интересного эксперимента в сотрудничестве между коммунистами и национал-радикалами — оказалась более трагичной. После того, как объединявшие Китай под своей властью националисты из партии *гоминьдан* порвали весной-летом 1927 г. со своими бывшими коммунистическими союзниками и начали кампанию преследования левых сил, в Коминтерне возобладало мнение, что тактика «единого фронта» себя не оправдывает. Было решено, что коммунисты колониальных и зависимых стран должны вести борьбу одновременно против империализма и «буржуазного национал-реформизма». Данный тезис вряд ли полностью подходил к корейской ситуации. Радикальная националистическая интеллигенция, возглавлявшая *Синганхве* (защищавший на многих процессах коммунистов адвокат Ким Бённо, известный журналист Ан Джэхон и другие), в основном твердо придерживалась демократических принципов и была настроена на бескомпромиссную борьбу за свободу Кореи, что делало возможным, по крайней мере, тактический союз «прогрессивных националистов» с левыми силами. Однако корейские коммунисты, верные линии Коминтерна и боявшиеся проиграть националистическим лидерам состязание в популярности, решили иначе, и в мае 1931 г. *Синганхве* заявило о самороспуске.

Подобные решения хорошо показывают, сколь ограничивал догматизм и зависимость от Коминтерна политический потенциал корейских коммунистов. Трудно было назвать их и действенными вожаками рабочих масс. Коммунисты имели влияние в некоторых профсоюзах, но, скажем, не оказали практически никакого влияния на такие поворотные события в истории пролетарской борьбы 1920-х годов как всеобщая забастовка 1929 г. в Вонсане. С другой стороны, распространение коммунистических идей стало, несомненно, важным фактором в ускорении и укреплении классовой организации корейских рабочих и крестьян. В 1930-е годы сеть легальных, полуполициальных и нелегальных «красных» профсоюзов и крестьянских ассоциаций, спланивавшим элементов в которых была именно коммунистическая идеология, покрыла большую часть страны. «Гражданское общество», созданное «снизу» явочным порядком и в жестокое противостояние с японской администрацией, стало важным фактором в социальном и политическом развитии Кореи.

Первомартовское движение 1919 г. придало новую жизнь национально-освободительной борьбе корейских эмигрантов за рубежом, но наладить сотрудничество между различными группами и фракциями у корейских патриотов в изгнании так и не получилось. Слишком велики были различия, идеологические и культурные. Центром притяжения для корейских националистов различного толка за рубежом было в начале 1920-х годов Шанхайское временное правительство, созданное 13 апреля 1919 г. обосновавшимися в Шанхае уже с 1910-х годов корейскими политэмигрантами. Желая объединить вокруг нового правительства все национальные силы, они пригласили на пост руководителя нового правительства Ли Сынмана, на пост министра внутренних дел — Ан Чханхо, а на пост военного министра (затем — премьер-министра) — лидера «шанхайских» коммунистов, в прошлом офицера старой корейской армии и протестантского националиста Ли Донхви (1873–1935).

Рис. 42. Шанхайское временное правительство и члены «временного парламента Республики Корея» при этом непризнанном правительстве. Памятное фото, снятое по случаю нового года 1 января 1920 г. В центре во втором ряду Ли Сиён, справа от него — Ан Чханхо, слева от него — Ли Донхви, Ли Доннён, Син Гюсик.

Проблема была в том, что эти три деятеля опирались на совершенно различные силы как внутри корейской диаспоры, так и вне Кореи. Призывы Ли Сынмана к завоеванию независимости путем дипломатических маневров и при поддержке США оттолкнули от Временного правительства национал-радикалов Маньчжурии и российского Приморья, настроенных на вооруженную борьбу. Одним из первых официальных действий Ли Сынмана по провозглашении его «президентом временного правительства Республики Корея» было направление письма японскому императору с предложением «мира и дружбы» и просьбой «вывести с территории Кореи японские войска и чиновников» — с точки

зрения ветеранов вооруженной борьбы, акт смешной и бессмысленный. Ничего не принесли корейскому движению и попытки Ли Сынмана запросить от имени Шанхайского временного правительства слово на Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений и проблемам Дальнего Востока (ноябрь 1921 — февраль 1922 г.), пренебрежительно проигнорированные американскими организаторами этого дипломатического мероприятия. Антипатия же Ли Сынмана и Ан Чханхо к Советской власти (Ан Чханхо называл ее «воровской» за отказ возвращать дореволюционные долги) привела к уходу в 1921 г. Ли Донхви — обвиненного также в присвоении и использовании для коммунистической деятельности полученных от ленинского правительства на нужды национальной борьбы 400 тыс. рублей. С другой стороны, не утихали и обвинения в предательстве против Ли Сынмана за его просьбу к администрации США сделать Корею подмандатной территорией Лиги Наций, а также дразги между приверженцами Ан Чханхо — в основном выходцами из северо-западных провинций — и сторонниками Ли Сынмана — большей частью из знатных *янбанских* семей центра и юга Кореи.

После того, как совещание национальных представителей (более ста членов зарубежных националистических групп) в январе 1923 г. так и не смогло внести ясность в определение дальнейшей судьбы временного правительства, оно быстро потеряло популярность, став к середине 1920-х годов не более чем одной из эмигрантских групп, и попав в 1930-е годы в финансовую и политическую зависимость от *гоминьдана*. Ли Сынман лишился в 1925 г. поста «президента» этого правительства в результате проведенного его противниками импичмента и вплоть до начала войны Японии с США в 1941 г. вел дипломатическую деятельность от имени Корейской комиссии — представительства временного правительства в Вашингтоне. Его (конечно же, совершенно безуспешные) попытки добиться для Кореи представительства в Лиге Наций и уговорить хотя бы какую-либо из ведущих европейских держав (включая даже СССР, который Ли Сынман посетил в 1933 г. — несмотря на всю свою глубочайшую антипатию к коммунизму) осудить японскую колонизацию Кореи обеспечили ему определенную известность в европейской и американской прессе, что и дало впоследствии возможность американским властям — видевшим в нем самого лояльного интересам США корейского эмигрантского деятеля — выставить его как «всемирно признанного представителя корейской нации». При этом в самой Корее Ли Сынман был известен лишь очень ограниченному кругу протестантских активистов, учившихся за границей или в Японии интеллигентов или крупных буржуа.

г) 1920-е годы — итоги декады

Общенародное первоапрельское движение 1919 г. не освободило Корею от японских захватчиков, хотя и заставило последних пойти на уступки и дать различным классам, слоям и группам корейского общества определенные возможности для самоорганизации и борьбы за свои интересы. Нельзя сказать, что надежды, питавшиеся 33 «вождями нации» во время первоапрельского движения и группой Ли Сынмана за рубежом в отношении роли США в освобождении Кореи, равно как и надежды, возлагавшиеся коммунистами на СССР, были совершенно беспочвенны. В конце концов, именно вооруженные силы этих двух стран изгнали японских оккупантов из Кореи в 1945 г. Однако для 1920-х годов такие надежды были, несомненно, преждевременными. Кроме того, идеализация политической и социальной системы США рядом корейских буржуазных лидеров (особенно Ли Сынманом и его сторонниками), равно как и абсолютно некритический подход первых корейских коммунистов к СССР и его опыту, характерные для идеологической жизни 1920-х годов, не сулили ничего хорошего для судеб страны в будущем. После 1945 г. Ли Сынман, став в 1948 г. с благословения американцев хозяином Южной Кореи, сделал культ Америки и всего американского «хорошим тоном» в прессе и образовании. Он с легкостью прибегал к поддержке США для расправы как над своими непосредственными противниками, так и вообще над всеми инакомыслящими. В то же время ушедшие на Север корейские левые активисты с готовностью подчинялись Ким Ир Сёну как поставленному «самим Сталиным» «вождю корейского народа» — даже наблюдая с тревогой за тем, как чем дальше, тем явственней пробиваются у «вождя» диктаторские замашки. Раболепство перед «воплотившими дух современности» зарубежными державами, как под капиталистическим, так и под «коммунистическим» соусом, снижало освободительный потенциал корейской культуры Нового Времени.

Но, с другой стороны, при всей ограниченности, свойственной колониальной интеллигенции и ее идейным исканиям, 1920-е годы были в определенном смысле переломными для новой истории Кореи. В стране — хотя и в основном за счет инвестиций капиталистов метрополии — завершался первый этап промышленной революции, т.е. строительство современной легкой и пищевой промышленности, и полным ходом шла подготовка ко второму — строились крупные предприятия химической промышленности, первые металлургические заводы и электростанции. Если в 1910 г. промышленные товары составляли лишь 13% корейского экспорта, то в 1930 г. — уже 30%. Именно такая структура внешней торговли — 70% сельскохозяйственного экспорта и 30% индустриального — была характерна для многих среднеразвитых стран

на окраинах капиталистической системы, например, для царской России в 1916 г. Начало серьезной индустриализации и уступки, сделанные японской администрацией после 1919 г., дали возможность основным слоям и группам городского общества Кореи — рабочему классу и прогрессивной интеллигенции с одной стороны и консервативным буржуа и интеллектуалам с другой — организовать и четко сформулировать свои программные установки и интересы.

Эпоха, когда использование «национальной» фразеологии и эмоциональные призывы к «национальному единству ради выживания» позволяли рассчитывать на идеологическую гегемонию в среде образованной публики, уходила в прошлое. Классовое сознание проникало в рабочую и прогрессивную интеллигентскую среду, вело к выработке критического отношения к источникам информации, даже если они провозглашали себя «органами национального самовыражения». Так, некоторые профсоюзы Кореи уже в 1922–23 гг. организованно бойкотировали газету «Тонъя ильбо», справедливо считая по сути антирабочей ее «культурно-националистическую» программу. Появилось, хотя и в зачаточной форме, понятие классовой культуры, а с ним — понимание того, что «нация» — отнюдь не абсолютна, что классовая солидарность может перечеркивать национальные различия. Например, одна из первых повестей Сон Ёна (1903–1979: известный социалистический писатель), «Пересменка» (*Кёдэ сиган*; 1930), рассказывала о том, как японские и корейские горняки смогли преодолеть национальную вражду и организовать совместную профсоюзную работу.

В то же время, существовавшее в 1920-е годы у различных групп корейского общества классовое сознание оставалось поверхностным, отличалось внутренними противоречиями и непоследовательностью. Так, идеолог умеренных буржуа писатель Ли Гвансу считал себя «демократом» и в то же время, явственно склоняясь к концу 1920-х годов к фашизму, идеализировал такого «национального лидера», как Муссолини. Корейская буржуазия была еще слишком слаба и зависима от японской администрации, чтобы выработать устойчивую демократическую платформу. Однако и корейские коммунисты, считая себя «выразителями интересов рабочего класса», холодно относились к реальным попыткам этого самого класса улучшить свою жизнь вне «официального» коммунистического движения — например, к попыткам организации самоуправляющихся рабочих кооперативов — считая, что они «отвлекают трудящихся от революционных задач». Как успехи прогрессивной интеллигенции Кореи, так и незрелость классовой структуры страны, слабая связь между интеллектуальным авангардом и массами, проявили себя в 1930-е годы, когда Корея оказалась плацдармом японской агрессии в Китае.

Использованная литература

- Ким Г.Ф. *Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве*. М., 1965
- Пак Б.Д., Пак Тхэ Гын. *Первомартовское движение 1919 г. в Корею глазами российского дипломата*. М., 1998.
- Усова Л.И. *Корейское коммунистическое движение 1918–1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна*. М., 1997
- Шабшина Ф.И. *История корейского коммунистического движения (1919–1945 гг.)*. М., 1988.
- Шабшина Ф.И. *Народное восстание 1919 года Корею*. 2-е изд., переработ. М., 1958.
- Ше Де Сук (Со Дэсук). *Корейское коммунистическое движение. 1918–1948*. Пер. с англ. М., 2002.
- Сборник научных статей к пятидесятилетию Движения 1 марта (三一運動50周年紀念論集). Сеул, изд-во Тонъя ильбоса, 1969.
- Ким Гёниль. *История рабочего движения в эпоху [господства] японского империализма* (김경일, 日帝下勞動運動史). Сеул, изд-во Чханджак-ква пипхён, 1992.
- Baldwin, F. «Participatory Anti-Imperialism: The 1919 Independence Movement» — *The Journal of Korean Studies*. Vol. 1. 1979. Pp. 123–162.
- Scalapino, R. A. & Lee Chong-sik. *Communism in Korea. Vol. 1*. Berkeley: University of California Press, 1972.

Глава 19

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КОРЕИ: 1931–1937

а) Мировой кризис и изменения в японской политике в Корею

Конец 1920-х и начало 1930-х годов ознаменовали собой новый период в истории Дальнего Востока в целом и Кореи как ключевого плацдарма для японской экспансии в континентальной Азии — в частности. 24 октября 1929 г. с биржевым крахом в Нью-Йорке мировая капиталистическая система вошла в период нестабильности и кризиса, закончившийся в итоге второй мировой войной. Неизбежные на определенных этапах развития капитализма перепроизводство товаров и падение нормы прибыли — базовые причины мирового кризиса конца 1920-х годов — могли быть временно преодолены лишь через активное вмешательство государства в экономику с целью создания новых рынков, финансирования инновационной и инвестиционной деятельности, а также

увеличения платежеспособного спроса. В то время как вмешательство государства в экономику как таковое было объективно закономерно для всех индустриальных регионов мира, осуществлялось оно в разных странах по-разному, в зависимости от уровня их промышленного развития и особенностей политической ситуации. Так, СССР в ситуации резкого падения цен на экспортировавшиеся им сельхозпродукты перешел к перекачке капитала из сельскохозяйственного сектора в промышленный крайне жесткими административно-командными методами («коллективизация» и «индустриализация»), используя также благоприятную конъюнктуру для импорта подешевевшего западного индустриального оборудования. Высокие темпы роста, достигавшиеся в этот период советской плановой экономикой (до 16% в индустриальном секторе, по официальным данным) на фоне всеобщего кризиса, способствовали популяризации административно-плановых методов в тогдашнем мире.

В странах с авторитарными политическими системами и развитым военным аппаратом — таких, как Германия после прихода фашистов к власти в январе 1933 г. или Япония — государственное вмешательство в экономику означало резкий рост военных расходов: армия и флот становились теми высокоприбыльными рынками, которые должны были стимулировать рост в экономике в целом. В СССР на оборону шла в 1930-е годы примерно треть государственного бюджета, а в Германии военные расходы выросли в 1933–38 гг., по различным оценкам, в 8–20 раз. Милитаризованные авторитарные государства — и, прежде всего, Япония, Германия и Италия — начали вести агрессивную внешнюю политику, стремясь овладеть источниками стратегического сырья, приобрести или расширить монопольные колониальные рынки. Милитаризация внутренней политики означала более жесткий административный контроль за каждым членом общества, запрет на независимые от государства общественные организации или строгий надзор за ними, подавление любой оппозиции существующему порядку и раздувание военной истерии. В колониях, таких, как Корея, где местное население было с самого начала лишено политических прав, репрессивный характер военно-полицейской государственности 1930-х годов проявился с особенной остротой.

Мировой кризис 1929 г. привел к обвалу цен на сельскохозяйственные продукты, а также на основной экспортный продукт Японии — шелк-сырец. В стране с более чем 500 тыс. безработных в городах и полуголодной деревней, где на каждое крестьянское хозяйство приходилось по 700–800 иен долгов (для многих эта сумма превышала их годовые доходы), активизировался социальный протест, в том числе под радикальными — коммунистическими и анархо-синдикалистскими — лозунгами. В «верхах» развернулась борьба между либеральными бюрократами, желавшими продолжать традиционную линию на сотрудни-

чество с США и Великобританией и минимализировать государственное вмешательство в экономику, и частью офицерского корпуса и гражданской бюрократии, желавшей преодолеть кризис путем милитаризации страны и внешней экспансии. После серии политических кризисов, либеральный кабинет Вакацуки Рэйдзиро (14 апреля — 13 декабря 1931 г.) не сумел провести в жизнь свою программу сокращения оборонных расходов и оказался не в состоянии остановить вооруженные силы от провоцирования столкновений с войсками местных милитаристов в Маньчжурии, закончившихся тем, что к концу 1931 г. большая часть этого региона оказалась под контролем японцев (Эти события известны как «маньчжурский инцидент»). 18 февраля 1932 г. японская армия создала в Маньчжурии марионеточное «государство» Маньчжоуго, фактически колонизировав эту стратегически важную, богатую ресурсами территорию, на которую в 1930 г. приходилось 11% японского импорта и 8% экспорта и куда японские монополии уже инвестировали к тому времени около полутора миллиардов иен.

26 мая 1932 г., после того, как радикальные офицеры организовали убийство его предшественника на этом посту, премьер-министром стал бывший генерал-губернатор Кореи адмирал Сайто Макото, выполнявший требования вооруженных сил и проводивший политику постепенной милитаризации страны. Вскоре рост военных расходов помог Японии частично преодолеть последствия экономического кризиса. За вторую половину 1930-х годов объем продукции гражданских отраслей экономики сократился на 17%, а вот объем военного производства вырос в полтора раза. В индустрии шел переход к высокотехнологичным отраслям, в основном связанным с военной промышленностью. Доля тяжелой промышленности в общем объеме индустриальной продукции выросла за 1930-е годы с 35% до 63%. Позволив преодолеть кризис, милитаризация страны привела в то же время к ужесточению внутреннего режима и изоляции Японии на мировой арене. В 1933 г. Япония заявила о выходе из Лиги Наций даже раньше, чем это сделала фашистская Германия, — протестуя таким образом против непризнания Лигой марионеточного режима в Маньчжурии. За этим шагом последовал ряд военных операций в Северном Китае, послуживших в итоге прелюдией к развязыванию полномасштабной агрессии против Китая в 1937 г. Внутри страны Коммунистическая партия Японии (КПЯ) была практически разгромлена как организация к 1935 г. Большинство анархистских активистов оказалось к 1935–36 гг. или в тюрьме, или под надзором полиции. Празднование Первой — символа международной рабочей солидарности — было запрещено в 1936 г. Таков был фон, на котором разворачивались события корейской истории этого периода.

В 1931–36 гг. генерал-губернатором Кореи был генерал Угаки Кацусигэ (1868–1956) — бывший военный министр, известный как сторон-

ник контроля политиков над армией и постепенной экспансии на континенте, а также противник союза с фашистской Германией. Поскольку с падением приблизительно в два раза цен на корейский рис в связи с мировым кризисом инвестиции в сельское хозяйство Кореи значительно потеряли в привлекательности, а также в связи с необходимостью перенести связанное с войной промышленное производство поближе к театру операций в Китае, Угаки повел политику на «одновременное развитие сельского хозяйства и промышленности». Он делал акцент, прежде всего, на привлечение в северные и центральные районы Кореи — с их минеральными ресурсами и дешевой рабочей силой — крупного японского капитала.

Наиболее активно шли в Корею те крупные корпорации, главы которых были лично связаны с Угаки и пользовались особенным покровительством колониальных властей. К этой группе относился, например, химический концерн Ногуты Ситагау (1873–1944) «Нихон Тиссо» («Японские азотные удобрения»), начавший уже с 1927 г. строить в Хамхыне вошедший в строй в 1930 г. крупнейший во всей Восточной Азии завод минеральных удобрений. Пользуясь «административным ресурсом» генерал-губернаторства, корпорация «Ногуты» построила в Корею в первой половине 1930-х годов три крупные гидроэлектростанции и основала в 1934 г. дочернее предприятие, «Корейское акционерное общество электропередач» («Тёсэн Содэн»), монополизировавшее данный сектор корейской экономики. Будучи теснейшим образом связана с вооруженными силами, корпорация «Ногуты» взялась и за развитие в Корею военного производства, основав в 1935 г. дочернюю фирму «Корейский порох» («Тёсэн каяку») и построив завод по производству взрывчатых веществ в Инчхоне. Он был передан в 1952 г. южнокорейским правительством монополистической группе «Ханхва» и функционировал до 2006 г.

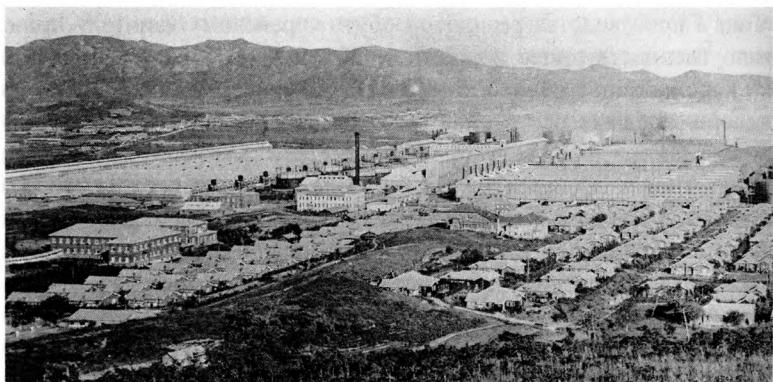

Рис. 43. Крупнейший в Восточной Азии завод минеральных удобрений в Хамхыне, построенный «Нихон Тиссо» в 1930 г.

Всего на концерн «Ногути», господствовавший также в угольной и нефтеобрабатывающей промышленности, и владевший самыми разными бизнесами, часто в не связанных друг с другом секторах (скажем, самым роскошным в столице колониальной Кореи отелем «Полуостров»), приходилось к началу 1940-х годов до трети всех японских инвестиций в корейскую индустрию. Продолжали, хотя и в меньших масштабах, инвестировать средства в Корею и крупнейшие монополистические концерны Японии — «Мицуи», «Мицубиси» и «Сумитомо» — причем зачастую эти инвестиции означали вытеснение корейского капитала из перспективных отраслей. Так, «Мицуи», на долю которой к началу 1940-х годов приходилось 4% японских инвестиций в Корею, уже в 1928 г. выкупила знаменитые своей прибыльностью (до 3100 иен чистой прибыли в день) золотые рудники Самсон в провинции Северная Пхёнан у их корейского хозяина Чхве Чханхака, а затем практически монополизировала золотодобывающую индустрию страны, выкупив у корейских предпринимателей (в том числе бывшего лидера реформаторской группировки начала 1880-х годов Пак Ёнхё) крупнейшие прииски.

В целом, индустрия Кореи росла в начале 1930-х годов почти советскими темпами первых пятилеток — на 13% в год. Стоимость промышленной продукции страны выросла с 1930 по 1935 г. более чем в два с половиной раза — с 280 млн. иен до 670 млн. Однако доля собственно корейских предпринимателей в общем объеме частного капитала составляла к концу 1930-х годов лишь 18%. Корейский бизнес был замечен лишь в некоторых секторах с относительно низким уровнем технологии, где основать предприятие можно было с небольшим начальным капиталом — в легкой промышленности, и прежде всего в производстве резиновой обуви, носков, текстильной продукции. Взаимоотношения корейских предпринимателей с японскими конкурентами и колониальной администрацией были, однако, весьма сложными и не сводились к заведомо неравному соперничеству.

Так, в производстве резиновой обуви корейскому капиталу принадлежало господствующее положение. 30 из 47 фабрик в этом секторе были корейскими; в основном ими владели протестантские бизнесмены из северо-западных областей. В отрасли существовало несколько смешанных фирм, корейские предприниматели владели частью акций крупных японских обувных компаний. Были и случаи, когда корейскими заводами резиновой обуви управляли японские менеджеры. В текстильной промышленности крупные корейские предприятия, такие, как «Кёнсонская текстильная компания», пользовались регулярными субсидиями от генерал-губернаторства, а в 1930-е годы получали также немалые прибыли от военных заказов японской армии. Продукция корейских носочных предприятий, в основном принадлежавших протестантской буржуазии Пхеньяна, пользовалась большим спросом в практически колонизированной японцами Маньчжурии. Наконец, корейские

предприниматели нуждались в японской полиции для подавления рабочих протестов. Таким образом, хотя в колониальной Корее крупная буржуазия метрополии и имела привилегированный доступ к финансовым и административным ресурсам, оттесняя от них более слабых корейских конкурентов, между корейской буржуазией и японскими администраторами и монополистами существовала общность классовых интересов. Корейская буржуазия также получала, хотя и в меньшей мере, чем японская, выгоду от ускоренного индустриального роста начала 1930-х годов и была заинтересована в колонизации Маньчжурии и войне в Северном Китае — источниках прибыльных заказов.

Положение в корейской деревне, и без того невыносимое для почти полутора миллиона (на 1932 г.) безземельных арендаторских хозяйств, ухудшилось еще больше в результате мирового кризиса. Цены на рис упали к 1932 г. до 50% от уровня 1926 г., и поднялись до 90% от уровня 1926 г. только к 1934–35 гг., когда кризис был в основном преодолен. Сам генерал-губернатор Угаки в выступлении перед «лидерами села» в 1934 г. признавал, что 48% корейских крестьян регулярно недоедают весной, особенно в мае — июне, когда прошлогодний урожай риса уже проеден, а новый урожай ячменя еще не собран. Экономический кризис привел к активизации крестьянских выступлений. По статистике отдела сельского хозяйства и лесной промышленности генерал-губернаторства, количество официально зарегистрированных конфликтов между арендаторами и землевладельцами увеличилось с 667 в 1931 г. до 1975 в 1933 г. Участвовали в таких конфликтах за 1930–33 гг. почти тридцать тысяч корейских крестьян. Чтобы предотвратить крупномасштабные протестные движения в Корее — в непосредственной близости от передовых линий войны в Китае — японские власти прибегли к маневрам, пытаясь создать у крестьян впечатление о власти как о «справедливом арбитре», «добросовестном опекуне» низших слоев корейского населения, а также одновременно усилить контроль за хозяйством крестьян, их настроениями и общественной жизнью.

К 1936 г. в различных провинциях Кореи работало уже 37 японских «чиновников по делам арендаторов», в задачу которых входило улаживание арендных конфликтов. Основанием для выполнения ими своих функций был изданный в 1933 г. генерал-губернатором Угаки «Указ об арбитраже в арендных конфликтах в Корее» (*Тэсэн косаку тэсэйрэй*). Этот указ, равно как и изданный в следующем году «Указ о пахотных землях Кореи» (*Тэсэн нотирэй*), действительно ввел эксплуатацию арендаторов землевладельцами в некоторые рамки. Японскими властями предписывалось теперь заключать контракты аренды минимум на три года и продлевать их автоматически в случае отсутствия серьезных нарушений со стороны арендатора, что давало хозяйствам безземельных крестьян некоторую стабильность. Однако самого болезненного для крестьян элемента арендной системы, а именно высокой (иногда доходившей до 70% урожая) арендной платы, законы никак не ограничивали.

Рис. 44. Батраки, высаживающие рисовую рассадку под наблюдением землевладельца. Фото колониального времени.

Желая успокоить деревню, не ущемляя при этом интересов землевладельцев, японские власти повели с 1932 г. крупномасштабную кампанию за «подъем деревни» — первое мероприятие такого рода на государственном уровне в корейской истории. Целью этого, рассчитанного на пять лет, плана, было «направить» около двух с половиной миллионов безземельных и малоземельных хозяйств к «лучшей жизни» без земельной реформы — через повышение урожайности путем улучшения семян и большего использования удобрений, активизацию свиноводства и побочных промыслов, а заодно и изучения основ японского языка. Уже через год генерал-губернаторство бодро рапортовало, что из 55 тысяч «образцовых» бедняцких дворов, «административно направленных к лучшей жизни», процент голодающих весной снизился с 57% до 35%, а 13% смогли рассчитаться с многолетними долгами. Кроме того, 24 тысячам арендаторских хозяйств выделялась (под 35% годовых, при условии выплаты в течение 24 лет) ссуда для приобретения небольших (примерно полгектара) участков собственной земли. План предусматривал, в итоге, перевод в мелкую крестьянскую собственность всего 0,48% от всех пахотных угодий, обрабатывавшихся арендаторами в Корее — и эти паллиативные меры подавались как «милость и забота» японских властей. Для сравнения, осуществление похожего плана в самой Японии в 1926–1937 гг., призванное заглушить требования радикальных поземельных преобразований в крестьянской среде, перевело в собственность беднейших крестьян до 4% тех земель, что они арендовали. «Подъем деревни» без земельной реформы оказался неосуществим ни в метрополии, ни в колонии.

б) Радикальные и умеренные общественные движения в Корее начала 1930-х годов

В реальности «административная перестройка» деревни, внося лишь минимальные улучшения в жизнь относительно небольшого числа бедняков, усилила контроль японской администрации над сельским населением, тем самым готовя страну к осуществлению всеобщей мобилизации на тыловые работы и в армию в начале 1940-х годов. Сельское хозяйство Кореи продолжало снабжать Японию относительно дешевым рисом (к 1936 г., примерно 67% потреблявшегося в Японии риса ввозилось из Кореи) и японскую и корейскую текстильную промышленность — хлопком-сырцом (урожаи хлопка в Корее увеличились за 1931–35 гг. вдвое). Однако потребление риса корейским крестьянством падало, а среди корейского населения в целом — лишь незначительно увеличивалось. Мероприятия японских властей, призванные интегрировать корейскую сельскую бедноту в структуры колониального общества без значительных улучшений в ее реальном материальном положении, не принесли корейской деревне «гармонии».

Наоборот, крестьянское сопротивление пережило в первой половине 1930-х годов период идеологической радикализации, с которой власть боролась, прежде всего, силовым путем — через ужесточение контроля и репрессий. Уже в 1928 г. по всей Корее насчитывалось 307 местных крестьянских, бедняцких и арендаторских союзов, объединенных в Корейскую крестьянскую федерацию (выделившуюся в 1927 г. из Корейской рабоче-крестьянской федерации). Эти организации, находившиеся под сильным влиянием нелегальных коммунистических групп уже с середины 1920-х годов, повели с начала 1930-х годов борьбу под более

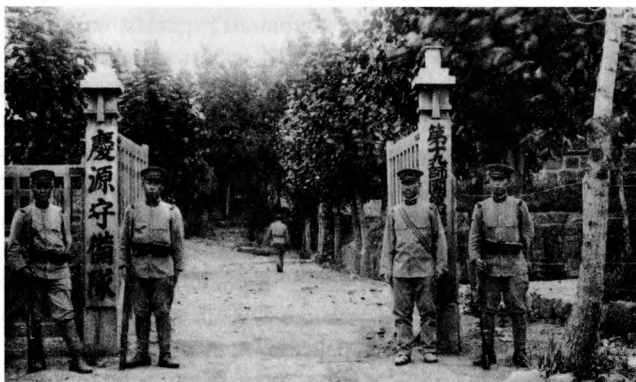

Рис. 45. Японский гарнизон в Кёнвоне, пров. Сев. Хамгён, неподалеку от северной границы.

радикальными лозунгами и зачастую с применением насильственных методов. Требования снижения арендной платы стали дополняться лозунгом «землю — крестьянам» (популярным в это время также среди радикализированной бедноты Японии), в селах появились нелегальные кружки, изучавшие марксистскую литературу, в нескольких уездах (например, уездах Самчхок в провинции Канвондо и Сочхон в провинции Южная Чхунчхон) активисты подняли селян на разгром местных органов власти.

«Красные» крестьянские союзы, активно проявлявшие себя в начале 1930-х годов, были в основном уничтожены полицией к концу этого десятилетия. Полицейские репрессии в Корее — неподалеку от границы с СССР и беспокойного Северного Китая — отличались масштабностью и охватом. По состоянию дел на 1938 г., колониальная полиция вела постоянную слежку за 7790 «подозрительными лицами» (ежедневное наружное наблюдение, перлюстрация корреспонденции, и т.д.); в 1928–1943 гг., 23386 корейцев были арестованы «по подозрению в совершении идеологических преступлений» и против приблизительно половины из них были возбуждены судебные дела. Обвинительные приговоры получили 11159 человек, но практически все арестованные подвергались жесточайшим пыткам, часто сводившим их в могилу или делавшим инвалидами на всю жизнь без всяких судебных формальностей. Примерно 38% всех осужденных по делам «о нарушении Закона по охране общественного порядка» (драконовский закон от 1925 г., признававший преступными любые речи и действия, направленные на изменение существующей системы) были крестьянами, что хорошо показывает, какие усилия прилагали японские власти для уничтожения любой оппозиции в деревне.

Подавляя радикальные крестьянские организации, японские власти в то же время оказывали содействие (в том числе и финансовое) «умеренной» (контролировавшейся в основном правым крылом религии *чхондогё* и христианами) всекорейской крестьянской организации — «Союзу корейских крестьян» (*Чосон нонминса*) — ожесточенно соперничавшему на местах с более радикальной Корейской крестьянской федерацией. «Умеренные» организации практически контролировали крестьянское движение в некоторых регионах с сильными пережитками докапиталистических отношений в деревне (например, провинции Северная Чхунчхон) или же там, где были влиятельны религиозные круги — христиане или религия *чхондогё* (провинции Пхёнан и Хванхэ). Японские администраторы и корейские землевладельцы зачастую делали местные отделения «Союза корейских крестьян» своими «агентствами по крестьянским делам», ставя их активистов в привилегированное положение по отношению к крестьянской массе и натравливая их на «красных смутьянов». В итоге, к 1933 г. Корейская крестьянская федерация практически утратила возможность координировать действия

своих местных отделений, а к концу 1930-х годов радикальное крестьянское движение на местах было в основном подавлено. Однако многие из выживших «красных» вожаков села продолжили свою борьбу в различных формах сразу после освобождения страны в 1945 г., создавая на местах «народные комитеты» — органы самоуправления, в которых они видели зародышевые институты народной власти.

Наряду с «красными» крестьянскими союзами на селе, на гребне радикальной волны начала 1930-х годов образовывались и «красные» профсоюзы в городах, совмещавшие борьбу за конкретные экономические интересы своих членов с изучением «идеологической» литературы, пропагандой антивоенных и антиимпериалистических лозунгов. Сильные федерации «красных» профсоюзов появились в 1931 г. в Хамхыне и Пусане — больших портовых городах, где левые идеи пользовались популярностью. Радикализация профсоюзного движения, вместе с послекризисным ухудшением материального положения рабочего класса, вела к росту забастовочного движения. Ежегодное число забастовок колебалось от 201 в 1931 г. до 170 в 1935 г., и стало устойчиво снижаться лишь в 1937–38 гг., после разгрома полицией основных левых организаций в фабричной среде. В начале же 1930-х годов среднегодовой уровень участия в забастовках (около 14–15 тыс. человек) был почти в полтора раза выше, чем в 1920-е годы. Гораздо более значительную, чем прежде, роль в рабочем движении начала 1930-х годов играли подпольные коммунистические группы.

В соответствии с резолюцией Профинтерна от 18 сентября 1930 г., они сосредоточили основные силы на нелегальной деятельности внутри рабочих организаций, оставив до поры до времени безуспешные попытки организовать общекорейскую компартию, которые лишь подставляли партийные кадры под удар японской полиции. Партию предлагалось организовать, когда для нее будет создана массовая база в виде «передового рабочего класса», организованного и направляемого «прогрессивными профсоюзами». Так, Ким Чхольсу и другие последователи «шанхайской» группировки стояли за организацией «Общекорейского совета левых профсоюзов», основной базой которого был новый центр тяжелой и химической промышленности в северной части Кореи — Хамхын. Выпускник элитарного миссионерского колледжа Ёнхи в Кёнсоне, близкий к «Обществу вторника» и обучавшийся в 1926–1929 гг. в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) в Москве, Чон Дархон создал в 1931 г. «красную» рабочую федерацию в Пхеньяне. Он опирался, главным образом, на рабочих химической промышленности и текстильщиков. Одному из его соратников, рабочему-коммунисту Чу Ёнха (будущий посол Северной Кореи в СССР, репрессирован правящей группировкой Ким Ир Сена в 1953 г.), удалось создать «красный» профсоюз на флагмане тяжелой индустрии страны — металлургическом заводе концерна «Мицубиси» в Кёмипхо.

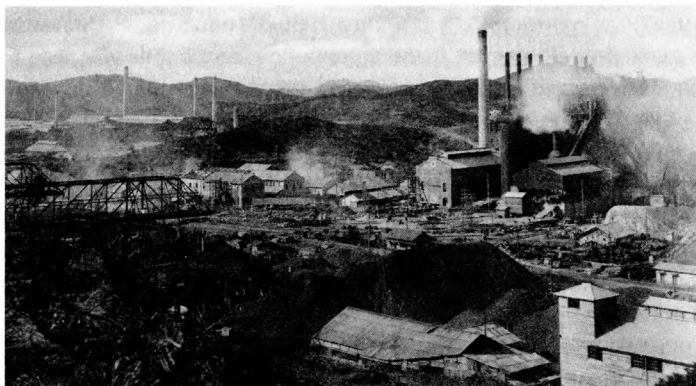

Рис. 46. Флагман тяжелой индустрии страны — металлургический завод концерна «Мицубиси» в Кёмпхо.

Особенную известность получила легендарная «Кёнсонская тройка» — возглавлявшие в 1933–34 гг. подпольное коммунистическое движение рабочих Кёнсона активисты Ли Джэю (1903–1944), Ли Гвансуль (1902–1950) и Ли Хёнсан (1906–1953). Ли Джэю, ставший коммунистом во время учебы в Японии в конце 1920-х годов, прославился как стремлением преодолеть старые фракционные разногласия и вести совместную работу с представителями всех фракций, так и феноменальным умением организовывать побег и скрываться от полицейских преследований, в том числе и с помощью своих друзей среди коммунистов-японцев.

В целом, коммунистическое движение в Корее 1930-х годов достигло заметных успехов, «встраивая» нелегальные партийные ячейки в легальные рабочие организации, распространяя свои идеи в массах через сеть вечерних школ, «идейных» кружков, подпольных газет и журналов. Все работавшие в Корее коммунисты, вне зависимости от их фракционной принадлежности, признавали в принципе авторитет и руководящую роль Коминтерна (уполномоченные представители которого — Пак Хонён, Ким Даня и другие — издавали с 1931 г. в Шанхае журнал «Коммунист» на корейском языке), однако в реальности говорить о детальном коминтерновском руководстве коммунистическим движением внутри страны на этом этапе трудно. У таких региональных коммунистических вожakov, как Ли Джэю, было уже достаточно самостоятельности и уверенности, чтобы открыто отказаться от безусловного подчинения тайно засланному в Корею коминтерновскому организатору Квон Ёнтхэ, — факт, говорящий о возросшей зрелости корейского левого движения.

Кадры, выращенные левыми нелегалами 1930-х годов, сыграли значительную роль в развертывании рабочего движения в стране после 1945 г. Знакомство с основами марксистского учения через подпольные

кружки и издания 1930-х годов стало одним из факторов, способствовавших тому, что сразу после освобождения страны в 1945 г. до 70% населения в некоторых районах Сеула называли «социализм» идеальным строем для будущей Кореи. Однако к 1936–37 гг. большая часть коммунистических рабочих лидеров, в том числе и «неуловимый» Ли Джэю, оказались за решеткой, и практически все рабочие организации с элементами коммунистического влияния были разгромлены. Личные судьбы лидеров радикального рабочего движения 1930-х годов в основном сложились трагически. Часть из них погибла в японских тюрьмах от последствий пыток (Ли Джэю), часть перебралась после 1945 г. в Северную Корею и была репрессирована там монополизировавшей власть группировкой Ким Ир Сена (Чу Ёнха), часть была или расстреляна в Южной Корее (Ли Гвансуль), или провела там остаток жизни в нищете, под надзором полиции (Ким Чхольсу).

При всех недостатках коммунистического движения начала 1930-х годов: метко подмеченном известным журналистом Ан Джэхоном догматическом восприятии «импортированных новейших теорий» и игнорировании «сложности и многослойности корейской культуры, многофакторности и специфики корейской ситуации», иерархизированности движения (с акцентом на «руководство массами» со стороны «пролетарского авангарда»), некритическом восприятии советской действительности и т.д., — оно, тем не менее, было в первой половине 1930-х годов практически единственным активным выразителем воли корейского народа к независимости от японского владычества.

Отчасти отражая удовлетворенность корейских предпринимателей индустриальным подъемом начала 1930-х годов, и отчасти под влиянием сочетавшей как задабривание, так и запугивание политики японских властей, умеренные националисты сосредоточились в первой половине 1930-х годов на «культурнической» работе, которая не только не противоречила интересам колонизаторов, но в определенных аспектах и совпадала с ними. Так, газета «Тонъя ильбо» повела с 1931 г. кампанию по ликвидации неграмотности в деревне, призывая студентов и учащихся ехать в деревню и обучать корейской грамоте крестьян во время летних каникул. Таким образом газета стремилась как расширить число потенциальных читателей, так и отвлечь студентов от радикальных идей. Кампания эта, которую газета не совсем удачно называла заимствованным из русского языка словосочетанием «в народ!» (на самом деле, никакого отношения к революционной деятельности народовольцев это движение не имело), продолжалась до 1935 г. без особенных результатов — в год грамоту таким образом осваивало, в самом лучшем случае, около 40 тыс. человек (1932 г.), при том, что неграмотно было 80% от приблизительно двадцатипятимиллионного населения тогдашней Кореи. Однако даже ограниченное распространение грамотности среди

бедняцких масс было в определенной степени выгодно и японским властям, ибо позволяло им напрямую доводить до крестьянства свои распоряжения и указы.

Колониальные власти и сами стремились по возможности расширить, особенно для мальчиков, возможности для получения начального образования, желая, чтобы молодое поколение корейцев освоило бы японский язык (преподававшийся в начальных школах по шесть часов в неделю) и готовилось бы, в перспективе, к службе в японской армии и несению трудовой повинности в Японии. Если в 1925 г. только 15% корейских детей ходило в школы, то в 1942 г. их было уже 47%. Однако на проведение масштабных кампаний по ликвидации неграмотности в своих колониях — по образцу тех, что СССР проводил, например, в Средней Азии в те же годы и с весьма похожими целями — у генерал-губернаторства не было средств, и добровольные помощники из числа студентов и учащихся тут были весьма кстати. Для административных целей генерал-губернаторству необходимо было упорядочить орфографию корейского письма, и эту работу сделало за него «Корейское лингвистическое общество» (*Чосоно хакхве*), основанное в 1931 г. на базе существовавшего с 1921 г. «Общества исследователей корейского языка», в основном состоявшее из преподавателей престижных частных школ и колледжей Кёнсона, исповедовавших умеренные националистические взгляды и получавшее от властей субсидию на издание лингвистического журнала. В 1933 г. оно опубликовало унифицированный вариант корейской орфографии, исправленный и дополненный в 1936 г., и ныне являющийся основой для орфографических правил как на Юге, так и на Севере Кореи. Генерал-губернаторство и само использовало разработанные «Обществом» орфографические правила в своих документах, но после того, как в конце 1930-х годов был взят стратегический курс на отказ от использования корейского языка и перевод всей официальной жизни колонии на японский язык, нужда в специалистах по корейскому языку и письменности отпала, и в 1942 г. большую часть членов «Общества» посадили в тюрьму по сфабрикованным обвинениям (двое из них умерли в тюрьме от последствий пыток, большинство остальных было освобождено только в 1945 г.).

Несомненно, что работа по ликвидации неграмотности и упорядочению правил корейской письменности имела большое значение в исторической перспективе. То же самое можно сказать и о деятельности других научных обществ, созданных в начале 1930-х годов корейскими учеными умеренно-националистического толка — например, «Корейского этнографического общества» (1932 г.), «Корейского экономического общества» (1933 г.), общества историков Кореи «Чиндан» (1934 г.) и т.д. Фактически середина 1930-х годов стала временем появления в Корее академической науки современного типа в гуманитарных и общественных областях — сообщества ученых, обсуждающих строго

сформулированные и зачастую достаточно абстрактные проблемы (скажем, вопрос о местонахождении ханьских округов I в до н.э. — IV в. н.э.) через каналы, допускающие свободную и равноправную дискуссию (научные журналы, конференции и т.д.), с соблюдением определенных формальных правил, призванных обеспечить точность выводов (критическое отношение к источникам, строгое отделение мифологических материалов от исторических и т.д.). Роль умеренных националистов в этом процессе несомненна, и ее нельзя не оценить позитивно. Однако в то же время большинство умеренных националистов из академических кругов, или владевших земельными угодьями, или служивших в аппарате генерал-губернаторства, частных школах или редакциях газет и журналов, в целом положительно — хотя и не без существенных оговорок — оценивали разорительную для корейской бедноты «цивилизаторскую» деятельность японских властей. Если они и стремились к независимости и серьезным социально-политическим реформам, то лишь в достаточно отдаленной перспективе. Между их образом мысли и деятельности — при всей объективной полезности этой деятельности для будущего страны — и чаяниями корейской бедноты лежала пропасть.

В то время как умеренные националисты внутри страны, сохраняя ориентацию на развитие национальной корейской культуры, шли на все более тесное сотрудничество с колонизаторами, национал-радикалы в эмиграции продолжали искать зарубежных покровителей для дела независимости Кореи. К концу 1920-х годов практическим главой Временного правительства в Шанхае стал Ким Гу — бывший член «Общества нового народа», отказавшийся в итоге от христианства и желавший организовать в эмиграции корейские вооруженные силы, которые смогли бы, при определенном стечении международных политических обстоятельств, включиться в войну против Японии и отвоевать Корею независимой. Ким Гу мечтал получить поддержку от *гоминьдана*, но первоначально националистическое правительство Китая не испытывало особенного интереса к контактам с Временным правительством Кореи, резонно полагая, что оно не пользуется реальным влиянием даже в эмигрантской среде.

Чтобы привлечь к Временному правительству внимание, Ким Гу прибег к испытанному «оружию слабых» в международной политике — индивидуальному террору. Он создал в 1931 г. —

Рис. 47. Ким Гу (1876–1949), глава Шанхайского временного правительства в 1926–1945 гг.

Рис. 48. 29 апреля 1932 г. Генерал Сира-кава, японские офицеры и дипломаты на трибуне в парке Хункоу.

в основном на присланные корейцами США и Мексики средства — «Патриотическое общество Кореи» (*Ханин эгуктан*), к которому стали тянуться молодые корейцы, пылавшие желанием лично отомстить врагам своей родины. Один из них, рабочий Ли Бончхан (1900–1932), несколько лет живший в Японии и постоянно испытывавший на себе национальную дискриминацию и бытовые унижения, воспользо-

вался своим знанием японского языка, чтобы подобраться 8 января 1932 г. к воротам императорского дворца в Токио и бросить гранату в возвращавшегося с парада императора Хирохито (правил с 1926 по 1989 г.). По чистой случайности Ли Бончхан промахнулся и Хирохито не пострадал, о чем ненавидевшие Японию газеты Китая написали: «К сожалению».

Следующий акт возмездия оказался более удачным — 29 апреля молодому кёнсонскому интеллигенту Юн Бонгилю удалось пронести в коробке для завтрака бомбу в шанхайский парк Хункоу, где на празднова-

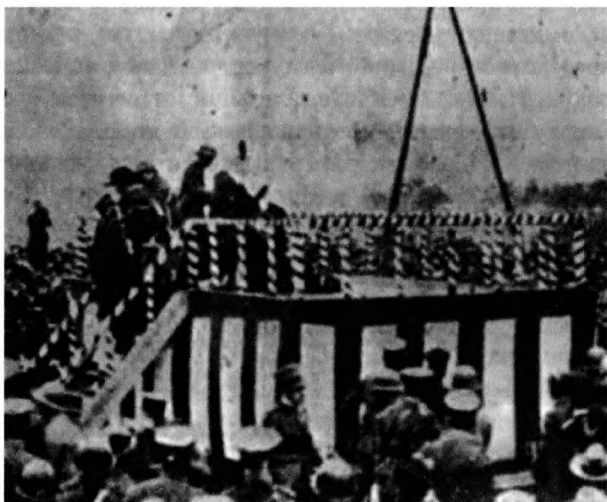

Рис. 49. ...и та же самая парадная трибуна сразу после взрыва бомбы Юн Бонгиля, которая смела с нее японских офицеров и дипломатов.

ние дня рождения императора собрались все присутствовавшие на тот момент в городе высшие должностные лица Японии. Взрывом убило генерала Сиракава Ёсинори, возглавлявшего японский экспедиционный корпус в Шанхае и еще нескольких японских военачальников, и тяжело ранило, среди прочих, посла Японии в Китае Сигэмицу Мамору (1887–1957: будущий министр иностранных дел Японии, подписавший 1 сентября 1945 г. акт о ее безоговорочной капитуляции).

Это событие сделало корейских эмигрантов «героями дня» в Китае. Через год Ким Гу организовали личную встречу с главой *гоминьдана* и фактическим диктатором националистического Китая Чан Кайши, после которой *гоминьдан* взял на себя финансирование Временного правительства Кореи и зачислил 92 корейца на обучение в Лоянскую военную академию. Временному правительству, спасаясь от карательных акций японцев, пришлось, однако, перебраться из Шанхая в Ханчжоу, а затем и далее в глубь Китая. Тесная связь Ким Гу и группировавшихся вокруг него националистических деятелей с Чан Кайши имела, несомненно, позитивную сторону. Так, именно по китайской инициативе в «Каирскую декларацию» союзников по антифашистской коалиции от 1 декабря 1943 г. было включено упоминание о «рабском положении» корейского народа и необходимости предоставления Кореи независимости (нужно отметить, что вплоть до этого момента ни США, ни Великобритания никогда не оспаривали законность японских «прав» на владение Кореей). Однако нельзя не отметить и сильное влияние правоэкстремистской идеологии *гоминьдана* на Ким Гу и его окружение, усердно заимствовавшее у китайских «старших братьев» представления о «служении нации как высшей добродетели», антикоммунистические концепции и вождистские идеи.

Отдельно следует упомянуть об отношении к террористическим методам борьбы в среде корейской эмиграции. Террористические акты были приняты на вооружение корейскими националистами в конце 1900-х годов главным образом, потому, что никакой надежды победить Японию в «регулярной» вооруженной борьбе у них не было. Корейские патриоты рассматривали свои акции как продолжение антияпонской войны за независимость другими средствами и строго придерживались определенных правил. Например, они стремились, по возможности, не причинять вреда японским гражданским лицам, не имевшим прямого отношения к японской империалистической политике. Так, корейский патриот Ан Джунгын, застреливший одного из главных архитекторов японской политики в Корее, Ито Хиробуми, на вокзале в Харбине 26 октября 1909 г., сделал это лишь после того, как провалилась его попытка организовать, совместно с корейской эмиграцией Российского Приморья, вооруженную партизанскую борьбу против японской армии в северных районах Кореи, и впоследствии выразил сожаление о гибели нескольких японских гражданских лиц в ходе акта возмездия.

Похожей тактики придерживался и знаменитый *Ыйёльдан* («Корпус героев справедливости») — возникшая в конце 1919 г. в Маньчжурии корейская революционная организация, сочетавшая элементы радикального национализма и анархизма и поставившая своей целью «прямые действия» — нападения на органы японской власти в Корее и убийства японских чиновников и «злостных богатеев» (японских пособников из корейской буржуазно-землевладельческой среды). Организация осуществляла нападения на здание генерал-губернаторства в Кёнсоне и несколько полицейских участков, а также на японских официальных лиц (например, военного министра генерала Танака Гиити), во время которых гибли и гражданские лица, но никогда не ставила себе специальной задачей насилие против японцев вообще, как таковых. С конца 1920-х годов лидеры организации начали сотрудничать с коммунистами и прекратили организацию терактов, взяв вместо этого курс на подготовку к массовому вооруженному сопротивлению японской агрессии и борьбу за социальный преобразования. Таким образом, террористические акции корейского сопротивления следует отделять от явления, известного как «терроризм», в наши дни — использования насилия против принадлежащих к той или иной этнической, политической или религиозной группе гражданских лиц в политических целях.

В то же время, принятие террора на вооружение постепенно вело корейское националистическое и анархистское сопротивление к использованию политического насилия и во внутренней борьбе, иными словами, делало насильственные методы частью политической жизни. Скажем, в 1922 г. коммунист из «шанхайской» группировки Ким Рип погиб от пули националистического активиста О Мёнджика (1894–1938), обвинявшего его в растрате 400 тыс. рублей, полученных в 1920 г. от имени Временного правительства Кореи от советского правительства. На самом деле, деньги использовала «шанхайская» фракция как целое, и не наличные нужды, а на проведение разного рода организационных мероприятий, что соответствовало целям, с которыми помощь оказывалась советской стороной. За этим убийством стоял, по-видимому, Ким Гу, который и после этого не раз использовал бомбу и пистолет для сведения политических счетов. Некоторые политические убийства могли быть следствием как конкуренции между различными группировками, так и ошибочных подозрений. Так, известный эмигрантский лидер Пак Ёнман (1881–1928), первый министр иностранных дел Временного правительства в Шанхае, пытавшийся в начале 1910-х годов готовить в США корейские военные кадры для будущей войны с Японией и соперничавший со сторонником «дипломатического пути к независимости» Ли Сынманом, был застрелен в 1928 г. членом *Ыйёльдана* Ли Хэмёном (1896–1950) по обвинению в «предательстве и сотрудничестве с Японией», хотя доказательств «предательства» не существовало и соответствующие слухи вполне могли распускаться полити-

ческими противниками Пак Ёнмана безо всяких реальных оснований. Вооруженное насилие становилось нормой политической жизни националистической эмиграции, подменяя собой воспринятые лишь на очень поверхностном уровне современные представления о власти закона и демократии. Это не сулило Корее ничего хорошего в будущем, после освобождения от японского ига.

Использованная литература

- Шипаев В.И. *Корейская буржуазия в национально-освободительном движении*. М., 1966.
- Ан Бёнджик (сост.). *История роста корейской экономики* (안병직, 韓國經濟成長史). Сеул, Изд-во Сеульского университета, 2001.
- Корея Нового Времени в фотографиях* (사진으로 보는 近代韓國). Тт. 1-2. Сеул, Изд-во Сомундан, 1994.
- Син Джубэк. *История национального движения внутри Кореи в 1930-е годы* (성주백, 1930年代 國內 民族運動史). Сеул, Изд-во Сонин, 2005.
- Чи Суголь. *История движения крестьянских союзов в период [господства] японского империализма — движение революционных крестьянских союзов в 1930-е годы* (지수걸, 日帝下 農民組合運動研究: 1930年代 革命的 農民組合運動). Сеул, Изд-во Ёкса пипхён, 1993.
- Хори Кацуо. *Исторический анализ индустриализации Кореи* (Тё:сэн ко:гё:ка но ситэки фунсеки). Токио: Изд-во Юхикаку, 1995.
- McNamara, D. L. *The Colonial Origins of Korean Enterprise, 1910–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Shin, Gi-Wook. *Peasant Protest and Social Change in Colonial Korea*. Seattle: University of Washington Press, 1996.

Глава 20

ВОЙНА, ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ: 1937–1945 гг.

а) Агрессия Японии в Китае и война на Тихом Океане

7 июля 1937 г., спровоцировав «инцидент» на мосту Марко Поло в окрестностях Бэйпина (так тогда назывался Пекин), Япония начала полномасштабную агрессивную войну против Китая. Эта агрессия в итоге переросла в войну с США (и позже СССР). Война с Китаем, США и их союзниками затянулась на 8 лет и стоила сторонам, по некоторым подсчетам, до двадцати или даже тридцати миллионов жизней. Большинство жертв составляло гражданское население. Целью агрессии было превращение всего Китая в фактическую японскую колонию — набор зависимых территорий, управляемых марионеточными режима-

ми, — а также подготовка к дальнейшей экспансии на континенте. Одним из главных направлений этой экспансии представлялось нападение на СССР с целью захвата богатых ресурсами сибирских и дальневосточных территорий. Армейское руководство и сотрудничавшая с ним гражданская бюрократия надеялись также, что огосударствление экономики, милитаристская истерия и всеобщая мобилизация в армию и на трудовые работы помогут сладить социальные противоречия, превратив Японию в «бесконфликтное государство-семью с отцом-императором во главе». Агрессоры рассчитывали на успех блицкрига против Китая, развал режима Чан Кайши и раздел Китая на «удельные княжества» местных милитаристов, но они просчитались, недооценив как правительство *гоминьдана*, так и силу китайского национализма, на который Чан Кайши — при всем его желании найти компромисс с Японией — пришлось опереться перед угрозой потери власти.

Большая часть Северного Китая была захвачена четырехсоттысячной японской армией за несколько месяцев без особых потерь, но вот центр *гоминьдановской* власти — промышленно развитые прибрежные районы Южного Китая — оказался «крепким орешком». Так, шестисоттысячная китайская армия держала оборону в крупнейшем индустриальном центре Китая, Шанхае, около трех месяцев, с августа по конец октября 1937 г. Заняв Шанхай со значительными потерями в живой силе (до 70 тысяч человек), агрессоры вышли к столице *гоминьдановского* Китая, Нанкину, где и устроили в конце 1937 г. страшную резню, в которой погибло, по некоторым данным, до 300 тысяч китайцев, в основном мирных жителей. Захват китайской столицы не означал, однако, окончания войны — Чан Кайши перенес столицу в Чунцин (юго-западный Китай), эвакуировал важнейшие предприятия в глубь страны, заключил договоренности о совместной борьбе против агрессоров с контролировавшими часть северо-западного Китая коммунистами, и продолжил упорное сопротивление. В итоге, агрессоры увязли в позиционной войне в Китае, требовавшей все большей степени мобилизации экономики и все больших ресурсов. В ходе боевых действий после 1937 г. выявлялись значительные слабости и недостатки японской армии. Она превосходила китайскую по боеспособности, но все равно значительно отставала от лучших армий мира, что показали поражения, понесенные ею от Советской армии в боях под Хасаном (1938) и Халхин-голом (1939). На модернизацию и техническое перевооружение армии были с 1939–40 гг. кинуты все силы страны, которую правящая военно-бюрократическая группировка превращала в большой военный лагерь.

Правительства США и Великобритании, в отличие от СССР, не оказывали *гоминьдановскому* Китаю сколько-нибудь существенной поддержки на первом этапе агрессии. Более того, США продолжали продавать Японии особо важные стратегические товары — нефть, металлический лом, вооружение, высокоточные станки, детали для сборки

самолетов и т.д. Вплоть до 1940 г. доля США в японском импорте превышала 30%. В то время как американский капитал обогащался на войне, правительство США надеялось, что Япония «пойдет на Север», т.е. начнет широкомасштабную агрессию против СССР. Однако этого не произошло. Отложив нападение на СССР до того момента, когда СССР будет достаточно ослаблен войной против фашистской Германии, Япония с согласия профашистского марионеточного режима Виши ввела в конце июля 1941 г. войска во французский Индокитай, начав таким образом экспансию на «Юг» — в богатую ресурсами Юго-Восточную Азию. Превращение Китая и Юго-Восточной Азии в монопольную зону влияния Японии серьезно расходилось с американскими интересами и прямо угрожало британским. Поэтому с конца июля 1941 г. США, Великобритания и правительство в изгнании оккупированной фашистами Голландии (владевшее Индонезией) запретили поставки японцам всех основных стратегических материалов и товаров — нефти, каучука, стали и высокотехнологического оборудования в первую очередь. Японии, не имевшей серьезных ресурсов стратегического сырья и зависевшей от импорта оборудования и технологий, нужно было выбирать — или прекращение агрессии, или война в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией против сильнейших государств капиталистического мира — США и Великобритании.

Выбрав войну, нанеся 7 декабря 1941 г. удар по американской морской базе в Пирл-Харборе и начав в тот же день наступление на Малайзию, Сингапур и прочие британские и голландские владения в Юго-Восточной Азии, Япония не надеялась на полный разгром противника. США превосходили ее по экономическому потенциалу примерно в 10 раз. Японцы считали, что Гитлер разгромит СССР и Великобританию, после чего Япония сможет добиться от США выгодных мирных условий, завершить разгром сил Чан Кайши и стать доминирующей державой в Восточной и Юго-Восточной Азии, окруженной марионеточными государствами. Однако этим амбициозным планам, получившим в официальной риторике Токио название «строительства сферы совместного процветания в Восточной Азии», не суждено было сбыться. Япония переоценила мощь своих фашистских союзников в Европе и явно недооценила мобилизационные потенциалы советской системы и китайского национализма, равно как и решимость США вести войну до конца и заполучить в свои руки гегемонию в Восточной и Юго-Восточной Азии. Вначале, воспользовавшись неподготовленностью США и Великобритании к войне на азиатско-тихоокеанском театре военных действий, Япония достигла поразивших воображение современников успехов, установив к маю 1942 г. ценой незначительных (до 15 тыс. человек) потерь контроль надо всей Юго-Восточной Азией и Северной Океанией, включая поставщиков продовольствия и стратегических ресурсов — Бирму, Таиланд (с которым был заключен союз-

ный договор), Филиппины, Индонезию и т.д. Япония на пике своего успеха контролировала территории, в 10 раз превышающие ее собственную, с населением более 200 млн. человек.

Однако уже к этому моменту стал сказываться недостаток войск и ресурсов для осуществления амбициозных завоевательных планов. Невозможным оказалось, например, снять войска с китайского фронта и направить их на планировавшееся, но так и не осуществившееся завоевание Австралии. С июня 1942 г. (сражение при атолле Мидуэй) в войне наметился перелом в пользу США и из союзников, и к весне 1943 г. «сфера совместного процветания в Восточной Азии» оказалась в глухой обороне. Попытки заключить сепаратный мир с Чан Кайши и высвободить войска с китайского фронта оказались тщетными, и в то же самое время американские и британские силы вели успешные наступательные действия на Тихом Океане и в Юго-Восточной Азии. С ноября 1944 г. Япония, уже испытывавшая жесточайший дефицит как ресурсов, так и рабочей силы, — нечем было заменить четыре с половиной миллиона ушедших на фронт трудоспособных мужчин — начала также подвергаться опустошительным бомбардировкам американской авиации, уничтожившим большую часть ее военной промышленности. С апреля 1945 г. американские войска начали вести ожесточенные бои на территории собственно Японского архипелага (о-ва Рюкю), а в августе 1945 г. вступление СССР в войну (8 августа) и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа) заставили, в конце концов, японскую верхушку пойти на безоговорочную капитуляцию перед антигитлеровской коалицией. Принятая ею Потсдамская Декларация союзников от 26 июля 1945 г. основывалась на предыдущей, Каирской декларации и предусматривала лишение Японии всех завоеванных ею заморских территорий. Таким образом, оказалась решенной и судьба Кореи, получившей независимость значительно раньше, чем большинство азиатских и африканских колоний, принадлежавших странам-победителям.

Если бы не завершившийся в 1945 г. крахом авантюристический поворот в японской экспансии на континенте — полномасштабная война и Китаем в 1937 г. и нападение на США и Великобританию в 1941 г. — то достижение Кореей независимости собственными руками могло бы стоить корейскому народу невероятных усилий и жертв. Япония рассматривала Корею как стратегически наиболее важную часть «имперской территории» за пределами собственно Японских островов и собиралась удерживать ее любыми средствами. Ее «права» на Корейский полуостров не подвергались США сомнению вплоть до принятия Каирской декларации. Вообще следует отметить, что пока Япония не совершала актов, противоречащих имперским интересам США — попытки захватить весь Китай, который Америка рассматривала как перспективный рынок, и т.д. — американское отношение к японскому империа-

лизму было достаточно благожелательным: в нем вашингтонские стратеги видели противовес России/СССР на материке. После того, как японские притязания столкнулись с американскими интересами, Вашингтон спровоцировал Токио на войну (прекратив ему поставки стратегического сырья) и, выиграв ее, превратил послевоенную Японию в своего младшего союзника по антисоветской коалиции, включив туда и части бывшей японской колониальной империи (Южную Корею, Тайвань и т.д.), но уже на правах формально независимых государств.

Полномасштабная война с Китаем означала для Японии переход к мобилизационной экономике — полному контролю государства над материальными и людскими ресурсами, оправдываемому ультранационалистической идеологией, распространение которой становится абсолютным приоритетом в культурной, религиозной и образовательной политике. В колониальной Корее дополнительным аспектом мобилизации была «денационализация» страны — так называемая «ассимиляционная политика». Желая использовать корейцев в войне против Китая и США, а в перспективе — и против СССР, японские власти начали требовать от корейцев отказа не только от государственно-политической, но и от этноязыковой идентичности, навязывая им, — прежде всего, через образовательную систему и массовые организации, а также религиозно-гражданские ритуалы и т.д., — представление о том, что они являются частью «великого народа Ямато» — «большой» японской нации. Политика эта, не имевшая аналогов в мировой колониальной истории, за исключением так называемых «внутренних колоний» на территории унитарных государств (так, до конца 1950-х годов норвежские власти не признавали отдельной этнической идентичности за саамским меньшинством на севере страны и пытались «обнорвежить» его), сопровождалась некоторым смягчением национальной дискриминации в отношении корейских элиты и среднего класса, в которых японцы видели теперь младших партнеров по завоеванию и эксплуатации Китая и прочих периферийных территорий «сферы совместного процветания в Восточной Азии». Однако для большинства корейцев эта политика означала новые, невиданные тяготы и лишения — военную службу в армии агрессора, угон на принудительный труд вдали от родины, экспроприацию значительной части урожая и голодное существование.

б) Репрессивно-мобилизационная политика японских властей в Корее

26 августа 1936 г. Угаки был заменен на посту генерал-губернатора Кореи генералом Минами Дзиро (1874–1955) — одной из наиболее авторитетных фигур в военном истеблишменте. Минами служил военным министром в 1931 г. и нес прямую ответственность за развязывание агрессии в Маньчжурии. Он был арестован как военный преступник кате-

гории «А» сразу после капитуляции Японии в 1945 г., судим, приговорен к пожизненному заключению, но помилован в 1954 г. «по состоянию здоровья». Видя в Корее непосредственный тыл войны в Китае, он сделал мобилизацию ресурсов колонии для военных нужд и «ассимиляцию» корейцев — официально именовавшуюся «превращением [корейцев] в императорских верноподданных» (кор. *хванминхва*, яп. *коминка*) — основным мотивом своей политики. Уже в сентябре 1937 г. — сразу после начала полномасштабной агрессии против Китая — при канцелярии генерал-губернатора был создан Отдел ресурсов, затем расширенный и преобразованный в Планировочное Бюро. Задачей этого учреждения — куда допускались работать только особо проверенные японские бюрократы — было подготовить корейскую экономику к работе в режиме тотальной мобилизации, полностью подчиняя производство военным интересам, и к введению контроля над ценами и карточной системы. Одновременно велась «профилактическая работа» с влиятельными интеллектуалами умеренно-националистической ориентации, против которых организовывались судебно-полицейские дела по сфальсифицированным или непомерно раздутым обвинениям с целью «приручения», т.е. принуждения к безоговорочному сотрудничеству с японской военной машиной.

Так, относительно невинный поступок нескольких журналистов газеты «Тонъя ильбо», заретушировавших в газете от 25 августа на фотографии победителя в марафонском беге на Берлинской Олимпиаде 1936 г. корейца Сон Гиджона (1912–2002) японский флаг на майке (корейцы участвовали в состязаниях как члены японской команды, и их имена давались в официальных новостях в японской транскрипции: Сон Ги джон, например, стал известен миру под именем Сон Китей), стоил долгих допросов «с пристрастием» одиннадцати сотрудникам редакции и запрета на публикацию в течение девяти месяцев — их газете.

С июня 1937 г. начались повальные аресты членов «Союза самовоспитания» (*Суян тонухве*) — корейского отделения созданной в 1913 г. Ан Чханхо в США «Академии по воспитанию благородных мужей» (*Хынсадан*). Абсурдность ситуации заключалась в том, что организованный в 1926 г. «Союз самовоспитания» являлся вполне легальной культурно-просве-

Рис. 50. Сон Гиджон (1912–2002) — первый кореец, занявший 1-е место на Олимпийских играх (Берлин, 1936 г.) — на пьедестале почета. Именно этот снимок, на котором журналисты заретушировали на майке спортсмена японский флаг, привел к закрытию газеты «Тонъя ильбо» на девять месяцев.

тельской организацией, в число руководителей которой входил, скажем, известный своей «благонадежностью» и лояльным отношением к японским властям писатель Ли Гвансу. Его левые — не без оснований — даже считали идеологом «колониального фашизма».

Зачем же было арестовывать лидеров корейского «образованного общества», и без того не отказывавшихся от сотрудничества с генерал-губернаторством? По всей видимости, японские власти обратили внимание на большое число проамерикански настроенных протестантов среди руководства «Союза самовоспитания» — некоторые из его лидеров были выпускниками престижных американских университетов (так Чо Бёнок, в будущем один из политических лидеров Южной Кореи, был доктором экономики Колумбийского университета) — и решили «наглядно продемонстрировать» им, в преддверии возможного столкновения с США, что любые попытки проамериканской пропаганды в тылу будут жестоко караться. К середине 1938 г. арестован был уже 181 член «Союза самовоспитания», но, в конце концов, все были освобождены в 1941 г., после пыток и издевательств, «за отсутствием доказательств подрывной деятельности». По-видимому, «урок» оказался эффективным. Раз попробовав вкуса пыточной камеры, интеллигенты-протестанты большей частью проявляли затем рвение в пропаганде «священной войны с американскими и британскими дьяволами» среди корейского населения...

В то время как «превентивные» репрессии отбивали волю к сопротивлению у представителей привилегированных слоев, массы населения становились объектами воздействия административно-пропагандистского аппарата. Так, в октябре 1937 г. во всех начальных и средних школах страны, вместе с «физзарядкой императорского верноподданного», было введено обязательное коллективное декламирование «Клятвы императорского верноподданного», представлявшей собой заверения в «преданности его Императорскому Величеству» и деклараций о «готовности стойко переносить тяготы и страдания». У тоталитарной «промывки мозгов» была еще и религиозная сторона. Первое число каждого месяца было объявлено «патриотическим днем», в который «верноподданным» полагалось коллективно совершать обряды поклонения божествам *синто* — государственной религии тогдашней Японии. Поощрялось и устройство *синтоистских* алтарей в частных домах. С точки зрения корейских христиан — той группы населения, лояльность которой вызывала у Токио особенные опасения — подобные ритуалы могли быть приравнены к запрещенному Священным Писанием идолопоклонству. Поэтому для японских властей важно было заставить крупнейшие христианские конфессии принять новые правила игры и объявить *синтоистские* ритуалы «светским гражданским долгом», тем самым показав христианской пастве, что «ассимиляция» и участие в подготовке к «тотальной войне» не противоречат их религиозным убеждениям.

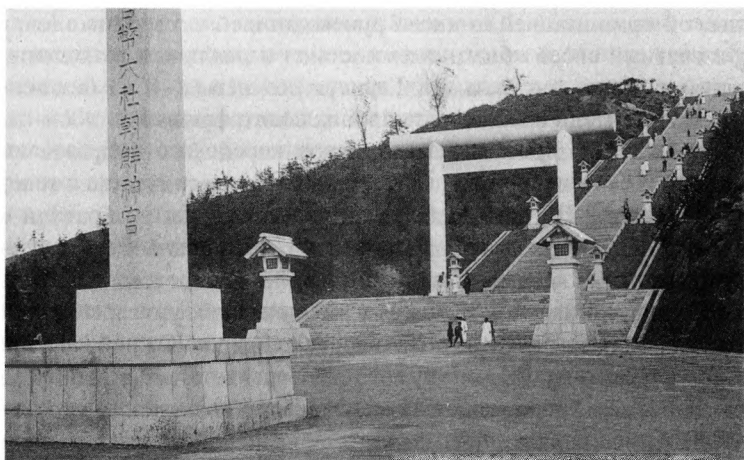

Рис. 51. Синтоистский храм на горе Намсан в Кёнсоне (Сеуле), воздвигнутый японцами в 1925 г. на месте *Куксадан* — Алтаря, построенного в 1394 г. по приказу основателя династии Чосон Тхэджо (Ли Сонге) в честь покровителя новой столицы. Главными объектами поклонения в нем являлись богиня Амаэрасу и император Мэйдзи. Уже с середины 1920-х гг. участие в церемониях в этом храме навязывалось корейским школьникам и служащим, а с конца 1930-х гг. стало практически обязательным, особенно для учащихся.

Легче всего удалось решить эту проблему с католиками. Ватикан, поддерживавший тесные связи с фашистской Италией, с готовностью признал *синтоистские* обряды «гражданскими обязательствами». Среди протестантских священнослужителей относительно небольшое меньшинство решилось на сопротивление государственным притязаниям на их совесть. Около 50 протестантских верующих погибло в тюрьмах, отказавшись от поклонения «японским идолам». Большая часть протестантских конфессий, однако, пошла на активное содействие японской военщине. Так, только пресвитериане устроили в 1937–40 гг. 8953 молебнов «за победу над врагом», организовали кампанию по переплавке церковных колоколов для изготовления оружия и даже ... подарили в 1942 г. японским ВВС боевой самолет «Корейский пресвитерианин». Протестантских верующих в колониальной Корее к началу 1940-х годов было относительно немного — около 460 тысяч. Однако немалое их число принадлежало к деловой и интеллектуальной элите. Поэтому их коллаборационистская позиция имела большое значение для властей. Зрелище приверженцев веры, которую многие корейцы в быту называли «американской» (большинство среди протестантских миссионеров в Корее составляли граждане США), усердно молящихся за «победу над звероподобными американскими демонами», оказывало также сильнейшее пропагандистское воздействие на корейцев-нехристиан. Им начинало казаться, что уж если даже воспитанники американских миссио-

неров молятся за победу над США, то война против Америки и вправду «справедлива».

Под постоянный аккомпанемент военных маршей из репродукторов, ежедневных «патриотических линеек» в школах и ежемесячных *синтоистских* ритуалов японские власти переводили всю жизнь страны на казарменный лад. С 5 мая 1938 г., одновременно с метрополией, на японские колонии Корею и Тайвань распространилось действие принятого в марте 1938 г. «Закона о национальной мобилизации», ставившего гражданских лиц, наравне с военными, на полуказарменное положение. В Корее это означало создание, под руководством заведующего Отделом образования генерал-губернаторства Сиобара Токисабуро (известного, за свои ультраправые взгляды, под кличкой «Гитлер Корейского полуострова»), «Корейского союза всеобщей духовной мобилизации» — организации, которая должна была объединить все домохозяйства Кореи с целью мобилизации всех и каждого на выполнение поставленных властью целей, будь то призыв на тыловые работы или распространение японского языка в быту. Все члены организации были объединены в «патриотические группы» по десять домохозяйств, члены которых должны были следить друг за другом и контролировать выполнение соседями мобилизационных предписаний. Руководители «патриотических групп» стали низовым «приводным ремнем» японской администрации в Корее, позволявшим ей контролировать в деталях жизнь масс вплоть до самых отдаленных деревень и поселков. С января 1939 г. членство в «патриотических группах» стало обязательным. Вскоре на них были возложены также обязанности по распределению по карточкам продуктов и предметов первой необходимости.

С февраля 1938 г., столкнувшись с нехваткой живой силы для полномасштабной агрессии в Китае, Япония также «милостиво разрешила» корейцам — до этого, за редкими исключениями, не допускавшимся к службе в вооруженных силах, — добровольно вступать в ряды сухопутной армии. Началась постепенная подготовка к введению в Корее всеобщей воинской повинности — уникального института для колониальных стран. Поскольку солдаты-призывники должны были свободно понимать японский язык и вообще ощущать себя японцами (иначе зачем им нужно было бы отдавать свои жизни в японской агрессивной войне?), с 1938 г. корейский язык было запрещено преподавать и использовать в школах Кореи. Будущие призывники должны были с детства привыкнуть к усвоению знаний только на японском языке. К 1940 г. были закрыты и корейские газеты на родном языке — «Тонъя ильбо» и «Чосон ильбо». Образованным корейцам предлагалось читать японскую прессу. Более того, с февраля 1940 г. японские власти начали еще и кампанию по насильственному «ояпониванию» корейских имен и фамилий. Всем корейцам предлагалось в короткие сроки представить в местные органы власти «добровольно» выбранные ими имена и фами-

лии японского типа, и впредь следовать тем же нормам в отношении имен и фамилий, что и японцы. Так, кореянки должны были теперь брать фамилию мужа после брака, что делалось в Японии, но противоречило корейской традиции (менять фамилию родителей считалось в Корее проявлением «непочтительности к предкам»). «Добровольность» этой беспрецедентной меры была чисто формальной. В случае неявки органы власти зачастую раздавали корейским жителям японские имена и фамилии в произвольном порядке, а критика данной политики было уголовно наказуема. Таким образом, в установленный период «японизировалось» примерно 80% корейских домохозяйств.

Колонизаторы рекламировали свою политику как «отказ от дискриминации в отношении местного населения», но на самом деле административные органы продолжали регистрировать корейцев и японцев отдельно (на регистрационных карточках корейских домохозяйств проставлялось место происхождения их клана) и дискриминация в реальной жизни сохранялась. Требование к колонизируемым отказаться от их собственного языка и имен и перейти на язык и именную систему колонизаторов не имеет аналога в мировой практике колониализма. Оно может быть объяснено лишь специфической обстановкой, сложившейся к этому времени в Японии. Увязнув в агрессивной войне в Китае, самой населенной стране мира, японские власти отчаянно нуждались в людских ресурсах, и считали, что родившиеся в период японского господства и воспитанные в японских школах корейские призывники будут лояльными солдатами. Взамен корейцам демагогически обещалось полупривилегированное — «выше китайцев» — положение в восточно-азиатской сфере влияния Японии. Многие представители корейских имущих слоев, запуганные перспективой репрессий за неподчинение и подавленные преувеличенными сообщениями японских газет о «победах японского оружия» в Китае, приняли эту демагогию всерьез.

Официально зачисление корейской молодежи в ряды японских вооруженных сил с февраля 1938 г. было «добровольным». Однако на самом деле учебные заведения и органы власти зачастую оказывали на молодых людей психологическое, а иногда и административное давление, внушая им, что они «жертвуют собой ради процветания всей Восточной Азии под милостивой властью императора». Это делалось при активной поддержке членов корейской элиты, разъезжавших по стране с «лекциями по международной обстановке» и призывами «отдать жизнь за императора». В итоге к началу 1942 г. в рядах японской армии уже сражалось более восьми тысяч корейских солдат и офицеров. Кроме того, с 1 октября 1939 г. на корейской территории вступил в силу принятый японским парламентом 8 июля 1939 г. закон о всеобщей трудовой повинности (яп. *кокумин тёёрей*, кор. *кунмин чинённён*), позволивший властям организовывать массовую отправку корейских рабочих

в Японию, где массовый призыв молодежи в армию привел к нехватке рабочей силы. Уже в 1940 г. в Японию было отправлено 88 тысяч корейских рабочих, что покрывало примерно 6% дефицита трудовых ресурсов. В 1939–40 гг. отправка рабочей силы в Японию осуществлялась путем набора. Представители японских предприятий или посредники рекрутировали корейцев на формально добровольных началах, зачастую соблазняя неопытную деревенскую молодежь посулами «вольготной жизни» в метрополии. В реальности же корейских рабочих зачастую удерживали, с использованием закона о трудовой повинности, и после окончания их двухлетних контрактов.

Во многих случаях корейских рабочих селили в охраняемых общежитиях за колючей проволокой, мало отличавшихся от трудовых лагерей, и выдавали им на руки лишь небольшую часть их заработка, значительная доля которого автоматически переводилась на особые сберегательные счета, закрытые для пользования «до конца войны». Практически никто из корейских рабочих не получил денег с этих счетов после 1945 г. Корейские рабочие имели право переводить часть своей зарплаты семьям в Корею, но в сельских районах получателями этих сумм выступали не сами родственники, а волостные власти, которые зачастую распоряжались деньгами по своему усмотрению, сдавая их на покупку «добровольно-обязательных» акций госзайма, в различные «патриотические» фонды, или просто присваивая. С 1940 г. оргнабор корейских рабочих начал проводиться властями генерал-губернаторства. Каждой волости определялись квоты, и в случае недобора добровольцев молодежь из бедняцких семей загонялась в отъезжающие в Японию трудовые бригады насильно. Бесправное и полунисшее корейское население стало объектом сверхэксплуатации со стороны японского государства и предпринимателей. Постепенно мобилизация трудовых ресурсов принимала отчетливо выраженный военный характер. Так, уже с декабря 1941 г. начался набор корейцев на работу на военно-морских базах на островах южной части Тихого океана. Судьба попавших туда корейцев была особенно трагичной — они массами гибли под американскими бомбами, а иногда и уничтожались при отступлении японскими войсками.

С началом войны против США и Великобритании в декабре 1941 г. корейская экономика была, по сути, переведена — при сохранении норм частной собственности на средства производства — на командно-плановую основу. Каждой отрасли, каждому крупному предприятию задавались нормы и выдавались квоты на необходимые сырье и материалы. Чтобы «разгрузить» экономику метрополии, японские власти в Корею стремились достичь самообеспечения стратегическими материалами, и эта политика была довольно-таки успешной. Так, весь алюминий, магnezит, кобальт, хлопок-сырец и шерсть, необходимые корейской индустрии, добывались и обрабатывались в самой Корее. Уже с

1940 г. продовольствие выдавалось по карточкам, и над производством сельхозпродукции был введен строгий контроль. Постепенно шел переход к политике изъятия у крестьянства всех излишков. Резкое усиление мобилизационной политики с лета 1942 г. было связано с кризисной ситуацией на фронтах: Япония начала терпеть поражения в битвах с американскими силами на Тихом океане, ей не хватало ресурсов для того, чтобы воевать одновременно на нескольких фронтах в разных частях мира (Юго-Восточная Азия, Китай, южные районы Тихого океана), и все ресурсы Кореи, как людские, так и материальные, требовалось теперь мобилизовать для нужд фронта.

Новый генерал-губернатор, Куниаки Коисо (1880–1950), сменивший Минами в мае 1942 г., довел корейскую деревню до состояния всеобщего перманентного недоедания. Если в 1941 г. государство изымало по принудительным (очень низким) ценам 45% всей сельхозпродукции, то в 1943 г. — уже 63%, причем недороды военного времени не вели к снижению квот на изъятие продукции. Если в 1936 г. корейский крестьянин потреблял в день приблизительно 2900 калорий (японский — около 3400) и, за исключением зажиточного меньшинства, практически не ел говядины или свинины (99,9% всех калорий набиралось за счет растительной пищи), то к середине 1940-х годов из рациона стал исчезать и белый рис корейского производства. Рис, выращенный в Корее, шел на снабжение японской армии, а взамен корейским крестьянам предлагалось питаться низкокачественным рисом и просом из Маньчжурии или Вьетнама. Генерал-губернаторство официально предлагало крестьянам «дополнять рационы корой, изделиями из желудей и клевера и съедобными горными травами». Постоянное чувство голода было одним из факторов, заставлявших корейских крестьян брать на веру посулы японских вербовщиков и отправляться на работу в Японию, на Сахалин (где к концу войны очутилось около 15 тыс. корейских рабочих) и на острова Тихого океана.

С июля 1944 г., когда Коисо, ставшего премьер-министром Японии, сменил на посту генерал-губернатора Кореи бывший премьер-министр, генерал Абэ Нобуюки (1875–1953), трудовая мобилизация приняла открыто насильственный характер. За счет призыва приблизительно 290 тысяч корейцев на работу на японских заводах и шахтах Япония надеялась удовлетворить 6,4% своей потребности в рабочей силе в одном только 1944 г. Всего за 1939–1945 гг. было формально «добровольно» рекрутировано и отправлено по призыву на работы за пределами Кореи около 850 тыс. корейцев, из которых по состоянию на 2006 г. 50 тыс. оставались в живых на территории Южной Кореи, в Японии и на Сахалине. В то же время на принудительные работы внутри Кореи, в том числе на строительство военных объектов, было привлечено на основе трудовой повинности значительно большее число корейских рабочих — до 6 млн. 500 тыс. Практически первый раз за всю историю Ко-

реи правительство получило, с помощью современных административных средств, возможность досконально планировать и использовать труд большей части трудоспособного мужского населения корейской деревни. Опыт строительства тотальной мобилизационной экономики, приобретенный в эти годы, был затем после 1945 г. использован властями как Северной, так и Южной Кореи, во многом унаследовавшими административные механизмы военных лет.

Вопрос о том, каково было реальное отношение различных слоев сельского населения к мобилизационной политике генерал-губернаторства, весьма непросто. Известно, что на местах мероприятия по изъятию сельхозпродукции, домашнего скота, металлических изделий и мобилизации рабочей силы зачастую сталкивались с серьезным пассивным сопротивлением, причем со стороны как бедных, так и зажиточных крестьян: деревенское население прятало излишки, укрывало призываемых на трудовую службу от «охоты» на них со стороны волостных властей и полиции, уводило скот в горы, нарушало запреты на торговлю различными видами продуктов. С другой стороны, зажиточные крестьяне и землевладельцы, тесно связанные с местными администраторами, имели, как правило, больше шансов увернуться от призыва, и неформальные, но универсальные поблажки такого рода не могли не подействовать на настроения высших и средних слоев деревни. Бедняки были настроены более антияпонски, однако машина репрессий и контроля оказалось способной предотвратить заметные акты коллективного сопротивления с их стороны.

Самым страшным в этот период для корейской молодежи был, несомненно, призыв в воюющую японскую армию — на войну, победа в которой оставила бы Корею колонией Японии на десятки лет. Подготовка к призыву корейцев в вооруженные силы началась с мая 1942 г., когда в аппарате генерал-губернаторства был создан соответствующий комитет. Более 6 миллионов иен было потрачено только на тотальную регистрацию всех лиц призывного возраста. В октябре 1942 г. всех корейских юношей в возрасте от 17 до 21 года было приказано с декабря 1942 г. поочередно призывать на краткосрочные военные сборы в специально созданные для этого по всей стране 1922 военных лагеря. К 1944 г. эти сборы — на которых, в числе прочего, будущим призывникам преподавались основы разговорного японского — прошло уже почти 120 тыс. человек. С февраля 1944 г. тот же порядок распространился и на девушек, создав, по-видимому, первый в истории Кореи прецедент массового насильственного привлечения женщин к воинской службе. 1 марта 1943 г. был обнародован указ о введении в Корею всеобщей воинской повинности, вступавший в действие с августа, и в октябре подготовлены списки первых 266643 призывников на 1944 г. С 1 сентября 1944 г. всем им были разосланы повестки. 6300 человек (по другим данным, их было несколько больше — 9700) сумели скрыться от вла-

стей, но подавляющее большинство подлежащих призыву корейцев не могло противостоять японскому контрольно-репрессивному аппарату.

Всего до августа 1945 г. в армию, на флот и на трудовые работы на военных и морских базах было призвано приблизительно 380 тысяч человек. Согласно послевоенной статистике, собранной японским правительством, из них в ходе военных действий и от болезней погибло 22 182 человека. Однако с учетом того, что потери среди отправленных на работу в Японию от систематического недоедания и аварий измерялись тысячами, а также того, что многие тысячи оказавшихся на чужбине корейских рабочих не смогли или не захотели вернуться на родину, реальные потери Кореи в населении были много выше. Скажем, около 15 тыс. корейских рабочих на Южном Сахалине, переданном Советскому Союзу после победы над Японией, будучи в основном выходцами из южных районов Кореи, не смогли вернуться домой из-за отсутствия дипотношений между СССР и Южной Кореей до 1990 г. По некоторым подсчетам, общие потери Кореи в населении за военный период достигают 600 тыс. человек. Милитаризация всех сторон жизни, навязанная Корее с начала 1940-х годов японской властью — всеобщее военное обучение для молодежи, введение военной подготовки в качестве обязательного школьного предмета, начавшееся летом 1945 г. зачисление всех корейцев поголовно в территориальные «добровольческие корпуса», которые должны были сражаться с советскими и американскими войсками «до последней капли крови», организация всех жителей в «патриотические группы», и т.д. — оказала глубочайшее влияние на современную культуру Кореи, как Северной, так и Южной. В обеих частях Кореи армия стала центральным институтом общества, а усвоение воинской дисциплины — основным элементом социализации подрастающего поколения, а также главным элементом в системе контроля над населением.

Одной из самых позорных страниц в истории военного времени было использование как японок, так и жительниц оккупированных японской армией стран, и особенно большого числа кореянок, в качестве сексуальных рабынь японской армии. Наряду с гитлеровским вермахтом, японская армия времен второй мировой войны была одной из немногих армий мира, осуществлявших прямой контроль над военными борделями и применявших организованное насилие при вербовке женщин для «сексуального обслуживания» солдат и офицеров. Непосредственным побудительным мотивом для массового устройства военных борделей с 1938 г. было желание ограничить распространение венерических заболеваний среди солдат, а также предотвратить массовые изнасилования на завоеванных территориях (подобные тому, что произошло при захвате Шанхая и Нанкина в 1937 г.). Однако в то же время сыграло, несомненно, роль и патриархальное бесправие женщин в обществе тогдашней Японии. Они были лишены, например, избиратель-

ных прав, которыми с 1926 г. обладали даже турчанки, не говоря уж о женщинах передовых буржуазно-демократических стран, таких как США или Великобритания. Облегчала открытие армейских борделей и легальность проституции, широко распространенной в Японии и ее колониях. В той форме, в которой она существовала в Японии до конца второй мировой войны или колониальной Кореи, проституция и сама по себе была уже формой сексуального рабства. Девушек зачастую продавали в бордели родители или старшие родственники, их жизнь полностью контролировалась хозяевами, они не имели возможности оставить «место работы» по своей воле. Непосредственными хозяевами военных борделей были сотрудничавшие с японской армией гражданские предприниматели, но все основные решения по вопросам управления борделями принимались на высших уровнях военной иерархии, и за сексуальную гигиену там несли прямую ответственность военные власти.

Рис. 52. Под конвоем — кореянки, угнанные японской армией в сексуальное рабство.

Рис. 53. Полевой бордель японской армии.

До августа 1944 г. набор женщин в бордели, в том числе и в Корее, осуществлялся, при теснейшем содействии властей, частными вербовщиками, иногда просто покупавшими дочерей у их родителей, а иногда соблазнявшими молодых женщин обещаниями «золотых гор» за работу «санитаркой особого типа на фронте». В августе 1944 г. японские власти в Корее начали призыв незамужних девушек и женщин в возрасте от 12 до 40 лет в «добровольные трудовые отряды» («добровольными» они, конечно, не были и не могли быть), и призвали около 200 тыс. человек, официально — на работу на ткацкие фабрики Японии, гражданские должности в вооруженных силах и т.д. Реально же несколько десятков тысяч призванных таким образом корейских женщин были сделаны военными проститутками — насилием, угрозами и обманом. По некоторым подсчетам, общее число сексуальных рабынь японской армии доходило до 200 тыс. человек, и около половины из них были корейками. Японские военные власти стремились иметь по крайней мере одну сексуальную рабыню на каждые 29–30 солдат и офицеров; японские женщины предназначались, главным образом, для офицеров, а корейки и китайки — солдатам. Стремясь скрыть от союзников свои преступления, японская армия во многих случаях уничтожала при отступлениях в 1943–45 гг. своих сексуальных рабынь, что является одной из причин того, что выжило среди них немного — в 1990-е годы было зарегистрировано около 200 бывших сексуальных рабынь в Южной Корее и 218 — в Северной.

Поскольку в патриархальном корейском обществе служба в борделе, пусть даже и не добровольная, считалась позором для всего клана, многие выжившие после военных борделей корейки умерли, так никогда и не поведав миру, что же с ними происходило. Лишь с начала 1990-х годов, с изменением общественного климата и большим вниманием к проблематике прав человека, те немногие бывшие сексуальные рабыни, которым удалось дожить до этого времени, начали делиться своими воспоминаниями.

в) Корейское общество в военный период: сотрудничество и сопротивление

Переход к мобилизационной системе и тотальному контролю государства над обществом сделал жизнь большинства корейцев — деревенской и городской бедноты — еще более трудной и опасной, чем она была ранее. Те счастливики, которым удавалось ускользнуть от воинского призыва и трудовых мобилизаций, все равно были вынуждены жить на скудные рационы, посещать «добровольно-обязательные» митинги и «лекции о международном положении», и, под контролем глав «патриотических групп», перестраивать весь свой быт на «военно-

патриотический» лад. Неудивительно, что сотни тысяч корейских бедняков уезжали на работу в Японию или Маньчжурию добровольно. В городах метрополии или в Маньчжурии заработки были выше, и государство не экспроприировало своих подданных с такой тщательностью, с какой оно это делало в колониальной корейской деревне. К моменту капитуляции Японии в августе 1945 г. на территории Японских островов насчитывалось до двух с половиной миллионов корейцев, и примерно 60% из них приехали туда на заработки самостоятельно. Страдали и средние слои города и села, вынужденные отдавать практически все излишки, в том числе в форме практически обязательных «патриотических пожертвований», на закупку навязывавшихся властями облигаций государственного займа, и т.д.

Нелегко приходилось и квалифицированным рабочим, положение которых в целом было все же лучше, чем у деревенской бедноты и городских пауперов и полупауперов. С учетом динамики инфляции, реальные заработки за 1942–45 гг. практически оставались на уровне 1935–36 гг., несмотря на то, что средняя продолжительность рабочего дня для работников-мужчин выросла почти на час, с 10 до 11 часов в сутки. Примерно 6% всех корейских рабочих трудилась более 12 часов в сутки, в основном в связанных с войной отраслях. Поскольку легальные проявления протеста были невозможны — японские власти запретили забастовки при переходе к «тотальной мобилизации» — то накопившиеся протестные настроения находили выход в высокой текучести кадров в цехах (средний срок службы фабричного рабочего на одном месте был приблизительно год и восемь месяцев), распространении «пораженческих слухов», отдельных актах саботажа — печатании антивоенных листовок, намеренной порче техники на работающих на армию предприятиях. За разнообразные «незаконные» акты протеста было только в первой половине 1944 г. привлечено к ответственности 1288 корейских рабочих. Накопленное недовольство и хроническое недоедание, вместе со сбоями в поставках сырья и комплектующих, привели к тому, что к концу войны уровень производительности труда на фабриках и заводах Кореи составлял лишь 70% от уровня середины 1930-х годов.

Однако нельзя не отметить, что при общем ухудшении качества жизни для большей части населения Корея сделала громадный скачок в деле строительства индустрии в годы войны, превратившись, по сути, в один из основных промышленных плацдармов японского империализма. Если в 1936 г. 49% валового внутреннего продукта Кореи было произведено в сельском хозяйстве и только 30% — в промышленности, то к 1944 г. это соотношение было уже 37% на 37%, т.е. объемы промышленной продукции сравнялись с объемами продукции сельскохозяйственной. За 1936–1941 гг. продукция сельского хозяйства выросла лишь в полтора раза, а вот добыча минерального сырья — в три с половиной,

и производство промышленной продукции — в два с половиной. Вообще в целом темпы экономического роста в Корее в колониальную эпоху составляли 4,1% в год, что почти соответствовало уровню роста в американской экономике 1920-х годов — одной из самых динамичных капиталистических экономик довоенного мира.

К 1943 г. изменилась и внутренняя структура корейской индустриальной экономики. Такие высокотехнологические отрасли, как химическая, давали уже 34% от всей промышленной продукции Кореи, в то время как более традиционная текстильная промышленность — только 13%. Из более чем двух миллионов наемных работников в Корее к концу войны 591493 человека, или 28%, были промышленными рабочими. Подобно дореволюционной России, промышленный пролетариат в Корее в начале 1940-х годов отличался очень высокой степенью концентрации на крупных производствах, что после 1945 г. облегчило его политическую мобилизацию левыми силами. Крупные предприятия (с числом занятых более 200 человек) составляли лишь 2% от общего числа фабрик и заводов, но трудилось на них до 40% корейских промышленных рабочих. Конечно, высокие темпы роста, которые демонстрировала Корея в военные годы, давали не слишком много относительно слабой корейской буржуазии, владевшей к концу войны в совокупности лишь 6% уставного капитала корейской индустрии. В таких отраслях, как химия и электроэнергетика, корейских предпринимателей не было вообще, а в металлообработке доля их инвестиций была лишь 2% от общего объема вложенного капитала. Однако, в конечном счете, индустриальный рост, расширение административных структур генерал-губернаторства, а также постепенное развитие религиозных и образовательных организаций создали тонкую прослойку городской колониальной элиты, тесно сотрудничавшую с японскими властями и заинтересованную в военных успехах японского государства.

Многие зажиточные корейцы, служившие японской администрации или так или иначе связанные с ней, серьезно опасались, что поражение Японии в войне может привести к «коммунистической революции» в Корее, после которой они лишатся своего имущества и вынуждены будут держать ответ за сотрудничество с ненавистными оккупантами. Численно их было не слишком много — на высших должностях в аппарате генерал-губернаторства, например, к 1942 г. было только 442 корейца (и более двух тысяч японцев). На более низких рангах в структурах генерал-губернаторства постоянно служило 15479 корейца и на контрактной основе — 29998. Однако на низших уровнях местной организации — волостные чиновники и т.д. — корейцев было больше, более 50 тыс. Именно эти люди, зачастую весьма влиятельные среди родственников и соседей, а в некоторых случаях (религиозные лидеры и т.д.) известные и широкой публике, выступили ревностными помощ-

никами японских хозяев в военный период, изо всех сил убеждая своих соотечественников «радостно воспринимать» мобилизации в армию и на трудовые работы и верить в «конечную победу японского оружия». Если учесть, что они сами и их семьи были, как правило, застрахованы от воинской и трудовой повинностей в силу своего положения и связей, то можно представить, каково было отношение корейской бедноты к этим «лидерам нации», зачастую предававшим свои же собственные умеренно-националистические идеи 1920-х — начала 1930-х годов как «не соответствующие более мировой обстановке».

Хорошим примером сотрудничества колониальной корейской элиты с японскими властями в военное время может служить, скажем, деятельность одной из многочисленных «военно-патриотических» организаций — «Корейского общества служения родине (имелась в виду, конечно, Япония — *В.Т.*) в военное время» (*Чосон имджон погуктан*). Оно было образовано 22 октября 1941 г. для того, чтобы «воспитывать в корейских подданных Его Императорского Величества дух Императорского Пути, перестраивать жизнь нации на военный лад, распространять и углублять оборонное сознание», а также призывать корейцев тратить последние средства на закупку военных займов и облигаций, делать «оборонные пожертвования» и посылать молодежь добровольцами в японскую армию. Как только в мае 1942 г. было принято решение ввести в Корею всеобщую воинскую повинность, члены «Корейского общества служения родине в военное время» начали идеологическую обработку населения, разъезжая с «лекциями» по всей стране и призывая молодых людей «отдать свои жизни за то, чтобы никогда не быть рабами англо-американских демонов».

Особое внимание обращалось на учащихся высших и средних специальных учебных заведений, которым по Указу № 48 Министерства армии от 20 октября 1943 г. «милостиво» предоставлялась возможность «пойти добровольцами на фронт» в специальных «студенческих бригадах» (яп. *гакухэй*, кор. *хапён*) даже до получения диплома. Поскольку первоначально из корейских студентов этой «милостью» захотело воспользоваться не более одной трети, то Министерство Армии заявило остальным, что они будут отчисляться и призываться на прохождение трудовой повинности, а также мобилизовало «авторитетных лидеров корейского общества» на «воспитание в студентах патриотического духа». В итоге интенсивной кампании «промывания мозгов», в которой важную роль играли члены «Корейского общества служения родине в военное время», подали заявления на зачисление в ряды японских вооруженных сил 959 из тысячи признанных годными к прохождению службы студентов корейских учебных заведений и 1431 из 1529 годных к службе корейцев, обучавшихся в вузах Японии. Для японской пропагандистской машины это была важная победа — воевать за «сферу совместного процветания в Восточной Азии», и якобы добровольно, по-

шли молодые образованные люди, что имело серьезное значение в конфуцианском регионе, с его традиционным уважением к знанию.

Кто же были те «авторитетные общественные лидеры», речи которых должны были повести корейскую учащуюся молодежь на «самопожертвование за императора»? Одним из активистов «Корейского общества служения родине в военное время» был выпускник Университета Мэйдзи Ко Вонхун (1881-?), некоторое время работавший преподавателем, а затем и директором средней школы повышенной ступени Посон в Кёнсоне. Он избирался председателем созданного в 1920 г. «Корейского физкультурного общества» (*Чосон чхеюкхве*), а с 1924 г. служил советником при нескольких провинциальных губернаторах. В 1932 г. его назначили губернатором провинции Северная Чолла. Крупный акционер в работавшей на японскую армию текстильной промышленности, а с 1944 г. — и владелец большого (10 млн. иен) пакета акций в производившей военные самолеты «Корейской авиастроительной компании» («Чосон хангон коноп хвеса»), Ко Вонхун был лично заинтересован в успешном для Японии ходе войны и искренне призывал молодых корейцев отдавать жизнь за победу Японии.

Председателем «Корейского общества служения родине в военное время» был Чхве Рин — одноклассник Ко Вонхуна по Университету Мэйдзи и коллега по работе в школе Посон, известный также как один из организаторов демонстраций 1 марта 1919 г. Уже с конца 1920-х годов Чхве Рин сблизился с японскими властями, а в 1937 г. ему было даже доверено директорское кресло в органе генерал-губернаторства — газете «Мэйль синбо». Тем не менее, тот факт, что один из бывших организаторов национального движения призывал теперь корейцев отправляться на войну во имя Японии, имел для властей несомненную пропагандистскую ценность. Не менее ценным было и присутствие в «Корейском обществе служения родине в военное время» Чхве Намсона — автора «Декларации независимости» 1919 г., с 1927 г. работавшего над составлением истории Кореи в аппарате генерал-губернаторства, а в конце 1930-х — начале 1940-х годов занимавшего ответственные посты в подконтрольной японцам прессе Маньчжурии. Чхве Намсон — известный как один из основателей современной корейской поэзии и крупный историк — лично ездил в Токио, чтобы убедить учившихся там корейцев идти в японскую армию. Другие члены «Корейского общества служения родине в военное время» и вовсе ходили по домам потенциальных рекрутов для проведения индивидуальной «патриотически-воспитательной работы», стремясь добиться «стопроцентного зачисления учащейся молодежи в вооруженные силы» на подведомственных им участках.

Их поведение было вполне объяснимо их групповыми и классовыми интересами. Победа Японии над Китаем и территориальное расширение

Японской империи принесли бы корейцам на японской службе новые карьерные возможности, а корейским фабрикантам и богатым землевладельцам — новые рынки для торговли и инвестиций в Китае и Юго-Восточной Азии. Однако осуществление этих интересов требовало от масс непосильных и бессмысленных, с точки зрения рядовых корейцев, тягот и жертв. В результате, к моменту освобождения Кореи ее элита оказалась в значительной степени делегитимизирована в массовом сознании. С точки зрения бедноты, на совести предпринимателей, чиновников и преподавателей, разъезжавших по стране с лекциями о «решающей битве с англо-американскими демонами», были жизни и здоровье сотен тысяч жертв мобилизаций. Этот момент сыграл большую роль в процессе установления в северной части Кореи власти левых сил после 1945 г. На большей части их противников из привилегированных слоев тяжелым грузом висело их военное прошлое.

Рис. 54. Фотография из японской газеты военного времени — 24 марта 1942 г. проводилась выпускная церемония для курсантов подготовительного отделения Военной академии сухопутных войск. Честь своим преподавателям на фотографии отдает признанный лучшим «курсант года» — молодой Пак Чонхи (1917–1979), в то время более известный под своим японским именем Такаки Масао. Родившись в бедной крестьянской семье в уезде Сонсан провинции Северная Кёнсан, окончив в 1937 г. педучилище в г. Тэгу и проработав три года учителем начальной школы, молодой честолюбец Пак Чонхи, зачитывавшийся жизнеописаниями Наполеона и «Моей борьбой» Гитлера, решил сделать себе карьеру в японской армии. Интересно, что по окончании основного курса Военной академии в 1944 г., старший лейтенант Такаки Масао был направлен служить в Маньчжурию, в воинскую часть, готовившуюся к боям против Советской армии. Став в результате военного путча 16 мая 1961 г. правителем Южной Кореи, Пак Чонхи (к тому времени командир дивизии в южнокорейской армии), по свидетельствам своих приближенных, до самой смерти сохранил пристрастие к японской военной форме, маршам и самурайским фильмам. Использувавшиеся им методы авторитарного руководства экономикой и обществом были также в значительной мере заимствованы из практики «тотальной мобилизации» Японии времен второй мировой войны.

В то время как колониальный корейский «истэблшмент» все прочнее привязывал себя к военным авантюрам колонизаторов, корейские коммунисты остались единственной силой, способной последовательно противостоять японскому режиму одновременно с национально-освобо-

дительных и классовых позиций. Испытанные лидеры коммунистического подполья 1930-х, Ли Гвансун и Ли Хёнсан, организовали в апреле 1939 г. Кёнсонскую комгруппу, поставившую своей задачей объединить не только классово сознательных рабочих и крестьян, но и самые широкие национальные силы в борьбе против империализма и милитаризма. Следуя принятой VII конгрессом Коммунистического Интернационала в июле-августе 1935 г. линии на создание широкого антифашистского народного фронта, включающего, в том числе, и «прогрессивные буржуазные круги», Кёнсонская комгруппа активно искала контактов с умеренно-националистическими активистами, но без особого успеха. Практически все они или перешли к сотрудничеству с колонизаторами, или отошли от активной политической деятельности. Реальной опорой подпольщиков в условиях репрессий и слежки были рабочие, крестьянские и студенческие организации радикальной направленности, прежде всего в провинциях Хамгён и Северная Кёнсан. С конца 1939 г. руководил организацией Пак Хонён, как раз вышедший из корейской тюрьмы, где он отсидел шесть лет. Японская консульская полиция арестовала его в Шанхае в 1933 г., когда он, в качестве уполномоченного Коминтерна, пытался из Шанхая начать работу по организационному сплочению коммунистов Кореи.

Рис. 55. Пак Хонён — один из виднейших деятелей корейского коммунистического движения колониальной эпохи. После освобождения страны он руководил коммунистическим движением на Юге Кореи, но в сентябре 1946 г. южнокорейская компартия перешла на нелегальное положение, и Пак Хонён был вынужден перебраться в Северную Корею. На Севере занимал пост заместителя премьер-министра и министра иностранных дел, но в 1953 г. был — вместе с целым рядом других бывших подпольщиков — бесновательно обвинен группировкой Ким Ир Сена в «шпионаже» в пользу США и в 1955 г. казнен, став тем самым одной из первых жертв внутрипартийных чисток в КНДР.

Организации удалось в определенной степени преодолеть тяжелое наследие фракционной грызни 1920–30-х годов. Хотя Пак Хонён и принадлежал к традиционно доминировавшему в движении «Обществу вторника», в Кёнсонскую комгруппу входили и некоторые члены других фракций. Организация вынашивала смелые планы, вплоть до организации вооруженной борьбы в крупных городах Кореи в случае, если Япония начнет терпеть серьезные поражения на фронтах. Однако в январе 1941 г. Ли Гвансун и Ли Хёнсан были, вместе со многими другими коммунистическими активистами, арестованы японской полицией. От Кёнсонской комгруппы остались лишь небольшие разрозненные ячейки, которым с трудом удавалось налаживать между собой связь.

Поняв, что за ним следят, Пак Хонён бежал из колониальной столицы Кореи на юг и, в конце концов, под вымышленным именем устроился на работу на одну из фабрик в Кванджу (провинция Южная Чолла) в качестве кирпичника и уборщика туалета. Как ни удивительно, ему и в этой ситуации удавалось поддерживать тайные контакты с коммунистами Кванджу и сотрудниками советского генконсульства в Кёнсоне, и готовить таким образом почву для грядущего возрождения компартии в 1945 г. Для многих квалифицированных рабочих и сочувствовавших левым идеям интеллигентов скрывающийся где-то в глубине страны от японских ищеек Пак Хонён стал легендой, символом сопротивления колониальному гнету. Это объясняет, в числе прочих факторов, высокую популярность коммунистов и коммунистических идей в Корее сразу после ее освобождения от японского колониального ига.

Еще больше, чем имя Пак Хонёна — популярного все-таки в основном среди радикально настроенных рабочих и интеллигентов — было окружено легендами имя партизанского командира корейского происхождения из Маньчжурии Ким Ир Сена (настоящее имя — Ким Сонджу, 1912–1994), возглавлявшего в конце 1930-х годов 6-ю дивизию Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии китайских коммунистов. Единственной — и довольно незначительной по масштабам — операцией партизан Ким Ир Сена на собственно корейской территории было совершенное 4 июня 1937 г. нападение на японский жандармский пост в пограничном городке Почхонбо. Нападение это стоило жизни лишь нескольким японским полицейским. Однако о дерзком акте, совершенном с оккупированной японцами маньчжурской территории и в преддверии полномасштабной агрессии против Китая, немало писали корейские газеты, и имя Ким Ир Сена получило широкую известность.

Рис. 56. «Факел Почхонбо» — картина северокорейского художника Чон Гванчолья (начало 1950-х годов), воспевающая Ким Ир Сена как лидера вооруженной антияпонской борьбы.

В северных районах Кореи, рядом с маньчжурской границей, вокруг Ким Ир Сена складывались легенды: корейские крестьяне представляли его чуть ли не сказочным героем, умеющим колдовством «сжимать» расстояния и уходить, таким образом, от преследователей-японцев. Хотя в результате карательных операций японцев отряд Ким Ир Сена и вынужден был уйти в декабре 1940 г. на территорию СССР, память о «полководце Ким Ир Сене» была жива до момента освобождения страны, и немало помогла политическому возвышению будущего «великого вождя» Северной Кореи после того, как он, являвшийся капитаном Советской армии, в октябре 1945 г. был назначен на должность помощника коменданта Пхеньяна.

Кроме коммунистов, деятельность внутри страны продолжали и представители более умеренных левых сил. Важное место среди них занимал Ё Унхён (1886–1947) — личность, чья биография выглядит бурной и насыщенной даже по меркам беспокойного XX в. Кореи. Родившись в известной *янбанской* семье, получив в детстве классическое конфуцианское образование и поучаствовав в 1900-е годы в просветительском движении — он был избран в 1908 г. членом совета просветительского общества столичной провинции (*Кихо хаххве*), — Ё Унхён стал затем учеником американских пресвитерианских миссионеров и окончил семинарию в Пхеньяне. Увидев, однако, что принятие корейцами протестантизма не ведет к освобождению от японского ига, он эмигрировал в Китай и стал к концу 1910-х годов видной фигурой в среде эмиграции в Шанхае. Он активно участвовал в 1919 г., в частности, в отправке Ким Гюсика в качестве «корейского делегата» на Версальскую мирную конференцию. Разочарованный пассивностью западных держав в корейском вопросе, Ё Унхён — к тому времени официальный глава «Корейской эмигрантской ассоциации» (*Кёминдан*) Шанхая — заинтересовался коммунизмом, вступил в ряды «иркутской» компартии и участвовал в начале 1922 г. в съезде народов Дальнего Востока в Москве, где, по его собственным воспоминаниям, встречался с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким. Именно через Ё Унхёна и вступил в ряды «иркутской» компартии молодой радикал Пак Хонён, прибывший в Шанхай после поражения движения 1 марта 1919 г. в поисках политической организации, способной повести народ Кореи на борьбу с колонизаторами.

Какое-то время в начале 1920-х гг. Пак Хонён выступал как протеже Ё Унхёна, хотя впоследствии пути этих двух виднейших деятелей корейской политической истории первой половины XX в. круто разошлись. В 1930-х гг. Пак Хонён оставался преследуемым властями подпольщиком, в то время как Ё Унхён, к тому времени утеравший все организационные связи с коммунистическим движением и идейно перешедший на позиции умеренно социал-демократического плана, стал в итоге частью «приличного» интеллектуального общества колониальной Кореи. После того, как в 1927 г. в Китае потерпела поражение коммунистическая партия и закрепилась диктатура *гоминьдана*, Ё Ун-

хён отошел на время от политики вообще и вернулся к преподавательской деятельности, но вскоре был арестован в Шанхае японцами, отсидел три года в колониальной корейской тюрьме и по выходе на свободу вел активную общественную деятельность в качестве газетного редактора и публициста. Он возглавлял также в 1934–37 гг. «Корейское физкультурное общество» — организацию, весьма популярную среди образованной молодежи, увлекавшейся «западными» видами спорта (Ё Унхён и сам был отличным боксером и футболистом).

Часто посещая Токио, обладая доступом к западным изданиям и хорошо разбираясь в международной обстановке, Ё Унхён был к середине 1943 г. уверен, что Япония вскоре потерпит поражение. С этого времени он начал спланировать вокруг себя молодежь умеренно-левой и прогрессивно-националистической ориентации, пытаясь помочь молодым людям избежать призыва в армию, готовя их к организационной работе в случае освобождения страны и налаживая связи с Временным Правительством в Китае. К августу 1944 г. вокруг Ё Унхёна сложилась подпольная, преимущественно молодежная организация — «Корейский союз за строительство государства» (*Чосон конгук тонмэн*), стремившаяся в случае поражения японцев сделать Корею «народно-демократической республикой» — демократическим государством с сильными социалистическими чертами (национализация важнейших отраслей промышленности и т.д.). Талантливый организатор, Ё Унхён сумел даже установить тайные контакты с некоторыми японскими офицерами корейского происхождения и договориться о том, что в случае поражения японцев его организация получит доступ к японскому оружию.

г) Освобождение Кореи от японского господства

8 августа 1945 г. СССР объявил о вступлении в войну против Японии, и уже 9–10 августа начались налеты советской авиации на портовые города Северной Кореи. Бомбоштурмовые удары по портам Унги и Наджин не были достаточны для того, чтобы полностью прервать военное-транспортное сообщение между Японией и ее армией в Корее, но внесли, тем не менее, важный вклад в деморализацию японской колониальной администрации. Кроме того, 10 августа по коротковолновому радио сотрудники генерал-губернаторства услышали сообщение американской радиостанции о том, что Япония намерена капитулировать перед союзниками. Японские власти в Кёнсоне поняли к этому моменту, что занятие союзными войсками территории Корейского полуострова — дело времени. У них имелись серьезные опасения за жизнь и имущество японцев после поражения. Зная по агентурным данным о масштабах влияния Ё Унхёна на учащуюся молодежь и интеллигенцию, генерал-губернаторство обратилось к нему перед официальной капитуляцией Японии 15 августа 1945 г. с предложением верить его организации поддержку в Корее порядка, на условии обеспечения безопасности японцев в период их эвакуации.

Рис. 57. 15 августа 1945 г. Проживавшие в Корее японцы слушают по радио речь императора Хирохито о безоговорочной капитуляции Японии перед союзниками.

Ё Унхён принял это предложение, став, таким образом, по сути, главой временной переходной администрации Кореи. С 16–17 августа 1945 г. в Кёнсоне начал функционировать возглавлявшийся Ё Унхёном и его коллегами по подполью Комитет по подготовке к строительству государства (*Конзук чунби вивонхве*), под эгидой которого практически в каждой волости страны были организованы «народные комитеты» (*инмин вивонхве*), взявшие на себя ответственность за поддержание порядка, контроль за распределением продовольствия и т.д. В определенном смысле «народные комитеты» достигли значительного успеха. По крайней мере, в той части Кореи, которая была определена союзниками как зона ответственности американских войск, т.е. южнее от 38-й параллели, ни один японец не пал жертвой мести со стороны корейского населения. С другой стороны, Ё Унхён не смог достигнуть одной из своих важных целей — консолидации всех «национальных сил» в процессе строительства новой государственности. Группировавшиеся вокруг закрытой в 1940 г. газеты «Тонъя ильбо» правые националисты наотрез отказались работать вместе с Ё Унхёном, который в их глазах был опасным радикалом. Зато самое активное участие в процессе формирования «народных комитетов» приняли коммунисты во главе с Пак Хонёном. Для них это было началом буржуазно-демократической революции, в которой они видели первую ступень прогрессивных преобразований, ведущих в итоге к революции социалистической. Напуганный активностью левых в развернувшемся к концу августа 1945 г. процессе самоорганизации масс, подал заявление об отставке один из немногих националистических лидеров в центральной организации «Комитета по подготовке к строительству государства» — популярный журналист Ан Джэхон.

Рис. 58. Высадка советского десанта в Унги 12 августа 1945 г.

В то время как американские военные оттягивали высадку своих сил на Корейском полуострове, Советская Армия уже 11 августа 1945 г. начала наступление на территории северной части Корейского полуострова, имея своей целью перерезать для базировавшихся в Маньчжурии частей японской Квантунской армии пути отступления на юг. Таким образом, советские войска выполняли свой союзнический долг по отношению к США. Части Квантунской армии могли быть отправлены через проходившие по северокорейской территории железные и шоссейные дороги к корейским портам, а там — переправлены на территорию Японии для участия в сопротивлении планировавшейся (в случае отказа японцев капитулировать) высадке американских войск.

Высадка в порты Унги и Наджин прошла 12–13 августа относительно легко. Так, Унги без больших потерь захватил советский десантный отряд численностью около 1000 солдат и офицеров — основные силы японцев были в этот момент оттянуты на границу с Маньчжурией, где уже начались бои с наступающими соединениями южной группы 25-й армии Забайкальского фронта, которой командовал генерал-полковник И.М. Чистяков. Успеху десантных операций способствовало и присутствие в рядах советских войск военнослужащих-корейцев — как советских корейцев, так и бойцов из перешедших на советскую территорию и влившихся в состав Советской Армии отрядов Ким Ир Сена. Корейцы-военнослужащие, владевшие как корейским, так и русским языком, были главными посредниками в контактах советских военнослужащих с местным населением.

В отличие от портов Унги и Наджин, взятие порта Чхонджин (по-японски Сейсин) силами десантных подразделений Тихоокеанского Флота (13–16 августа: главной силой десанта была 13-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора В. П. Трушина) сопровождалось серьезными потерями. Скопившиеся на железнодорожном узле Чхонджин японские части, отступавшие с севера под натиском войск 25-й армии, оказали десантникам ожесточенное сопротивление. Бои в северной части Кореи прекратились лишь к 17 августа, когда японские военнослужащие начали, в соответствии с декларацией о капитуляции, организованную сдачу в плен. Их разоружение была закон-

чено лишь к концу августа. 24-25 августа войска 25-й армии вышли к 38-й параллели, которая, согласно принятому Советским правительством предложению американской стороны, должна была разграничивать зоны американской и советской оккупации. Оккупация эта первоначально мыслилась как кратковременная — на период разоружения японских войск, отправки в Японию японских чиновников и поселенцев и создания в Корее новых властей. Бои на территории Кореи стоили частям Советской Армии серьезных потерь. Убито и ранено было 1963 солдата и офицера (всего в боях в Маньчжурии и Корее 25-я армия потеряла 4700 человек). Останки многих из них покоятся на «русском кладбище» в Пхеньяне, куда до сих пор приходят поклониться как корейцы, так и российские приезжие. Всего на территории Северной Кореи находится 15 братских могил советских воинов.

На территории Кореи к северу от 38-й параллели, которая к двадцатым числам августа 1945 г. была полностью занята советскими войсками, военные власти СССР пошли на тесное сотрудничество с местными «народными комитетами» — в которых, кстати, в отличие от центральных и южных районов Кореи, доминировали протестантские националисты, — в надежде взять над ними контроль и в итоге преобразовать их в лояльное Советскому Союзу «народно-демократическое правительство». Американцы же, высадившиеся в порту Инчхон 8 сентября 1945 г., с самого начала отказались признать «Комитет по подготовке к строительству государства», к тому времени провозгласивший Корею «народной республикой». Взамен они объявили о сосредоточении всей власти в руках оккупационной американской администрации и пригрозили в первой же своей прокламации суровыми наказаниями за неповиновение ее приказам. В дальнейшем они вели дела или с бывшими чиновниками генерал-губернаторства, которые были на некоторое время оставлены на своих постах «во избежание хаоса», или же с правыми силами. В числе последних было немало лиц, запятнавших себя в годы войны пособничеством японскому милитаризму. Поскольку США являлся союзником СССР в годы войны, то коммунисты Юга, во главе с Пак Хонёном, встретили американские войска как «освободителей». Однако главной своей задачей американцы с самого начала считали «предотвращение захвата всей Кореи коммунистами», и в этом смысле конфликт между американцами и их ставленниками, с одной стороны, и массами бедноты, видевшими в местных помощниках американцев лишь бывших пособников японского милитаризма и желавшими радикальных социальных реформ, с другой стороны, был делом времени.

Корея была освобождена от японского ига, но освобождение это было достигнуто руками солдат иностранных держав, заботившихся, прежде всего, о собственных геополитических интересах и входивших в альянс с теми политическими силами внутри страны, которые были согласны этим интересам служить. Несомненно, существовали значитель-

ные и принципиальные отличия между взглядами советских и американских оккупационных властей на будущее Кореи. В то время как советские власти с самого начала имели директиву «не вводить советские порядки на территории северной Кореи» и взяли первоначально курс на сотрудничество со всеми патриотическими антиколониальными силами с целью создания в будущем дружественного по отношению к СССР, но вовсе не обязательно «коммунистического» правительства страны, оккупационные власти США стремились, прежде всего, подорвать влияние наиболее популярных среди корейцев левых сил. Однако, несмотря на разницу в исходных установках, в конце концов, логика холодной войны заставила правительства СССР и США следовать идентичной, по сути, политике, поддерживая всеми силами своих ставленников у власти и давая им возможность уничтожить политических конкурентов и установить зависимые от поддержки извне диктаторские режимы. Это не означает, конечно, что освободившие территорию северной Кореи солдаты и офицеры Советской Армии ощущали себя в августе 1945 г. как завоеватели или воспринимались таким образом местным населением. Обычно воины-освободители встречались корейцами восторженно и сами испытывали гордость, осознавая историческое значение своей миссии. Однако с объективной точки зрения в итоге освобождение Кореи силами иностранных армий стало одним из факторов, приведших страну, в конце концов, к национальной трагедии раскола.

Корея освободилась от японского империализма, но не освободилась от империализма как такового. И сейчас, более чем через 60 лет после Освобождения, около 28 тыс. американских солдат продолжают оставаться на юге страны, до сих пор расколотой примерно по той же линии, которая разделила в судьбоносном 1945 г. зоны ответственности советской и американской армий. До сих пор драконовский закон о «национальной безопасности» в Южной Корее дает возможность властям сажать в тюрьму за призывы к выводу американских войск из страны, поскольку такие призывы, дескать, «приносят пользу врагу», т.е. КНДР. Но и КНДР, гордо заявляющая о своей «самостоятельности» и «опоре на собственные силы», на самом деле неспособна даже обеспечить себя продовольствием и энергетическими ресурсами на самом элементарном уровне без помощи со стороны Китая — на данный момент основного стратегического «патрона» северо-корейского режима. В итоге ситуация на Корейском полуострове остается, как и прежде, под сильным влиянием внешних факторов — на данный момент, прежде всего динамики отношений между США и Китаем. Постепенные подвижки на пути к объединению страны и избавлению от зависимости от соседних держав являются актуальной задачей на будущее.

Использованная литература

Освобождение Кореи. М, 1976.

Лим Гёнсок. *Жизнь Пак Хонёна* (임경석, 而丁 朴憲永 一代記). Сеул, Изд-во Ёкса пипхён, 2004.

Каваи Кацуо, Юн Мёнхон. *Корейская промышленность колониальной эпохи* (Сёкуминтики-но Тё:сэн ко:гё:). Токио, Изд-во Мирайся, 1991.

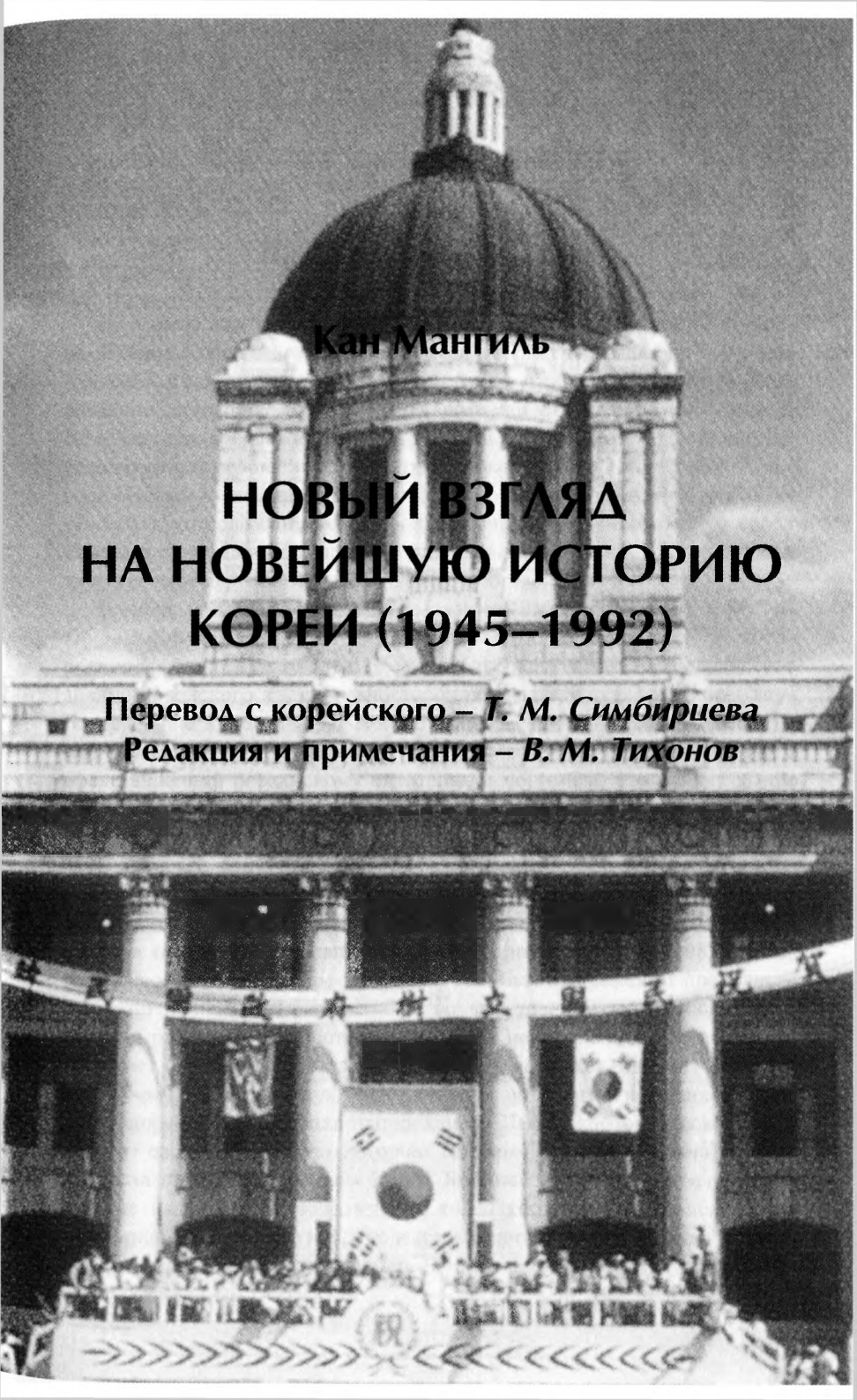
Корейская Народно-Демократическая Республика. Справочник. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Мията Сецуко. *Корейские массы и политика «превращения корейцев в [верных] императорских подданных»* (Тё:сэн минсю:-то «ко:минка» сэйсаку). Токио, Изд-во Мирайся, 1985.

Хигути Юити. *Массы Кореи и призыв в армию во время войны* (Сэндзика Тё:сэн-но минсю:-то тё:хэй). Токио: Изд-во Совася, 2001.

Kang Wi Jo. *Christ and Caesar in Modern Korea: a History of Christianity and Politics*. Albany: State University of New York Press, 1997.

Suh Dae-suk, Kim Il Sung: *The North Korean Leader*. New York: Columbia University Press, 1988.

Кан Мангиль

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НОВЕЙШУЮ ИСТОРИЮ КОРЕИ (1945–1992)

Перевод с корейского – *Т. М. Симбирцева*
Редакция и примечания – *В. М. Тихонов*

Предисловие переводчика

Первоначально предполагалось, что настоящая книга будет посвящена истории Кореи с древнейших времен до 1945 г. Когда она была уже написана, издательство выразило пожелание, чтобы ее содержание было доведено до наших дней. Не имея возможности сделать это самому, В.М. Тихонов предложил включить в издание в качестве дополнения перевод соответствующей части книги южнокорейского историка Кан Мангиля «Новый взгляд на новейшую историю Кореи» («*Кочхё ссын Хангук хёндэса*»), которая считается одной из лучших по данной теме в своей стране, и пригласил меня принять участие в этом оригинальном проекте в качестве переводчика. Я с удовольствием согласилась.

Во-первых, меня привлекла возможность работать вместе с В.М. Тихоновым, по книге которого я преподаю историю Кореи в РГГУ, которого знаю лично уже более 10 лет и глубоко уважаю за выдающееся знание корейского языка, разностороннюю блестящую эрудицию, глубокое знание Кореи и корейской историографии. Я не сомневалась, что предложенная им для перевода книга заслуживает того, чтобы быть представленной российскому читателю, и понимала, что лучшего, чем Владимир Михайлович, консультанта (а это чрезвычайно важно для переводчика специальной литературы) не найти.

Во-вторых, меня привлекла необычная история книги и ее автора — почетного профессора университета Корё в Сеуле Кан Мангиля. Первая версия этого труда (она называлась «Новейшая история Кореи» — «*Хангук хёндэса*») была написана в период репрессий 1981–1983 гг., когда за свое свободомыслие профессор Кан был отстранен от преподавательской деятельности и оказался во «внутреннем изгнании». Книга стала выражением его протеста, символом несломленного духа. «Страна может погибнуть, но история погибнуть не может. Страна — это тело (*хёнчхе*), история — дух. Будет жив дух, возродится и страна», — это слова корейского историка-националиста Пак Ынсика, написавшего в 1915 г. свою «Горестную историю Кореи» («*Хангук тхонса*») в знак протеста против закабаления Кореи Японией. Продолжая традицию, с той же надеждой на возрождение корейского народа, написал свою «Историю» и Кан Мангиль, где выразил личное видение эпохи и предчувствие неотвратимости перемен. В темные времена он выполнил долг

историка. Как вспоминал один из его учеников, «решимость и мужество, с которыми он выступал против военных диктатур Пак Чонхи и Чон Духвана, неизменно вдохновляла всех, кто надеялся на демократию и мир в Южной Корее в трудные 1970-е и 1980-е годы».

Книга Кан Мангиля не теряет популярности в Южной Корее вот уже почти 30 лет. И это несмотря на то, что это фактически учебник по новейшей истории Южной Кореи, а с момента публикации ее первой редакции в 1984 г. эта страна пережила несколько этапов развития, пройдя путь от тотального контроля над обществом и закрытости в начале правления Чон Духвана до современного периода демократического строительства и политики глобализации. Менялись администрации, политические курсы, настроения, взгляды и ценности, но интерес к труду Кан Мангиля в южнокорейском обществе не ослабевает.

Секрет, видимо, в том, что этому автору удалось отразить восприятие истории начала 1980-х, сформулировать то, что стало в дальнейшем широко признанной точкой зрения. Книга прозвучала вызовом диктатуре и дала толчок возникновению новой исторической школы — национально-марксистской. Отразившееся в ней оптимистическое видение мира и поступательного развития корейского общества оказалось созвучно настроениям и духу нового поколения южнокорейцев. На ней и других трудах Кан Мангиля воспитывалась в 1980-х годах будущая политическая элита, которая пришла в Южной Корее к власти в начале XXI века (администрация Но Мухёна). Даже по одной уже этой причине важно, чтобы остальной мир узнал о фактах, концепциях и интерпретациях, которые здесь содержатся.

Впервые в своей стране Кан Мангиль включил в учебное пособие сведения по истории коммунистического движения в Корее, увидев его как составную часть национально-освободительного движения своего народа, и показал двигателем исторического процесса борьбу классов: правящей элиты с одной стороны и народных масс («рабочие, служащие, клерки, беднота») — с другой, правда, назвал это по-другому: «двоичный код “подавление — сопротивление”». Путеводной звездой новейшей истории Кореи, ее смыслом и величайшей задачей, в интерпретации Кан Мангиля, является Объединение страны, неизбежность которого он утверждает каждой буквой. Уже в книге 1984 г. историк изобразил «пространство Освобождения» (то есть весь современный период, начиная с 1945 г.) в понятиях национального движения за создание единого национального государства. Перемены, произошедшие в мировой и корейской истории с конца 1980-х, лишь подкрепили и усилили взгляды и направления, заложенные в *«Хангук хёндэса»*. В 1994 г. книга была опубликована в новой редакции — под названием «Новый взгляд на новейшую историю Кореи» (*«Кочхё ссын Хангук хёндэса»*). Ее заключительную часть (Кан Мангиль ведет отсчет новейшей истории своей страны со времени аннексии 1910 г.) мы предлагаем вниманию российского читателя. Первое

издание этой новой книги вышло дополнительными тиражами в Сеуле 26 раз, а второе (2006 г.) — двумя тиражами за полгода. В 2005 г. она была переведена на английский язык профессором Калифорнийского университета Дж. Дунканом и опубликована в Англии¹. Настоящее русское издание — второе издание труда профессора Кана на европейском языке. Японский перевод книги Кан Мангиля вышел в Токио в 1985 г. (изд-во «Кома Сёрин», Токио; переводчик — Такасаки Содзи) и с тех пор остается одним из основных учебных пособий по новейшей истории Кореи в университетах страны. На китайском языке она была опубликована в 1997 г. (Пекин, Изд-во общественно-научной литературы; переводчики — Чэнь Вэньшоу, Ким Ёнхи, Ким Хакхён).

Кан Мангиль решил ограничить свою книгу Южной Кореей, потому и в настоящем двухтомном издании отсутствует изложение истории Северной Кореи после 1945 г. Причина в том, что ему не нравятся современные подходы, где описание истории после Освобождения либо концентрируются в основном на Южной Корее, либо представляют собой отдельные истории Юга и Севера, объединенные вместе в одном томе как «истории современной Кореи». «Мы должны признать, — пишет он в предисловии к английскому изданию, — что Север и Юг после 1945 г. каждый развивался по-своему, и что мы должны объединить два описания в одну национальную историю, где Север и Юг представлены равными друг другу и где каждому из них уделено равное место. Я не считаю, что условия для этого уже созрели — ни в смысле научных исследований, ни в смысле внешних факторов. Мое историческое сознание не позволяет мне назвать книгу, где излагается история Севера и Юга, «*Хангук хёндэса*»². Я могу только надеяться, что такая история будет написана в ближайшие годы».

Другой особенностью настоящего труда профессора Кана является организация текста как «тематической истории». Одной из причин, почему автор не обратился к более привычной хронологической истории, было, по его собственным словам, стремление избежать характерной для нее чрезмерной концентрации на политической и дипломатической истории.

¹ *Kang Man-gil. A History of Contemporary Korea. Translated from Korean by J.B. Duncan. Folkestone (Kent): Global Oriental, 2005.*

² Расхождения в историческом и политическом развитии Северной и Южной Кореи привели к тому, что в современном языке обоих государств, в отличие от европейских языков, нет понятия, обозначающего «Корею» в целом. Это — особенно яркое проявление той глубокой пропасти, которая существует пока между ними. В Южной Корее самоназванием является слово «Хангук» (от названия трех древнекорейских племен *самхан* и Корейской Империи *Тэхан Чезук*, 1897–1910). Северная Корея именует себя «Чосон», ведя преемственность от Древнего Чосона — протогосударства, существовавшего до 108 г. до н.э., и конфуцианской монархии Чосон, 1392–1897. Кан Мангиль указывает, что пока нет языкового эквивалента, которым можно было бы назвать книгу по новейшей истории всего Корейского полуострова, не утаив ни Севера, ни Юга.

Тематический подход заставил его еще раз задуматься о том, какие именно факты историк должен выбирать при написании истории, чтобы прийти к более сложному, всестороннему пониманию эпохи. Мне кажется, что именно стремление найти новые подходы к подбору фактов и форме изложения корейской истории — это то, что объединяет книги В.М. Тихонова и Кан Мангиля. Книга В.М. Тихонова, при всех ее недочетах (главных из них является неравномерность в распределении материала), по моему мнению, тоже является новаторской как первая в России попытка представить историю Кореи как «историю идей и людей».

В 1945–1999 гг. у нас было опубликовано всего два обобщающих труда по истории Кореи, в том числе одна — переводная³. За последнее десятилетие в нашей стране вышли сразу четыре учебных пособия по истории Кореи и одно дополненное переиздание⁴, и это событие беспрецедентное. Они показали достижения, накопленные отечественным историческим корееведением за полвека его развития, и результаты научных обменов, достигнутые после установления дипломатических отношений России с Республикой Корея в 1990 г., а также многообразие подходов и наличие тем, которые еще изучены недостаточно или требуют переосмысления. Эта книга в определенной степени восполняет некоторые из существующих пробелов и открывает новые темы для исследований. Важно и то, что у ее авторов В.М. Тихонова и Кан Мангиля есть свое собственное видение хода развития истории Кореи и точка зрения, не подвластная конъюнктуре.

Упорная работа историков, поиск ими новых форм в написании трудов в сочетании с поддержкой отечественных и зарубежных фондов и меценатов дают надежду на лучшее будущее отечественного исторического корееведения, переживающего сегодня трудные времена, что связано с уходом старшего поколения и перестройкой российской гуманитарной науки в целом. В этом плане не могу не отметить, что настоящий перевод труда южнокорейского историка публикуется при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation, Сеул), благодаря которому стал возможен выход в последние годы многих серьезных трудов по Корее как в нашей стране, так и за рубежом.

Т.М. Симбирцева

Москва, ноябрь 2009 г.

---

³ История Кореи. Т. 1. Пер. с кор. М.: Иностр. лит., 1960; История Кореи (с древнейших времен до наших дней) / ИВ АН СССР. В 2-х т. М.: ГРВЛ, 1974.

⁴ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. Пер. с кор. М.: Первое марта, 2000; Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб., 2002; 2-е изд., дополн.: Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: СПбГУ, 2009; История Кореи (Новое прочтение). М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2003; Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. М.: Муравей, 2003.

От редактора

С книгами профессора Кан Мангиля я впервые столкнулся, находясь осенью 1991 г. на стажировке в сеульском университете Корё — том самом, на исторической кафедре которого преподавал тогда профессор Кан, где плодотворно трудятся до сих пор многие его ученики. Я изучал по этим книгам историю как позднечосонской Кореи, так и Кореи XX в., и они оказали значительное влияние на формирование моих собственных воззрений на корейскую историю. В определенном смысле, хотя я и не ходил на лекции к профессору Кану, я считаю его одним из своих наставников. В его трудах меня привлекало внимание к глубинным социально-экономическим процессам (в частности, к развитию товаро-денежных отношений в корейской экономике XVIII–XIX веков), а также беспощадно-критическое отношение к истории собственной страны, «срывание всех и всяческих масок». Скажем, анализируя экономическое развитие Южной Кореи 1970-х гг., которое в современной России принято (вслед за южнокорейским официозом) почтительно именовать «экономическим чудом», профессор Кан подчеркивает крайнюю зависимость южнокорейского монополистического капитала от иностранных займов и инвестиций, от поставки ресурсов и комплектующих из-за рубежа, а также диспропорции в развитии народного хозяйства — подчиненное положение мелкого и среднего капитала, хронические неудачи в сельскохозяйственной политике и т.д.

По сути, профессор Кан дает систематизированное представление именно о тех чертах полупериферийного, зависимого капитализма Южной Кореи, которые в итоге способствовали возникновению в экономике кризисных явлений, приведших к экономическому и социальному кризису 1997–1998 гг. — последствия которого ощущаются в стране до сих пор. Вопреки сложившимся в определенных кругах в России наивным представлениям о «просвещенной» диктатуре Пак Чонхи, проф. Кан наглядно, на конкретных фактах, показывает, каким образом полицейский произвол, подавление основных

прав и свобод, цензура, систематическое ограбление рабочего класса через политику «сдерживания» роста зарплат и насаждение официального национализма пагубно влияли на корейское общество. Нет ли тут предостережения всем тем, кто, пренебрегая международным опытом, хочет выдать связанный с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой количественный рост экономических показателей в условиях авторитарной системы за качественное, поступательное развитие общества как целого?

Но нельзя не отметить, при всем уважении к профессору Кану, и целого ряда теоретико-методологических проблем в его видении новейшей истории Южной Кореи. Скажем, часто употребляющийся им термин «народные массы» (*минджун*) включает в себя как рабочих, так и мелкособственнические слои — середняков деревни, мелких и средних предпринимателей, торговцев и т.д. Это не совсем корректно с марксистской точки зрения, ибо отношение к средствам производства, а также социально-политическое мировоззрение у этих слоев не может не быть различным. Конечно, и интересы мелкособственнических слоев приносились в жертву правившими в Южной Корее режимами, что обуславливало их участие в борьбе с диктаторскими правительствами 1950–80-х гг., но их недовольство *политической системой* никогда не переходило в неприятие капитализма как *социально-экономического строя*. А вот среди фабрично-заводского пролетариата и части городской интеллигенции Южной Кореи радикальные идеи, навеянные, прежде всего, социалистическими доктринами, начали распространяться уже с середины 1980-х гг.

«Национальный» марксизм профессора Кана проблематичен и в другом своем аспекте — является ли, с точки зрения эксплуатируемых слоев населения Корейского полуострова, прогрессивной любая подвижка на пути к Объединению страны? Скажем, строительство южнокорейских предприятий в КНДР означает, наряду с, несомненно, прогрессивным развитием производительных сил, и беспощадную эксплуатацию труда северокорейских рабочих, лишенных права на создание свободных профсоюзов и забастовку. Говорить от Объединении как прогрессивном с классовой точки зрения процессе можно, видимо, лишь тогда, когда оно будет еще и движением «снизу», а не просто серией договоренностей между монополистической буржуазией Юга и бюрократической диктатурой Севера. Это, несомненно, понимает и профессор Кан (недаром он критически отзываясь о политике южнокорейских властей, запрещающих свободные и самостоятельные контакты с Севером «снизу», без посредничества государства), но, как кажется, энтузиазм в отношении Объединения как

национальной задачи в определенной степени смягчает марксистскую строгость его анализа.

Марксизм есть, прежде всего, дух сомнения и критики, антипод не-критического почитания авторитетов, — и в этом смысле критическое отношение к идеям профессора Кана является должным и необходимым. Но одновременно нужно помнить и о значении труда профессора Кана, открывшего принципиально новую перспективу для понимания новейшей истории Кореи — истории расколота страны, но в то же время и истории борьбы за национальное воссоединение, гражданские, человеческие и социальные права.

В.М.Тихонов,

Осло, ноябрь 2009 г.

Часть 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСИЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАЗДЕЛА (1945–1992 гг.)

Введение

Истоки раздела Кореи следует искать во времена японского колониального правления, хотя непосредственной причиной стала оккупация северной Кореи Советским Союзом и южной Кореи Соединенными Штатами. При этом надо отметить, что стремление переложить главную ответственность за раскол нации на внешние силы указывает на то, что осознание истории как процесса, в котором главную роль играет сам корейский народ, у него еще не сложилось. Чтобы такое осознание сформировалось и окрепло, нация сама должна быть готова взять на себя ответственность за неудачи прошлого, и это даже важнее, чем исправление искажений в изложении истории Кореи и прославление ее выдающегося исторического наследия.

Если рассматривать причины раскола Кореи именно с таких позиций, то есть изнутри национальной истории, то можно отметить следующие негативные факторы. Во-первых, к 1945 г. в корейском обществе отсутствовало ясное и объективное видение того, как понимали освобождение союзнические державы. Во-вторых, корейцы не очень хорошо себе представляли геополитическое значение Корейского полуострова в международной политике. В-третьих, после 15 августа 1945 г. не удалось создать единый фронт национально-освободительного движения, хотя тенденция к единению отчетливо проявилась в последние годы колониального периода.

Национально-освободительное движение продолжалось на протяжении всего колониального периода, на его алтарь были принесены большие жертвы. Тем не менее, не оно освободило Корею. Даже, несмотря на то, что в последний период второй мировой войны отряды корейских

борцов действовали согласованно с войсками союзников во многих местах, им, к несчастью, не разу не довелось прорваться в Корею и принять капитуляцию или разоружить японских солдат. Не было и официально признанных союзниками правительства в изгнании или другой политической силы.

За почти полувековой период редкого по жестокости японского колониального господства корейцы сохраняли свою самобытность и вели упорную освободительную борьбу как внутри страны, так и за ее пределами. И потому поражение Японии они восприняли исключительно как свою победу и не могли примириться с тем, что для бессердечного мира международной политики Корея была всего лишь колонией разгромленной Японии.

Если в побежденной Японии была хотя бы видимость правительства, то в Корее в августе 1945 г. не было никакой признанной победителями политической власти, кроме колониальных властей. Следствием этого стало создание военной администрации оккупационными войсками. Охваченные националистическими эмоциями силы, не желая ждать несколько лет до окончания периода совместной американо-советской опеки, поспешили с созданием «независимого государства» пусть даже лишь на южной половине территории Кореи.

Вплоть до заключения неравноправного Канхваского договора с Японией в 1876 г. Корейский полуостров имел наиболее тесные связи с континентальными государствами, и происходившие там политические события оказывали на него большое влияние. Но в конце XIX в. Япония при поддержке двух сильнейших морских держав — Британии и США — одержала одну за другой победы над крупнейшими континентальными державами — Китаем и Россией — и в результате колонизировала Корею. В годы, предшествовавшие русско-японской войне, Россия и Япония, стремясь избежать столкновения, вели переговоры, в ходе которых обсуждались, кроме прочего, и планы нейтрализации прилегающей к российским границам части территории Корейского полуострова, но они успехом не увенчались, и корейскую проблему разрешила все-таки война.

В конце второй мировой войны континентальная держава — СССР, и морская держава — США, согласились на раздельную оккупацию Кореи для установления определенного баланса сил. Вследствие этого опасность раскола корейской нации возросла как никогда в истории. В этот период Корея крайне нуждалась в мудром политическом руководстве, которое могло бы, используя геополитические преимущества полуострова, создать единое национальное государство с тем, чтобы оно исполняло роль буферной или нейтральной зоны между континентальными и морскими державами. Однако определенные политические силы воспользовались раздельной оккупацией страны для создания в

Корею двух государств, а большинство народа просто последовало за ними.

Идеологический антагонизм между левыми и правыми силами возник в национально-освободительном движении еще в колониальную эпоху, и именно он был фактором, мешавшим сплочению сил в единый общенациональный освободительный фронт. Для преодоления идейных различий принимались непрерывные усилия, и к концу войны курс на создание после освобождения национального государства получил значительную поддержку, шло формирование единого национального фронта. Однако после разгрома японского империализма сторонники единого фронта были оттеснены от реального участия в политической жизни и, при поддержке извне, стало усиливаться влияние тех сил, которые выступали за раздел страны.

Как это ни трагично, но сил, способных им противостоять, не нашлось, и в результате Корея была разделена на два отдельных государства. Вскоре между ними вспыхнула война, которая быстро переросла в международный конфликт. Она продолжалась три года, и единственным ее результатом было дальнейшее углубление раскола и установление диктаторских режимов по обе стороны демилитаризованной зоны в 1950-е годы. Система раздела⁷ оказывала и продолжает оказывать деформирующее влияние на культурное, социальное, и экономическое развитие корейского народа.

19 апреля 1960 г. поднялось народное восстание, свергнувшее диктатуру Ли Сынмана. Однако через тринадцать месяцев юг Кореи оказался под властью военного режима в результате совершенного Пак Чонхи путча. В период военной диктатуры Пака, для которого главным приоритетом был экономический рост, раздел достиг своего апогея, особенно в 1970-х годах, когда Пак Чонхи провозгласил создание системы *юсин* («реставрации»).

В то же время в Южной Корее продолжало развиваться движение за демократизацию и мирное и самостоятельное объединение страны. Оно стало главной силой, которая, в конце концов, привела к краху режим Пак Чонхи в 1979 г. Появилась, было, надежда на перемены, но вскоре власть захватила новая военная клика. Она подавила народное восстание в Кванджу и восстановили военную диктатуру.

---

⁷ «Система раздела» (*пундан чхедже*) — термин, употребляющийся с конца 1970 — начала 1980-х гг. передовой интеллигенцией Южной Кореи для обозначения геополитической ситуации на Корейском полуострове в контексте «холодной войны», когда принадлежащие к двум соперничающим международным лагерям два корейских государства, созданные на одной и той же этнонациональной базе, укрепляли свою легитимность в процессе ожесточенной взаимной конкуренции, основывая свою идеологию, прежде всего, на отторжении соперников по другую сторону демилитаризованной зоны (здесь и далее прим. В. Тихонова).

Холодная война между СССР и США углубила разделение корейской нации, начатое с созданием отдельных режимов на Юге и Севере страны и усугубленное Корейской войной. В рамках системы раздела оба режима осуществляли различные политические, экономические, социальные и культурные изменения, закладывая основы своей власти, и укрепляли эту власть посредством конфронтации и соревнования между собой. Все мысли и действия, направленные на преодоление системы раздела и восстановление народного единства, неизменно подавлялись, а Корея все глубже опускалась в болото национального раскола.

Рис. 1. Указательный щит на 38-й параллели, на разделительной линии между советской и американской войсками. 1945 г.

Противоборство двух режимов пожирало силы и ресурсы нации по обе стороны демилитаризованной зоны и стало главным препятствием на пути национального развития на протяжении второй половины XX века. Даже сегодня, когда роль идеологии в мире ослабевает, возрождается национализм и возникает ощущение нового кризиса в бесконечном соревновании на пути глобализации, Корея остается единственной разделенной страной планеты, а ее народ на Севере и Юге продолжает тратить свои энергию и ресурсы на взаимное противостояние. Хотя активное развитие демократического и объединительного движения в Южной Корее с 1970-х годов и изменения в мировом историческом развитии во второй половине 1980-х годов положили конец военной диктатуре и способствовали некоторому ослаблению системы раздела, преодоление этой системы остается самой большой задачей, стоящей сегодня перед корейской нацией.

Глава 1

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗДЕЛА

Поражение Японии

Превратив Корею в колонию после победы в русско-японской войне 1904–1905 гг., Япония продолжила свою агрессию: в результате инцидента 1931 г. ее колонией *de facto* стала Маньчжурия; в 1937 г. она вторглась на территорию «коренных» провинций Китая. Вопреки ожиданиям, легкой победы над ним достичь не удалось. Япония увязла в военных действиях на континенте, в 1941 г. атаковала Пёрл-Харбор и объявила войну Соединенным Штатам и Великобритании, вступив, таким образом, следом за Германией и Италией во вторую мировую войну.

Первые годы войны были для Японии успешными. Она оккупировала Сингапур, Филиппины, Индонезию, пробилась в Бирму. Однако вскоре контрудары союзных сил заставили ее перейти к обороне. Захват американцами острова Сайпан 7 июля 1944 г. стал последним в цепи переломных моментов, изменивших ход войны в неблагоприятную для Японии сторону. Имея базу на Сайпане, США получили возможность наносить массированные воздушные удары по Японским островам, оккупировать Окинаву и таким образом подготовиться к операциям по высадке в самой Японии. Кроме того, США создали атомную бомбу, которую они сбросили на города Хиросима 6 августа 1945 г. и Нагасаки 9 августа 1945 г., тем самым подведя Японию к последней черте.

Сразу после капитуляции Италии, одной из стран оси, 22–26 ноября 1943 г. в Каире состоялась встреча руководителей Великобритании, США и *гоминьдановского* Китая, посвященная обсуждению устройства мира после окончания войны⁸. На ней было решено «гарантировать свободу и независимость Кореи». После капитуляции Германии 7 мая 1945 г. союзники опять встретились, уже в Потсдаме, где ещё раз под-

---

⁸ Каирская конференция с участием президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и главы *гоминьдановского* правительства Китая Чан Кай-ши состоялась в преддверии встречи «Большой тройки» в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. На ней обсуждались вопросы, связанные с войной против Японии и послевоенным мирным урегулированием на Дальнем Востоке. В результате была принята Декларация, опубликованная 1 декабря после ознакомления с ней И. В. Сталина на Тегеранской конференции. В ней указывалось, что США, Англия и Китай ведут войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии, и провозглашалась цель союзников — лишить Японию всех захваченных территорий. Было подчеркнуто, что участники конференции «не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии» и что Корея «в должное время станет свободной».

твердили независимость Кореи, решив, что «ограничат суверенитет Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и несколькими другими маленькими островами, решение о которых будет принято силами союзников».

Перед лицом неизбежного поражения Япония решила использовать СССР как посредника в надежде избежать безоговорочной капитуляции (14 мая 1945 г.). Но еще до этого, 11 февраля 1945 г., Советский Союз на Ялтинской конференции получил заверения от других союзников, что ему вернут Сахалин, уступят Курильские острова и сохранят статус-кво во Внешней Монголии (т.е. воздержатся от возвращения территории Монгольской Народной Республики Китаю)⁹, и выразил согласие вступить в войну с Японией в течение двух-трех месяцев после окончания войны в Европе. Как только США применили атомную бомбу против Японии, СССР поспешил вступить в войну с Японией (8 августа 1945 г.), что ускорило ее капитуляцию.

*Рис. 2. В дни Освобождения (август 1945 г.).
Радостная встреча узников, освобожденных
из Содэмунской тюрьмы в Сеуле.*

В этих условиях Япония не могла дольше избегать безоговорочной капитуляции, и ей ничего не оставалось, как согласиться с решениями Потсдамской конференции. Это привело к концу четырехлетней войны

---

⁹ Территория современной Республики Монголия (Внешняя Монголия, до 1990 г. — Монгольская Народная Республика, МНР) до 1911 г. контролировалась цинским Китаем. С падением Цинской династии в 1911 г. Внешняя Монголия обрела фактическую независимость и подпала под преобладающее влияние России, а позже СССР. Однако на февраль 1945 г. независимость Монголии не была признана го-миньдановским правительством Китая, продолжавшим считать МНР «отколовшейся» частью Китая.

на Тихом океане и освобождению Кореи. 10 августа 1945 г. японское генерал-губернаторство в Корее узнало о предстоящей капитуляции, после чего попыталось вступить в контакт для переговоров о передаче власти с наиболее влиятельными в то время корейскими национальными лидерами Ё Унхёном (1886–1947) и Сон Джину (1889–1945). Его главной заботой были обеспечение безопасности и благополучное возвращение на родину более 800 тысяч японских гражданских лиц и солдат, находившихся в то время в Корее.

Сон Джину отказался не только ответить японцам, но и сотрудничать с Ё Унхёном. Таким образом решение вопроса о передаче власти перешло к сторонникам Ё Унхёна, которые, опираясь на уже существовавший тогда «Корейский союз за строительство государства», учредили Комитет по подготовке к строительству государства (*Конгук чунби вивонхве*), освободили политических заключенных и создали отряды общественной безопасности. Однако, когда 16 августа 1945 г. эти отряды попытались взять под свой контроль полицейские участки, бывшие колониальные власти неожиданно стали сопротивляться. Командующий японскими войсками в Корее издал приказ, в котором заявил, что примет решительные меры против всего, что нарушает спокойствие людей и угрожает общественному порядку, и восстановил контроль над полицейскими участками, редакциями газет и школами.

8 сентября 1945 г. в Сеул вошли американские войска. 9 сентября командующий войсками США в Корее Джон Р. Хадж (1893–1963) принял капитуляцию у последнего японского генерал-губернатора в Корее Абэ Нобуюки (1875–1953). Так закончился тридцатипятилетний период японского колониального господства в Корее. Однако американские военные власти в Корее отказались признать как Временное правительство Республики Корея («Шанхайское»), так и «Корейскую Народную Республику», провозглашенную сторонниками «Комитета по подготовке к строительству государства». На смену японской колониальной администрации пришла американская военная администрация, но власть ее ограничивалась только территорией к югу от 38-й параллели, в то время как организация Ё Унхёна имела отделения во всех районах Кореи.

Демаркация по 38-й параллели

Хотя непосредственной причиной раздела нации по 38-й параллели стала раздельная оккупация Кореи американскими и советскими войсками после 15 августа 1945 г., опасность раздела страны неоднократно возникала и ранее. Корейский полуостров, из-за своего особого геополитического положения, не раз становился местом столкновений между великими державами, и не один раз эти державы предпринимали попытки избежать конфликта путем его раздела. Чтобы избежать раскола

и колонизации и сохранить независимое единое национальное государство, в Корее выдвигались идеи нейтрализации Корейского полуострова или превращения его в буферную зону, но реализовать их не удалось, и в XX в. Корея была колонизирована, а потом и поделена.

После неудачной попытки провести реформы, подобные реставрации Мэйдзи в Японии (*капсин чонбён*)¹⁰, сторонники радикальной вестернизации Ким Оккюн (1851–1894) и Ю Гильджун (1856–1914) выступили с предложениями о нейтрализации Корейского полуострова, но поддержки не получили. В 1896 г., в период обострения отношений с Россией из-за Корейского полуострова, Япония, стремясь поставить заслон «русской политике продвижения на юг» (*Росиа намха чончхэк*)¹¹, предложила разделить Корею на сферы влияния по 38-й параллели, но Россия отказалась. В то время правитель Кореи государь Коджон нашел убежище в русской дипломатической миссии в Сеуле, и российские позиции в Корее были прочны.

Когда в январе 1902 г. Япония заключила союз с Великобританией¹², русские, стремясь сохранить свое влияние в Маньчжурии, предложили признать территорию к югу от 39-й параллели зоной японских интересов, а территорию Кореи к северу от нее превратить в нейтральную зону. Однако японцы отвергли этот план, потребовав признать их контроль над всей территорией Кореи вплоть до р. Амноккан (кит. Ялуцзян) и уступок в Маньчжурии. Когда в феврале 1904 г. разразилась русско-японская война, Корейская Империя (*Тэхан Чезук*), как с 1897 г. стало называться корейское государство, объявила о своем нейтралитете. Однако японцы проигнорировали позицию корейского правительства и превратили Корею сначала в протекторат, а потом в колонию.

В самом конце колониального периода Советский Союз, в соответствии с решениями Ялтинской конференции, вступил в военные действия против Японии, начав наступление на Маньчжурию. 11 августа

¹⁰ Неудачная попытка верхушечного переворота, совершенная 4–7 декабря 1884 г. группой придворных чиновников, представителей группировки «за открытость» *кэхва ундон* во главе с Ким Оккюном.

¹¹ В японской и южнокорейской исторической литературе под «русской политикой продвижения на юг» понимается экспансия царской России в Центральной Азии и Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) во второй половине XIX в., а также попытки царского правительства воспрепятствовать японской экспансии на Корейском полуострове и включить режим Коджона в орбиту своего влияния в 1890-х годах. В российской историографии экспансионистские мероприятия царского правительства в различных географически удаленных друг от друга районах Азии не концептуализируются как единая «политика».

¹² Этот первый в истории военный союз между современной западной державой и неевропейским государством был направлен, прежде всего, против России, в которой Великобритания видела основную колониальную соперницу и которой она приписывала намерение «отнять» Индию.

1945 г. советские войска заняли корейский город Унги; 12 августа они высадились в Наджине и 13 августа — в Чхонджине — портовых городах на северо-восточном побережье. Дислоцированная в северных районах Кореи японская Квантунская армия не оказала никакого серьезного сопротивления, и советская армия быстро продвигалась на юг¹³.

Американские войска все еще находились на о. Окинава; для переброски их в Корею требовалось время, и, чтобы предотвратить захват советской армией всего Корейского полуострова, США выдвинули план, созвучный ранее выдвигавшимся планам раздела Кореи, предложив, что их войска примут капитуляцию японских войск южнее 38-й параллели, а советские — севернее той же линии. Советы, надеявшиеся на экономическую поддержку США и на участие в оккупации Японии, согласились. Американское руководство было этим весьма удивлено, поскольку советская армия имела шансы либо целиком захватить Корейский полуостров, либо провести линию раздела много южнее 38-й параллели. Существовала альтернатива раздельной советско-американской оккупации Кореи, а именно возможность захвата советской армией всего Корейского полуострова и дальнейшей ее высадки на части японской территории, например, на Хоккайдо. Однако в итоге СССР выбрал путь компромисса с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Тридцать пять лет господствовавшая на Корее Япония, капитулировав перед союзниками в результате поражения в войне на Тихом океане, создала условия, приведшие к разделу Корейского полуострова.

Поскольку союзники на Ялтинской конференции втайне договорились об установлении в Корее долговременной опеки, 38-я параллель представлялась как временная разделительная (демаркационная) линия, нужная лишь для приема американской и советской армиями капитуляции японских войск до тех пор, пока союзники не создадут единое для обеих частей страны временное правительство и не начнут осуществлять опеку. Однако из-за противодействия корейских правых националистов и возрастающей конфронтации между США и СССР планы по установлению единого временного правительства под опекой союзников никогда не были осуществлены. Вместо этого с созданием отдельных правительств на Севере и Юге 38-я параллель стала настоящей линией национального разделения.

Внешними факторами, способствовавшими превращению 38-й параллели в линию раздела корейской нации, стали геополитическое положение Корейского полуострова и японское колониальное правление,

---

¹³ В боях за освобождение Кореи на территории непосредственно Корейского полуострова погибло 1963 солдата и офицера Советской Армии. Несмотря на то, что офицеры дислоцированных в Корее японских гарнизонов в основном догадывались о предстоящей капитуляции Японии, они в некоторых случаях оказывали отчаянное сопротивление наступающим советским войскам.

предложение США о раздельной оккупации, направленное на предотвращение полной оккупации Кореи Советами, и принятие Советами этого предложения, решение американцев пренебречь достигнутыми на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (16–26 декабря 1945 г.) договоренностями и перенести корейский вопрос на рассмотрение ООН, а также послевоенная «холодная война» между США и СССР. К внутренним факторам следует отнести, во-первых, националистические чувства, которые не позволяли осознать реальное положение Кореи как колонии побежденной державы и не давали согласиться на какую бы то ни было задержку в получении независимости; во-вторых, те политические силы внутри Кореи, которые старались использовать эти чувства, чтобы получить власть, пусть даже над частью нации, и, в-третьих, готовность определенной части народа следовать за этими силами.

Провал совместной советско-американской комиссии (20.III. — 6.V.1946, 21.V. — 10.VII.1947)

Непосредственной причиной того, что после 15 августа вместо единого национального правительства в Корее были созданы два раздельных правительства, был провал Совместной советско-американской комиссии, учрежденной Московским совещанием для обсуждения вопроса о едином временном правительстве. Американцы, приняв капитуляцию Японии южнее 38-й параллели, отказались признать как «Корейскую Народную Республику», спешно провозглашенную «Комитетом по подготовке к строительству государства», так и Временное правительство Республики Корея (*Тэхан мингук имси чонбу*), находившееся первоначально в Шанхае, а затем в Чунцине. Командование американскими тихоокеанскими силами учредило свою военную администрацию, объявив, что «вся полнота власти над корейской землей и корейским народом южнее 38-й параллели, на текущий момент находится в руках Командования».

Командующий американскими военными силами в Корее генерал Д. Хадж поначалу пытался управлять Кореей через японского генерал-губернатора, но почти сразу же отказался от этого из-за сильного сопротивления корейцев. Тогда он устранил генерал-губернатора и учредил военную администрацию, опиравшуюся на учреждения генерал-губернаторства, где работали прояпонски настроенные корейцы. С другой стороны, к северу от 38-й параллели, Советы сразу интернировали японских солдат, полицейских и чиновников, вычистили прояпонские элементы и признали созданные в каждой провинции народные комитеты, в которых активно участвовали корейские коммунисты. Первый такой комитет был создан в провинции Южная Хамгён 16 августа 1945 г., и сразу же вслед за ним народные комитеты возникли в четырех других

провинциях, расположенных севернее 38-ой параллели: Северная Хамгён, Северная Пхёнан, Южная Пхёнан и Хванхэ. 9 февраля 1946 г. был создан Северокорейский временный народный комитет, и таким образом новая система управления установилась и укрепилась на Севере раньше, чем на Юге.

Союзники, принявшие на Ялтинской конференции решение об учреждении опеки в Корее, созвали 16 декабря 1945 г. Московское совещание, чтобы обсудить послевоенную ситуацию. На нем присутствовали министры иностранных дел СССР, США и Великобритании, которые приняли следующие решения по Корее. Первое: чтобы подготовиться к созданию независимого корейского государства, будет учреждено общекорейское Временное демократическое правительство; Второе: чтобы поддержать создание временного правительства, будет образована Совместная советско-американская комиссия; Третье: режим опеки в Корее, осуществляемый совместно Советским Союзом, США, Великобританией и *гоминьдановским* Китаем, устанавливается не более чем на пять лет.

Предложение об учреждении в послевоенной Корее режима опеки, необходимого, чтобы отделить ее от японского управления и подготовиться к созданию в ней независимого государства, впервые было выдвинуто Соединенными Штатами в 1942 году. Оно также было повторено в декларации Каирской конференции, где говорилось, что Корея станет независимой «в своё время». Однако конкретной договоренности относительно того, что означает «в своё время», достигнуто не было. В то время как президент США Ф.Д. Рузвельт (1882–1945) считал, что Корея нуждается в опеке длительностью «от двадцати до тридцати лет», советский лидер Иосиф Сталин (1879–1953) заявил, что эта опека должна быть «как можно короче». Ко времени, когда в конце второй мировой войны советские войска вошли в северные районы Корейского полуострова, ясности в этот вопрос так внесено и не было.

На Московском совещании США, имевшие сильную поддержку в Организации Объединенных Наций, внесли проект установления в Корее режима опеки, осуществляемого от имени ООН. Советский Союз, в свою очередь, представил проект установления в Корее режима опеки, осуществляемого одновременно с созданием временного правительства страны. Для достижения компромисса американцы предложили установить режим опеки, осуществляемый тремя капиталистическими и одной социалистической странами. Поскольку Советскому Союзу были даны гарантии на его участие в оккупации Японии (правда, никогда не осуществленные), он согласился с этим предложением. Результатом стало принятие плана по учреждению Совместной советско-американской комиссии, созданию единого Временного демократического правительства, и составление проекта соглашения об опеке, осуществляемой США, СССР, Англией и Китаем.

Решение Московского совещания открывало дорогу к созданию в Корее проамериканского, просоветского или нейтрального правительства. В реальности это было попыткой, как со стороны США, так и со стороны СССР, выиграть время для того, чтобы установить в Корее правительство, подчиненное их собственному влиянию.¹⁴ Даже в таком виде опека рассматривалась как средство и процесс обеспечения независимости Кореи — бывшей японской колонии — и самоцелью не была. Но как только молва о соглашении дошла до Кореи, главным вопросом для корейцев стало не создание единого временного правительства Юга и Севера, которое могло бы прекратить возникшее с установлением 38-й параллели разделение нации, а сама идея опеки.

Первоначально и левые, и правые в Корее выступили против опеки, но вскоре левые во главе с коммунистами изменили курс и стали поддерживать ее установление, выразив полную поддержку решениям Московского совещания в специальном заявлении. Правый лагерь, ядром которого являлись Партия корейской независимости (*Хангук тоннип-тан*), созданная сторонниками вернувшегося на родину из Чунцина Временного правительства, и состоявшая в основном из помещиков Демократическая партия Кореи (*Хангук минджудан*), использовал движение против опеки для преодоления своей политической слабости и объединения сил. В условиях усиливающейся конфронтации между левыми и правыми по вопросу об опеке 20 марта 1946 г. началась работа Совместной советско-американской комиссии. Советскую делегацию возглавил генерал-полковник Т.Ф. Штыков (1907–1964), а американскую — генерал-майор А.В. Арнольд.

Первоочередной задачей Комиссии было проведение переговоров с политическими партиями и общественными организациями по вопросу о создании временного правительства для управления Кореей на период

---

¹⁴ Предметом Московского совещания была не только Корея, но — наряду также с Европой и Японией — и Китай, в отношении которого итоговые документы совещания отразили советскую точку зрения, заключавшуюся в желательности скорейшего вывода из Китая всех иностранных войск. Но в реальности США, в отличие от СССР, с эвакуацией своих войск из Китая не спешили (вплоть до сентября 1946 г. в Китае оставалось 22 тыс. военнослужащих США). В отношении Кореи, однако, СССР пошел на значительные уступки американской позиции, желая по возможности сохранить взаимодействие с бывшими союзниками. В идеальном варианте целью СССР было установление на всем Корейском полуострове режима, который был бы, по крайней мере, доброжелательно нейтрален по отношению к Москве. В худшем случае установить такой режим планировалось только на оккупированной советскими войсками территории Северной Кореи. На взятие будущего корейского правительства «под свое влияние» руководители СССР не рассчитывали и перманентного раскола страны, в принципе, не желали, хотя и готовились к нему как к одному из возможных вариантов развития событий.

опеки. Во-вторых, она должна была при участии вновь созданного временного правительства составить соглашение о режиме опеки четырех государств. Но при решении первой задачи, а именно при выборе политических партий и общественных организаций для ведения диалога, Совместная комиссия столкнулась с трудностями. Эти партии и общественные организации должны были стать ведущей силой во временном правительстве, которому предстояло осуществлять власть над Кореей в период опеки. Поэтому 18 апреля 1946 г. Совместная комиссия приняла решение, что будет вести переговоры только с теми партиями и организациями, которые приняли решения Московского совещания и поддерживали проект опеки.

Для левых сил, которые уже выразили свою поддержку опеке, это не стало проблемой, но для выступавших против нее правых сил это решение Совместной комиссии стало преградой к участию в создании временного правительства. Партия корейской независимости отказалась вести переговоры с Совместной комиссией, объясняя это тем, что это будет реально означать признание режима опеки. Тем не менее, также принадлежавшая к правому крылу Демократическая партия Кореи согласилась на переговоры, приняв заверения американской военной администрации, что участие в них не обязательно означает отказ от оппозиции опеке. Однако Советский Союз выступил против приглашения к участию в работе комиссии тех правых партий или отдельных лиц, кто не признал решения Московского совещания и выступал против установления режима опеки.

Рассмотрев представленный американской стороной список из 20 политических партий и общественных организаций юга Кореи, которые предполагалось пригласить на переговоры, советские представители отвергли его, заявив, что, во-первых, только три из этих партий и организаций принадлежат к Демократическому национальному фронту (*Минджуджуый минджок чонсон*), который является объединением левых сил, а остальные 17 входят в объединение правых сил «Демократический парламент» (*Минджу ыйвон*)¹⁵; а во-вторых, что в список не вошли Всекорейская конфедерация труда (*Чосон нодон чохап чонгук пхён ыйхве*), насчитывавшая 600 тыс. членов, Союз корейских женщин (*Чосон пунё чхонтонмэн*), имевший в своем составе 300 тыс. членов, Демократический союз молодежи Кореи (*Чосон минджу чхоннён тонмэн*), объединявший 650 тыс. членов, Всекорейское объединение крестьянских профсоюзов (*Чонгук нонмин чохап чхон ёнмэн*), куда входило 300 тыс. человек и пр.

---

¹⁵ Объединение политических сил правонационалистической ориентации во главе с будущим президентом Южной Кореи Ли Сынманом. Имело консультативные функции при американском оккупационном командовании на Юге Кореи в 1946 г.

В ответ американская сторона указала на то, что в представленном Советами списке северокорейских политических партий и общественных организаций нет правых и что профсоюзные, женские, молодежные и крестьянские организации, о которых говорили советские представители, — это не более чем «деструктивные террористические объединения, численность которых к тому же весьма преувеличена прокоммунистическими экстремистами». Американцы предложили отложить представляющий наибольшие трудности вопрос о создании временного правительства и первоначально обсудить вопросы об отмене 38-й параллели и об экономической интеграции севера и юга. На это СССР ответил, что вопрос об отмене 38-й параллели должно решать объединенное временное правительство и что экономические вопросы не упоминались в решениях Московского совещания. В результате 6 мая 1946 г. работа Совместной советско-американской комиссии была прервана.

После провала первой встречи Совместной комиссии, группа представителей правых сил во главе с Ли Сынманом развернула движение за создание отдельного правительства в южной части Кореи. Когда США и СССР начали переговоры о проведении второй встречи Совместной комиссии, правые опять отказались в ней участвовать и провели широкомасштабные выступления против опеки. Открывшееся в разгар этих выступлений 21 мая 1947 г. второе заседание Совместной комиссии проходило в Сеуле и Пхеньяне и, казалось, делало некоторые успехи, пока советская сторона не потребовала сократить число организаций — предполагаемых участников переговоров с Юга с 425 до 118.

Заявку на участие в работе комиссии подали 425 политических партий и общественных организаций Юга и 36 — Севера. Общее число заявленных членов этих организаций превышало 70 млн. человек, то есть более чем вдвое превышало общую численность населения Кореи. Советская сторона настаивала на исключении политических партий и организаций, вовлеченных в движение против опеки, а также множества маленьких организаций с количеством членов меньше 10 тысяч. Американцы не согласились, мотивируя это тем, что выступающие против опеки силы имеют право на «свободу слова».

15 мая 1946 г. разразился скандал, связанный с якобы обнаруженными в издававшем коммунистическую прессу издательстве «Чонпхан» поддельными банкнотами¹⁶. Скандал дал предлог для приостановки выпуска печатного органа Коммунистической партии «Хэбан ильбо» («Вестник освобождения»); были выданы ордера на арест лидеров ком-

---

¹⁶ Во время обыска, произведенного сеульской полицией в издательстве «Чонпхан» 8 мая 1945 г., были обнаружены всего две поддельные банкноты. «Признания» сотрудников в том, что они якобы «подделывали банкноты», были, скорее всего, получены под пытками. Скандал, по мнению многих современных историков Южной Кореи, был полицейской провокацией против коммунистов.

мунистов. Левые силы во главе с Компартией решили отказаться от своей прежней линии на сотрудничество и признание американского военного правительства в качестве законного органа и 26 июля 1946 г. объявили о своем переходе к «новой тактике», то есть к активному противостоянию. Внутри левых сил шла интенсивная внутренняя борьба по вопросам взаимодействия с правыми и слияния трех партий — Корейской коммунистической партии (Южная Корея), Новой народной партии Южной Кореи (во главе с Пэк Намуном — известным историком, впоследствии перебравшимся в Северную Корею и ставшим с сентября 1948 г. министром просвещения КНДР) и Народной партии (возглавлялась Ё Унхёном)¹⁷. Однако, тем не менее, они смогли воспользоваться недовольством рабочих заоблачными ценами и нехваткой еды, чтобы организовать в сентябре 1946 г. всеобщую забастовку и оказать давление на американскую военную администрацию. 1 октября 1946 г. вспыхнуло народное восстание в Тэгу и других районах провинции Северная Кёнсан. В нем приняли участие более 300 тысяч человек. Оно было подавлено, в результате чего более 300 человек погибли, 3600 человек пропало без вести, более 26 тыс. человек было ранено и 15 тысяч арестовано. Волнения затем охватили практически всю территорию провинций Северная и Южная Кёнсан, а также Сеул, Кванджу и другие крупные города. В результате конфронтация между американской военной администрацией и левыми, а также между левыми и правыми еще более углубилась.

В попытке вывести работу Совместной комиссии из тупика, США потребовали созвать встречу всех четырех союзников — США, СССР, Великобритании и *гоминьдановского* Китая. Они также предложили провести на Севере и Юге по отдельности выборы в законодательные органы, с тем, чтобы составить из представителей этих органов временное правительство, которое бы приступило к обсуждению с четырьмя державами-союзниками вопросов о выводе советских и американских войск и создании полностью независимого государства. Советский Союз отказался перенести решение вопроса о создании временного правительства из Совместной комиссии на встречу держав-союзников, подчеркнув, что создание отдельных законодательных органов на Севере и на Юге лишь усилит разделение. После этого США, невзирая на возражения СССР, перенесли корейский вопрос на рассмотрение ООН, где преобладали их сторонники. Это привело к роспуску 2-й Совместной советско-американской комиссии 21 октября 1947 г.

---

¹⁷ Слияние было оформлено 23 ноября 1946 г. Три вышеназванные партии образовали Трудовую партию Южной Кореи (*Намчосон нодондан*), лидерство в которой на практике было в руках бывших лидеров коммунистического подполья.

Создание отдельных государств (15.VIII.1948, 9.IX.1948)

Сразу после роспуска 1-й Совместной советско-американской комиссии, 3 июня 1946 г., Ли Сынман выступил с заявлением (так называемая «речь в Чоныпе», провинция Северная Чолла), в котором призвал к созданию отдельного правительства на Юге и подчеркнул, что «мы должны создать временное правительство или комитет хотя бы только на Юге и воззвать к мировому общественному мнению, чтобы заставить Советский Союз уйти из северной части страны». Демократическая партия Кореи (*Хангук минджудан*) и другие крайне-правые силы его поддержали. 7 декабря 1946 г. Ли Сынман отправился в США с «дипломатическим» визитом, чтобы добиться обсуждения корейского вопроса в ООН и заручиться поддержкой американцев в деле создания правительства в Корее.

На состоявшейся в том же году Генеральной ассамблее ООН госсекретарь Соединенных Штатов Дж. Маршалл сделал попытку обеспечить Корее независимость путем обсуждения с Советским Союзом путей претворения в жизнь решений Московского совещания. Но, в конце концов, он заявил, что, поскольку за последние два года в этом вопросе не удалось добиться никакого прогресса, он надеется, что «вынесение корейского вопроса на обсуждение Генеральной ассамблеи ООН позволит найти способ сделать Корею независимой, не прибегая к опеке». Таким образом, стало ясно, что США отказываются от решений Московского совещания и желают передать корейскую проблему на рассмотрение в ООН.

Советский представитель А.А.Громыко отверг американские предложения, ссылаясь на то, что они нарушают соглашения, достигнутые в Москве в декабре 1945 г. Он настаивал на том, что корейская проблема должна быть решена только через соглашение между СССР, США и Великобританией и что лучшее решение заключается в том, чтобы корейский народ сам определил будущее страны после вывода американских и советских войск.

Но США всё-таки представили в ООН проект резолюции, в котором предлагали создать Временную комиссию ООН по Корее, провести под его наблюдением свободные выборы как на севере, так и на юге до конца марта 1948 года, создать национальную ассамблею и правительство и вывести американские и советские войска из Кореи. ООН одобрила план по созданию Временной комиссии ООН по Корее, чтобы Корея обрела независимость, не проходя этап опеки, и чтобы в обеих частях страны были проведены выборы под эгидой ООН. 8 января 1948 г. Временная комиссия ООН прибыла в Сеул. Она состояла из представителей 8 государств: Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии,

Филиппин и Сирии. В Северную Корею советские военные власти ее не пустили, вопреки решению ООН.

К этому моменту выступавшие против режима опеки правые силы раскололись на две большие группы. Ли Сынман и его сторонники в Демократической партии Кореи (*Хангук минджудан*) призывали к созданию на Юге отдельного правительства, что вело к разделению нации. Возглавляемая Ким Гу Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*) возражала против этого и призывала вывести американские и советские войска и провести всеобщие выборы по достижении договоренности между видными деятелями Севера и Юга. Но уже было слишком поздно, чтобы помешать созданию сепаратного правительства.

После того, как комиссии ООН было отказано во въезде на Север, 26 февраля 1948 г. ООН утвердила предложение представителя Индии Кришны Менона, являвшегося председателем комиссии, провести выборы «только на тех территориях, где это возможно». Таким образом, 10 мая 1948 г. состоялись выборы в Национальное собрание Южной Кореи. 17 июля 1948 г. оно приняло конституцию, согласно которой президент избирается Национальным собранием и срок его полномочий ограничен двумя четырехлетними сроками. Национальное собрание избрало президентом Ли Сынмана. Он вступил в должность 15 августа 1948 г., став, таким образом, первым президентом Республики Корея.

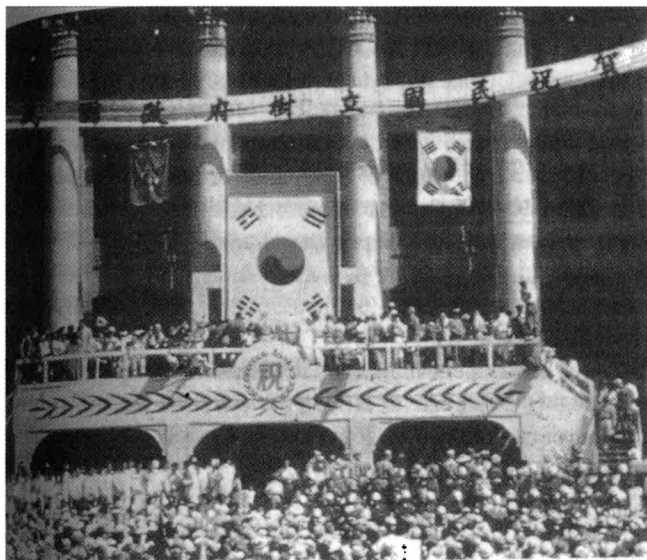

Рис. 3. Торжественный митинг в Сеуле 15 августа 1948 г. перед зданием бывшего японского генерал-губернаторства по случаю создания правительства Республики Корея.

Между тем, левое крыло, возглавляемое Трудовой партией Южной Кореи (ТПЮК), и также возглавляемые Ким Гу и Ким Гюсиком умеренные правые силы выступали против создания сепаратного правительства на Юге и 21 июля 1948 г. создали Ассоциацию содействия объединению и независимости (*Тхониль тоннип чхокчинхве*). Выступления против создания отдельного правительства проходили по всей стране, крупнейшим из них было выступление на острове Чеджудо в апреле 1948 г.

С другой стороны, севернее 38-й параллели в феврале 1946 г. был учрежден Временный народный комитет Северной Кореи (*Пук Чосон имси инмин вивонхве*) во главе с Ким Ир Сеном (1912–1994), который 5 марта 1946 г. принял Закон о земельной реформе. 28–30 августа 1946 г. в Пхеньяне состоялся учредительный съезд, на котором Коммунистическая партия Северной Кореи объединилась с Новой народной партией (*Сининминдан*) и была создана Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК). Была организована Народная армия. На первой сессии Верховного народного собрания, проходившей 2–10 сентября 1948 г. в Пхеньяне, была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика (9 сентября), создано правительство и принята Конституция КНДР.

Рис. 4. Торжественный митинг в Пхеньяне 9 сентября 1948 г. по случаю провозглашения КНДР.

Надо отметить, что в то время как государство на юге было создано политическими силами, которые отказались вступить в диалог с политическими силами на севере страны, государство на севере постоянно выражало стремление вести переговоры с политическими силами на юге, а после создания правительства подчеркивало, что оно является объединенным, поскольку в нем участвуют и представители юга.

Глава 2

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА (25.VI.1950 — 27.VII.1953)

Предпосылки войны

Если искать причины Корейской войны только во внешних факторах, то таковыми можно считать японское колониальное правление и раздельную оккупацию Корейского полуострова войсками США и СССР. Японская агрессия, начавшись с колонизации Кореи, постепенно переросла в войну с Китаем, США и СССР, и, в конце концов, привела к раздельной оккупации Кореи. Раздельная оккупация привела к возникновению отдельных правительств на юге и севере Кореи, что в свою очередь привело к Корейской войне. Другой косвенной причиной явилась победа коммунистической революции в Китае.

Внутреннюю причину войны следует искать в идеологической конфронтации внутри корейской нации. Раскол между левыми и правыми в национально-освободительном движении начался ещё в колониальный период. Попытки его преодолеть делались и в колониальное время, и после 15 августа 1945 г. В частности, организовывалось движение за единый фронт (*тхониль чонсон*), позже преобразованное в движение за создание единого демократического правительства. Однако попытки преодолеть раскол не удались, настроенные на разделение силы возобладали и были созданы два отдельных государства. Оба они в официальных заявлениях подчеркивали свое стремление к мирному объединению, однако при этом Север отстаивал идею «объединения через революцию» (*хёнмён тхониль рон*), а Юг — «объединения военными средствами» (*мурёк тхониль рон*). Таким образом, предпосылками к Корейской войне стали внешние и внутренние факторы, уходящие корнями еще в колониальные времена, и конфронтация между двумя корейскими государствами после освобождения.

Правительство Ли Сынмана, находившееся в союзе с землевладельцами, которые в колониальный период пользовались покровительством японцев, взяло под свою защиту прояпонские элементы, поскольку нуждалось в их поддержке в борьбе с левыми. Из-за этого оно стало объектом нападок с левого фланга. Кроме того, оно отдалило от себя и правые силы, участвовавшие в национально-освободительном движении, и тем самым лишило себя достаточной социальной опоры. Подлинная природа режима Ли Сынмана отчетливо раскрылась, когда власти разогнали Специальный комитет по расследованию антинациональной деятельности (*Пан минджок хэнви тхыкирёл чоса вивонхве*), который был создан для наказания корейцев, сотрудничавших с японцами в колониальный период.

Рис. 5. Ли Сынман (1875–1965), первый (15 августа 1948 г. — 26 апреля 1960 г.) президент Республики Корея. Период его правления известен как «Первая республика».

Режим Ли Сынмана с самого начала сталкивался со множеством экономических и политических трудностей. К примеру, в 1949 г. доходы правительства составляли только 40% от его расходов. В первый год пребывания Ли Сынмана у власти количество находившихся в обращении денег удвоилось, а инфляция возросла более чем в два раза. С другой стороны, промышленное производство составило всего 18,6% от уровня 1944 г. Весной 1950 г., по мере приближения новых выборов в Национальное собрание, Ли Сынман понял, что его шансы на победу не очень велики. Он попытался, было, перенести выборы, но не смог из-за давления со стороны США. На выборах 30 мая 1950 г. сторонники Ли Сынмана получили только 30 из 210 мест в Национальном собрании, в то время как независимые кандидаты получили 126 мест. Многие из вновь избранных депутатов были настроены умеренно по вопросу об отношениях между Севером и Югом, и шансы Ли Сынмана на переизбрание в 1952 г. резко сократились.

Одновременно режим Ли сталкивался с продолжающимся вооруженным сопротивлением. Представители Трудовой партии Южной Кореи создали «горные отряды», которые после выступлений на Чеджудо в апреле 1948 г. стали активно участвовать в партизанской войне. Созданные американской военной администрацией 14 января 1946 г. южнокорейские полицейские силы с провозглашением Республики Корея в августе 1948 г. превратились в армию, но многие в ней симпатизировали левым. Некоторые из солдат левых убеждений участвовали в выступлении на острове Чеджудо, а другие, из дислоцированного в провинции Северная Кёнсан 6-го полка, трижды поднимали восстания в период между 2 ноября 1948 г. и 30 января 1949 г.

Но самое массовое солдатское выступление разразилось в Ёсу (провинция Южная Чолла) 20 октября 1948 г. (*Ёсу гун паллан*), спустя всего лишь два месяца после прихода Ли Сынмана к власти. Примерно 700 солдат из расположенной в Ёсу части подняли бунт и бежали в район гор Чирисан на границе провинций Южная Кёнсан и Южная Чолла. К ним присоединились более 1300 гражданских лиц. Восставшие создали народные комитеты в различных частях двух провинций и начали пар-

тизанскую войну. Другими районами партизанской активности были горы Одэсан и Тхэбэксан в провинции Канвон, отдельные местности провинции Северная Кёнсан и остров Чеджудо.

К войне вела и политика США на Корейском полуострове в этот период. Согласно резолюции ООН о выводе иностранных войск из Кореи, американцы вывели свои войска с юга Кореи 30 июня 1949 г., оставив там группу военных советников численностью примерно 500 человек. Они также приняли план об оказании военной помощи южнокорейскому правительству в размере 10 млн. долларов и 26 января 1950 г. заключили с ним «Пакт о взаимной безопасности». Но поскольку экономическая политика режима Ли Сынмана провалилась, а политический хаос усиливался, 12 января 1950 г. госсекретарь США Дин Ачесон (1893–1971) сделал публичное заявление, в котором исключил Южную Корею из списка стран азиатско-тихоокеанского региона, входящих в американский оборонный периметр, т.е. тех, которых американцы собирались защищать в случае войны. В то же время 19 июня 1950 г. представитель Госдепартамента заявил парламенту Южной Кореи, что «Соединенные Штаты с радостью обеспечат Республике Корея необходимую моральную и материальную помощь, если ей придется вступить в борьбу с коммунистами». Противоречивые высказывания американских официальных лиц в отношении Кореи свидетельствовали о том, что американская политика на полуострове не была четко определена. Некоторые исследователи считают, что эта неопределенность подтолкнула Северную Корею к тому, чтобы начать войну против Юга.

В отличие от режима Ли Сынмана, переживавшего множество трудностей, режим Ким Ир Сена на севере довольно быстро стабилизировался. Заменяя Временный народный комитет Северной Кореи на постоянное Верховное народное собрание, Ким Ир Сен еще более упрочил свою власть, что способствовало быстрому росту северокорейской экономики. В 1949 г. ее промышленное производство было на 20%, а производство сельскохозяйственной продукции — на 40% выше, чем в 1944 г., что давало Северной Корее основания заявлять, что ее валовой

продукт удвоился по сравнению с периодом до 15 августа 1945 г. Воодушевленные достигнутой политической и экономической стабильностью, северокорейские власти заявили, что демократические национальные фронты Севера и Юга должны объединиться, чтобы «поднять весь народ на борьбу за вывод американских сил и воссоединение Отечества», и

Рис. 6. Председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен (1912–1994). Официальное северокорейское фото середины 1950-х годов.

сил и воссоединение Отечества», и 25 июня 1949 г. объявили о создании Единого демократического отечественного фронта Кореи (ЕДОФ). 2 июля 1949 г. Северная Корея направила генеральному секретарю ООН послание — «Декларацию мирного объединения» (*«Пхёнхва тхониль сононсо»*), в котором подчеркнула, что «мирное воссоединение Кореи должно осуществиться самым народом Кореи», и выступила «за одновременные выборы как на Севере, так и на Юге».

Стремясь придать организованный характер партизанской борьбе на юге Кореи, северокорейские власти присвоили действовавшим в горах Одэсан, Чирисан и Тхэбэксан в Южной Кореи партизанским группам названия регулярных воинских подразделений, назвав их соответственно первым, вторым и третьим «боевыми партизанскими отрядами». Первый из них, также известный как «отряд Ли Ходже»¹⁸, состоял из 300 студентов Кандонской политической школы¹⁹, объединённых в 5 подразделений. «Второй партизанский боевой отряд» (командир Ким Дальсам, его заместитель Нам Добу, также известен как Ха Джунсу) имел в составе 360 бойцов. «Третий партизанский боевой отряд», которым командовал ветеран коммунистического подполья колониальных времен Ли Хёнсан, имел в составе 4 подразделения. В марте 1949 г. южнокорейские власти создали боевые штабы в Чирисане и в провинции Южная Чолла и начали широкомасштабную кампанию по уничтожению партизан. В результате партизанские отряды были ликвидированы почти полностью, кроме отдельных групп глубоко в горах.

17 марта 1949 г. кимирсеновский режим заключил с Советским Союзом «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве» и секретное соглашение, по которому Северной Кореи была предоставлена военная помощь в виде вооружения и боеприпасов для шести пехотных дивизий и трех механизированных отрядов, и ещё 150 самолетов. 18 марта 1949 г. Северная Корея заключила секретное соглашение с КНР, которое предусматривало возвращение на родину 5 тысяч корейских солдат, служивших в вооруженных силах Китая. Эти солдаты потом вошли в состав северокорейской Народной армии. В результате, режим Ким Ир Сена получил возможность быстро укрепить свою армию.

---

¹⁸ Ли Ходже — бывший руководитель комсомола Южной Кореи, перебравшийся на Север из-за преследований со стороны американских оккупационных властей. Убит в бою с южнокорейскими войсками в апреле 1950 г. Труп Ли Ходже был публично обезглавлен и выставлен в людном месте.

¹⁹ Кандонская политическая школа — специальное учебное заведение, созданное в сентябре 1947 г. в окрестностях Пхеньяна для подготовки выходцев с Юга и северокорейских коммунистов к подпольной работе и партизанской борьбе на территории Южной Кореи. Существовала до начала Корейской войны.

В то же самое время режим Ли Сынмана, стремясь преодолеть свои внутренние политические проблемы, начал призывать к военным действиям против Севера под лозунгом «двинемся на Север ради объединения» (*пукчин тхониль*), представляя их как приятную прогулку («обед — в Пхеньяне, ужин — в Синийджу»). Как бы там ни было, Южная Корея в военном отношении сильно отставала от Севера и испытывала большие проблемы в связи со все более усиливающейся политической и экономической нестабильностью.

Ход войны

После создания в 1948 г. отдельных государств на севере и юге Кореи между их вооруженными силами, противостоявшими друг другу на 38-й параллели, все время происходили большие и малые стычки. Они привели к войне, которая началась на рассвете 25 июня 1950 г. и продолжалась 3 года и 1 месяц.

Корейскую войну (в КНДР известна как «Отечественная освободительная война») можно разделить на четыре этапа.

Первый этап — оккупация северокорейской Народной армией всей страны, кроме Пусанского плацдарма. Уже на четвертый день войны, 28 июня, Народная армия заняла Сеул; 20 июля, после схватки с наспех переброшенной в этот район 24-ой дивизией армии США, она вошла в Тэджон. В августе — сентябре 1950 г. Народная армия овладела практически всей территорией страны, за исключением территории внутри Пусанской линии обороны между городами Кёнджу, Ёнчхон, Тэгү, Чханнён и Масан провинции Южная Кёнсан. Ни второй корпус Народной армии, дислоцированный в провинции Северная Кёнсан, ни ее первый корпус в провинции Южная Чолла не смогли прорваться через Пусанскую линию обороны, внутри которой группировались и готовились к контратаке состоявшие в основном из американцев силы ООН.

Решение послать в Корею войска ООН было самым значительным событием первого периода Корейской войны. Оно означало превращение войны из гражданской в международную. В то время СССР бойкотировал заседания Совета Безопасности ООН из-за вопроса о передаче занимавшегося *гоминьдановским* правительством Тайваня места в ООН коммунистическому Китаю. Советский представитель отсутствовал и, следовательно, не мог применить право *вето* и тогда, когда Совет Безопасности, по предложению США, объявил северокорейскую Народную армию агрессором и принял решение послать силы ООН в Корею. Последствием стало участие в Корейской войне ооновских сил из представителей 16 стран, в первую очередь — США.

Рис. 7. Карта боевых действий первого этапа Корейской войны.
Источник — Википедия.

Рис. 8. Беженцы в первые месяцы войны.

Те, кто имел основания опасаться репрессий со стороны северокорейских властей (представители буржуазии, христианского духовенства, актива верующих и т.д.), пытались бежать от приближающихся войск КНДР на юг страны.

Второй этап ознаменовался коренным изменением хода войны, когда войска ООН перешли в контрнаступление в районе Тэгу и Пусана, а 15 сентября 1950 г. высадились в порту Инчхон близ Сеула. 28 сентября 1950 г. они взяли Сеул, 30 сентября пересекли 38-ю параллель, 19 октября захватили Пхеньян и выдвинулись на север к корейско-китайской границе, к линии между городами Пакчхон, Тхэчхон, Унсан, Хвечхон, Ивон. 26 октября 1950 г. один из отрядов ООН вышел на берег реки Амноккан к Чхосану.

Рис. 9. Карта боевых действий второго этапа Корейской войны.
Источник — Википедия.

Кульминационным моментом второго этапа войны стало решение сил ООН перейти 38-ю параллель и наступать дальше на север. Как только Сеул был возвращен, Ли Синман стал призывать к наступлению на Северную Корею. В Вашингтоне, в связи с промежуточными выборами в конгресс, администрация Демократической партии тоже нуждалась в военной победе в Корее. ООН, где США играли ведущую роль, дала согласие на продвижение своих войск на север от 38-й параллели и создала Комиссию ООН по Объединению Кореи. Это решение ООН было приня-

то не на Совете Безопасности, где вновь появился представитель СССР, а на заседании Генеральной Ассамблеи. Некоторые представители американских политических кругов предупреждали, что Китай может вмешаться, если силы ООН пересекут 38-ю параллель. Однако командующий силами ООН в Корее генерал Дуглас Макартур (1880–1964)²⁰ пренебрег этими предупреждениями и направил свои войска на север.

Рис. 10. Морская бомбардировка Чхонджина флотом США, 1950 г.

Рис. 11. Генерал Дуглас Макартур и его офицеры готовятся к высадке в Инчхоне. 15 сентября 1950 г.

²⁰ Дуглас Макартур — командующий войсками США на Филиппинах в 1941–1942 гг., верховный главнокомандующий войсками США на Тихом океане в 1942–1945 гг. и войсками союзников в Японии в период ее оккупации в 1945–1950 гг. В Японии с 1949 г. проводил жесткий курс против «левых элементов», взяв в союзники довоенных консерваторов, часть из которых прежде активно участвовала в войне против Китая и США. Известен также своей ролью в сохранении в Японии монархии, которую считал «бастионом» против проникновения коммунистических идей.

Третий этап войны также ознаменовался серьезными переменами, что было связано с вступлением в войну войск коммунистического Китая (под видом «добровольцев»)²¹. Войска ООН были вынуждены отступить. 4 декабря они оставили Пхеньян, 24 декабря 1950 г. — Хыннам, 4 января 1951 г. — Сеул и так дошли до Осана (провинция Кёнги) прежде, чем смогли перегруппироваться и опять перейти в контрнаступление. 14 марта 1951 г. они вновь взяли Сеул, 24 марта вновь пересекли 38-ю параллель и к 11 июня заняли города Чхорвон и Кимхва, являвшиеся важными пунктами в системе обороны центральной части Северной Кореи. 23 июня 1951 г. Советский Союз, который тайно отправил свои военно-воздушные силы воевать в Корею, внес в ООН предложение о прекращении огня. В результате начались предварительные консультации об условиях таких переговоров.

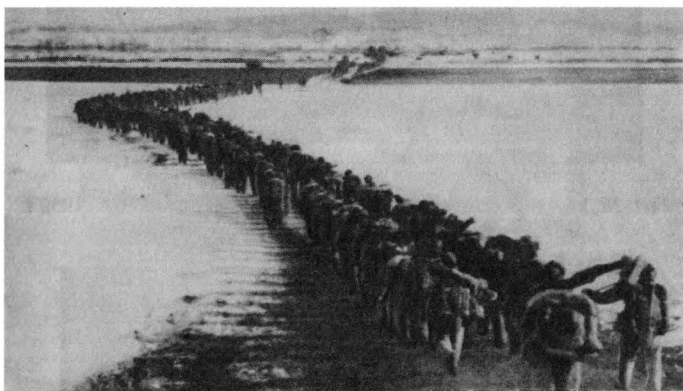

Рис. 12. Китайские «добровольцы» пересекают Амноккан перед вступлением в Корейскую войну. Конец ноября — начало декабря 1950 г.

²¹ В связи с угрозой, которую наступление войск США на северные районы Корейского полуострова представляло для северо-восточного Китая, и желая предотвратить полный разгром дружественного государства — КНДР, руководство КНР послало для участия в боевых действиях формально «добровольческую» армию из 18 дивизий (203640 человек личного состава) под командованием известного партийного и военного деятеля генерала (позже маршала) Пэн Дэхуая (1898–1974). Всего за время войны в боевых действиях приняло участие, по меньшей мере, 600–700 тысяч военнослужащих КНР. Прикрытие с воздуха осуществлял посланный СССР (без официального оглашения этого факта) 64-й истребительный авиакорпус (около 26 тыс. личного состава, 321 самолет). Руководство США знало об участии советских летчиков (в китайской форме и с китайскими документами) в войне, но не акцентировало этот факт, стремясь не обострять и без того крайне напряженные отношения с СССР. Кроме этого, в КНДР постоянно находилось 240–250 советских военных советников в званиях от майора до генерала.

Рис. 13. Карта боевых действий третьего этапа Корейской войны.

Источник — Википедия.

Самой большой проблемой третьего этапа был вопрос о расширении масштабов войны. После вмешательства китайской армии, Макартур стал настаивать на расширении области военных действий и бомбежках Маньчжурии. Он также предлагал открыть новый фронт на юге Китая и использовать войска гоминьдановского Тайваня как там, так и в Корее. Однако Англия и другие страны решительно возражали против расширения войны. Американское правительство, обеспокоенное возможным вмешательством СССР, что могло привести к ещё одной мировой войне, также была против предложений Макартура. В итоге 11 апреля 1951 г. Макартур был уволен с поста главнокомандующего силами ООН, а политика США в Корее изменилась: от линии на объединение страны под эгидой США к линии на завершение войны путем переговоров.

Особенностью **четвертого этапа** войны явилось то, что в этот период состоялись переговоры и было заключено соглашение о перемирии. Американцы с готовностью приняли советское предложение о прекра-

шении огня и уже через 15 дней, 10 июля 1951 г., в Кэсоне начались переговоры между США (формально «войсками ООН»), с одной стороны, и представителями военного командования КНР и КНДР, с другой. В ходе них стороны сосредоточились на установлении линии разграничения в демилитаризованной зоне, создании органа для наблюдения за соблюдением договоренности о прекращении огня и обмене военнопленными.

Рис. 14. Карта боевых действий последнего этапа Корейской войны.

Источник — Википедия.

Правительство Ли Сыньмана, которое решительно выступало против американского предложения о прекращении огня, выдвинуло ряд условий для прекращения военных действий. Они включали вывод войск коммунистического Китая, разоружение Северной Кореи и проведение всеобщих выборов под эгидой ООН. Эти условия были невыполнимы, и переговоры о перемирии, инициатива в которых принадлежала американцам, шли в условиях продолжающихся военных действий.

Один из главных вопросов переговоров заключался в том, где именно установить линию перемирия. Представители коммунистических сил стояли за 38-ую параллель, в то время как силы ООН, которые в ходе войны несколько раз прорывались севернее этой параллели, настаивали,

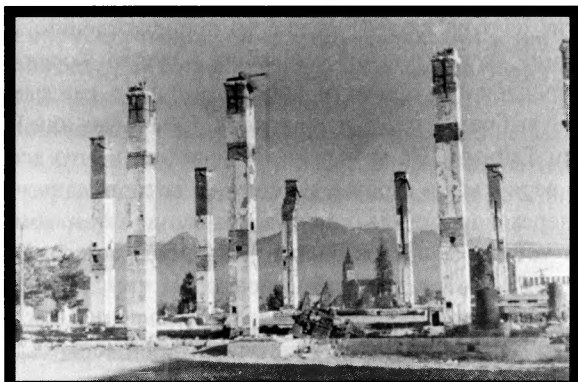

Рис. 15. Так выглядел центр Сеула сразу после Корейской войны.

чтобы линия проходила по тем местам, где две стороны находились на текущий момент. В конце концов, коммунисты сдались, и 31 октября 1951 г. соглашение было достигнуто. Обе стороны также договорились о создании комитета из представителей нейтральных государств для контроля за соблюдением договоренности о прекращении огня. В этот комитет вошли представители Швейцарии и Швеции, которых предложило руководство сил ООН, а также Польши и Чехословакии, по предложению коммунистической стороны.

Рис. 16. Развалины Пхеньяна.

Самым трудным на переговорах стал вопрос об обмене военнопленными. Представленный силами ООН список включал 132 474 военнопленных из северокорейской Народной армии и китайских «добровольцев», а в списке со стороны коммунистов значилось 11559 пленных из армии Республики Корея и сил ООН. Среди «коммунистических» военнопленных было много таких, кто не желал быть отправленным на

Север. Многие из этих людей, южане по происхождению, оказались в Народной армии, когда она оккупировала Южную Корею. В связи с этим ООН предложила провести собеседование с каждым пленным, чтобы тот мог выбрать страну проживания: Северную или Южную Корею, КНР или Тайвань. Но коммунисты настаивали, что все заключенные должны вернуться в страны, на стороне которых они воевали. Казалось, что переговоры опять зашли в тупик, но затем коммунистическая сторона уступила, и переговоры были продолжены. В результате проведенных ООН собеседований выяснилось, что 83 тысячи военнопленных выразили желание вернуться, но коммунистическая сторона заявила, что не доверяет этим результатам. Переговоры были приостановлены и бои усилились. ВВС США разбомбили Сунхунскую плотину на реке Амноккан, которая до тех пор в зону бомбардировок не входила, а ожесточенные бои в районе Кимхва закончились большими потерями для войск ООН и Южной Кореи.

Переговоры были возобновлены по предложению коммунистической стороны, после того как в январе 1953 г. в Америке поменялась администрация, а в СССР 5 марта того же года умер Сталин. Первоначально, 26 апреля 1953 г., было достигнуто соглашение об обмене больными и ранеными. Но прогресс на мирных переговорах вызвал ещё большее сопротивление со стороны правительства Ли Сынмана. США пытались уговорить Ли, пообещав подготовить 20 боевых дивизий южнокорейской армии, выделить 100 млн. долларов в виде экономической помощи и держать американские военные силы в состоянии полной боевой готовности либо в Южной Корее, либо в непосредственной близости от нее. Ли Сынман не стал отвечать на американские посулы и как только соглашение по обмену военнопленными было подписано, шокировал мир тем, что в одностороннем порядке выпустил из тюрем 25 тысяч «антикоммунистических» (т.е. отказавшихся от отправки в Северную Корею) военнопленных (18 июня). Хотя из-за этой акции переговоры о перемирии были почти провалены, США активно продолжали добиваться соглашения о прекращении огня, и в результате оно было подписано 27 июля 1953 г.²² Перед этим американцы успокаивали взбешенного и напуганного Ли Сынмана, обещая ему подписание «Пакта о взаимной обороне», долгосрочную экономическую помощь и содействие в укреплении армии Южной Кореи. Пакт был парафирован (предварительно одобрен) 8 августа в Сеуле, а церемония официального подписания состоялась 1 октября 1953 г. в Вашингтоне.

²² Договор был заключен после принятия ООН предложения Индии о прекращении огня. Представители РК отказались подписать документ, так что силы ООН представлял командир американского контингента генерал Кларк. Линия фронта была зафиксирована в районе 38-й параллели, а вокруг неё была провозглашена демилитаризованная зона (ДМЗ). Она охраняется войсками КНДР с севера и американо-южнокорейскими войсками с юга. Мирный договор, который формально завершал бы войну, не подписан по сей день.

Соглашение о перемирии предусматривало, что в течение трех месяцев будут начаты переговоры по определению будущего Корейского полуострова. В совместном заявлении от 7 августа 1953 г. США и Южная Корея пообещали, что «если мирного воссоединения Корейского полуострова в его исторических рамках в виде демократического и независимого государства не удастся достичь в течение 90 дней», они уйдут с переговоров. Переговоры открылись в Женеве 26 апреля 1954 г., но закончились безрезультатно.

В это время остатки Народной армии, которые после высадки американцев в Инчхоне не смогли вернуться на Север, вместе с элементами из Трудовой партии Южной Кореи и оставшимися в живых бойцами существовавших еще до войны партизанских отрядов начали создавать новые партизанские отряды в каждой из южных провинций. Эти коммунистические отряды, сплотившись вокруг «южной армии» под командованием Ли Хёнсана, развернули партизанскую деятельность в горах Чирисан, чтобы открыть второй фронт в ожидании нового вторжения Народной армии на юг. Однако эти отряды были почти полностью уничтожены южнокорейской армией к моменту подписания соглашения о перемирии.

Значение войны

Корейская война, начавшаяся из-за желания сторон объединить страну либо с помощью революции, либо с помощью военной силы, не достигла своей цели — объединения. Единственным ее результатом было братоубийство. Во время этой войны каждая из сторон смогла оккупировать на какое-то время территорию другой стороны, применяя при этом свою собственную оккупационную политику. Изучение этой политики позволяет понять, каких же целей каждая из сторон хотела достичь.

Для Ким Ир Сена Корейская война была продолжением народно-демократической революции, осуществить которую он пытался еще во времена японского колониального правления. Политика единого фронта, принятая на VII конгрессе Коминтерна 1935 г., была достаточно гибкой, что позволяло применять ее в различных обществах. Эта была стратегия народно-демократической революции, подразумевавшая избавление от империалистического господства в колониях и полуколониях империалистических держав, достижение их полной независимости и ликвидацию пережитков феодализма. Осуществлявшие эту революционную стратегию режимы были в принципе всецело преданы идее диктатуры пролетариата, но на этом этапе социалистическая революция волновала их меньше, чем ликвидация империалистических и феодальных сил. Поэтому действия таких режимов были не столько диктатурой пролетариата, сколько диктатурой народной демократии, которая стремилась представлять интересы широких слоев населения.

После освобождения в августе 1945 г. режим Ким Ир Сена приступил к реализации курса на народно-демократическую революцию и, опираясь на программу созданного в процессе развития национально-освободительного движения Общества возрождения отечества (*Чогук кванбокхве*), основал в октябре 1945 г. северокорейское отделение Корейской коммунистической партии, а в феврале 1946 г. образовал народное правительство — Временный народный комитет Северной Кореи (*Пук Чосон имси инмин вивонхве*). Этот комитет провел земельную реформу, национализировал главные отрасли промышленности, принял демократические законы о труде и равноправии между мужчинами и женщинами.

Корейская война вспыхнула, когда режим Кима, преобразовав Временный народный комитет в Народный комитет Северной Кореи, переходил от стадии народно-демократической революции к стадии социалистической революции. На первом этапе войны режим Ким Ир Сена занял почти 90% территории южной Кореи, и его оккупационная политика была продолжением народно-демократической революции. Готовясь к ее осуществлению на юге, режим Кима начал восстанавливать народные комитеты и отделения Трудовой партии Кореи, которая первоначально была создана как объединение северного и южного отделений ТПК (1 июля 1947 г.). Восстанавливая отделения ТПК на юге, режим Кима опирался на членов южного отделения этой партии, которых Народная армия, оккупировав юг, выпустила из тюрем, оставшихся в живых членов коммунистических партизанских отрядов и коммунистов-подпольщиков.

В последние дни августа — начале сентября 1950 г. отделения ТПК были восстановлены в Сеуле (председатель Ким Ынбин), и в провинциях: Кёнги (Пак Кванхи), Северная (Ли Сонгён) и Южная (Пак Ухон) Чхунчхон, Северная (Пак Чунпхё) и Южная (Пак Ёнбаль) Чолла, Северная (Пак Чонгын) и Южная (Нам Гёну) Кёнсан. Кроме партийных организаций, были созданы и организации общественные: Демократический союз молодежи, Союз женщин, Объединение профсоюзов, Крестьянский союз, Всекорейский союз деятелей культуры и пр.

Были воссозданы также народные комитеты, которые впервые возникли незадолго до и сразу после освобождения, но впоследствии упразднены американской военной администрацией. Они опирались на рабоче-крестьянские союзы разных уровней и, как политический орган Объединенного фронта, ставили целью осуществление программы, которая предполагала чистку «прояпонских элементов и национальных предателей», конфискацию земли без компенсации и ее бесплатное перераспределение, установление равноправия между мужчинами и женщинами, конфискацию бывшего японского имущества и пр.

По классовому составу народные комитеты окружного, городского и сельского уровней в на юге Кореи состояли на 85,5% из крестьян; 8,1% составляли промышленные рабочие, 3,7% — служащие. Для сравнения укажем, что, по результатам проведенных на севере до Корейской войны выборов, рабочие и крестьяне составляли 50,9% в провинциальных, городских и районных народных комитетах и 66,2% — в окружных органах.

Особенностью социально-экономической политики, осуществлявшейся режимом Ким Ир Сена в период оккупации им юга, было осуществление земельной реформы, принятие законов о труде, взимании сельскохозяйственных налогов натурой, преследование прояпонских и проамериканских элементов. Главными задачами земельной реформы были, во-первых, «отмена навсегда феодальных землевладельческих отношений и арендной системы и передача права пользования землей тому, кто ее обрабатывает», и, во-вторых, «конфискация и перераспределение земли без компенсации». Этот второй пункт особенно сильно отличался от плана земельной реформы, предлагаемой режимом Ли Сынмана.

В начале войны, 4 июля 1950 г., режим Ким Ир Сена провозгласил «Меры по претворению Программы земельной реформы в южной части Республики». К югу от 38-й параллели земельная реформа была проведена по всему Сеулу, в провинциях Хванхэ, Канвон, Кёнгидо, Южной Чхунчхон, Северной Чолла, отдельных районах Южной и Северной Кёнсан и Южной Чолла полностью, а в провинциях Южная и Северная Кёнсан и Южная Чолла — только в тех областях, которых находились под контролем Народной армии.

Земельная реформа была проведена в 1198 из 1526 волостей южной Кореи. Из отобранных земель примерно 38% были национализированы, 66% всех крестьянских хозяйств на оккупированных Севером территориях безвозмездно получили землю. Долги крестьян-арендаторов были аннулированы. Когда силы ООН восстановили свой контроль на территории южной Кореи, они отменили проведенную северокорейским оккупационным режимом земельную реформу и вернули земли прежним владельцам. Тем не менее, эти преобразования серьезно пошатнули позиции землевладельцев на юге Кореи и сделала невозможным проведение той земельной реформы, которую предлагал режим Ли Сынмана.

6 июля 1950 г. режим Ким Ир Сена объявил о призыве в свою армию добровольцев из числа жителей той части Южной Кореи, которая находилась под его контролем. Набирали добровольцев 18 лет и старше, в основном из бедных крестьянских семей. Кроме того, в Народную армию обязали вступить всех бывших членов южного отделения ТПК, насильственно записанных южнокорейским режимом в «Союз национальной защиты и наставления» (*Кунмин подо ён-*

мэн)²³. Когда военная удача от них отвернулась, северокорейцы стали ещё более усиленно призывать «добровольцев», и таким образом почти 400 тысяч молодых южнокорейцев были мобилизованы на войну. На оккупированных территориях северокорейские войска также проводили «зачистки от врагов народа». С помощью «народных судов» они уничтожили многих людей правых взглядов, а когда начали отступать, схватили и увезли на север многих деятелей правой или центристской ориентации.

Когда после высадки сил ООН в Инчхоне Корейская война перешла во вторую стадию, Объединенное командование США, давшее Макартуру разрешение на пересечение 38-й параллели, сделало заявление о мерах, которые будут предприняты после того, как Народная армия перестанет оказывать сопротивление. В этом заявлении говорилось, что поскольку ООН не давала Республике Корея (РК) права на управление территориями севернее 38-й параллели, любое территориальное расширение Республики должно быть подтверждено решением ООН. Режим Ли Сынмана, с другой стороны, настаивал на том, что «с окончанием боев полномочия РК на управление территориями северной Кореи должны быть реализованы как можно скорее», и призвал провести на северной половине страны выборы под эгидой ООН. Однако позиция США предполагала, что РК является законным правительством только на юге страны, и отвергала претензии Ли Сынмана на власть в северной части страны. Британский представитель в ООН считал, что выборы, которые состоятся в Корее после прекращения военных действий, не должны ограничиваться только Севером, но должны включать ещё и Юг Кореи.

Заседание Генеральной Ассамблеи ООН по корейскому вопросу приняло резолюцию, суть которой заключалась в том, что временные административные меры на территориях севернее 38-й параллели должны осуществлять силы ООН, то есть фактически признала правление штаба Макартура на занятых силами ООН северокорейских территориях. Также было принято решение о создании Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи (КООВК). Это было сделано без какого-либо предварительного обсуждения с Ли Сынманом.

ООН также сформировала для северной Кореи временный комитет и разрешила использование там южнокорейцев в качестве должностных

---

²³ Был создан режимом Ли Сынмана в 1949 г. для «защиты и наставления на правильный путь» всех тех, кого власти считали «зараженными коммунистической идеологией». На практике «Союз» занимался регулярной «промывкой мозгов» бывшим членам левых и коммунистических организаций, а также слежкой за ними. Не считая записанных в «Союз» бывших левых полностью благонадежными, лисынмановские власти расстреляли десятки тысяч его членов без суда и следствия во время поспешного отступления летом 1950 г. под натиском сил КНДР.

лиц, охранников и полицейских до прибытия туда представителей КООВК. Штаб Макартура временно приостановил решение вопросов, касающихся землевладения, банковских дел и валюты и разрешил использовать северокорейскую валюту.

10 октября 1950 г. Ли Сынман объявил, что он устанавливает военное правление на всей территории севернее 38-й параллели, а 16 октября создал там органы военно-оккупационной гражданской администрации. Режим Ли также объявил о создании трехтысячных полицейских сил для контроля над девятью северокорейскими городами и послал на север молодежь правой ориентации, в основном членов Молодежной ассоциации Северо-запада, с целью установить там свой контроль. Из-за этого возник конфликт с силами ООН. В Пхеньяне, к примеру, силы ООН создали военную администрацию из представителей 1-го американского корпуса во главе с американским полковником, а ее отдел по гражданским делам назначил бывшего члена Молодежной ассоциации Северо-запада Ким Сонджу (1919–1954) исполняющим обязанности губернатора провинции Южная Пхёнан. Таким образом, американцы отказались признать назначенного Ли Сынманом на тот же пост Ким Бёнёна.

Ким Сонджу назначили исполняющим обязанности губернатора провинции Южная Пхёнан, чтобы заменить администрацию Ким Ир Сена в северной Корее. Предполагалось, что по окончании войны администрация Ким Сонджу вступит на равных в переговоры с лисынмановской администрацией, и в результате этих переговоров можно будет создать коалиционное правительство всей Кореи. Позднее Ли Сынман казнил Ким Сонджу, обвинив его в притеснениях в отношении направленного Ли Сынманом губернатора и других лиц, уполномоченных руководить внутренними делами на Севере.

На протяжении всей Корейской войны, которая разразилась менее чем через два года после создания сепаратных правительств, каждая из сторон стремилась создать единое национальное государство, основанное на своих принципах. Вмешательство сил ООН и отрядов китайских коммунистов и последующее подписание соглашения о перемирии означало, что ни один из режимов не добился своей цели. Разница между Севером и Югом заключалась в том, что режим Кима осуществлял собственную политику на захваченных южных территориях, а режим Ли, который уже уступил командование своими вооруженными силами Объединенным Нациям, столкнулся с трудностями, когда попытался заявить о своих прерогативах как в оккупационной политике, так и в политике объединения.

Корейская война длилась три года и один месяц и опустошила весь Корейский полуостров. Около 1,5 млн. человек было убито и 3,6 млн. ранено с обеих сторон, но ничто не изменилось, разве что граница между была передвинута с 38-й параллели к линии прекращения огня. С одной стороны,

эта война закрепила разделение нации и привела к установлению диктаторских режимов как на севере, так и на юге. С другой стороны, она способствовала усилению холодной войны между Западом и Востоком.

Эта война показала, что в обстановке, сложившейся в мире в 1950-х годах (и позже), ни одно из двух сепаратных государств не могло добиться объединения Корейского полуострова с помощью военной силы. А причиной раскола стали геополитическое положение полуострова и идеологическое противостояние. В то же время эта война способствовала экономическому, политическому и военному возрождению Японии, что имело важное историческое значение для Восточной Азии, а в дальнейшем — и для всего мира.

Когда Народная армия заняла на первой стадии войны почти весь Корейский полуостров, США побудили ООН вмешаться в ход военных действий. Когда в Китае победила коммунистическая революция, стала особенно очевидна необходимость для Соединенных Штатов сохранить Японию под своим влиянием. Если бы Корейский полуостров полностью оказался под властью коммунистов, Корея превратилась бы «в кинжал, направленный в сердце Японии», и американцы не могли бы гарантировать безопасность Японии. Одной из важных причин, почему США хотели обязательно включить южную Корею в сферу своего влияния, было то, что ей отводилась роль буфера для защиты Японии.

Когда на второй стадии войны полуостров почти полностью оказался под оккупацией сил ООН, вмешались войска коммунистического Китая. Если бы вся Корея оказалась под контролем капиталистических держав, возникла бы угроза для революции и безопасности Китая. То же можно было сказать и о безопасности СССР.

Корейская война подтолкнула Америку к активному перевооружению Японии. Были созданы полицейские вспомогательные отряды, которые стали основой для так называемых «сил самообороны» (*дзизэтай*). В разгар Корейской войны американцы заклю-

Рис. 17. Призывники школьного возраста проходят обучение в южнокорейской армии. Корейская война привела к милитаризации южнокорейского общества — обязательное военное обучение было введено в школах и университетах, подростки 14–15 лет призывались в действующую армию прямо со школьной скамьи.

чили 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско сепаратный мирный договор с Японией, и таким образом последняя тоже оказалась в «лагере свободы». США также потратили более 1,3 млрд. долларов на специальные военные закупки в Японии, чем помогли этой стране в возрождении экономики. Благодаря Корейской войне, Япония стала превращаться в крупную экономическую державу, что оживило ее надежды на возрождение и как крупной военной державы, и это стало пугающим моментом для восточно-азиатских стран, пострадавших от японской агрессии в годы второй мировой войны.

Использованная литература

- Канэгэти Фуни*. Чосэн сэнсо (Корейская война). Токио: Тую коронся, 1966.
- Хангук чонджэнса (История Корейской войны). Сост.: Комитет по составлению военной истории. Сеул, 1967.
- Cumings, Bruce. *The Origins of the Korean War* (2 vols). Princeton University Press, 1981 (2nd ed. 1990).
- Хэбан ху муджан тхуджэн ёнгу (Изучение вооруженной борьбы после освобождения). Сост.: Общество новейшей истории. Сеул, 1988.
- Хангук чонджэн ёнгу (Корейская война). Ред. Чхве Джанджип. Сеул: Тхэам, 1990.
- Хангук чонджэн-ый ихэ (Понимание Корейской войны) / Отдел политической истории Общества по изучению политики Республики Корея. Сеул: Ёкса пипхёнса, 1990.
- Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 2 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.

Глава 3

УСИЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАЗДЕЛА (1948–1992 гг.)

Режим Ли Сынмана (15.VIII.1948 — 26.IV.1960)

В момент своего создания режим Ли Сынмана оказался неспособным заручиться поддержкой не только левых, но и правых сил, например, Корейской партии независимости, входившей в движение за создание национально-освободительного фронта. Его главную опору составили Демократическая партия Кореи (*Хангук минджудан*) — партия крупных землевладельцев — и бывшие прояпонские элементы. Но вскоре он лишился и поддержки Демократической партии Кореи.

Таким образом, поначалу у Ли Сынмана практически не было шансов быть переизбранным на второй срок, но они у него появились, когда разразилась Корейская война. Война позволила Ли надолго задержаться

у власти. Идеологической основой его диктатуры был крайний антикоммунизм с примесью антияпонской фразеологии, его социальной опорой были полиция, военные, молодежные группы, а также Либеральная партия (*Чаюдан*), которая на деле больше была похожа на группу личных приверженцев «лидера корейской нации», чем на политическую организацию современного типа.

Режим Ли несет ответственность за многие трагические события и административные провалы военного времени: например, за так называемый «кочханский инцидент»²⁴ 11 февраля 1951 г., во время которого были убиты более 500 мирных жителей по подозрению в том, что они «помогают коммунистическим партизанам», или «инцидент с отрядами гражданской обороны» (*кунмин панвигун сакон*) в марте 1951 г., когда офицеры 2-го корпуса сил национальной обороны присвоили более 2,3 млрд. вон²⁵ и 50 тысяч *сом*²⁶ риса, поставив тем самым почти 1 миллион своих солдат на грань смерти от голода и болезней. По мере приближения окончания срока его полномочий, Ли Сынман все отчетливее осознавал, что у него нет шансов на переизбрание Национальным собранием (парламентом), где у него почти не было сторонников. Результатом стал фактический государственный переворот «сверху» в мае 1952 г., когда Ли Сынман предпринял попытку внести в конституцию поправку, позволяющую проводить прямые выборы президента. Он ввел чрезвычайное положение (*кеомнён*) в Пусане, который в военное время был временной столицей Южной Кореи, и его окрестностях и набрал группы головорезов вроде так называемых «отрядов белой кости» (*пэккольдан*), которые по его указанию проводили устрашающие акции в поддержку роспуска Национального собрания, избивая и запугивая политических противников. По его же указанию военная полиция арестовала свыше 50 членов Национального собрания из состава оппозиции на том основании, что они якобы получали финансовую поддержку от несуществующей «международной коммунистической партии».

Кульминацией этой кампании запугивания и террора стало 4 июля 1952 г., когда в присутствии полиции в Национальном собрании было проведено голосование вставанием, и была принята поправка к конституции, разрешавшая прямые выборы президента. Так Ли добился переизбрания на второй срок.

---

²⁴ В историографии Южной Кореи под «инцидентами» часто понимаются крупномасштабные акты насилия по отношению к населению со стороны властей.

²⁵ «Вон» — корейское произношение японской денежной единицы «иена», имевшей хождение в колониальной Корее. С деколонизацией в 1945 г. корейские деньги по-прежнему назывались «вон», но в 1953 г. на волне поощрявшихся Ли Сынманом антияпонских настроений были переименованы в «хван». Режим Пак Чонхи, готовясь нормализовать отношения с Японией, вернулся к обозначению «вон» в 1962 г. Оно сохраняется и поныне.

²⁶ *Сом* — традиционная мера емкости зерновых, около 180 литров.

Рис. 18. Памятная открытка. Ли Сынман принимает парад солдат
столичного гарнизона 3 сентября 1953 г.

Второй акт политического произвола Ли Сынман совершил в 1954 г. Он был связан с «округлительной» (*sasaouin*) поправкой в Конституцию, практически давшей ему право пожизненного президентства. Несмотря на то, что поправка 1952 г. позволила Ли быть переизбранным на второй срок, два срока — это был предел, в течение которого он мог оставаться главой государства. Для того чтобы еще раз изменить конституцию и разрешить себе переизбрание на три срока, ему нужна была поддержка двух третей членов Национального собрания. Однако в результате выборов 1954 г. лишь 114 членов Либеральной партии прошли в парламент, в то время как для утверждения поправки требовалось, по меньшей мере, 136 голосов. Ли Сынман и Либеральная партия различными способами привлекли на свою сторону независимых членов парламента, и все же на состоявшемся 28 ноября 1954 г. голосовании «за» проголосовал 135 человек — на одного меньше, чем было нужно для принятия поправки. Национальное собрание объявило в тот же день, что поправка не прошла, но утром 29 ноября Ли Сынман и его приспешники опровергли это заявление. Основываясь на выдуманном за одну ночь «методе округления», они объявили, что 135 голосов можно якобы «округлить» до 136 — то есть необходимых двух третей. В результате поправку сочли принятой, и это позволило Ли Сынману баллотироваться на третий срок. 15 мая 1956 г. он был вновь избран президентом.

Рис. 19. Памятная открытка. Ли Сынман разговаривает с местным жителем из окошка автомобиля армии США во время посещения 10 октября 1956 г. одного из гарнизонов под Сеулом.

Рис. 20. Сторонники Чан Мёна поздравляют его с избранием на пост вице-президента. 1956 г. Чан Мён, чья политическая деятельность щедро спонсировалась католической церковью (он сам был ревностным католиком и являлся директором нескольких католических школ до Освобождения), был известен своей неподкупностью и «европейской» вежливостью и обходительностью. По уровню антикоммунизма, однако, ни он, ни его коллеги по Демократической партии ничем особенно не отличались от деятелей лисынмановского режима.

Начиная с этого времени, диктатура Ли стала ужесточаться, поскольку его сторонники всю стремились продемонстрировать лояльность своему лидеру. 28 сентября 1956 г. было совершено покушение на деятеля оппозиции Чан Мёна (1899–1966), который одновременно с Ли был избран вице-президентом. 30 июля 1959 г. по абсолютно несостоятельному обвинению в «шпионаже в пользу Северной Кореи» был казнен руководитель Прогрессивной партии (*Чинбодан*) Чо Бонам (1898–

1959), который был соперником Ли Сынмана на президентских выборах и, как говорили, в реальности его победил, но потерял значительную часть своих голосов из-за махинаций с подсчетом бюллетеней. Чтобы умирить политическую оппозицию и добиться принятия нового Закона о национальной безопасности (*Кукка поанбон*), Ли использовал полицию. 22 января 1959 г. была создана проправительственная Лига антикоммунистической молодежи (*Пангон чхоннёндан*), ядром которой являлись преступные группировки. Ее использовали в политических целях, например, чтобы добиться общественной поддержки и блокировать оппозицию при закрытии критически настроенной по отношению к режиму католической газеты «Кёнхян синмун» (29 апреля 1959 г.).

Последним актом политического «беспредела» Ли Сынмана, который и привел к его падению, стали четвертые президентские и вице-президентские выборы 15 марта 1960 г. На выборах 1956 г. кандидат в вице-президенты от пролисынмановской Либеральной партии Ли Гибун (1896–1960) проиграл лидеру оппозиции Чан Мёну. Ли Сынман старел и все больше беспокоился о том, кто станет преемником после его смерти. Поэтому в 1960 г. он применил все мыслимые способы, чтобы непременно добиться избрания Ли Гибуна. Стремясь обеспечить Либеральной партии 85% голосов, министр внутренних дел Чхве Ингю (1919–1961) сначала обеспечил поддержку 40% избирателей во время предварительного голосования, а затем отдал секретное распоряжение всем административным органам, чтобы те проводили голосование, разделив избирателей на группы из трех или девяти человек, и чтобы заполнение бюллетеней происходило под контролем руководителей групп. Так он намеревался обеспечить правящему режиму еще 40% голосов. Чхве также приказал им быть готовыми заменить бюллетени и ящики для голосования, если это будет необходимо. Эти фальсифицированные выборы принесли Ли Сынману, который был единственным кандидатом в президенты после смерти своего соперника Чо Бёнока, 92% голосов и позволили Ли Гибуну одержать победу над Чан Мёном из Демократической партии (70%).

В день выборов в Масане прошли демонстрации против фальсификации выборов. Они перекинулись в другие части страны и привели к выступлению студентов в Сеуле 19 апреля 1960 г. 24 апреля избранный вице-президентом Ли Гибун объявил, что он не будет вступать в эту должность, после чего совершил самоубийство вместе с членами своей семьи. Ли Сынман попытался сохранить свою власть, объявив, что у него есть достаточно оснований считать, что демонстрации в Масане — «дело рук коммунистов». Он переложил всю ответственность за выборы на Либеральную партию и ушел в отставку с поста руководителя партии. И все же 26 апреля ему пришлось оставить президентский пост. К этому его вынудила демонстрация университетских профессоров, требовавшая его отставки и переросшая в новые народные выступления.

Рис. 21. Демонстрации в Масане, ознаменовавшие «начало конца» лисынмановского режима. В авангарде борьбы за демократию шла учащаяся молодежь — старшие школьники и студенты, не видевшие для себя достойных жизненных перспектив в обществе, характеризовавшемся низким уровнем экономического роста, безработицей и тотальной коррупцией.

С самого начала режим Ли Сыньмана, которому не хватало исторической легитимности и серьезной социальной базы, стремился сохранить свою власть, опираясь в кризисных ситуациях на поддержку США и активно используя антикоммунистическую идеологию. Примерами этому служат «парламентский инцидент 1949 г.» (*куххве пхыракчи сагон*)²⁷, репрессии в отношении парламентской оппозиции по обвинениям в получении ею помощи от несуществующей «международной коммунистической партии» в 1952 г., исходившие из близких к власти кругов

²⁷ В апреле — августе 1949 г. 13 членов первого южнокорейского парламента было арестовано по обвинению в «связях с коммунистами и организации нелегальной коммунистической фракции (*пхыракчи*) в парламенте». Как считают сегодня некоторые южнокорейские историки, оно было беспочвенным (обвиняемые были в основном левыми националистами, но не коммунистами) и «признания» обвиняемых были получены под пытками. 14 марта 1950 г. обвиняемые были признаны судом виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Занятие Сеула (где они отбывали наказание) северокорейскими войсками во время Кореической войны дало им возможность перебраться в КНДР, где большинство из них было в итоге репрессировано по различным сфальсифицированным обвинениям.

ничем не обоснованные утверждения, что оппозиционный Ли Сынману спикер Национального собрания Син Икхи якобы встречался с посланцем Северной Кореи Чо Соаном в Нью-Дели (Индия) в 1954 г. Таким образом режим Ли продержался у власти 12 лет, пока конец ему не положил взрыв народного гнева, вошедший в историю как «Апрельская революция» (*Саволь хёнмён*).

Режим Чан Мёна (23.VIII.1960 — 18.V.1961)

После отставки Ли Сынмана с поста президента бразды правления перешли к Хо Джону (1896–1988), который в кабинете Ли занимал одну из высших должностей — министра иностранных дел. Правительство Хо выдвинуло программу из «пяти переходных мер», которая включала: 1) укрепление антикоммунизма; 2) ограничение наказаний за допущенные в ходе выборов нарушения кругом лиц, занимавших ответственные посты или совершивших акты насилия; 3) осуществление революционных политических реформ неревolutionными методами; 4) категорическое недопущение утверждений, что США осуществили во время Апрельской революции вмешательство во внутренние дела Кореи; 5) приложение усилий для налаживания корейско-японских отношений, разрешение японским репортерам въезжать в Корею. Эти пять мер дают ясное представление о правительстве Хо Джона, которому предстояло управлять страной вплоть до следующих всеобщих выборов.

Находясь у власти, администрация Хо Джона, с одной стороны, осуществила некоторые меры, отвечавшие духу Апрельской революции. Например, были арестованы чиновники из правительства Ли Сынмана и деятели Либеральной партии, о которых было известно, что они участвовали в фальсификации выборов; были установлены сроки для добровольной явки с повинной для тех, кто сколотил состояние с помощью коррупции. Однако, с другой стороны, правительство Хо способствовало отъезду Ли Сынмана в эмиграцию на Гавайи и тем самым позволило ему избежать ответственности за 12 лет произвола и стрельбу по демонстрантам во время Апрельской революции.

После отставки Ли Сынмана Национальное собрание, большинство в котором принадлежало Либеральной партии, создало Комитет по управлению страной в условиях чрезвычайной ситуации (*Писанси кук-тэчхэк вивонхве*), который 26 апреля 1960 г. выступил с программой из трех пунктов: 1) объявить выборы президента и вице-президента от 15 марта недействительными и провести новые выборы; 2) внести поправку в конституцию и установить парламентскую систему правления; 3) провести новые выборы в Национальное собрание, как только по-

правка в Конституцию будет принята. Хотя большинство граждан страны выступало за немедленный роспуск Национального собрания, Чрезвычайный комитет предпочел отложить роспуск до принятия поправки в конституцию.

Затем Национальное собрание дало согласие на арест тех парламентариев, кто был замешан в нарушениях в ходе выборов, и расширило чрезвычайно ограниченные в годы правления Ли Сынмана права граждан, внося поправки в принятые с процессуальными нарушениями под прямым политическим давлением лисынмановского режима Закон о национальной безопасности и законы о печати, политических партиях, свободе собраний. 15 июня 1960 г. оно приняло поправку к конституции, устанавливающую двухпалатную парламентскую систему. Также были созданы комитеты для разработки законопроектов о прямых выборах мэров городов, уездов и волостей, а также закона о политическом нейтралитете полиции.

В соответствии с волей народа был сформирован Комитет по расследованию преступлений против гражданских лиц в период правления Ли Сынмана, в частности — «кочханского инцидента». После месяца работы Комитет пришел к выводу, что в период Корейской войны солдатами и полицией было убито свыше 8500 гражданских лиц в районах Кочхана, Кодже, Хамяна, Масана и Тэгу (провинции Северная и Южная Кёнсан). Следователи призвали провести расширенное расследование с одновременным участием законодательных, юридических и административных органов государственного управления и выступили за скорейшее принятие закона об особых мерах для расследования этих инцидентов, установления ответственных лиц и выплаты компенсаций.

С пересмотром конституции и внесением в нее поправок, обеспечивавших переход от президентской к парламентской системе (ряд важнейших полномочий был передан от президента ответственному перед парламентом кабинету), Национальное собрание 4-го созыва было автоматически распущено. 29 июля состоялись всеобщие выборы в Палату Представителей (низшая палата) и Палату Советников (высшая палата) Национального собрания. В ходе выборов в некоторых местах, например, Чханнёне, произошли трагические инциденты: разгневанные толпы угрожали кандидатам от Либеральной партии линчеванием и силой заставляли их отказываться от выставления своих кандидатур. Либеральная партия, отождествлявшаяся в массовом сознании с диктатурой Ли Сынмана, разделила судьбу свергнутого режима и бесславно сошла с арены. Главным результатом выборов была убедительная победа Демократической партии (*Минджудан*).

Выступавшие за реформы политические силы социал-демократического направления, которые серьезно пострадали в результате преследований Прогрессивной партии и казни ее лидера Чо Бонама при Ли

Сынмане, вновь вышли на политическую сцену. Однако им не удалось объединиться, и на выборах они были представлены несколькими партиями, в том числе Социалистической народной партией (*Сахве тэджундан*). Хотя они выдвигали своих кандидатов в 123 округах, были избраны лишь пятеро из них.

Демократическая партия была создана как оппозиционная в период диктатуры Ли Сынмана. Это была консервативная организация, в состав которой входили члены Демократической народной партии (*Минджу кунминдан*) — наследницы существовавшей ранее Демократической партии Кореи (*Хангук минджудан*), независимые парламентарии, которые когда-то принадлежали к Либеральной партии, но потом вышли из ее рядов, бывшие члены созданной протестантским националистом Ан Чханхо Академии *Хынсадан* (в основном протестанты из Северной Кореи, перешедшие на Юг после образования КНДР), католики, бывшие служащие японской администрации. С момента своего создания Демократическая партия разделилась на «старую фракцию», куда входили землевладельцы из Демократической партии Кореи, и «новую фракцию», состоявшую из католиков и чиновников японской администрации. Эти фракции длительное время соперничали друг с другом, и борьба эта усилилась, когда с падением режима Ли Сынмана у них появилась надежда на получение власти.

После выборов 29 июля, которые принесли победу Демократической партии, борьба двух фракций внутри нее за власть стала особенно ожесточенной. 23 августа 1960 г. Национальное собрание избрало представителя «старой фракции» Юн Босона (1897–1990) президентом, должность которого была в значительной мере представительской, а премьером был назначен представитель «новой фракции» Чан Мён. Это означало победу «новой фракции» в борьбе за власть. Первый сформированный Чан Мёном кабинет состоял почти целиком из представителей «новой фракции», но под давлением соперников его пришлось распустить. Уже 12 сентября Чан был вынужден создать второй кабинет, куда входили пять представителей «старой фракции». Несмотря на уступки, «старая фракция» вышла из состава Демократической партии и 22 сентября создала свою собственную Новую народную партию (*Синминдан*) во главе с Ким Доёном (1894–1967). После этого те, кто остались в Демократической партии, раскололись на «группу молодых», известную как «Общество нового стиля» (*Синпхунхве*), и «группу стариков», составлявшую большинство. 30 января 1960 г. администрация Чан Мёна сформировала третий кабинет в безуспешной попытке рассеять недовольство «Общества нового стиля» и снизить напряжение между двумя фракциями, но в какой-то мере стабилизировать ситуацию ей удалось лишь после формирования 3 мая 1961 г. четвертого кабинета министров. Но этот кабинет просуществовал всего несколько дней, так как произошел военный переворот.

Рис. 22. Юн Босон, президент Республики Корея (23 августа 1960 — 16 мая 1961 г.), избранный на четвертых по счету выборах. Период правления Юн Босона и Чан Мёна известен как «Вторая республика».

Активно участвовавшие в свержении режима Ли Сынмана студенты, простые граждане и журналисты выступили с требованием немедленных политических, социальных и экономических реформ. Но консервативный режим Чан Мёна, погрязший в нескончаемой фракционной борьбе, не был способен, да и не хотел, положительно отреагировать на эти требования. Деятельность его не отвечала народным чаяниям, и политическая обстановка в стране оставалась нестабильной.

Одной из важных задач, стоявших перед администрацией Чана, было наказание виновных в нарушениях во время выборов 15 марта 1960 г. и в расстрелах участников Апрельской революции. Суды оправдали восьмерых из общего числа арестованных, и полностью или частично отвергли обвинения против трех других. За исключением шефа сеульской полиции Ю Чхуннёля, который был признан виновным в расстрелах и приговорен к смертной казни, все остальные обвиняемые отделались легкими наказаниями. Возмущенная этим группа студентов из числа тех, кто был ранен во время событий 19 апреля, 8 октября 1960 г. захватила трибуну Палаты представителей. Растерянная Палата согласилась 31 декабря 1960 г. принять имевший обратное действие (т.е. применимый к деяниям, совершенным до его принятия) закон о «наказании национальных предателей», и законы о наказаниях за нарушения во время выборов (*пуджон сонго чхорибон*) и о поражении в гражданских правах для лиц, запятнавших себя во времена лисынмановской диктатуры (*конмингвон чеханбон*). Но режим Чан Мёна пал, прежде чем оказался способен осуществить эти меры.

Другой насущной задачей того времени было наказание коррупционеров — взяточников, взяточдателей и спонсоров лисынмановского режима. Однако решение этого вопроса осложнялось тем, что он был тесно связан с растущим под контролем США монополистическим капиталом и государственной властью. Для укрепления антикоммунистического лагеря Америке было важно создать в Корее экономическую систему, основанную, в первую очередь, на монополистическом капитале. Опиравшийся на США крупный капитал был заинтересован в дальнейшем сохранении своих привилегий. Режим Чан Мёна был неспособен противостоять требованиям США и корейского монополистического капитала, и ему не оставалось ничего иного, кроме как ограничить применение

принятого Палатой представителей закона о незаконно накопленном богатстве только теми, кто внес или получил не менее 30 млн. хван во время сфальсифицированных выборов 15 марта 1960 г.

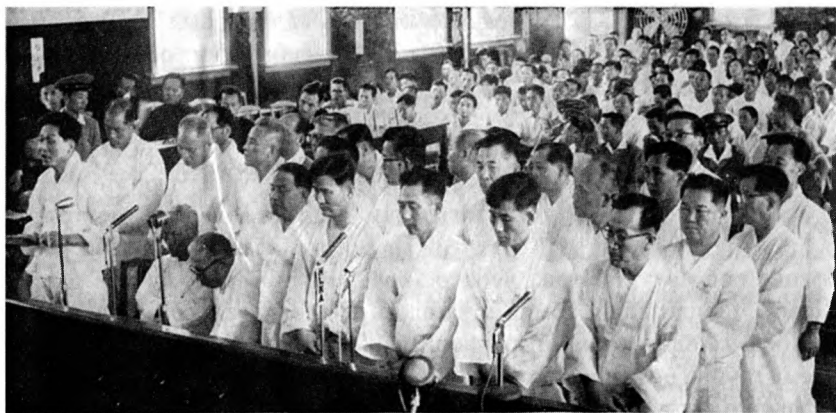

Рис. 23. Суд над виновниками фальсификации выборов 15 марта 1960 г. и расстрелов демонстрантов.

Режим Чан Мёна, который пришел к власти на волне народного недовольства режимом Ли Сынмана 19 апреля 1960 г., существовал в условиях непрерывной политической борьбы и несколько стабилизировался лишь в начале 1961 г. Он оказался неспособным предложить приемлемый план национального объединения, чего требовали прогрессивные политики и студенчество, а вместо этого пытался усилить контроль над населением путем принятия закона об «ограничении демонстраций» и восстановления существовавшего при Ли Сынмане, но отмененного после его свержения Антикоммунистического закона (*Пангонбоп*). Эти меры спровоцировали еще более сильные, чем раньше, демонстрации протеста и так и не были доведены до конца. 16 мая 1961 г. был совершен военный переворот, и режиму Чан Мёна, просуществовавшему всего 8 месяцев, пришел конец.

**Режим Пак Чонхи (1):
От военного правления
к «гражданскому правительству»
(16.V.1961 — 17.X.1972)**

Командование вооруженных сил Республики Корея, которые возникли как «национальные силы обороны» под юрисдикцией американской военной администрации, состояло в основном из лиц, служивших

до освобождения в 1945 г. в армиях Японии и Манчжоу-го, и небольшого количества военнослужащих из националистической Армии Освобождения (*Кванбоккун*) Шанхайского временного правительства. Армия Южной Кореи не только была создана Соединенными Штатами. В годы Корейской войны и операционный контроль над ней был передан американцам, а впоследствии большинство её высших офицеров обучались американцами. В результате южнокорейская армия стала проамериканской группой, на которую американцы всегда могли рассчитывать при осуществлении своей политики в Корее.

Когда во время фактического государственного переворота «сверху» в мае 1952 г. Ли Сынман, желавший, вопреки воле парламентского большинства, внести в Конституцию обеспечивавшую свое переизбрание поправку, объявил военное положение и отдал приказ о войсковой мобилизации, армия отказалась подчиниться, ссылаясь на то, что она находится под операционным контролем американцев. В это время группа офицеров, куда входил Пак Чонхи (1917–1979), готовила переворот, чтобы убрать Ли с помощью американских вооруженных сил в Корее. Позднее, когда Ли Сынман пытался помешать переговорам по перемирию, США рассматривали военный переворот и свержение Ли как один из возможных вариантов. Коррупция и произвол администрации Ли Сынмана привели к тому, что в последние годы его правления поддержка его в американских политических кругах сильно сократилась, пресса публиковала вызывавшие озабоченность сообщения о росте прогрессивных сил, особенно в среде студенчества и молодежи. В это время среди армейских офицеров, среди которых был и генерал-майор сухопутных войск Пак Чонхи, созрел план военного переворота. В связи с Апрельской революцией и свержением режима Ли Сынмана его реализация была на некоторое время отложена. Возглавленный Пак Чонхи военный переворот свершился через восемь месяцев после установления режима Чан Мёна — 16 мая 1961 г. Путчисты ввели чрезвычайное положение и объявили о принятии на себя исполнения функций законодательной, исполнительной и судебной власти. Они также опубликовали шестичастную декларацию намерений: укрепить антикоммунизм в качестве государственной идеологии (*кукси*); усилить связи с США и другими союзниками; «искоренить старые пороки и восстановить национальный дух»; облегчить экономическое положение масс; для достижения объединения взрастить силы, способные противостоять коммунизму; передать в краткий срок власть в руки «совестливых» гражданских политиков. Был создан Военно-революционный комитет (ВРК — *Кунса хён-мён вивонхве*), председателем которого стал Чан Доён, бывший при Чан Мёне командующим штаба сухопутных войск, а Пак Чонхи — его заместителем. 19 мая ВРК переименовали в Верховный совет по национальному переустройству (ВСНП — *Кукка чэгон чхвего хвевей*).

Рис. 24. Лидеры военной хунты — Пак Чонхи и его сообщники — в захваченном ими Сеуле, 18 мая 1961 г.

Военная хунта заставила уйти в отставку кабинет Чан Мёна (18 мая 1961 г.) и добилась согласия на введение военного положения от президента Юн Босона — единственного оставшегося представителя конституционной власти. Она смогла усилить свои позиции, приняв серию законов: о Центральном разведывательном управлении; об освобождении крестьян и рыбаков от кабальных долгов ростовщикам; о гражданском движении за национальное переустройство; о создании «революционного судопроизводства» (т.е. военных трибуналов, в первую очередь для политических преступников) и об антикоммунизме как основе государственной политики. Однако почти сразу же среди армейских начальников возникли разногласия. Чан Доён и некоторые его сторонники были арестованы за участие в «антиреволюционном инциденте», что открыло дорогу Пак Чонхи к посту председателя ВСНП. Это и стало действительным началом военного режима Пак Чонхи.

Одна из особенностей этого режима просматривается в создании 10 июня 1961 г. Корейского Центрального разведывательного управления (КЦРУ — *Чунан Чонбобу*). КЦРУ было создано по инициативе Ким Джонхилия, одного из главных инициаторов военного переворота, чтобы «собирать внешнюю и внутреннюю информацию, имеющую отношение к обеспечению государственной безопасности, и осуществлять контроль путем сбора данных о деятельности различных правительственных служб, включая армию». КЦРА, которое действовало втайне и имело огромные человеческие и финансовые ресурсы, стало ядром военного режима, главным органом по планированию и исполнению внутренней, антикоммунистической и северо-корейской политики.

Рис. 25. Улицы Сеула в дни майского переворота 1961 г.

Командующий американскими силами в Корее Картер Б. Магрудер и посольство США опубликовали заявление, что США «поддерживают законное правительство Кореи», что создавало впечатление, что США поддерживают режим Чан Мёна. Однако в ноябре 1961 г. Пак Чонхи был приглашен в Вашингтон, что свидетельствовало о том, что американское правительство к нему благосклонно. Стремясь заручиться твердой поддержкой США, режим Пака демонстрировал желание улучшить свои отношения с Японией и выдвинул план экономического развития. С другой стороны, 16 марта 1962 г. был принят Закон об «очищении политической деятельности» (*Чончхи хвальтон чонхвабон*), который запретил 4374 «старым политикам» заниматься своим делом.

17 декабря 1962 г. военная хунта провела национальный референдум, приняла новую конституцию, возвращавшую страну к президентской системе правления и назначила президентские выборы на апрель 1963 г., а выборы в Национальное собрание — на май, заявив, что она возвратит власть гражданским политикам в августе 1963 г., и дав при этом понять, что Пак Чонхи будет баллотироваться в президенты. Вскоре, 18 февраля, хунта обнародовала заявление, в котором объявила, что военные не будут участвовать в гражданском правительстве. Министр обороны Пак Пёнгвон (1921–2005) выпустил декларацию в поддержку заявления 18 февраля, в котором объявил о политическом нейтралитете военных и о том, что Пак Чонхи не будет выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. Однако на следующий день, после моторизованной демонстрации военных командиров, требовавших продления периода военного правления, и демонстрации солдат столичного гарнизона, Пак Чонхи заявил, что для решения вопроса о продлении военного режима ещё на 4 года будет проведен национальный референдум. Оппозиционные политики и США выступили с резким осуждением этого предложения, и тогда Пак сделал заявление о приостановке референдума.

Рис. 26. Пак Чонхи — президент Республики Корея (1963-1979), избранный на 5, 6, 7, 8 и 9-х по счету выборах. Первый период правления Пак Чонхи (до «реставрации» 1972 г.), во время которого еще соблюдались некоторые демократические формальности, известен как «Третья республика». 27 октября 1972 г. — принята «Конституция юсин», сделавшая Пак Чонхи фактически пожизненным президентом. Период после ее введения и до смерти Пак Чонхи 26 октября 1979 г. именуется «Четвертой республикой».

К этому времени стоявшие за переворотом военные, не дожидаясь формального разрешения на восстановление политической деятельности, уже создали Демократическую республиканскую партию (ДРП — *Минджу конхвадан*) и выдвинули Пак Чонхи кандидатом на пост президента. Пак, желая повысить свой престиж, повысил себя до полного четырехзвездного генерала, затем ушел из армии и 17 декабря 1963 г. принял участие в президентских выборах, на которых победил Юн Босона с перевесом в 150 тысяч голосов.

В процессе «перехода к гражданскому правлению» военная хунта, опираясь на Закон об «очищении политической деятельности», запретила все другие политические силы, секретно подготавливая передачу власти своей Демократической республиканской партии как «гражданскому правительству». Чтобы укрепить финансы этой партии, были осуществлены махинации, известные в корейской истории как «четыре подозрительных инцидента». Во время одного из них, получившего название «скандал на фондовом рынке» (*чынгвон пхадон*), были созданы фиктивные компании, а их акции проданы на фондовом рынке. В результате другого — так называемого «инцидента с гостиницей Уокерхилл» — часть денег, выделенных под постройку гостиницы и развлекательных сооружений для американских военных, была раскрадена приближенными Пак Чонхи и частично использована для финансирования Демократической республиканской партии. Суть еще двух: «инцидента с игровыми автоматами» и «инцидента с автомобилями “Сэнара”» — заключалась в том, что игровые аппараты и автомобили были импортированы из Японии без пошлины и проданы с большой прибылью, часть которой опять-таки пошла на финансирование Демократической республиканской партии. Автомобили импортировались фирмой «Сэнара» («Новая страна»), созданной одним из сотрудников Корейского Центрального разведывательного управления, которого впоследствии осудили за взяточничество, вымогательство и растрату.

Режим Пак Чонхи, спотыкаясь на пути «возвращения власти гражданским политикам», попытался укрепить отношения с США, заключив 31 октября 1964 г. с ними соглашение о посылке корейских войск во Вьетнам для участия на американской стороне в подавлении партизанского движения против марионеточного «правительства Южного Вьетнама». Сеул направил в эту страну сначала нестроевые подразделения, а затем и боевые дивизии. Вопрос об урегулировании отношений с Японией (этого урегулирования требовали американцы, считая, что оно поможет развить экономику Южной Кореи и тем самым освободит США от бремени финансирования южнокорейской армии) привел режим Пак Чонхи к политическому кризису. Сразу после захвата власти Пак Чонхи решил вступить в переговоры с Японией. В результате 12 ноября 1962 г. был подписан «Меморандум Ким Джонхилиа —

Охира²⁸», по которому корейская сторона согласилась принять от Японии 300 млн. долларов «помощи», 300 млн. долларов займов на льготных условиях (200 млн. государственного займа и 100 млн. коммерческого займа) и взамен не требовать больше репараций за колониальное прошлое. Вскоре Пак Чонхи стал прилагать усилия, чтобы как можно скорее достичь окончательного соглашения с японцами. Тем временем более 200 представителей оппозиционных партий и религиозных и культурных организаций организовали Общенациональный комитет борьбы против унижительных переговоров с Японией (*Тэ-Иль курёк вёгё пандэ*), а студенты стали активно проводить демонстрации против этих переговоров. Режим Пак Чонхи подавил народный протест, введя 3 июня 1964 г. военное положение в Сеуле, но когда он представил соглашение с Японией на ратификацию в Национальное собрание, 61 оппозиционный законодатель подал заявление об отставке. Из них шестеро действительно оставили свои посты в парламенте, а из-за студенческих демонстраций протеста Сеул был объявлен на осадном положении (*ви-сурён*).

Преодолев этот кризис, Пак Чонхи ещё раз выставил свою кандидатуру на президентских выборах и 3 мая 1967 г. с большим перевесом победил кандидата оппозиции Юн Босона. После выборов в Национальное собрание 8 июня того же года по всей стране прошли студенческие демонстрации против подтасовок на выборах, и 19 июня 1967 г. 31 университет и 136 средних школ повышенной ступени (*кодын хаккё*) были закрыты.

В 1969 г. режим Пак Чонхи пережил ещё один кризис. Хотя сочиненная военным режимом Конституция 1962 года и ограничивала период президентских полномочий двумя четырехлетними сроками, он, как и его предшественник Ли Сынман, решил пойти на третий срок, внося поправку к Конституции. Об этом своем намерении он заявил на пресс-конференции в начале 1969 г. Чтобы добиться задуманного, он организовал чистку в Демократической республиканской партии, избавившись, таким образом, от оппонентов внутри своего лагеря, и подавил студенческие демонстрации. Сессия Национального собрания, на которой была принята поправка к Конституции, прошла 14 сентября 1969 г. в пристройке к зданию парламента; на ней присутствовали только депутаты от правящей Демократической республиканской партии (ДРП). Эта поправка потом была подтверждена национальным референдумом.

Кандидатом в президенты от Новой демократической партии (НДП) был выдвинут Ким Дэджун. Это была настоящая президентская гонка с участием двух партий. 19 апреля 1970 г. деятели оппозиции создали Ассоциацию граждан в защиту демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*)

²⁸ Охира Масаёси (1910–1980) — видный японский консервативный политик, министр иностранных дел Японии в 1962–64 и 1972–74 гг.

и развернули кампанию против переизбрания Пак Чонхи. Перешел в наступление и Ким Дэджун, который заявил, что Пак намеревается стать пожизненным президентом, и предсказал, что эти выборы станут последними демократическими президентскими выборами. После тяжелой предвыборной борьбы, 27 апреля 1971 г., Пак Чонхи был вновь избран президентом. Но и после выборов демонстрации против него продолжались, и тогда 15 октября 1971 г. в Сеуле и окрестностях опять было объявлено военное положение. Вооруженные солдаты были введены в 10 университетских кампусов в Сеуле, 156 студентов были исключены из университетов за их роль в демонстрациях протеста.

Хотя режиму Пака удалось сохранить власть, внеся очередную поправку к Конституции, в начале 1970-х годов его система военного правления стала сталкиваться с серьезными вызовами в международных и внутренних делах и в отношениях с северной Кореей. Режиму было нужно найти способ преодолеть эти вызовы и остаться у власти после окончания третьего срока президентства Пак Чонхи. Поэтому сразу после выборов Пак начал планировать создание системы *юсин* — «реставрации»²⁹.

Режим Пак Чонхи (2): Введение системы *юсин* (17.X.1972 — 26.X.1979)

В начале 1970-х в мировой стратегии США и их политике в Корее произошли крупные изменения. Соединенные Штаты, озабоченные ростом антивоенных настроений внутри страны и экономическими проблемами, вызванными крупномасштабным участием в войне во Вьетнаме, в августе 1970 г. начали обсуждать вопрос о сокращении своих вооруженных сил в Корее. Президент США Ричард Никсон, стремясь уменьшить напряжение в отношениях с коммунистическим блоком, 25 июля 1969 г. провозгласил «доктрину Никсона», 7 апреля 1971 г. открыл «пингпонговую дипломатию» (т.е. спортивные обмены, постепенно ведущие к налаживанию межгосударственных отношений) с коммунистическим Китаем и 17 февраля 1972 г. посетил Пекин. В корейской политике «доктрина Никсона» предполагала отвод американских сил из Южной Кореи, переговоры между Севером и Югом как предварительное условие для дальнейшего предоставления американской помощи и осуществление «политики двух Корей».

---

²⁹ Термин содержит явную параллель с «реставрацией Мэйдзи» (*Мэйдзи исин*; «исин» и «юсин» записываются одними и теми же иероглифами) в Японии в 1868 г. Пак Чонхи, таким образом, объявлял о своем намерении повторить сделанное японской правящей олигархией после 1868 г. и привести также и Корею к «богатству и могуществу».

В ответ на эти изменения Верховное народное собрание КНДР приняло ряд решений по укреплению системы Ким Ир Сена, вооружению всего народа и строительству укреплений по всей территории страны и провозгласило «Предложения по национальному спасению из восьми пунктов» (*Пхальханмок кугук панан*), которые включали: вывод американских войск; сокращение вооруженных сил как Южной Кореи (более 600 тыс.), так и Северной Кореи (более миллиона) до численности ниже 100 тысяч солдат у каждой стороны; отмену договоров Южной Кореи с США и Японией и достижение национальной самостоятельности (*чаджужвон*); проведение общих выборов на Севере и Юге и создание объединенного центрального правительства; обеспечение свободы политической деятельности на Севере и на Юге; установление переходной конфедеративной системы; обмены в экономической, культурной и социальной областях; открытие политических переговоров между Севером и Югом и т.д.

Режим Пак Чонхи тоже отреагировал на изменения в международной ситуации, предложив 12 августа 1971 г. организовать движение за воссоединение разделенных семей через южнокорейский Красный Крест, что встретило на Севере положительный отклик. В Пханмунджоме было открыто постоянное бюро для межкорейских контактов, установлена прямая телефонная линия между Сеулом и Пхеньяном, и проведены несколько предварительных встреч представителей Красного Креста. Затем, после секретных переговоров между высокопоставленными чиновниками Севера и Юга, 4 июля 1972 г. в обеих столицах было одновременно опубликовано совместное заявление.

Что касается внутреннего положения, то этот период правления Пак Чонхи в Южной Корее характеризовался сильной инфляцией, постоянным ухудшением платежного баланса страны на международной арене и застоём экономики. Это привело к активизации выступлений протеста городской бедноты, одним из которых было, например, восстание жителей нескольких районов города Кванджу провинции Кёнгидо в августе 1971 г. Произошло и несколько актов самосожжения. Самым известным из них стало самосожжение 13 ноября 1971 г. ткача с рынка Пхёнхва в Сеуле Чон Тхэиля (1948–1970). В такой обстановке не было ничего удивительного в том, что на президентских выборах в апреле 1971 г. 43,6% избирателей поддержали кандидата оппозиции Ким Дэджуну, а на выборах в Национальное собрание 25 мая 1971 г. его Новая демократическая партия получила 89 мест по сравнению с 44, которые имела до выборов. Результаты выборов вызвали беспокойство администрации Пак Чонхи.

Стало очевидно, что любые попытки продлить пребывание Пака у власти на четвертый срок с помощью еще одной конституционной поправки обречены на провал. Изменения в международной ситуации означали, что идеология «государственной безопасности», основанная на

логике холодной войны, начала терять свое легитимирующее значение для режима. Кроме этого, улучшения в отношениях между Севером и Югом сделали для Пак Чонхи затруднительным продолжение политики «вначале — развитие, потом — воссоединение» и начали обесмысливать Закон о национальной безопасности и работу разведывательных агентств, на которые опирался режим. Вместе взятые, эти разрозненные факторы стали причиной возникновения чувства кризиса у Пака и его хунты.

Начав, с одной стороны, предварительные переговоры с Северной Кореей по линии Красного Креста, администрация Пака, с другой стороны, объявила 6 декабря 1971 г. «общегосударственное чрезвычайное положение», по которому наиважнейшим приоритетом правительственной политики объявлялось обеспечение безопасности государства. Было заявлено, что администрация не допустит никаких угрожающих государству социальных волнений, и был выдвинут призыв устанавливать новую систему ценностей, центром которой должна стать национальная безопасность. Режим проигнорировал отчаянные протесты оппозиционеров и 27 декабря 1971 г. на внеочередном собрании Национального собрания принял закон «Об особых мерах по защите государства». Этот закон задним числом легализовал декларацию 6 декабря об «общегосударственном чрезвычайном положении» и предоставил президенту широкие чрезвычайные полномочия, включая право замораживать зарплаты и цены, мобилизовать человеческие и природные ресурсы страны, ограничивать публичные собрания и демонстрации, контролировать печать и общественные организации, перераспределять бюджет.

Продолжая переговоры с Северной Кореей в ходе первого раунда официальных встреч представителей Красного Креста, начавшихся 29 августа, и на первой совместной встрече председателей координационных комитетов Севера и Юга, начавшихся 12 октября 1972 г., режим Пака вместе с тем предпринял дальнейшие меры по абсолютизации своей власти. 17 октября он неожиданно распустил Национальное собрание, объявил о введении во всей стране военного положения, отправил на каникулы учащихся всех университетов и ввел цензуру для газет, радио и телевидения. Эти меры Пак Чонхи назвал «октябрьской реставрацией» (*сиволь юсин*). Затем он подготовил текст «Конституции *юсин*», добившись его ратификации с помощью национального референдума 21 ноября 1972 г. Эта конституция предполагала не прямые выборы президента через коллегию выборщиков под названием «Национальный совет по объединению» (*Тхониль чучхе кунмин хвей*). 23 декабря 1972 г. на восьмых по счету президентских выборах в южнокорейской истории этот орган переизбрал Пак Чонхи — единственного кандидата.

В новой «Конституции» говорилось, что «граждане осуществляют свои основные права через своих представителей или через нацио-

нальные референдумы», что позволяло режиму Пака легализовать свои действия через национальные плебисциты, результаты которых было легко контролировать полицейскими мерами или путем фальсификаций. Эта конституция наделила законным статусом ограничения на права трудящихся и разрешила президенту вводить чрезвычайные меры. Она также сильно ограничила основные права человека, отменив гласные слушания по применению ареста в качестве мере пресечения для обвиняемых в судах и разрешив осуждение на основании признаний обвиняемых.

У законодательных органов было изъято право контролировать деятельность исполнительной власти, и им было разрешено собираться только 150 дней в году³⁰. Кроме того, одну треть членов Национального собрания назначал сам президент. Последствием стало существенное сокращение полномочий законодательных органов, которыми президент мог теперь легко манипулировать. Судебные органы также потеряли свою независимость. Президент имел полномочия назначать всех судей, а компетенция Верховного суда проверять конституционность законов и действий была передана в конституционный комитет.

Президент не только получил практически полный контроль над всеми тремя ветвями власти, отныне его выборы осуществлялись не прямо, а через Национальный совет по объединению. Срок президентства был увеличен до 6 лет, без ограничения количества сроков. В реальности Конституция *юсин* сделала Пак Чонхи пожизненным президентом.

Пока Пак устанавливал систему *юсин*, переговоры между Севером и Югом продолжались, хотя и с небольшими успехами, но они были приостановлены Севером 28 августа 1973 г., после похищения из Японии Ким Дэджуна³¹, возглавлявшего движение против системы *юсин*. В самой Южной Корее набирало силу возглавленное известным протестантским журналистом и общественным деятелем Чан Джунха (1918–1975) петиционное движение за пересмотр «Конституции *юсин*», в котором приняло участие свыше 1 млн. человек. Ответной мерой Пак Чонхи стало провозглашение девяти чрезвычайных мер, которые запрещали лю-

---

³⁰ В нормальном режиме южнокорейский парламент заседает 100 дней в году на регулярной сессии, но имеет также право собираться на несколько внеочередных сессий по 30 дней.

³¹ 8 августа 1973 г. Ким Дэджун, находившийся на лечении в Японии, был похищен из токийского отеля «Гран-Палас» агентами южнокорейской разведки. Он был доставлен на южнокорейское шпионское судно, где его собирались убить, однако убийство было предотвращено вмешательством США, которые пригрозили режиму Пак Чонхи выводом американских войск из Южной Кореи. В результате южнокорейские агенты доставили Ким Дэжуна в Сеул живым.

бую критику «Конституции», любой призыв к ее пересмотру или отмене и любые инициативы, предложения или просьбы ее изменить.

И все же движение против «Конституции *юсин*» продолжалось, и Пак Чонхи не оставалось ничего, кроме как принимать против его участников жесткие меры, о чем свидетельствует, например, «инцидент с Общекорейским союзом демократической молодежи и студентов» (*Чонгук минджу чхоннён хаксэн чхон ёнмэн*) в апреле 1974 г.³² или приказ о временном закрытии (*хюгёрён*) университета Корё в Сеуле, студенты которого шли в первых рядах борьбы против диктатуры. 12 февраля 1975 г. режим Пак Чонхи провел еще один общенациональный референдум по вопросу о «Конституции *юсин*». В нем приняли 79,8% имеющих право голоса граждан, и (по официальным данным) 73,1% из них, в обстановке репрессий, полицейского контроля и отсутствия гарантий тайны голосования, проголосовали за «Конституцию»³³. Активно выступали против «Конституции *юсин*» интеллигенция и деятели оппозиции. Об этом свидетельствуют, например, декларация от 18 ноября 1974 г., подписанная 101 членом Ассоциации писателей за осуществление гражданских свобод (*Чаю сильчхон мунин хёбыйхве*), или «Первомартовская декларация за спасение нации» от 1 марта 1976 г., подписанная Ким Дэджунм и рядом видных политических и религиозных деятелей страны. В водовороте всех этих событий шестилетний срок пребывания Пак Чонхи на посту президента истек. 21 декабря 1978 г. Национальный совет по объединению вновь избрал его президентом на тот же срок.

---

³² Эту организацию, боровшуюся за восстановление демократии, объявили «коммунистической». 180 ее членов оказалось под судом, из них 10 приговорили к смертной казни и 8 казнили.

³³ Одним из событий, объективно способствовавших усилению антикоммунистической истерии в стране и определенному укреплению позиций режима Пак Чонхи, особенно среди крестьянства и части городской мелкой буржуазии, было покушение на убийство Пак Чонхи, совершенное 15 августа 1974 г. 23-летним жителем Японии корейского происхождения Мун Сегваном. Мун Сегван, — действуя, судя, по всему, под влиянием общей враждебности по отношению к южнокорейскому режиму, распространенной в среде прогрессивной молодежи Японии в то время, — пытался застрелить Пак Чонхи во время памятной церемонии в честь очередной годовщины Освобождения Кореи, но промахнулся и убил в результате его жену Юк Ёнсу (1925–1974), популярную среди мелкобуржуазных слоев за ее «материнский» стиль «общения с народом» (раздавала беднякам одежду и еду, активно участвовала в разного рода благотворительной деятельности и т.д. — в целом, пыталась соответствовать конфуцианским представлениям о «матери народа»). Это убийство было провозглашено (без каких-либо серьезных доказательств) «преступлением, совершенным по наущению северокорейских марионеток» и использовано для раздувания антикоммунистической пропаганды.

Рис. 27. Номер центральной газеты «Чосон ильбо» за 13 мая 1975 г., где опубликован указ Пак Чонхи о «чрезвычайной мере № 9», по которой запрещалась не только критика «Конституции юсин», но и публикация репортажей о фактах такой критики в печати. С помощью тоталитарных мер Пак Чонхи надеялся создать систему пожизненной власти, сильно напоминавшую уже оформившуюся к тому времени пожизненную диктатуру Ким Ир Сена в КНДР. Но его надеждам не суждено было сбыться.

Но, несмотря на новое переизбрание Пака, его диктатура приближалась к неминуемому концу. 26 октября 1979 г. Пак Чонхи был убит во время застолья в принадлежавшей Корейскому Центральному разведывательному управлению тайной резиденции в центре Сеула главой этого управления, Ким Джэню. Вместе с президентом Ким застрелил и командира его телохранителей Чха Джичхоля, который был соперником Кима в борьбе за власть. Так закончилась продолжавшаяся 18 лет диктатура Пак Чонхи.

Произошедшие в последние годы его правления события, такие как забастовка работников сеульской промышленной компании «Уай-Эйч» 11 августа 1979 г., которая стала первой в цепи аналогичных выступлений, в которых прорвалось долго сдерживаемое полицейскими репрессиями возмущение рабочих; исключение из Национального собрания лидера Новой демократической партии и видного оппозиционного политика Ким Ёнсама, народные выступления в Пусане и Масане 16 октября 1979 г. и др. способствовали крушению военной диктатуры и сближению выступавших против системы *юсин* различных сил: рабочих, молодежи и студентов, интеллигенции, религиозных деятелей и политиков из оппозиции, — в объединенный фронт борьбы за демократизацию. Ничем не обоснованные чрезмерные инвестиции в химическую промышленность, которой Пак Чонхи, неправильно истолковавший динамику конъюнктуры на мировом рынке, отдавал приоритет,

углубили экономический застой, став причиной банкротств, роста безработицы и гиперинфляции. Кроме того, между режимом Пака и администрацией американского президента Картера (у власти в 1976–1980 гг.) возник серьезный конфликт по вопросам о правах человека в Южной Корее и выводе американских войск из Кореи. Вызывала недовольство американцев и независимая военная политика Пак Чонхи, его экспорт оружия и попытки создать атомное оружие. Его убийство 26 октября 1979 г. было результатом всех этих факторов.

Режим Чон Духвана (12.XII.1979 — 25.II.1988)

После убийства Пак Чонхи состоялось заседание Госсовета, на котором на всей территории страны, кроме Чеджудо, было объявлено чрезвычайное военное положение, а премьер-министр Чхве Гюха (1919–2006) — кадровый дипломат, министр иностранных дел в 1967–1971 гг. и премьер-министр с 1975 г. — был назначен исполняющим обязанности президента. 6 декабря 1979 г. Национальный совет по объединению назначил Чхве Гюха президентом, но он был неспособен осуществлять эффективное руководство страной и контролировать военных.

В этих условиях вокруг генерал-майора Чон Духвана, который в момент убийства Пак Чонхи возглавлял Управление армейской безопасности (*Куккун поан сарёнган*) и которому было поручено руководить исследованием этого инцидента, и командира дивизии в чине генерал-майора Ро Дэу (точное произношение — Но Тхэу) начала формироваться «группа новых военных» (*син кунбу*). Эта группа, состоявшая из принадлежавших к тайной военной организации *Ханахве*³⁴ офицеров и других глубоко преданных Пак Чонхи военных командиров, сфабриковала улики, свидетельствовавшие, что в убийстве диктатора был якобы замешан начальник штаба сухопутных сил и глава Управления военным положением (*Кеом сарёнган*) генерал Чон Сынхва (1929–2002), мобилизовала преданные войска, атаковала штаб Чона и арестовала его ночью 12 декабря 1979 г.

---

³⁴ Эта организация образовалась в 1963 г. вокруг Чон Духвана и других офицеров Академии Сухопутных Войск. В нее входили офицеры 11–20 выпусков, всего более ста человек. Большинство их было, как и сам Чон Духван, выходцами из провинций Северная и Южная Кёнсан с сильно выраженным чувством региональной лояльности. Изначально целью организации было овладение командными позициями в войсках, чтобы обеспечить «льготное» продвижение по службе для своих членов и для выходцев из провинций Северная и Южная Кёнсан вообще. В ходе событий 1979–1980 гг. организация практически захватила государственную власть.

Рис. 28. Чхве Гюха, 10-й президент Республики Корея (1979-1980).

Стремясь укрепить свои позиции, «новые военные» действовали без промедления. 20 декабря 1979 г. они вынесли смертный приговор Ким Джэгу, а 14 апреля 1980 г. при их активной поддержке Чон Духван был назначен исполняющим обязанности директора КЦРУ. После некоторых дискуссий о внесении поправок в Конституцию и замене системы *юсин* на систему «двойного правления» (*ивон чипчонджэ*), при которой полномочия президента и премьер-министра могли бы взаимно уравновешивать друг друга, 17 мая 1980 г. они опубликовали «Декрет № 10», по которому чрезвычайное положение распространялось на всю страну, в том числе и о. Чеджудо. Согласно этому декрету, была запрещена любая политическая деятельность, введена цензура прессы, печатных изданий, радио и телевидения, закрыты все колледжи и университеты и запрещено использование северокорейской терминологии. «Новые военные» также арестовали потенциальных кандидатов в президенты Ким Дэжуна и Ким Джонхилья и многих деятелей оппозиции, посадили под домашний арест Ким Ёнсама, уволили в отставку премьер-министра Син Хёнхвака (1920–2007) и его кабинет и сформировали новый.

18 мая 1980 г. в городе Кванджу на юго-востоке страны начались студенческие демонстрации протеста против «Декрета № 10», за демократизацию страны. Против них были брошены войска, которые подавили выступление с большой жестокостью. Разгневанные смертью многих молодых людей жители Кванджу примкнули к демонстрациям, захватили оружие, сформировали гражданское ополчение (*симингун*) и к 21 мая заставили военных покинуть город³⁵. После некоторого затишья, 27 мая, «новые военные» вновь послали туда войска, чтобы покончить с гражданским ополчением и положить конец восстанию в Кванджу³⁶.

³⁵ На несколько дней, до 27 мая, город оказался в руках повстанцев, став своеобразной «коммуной». Повстанцы, возглавлявшиеся авторитетными оппозиционными лидерами, организовали отряды самообороны, приняли меры против возможных правонарушений (ни одна лавка не была разграблена за целую неделю в городе без официальной полиции!) и даже организовывали брифинги для иностранных журналистов. Требованием повстанцев была демократизация страны, но хунта Чон Духвана делала все возможное, чтобы представить их «подпольными коммунистами» и «северокорейскими агентами».

³⁶ По официальным данным, в ходе подавления восстания в Кванджу погиб 191 горожанин и ранено 852, но реально жертв было больше.

Расширяя зону действия закона о чрезвычайном положении и подавляя народное выступление в Кванджу, «новые военные» тем самым укрепляли свое влияние в стране. 31 мая они создали Чрезвычайный комитет по защите государства (*Кукка повн писан тэчхэк вивонхве*) во главе с Чон Духваном, которому была передана вся полнота законодательной, судебной и исполнительной власти. По его решению, Ким Дэджун и 23 других деятеля предстали перед военным судом по обвинению в «подготовке государственной измены», была запрещена политическая деятельность 210 членов Национального собрания (из 231), 254 функционеров разных партий и 347 бывших высокопоставленных чиновников. В июле 1980 г. «новые военные» провели чистку, в результате которой были уволены с работы свыше 8500 человек, включая 232 гражданских служащих высшего ранга, 4760 служащих 3-го и ниже рангов, 86 университетских профессоров, 611 школьных учителей, 431 сотрудник банков, страховых и инвестиционных компаний, 1819 сотрудников государственных учреждений, 711 журналистов и репортеров.

Продолжая политику «очищения общества», 31 июля Чрезвычайный комитет по защите государства отозвал лицензии 172 периодических изданий, а 19 августа — лицензии 617 издательств. 14 ноября он предпринял шаги к слиянию СМИ и вещательных компаний и объединению информационных агентств в единую компанию³⁷, а также обязал центральные газеты отозвать своих корреспондентов на местах. Военные отряды совершили налеты на буддистские монастыри по всей стране и арестовали 153 монаха³⁸. «Новые военные», объявив, что они намерены избавить страну от гангстеров и «аморальных лиц», арестовали свыше 57 тысяч человек. Более 3 тысяч из них оказались в тюрьме, а свыше 40 тысяч были посланы в так называемые «образовательные лагеря

---

³⁷ Так, четыре центральные экономические газеты были «слиты» в две, в каждой провинции было оставлено лишь по одной ежедневной провинциальной газете, а остальные «слиты» с ней, а два общенациональных информационных агентства были объединены в одно, получившее название *Ёнхан* («Объединенное»). Все СМИ были поставлены под жесткий контроль спецслужб, имевших своих «полномочных представителей» в каждой редакции. Освещение внутренних и международных событий шло в соответствии с детальными директивами (*чичхим*) «сверху».

³⁸ Вначале налет на монастыри объяснялся «поиском скрывающихся среди монахов коммунистических элементов», а затем «борьбой с коррупцией в рядах монашества». В реальности хунту Чона разгневал отказ председателя ассамблеи ордена Чоге (крупнейшая буддистская организация Кореи) Сон Вольджу поставить свою подпись за выдвижение Чон Духвана в президенты. Насилием хунта надеялась запугать и вынудить к повиновению буддийские круги, влиятельные среди крестьян и городской бедноты. Подобных акций в отношении христиан не проводилось из-за опасений международных осложнений.

тройного очищения» (*самчхон кёютэ*). От тяжелого труда, пыток и издевательств в этих концлагерях погибло 52 человека, а позже от болезней умерло еще около четырехсот выживших. 2678 человек сошли с ума или остались инвалидами на всю жизнь.

США выразили недовольство по поводу переворота 12 декабря 1979 г., но американские СМИ указывали на ограниченность выбора среди потенциальных кандидатов в президенты, которыми являлись «три Кима» — Ким Дэджун, Ким Ёнсам и Ким Джонпхиль. Командующий американскими военными силами в Корее Джон А. Вихэм сделал заявление в поддержку захвата власти Чон Духваном, в котором сравнил корейский народ с «полевыми мышами, которые готовы подчиниться любому вожаку», и заявил, что «демократия корейцам не подходит». На пресс-конференции 9 августа 1980 г. Чон Духван заявил американским журналистам, что Корея нуждается в контроле со стороны военных, и прозрачно намекнул на перспективу установления нового военного режима — во главе с ним самим.

16 августа Чхве Гюха подал в отставку с поста президента, а 23 августа собрание высших военных командиров приняло резолюцию, в которой предлагало избрать главой государства Чон Духвана. На следующий день, следуя примеру Пак Чонхи, Чон произвел самого себя в полные генералы, а затем ушел в отставку. 27 августа Национальный совет по объединению избрал Чона президентом на одиннадцатый президентский срок с момента основания государства. За него проголосовали 2524 члена совета из 2525. Американская администрация только что избранного Р. Рейгана выразила свою поддержку Чон Духвану: он стал первым зарубежным лидером, которого Рейган пригласил в Белый дом (3 февраля 1981 г.). Американский президент пообещал, что США не будут вступать в двусторонние переговоры с КНДР и не выведут с Юга свои войска.

Режим Чон Духвана, пришедший к власти в период действия «Конституции *юсин*», разработал новую Конституцию, которая была ратифицирована на национальном референдуме 22 октября 1980 г. Режим также приложил усилия к созданию впечатления активной партийной жизни в стране, создав правящую Демократическую партию справедливости (*Минджу чоныйдан*) во главе с Чон Духваном и партию «лояльной оппо-

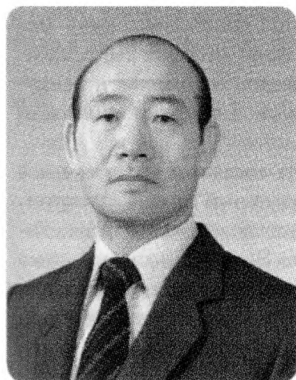

Рис. 29. Чон Духван, президент Республики Корея (1980-1988), избранный на 11 и 12-х по счету выборах. Период его правления известен как «Пятая республика».

зиции» в лице Партии демократической Кореи (*Минджу Хангуктан*) во главе с Ю Чхисоном. Согласно новой конституции, Национальный совет по объединению предполагалось заменить полностью избиравшейся, без «назначенцев» сверху, коллегией выборщиков. 11 февраля 1981 г. Чон прошел через формальную процедуру, вновь избрав самого себя президентом, — теперь уже с помощью коллегии выборщиков.

Несмотря на репрессии, в стране развивалось движение студентов и интеллигенции против диктатуры за демократизацию. Во многих университетах занятия нередко то отменялись, то возобновлялись вновь. 14 ноября 1984 г. 264 студента из сеульских университетов Корё, Ёнсе и Сонгюнган захватили штаб-квартиру Партии демократической справедливости. Все они были арестованы. 29 июня 1985 г. полиция совершила рейды на девять университетов и арестовала 66 студентов — членов Комитета за достижение демократии и объединение нации (*Саммин тхуджэн вивонхве*). 14 января 1987 г. погиб от полицейских пыток арестованный по подозрению в участии в подпольном социалистическом кружке 22-летний студент Сеульского государственного университета Пак Чончоль (1965–1987), 9 июня того же года от взрыва полицейской слезоточивой гранаты погиб 20-летний студент университета Ёнсе Ли Ханёль (1967–1987). Эти и многие другие инциденты привели к тому, что свыше 4 тысяч студентов из 95 университетов и колледжей встретились 19 августа 1987 г. в университете провинции Южная Чхунчхон и создали Всекорейскую ассоциацию представителей университетского студенчества (*Чонгук тэхаксэн тэпхёджа хёбыйхве*, сокр. *Чондэхён*) для сопротивления режиму и руководства студенческим движением.

Выступила против Чон Духвана и интеллигенция. 1 августа 1985 г. более четырехсот писателей обнародовали заявление, в котором содержалось требование свободы творчества и самовыражения. Когда правительство, желая подавить студенческие волнения, попыталось ввести закон «О безопасности в учебных заведениях» (*Хагвон анджонбон*), 39 оппозиционных организаций выразили протест и заставили режим отступить. 28 марта 1986 г. профессура университета Корё выступила с требованием демократизации, и следом с аналогичными заявлениями выступили профессора колледжей и университетов по всей стране. 10 мая 1986 г. с призывом к демократизации выступили 546 учителей начальных и средних школ.

Период Чон Духвана ознаменовался значительным подъемом антиамериканского движения. Поскольку США поддерживали создание его режима, а также поскольку преобладало мнение, что подавившие восстание в Кванджу в 1980 г. армейские подразделения не могли быть мобилизованы без разрешения Соединенных Штатов, антиамериканское движение, немыслимое ранее, теперь развернулось

открыто. 18 марта 1982 г. пусанским студентом-теологом Мун Бусиком был совершен поджог Американского культурного центра в Пусане; 22 сентября 1983 г. произошел взрыв в Американском культурном центре в Тэгу. 21 и 23 мая 1985 г. студенты захватили американские культурные центры в Пусане и Сеуле, за что 25 из них были арестованы.

В 1984 г. военные власти трижды публиковали списки лиц, с которых был снят запрет на политическую деятельность. Такая либерализация способствовала созданию 18 января 1985 г. Демократической партии новой Кореи (ДПНК — *Синхан минджудан*) во главе с Ли Мину (1915–2004), которая получила 67 мест во время выборов в Национальное собрание и еще более укрепилась, когда в нее перешли 29 парламентариев из Партии демократической Кореи. Превращение ДПНК в ведущую оппозиционную партию явилось главным изменением в политической ситуации того времени. Движение за пересмотр конституции особенно набрало силу, когда из Америки вернулся Ким Дэджун³⁹ и объединил силы с Ким Ёнсамом, который проводил голодовку за демократизацию. В феврале 1986 г. ДПНК совместно с Ассоциацией по содействию развитию демократии (*Минджухва чхуджин хёбыйхве*) провела кампанию по сбору подписей под петицией о пересмотре Конституции, в которой приняло участие 10 млн. человек. Движение за демократизацию достигло новых высот в августе 1986 г., когда ДПНК одобрила проект поправки в Конституцию, позволяющей прямые выборы президента, а также провела вместе с 34 организациями оппозиции «общенациональный съезд по разоблачению сексуальных пыток⁴⁰ и фабрикации обвинений в прокоммунистической деятельности». Режим Чон Духвана ответил обычной тактикой — повысил напряженность, заявив 30 октября, что дамба в горах Кымгансан в Северной Корее якобы строится, чтобы затопить Сеул морем воды, и призвал начать движение граждан за строительство «дамбы мира».

---

³⁹ В 1980 г. Ким Дэджун был приговорен к смертной казни за «антигосударственную деятельность» и «подготовку вооруженного восстания», затем отпущен, и ему было позволено уехать в США.

⁴⁰ Имелись в виду события 6–7 июня 1985 г., когда студентка Сеульского государственного университета Квон Инсук, арестованная за устройство на работу на фабрике под чужим именем с целью создания независимого профсоюза, была жестоко изнасилована в полицейском участке г. Пучхона под Сеулом. Изнасилования в отношении студенток-активисток были редкостью, но зачастую во время рутинных пыток, которым полиция подвергала практически всех арестованных радикалов, с девушек и женщин срывалась вся одежда, им наносились сексуальные оскорбления.

Рис. 30. Бюллетень новостей оппозиционного движения корейской диаспоры в ФРГ, сообщающий о политических процессах на родине. В условиях цензурного и полицейского гнета внутри страны корейские общины в Японии и ФРГ стали в 1970–1980-е гг. оплотом движения за демократизацию и объединение.

Режим Чона упорствовал в своем стремлении сохранить не прямые выборы президента и 13 апреля 1987 г. обнародовал «меры по защите Конституции». Оппозиция ответила созданием штаб-квартиры Движения граждан за завоевание демократической конституции (*Минджу хонбон чэнчхви кунмин ундон понбу*) и организацией 26 июня 1987 г. мирных манифестаций, в которых приняли участие свыше 1 млн. человек по всей стране. Они требовали внести в Конституцию поправку о прямых выборах президента. Движение за демократизацию в июне 1987 г. отличалось от предшествующих движений тем, что в нем, наряду с оппозиционными политиками, участвовали и простые граждане. Правительство и правящая Демократическая партия справедливости, сознавая, что систему не прямых выборов вряд ли удастся сохранить, 29 июня опубликовали декларацию, в которой выражали согласие принять систему прямых выборов, причем представили дело так, будто бы инициатором этого шага является их кандидат в президенты Ро Дэу — ближайший сотрудник и помощник Чон Духвана, занимавший при нем ряд ключевых постов (министр внутренних дел и т.д.). Развернулась полномасштабная выборная кампания, в которой приняли участие четыре основных кандидата на пост президента: Ро Дэу из Партии демократической справедливости; Ким Ёнсам, который, поссорившись с настаивавшим на компромиссе с режимом Чона председателем партии Ли Мину, вышел из Демократической партии новой Кореи и создал 1 мая 1987 г. со своими приверженцами новую Демократическую партию за объединение (*Тхониль минджудан*); Ким Джонпхиль, позиционировавший себя как преемника Пак Чонхи и основавший Новую демократическую республиканскую партию (*Син минджу конхвадан*); и Ким Дэджун, основавший свою собственную Партию за мир и демократию (*Пхёнхва минджудан*). Силы оппозиции надеялись, что или Ким Дэджун, или Ким Ёнсам уступят

один другому и выдвинут на выборы единую кандидатуру вместе, но они, в конечном счете, раскололись. В результате 13-х по счету президентских выборов 16 декабря 1987 г. президентом был избран Ро Дэу.

Военный режим Чон Духвана, пришедший к власти как преемник режима Пак Чонхи под лозунгом «создания справедливого общества» (*чоный сахве кухён*), стремился создать в обществе атмосферу «примирения»: добился проведения в Сеуле Олимпийских игр (1988), отменил обязательное ношение одинаковой для всех общенациональной школьной формы и прически для учеников средних и старших классов⁴¹; отменил действовавший с послевоенного (1953) времени постоянный комендантский час, создал Министерство спорта и профессиональную баскетбольную лигу. Тем не менее, режим Чона, унаследовавший авторитарные методы правления (полное пренебрежение к правам человека и полицейский режим всеобщей слежки, доносов, бессудных арестов и пыток) от Пак Чонхи и пришедший к власти путем жестокого подавления народного восстания в Кванджу, не имел и не мог иметь широкой социальной опоры. Другой проблемой этого диктаторского режима была коррупция: поскольку он пришел к власти недемократическим путем и средства массовой информации находились под контролем спецслужб, было очень трудно предупредить коррупцию среди власть имущих. Родственники руководящих лиц режима нередко оказывались замешанными в коррупционных скандалах. Один из них (в южнокорейской историографии его называют «инцидентом Чан Ёнджа — Ли Чхольхи», по имени участвовавшей в нем супружеской пары профессиональных аферистов) разразился в мае 1982 г. и был связан с присвоением финансовыми аферистами при помощи родственников жены Чон Духвана более 700 млрд. вон (около млрд. долларов по тогдашнему курсу). Однако их роль в этом деле была сокрыта, и дело кончилось арестом президента банка и еще 16 человек. Другой аналогичный случай — скандал с группой «Мёнсон» — произошел в августе 1983 г. Он завершился арестом 16 человек из числа работников банка и Министерства транспорта, оставив немало подозрений относительно вовлеченности в него родственников влиятельных лиц из правительства. Аудиторская проверка, проведенная в штаб-квартире Движения «за новую деревню» (*Сэ маыль ундон*), которое возглавлял Чон Гёнхван — младший брат Чон Духвана, обнаружила серьезные нарушения, но Чон Гёнхван был арестован лишь после отставки Чон Духвана с поста президента.

О том, насколько режим Чон Духвана был лишен массовой поддержки, свидетельствует тот факт, что этот правитель после выхода в

---

⁴¹ Большинство школ сразу вслед за этим разработали свои собственные формы и приняли собственные внутренние правила о дозволенных ученикам стилях прически. Южнокорейские школы в своем большинстве продолжают придерживаться единообразия форменной одежды и стилей прически до сих пор.

отставку два года скрывался от народного гнева в отдаленном буддистском монастыре, делая вид, что он «приносит покаяние в грехах». И все же у него была своя социальная опора: в первую очередь, военные, особенно из Управления армейской безопасности (*Куккун поан сарёнбу*), которое сыграло решающую роль в создании и поддержании режима Чона, осуществляя чистки среди чиновников и объединяя средства массовой информации, чтобы держать их под своим контролем. Другой опорой Чон Духвана было Управление планирования национальной безопасности — УПНБ (*Кукка анджон кихвекту*). Когда Чон пришел к власти, он переименовал КЦРУ в Управление планирования национальной безопасности и, на первый взгляд, существенно уменьшил его полномочия. Но УПНБ восстановило свое влияние при расследовании «антигосударственной деятельности» Ким Дэджуна (обвиненного чуть ли не в «подготовке вооруженного восстания») и впоследствии превратилось в центральный орган режима Чона во всех областях, собирая представителей других государственных агентств на совещания и руководя их деятельностью. Также при Чон Духване, по мере превращения страны в полицейское государство, существенно укрепилась жандармерия, игравшая основную роль в подавлении антиправительственных демонстраций. Партия демократической справедливости, ядром которой была группа военных из Управления армейской безопасности, не смогла добиться массовой поддержки граждан и ограничилась ролью «опричников» режима Чона.

За 7 лет чондухвановского правления массы постепенно становились политически активными и выходили на масштабную борьбу за свои права. Именно они заставили режим Чона отозвать «меры по защите Конституции 13 апреля», согласиться на прямые президентские выборы и, в конце концов, добились первой «мирной» передачи власти в истории Республики Корея.

Режим Ро Дэу (25.II.1988 — 18.XII.1992)

25 февраля 1988 г. к власти пришел Ро Дэу, получивший 36,6% признанных действительными голосов на прямых президентских выборах, которые были проведены согласно июньской декларации 1987 года. Но на состоявшихся в апреле 1988 г. всеобщих (тринадцатых) парламентских выборах, его партия не получила даже половины мест. Национальное собрание тринадцатого созыва, где представителей оппозиции было больше, чем депутатов от правящей партии, приняла поправку к Закону о Национальном собрании, которая вводила систему парламентских слушаний (*чхонмунхве*). В соответствии с ней, по требованию народа, начались слушания по преступной деятельности режима Чон Духвана.

Рис. 31. Ро Дэу (Но Тхэу), президент Республики Корея (1988-1993), избранный на 13-х по счету выборах. Период его правления именуется «Шестой республикой».

Ро Дэу сам был членом группы «новых военных» и одной из центральных фигур в режиме Чон Духвана. Хотя администрация Ро пришла к власти через прямые президентские выборы, она все же была наследницей Чон Духвана и оказалась в трудной ситуации, поскольку для достижения оп-

ределенной стабильности ей надо было показать некую видимость ликвидации наследия прежнего режима.

Ещё до прихода Ро Дэу к власти, 20 января 1988 г., был создан Комитет по развитию демократического согласия (*Минджу хвахан чхуджсин вивонхве*) для расследования обстоятельств, связанных с восстанием в Кванджу, само упоминание о котором в годы режима Чон Духвана было табу. «Выслушав мнения граждан всех социальных групп и слоев», Комитет вынес определение, что «расследование или наказание в данном случае нецелесообразно» и что инцидент в Кванджу надо квалифицировать как «попытку достичь демократизации». Соответственно, уходящее правительство Чона попыталось закрыть вопрос о Кванджу, предложив выплатить компенсации пострадавшим и воздвигнуть памятники и мемориальный зал для увековечивания памяти жертв тех событий. Однако эти жесты не удовлетворили ни народ, ни оппозиционных политиков. В результате в Национальном собрании начались слушания по Кванджу, где дали показания многие свидетели. Но и они не внесли ясности по поводу того, что в самом деле там произошло и кто именно отдал приказ стрелять.

Поскольку на парламентских слушаниях были разоблачены правонарушения режима Чон Духвана, оппозиционные партии потребовали, чтобы бывшие президенты Чхве Гюха и Чон Духван сами дали показания. Режим Ро Дэу активно уклонялся от вызова их на слушания, аргументируя это тем, что это будет «политическим возмездием». Но требования общественности были столь настойчивы, что Чон Духван всё-таки появился перед публикой 23 ноября 1988 г. и заявил: «Я сознаю, что должен принять любое наказание, и буду ждать приговора граждан». Он также дал обещание пожертвовать государству и обществу все свое имущество, включая его резиденцию и почти 14 млрд. вон (около 20 млн. долларов по тогдашнему курсу) политических фондов, которые он приготовил «на старость». После этого он уединился в монастыре Пэктамса в провинции Канвон.

В начале 1989 года внимание общественности была временно отвлечено от разоблачений по поводу хунты Чон Духвана, когда пастор Мун Икхван (1918–1994) и писатель Хван Согён без разрешения посетили Северную Корею. Тем не менее, неустанная решимость оппозиционных партий бороться против режима Ро и продолжающиеся демонстрации студентов, требовавших наказания Чон Духвана и отставки правительства Ро Дэу в конце концов заставили Чон Духвана 31 декабря 1989 г. дать показания перед Национальным собранием, где он заявил, что приказ стрелять в Кванджу был отдан «для самозащиты». Законодатели от оппозиции с этим не согласились, и слушания были приостановлены.

Годом раньше, 13 декабря 1988 г., администрация Ро создала Особую следственную комиссию по правонарушениям режима Чон Духвана, которая арестовала 47 человек, включая крупного деятеля администрации Чона Чан Седона и родственников отставного диктатора, в том числе его брата Чон Гёнхвана, и осудила ещё 29 других лиц, после чего была распущена.

Режим Ро, которому пришлось расследовать правонарушения хунты Чон Духвана в условиях, когда правящая партия составляла в Национальном собрании меньшинство, тайно достиг договоренностей о внесении в Конституцию поправки, обеспечивающей переход от президентской к кабинетной системе правления, и 1 января 1990 г. создал новую Демократическо-либеральную партию (*Минджу чаюдан*, ДЛП) путем слияния правящей Партии демократической справедливости с Демократической партией за объединение во главе с Ким Ёнсамом и Новой демократической республиканской партией во главе с Ким Джонпхилем. Новая партия контролировала 216 мест в Национальном собрании — намного больше, чем 198, требовавшиеся для исправления Конституции. В результате оппозиция потеряла парламентское большинство. Возникла громадная правящая партия, и это изменение шокировало многих граждан.

Однако после создания новой партии Ким Ёнсам выступил против поправок к Конституции. Секретное соглашение об объединении трех партий дало трещину. Соглашение ставило целью осуществление трех основных задач: создать парламентскую демократию вместо президентской; внести поправку к Конституции в течение 1 года; начать разработку поправки в текущем году.

Оппозиция Ким Ёнсама исправлению Конституции ввергла новую Демократическо-либеральную партию в кризис. Однако режим Ро был решительно настроен на возрождение в парламенте преобладающего большинства правящей партии, как это было во времена системы *юсин* Пак Чонхи и правительства Чон Духвана. Несмотря на сопротивление оппозиции он протолкнул, частично с применением незаконных методов, широкий набор законопроектов, в том числе: законопроект «О поправках к Закону о вещании», «Об организации армии», «О компенсациях жертвам событий в Кванджу», «О полиции», «Специальный законопроект

о повышении статуса учителей», «О национальной безопасности», «О госзакупках риса», «Специальный закон о развитии острова Чеджу», «О господдержке Движению “За правильную жизнь!”» (*Парыге сальги ундон чоджик юксонпо*)), «Основной закон о молодежи» и пр.

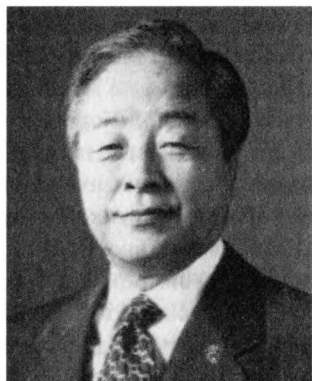
Хотя режиму Ро удалось сохранить единство новой правящей партии, в феврале 1991 г. он испытал кризис, связанный с так называемым «инцидентом Сусо». Суть его заключалась в том, что промышленная группа «Ханбо» дала взятку президентским секретарям, председателю парламентского Комитета по строительству и нескольким парламентариям, взамен чего получила на льготных условиях предназначенную для строительства жилья землю в столичном районе Сусо. Этот инцидент вызвал сильнейший протест со стороны общественности, которая сочла его самым большим правонарушением режима Ро. Администрация Ро преодолела этот кризис, проведя 27 марта 1991 г. выборы в органы местного самоуправления, отмененные после военного переворота 1961 года. Подавляющее большинство (70%) избранных на них депутатов принадлежали к правящей партии или были проправительственно настроены.

Несмотря на успешные политические манипуляции режима, студенческие демонстрации продолжались. В одной из них 26 апреля 1991 г. погиб студент университета Мёнджи Кан Гёндэ (1971–1991). Это привело к новым демонстрациям с требованиями дальнейшей демократизации и роспуска Демократическо-либеральной партии. Имели место несколько случаев самосожжения студентов. События вели к новому кризису власти, но режим Ро смог успешно преодолеть и его, проведя еще одни местные выборы, на этот раз — в провинциальные ассамблеи и ассамблеи больших городов. На этих выборах кандидаты от ДЛП получили 65% мест.

В июле 1992 г. разразился еще один правительственный кризис, когда группа мошенников, куда входил и начальник отдела материалов по военной истории при Объединенном комитете начальников штабов, обманула на 6,6 млрд. вон страховую компанию, пообещав, что они продадут землю, принадлежащую разведуправлению армии. Это стало самым большим скандалом при режиме Ро. Вопрос, кто в самом деле стоял за этим должностным преступлением, остался открытым; дело закрыли как «случай простого мошенничества».

После нескольких неудач, включая неудавшуюся попытку устроить предварительные выборы для определения кандидата на пост президента (*кёнсондже*), Демократическая либеральная партия ДЛП номинировала спикера Национального собрания Ким Ёнсама своим кандидатом. Кандидатом от Демократической партии был выдвинут Ким Дэджун. Режим Ро объявил о своем нейтралитете на этих выборах и 7 октября 1992 г. сформировал «нейтральный кабинет». На президентских выборах 18 декабря победил Ким Ёнсам. К власти пришло первое гражданское правительство за последние 32 года — с тех пор, как в 1961 г. был совершен военный переворот.

Рис. 32. Ким Ёнсам, президент Республики Корея (1993–1998), избранный на 14-х по счету выборах. Его правительство было известно как «гражданское», в отличие от возглавлявшихся военными (или бывшими военными) предыдущих администраций.

Годы режима Ро были времена радикальных изменений в международной ситуации, связанных с распадом социалистического блока. Режим, пользуясь вновь открывшимися возможностями, начал с 1988 г. претворять в жизнь амбициозную «северную политику» (*пукпан чончхэк*) и устанавливать отношения со странами социализма. 13 сентября 1988 г. было объявлено об установлении официальных отношений между Южной Кореей и Венгрией, после чего 1 февраля 1989 г. страны произвели обмен послами. Затем были установлены отношения с Польшей (1 ноября) и с Югославией (28 декабря). 8 декабря было достигнуто соглашение об обмене консулами с СССР, а 30 сентября 1990 г. — ровно через 86 лет после того, как в 1904 г. был отменен Договор о дружбе и торговле между Кореей и Российской империей — с Советским Союзом были установлены официальные отношения.

Хотя существовали определенные причины стратегического характера для установления дипломатических отношений со всеми социалистическими странами, в случае с СССР они были особенно весомыми. Переживавший серьезные экономические трудности Советский Союз надеялся на экономическое сотрудничество с Южной Кореей, в то время как последняя ставила целью изолировать КНДР, установив отношения с СССР — союзником северного режима. До установления дипломатических отношений в Москве состоялась первая межправительственная встреча по экономическому сотрудничеству, где условием скорейшей нормализации был выставлен пакет экономического сотрудничества, включавший предоставление СССР южнокорейского займа в 2–3 млрд. долларов⁴².

Происходили положительные изменения и в отношениях Южной Кореи с Китаем, который после установления дипотношений между

⁴² Приблизительно до 1992–1993 гг. СССР и Россия были весьма популярны в Южной Корее — в чем отчасти сказывались не оправдавшиеся впоследствии надежды на возможность масштабных и прибыльных инвестиций в советскую, а позже российскую экономику. Но ни установление отношений с СССР, ни распад СССР не смягчили репрессий в отношении подпольных социалистических кружков, хотя значительная часть марксистской литературы была легально доступна с конца 1980-х гг.

Республикой Корея и СССР оставался самым главным союзником Пхеньяна. Китайцы начали с заявлений о том, что «мы надеемся на мир и безопасность на Корейском полуострове и ведем неофициальную торговлю с Южной Кореей», «отношения между Южной Кореей и Китаем будут ограничены негосударственными торговыми отношениями», показывая свою последовательность в соблюдении принципа разграничения между политикой и экономикой. Однако во время Азиатских Игр в Пекине в октябре 1990 г. Южная Корея приняла участие в рекламном проекте стоимостью в 9 млн. долларов и передала Пекину в пользование более 400 автомобилей. Это привело к переговорам об установлении торговых представительств, а затем — к установлению полных дипломатических отношений в августе 1992 г.

Режим Ро Дэу, с одной стороны, успешно осуществлял свою «северную политику», устанавливая дипломатические отношения со странами Восточной Европы, СССР и Китаем, а с другой, стремился сделать Южную Корею полноправным членом ООН (до 1991 г. она имела лишь статус наблюдателя). В результате этой политики обе Кореи были приняты 18 сентября 1991 г. в ООН в качестве отдельных суверенных государств. 17 октября 1990 г. Ро заявлял, что его «северная политика» в отношении Северной Кореи направлена на то, чтобы поощрить режим Ким Ир Сена к «открытию», и является частью политики воссоединения. На практике эта была политика, ставившая целью изолировать Ким Ир Сена. По вопросу о приеме в ООН режим Ро отверг точку зрения Северной Кореи, что двум Кореям должно быть предоставлено в этой организации одно общее место, и развернул кампанию за принятие в ООН только Южной Кореи. Компромиссным результатом стал одновременный прием обоих государств.

В момент написания этой книги остается неясным, ведет ли «северная политика» режима Ро Дэу и сепаратное вступление обеих Корей в ООН к мирному объединению нации и будет ли оно осуществлено через поглощение, как это случилось в Германии, или через «политику двух Корей». Это будет зависеть от правительства Ким Ёнсама, — первого после тридцатилетнего военного правления гражданского правительства, которое наконец-то вновь установилось в стране, сменив администрацию Ро Дэу.

Использованная литература

- Кванбок 30нён чунъё чарёджип (Сборник важнейших материалов к 30-й годовщине Освобождения). Сеул: Чунан ильбоса, 1975.
- Кэхан 100нён ёнпхё-ва чарёджип (Хронологические таблицы и материалы. К 100-летию «открытия» Кореи внешнему миру). Сеул: Тонъя ильбоса, 1976.

- Чин Доккю и др.* 1950 нёндэ-ый ыйсик (Взгляд на 1950-е годы). Сеул: Хангильса, 1981.
- Хан Сынджу.* Че2 конхвагук-ква Хангуг-ый минджуджуый (Вторая Республика и демократия в Республике Корея). Сеул: Чонно соджок, 1983.
- Ёнпхё, инмуль, чарё-ро пон Нам-Пукхан 45нёнса (45 лет истории северной и южной Корей в хронологических таблицах, лицах и документах) / Политический отдел Института социальных проблем «Хангёре». Сеул: Вольган тари, 1989.
- Хангук хёндэса. 3–4. (Новейшая история Кореи). Т. 3–4 / Группа новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.

Часть 2

РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ И ВОССОЕДИНЕНИЕ (1945–1992)

Введение

Упорные попытки создать объединенный фронт освободительного движения предпринимались уже в колониальный период. Шанхайское временное правительство на момент создания представляло собой объединенный фронт левых и правых сил; попытками сформировать объединенный фронт являлись Движение за единую национальную партию (*Минджок юль тан ундон*) и движение *Синганхве*⁴³ второй половины 1920-х годов. В 1930-х годах и позже движение за единый фронт с целью установления единого национального государства развивалось в рамках сотрудничества между эмигрантскими национально-освободительными организациями и движениями различных направлений. Движение за единый фронт в эмиграции, возглавленное Шанхайским временным правительством, особенно активизировалось незадолго до освобождения в 1945 г., с ним пытались установить контакт и организации внутри Кореи, например, действовавший в подполье Корейский союз за строительство государства (*Чосон конгук тонмэн*). После разгрома японского империализма на основе этих организаций был создан Комитет по подготовке к строительству государства (КПСГ) и продолжились усилия по установлению единого национального государства.

Если в колониальный период целью и задачей национально-освободительного движения было освободиться из-под японского колониального правления и создать демократическое государство взамен прежней

---

⁴³ Объединенная организация левых (в основном коммунистов) и радикальных националистических сил, легально существовавшая в 1927–1931 гг.

«Корейской империи» (*Тэхан чегук*), то после освобождения в условиях раздела страны и появления 38-й параллели целью стало создание единого, демократического национального государства. Развернувшееся после освобождения движение за демократию и создание единого национального государства стало логическим продолжением объединительных процессов, происходивших в национально-освободительном движении в колониальный период.

Это движение отчетливо проявилось в деятельности «Комитета по подготовке к строительству государства» сразу после поражения Японии во второй мировой войне. За исключением сил, представлявших прояпонски настроенных землевладельцев, и левые, и правые были в равной степени представлены в «Комитете», программа и политика которого были та же, что и у движения за национальный объединенный фронт в эмиграции. Это обеспечило «Комитету» широкую народную поддержку. Однако постепенно, по мере роста «Комитета», левые приобрели в нем преимущественное влияние, а правые ушли в оппозицию. Помимо этого, американцы не признали правительство «Корейской Народной Республики» (*Чосон инмин конхвагук*), которое этот «Комитет» создал в спешке в преддверии прихода американских войск, и это означало, что он не смог выполнить свою роль инициатора создания объединенного государства.

«Комитет» прекратил свою деятельность, а раздор между левыми и правыми по вопросу об опеке усилился. В этих условиях инициатива в разворачивании движения за создание единого национального государства перешла к Комитету левых и правых сил (*Чва-у ханчак вивонхва*), где главную роль играла коалиция умеренных левых и умеренных правых, исключившая крайне левых и крайне правых (на правом фланге исключались крупные землевладельцы, запятнавшие себя активным сотрудничеством с колониальными властями). Стремясь преодолеть разногласия среди участников, этот Комитет четко определил условия их взаимодействия, но оно закончилось неудачей: из-за подозрения левых, что это движение ставит целью еще больше усилить раздоры между ними, и попыток правых создать в южной Корее сепаратное правительство, тем более что эти попытки шли в русле с политикой американцев в отношении Кореи.

Когда Ли Сынман и его сторонники активизировали усилия по созданию в южной Корее сепаратного правительства, их оппоненты из движения за создание единого государства, объединившись с прочими левыми и правыми силами, приняли участие в переговорах представителей политических сил Севера и Юга 1948 г. Однако эти старания оказались слишком запоздалыми, чтобы предотвратить создание сепаратных правительств. Менее чем через два года после этого разразилась Корейская война, которая была попыткой достичь объединения страны военными методами. Она ясно показала, насколько сильно геополити-

ческое значение Корейского полуострова влияет на перспективы объединения Кореи.

Полуостров стал местом прямого противостояния континентальных коммунистических и морских капиталистических держав. Режим Ким Ир Сена, поддержанный континентальными силами — СССР и Китаем, попытался воссоединить Корею силой, но силы, возглавляемые США, не могли этого допустить. Когда капиталистические морские державы во главе с США дошли на севере до реки Амноккан (Ялу), континентальные державы не захотели смириться с этой ситуацией. Результатом стали трехлетние военные действия, повлекшие огромные жертвы, но Корейский полуостров так и остался разделенным.

После Апрельской революции 1960 г. разговоры о воссоединении силовыми методами в Южной Корее на некоторое время умолкли. Главенствующей в общественном мнении стала идея о мирном воссоединении и нейтрализации Кореи, но после военного переворота 16 мая 1961 г. она была поставлена вне закона. После Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. о принципах мирного и самостоятельного объединения страны на какой-то момент показалось, что приоткрывается дверь к мирному воссоединению, но надежды оказались Рисзорными. И все же заявление от 4 июля стало важным уроком для решения проблемы воссоединения нации.

Во-первых, оно показало, что главную роль в поиске путей ее решения и их последующей реализации должен играть сам народ Кореи. В Совместном заявлении был сформулирован принцип самостоятельного, без вмешательства внешних сил, воссоединения. Переговоры между Севером и Югом, шедшие с 1971 г., начались в результате потепления в отношениях между США и СССР, а также США и Китаем, и по настоянию этих стран. Они не были инициированы самим корейским народом и потому не имели реального шанса на успех.

Во-вторых, стало ясно, что объединения можно достичь только тогда, когда оно будет осуществляться не в угоду какой-то политической группе, а в интересах нации в целом. Заявление содержало призыв к общенациональному единению, несмотря на идеологические и институциональные различия между системами Севера и Юга, но при этом правящие круги каждой из сторон преследовали в определенной степени цель усилить свои позиции, поэтому никакого реального прогресса в деле воссоединения быть не могло.

Третий урок заключался в том, что объединение невозможно, если политические и общественные силы, вовлеченные в этот процесс, не желают идти на жертвы. Хотя обе стороны заявляли о своей приверженности идее мирного воссоединения, они не были готовы искать компромисс, идти на уступки или жертвовать своими интересами. Заявление для них было не более чем попыткой выторговать себе время для получения дипломатической, экономической или военной выгоды. В

конечном итоге, обе стороны всё ещё не оставляли намерений осуществить объединение силовыми методами, то есть путем завоевания одной частью нации другой.

Хотя Совместное заявление не привело к национальному воссоединению, в 1970–1980-х годах оно стимулировало в Южной Корее развитие независимого от государства народного движения за мирное объединение. Движения за демократизацию рабочих, студентов, интеллигенции и оппозиции того периода, высшим пиком которых стали восстание в Кванджу 18 мая 1980 г. и массовые демонстрации в июне 1987 г. были, в конечном счете, связаны с движением за самостоятельное и мирное национальное воссоединение.

В ответ на требования народа и меняющуюся международную ситуацию два режима были вынуждены изменить свою политику воссоединения. Режим Ким Ир Сена переформулировал свой призыв 1960-х годов к созданию федерации Севера и Юга (*Нам — Пук ёнбандже*), выдвинув в 1970-х годах предложение о создании Конфедеративной Демократической Республики Корё (*Корё Минджу Ёнбан Конхвагук*). В Южной Корее последствием Заявления 4 июля 1972 г. стали план «мирного национального воссоединения через национальное примирение» (*минджок хвахан минджу тхониль панан*), с которым на рубеже 1980-х годов выступила администрация Чон Духвана, и план «объединения в корейское национальное сообщество» (*Хан минджок кондончхе тхониль панан*), предложенный правительством Ро Дэу.

Хотя противостояние двух сторон продолжалось, разрыв в точках зрения стал уменьшаться. Это привело к переговорам между премьер-министрами двух сторон, к ограниченному экономическому обмену и к подписанию 13 декабря 1991 г. в Сеуле «базового соглашения между Севером и Югом», которое призвало к разрядке и сотрудничеству и осудило применение военной силы. С другой стороны, совместные военные учения «Тим спирит» (*Team Spirit*), проводимые США и южной Кореей, и проблема ядерных объектов на севере Кореи (*хэк сачхаль мунджэ*) свидетельствовали о наличии серьезных препятствий, которые еще предстоит преодолеть. Если посмотреть с исторической точки зрения, то опыт разделенных наций в XX веке показывает, что в деле объединения интересы нации должны главенствовать над сиюминутными политическими или дипломатическими стратегиями. Достижение воссоединения остается путеводной идеей и величайшей задачей корейского народа. И решить ее можно будет лишь тогда, когда национальная совесть, мудрость и готовность к самопожертвованию будут поставлены выше политических и дипломатических стратегий и тактик, диктуемых реалиями раздела.

Глава 1

**КОМИТЕТ ПО ПОДГОТОВКЕ
К СТРОИТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВА
И «НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА»
(15.VIII. — 4.IX.1945)**

**Деятельность Комитета по подготовке
к строительству государства**

Как уже говорилось выше, узнав 10 августа 1945 г. о предстоящей капитуляции, японское генерал-губернаторство в Корее вступило в переговоры о передаче власти с одним из наиболее влиятельных корейских национальных лидеров Ё Унхёном. В результате их были определены условия: освобождение заключенных, сидевших в тюрьмах по политическим и экономическим обвинениям (торговля в нарушение инструкций японских властей и т.д.), обеспечение корейского населения провиантом на три месяца, невмешательство в политическую деятельность корейцев и в их деятельность по созданию молодежных, студенческих, рабочих и крестьянских организаций).

Получив вышеуказанные заверения, 15 августа 1945 г. Ё Унхён на базе Корейского союза за строительство государства создал Комитет по подготовке к строительству государства (КПСГ). Деятельность КПСГ, в котором Ё Унхён стал председателем, а известный националистический публицист Ан Джэхон — заместителем, началась 16 августа, когда Ё сделал публичное заявление о переговорах с японской колониальной администрацией. В тот же день Ан Джэхон выступил по радио с «Заявлением к 30-ти миллионам соотечественников в Корее и за рубежом», где осветил вопросы, связанные с формированием полицейских подразделений (*кёнвидэ*) и регулярной армии, о продовольствии, денежном обращении и ценах, об освобождении политических заключенных, об отношении к пособникам японцев и о японцам, живущим в Корее. Это было четкое заявление, свидетельствовавшее о том, что КПСГ принял власть от японцев.

17 августа были созданы центральные органы КПСГ: Департамент общих вопросов (во главе с Чхве Гыну), Департамент финансов (Ли Гюгап), Департамент по организационным вопросам (Чон Бэк), Департамент информации (Чо Донхо), Департамент армии и полиции (Квон Тхэсок). Посты глав департаментов были распределены поровну между правыми и левыми (в основном коммунистами — Чо Донхо, Чон Бэк и другие были видными коммунистическими деятелями). Были также созданы отряды общественной безопасности (*конгук чхиандэ*) из двух тысяч молодых людей и студентов и Комитет продовольствия (*Синнян*

тэчхэк вивонхве), чтобы обеспечить снабжение населения продовольствия после окончания войны.

В первое время существования КПСГ главными направлениями его деятельности были: обеспечение общественной безопасности, мобилизация всех ресурсов на создание государства, обеспечение населения продовольствием, налаживание транспорта, коммуникаций и финансов. За время до установления 38-й параллели как демаркационной линии, т.е. до конца августа 1945 г., в крупных городах и уездах страны, от Хверёна и Кёнсона на севере и до Чеджудо на юге, были созданы 145 народных комитетов. Большинство этих местных комитетов были отделениями КПСГ. В связи с ростом провинциальных организаций КПСГ расширил и перестроил свои центральные органы, создав дополнительно департаменты продовольствия, общественной безопасности, транспорта, строительства, планирования, социальных вопросов, расследований, а также секретариат. В руководство Комитета вошли вновь назначенные главы этих департаментов: Ким Джунён (1893–1971), Ли Ёнсол (1895–1993), Ким Яксу (1893–1964), Ли Донхва (1907–1995), Ли Гангук (1906–1955), Чхве Ёндаль и др. И в этот раз при назначении руководителей был соблюден паритет между правыми и левыми.

КПСГ выдвинул программу из трех пунктов, которая еще более отчетливо прояснила его цели. Первое — создание полностью независимого государства. Второе — создание демократического правительства, способного удовлетворить основные политические и социальные нужды нации. Третье — поддержание силами самих корейцев общественной безопасности и обеспечение средств к существованию для народных масс во время переходного периода.

Рис. 33. Ё Унхён выступает на организованном КПСГ массовом митинге. Умеренный левый лидер, видевший будущую Корею «прогрессивной демократией» социал-демократического типа, Ё Унхён был после Освобождения одной из самых популярных в массах фигур.

Некоторые крайне правые силы, например, сторонники Сон Джину, не участвовали в КПСГ. Тем не менее на раннем этапе в его состав входили такие правые и центристские деятели как Ё Унхён, Ан Джэхон, Ким Бённо, Ли Ин (1896–1979) и Хо Хон, а также представители левых сил: Пак Хонён и Чон Бэк от Коммунистической партии. Таким образом, в первый период КПСГ выступал как преемник подпольного Союза создания государства (*Конгук тонмэн*) и объединял представителей как правых, так и левых. По мере организационного роста КПСГ и расширения его влияния, между существовавшими внутри него группами возник конфликт интересов, связанный, в первую очередь, с претензиями на ведущую роль. Этот конфликт между правыми и левыми всплыл на поверхность в связи с вопросом о созыве Всекорейского конгресса национальных лидеров (*Чонгук юджиджа тэхве*). Каждая сторона старалась увеличить свое представительство в конгрессе, и борьба эта закончилась уходом Ан Джэхона с поста заместителя председателя КПСГ 31 августа 1945 г. Вместо него был назначен Хо Хон, который 4 сентября провел реорганизацию, существенно увеличившую влияние в КПСГ левых сил. Спустя два дня КПСГ объявил о создании «Корейской Народной Республики» (*Чосон инмин конхвагук*) и самоликвидировался.

КПСГ не добился участия в нем группы Сон Джину, и это свидетельствовало о том, что он не смог превратиться в орган, представляющий все политические силы страны. Остается также открытым вопрос, насколько тесными были связи между центральными органами КПСГ и его местными отделениями. Тем не менее, этот комитет, где были представлены умеренные левые (т.е. лидеры, стоявшие на социал-демократических позициях — Ё Унхён и другие), умеренные правые (Ан Джэхон) и радикальные левые (коммунисты Ли Гангук и Чхве Ёндаль) и который можно охарактеризовать как «единый фронт на уровне лидеров», пользовался поддержкой всего народа, осуществляя руководство внутренней политикой и обеспечивая общественную безопасность во времена политического вакуума после поражения Японии.

Но как только концентрировавшиеся вокруг Коммунистической партии радикалы получили в КПСГ контроль, он уже не представлял собой совместный орган левых и правых сил и самораспустился, предварительно провозгласив «Корейскую Народную Республику». Политическую линию Ё Унхёна можно оценить как умеренно-левую или центристско-националистическую, и, по сути, она не была ни левой, ни правой. В дальнейшем, 11 ноября 1945 г., Ё Унхён создал Корейскую народную партию (*Чосон инминдан*) и был одним из руководителей надпартийного объединения коммунистов и умеренно левых националистов — Демократического национального фронта (*Минджуджуй минджок чонсон*) до тех пор, пока не ушел в отставку в знак протеста против слияния трех левых партий в единую Трудовую партию южной Кореи, которое фактически передавало полное руководство левыми си-

лами в руки коммунистов группы Пак Хонёна. После этого он вместе с Ким Гюсиком возглавил движение за союз левых и правых сил.

Провозглашение «Корейской Народной Республики»

6 сентября 1945 г. КПСГ, в котором теперь преобладали левые, созвал Всекорейский съезд народных представителей (*Чонгук инмин тэпхёджа тэхве*), который объявил о создании Центрального народного комитета, состоящего из 55 членов (в т.ч. Ли Сынмана и Ё Унхёна) и 20 кандидатов в члены (в т.ч. коммуниста Чхве Чханика, 1896–1956), и Совещательного совета из 12 человек (в т.ч. правого националиста О Сечхана, 1864–1953) и провозгласил создание «Корейской Народной Республики»).

Он также обнародовал имена главных лиц центрального правительства, политическую программу и список политических задач из 27 пунктов.

В списке главных лиц «республики» Ли Сынман был указан как президент, Ё Унхён — как вице-президент и Хо Хон — как премьер-министр. Кроме того, в него вошли члены Шанхайского временного правительства Ким Гу и Ким Гюсик, представитель близкого к Коммунистической партии Китая эмигрантского («янаньского» — по названию базы китайских коммунистов) Союза за независимость Ким Муджон, деятели левого (Ли Сынён) и правого (Ким Сонсу, 1891–1955) течений в самой Корее, члены КПСГ (Ли Мангю). Однако большая часть названных кандидатур на министерские посты либо еще находилась за границей, либо была выдвинута без предварительного согласования. Это означало, что после прихода правительства к власти, реальную власть в нем будут осуществлять вице-министры, бывшие в основном членами КПСГ левой ориентации.

Политическая программа «Корейской Народной Республики» состояла из четырех пунктов: 1. создание полностью самостоятельного государства; 2. искоренение прояпонских и феодальных элементов и создание подлинно демократического правительства, которое будет представлять политические, социальные и экономические интересы всей нации; 3. быстрое улучшение условий жизни народа, включая рабочих и крестьян; 4. заключение союзов с демократическими странами мира и достижение мира во всем мире. Эти пункты были теми же, что и в программе КПСГ, но был добавлен пункт об искоренении прояпонских и феодальных элементов, на что следует обратить внимание. Этот вопрос нашел отражение и в списке политических задач из 27 пунктов, где говорилось о «национализации земель, принадлежащих японцам и национальным предателям, и о передаче этих земель крестьянам без компенсации» и о «национализации всего принадлежащего японцам и национальным предателям имущества, включая шахты, заводы, желез-

ные дороги, порты, корабли, средства связи и финансовые учреждения». В «Список» входили и имевшие большое значение положения об организации справедливого, равного для всех, распределения предметов первой необходимости среди населения и создании государственной системы обязательного образования.

Призыв к таким социалистическим преобразованиям как национализация земли и заводов вызвал сильную оппозицию со стороны некоторых правых сил. Но поскольку за время колониального правления большинство земель и средств производства в стране перешли под контроль японцев или корейских коллаборационистов, большинство и левых, и правых считало национализацию оправданной мерой. В 1941 г. правое Временное правительство в Шанхае, предвосхищая будущее поражение японцев, составило «Программу создания государства» (*Конгук каннён*), в которой призывало «национализировать основные средства производства, землю, места рыбного промысла, месторождения, леса, ирригационные сооружения, наземные, морские и воздушные перевозки, банки, коммуникации, транспорт, крупные сельскохозяйственные, промышленные и коммерческие предприятия и производственные кооперативы, находящиеся в ведении органов управления городов и промышленных зон».

И всё же «Корейская Народная Республика» была провозглашена в спешке, в связи с чем возник вопрос о степени её представительности. Неожиданное провозглашение Республики Ё Унхён объяснил так:

«Это было неизбежным, как срочная мера в момент, когда наши усилия по созданию государства оказались в опасности. Нам нужно иметь орган, который будет представлять волю нашего народа на переговорах с союзническими силами, которые вскоре займут нашу страну, и это означает, что нам надо созвать Съезд народных представителей с тем, чтобы такой орган создать. Теперь мы должны действовать, учитывая присутствие иностранцев».

Похоже, что он предвидел возможность установления прямого правления союзнических сил, если Корея не будет иметь какое-то правительство до их прихода.

Япония, хотя была потерпевшей поражение нацией, имела собственный кабинет министров и таким образом не попала под прямое управление штаба Д. Макартура. Севернее 38-й параллели административную власть осуществляли народные комитеты, созданные в каждой провинции. Провозглашение «Корейской Народной Республики» после того, как силы союзников отказались признать правое Шанхайское Временное правительство, было попыткой внутренних сил во главе с левыми создать правительство объединенного фронта (*тхониль чонсонче*), которое могло быть признано союзниками. Это также была попытка выставить противовес правой Демократической партии Кореи (*Хангук минджудан*) во главе с Сон Джину, который надеялся получить факти-

ческий контроль над Временным правительством по его возвращении в Корею.

Как бы там не было, многие в Корее расценили провозглашение КНР как отход от принципов, на которых строился ГКСП, и как поворот влево, поскольку из ее руководства были исключены представители буржуазной интеллигенции, например, Ан Джэхон, и сделан упор на создание массового единого фронта под руководством левых сил.

Некоторые противопоставляли КНР и провозглашенный ею курс решениям состоявшегося в Пхеньяне 10 октября 1945 г. Съезда северокорейских ответственных работников и активистов компартии, который отказался от идеи осуществления политической власти через Народную Республику и взял курс на создание объединяющего все слои населения широкого фронта национального единства (*минджок тхониль чонсон*), для чего был предложен комплекс коренных государственных преобразований.

Использованная литература

- Ли Мангю.* Ё Унхён сонсэн тхуджэнса (История борьбы Ё Унхёна). Сеул: Минымса, 1946.
- Ё Унхон.* Монян Ё Унхён (Биография Ё Унхёна). Сеул: Чхонхагак, 1967.
- Сон Намхон.* Хэбан самсимёнса (История 30 лет после освобождения). Т. 1. Сеул: Хангукса ёнгусо (Институт корейской истории), 1976.
- Сон Гонхо.* 8.15 ху-ый Хангук минджокчуый (Корейский национализм после освобождения). Хангук минджокчуыйрон (О корейском национализме) Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1982.
- Хэбан чонхуса-ый ыйсик* (Осмысление истории после Освобождения). Т. 3. Сеул: Хангильса, 1987.
- Хангук хёндэса* (Новейшая история Кореи). Т. 1. / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1992.

Глава 2

ДВИЖЕНИЕ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ СИЛ И ВСТРЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ СЕВЕРА И ЮГА (1945–1948)

Переговоры между «Корейской Народной Республикой» (КНР) и Временным правительством и «Коммюнике четырех партий» (7 января 1946 г.)

Заявив доминирующее положение в КПСГ и провозгласив создание КНР, левые попытались привлечь на свою сторону сторонников правых сил, назначив президентом Ли Сынмана и включив правых в правитель-

ство и Центральный народный комитет. Как только Ли Сынман вернулся в Корею, от имени КНР было опубликовано приветственное заявление с выражением «искренней благодарности великому лидеру и радости по поводу его прибытия». В своем выступлении по радио в те дни Ли Сынман сказал: «У меня хорошие чувства по отношению к Коммунистической партии, и я одобряю ее идеологию. В коммунизме имеется многое, что мы можем использовать в устройстве экономики». Это стало началом серьезных переговоров между ним и «Корейской Народной Республикой»

23 октября 1945 г. состоялась встреча Ли Сынмана с Ё Унхёном и Пак Хонёном, в результате было достигнуто соглашение о создании Центральной ассоциации по содействию скорейшему достижению независимости (*Тоннип чхоксон чунан хёбыйхве*). Но когда представители сторон встретились, чтобы «ускорить достижение независимости», и приняли предложенное Ли Сынманом «Обращение к четырем союзным державам», где выразили протест против раздела страны, против опеки и против оккупации Кореи, Пак Хонён заявил, что Компартия выйдет из Ассоциации, если в Обращение не будет включен «принцип национального единения на базе исключения прояпонских коллаборационистов».

Это привело к отчуждению между правыми, которые придерживались мнения, что «сначала — единение, затем — исключение прояпонских элементов», и левыми, которые, наоборот, хотели «первым делом вычистить коллаборационистов, а потом достичь единства». 6 ноября молодежная организация левой ориентации Всекорейская ассамблея молодежных представителей (*Чонгук чхоннён тэпхёджа тэхве*) приняла резолюцию, в которой говорилось: «Если доктор Ли⁴⁴ откажется от президентства в Корейской Народной Республике, мы не только откажемся его поддерживать, но и будем считать его, в конечном счете, ответственным за раскол объединительного национального фронта». На следующий день Ли Сынман отреагировал на это обращение, заявив, что он благодарен за предложение занять пост президента «Корейской Народной Республики», но поскольку он является одним из членов Временного правительства, не может участвовать в чем бы то ни было без договоренности с ним. 5 декабря Компартия заявила о своем выходе из Центральной ассоциации по содействию скорейшему достижению независимости, положив тем самым конец переговорам между Ли Сынманом и лидерами КНР — Ё Унхёном и Пак Хонёном.

⁴⁴ Ли Сынман получил докторскую степень в 1910 г. в Принстонском университете (США), защитив диссертацию на тему «Влияние США на нейтралитет [в международно-правовых отношениях]».

Рис. 34. Возвращение председателя Шанхайского временного правительства Ким Гу и главнокомандующего Армии Освобождения Ли Чхончхона на родину. Перед вылетом в Шанхайском аэропорту. 23 ноября 1945 г.

В это время члены Временного правительства возвратились в Корею как частные лица, как того требовали союзники. Первая группа прибыла 23 ноября, а вторая — 2 декабря. Временное правительство объявило, что «до тех пор, пока в Корее не будет сформировано переходное правительство, именно оно будет отвечать за обеспечение внутреннего порядка и все внешние дела». Поэтому, независимо от того, признавало это или нет американская военная администрация, вскоре после 15 августа 1945 г. сложилась ситуация, когда одновременно два правительства: Временное и «Корейской Народной Республики» — заявляли, что они являются властью в Корее. «Народная Республика» пригласила Ким Гу и Ким Гюсика в свой Центральный народный комитет, но они оба отказались.

Коммунистическая партия Кореи (*Чосон консандан*) выдвинула принцип объединения на паритетной основе, предложив поделить места между левыми и правыми поровну, но при этом исключить коллаборационистов, национальных предателей и «экстремистов-шовинистов», т.е. крайних националистов. Временное правительство отвергло это предложение. Оно потребовало признать его легитимность со всеми с его учреждениями и чиновниками и добавить ещё два-три учреждения, где были бы представлены левые.

Когда был объявлен проект опеки, 31 декабря 1945 г. по предложению руководства «Корейской Народной Республики» состоялась встреча, на которой присутствовали представители Временного правительства Чхве Доно, Сон Джусик (1891–1959) и Чан Гонсан, и представители «Народной Республики» — ветераны-коммунисты Хон Нампхё (1890–1960), Хон Джынсик (1895–?) и Ли Гангук. На следующий день, 1 января 1946 г., «Народная Республика» представила план, в котором предлагала сформировать объединенный комитет с участием обеих сторон для конкретного обсуждения вопроса о создании единого правительства и призвала достигнуть согласия до того, как начнется работа Совместной американо-советской комиссии. Временное правительство отвергло это

предложение, мотивируя процессуальными соображениями. Временное правительство не только отказывалось признать «Народную Республику» равноправным партнером на переговорах. Существовал огромный разрыв в позициях сторон по поводу опеки: левые в общем поддерживали решения Московского совещания, а Временное правительство стремилось установить лидерство в движении против опеки.

Когда переговоры между двумя «правительствами» зашли в тупик, возглавляемая Ё Унхеном Народная партия (*Инминдан* — основана 12 ноября 1945 г.) выступила инициатором дискуссии об объединении сил между основными правыми и левыми политическими партиями. По предложению секретаря политического отдела этой партии, видного социалистического интеллектуала Ли Ёсона (1901-?), состоялась встреча между Вон Сехуном и Ким Бённо от Демократической партии Кореи (*Хангук минджудан*), Ан Джэхона, Пэк Хонгюна и Ли Сынбока (1895–1978) от Гражданской партии (*Кунминдан*, основана 1 сентября 1945 г.), Ли Джуха, Хон Нампхё от Компартии Кореи и Ли Ёсона и Ким Сеёна от Народной партии.

Результатом встречи стало «Коммюнике четырех партий от 7 января 1946 г.», где говорилось: «Относительно решений трехстороннего Московского совещания, мы полностью поддерживаем дух и намерение обеспечить самостоятельность и независимость Кореи и оказать ей поддержку в деле развития демократии. Вопрос об “опеке” должен решаться нашим правительством, которое предстоит создать, в русле обеспечения самостоятельности и независимости страны». Однако Демократическая партия Кореи выступила против этого коммюнике, обосновывая это тем, что в нем нечетко выражен протест против опеки, и призвала осудить деятельность своих членов Ким Бённо и Вон Сехуна. Гражданская партия тоже выступила против по схожим причинам. Тогда 9 января 1946 г. по инициативе Национальной партии новой Кореи (*Синхан минджоктан*) состоялась «встреча пяти партий» в поддержку усилий объединения. Но и она была отложена из-за разногласий между правыми: Демократической партией (*Ханминдан*), Гражданской партией и Национальной партией новой Кореи (*Синхан минджоктан*) — с одной стороны, и левыми: Коммунистической партией Кореи и Народной партией (*Инминдан*), с другой стороны, — по поводу того, считать «встречу пяти партий» предварительной сессией чрезвычайной политической конференции (*писан чончхи хвёй*), как настаивали правые, или продолжением переговоров четырех партий, как требовали левые.

Народная партия впоследствии попыталась оживить «встречу пяти партий», выступив с компромиссным предложением «поддержать решения Московского совещания оказать помощь созданию независимого государства в Кореи и выступить против опеки», но безуспешно. Тогда Народная партия сделала еще одну попытку, выдвинув «четыре принципа сотрудничества» между политическими силами разной ориента-

ции: исключить из состава партий-партнеров бывших коллаборационистов; создать самостоятельное независимое государство в Корее согласно решениями Московского совещания; обоим правительствам: и «Народной Республики», и Временному, — отказаться от притязаний на исключительную легитимность; и пропорциональное представительство в будущем правительстве согласно действительной численности и размеру организаций. Но и эта попытка результатов не дала. Ё Унхён попытался ещё раз преодолеть разногласия между правыми и левыми по вопросу об опеке и сплотить руководство «Корейской Народной Республики» и Временное правительство, выдвинув ещё одно компромиссное предложение: поддержать решения Московского совещания, а по вопросу об опеке принять отдельную резолюцию, где было бы указано, что вопрос об опеке будет решен отдельно позже. Это предложение также не встретило положительного отклика, но Ё Унхён и далее продолжал делать попытки, направленные на достижение союза между левыми и правыми.

Деятельность Комитета за сотрудничество левых и правых сил

После неудачной попытки объединить Народную Республику и Временное правительство и провала «Коммюнике четырех партий» оппозиция между левыми и правыми по поводу опеки усилилась. 23 января 1946 г. умеренно-левые деятели из Национально-революционной партии Кореи (*Чосон минджок хёнмёндан*) и Союза сторонников движения за национальное освобождение Кореи (*Чосон минджок хэбан ундонджа тонмэн*) Ким Вонбон, Ким Сонсук, Сон Джусик, Чан Гонсан, которые в конце второй мировой войны поддержали курс Временного правительства на создание объединенного фронта, вышли из Временного правительства в знак протеста против его поворота вправо.

2 февраля Временное правительство созвало Чрезвычайный народный съезд (*Писан кунмин хвёый*), на котором еще раз подчеркнуло свою легитимность как преемника национально-освободительного движения колониального периода и свою оппозицию опеке. Центральная ассоциация по содействию скорейшему достижению независимости во главе с Ли Сынманом присоединилась к Комитету по всеобщей мобилизации граждан на борьбе против опеки (*Тхакчи пандэ кунмин чхон тонвон вивонхве*), в результате чего возникла Ассоциация граждан Кореи по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхоксон кунминхве*), которая, в свою очередь, учредила Демократический совет граждан Кореи (*Тэхан кунмин тэпхё минджу ыйвон*) с тем, чтобы подготовиться к Совместной американо-советской комиссии. Так произошло объединение правых сил.

С другой стороны, не участвовавшие в Демократическом совете прогрессивные силы также подготовились к началу работы Совместной американо-советской комиссии, создав 15 февраля 1946 г. Демократический национальный фронт (ДНФ — *Минджуджуый минджок чонсон*) на основе четырех принципов, выдвинутых Народной партией на «встрече пяти партий». В ДНФ приняли участие многие политические партии и общественные и культурные организации, в том числе: Коммунистическая партия, Народная партия, Новая народная партия (*Синминдан* — образована 26 февраля 1946 г. умеренными левыми националистами, в том числе известным историком Пэк Намун и лингвистом Ким Дубоном), Национально-революционная партия (*Минджок хёнмёндан*), Национальный совет профсоюзов (*Нодон чохап чонгук ихён-ыйхве*), Всеобщее объединение крестьянских профсоюзов Кореи (*Чонгук нонмин чохап чхон ёнмэн*), Молодежный союз (*Чхоннён тонмэн*), Всеобщая лига женщин (*Пунё чхон тонмэн*). Сопредседателями ДНФ стали Ё Унхён, Пак Хонён, Хо Хон, Ким Вонбон и Пэк Намун.

На первых порах ДНФ прилагал усилия к тому, чтобы обеспечить себе поддержку не только левых сил, но и самых различных слоев общества. В него вошли вышедшие из Временного правительства Ким Сонсук, Сон Джусик, Чан Гонсан, представитель умеренных националистов лингвист Ли Гынно (1893–1978), деятель Чхондогё О Джиён (?–1950). Но вскоре ДНФ превратился в объединение сугубо левой ориентации во главе с Компартией.

К началу работы Совместной американо-советской комиссии 20 марта 1946 г., в стране существовали два противостоявшие друг другу «фронта»: Демократический парламент (*Минджу ыйвон*) правой ориентации, и Демократический фронт (*Минджон*) — левой. Раздор между ними был таков, что в 1948 году они по отдельности отмечали годовщину Первомартовского движения.

Антагонизм между левыми и правыми и между левыми и американской военной администрацией ещё больше усугубился после провала первой Совместной американо-советской комиссии, безуспешно закончившей свои заседания 6 мая 1946 г., и разразившегося 15 мая того же года скандала, который был связан, как уже упоминалось, с якобы обнаруженными в издававшем коммунистическую прессу издательстве «Чонпхан» поддельными банкнотами. По мнению левых, инцидент был сфабрикован, чтобы запятнать Компартию.

Примерно в то же время, в марте 1946 г., на территории к северу от 38-й параллели вся принадлежавшая японцам земля, а также все находившиеся в личной собственности земельные участки более 5 *чонбо*⁴⁵, в том числе и арендованные, были отобраны и перераспределены без

⁴⁵ Мера площади, использовавшаяся в колониальной и постколониальной Корее. Равна 9917 кв. метрам.

компенсации (5 марта), и была обнародована «Программа из 20 пунктов» о борьбе с реакционными элементами (23 марта). Что касается юга, то сообщения иностранных информационных агентств о том, что среди правых сил здесь ведутся разговоры о создании отдельного правительства, получили подтверждение 3 июня 1946 г., когда в своей «речи в Чоныпе» Ли Сынман прямо заявил о необходимости создать отдельное правительство.

В этих обстоятельствах Ким Гюсик и Ё Унхён вновь начали предпринимать попытки создания альянса левых и правых сил. 14 июня состоялась встреча Кима и Ё с генеральным секретарем (*чхонму*) Демократической партии Вон Сехуном и председателем (*ыйджандан*) левого Демократического фронта Хо Хоном. Вслед за этим был учрежден Комитет за сотрудничество левых и правых сил, куда вошли Ким Гюсик, Вон Сехун, Ан Джэхон, Чхве Доно, Ким Бонджун (1888-?) от правых и представители левых Ё Унхён, Сон Джусик, Чон Носик, Ли Гангук.

Рис. 35. Члены Комитета за сотрудничество левых и правых сил.

Комитет собрался на свою первую встречу во дворце Токсугун 25 июля 1946 г. Два дня спустя левые выдвинули программу, в которой призывали поддержать решения Московского совещания, учредить временное правительство путем возобновления работы Совместной американо-советской комиссии, осуществить земельную реформу без компенсации и национализацию основных промышленных предприятий, вычистить коллаборационистов, передать политическую власть на юге народным комитетам. Правые, в свою очередь, выдвинули свои «восемь принципов союза левых и правых сил», предложив в том числе: отложить вопрос об опеке до времени, когда будет создано временное правительство; после учреждения этого правительства созвать Съезд народных представителей (*Кунмин тэпхё хвёый*), которое создаст систему и законодательство, способствующие построению общества равных возможностей в политической, экономической областях и образо-

вании; судить японских приспешников и национальных предателей специальным судом, который будет создан после образования временного правительства.

Главные разногласия между программами, выдвинутыми левыми и правыми, касались опеки, земли и основных промышленных предприятий и отношения к японским приспешникам. Это были очень серьезные препятствия на пути к реализации идеи о сотрудничестве левых и правых, и переговоры в Токсугуне провалились вскоре после первой встречи, на которой стороны практически не продвинулись дальше констатации наличия разногласий.

В то время как движение за союз правых и левых сил пошло на спад, 5 сентября 1946 г. произошло слияние Компартии, Народной партии и Новой народной партии; американская военная администрация приказала арестовать лидеров коммунистов, и в октябре народное движение сопротивления поднялось в Тэгу и других районах провинции Северная Кёнсан. Несмотря на усиление раскола между левыми и правыми, постоянно предпринимались шаги для примирения сторон. 7 октября 1946 г. Комитет за союз левых и правых сил обнародовал «Семь принципов союза левых и правых», которые являлись компромиссом между вышеупомянутыми «пятью принципами» левых и «восемью принципами» правых. «Семь принципов» предполагали решение вопроса об опеке после учреждения «демократического временного правительства, основанного на союзе левых и правых сил Юга и Севера, согласно решениям Московского совещания» и национализацию основных промышленных предприятий. При этом были сделаны некоторые уступки помещикам, поскольку предлагалось провести земельную реформу через «покупку по сниженным ценам», с передачей земли крестьянам бесплатно. В «Семи принципах» содержался призыв наказать коллаборационистов через принятие соответствующего законодательства.

Придерживавшаяся правой ориентации и возглавляемая Ким Гу Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*) одобрила эти семь принципов. Ли Сынман оценил их как неудовлетворительные, потому что «в них имеются условия, идущие против политики демократии». Он подчеркнул, что нужно дождаться создания временного правительства, чтобы обсудить вопросы об опеке и земле и решить их в соответствии с пожеланиями народа». Демократическая партия Кореи (ДПК — *Хангук минджудан*) фактически игнорировала предложения сторонников движения за союз левых и правых сил и выступала за земельную реформу через покупку земли у помещиков и продажу ее крестьянам. Это привело к тому, что 270 ее наиболее прогрессивных членов, в том числе Вон Сехун, Ким Бённо и Ким Яксу, ушли из ДПК.

Представитель коммунистов Пак Хонён также высказался против «Семи принципов», подчеркнув, что «в такое критическое время вопросы о реакции или прогрессе, независимости или подчинении нам не по-

звolyют выработать умеренную линию». Он пояснил свою точку зрения, указав, что в «семи принципах» не выражена полная поддержка решений Московского совещания, что компенсации за землю помещикам и продажа ее крестьянам означают принесение в жертву интересов народа, что отсутствует положение о передаче власти народным комитетами и что решения законодательных органов попадают под вето американской военной администрации.

Хотя движение за союз левых и правых сил притормаживалось из-за его неспособности добиться согласия от центральных фигур обоих течений по вопросам об опеке, земельной реформе и наказании японских приспешников, оно приобретало все более широкую народную поддержку. Комитет существенно увеличил число своих членов, начав принимать в свои ряды людей из религиозных и академических кругов, молодежных и женских групп, а также людей из различных политических и социальных организаций. 3 июля 1947 г. более 100 видных общественных и политических деятелей, в том числе Ким Гюсик, Ё Унхён, Хон Мёнхи, Ан Джэхон, Вон Сехун, О Хаён (1880–1959), Чхве Доно, Ким Бонджун, Юн Гисоп (1881–?), сформировали Совет по мерам по урегулированию ситуации (*Сигук тэчхэк хёбыйхве*), который стал оказывать активную поддержку объединительному движению. Поддерживали его и многие политические партии и группы, среди которых были Союз за национальную самостоятельность (*Минджок чаджу ёнмэн*), председателем которого был Ким Гюсик и в который также входили Ан Джэхон и Хон Мёнхи; Народный союз (*Минджун тонмэн*), где также председательствовал Ким Гюсик и куда входили Ким Яксу и известный экономист Ли Сунтхак (1897–?); Новая прогрессивная партия (*Синджундан*), образовавшаяся в результате слияния Национальной партии новой Кореи (*Синхан минджоктан*), Демократической партии новой Кореи (*Синхан минджудан*), Революционной партии Кореи (*Чосон хёнмёндан*), Ассоциации корейцев, проживающих в Америке (*Чэми ханджок ёнханхве*) и партии Чхонудан («Партия молодых друзей»); Социал-демократическая партия во главе с Ё Унхоном (1891–1973); религиозная партия «Чхондогё на службе страны» (*Чхондогё погуктан*) во главе с Син Суком; Партия трудящихся масс (*Кылло тэджундан*) во главе с Кан Суном (1898–?); Корейская республиканская партия (*Чосон конхвадан*, секретарь Ким Яксу); Партия народных масс Кореи (*Чосон тэджундан*, председатель Ли Дусан), Партия граждан новой Кореи (*Синхан кунминдан*, председатель Пак Ёнхи, 1884–1959), Партия демократического объединения (*Минджу тхонильдан*, представитель Хон Мёнхи) и др.

Движение за союз левых и правых сил с самого начала получило политическую и финансовую поддержку от американской военной администрации. США, все ещё надеясь, что корейская проблема каким-то образом разрешится на основании решений Московского совещания, не могли активно поддержать крайне правые силы во главе с Ким Гу и Ли

Сынманом, выступавшие против опеки. Проблема состояла не только в том, что движение против опеки шло вразрез с московскими договоренностями, но и в том, что если бы США открыто поддерживали план Ли Сынмана о создании сепаратного правительства, могла возникнуть опасность объединения «умеренных» с левыми в мощное движение против этого плана. Американцы считали, если они поддержат создание правительства умеренными силами, то можно будет предотвратить «коммунизацию» Корейского полуострова. С целью усилить позиции умеренных сил и расширить свою социальную опору, 12 декабря 1946 г. американская военная администрация учредила, несмотря на протест левых, Южнокорейский законодательный совет переходного периода (*Нам Чосон квадо иппон ыйвон*) во главе с Ким Гюсиком, а 5 февраля 1947 г. — Временное правительство Южной Кореи во главе с Ан Джэхоном. В Законодательный совет вошли 45 представителей, избранных через не прямые многоступенчатые выборы, и еще 45 были назначены американцами. Среди избранных группа Ли Сынмана и сторонники Демократической партии (*Ханминдан*) составили большинство, хотя было немало толков о подтасовках в подсчете голосов. Среди назначенных членов Законодательного совета преобладали умеренные, в первую очередь, сторонники Комитета за сотрудничество левых и правых сил.

В начале 1947 г. Ли Сынман посетил США, где он лоббировал учреждение сепаратного правительства в южной Корее. Скоро после того, как намеки американского Госдепартамента о планах создания сепаратного правительства привели к провалу Совместной американско-советской комиссии, 19 июля 1947 г. членом ультранационалистической организации был убит в своей машине возвращавшийся домой Ё Унхён — лидер левого крыла движения за сотрудничество левых и правых сил. Тогда США отказались от московских договоренностей и вынесли корейскую проблему на обсуждение в ООН, где у них было абсолютное большинство. Это означало полное поражение движения за союз левых и правых сил и переход к реализации плана по установлению сепаратного правительства на юге.

Некоторые считают, что движение за союз левых и правых сил возникло как часть американского плана, направленного на отделение левых от демократического национального движения. Однако, оценивая деятельность Ким Гюсика и Ё Унхёна, возглавлявших Национально-революционную партию Кореи (*Чосон минджок хёнмёндан*) и Корейский союз за строительство государства (*Конгук тонмэн*) и игравших ключевые роли в развитии движения за единый фронт в национально-освободительном движении в колониальный период, можно сказать, что движение за союз левых и правых сил было продолжением существовавшего до освобождения движения за создание национального государства и что оно имело сравнительно широкую поддержку среди умеренных политических сил.

Хотя существуют расхождения в цифрах, согласно данным, которые были переданы Совместной американско-советской комиссии, число членов умеренных политических партий было близко к количеству членов, заявленных левыми и правыми партиями, а проведенный американской военной администрацией опрос общественного мнения показал, что только 17% населения поддерживали капитализм и 13% — коммунизм, в то время как 70% поддерживали социализм⁴⁶. Это говорит о том, что в «пространстве освобождения» (период между освобождением в августе 1945 г. и созданием отдельных правительств в 1948 г.) движение за союз левых и правых сил имело довольно-таки широкую поддержку как движение, ставившее целью создание единого, социально ориентированного национального государства. Однако оно прекратилось в результате раздела Кореи по 38-й параллели иностранными силами и поведения поддерживавших их, настроенных на раскол внутренних сил.

Встречи представителей политических сил Севера и Юга в апреле 1948 г.

Когда США поменяли свою корейскую политику, отказавшись от плана создания единого государства во главе с центристами и перейдя к поддержке плана Ли Сынмана и Демократической партии об учреждении сепаратного правительства, и передали корейскую проблему в ООН, где их влияние было доминирующим, перспектива создания отдельного правительства стала очень реальной, что вызвало рост движения противников сепаратного правительства. После убийства Ё Унхёна, возглавлявший с ним вместе движение за объединение левых и правых сил Ким Гюсик объединил представлявшие «умеренных» Народный союз (*Минджун тонмэн*), Новую прогрессивную партию (*Синджиндан*) и Социал-демократическую партию (*Сахве минджудан*), исключил крайне-левых и крайне-правых и 20 декабря 1947 г. сформировал Союз за демократию и самостоятельность (*Минджу чаджу ёнмэн*), который провозгласил курс на национальную самостоятельность, т.е. создание единого национального государства на территории всего Корейского полуострова.

Ким Гу, который выступал в союзе с Ли Сынманом и Демократической партией против опеки, немедленно отошел от них, когда они повернули в сторону создания в южной Корее отдельного правительства, и объединил усилия с Ким Гюсиком. Вместе они послали на север письмо, адресованное Ким Ир Сёну и Ким Дубону, предложив организовать встречу ключевых фигур севера и юга. 6 февраля 1948 г. Ким Гу представил проект встречи деятелей Севера и Юга комитету ООН по

⁴⁶ Видимо, речь шла об умеренном социализме социал-демократического плана.

Корее (*Юен Чосон вивондан*), 10 февраля выступил с заявлением, которое назвал «Воззвание к 30 миллионам соотечественников» (имелись в виду корейцы, проживавшие как на Севере и Юге Кореи, так и за рубежом) и в котором выразил свой протест против создания сепаратного правительства, а 8 марта ещё раз предложил провести переговоры между Севером и Югом.

25 марта 1948 г. Ким Ир Сен и Ким Дубон послали ответное письмо Ким Гюсику и Ким Гу, где также предлагали провести встречу Севера и Юга, чтобы обменяться мнениями о политической ситуации в Корее, выработать меры против резолюции ООН о проведении выборов, ведущих к созданию сепаратного правительства на юге, и рассмотреть возможные способы учреждения в Корее единого демократического государства. 30 марта Трудовая партия Северной Кореи и восемь других политических партий и организаций Севера направили на Юг письмо с предложением провести встречу представителей всех политических партий и общественных организаций Кореи в Пхеньяне.

Однако у приглашенных, среди которых были Ким Гу, Ким Гюсик, Чо Соан и Хон Мёнхи, тут же возникли проблемы. В преддверии сепаратных выборов на Юге против их поездки на Север выступила американская военная администрация, а также правые молодежные, студенческие и религиозные организации и объединения беженцев с Севера. С другой стороны, немало умеренных политических партий и легальных организаций поддерживали идею организации Совместной встречи, как об этом свидетельствовало, например, «Заявление о поддержке встречи Севера и Юга» от 4 апреля 1948 г., подписанное ста восемью деятелями культуры.

Перед отъездом на север Ким Гу и Ким Гюсик опубликовали «пять принципов переговоров», которые предполагали: отказ от диктаторской политики и строительство демократического государства; отказ от монопольного капитализма и признание частной собственности на имущество; создание единого правительства путем проведения всеобщих выборов по всей стране; протест против предоставления военных баз иностранным государствам. Ко времени их прибытия в Пхеньяне уже началась Всекорейская совместная встреча представителей политических и общественных организаций (*Чон Чосон чондан сахве танхве тэпхёджа ёнсок хвёый*, 19–26 апреля). Она завершилась принятием воззвания ко всем корейцам, где содержалось требование немедленного вывода и американских, и советских войск и протест против учреждения сепаратного правительства. После этого, 27–30 апреля, состоялось Совещание лидеров политических партий и общественных организаций Севера и Юга, в которой приняли участие 11 делегатов с юга (Ким Гу, Ким Гюсик, Пак Хонён, Пэк Намун и др.) и 4 представителя Севера (Ким Ир Сен, Ким Дубон, Чхве Ёнгон и Чу Ёнха). Они согласились по четырем пунктам: немедленный вывод иностранных войск;

предотвращение гражданской войны после их вывода; созыв Всекорейской политической ассамблеи (*Чон Чосон чончхи хвевый*) для проведения всеобщих выборов и создания правительства; оппозиция созданию сепаратного правительства на юге. Помимо этого состоялась отдельная встреча четырех лидеров: Ким Гу, Ким Гюсика, Ким Ир Сена и Ким Дубона, — на которой было получено согласие Севера, имевшего в своем распоряжении большинство построенных в колониальный период электростанций, продолжать снабжение Юга электроэнергией и разрешить выезд на Юг известному протестантскому националисту Чо Ман-сику (1883–1950)⁴⁷, а также решено открыть ирригационный кооператив Ёнбэк на территории по обе стороны 38-й параллели.

Поскольку вывод иностранных войск был необходимым предварительным условием для выполнения других пунктов, согласованных на Совещании лидеров, Ким Дубон был направлен к советским военным, а Ё Унхон — к американским, чтобы ознакомить их с решениями этой встречи и попросить вывести войска. Командующий 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Г.П.Коротков сказал, что «СССР готов вывести свои войска немедленно, если и американские войска будут выведены в то же время». А командующий американских войск Хадж ответил так: «В резолюции ООН указано, что войска обеих сторон надлежит вывести как можно быстрее после того, как будут проведены всеобщие выборы по всей Корее и создано корейское национальное правительство», то есть он следовал плану отвода войск только после появления правительства. В результате достигнутые на Совещании лидеров Севера и Юга соглашения остались нереализованными.

По возвращении в Сеул Ким Гу и Ким Гюсик сделали совместное заявление, в котором изложили ход переговоров лидеров Севера и Юга в Пхеньяне и суть достигнутых там договоренностей и отвергли намеченные на 10 мая выборы с целью создания сепаратного правительства на юге Кореи. Затем Север предложил провести вторую всекорейскую встречу в северокорейском городе Хэджу. Поскольку на севере тоже имелись планы проведения аналогичных выборов, там надеялись получить положительный отклик от Ким Гу и Ким Гюсика и потому просили их приехать в Хэджу. Оба Кима отказались принять приглашение, объяснив это тем, что если даже план создания отдельного государства на Севере был ответом на такой же план Юга, это было движение к разделу страны.

29 июня 1948 г. в Пхеньяне, без участия «двух Кимов», состоялось Второе совещание лидеров политических и общественных орга-

⁴⁷ Он был посажен под домашний арест советскими военными властями за жесткую оппозиционную линию против решения Московского совещания об «опеке».

низаций Севера и Юга, которое заклеило парламент южной Кореи как «незаконную организацию» и приняло решение учредить центральное правительство «Корейской Народной Демократической Республики». 19 июля «два Кима» выступили с Заявлением, в котором фактически предсказали неизбежность войны на Корейском полуострове: «Север в одностороннем порядке принял конституцию, провозгласил создание народной республики и даже утвердил свой собственный флаг. Несмотря на различия во времени, месте и методах, каждый: и Север, и Юг, — стремится создать государство в своей половине страны. С этого момента и дальше Север и Юг будут соревноваться на наших разделенных землях и поведут нас к национальному братоубийству».

После того как «два Кима» отказались принять участие во втором Совещании лидеров политических и общественных организаций Севера и Юга, выходцы из различных городов и уездов южной Кореи собрались 21 августа в Хэджу на Съезд народных представителей Южной Кореи, на котором избрали 360 делегатов от всех политических партий и организаций, участвовавших в первой Всекорейской совместной встрече представителей политических и общественных организаций: 132 делегата от Трудовой партии Южной Кореи, 68 — от Народно-республиканской партии Кореи (*Чосон инмин конхвадан*), 31 — от Новой прогрессивной партии (*Синджиндан*), 43 — от Социал-демократической партии (*Сахве минджудан*), 35 — от Демократической партии корейской независимости (*Минджу хандоктан*), 62 — от Партии трудового народа (*Кымминдан*), 66 — от Национального совета профсоюзов и 53 — от Демократической партии независимости (*Минджу тонниитан*). Консультации Севера и Юга с участием «двух Кимов» не пошли дальше первой встречи лидеров. Вторая же встреча лидеров двух частей страны и ставший ее результатом Съезд народных представителей Южной Кореи в Хэджу были проведены с целью поддержки создания Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) на севере.

Даже после того, как выборы на юге состоялись, «два Кима» продолжили движение за единство нации. 21 июля 1948 г. они создали «Общество за содействие скорейшему достижению единства и независимости» (*Тхониль тоннип чхокчинхве*), объединив Партию корейской независимости (*Хандоктан*), «Национальный союз за самостоятельность» (*Минджок чаджу ёнмэн*) и другие силы, выступавшие против создания сепаратных правительств. Целью этого Общества было «собрать вместе всех, кто выступает за единство и независимость», чтобы «разрешать национальные проблемы автономно». Оно потребовало от ООН распустить сепаратные правительства на Севере и Юге и учредить единое правительство путем всеобщих выборов. Но и эта деятельность не принесла результата. В конце концов 26 июня 1949 г. Ким Гу был

убит младшим лейтенантом южнокорейской армии, артиллеристом Ан Духи⁴⁸. 25 июня 1950 г. вспыхнула Корейская война.

Когда опасность национального раскола в результате манипуляций определенных внутренних сил и иностранных держав стала очевидной, политические силы, которые возглавляли движение за единый фронт в колониальный период, вновь выдвинулись вперед, чтобы организовать движение за создание единого национального государства. Примерами служат попытки добиться согласия между Народной Республикой и Временным правительством, между левыми и правыми, а также Совместные встречи севера и юга. Состоявшаяся 19–26 апреля 1948 г. Всекорейская совместная встреча представителей политических и общественных организаций особенно примечательна — она состоялась независимо от иностранных войск и администраторов, действовавших на территории Корейского полуострова, и носила мирный, конструктивный характер. В ней приняли участие все силы национально-освободительного движения, кроме стоявших за сепаратное государство Ли Сынмана и *Ханминдан*, и все политические силы, стремившиеся к созданию единого национального государства. Однако эти силы потерпели поражение, на севере и юге были созданы сепаратные правительства, а вскоре разразилась братоубийственная война.

Использованная литература

- Сон Намхон*. Хэбан самсимёнса (История 30 лет после освобождения). Т. 1. Сеул: Институт корейской истории (Хангукса ёнгусо), 1976.
- Ли Донхва*. 8.15-рыль чонхухан Ё Унхён-ый чончхи хвальтон (Политическая деятельность Ё Унхёна до и после Освобождения). — Хэбан чонхуса-ый ин-сик (Взгляд на историю до и после Освобождения), Т.1. Сеул: Хангильса, 1979.
- Сон Гонхо*. 8.15 ху-ый Хангук минджокчуй (Корейский национализм после освобождения). — Хангук минджокчуйрон (О корейском национализме). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1982.
- Ким Джонгвон*. Хэбан иху Хангук-ый чончхи кваджон (Политические процессы в Корее после Освобождения). — Хангук хёндэса-ый чэджомён (Переосмысление новейшей истории Кореи). Сеул: Тольбегэ, 1982.
- Кан Мангиль*. Чва — у хапчак ундон-ый кёнви-ва кы сонкёк (Развитие движения за сотрудничество левых и правых сил и его особенности). — Хангук мин-

⁴⁸ Ан Духи получил пожизненный срок, но был освобожден уже через год в связи с началом Корейской войны и вернулся на военную службу. Несмотря на отсутствие прямых доказательств, версия, что убийство было «заказано» Ли Сынманом, пользуется в Южной Корее популярностью до сих пор. Ан Духи убит в 1996 г. националистический активист Пак Кисо, желавший таким образом отомстить за гибель Ким Гу.

джокчуыйрон (О корейском национализме). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1983.

Кан Мангиль. Ким Гу-ва Ким Гюсик-ый Нам — Пук хёпсан (Ким Гу, Ким Гюсик и переговоры между Югом и Севером). — Хёндэса-рыль оттокхе поль косинга? (Как должно оценивать современную историю?). Сеул: Тонъя ильбоса, 1987.

Ли Ванбом. Хэбан чикху минджок тхониль ундон-е кванхан ёнгу (Изучение движения за объединение нации в период сразу после Освобождения) — Вону нонджип (Сборник статей, составленный Академией корееведения) 15–1, 1987.

Хэбан чонгук-ква минджок тхониль чонсон (Политические обстоятельства освобождения и национальный единый фронт) / Общество по изучению новейшей истории Гуманитарного института Сеульского университета. Сеул: Сеге, 1987.

Со Джунсок. Хангук хёндэ минджок ундонса ёнгу (Исследования современного национального движения в Корее). Сеул: Ёкса пипхёнса, 1991.

Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 1 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1992.

Глава 3

«ДВИЖЕНИЕ 19 АПРЕЛЯ» ЗА ДЕМОКРАТИЮ И ОБЪЕДИНЕНИЕ (1960–1961 гг.)

«Движение 19 апреля» — за демократизацию

После провалов КПСГ, движения за сотрудничество левых и правых сил и переговоров Севера и Юга в апреле — августе 1948 г., под лозунгами «антияпонской патриотической борьбы» и антикоммунизма к власти пришел диктаторский режим Ли Сынмана. Ли заявлял о своем «антияпонизме», чтобы подтвердить свою легитимность как преемника национально-освободительного движения колониального периода, но он был у него весьма поверхностным.

Если национально-освободительное движение колониального периода условно поделить на два течения: сторонников «достижения независимости военными методами» и сторонников «достижения независимости дипломатическим путем» (с помощью «великих держав», прежде всего США), то Ли Сынман и его сторонники попали бы в число последних. Если то же движение разделить на сторонников «абсолютной независимости» (*чольтэ тоннип рон*) и «относительной независимости» (*сандэ тоннип рон*), то приведшую режим Ли к власти (и впоследствии вставшую в оппозицию к нему) Демократическую партию Кореи следует отнести ко вторым. Первое созданное в Корее после освобождения правительство исключило национальные силы, отстаивав-

шие идеи «войны за независимость» и «абсолютной независимости». Его ядро составили сторонники «достижения независимости дипломатическим путем» и «относительной независимости».

Хотя на словах правительство Ли Сынмана было «антияпонским», на деле весьма значительную его часть составляли те, кто сотрудничал с японцами в колониальный период. Американская военная администрация в Корее привлекла к работе почти всех чиновников японского генерал-губернаторства из числа корейцев, а Ли Сынман, в свою очередь, устроил в свою администрацию подавляющее большинство тех, кто состоял на службе в американской военной администрации. В результате большинство корейских чиновников японского генерал-губернаторства, включая полицейских, продолжали служить при Ли. Об этой стороне лисынмановского режима свидетельствует незаконный роспуск им Специального комитета по расследованию антинациональной деятельности (*Панмин тхыгви*) в июне 1949 г.

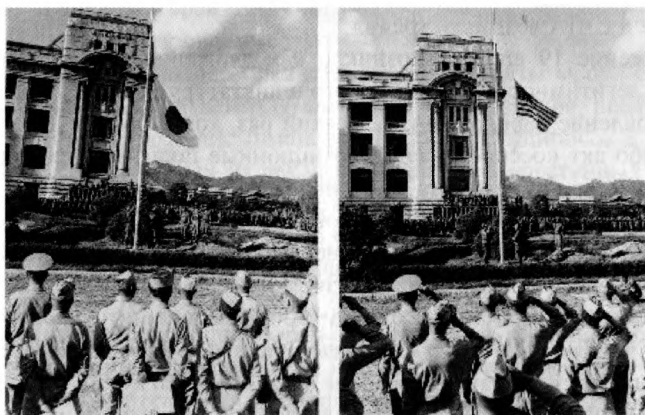

Рис. 36. Американские военные спускают японский флаг и водружают американский на флагштоке генерал-губернаторства в Сеуле. Считая себя правопреемниками японских колониальных властей и третируя радикальных националистов (Ким Гу) или коммунистов (Пак Хонён) как «террористов» и «экстремистов», американцы фактически оставили всю корейскую бюрократическую и деловую элиту колониального времени на местах. Выразителем интересов этого слоя и был Ли Сынман.

Вопросы о наказании японских пособников и способах проведения земельной реформы были постоянной причиной раздоров в КПСГ и в движении за сотрудничество левых и правых сил. Выдвинув «антияпонизм» как один из лозунгов своей политики и приняв закон «О наказании за антинациональную деятельность» (*Панминджок хэнви чхоболь поп*), режим Ли Сынмана стремился доказать свою историческую легитимность. Однако, как только дело дошло до ареста высокопоставленных полицейских чинов по этому закону, Ли неожиданно приказал по-

лиции окружить здание, где заседал Специальный комитет, и насильственно его распустил 6 июня 1949 г. Это означало конец каких бы не было серьезных попыток наказать коллаборационистов.

С этого времени «антияпонизм» режима Ли Сынмана превратился в не более чем дипломатическую стратегию в отношении Японии, тогда как бывшие японские пособники спокойно отсиживались на важных должностях в политических, культурных и образовательных учреждениях. Поскольку режим Ли отказался их наказать, он утратил историческую легитимность, и моральным оправданием его существования остался только антикоммунизм и провозглашение себя сторонниками установления в южной Корее либерально-демократической системы. США, чтобы сохранить свою систему безопасности на северо-востоке Азии: треугольник США — Япония — Южная Корея, — настаивали, чтобы режим Ли восстановил дипломатические отношения с Японией, но эти переговоры застопорились, когда дело дошло до вопросов о компенсации и экономической помощи. Из-за этого между режимом Ли Сынмана и США возникли трения.

«Движение 19 апреля» возникло как движение масс против утратившего легитимность и переросшего в диктатуру режима Ли Сынмана, за установление народовластия. Всякий раз, когда режим Ли совершал какой-либо акт «беспредела», оппозиционные политики проводили ограниченные акции протеста выразившиеся, например, в создании Общества защиты Конституции, в основании 18 сентября 1955 г. Демократической Партии (на базе ранее существовавшей Демократической партии Кореи и с участием ряда других консервативных оппозиционных политиков), учреждении Ассоциации борьбы в защиту народовластия (*Кунмин чуквон онхо тхуджэп хвевый*) или формирования Всеобщего союза граждан в защиту прав народа (*Минквон сухо кунмин чхон ёнмэн*). Но оппозиция никогда не преступала предел, за которым могло последовать свержение режима Ли Сынмана.

Подтасовки Либеральной партии на выборах достигли апогея во время четвертых президентских и, особенно, вице-президентских, выборов 15 марта 1960 г, когда правящая клика сделала все, чтобы обеспечить победу кандидата в вице-президенты от этой партии Ли Гибуна. В день выборов в Масане прошла массовая демонстрация в знак протеста против нарушений при голосовании. Демонстранты атаковали полицейский участок, и в результате 80 горожан были убиты или получили ранения. Студенческие демонстрации против фальсификации выборов прошли от Сеула до Пусана, а в Масане вновь поднялась массовая демонстрация в связи с обнаружением у пристани выброшенного волнами тела одного из убитых школьников-демонстрантов — Ким Джуёля (1943–1960). Он погиб от попадания прямо в глаз гранаты со слезоточивым газом, после чего полиция привязала к его телу камень и выбросила в море, чтобы скрыть следы преступления.

Рис. 37. В дни Апрельской революции 1960 г. Взобравшись на танки, введенные Ли Сынманом в Сеул для подавления народного восстания, горожане празднуют победу над диктаторским режимом.

Ли Сынман, следуя своей обычной практике, опять заявил, что за волнениями в Масане стоят коммунисты. Тем не менее, студенты университета Корё в Сеуле вышли 18 апреля 1960 г. на демонстрацию. Она стала искрой, зажегшей 19 апреля пламя восстания, в котором приняли участие более чем 20 тысяч студентов и простых граждан. Они осудили сфальсифицированные выборы и подожгли редакцию правительственной газеты «Соул синмун», Антикоммунистический центр (*Пангон хвегван* — здание, реально служившее штабом верных лисынмановской клике группировок и дружин, в том числе составленных из деклассированных и преступных элементов) и полицейский участок. В ответ полиция открыла огонь, убив 186 человек, в том числе 66 рабочих, 36 студентов высших учебных заведений, 22 студента колледжей, 19 школьников начальных и средних классов, 10 служащих и 5 других.

Потрясенный таким поворотом событий, Ли Сынман попытался удержать ситуацию под контролем и восстановить власть. Он объявил военное положение (*кеомнён*), перетасовал кабинет министров, заставил Ли Гибуна уйти в отставку с поста вице-президента и сам покинул пост лидера Либеральной партии. Тем не менее демонстрация группы университетских профессоров 26 апреля и последовавшие вслед за ней народные выступления заставили в конце концов Ли Сынмана уйти с поста президента. Это произошло 27 апреля 1960 г., после 12 лет пребывания его у власти.

После отставки Ли Сынмана власть перешла к министру иностранных дел Хо Джону (1896–1989). Переходное правительство Хо приняло поправку к конституции, устанавливающую в стране парламентскую систему правления, и провело всеобщие выборы, результате которых 23 августа был сформирован кабинет Демократической партии во главе с Чан Мёном.

Непосредственной причиной взрыва народного возмущения 19 апреля были бесстыдные манипуляции Либеральной партии на президентских и вице-президентских выборах в марте 1960 г. Но это был не

просто протест против фальсифицированных выборов, но демократическое движение за установление народовластия. Движение за народовластие возникло в Корее еще в 1890-е — 1900-е гг.; в колониальный период оно пошло на спад, а затем и вовсе прекратилось, поскольку японские власти ни в коем случае не могли его допустить. Сразу после освобождения 15 августа 1945 г. оно возродилось с новой силой: корейский народ выступил на арену политической жизни страны с требованиями демократизации в политической, экономической, общественной и культурной областях. В процессе установления режима Ли Сынмана и в годы Корейской войны движение было вновь подавлено, но со второй половины 1950-х годов опять усилилось. С требованием демократизации выступила интеллигенция, в первую очередь, — молодежь и студенты. В связи с сокращением американской экономической помощи, которое привело к застою промышленности, и ростом безработицы оживилось и движение рабочих и крестьян, которое ранее подавлялось диктатурой и сковывалось антикоммунистической системой (*пангон чхедже*). Дополнительным фактором, ускорившим крушение диктаторского режима Ли Сынмана, стало сокращение поддержки, оказываемой ему со стороны США.

«Движение 19 апреля» — за национальное воссоединение

С момента своего установления режим Ли Сынмана неизменно отвергал предложения Севера сесть за стол переговоров, утверждая, что воссоединение возможно только после роспуска правительства Ким Ир Сена и свободных выборов на Севере под эгидой ООН. Но затем точка зрения Ли изменилась, и незадолго до начала Корейской войны он перешел к политике «воссоединения путем вторжения на Север» (*пукчин тхониль рон*). После войны режим Ли отверг план проведения всеобщих выборов и на Севере, и на Юге под эгидой ООН, предложенный участниками Женевских переговоров (26 апреля 1954 г.) австралийским министром иностранных дел Ричардом Кэйси, считая, что «на Севере надо провести выборы под эгидой ООН, а на Юге выборы будут проходить согласно конституции Республики Кореи». Но после провала Женевских переговоров Ли Сынман опять вернулся к своему первоначальному плану: выборы под эгидой ООН только на Севере. Когда Прогрессивная партия Чо Бонама предложила свой план мирного воссоединения через всеобщие выборы и на Севере, и на Юге, режим Ли объявил ее вне закона на том основании, что ее предложение противоречит государственной идеологии и казнил Чо Бонама как «шпиона».

После того, как Апрельская революция скинула режим Ли Сынмана, содержание дискуссий о путях воссоединения начало меняться, поскольку реформаторские политические силы социал-демократической

направленности получили простор для деятельности. После Апрельской революции прогрессивные силы раскололись на Социалистическую народную партию (*Сахве тэджундан*) и Всеобщий союз в поддержку реформ (*Хёксин тонджхи чхон ёнмэн*), а после их провала на всеобщих выборах 29 июля 1960 г. ещё раз разделились на Социалистическую народную партию, состоявшую из сторонников бывшей Прогрессивной партии, Социалистическую партию (*Сахведан*) и Партию реформ (*Хёксиндан*), куда вошли сторонники бывшей Партии трудового народа (*Кылло инминдан*, *Кынминдан*), и Единую социалистическую партию (*Тхониль сахведан*) — из членов бывшей Партии демократических реформ (*Минджу хёксиндан*). Все эти разные группы занимали примерно одинаковую позицию по вопросу о воссоединении. Суть их позиции можно свести к трем главным положениям: самостоятельное национальное воссоединение без вмешательства ООН или великих держав; мирное воссоединение через прямые переговоры между Севером и Югом; нейтрализация Корейского полуострова.

После катастрофического поражения на выборах 29 июля прогрессивные силы начали искать пути к объединению. В результате 30 августа 1960 г. была создана Центральная ассоциация за самостоятельное объединение нации (*Минджок чаджу тхониль чунан хёбыхве*, *Минджатхон*) во главе с Ким Чхансуком (1879–1962) из Общества конфуцианского пути (*Юдохве*). Кроме Партии реформ, в нее вошли некоторые члены *Минджок конъянхве*⁴⁹, религиозной организации *Чхондогё*, *Юдохве*, профсоюза учителей, а также Ассоциация преподавателей университетов (*Кёсу хёнхве*). *Минджатхон* выдвинула предложения, направленные на реальное вовлечение граждан в движение за национальное воссоединение: немедленные переговоры между Севером и Югом о путях воссоединения; создание Верховного комитета по строительству единого национального государства (*Минджок тхониль конгук чхвего вивонхве*), отказ от вмешательства внешних сил.

Предложенный *Минджатхон* конкретный план воссоединения состоял из трех этапов. Первый — взаимные поездки членов гражданских организаций, открытие почтовой связи, экономический и культурный обмен. Второй — подготовительная работа двух правительств по составлению плана будущего экономического развития с учетом воссоединения и осуществление различных предварительных проектов. Тре-

⁴⁹ «Общество расцвета нации» — политическая ассоциация левонационалистического толка, основанная в 1946 г. известным «прогрессивным националистом» Ли Джоннилем (1905–1989), одним из лидеров корейского студенческого движения в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Выступала за создание на всей территории Корейского полуострова единого национального государства, нейтрального по отношению к СССР и США.

тий — установление демократической процедуры выборов, гарантирование основных гражданских свобод и свободных выборов. Ассоциация также выступала против заключенного режимом Чан Мёна 2 февраля 1961 г. экономического соглашения с США, Антикоммунистического закона, и закона, ограничивающего демонстрации.

В отличие от четких и конструктивных планов воссоединения, предлагаемых прогрессивными силами, объединительная политика правительства Чан Мёна была половинчатой и выглядела топтанием на месте. Оно сознавало, что не может дальше следовать лисынмановской политике «воссоединения путем вторжения на Север», но было неспособно предложить новый план воссоединения, отвечающий чаяниям народа. После мучительных метаний режим Чан Мёна представил в Генеральную Ассамблею ООН свой план «мирного, свободного и демократического воссоединения через всеобщие выборы под эгидой ООН и на Севере, и на Юге». Однако этот план подвергся критике некоторых консерваторов, которые считали, что «проводить всеобщие выборы и на Юге, и на Севере — значит ставить Республику Корея и Северную Корею на одну доску и, тем самым, отрицать легитимность Республики Кореи». Их поддержали СМИ, которые писали, что «представленный правительством Демократической партии в ООН план проведения всеобщих выборов на севере и юге под эгидой ООН будут бесконечно мусолить, но выйдет из этого не более чем попытка захватить пропагандистскую инициативу в условиях холодной войны между США и СССР».

Когда стал очевиден огромный разрыв между планами воссоединения прогрессивных сил и режима Чан Мёна, стали активизироваться дискуссии о путях воссоединения среди молодежи и студентов, возглавивших «Движение 19 апреля». Вскоре они приняли радикальный поворот. Национальное движение за воссоединение стало особенно активным в первой половине 1961 года, когда Ассоциация студентов Университета Корё призвала открыть почтовое сообщение, разрешить взаимные поездки по обмену и заключить соглашение о техническом сотрудничестве между Югом и Севером.

Союз национального объединения (*Минджок тхониль ёнмэн*) Сеульского национального университета предложил провести переговоры между студентами Юга и Севера по вопросам совместного проведения научных конференций, спортивных соревнований и обмена репортерами университетских газет. 5 мая 1961 года 50 представителей от 17 университетов собрались в Сеуле, чтобы учредить «Всекорейский союз студентов за национальное воссоединение» (*Минджок тхониль чонгук хаксэн ёнмэн*), и призвали в течении мая провести переговоры между студентами Севера и Юга в Пханмунджоме.

Несмотря на радикализацию студенческого движения за воссоединение, режим Чан Мёна упорно настаивал на своем предложении о прове-

дении всеобщих выборов под наблюдением ООН, отвергал нейтрализацию Корейского полуострова и заявлял, что для обменов между Севером и Югом еще не пришло время. Однако некоторые прогрессивные члены Новой демократической партии (*Синминдан*), которую создала группа, вышедшая из Демократической партии, выступила с предложением об обмене группами наблюдателей и письмами. *Минджатхон* и другие выступавшие за реформы силы поддержали идею о проведении переговоров студентов Юга и Севера и 13 мая 1961 г. провели массовую манифестацию протеста под лозунгом «За ускоренное достижение воссоединения». Однако произошедший 3 дня спустя, 16 мая 1961 г., военный переворот поставил всю деятельность в поддержку объединения вне закона.

Хотя Апрельская революция началась как демократическое движение против диктатуры Ли Сынмана, после прихода к власти Чан Мёна это движение быстро перешло в борьбу за национальное воссоединение. Подобно тому, как антияпонское и демократическое движения развивались вместе в колониальный период, также вместе развивались движения за воссоединение и демократию после Освобождения 1945 г. Движение за воссоединение этого времени было продолжением движения за национальный единый фронт колониального периода и движения за установление единого национального государства в период сразу после Освобождения.

Использованная литература

- Кан Мангиль и др.* Саволь хёнмён нон (Об Апрельской революции). Сеул: Хангильса, 1983.
- Хан Вансан и др.* 4.19 хёнмён нон (Об Апрельской революции). Сеул: Ирвольсогак, 1983.
- Ким Хакчун.* Че2 конхвагук сидэ-ый тхониль ноный (Дискуссии о воссоединении периода Второй Республики). — Минджок тхониль исон-ый чонгэ (Развитие идей о путях воссоединения нации). Сеул: Хёнсонса, 1983.
- Хан Сынджу.* Че2 конхвагук-ква Хангук-ый минджуджуй (Вторая Республика и демократия в Корее). Сеул: Чонно соджок, 1983.
- Сон Юбо.* Саволь хёнмён-гва тхониль ноный (Апрельская революция и дискуссии о воссоединении). — Хангук минджокчуй рон, II (Корейский национализм, II). — Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1983.
- Но Джунсон.* Минджок-ква тхониль (1) чарёпхён [Нация и воссоединение (1). Материалы]. Сеул: Сагеджоль, 1985.
- Ким Гвансик.* 4.19 хёнмён серёг-ый чончхи хвальтон-гва кы ханге (Политическая деятельность и возможности прогрессивных сил в период Апрельской революции) // Ёкса пипхён, лето 1988.
- Ю Джэиль.* Саволь хёнмён чикху Минджатхон-ый тхониль ундон (Движение за объединение Ассоциации *Минджатхон* после Апрельской революции) // «Сахве-ва сасан». Май 1989.

Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 2 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. — Сеул: Пхульпит, 1992.

Глава 4

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ СЕВЕРА И ЮГА ОТ 4 ИЮЛЯ 1972г.

Переговоры Обществ Красного Креста Севера и Юга (август 1971 — май 1973 гг.)

Национальное движение за воссоединение, интенсивно развивавшееся после Апрельской революции, после путча 19 мая 1961 г. было полностью поставлено вне закона. Хунта, провозгласившая первым пунктом своей «Революционной декларации» (*Хёнмён конъяк*) антикоммунизм как основу государственной идеологии, в своем Декрете № 18 от 19 мая 1961 г. объявила, что «лица, организующие антигосударственные объединения, вступающие в них или агитирующие других присоединиться к ним, будут сурово наказываться». Затем она распустила все политические партии и общественные организации (22 мая) и приняла закон «Об учреждении КЦРУ» (10 июня) и новый, более жесткий Антикоммунистический закон (4 сентября). Она также провела аресты среди членов Ассоциации за самостоятельное объединение нации (*Минджатхон*), выступавшей движущей силой движения за воссоединение, и студентов, и передала их в военные суды, полностью подавив, таким образом, все разговоры о преодолении раздела.

С другой стороны, режим Ким Ир Сена, который с конца войны некоторое время проводил политику воссоединения, в которой Северная Корея рассматривалась как «демократическая база» для революции на юге, теперь пришел к выводу, что на юге «революционные силы» (*хёнмён ённён*) уже имеются и перешел на практике к политике, направленной на осуществление там «региональной революции» (*чиёк хёнмён нон*). Тогда же, 15 августа 1960 г., режим Кима официально выступил с «Планом конфедеративного объединения Севера и Юга» (*Нам — Пук ёнбан четхонильан*), который предлагал «оставить на время политические системы Севера и Юга без изменений и продолжать деятельность правительств КНДР и Республики Корея», создать Верховный национальный комитет (*Чхвего минджок вивонхве*) из представителей обоих правительств для «координации экономического и культурного развития Севера и Юга Кореи». Таким образом, режим Ким Ир Сена вел двойную игру.

На первых после «передачи власти гражданским структурам» в 1963г. президентских выборах Пак Чонхи выступил с «планом проведе-

ния всеобщих выборов и на Севере, и на Юге, на основе принципов свободы и демократии под эгидой ООН», провозгласив его как часть объединительной политики правящей Демократической республиканской партии (ДРП). Одновременно он подчеркнул ее «полную готовность к победе над коммунизмом во всех областях, включая политику, экономику, образование и культуру». О подлинной сущности объединительной политики Пак Чонхи свидетельствуют, например, «дело» 1964 г. о «Народно-революционной партии (*Инмин хёнмёндан*)», которая призывала к выводу американских войск и к мирному воссоединению через почтовый, культурный и экономический обмен между Севером и Югом, и «инцидент» 1968 г. с «Революционной партией за объединение (*Тхониль хёнмёндан*)», которая выдвинула программу самостоятельного мирного воссоединения Кореи.⁵⁰

В конце 1960-х — начале 1970-х годов, с поражением США во Вьетнаме, международная ситуация быстро изменилась. Выдвинувшие в 1969 г. «доктрину Никсона»⁵¹ Соединенные Штаты потребовали от своих союзников взять на себя большую часть расходов на свою оборону и перешли к политике мирного сосуществования с СССР, Китаем и другими коммунистическими странами. В ООН увеличилось число государств из Африки и Азии, и «третий мир» приобрел, таким образом, большее влияние. В результате всех этих перемен в конце 1960-х годов ООН отказалась от прежней точки зрения, по которой правительство Северной Кореи считалось незаконным, и приняла план, приглашающий и Северную, и Южную Корею одновременно вступить в ООН. Изменения в мировой ситуации заставили США внести коррективы в свою политику на Корейском полуострове. Они перешли к «политике двух Корей» и политике создания «треугольной» системы безопасности с участием Южной Кореи, США и Японии.

Эти изменения в политике США на Корейском полуострове вели в то же время — хотя специально такой цели и не ставилось — к увековечиванию раскола Кореи. Если бы корейцы дали этой политике отпор, то это, возможно, дало бы толчок к разрешению вопроса воссоединения, удовлетворяющему нацию в целом. Но на юге режим Пак Чонхи

⁵⁰ Обе организации представляли собой не более чем подпольные студенческие кружки левонационалистической направленности, но в обоих случаях их членам пришлось пройти через жестокие пытки. Так как один из организаторов «Революционной партии за объединение», Ким Джонтхэ, признался в получении денег из Пхеньяна на издание интеллектуального журнала «Чхонмэк» (получил ли он их действительно, или признание было «выбито» под пытками — неясно), то по делу этой «партии» 5 человек было казнено и несколько десятков — посажено в тюрьмы на долгие годы.

⁵¹ Эта «доктрина» перекладывала основную ответственность за «оборону» союзников США на них самих, в то же время подчеркивая конечную ответственность США за их «защиту от коммунизма».

боролся как с изменениями в мире, так и с выступлениями внутренней оппозиции, примерами чего являлись студенческие демонстрации против обязательного военного обучения (время на которое увеличили с первого семестра 1971 г. с двух до трех часов в неделю, с введением обязательных сборов) или создание 19 апреля 1971 г. Народной ассоциации в поддержку демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*), куда вошел ряд видных демократических деятелей. В этой ситуации хунта нуждалась в сенсационном «прорыве».

Потепление в отношениях между США, с одной стороны, и СССР и Китаем, с другой, оказало влияние и на политику Ким Ир Сена, правительство которого 6 августа 1971 г. выступило с заявлением, что Север хотел бы вступить в переговоры со всеми южнокорейскими партиями, включая партию Пак Чонхи — ДРП. Это создало основу для восстановления мирных контактов между Севером и Югом — впервые за последние более чем 20 лет.

Рис. 38. Ким Ир Сен с государственным визитом в Румынии, 1950-е гг. Вплоть до середины 1980-х годов КНДР, пользуясь полной поддержкой «социалистического лагеря» и значительным влиянием среди развивающихся стран, была значительно заметнее, чем Южная Корея, на международной сцене. Ситуацию изменил крах «реального социализма», экономические успехи Южной Кореи и ее демократизация в конце 1980-х гг.

Мирные контакты начались, когда 12 августа 1971 г. Общество Красного Креста Южной Кореи предложило провести переговоры, чтобы обсудить встречи между членами разделенных семей. Через два дня, 14 августа, Общество Красного Креста Северной Кореи ответило на это положительно. Ситуация стала развиваться стремительно. 21 августа представители сторон встретились в Пханмунджоме и обменялись верительными грамотами. Два месяца спустя, 20 сентября, в Пханмунджоме начались первые предварительные переговоры. В ходе перегово-

ров, 4 июля 1972 г., было опубликовано «Совместное заявление Севера и Юга» (7.4. *Нам — Пук кондон сонмён*), что, казалось, ускорило процесс переговоров. Были достигнуты соглашения о проведении подобных встреч поочередно в Сеуле и Пхеньяне, о процедурах пересечения демилитаризованной зоны (ДМЗ) в Пханмунджоме, о повестке переговоров, о гарантиях транспортировки и коммуникаций, о правилах проведения таких встреч, об обеспечении делегатов жилищем, питанием и другими удобствами, о размере делегаций, и о датах встреч.

Первая встреча для переговоров по основным вопросам состоялась в Пхеньяне 8 августа 1972 г. Она прошла очень успешно. Стороны наметили вопросы для будущего обсуждения: поиск и обмен адресами членов разделенных семей, обеспечение им возможности беспрепятственно посещать друг друга, свободно встречаться и обмениваться письмами, а также воссоединяться согласно свободному волеизъявлению, и другие гуманитарные проблемы. На второй встрече, состоявшейся в Сеуле 12 сентября, было достигнуто соглашение по трем пунктам, и, казалось, открывается блестящее будущее.

Первый пункт гласил: «Отражая волю и чаяния всей нации, при разрешении всех внесенных в повестку дня вопросов обе стороны будут придерживаться демократических и свободных принципов в соответствии с духом и чувством партнерства, выраженных в “Совместном заявлении от 4 июля 1972 г.”, и в соответствии с духом гуманизма, присущим Обществу Красного Креста».

Второй пункт гласил: «Основываясь на взаимном доверии, которого мы достигли на первых двух встречах, обе стороны согласны приступить к обсуждению пунктов повестки дня, начиная с третьей встречи».

Третий пункт оговаривал, что третья встреча состоится в Пхеньяне 24 октября 1972 г., а четвертая — в Сеуле 22 ноября 1972 г.

Однако на переговоры Обществ Красного Креста оказали негативное влияние трудности, которые возникли в работе созданного в тот же период двухстороннего Организационного комитета по проведению политических переговоров Севера и Юга (*Чончхи хведам-ыль вихан Нам — Пук чоджоль вивонхве*), целью которых было обсуждение вопроса об объединении страны. В результате состоялось только шесть встреч Обществ Красного Креста. Последняя из них прошла в Сеуле 9 мая 1973 г. В конечном итоге, роль переговоров Обществ Красного Креста свелась к тому, что они всего лишь открыли путь к политическим переговорам, в то время как реальные подвижки в решении гуманитарных проблем были на деле незначительны.

«Совместное заявление Севера и Юга 4 июля 1972 г.»

Установив связь друг с другом с помощью переговоров через Общества Красного Креста, два режима вступили в секретные контакты по во-

просу об организации политических переговоров. В результате директор КЦРУ Ли Хурак и председатель Организационного отдела Трудовой Партии КНДР Ким Ёнджу (брат Ким Ир Сена) одновременно 4 июля 1972 г. опубликовали в Сеуле и Пхеньяне «Совместное заявление». Это было первое совместное заявление двух правительств после разделения нации. Оно было важным как первое совместное заявление, сделанное в результате взаимодействия руководителей двух сторон, но оно было ещё более важно в историческом плане, так как представляло собой первую попытку Севера и Юга договориться о принципах воссоединения.

Стороны достигли согласия по следующим трем принципам:

Первый — воссоединение должно быть достигнуто самостоятельно, без помощи или вмешательства внешних сил. Второй — воссоединение должно быть достигнуто мирно, без обращения к военной силе с обеих сторон. Третий — задача достижения национального единства должна главенствовать при идеологических или институциональных разногласиях. Короче говоря, Север и Юг согласились, что народ Кореи должен мирно воссоединиться сам, и отвергли вмешательство любой внешней силы, включая ООН.

«Совместное заявление» также предусматривало необходимость уменьшения напряженности и создания атмосферы доверия путем прекращения всех актов вооруженных провокаций, взаимного поношения и критики и путем развития обмена во всех областях для установления связей и взаимопонимания во имя самостоятельного мирного объединения. Оно также предусматривало активное содействие успеху переговоров Обществ Красного Креста, установление прямой «горячей» телефонной линии между Сеулом и Пхеньяном для предотвращения непреднамеренных военных стычек и быстрого урегулирования любых проблем, которые могут возникнуть между двумя сторонами, и создание двухстороннего Организационного комитета по проведению политических переговоров Севера и Юга (ОКПППСЮ: *Чончхи хведам-ыль вихан Нам — Пук чоджоль вивонхве*) для разрешения проблемы воссоединения на базе согласованных принципов.

Первая встреча сопредседателей Организационного комитета состоялась в «Доме свободы» в Пханмунджоме 12 октября 1972 г. Однако сразу после этого Пак Чонхи ввел чрезвычайное положение, положение, распустил парламент и провозгласил свою «систему юсин» (17 октября), а правительство Ким Ир Сена приняло «социалистическую конституцию», укрепившую культ личности руководителя. После опубликования «Совместного заявления» стороны, вместо того чтобы, преодолев идеологические и институциональные различия, двигаться к национальному единству, занялись усилением своих режимов, которые были в корне враждебны и чужды друг другу.

Но, несмотря на то, что в Южной Корее осуществлялась «реставрация (юсин)», а в Северной Корее приняли «социалистическую консти-

туцию», 2 ноября 1972 г. в Пхеньяне прошла вторая встреча сопредседателей Организационного комитета. По ее результатам было опубликовано заявление, где говорилось: «Мы провели наши переговоры в атмосфере братской любви, основанной на глубоком желании как можно быстрее улучшить отношения Юга и Севера и добиться самостоятельного мирного воссоединения Родины. В результате этого мы углубили наше взаимопонимание и достигли прогресса в разрешении ряда проблем».

На встрече согласились, что обе стороны будут осуществлять совместные проекты в различных областях, создадут для продолжения работы ОКПППСЮ Координационный комитет Севера и Юга (ККСЮ: *Нам — Пук чоджоль вивонхва*), прекратят направленное друг против друга радиовещание, в том числе через громкоговорители в ДМЗ, и воздержатся от распространения пропагандистских листовок на территории друг друга.

На второй встрече ОКПППСЮ 2 ноября 1972 г. было опубликовано «Соглашение о создании Координационного комитета Севера и Юга», которое оговаривало пять основных функций этого органа:

«Первое: основываясь на согласованных принципах воссоединения Родины, Комитет обсуждает вопросы, связанные с осуществлением самостоятельного мирного объединения страны, выносит по ним решения и обеспечивает их реализацию. Второе: Комитет обсуждает вопросы, связанные с налаживанием широкого политического обмена между политическими партиями, общественными организациями и частными лицами как с Севера, так и с Юга, выносит по ним решения и обеспечивает их реализацию. Третье: Комитет обсуждает вопросы, связанные с налаживанием обмена и совместной деятельности в экономической, культурной и социальной областях, выносит по ним решения и обеспечивает их реализацию. Четвертое: Комитет обсуждает вопросы, связанные с ослаблением напряженности в отношениях сторон, предотвращением военных столкновений и ликвидацией военной конфронтации, выносит по ним решения и обеспечивает их реализацию. Пятое: Комитет обсуждает вопросы, связанные координированием внешнеполитической деятельности сторон и повышением престижа нации как единого народа, выносит по ним решения и обеспечивает их реализацию».

После избрания Пак Чонхи президентом по «Конституции юсин» (27 декабря 1972 г.) поочередно в Сеуле и Пхеньяне состоялись три заседания ОКПППСЮ. Последняя из них прошла в Сеуле 12 июня 1973 г. А 23 июня 1973 г. Пак Чонхи опубликовал «Заявление о внешнеполитических принципах мирного воссоединения» (*Пхёнхва тхониль вегё чончхэк сонон*), где содержались следующие положения: усилия для достижения мирного объединения; невмешательство Севера и Юга во внутренние дела друг друга и отказ от нападения друг на друга; одновременное принятие обеих Корей в ООН и другие меж-

дународные организации; «открытие» своих стран для контактов с государствами с другой идеологией. В тот же день режим Ким Ир Сена опубликовал «Пять принципов объединения Родины» (*Чозук тхониль 5дэ каннён*), в которых призвал к разрешению, в первую очередь, вопросов, проистекающих из военной конфронтации, к всестороннему сотрудничеству в политической, военной, внешнеполитической, экономической, культурной и других областях, к созыву Великого национального съезда (*Тэ минджок хвёый*) по вопросу об объединении, к созданию конфедерации Севера и Юга, к вступлению в ООН в качестве одной страны.

Пункт об одновременном вступлении в международные организации, содержащийся в Заявлении правительства Пак Чонхи от 23 июня 1973 г., подвергся критике со стороны оппозиционных партий Южной Кореи как «антинациональный акт, направленный на увековечивание разделения страны». Последовавшее похищение Ким Дэджунa из Японии южнокорейскими спецслужбами стало причиной того, что Север 28 августа объявил о прекращении переговоров. Координационный комитет больше не мог осуществлять свои функции, и Корейский полуостров опять был ввергнут в состояние напряженности.

Переговоры Севера и Юга стали возможны, благодаря встречам Обществ Красного Креста и «Совместному заявлению от 4 июля 1972 г.» Они проходили на фоне разрядки напряженности между США и СССР и улучшения отношений между США и Китаем. Внешне могло показаться, что политика разрядки великих держав способствует снижению напряжения на Корейском полуострове, но в реальности для осуществления разрядки между собой великие державы практически вели политику «двух Корей», которая означала увековечивание раздела Корейского полуострова. Отсюда вытекает, что искренние переговоры между Севером и Югом должны были осуществляться путем самостоятельных усилий нации во имя мирного объединения с использованием преимуществ, которые давали разрядка международной напряженности и улучшение отношений между великими державами, и с одновременным принятием мер по противодействию политике великих держав, направленной на увековечивание раскола Кореи.

Хотя в «Совместном заявлении 4 июля 1972 г.» был провозглашен принцип самостоятельного объединения, режимы Юга и Севера не выступили против политики «двух Корей» великих держав, а приняли соответственно систему *юсин* и «социалистическую конституцию», укрепляя, таким образом, каждый свою власть.

Хотя в «Совместном заявлении 4 июля 1972 г.» содержался принцип мирного объединения, ни одна из сторон не приложила усилий к достижению объединения путем примирения, нейтралитета, уступок или сосуществования. Наоборот, каждая сторона старалась усилить свою армию, чтобы поглотить другую. Это был неизбежный результат,

поскольку вопрос о национальном воссоединении обсуждался исключительно на уровне правительств.

Вот почему спустя день после того, как было опубликовано «Совместное заявление от 4 июля», Совет граждан по защите демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*) — организация, которая объединяла почти все оппозиционные силы в Южной Корее, — заявил, что он поддерживает открытие обменов в целях уменьшения напряженности между Севером и Югом, но считает, что в решении вопроса об объединении должен участвовать народ (*минджун*) как реальная составляющая нации. Он также предупредил против ведущих к увековечиванию раскола дискуссий в верхах по вопросу об объединении и призвал к отмене Закона об охране государства (*кукка поанбон*), Закона об антикоммунизме (*пангонбон*) и других аналогичных законов, а также к отмене чрезвычайного положения.

Использованная литература

- Кванбок 30нён чарё чип (Сборник материалов по истории 30 лет после освобождения) / «Чунан ильбо». Сеул: Чунан ильбоса, 1975.
- Ким Хакчун. Пан вэсе-ый тхониль ирон (Теория «объединения через борьбу против иностранного вмешательства»). Сеул: Хёнсонса, 1979.
- Ян Хомин, Ли Сансоль, Ким Хакчун. Минджок тхониль рон-ый чонгэ (Развитие дискуссии о национальном объединении). Сеул: Хёнсонса, 1983.
- Сон Гонхо. 70нёндэ-ый тхониль нон-ый (Дискуссии об объединении в 1970-х годах) // Хангук минджокчуыйрон (О корейском национализме). Т. 2. Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1983.
- Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 3 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.

Глава 5

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В КВАНДЖУ И ДВИЖЕНИЕ ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ 10 ИЮНЯ

Народное восстание в Кванджу (18.V. — 27.V.1980)

Менее чем через шесть недель после убийства Пак Чонхи 12 декабря 1979 г., на вершине власти оказались «новые военные» (*син кунбу*) во главе с Чон Духваном. Это вызвало подъем движения разных слоев населения против новой военной диктатуры и в поддержку демократии. 24 апреля 1980 г. 361 преподаватель сеульских университетов подписал петицию с призывом к демократизации учебных заве-

дений. Поползли слухи, что военные скоро начнут репрессии. По всей стране проходили студенческие демонстрации. 16 мая произошли два важных события. Одно — 100-тысячная манифестация студентов на площади перед Сеульским вокзалом с требованием отмены военного положения. Другое — обнародование «Декларации 134 интеллигентов за демократизацию» с протестом против угрозы установления новой военной диктатуры.

В этот же день, лидеры студенческого движения решили прекратить демонстрации, чтобы не давать повода военным к захвату власти. Однако на следующий день «новые военные» распространили военное положение на всю страну, готовясь к захвату всей полноты власти. В знак протеста против этого в городе Кванджу провинции Южная Чолла продолжились начавшиеся 14 мая студенческие демонстрации, которые привели к тому, что в городе установилась власть вооруженного гражданского ополчения (*симингун*). Она продержалась около 10 дней — до того, как была разгромлена правительственными карателями. Эти события получили название «народного восстания в Кванджу» (*Кванджу минджун ханджэ*).

Восстание в Кванджу началось 18 мая 1980 г. со схватки перед Национальным университетом провинции Южная Чолла между солдатами и студентами, которые протестовали против расширения зоны действия военного положения и приказа временно закрыть университеты. Студенты, которым военные преградили доступ в аудитории, начали проводить демонстрации в разных местах Кванджу. Чрезмерная жестокость солдат, пытавшихся «успокоить» студентов, спровоцировала дальнейшие демонстрации, которые привели к тому, что солдаты спецподразделений начали избивать всех, кто им попадался под руки, подозревая гражданское население Кванджу в «сочувствии к бунтовщикам». Разгневанные их поведением, простые граждане действительно начали присоединяться к борьбе студенчества. Этот альянс студентов и граждан Кванджу перерос в народное сопротивление против армии. 20 мая состоялась демонстрация разгневанных избиваниями и убийствами своих коллег водителей такси, в которой приняли участие более 200 человек. После нее многие горожане: рабочие, служащие, клерки, беднота, — стали «вооружаться» металлическими трубами и палками.

Именно в это время ушел в отставку кабинет министров переходного правительства Чхве Гюха во главе с Син Хёнхваком, и отсутствие координации между военными, дислоцированными в Кванджу постоянно, и переброшенными сюда по закону о чрезвычайном положении частями привело к образованию двух иерархий командования. Когда 21 мая провалились переговоры между представителями горожан и губернатором провинции Южная Чолла, участники сопротивления стали вооружаться всерьез.

Рис. 39. Кванджу в дни восстания (18–27 мая 1980 г.).

Из примерно 100 тысяч собравшихся на митинг в центре города людей некоторые были вооружены карабинами, захваченными на плохо охранявшихся ружейных складах подразделений запаса и у налоговой полиции. Демонстранты также захватили бронемшины на автомобильном заводе армейского поставщика — компании «Киа», а шахтеры с расположенной рядом Хвасунской шахты обеспечили их взрывчаткой и детонаторами. Более 800 карабинов и устаревших винтовок М-1 было захвачено боевыми отрядами демонстрантов у полицейских в Наджу, Ёнсанпхо и Хвасуне и привезено в город. В результате в Кванджу возникло настоящее гражданское ополчение.

Состоявшее из промышленных рабочих, поденщиков-строителей, чистильщиков обуви, старьевщиков, служащих заведений общепита и гостиниц, бродяг и батраков и вооруженное автоматами и пулеметами, ополчение атаковало временную штаб-квартиру войск, присланных в связи с введением военного положения (*кеомнёнгун*), которая находилась в административном здании Управления провинции Южная Чолла, и вынудило армию к «тактическому отступлению». К 21 мая весь город, за исключением тюрем, был под контролем ополчения. Отступившие войсковые части со всех сторон блокировали подступы к Кванджу, чтобы предотвратить дальнейшее распространение восстания.

В осажденном городе был создан Комитет горожан по наведению порядка (КГНП — *Симин сусып тэчхэк вивонхве*) из 15 человек: служащих, протестантских и католических священников, предпринимателей. Он разработал условия прекращения вооруженного сопротивления: отказ от ввода армейских частей в город до восстановления порядка; освобождение арестованных манифестантов; признание армией допущенной жестокости; отказ от наказаний участников событий; лечение раненых и компенсации раненым и семьям убитых, — и 22 мая вступил в переговоры с армией.

Но выдвинутые Комитетом предложения не получили поддержки большинства жителей Кванджу, так как они оговаривали условия разоружения восставших, но не включали первичные их требования: отмену военного положения, освобождение считавшегося региональным лиде-

ром выходца из провинции Южная Чолла Ким Дэджуна, арестованного хунтой «новых военных», уход военных из политики. Армия тоже отвергла условия Комитета, но он всё же смог добиться, чтобы граждане вернули обратно примерно половину захваченного оружия.

23 мая, пока проходила всеобщая протестная манифестация граждан в защиту демократии и создавался Комитет студентов по наведению порядка (*Хаксэн сусын тэчхэк вивонхве*), был образован новый, объединенный и расширенный, Комитет горожан по наведению порядка (КГНП, *Симин сусын тэчхэк вивонхве*) под руководством главы католической общины Кванджу архиепископа Юн Гонхи. Этот новый комитет включал в себя 10 членов прежнего комитета и 20 студентов. Часть представителей этого Комитета отдали армии 200 из примерно одной тысячи собранных ими ружей. Взамен были освобождены 33 арестованных манифестанта. К вечеру того же дня граждане возвратили 2500 карабинов, винтовок М-1 и пистолетов, — более половины вооружения своей «армии».

На шестой день восстания, 24 мая, среди участников сопротивления проявились разногласия. Возникли 2 группы. Одна из них настаивала на немедленных переговорах с властями и сдаче. Другая предлагала распространить выступление на другие районы. ГКНП выступал за скорейшее разоружение и возврат оружия властям, но это вызвало протест тех, кто был готов сопротивляться дальше. Аналогичный раскол произошел и в Комитете студентов по наведению порядка, где постепенно преобладающее влияние перешло к сторонникам продолжения борьбы. 25 мая, в условиях продолжающихся народных манифестаций, была создан новый исполнительный комитет во главе с председателем, студенческим активистом Ким Джонбэ, ядром которой стали сторонники продолжения борьбы, лидеры молодежного движения и представители беднейших слоев населения.

Новая исполнительная группа учредила организационную структуру во главе с председателем Комитета борьбы ополченцев (*симингун тхуджэн вивонхве*). Туда вошли два вице-председателя (по внутренним и внешним вопросам), начальники отделов по планированию, гражданским делам, обеспечения, по связям с народом, расследований, зав. Координационной группой, а также военные руководители: командиры моторизованного отряда и отряда охраны. Лидеры ополчения стремились выиграть время в надежде на то, что давление США и общественного мнения внутри страны, а также протесты народа в разных частях Южной Кореи разрушат планы «новых военных» по захвату власти. Из 5400 единиц оружия, имевшихся у них, 4000 были возвращены властям к 25 мая.

В 3 часа утра 27 мая «новые военные» начали карательную операцию, бросив на борьбу с восставшими боевую дивизию и бригаду парашютистов общей численностью примерно 4000 солдат. Точное число

ополченцев не известно, но, по примерным подсчетам, туда входили 8 мобильных групп, засевших в здании администрации провинции Южная Чолла, примерно 100 человек патрульных, 50 охранников, 80 человек без оружия и одна вооруженная рота в местном парке. В результате длившейся около четырех часов карательной операции было убито и ранено много горожан. Так закончилось десятидневное восстание в Кванджу. Управление чрезвычайным положением (*кеомнён сарёнбу*) объявило о гибели 148 участников сопротивления, из которых 118 (71%) были убиты в перестрелках, и 15 солдат правительственной армии. По более поздним официальным данным, погиб 191 горожанин. В реальности, скорее всего, жертв было намного больше.

Народное восстание в Кванджу явилось продолжением давней региональной традиции народного сопротивления, начиная с разгоревшихся первоначально в провинциях Южная и Северная Чолла крестьянской войны 1894 года и партизанской войны «отрядов справедливости» (*ыйбён*) конца XIX — начала XX века, и до студенческого движения в Кванджу в ноябре 1929 г. и многочисленных вооруженных выступлений сразу после освобождения. Это был взрыв давно копившегося народного возмущения политикой периода правления Пак Чонхи, в частности его чрезмерными инвестициями в тяжелую и химическую индустрию, что привело к стагнации экономики в конце 1970-х годов, и раздуванием дискриминации в отношении провинций Южная и Северная Чолла, сказывавшейся, в частности, и том, что в планах экономического развития Пак Чонхи этим районам не было уделено должного внимания. Пак Чонхи стремился в то же время создать себе опору в провинциях Северная и Южная Кёнсан (откуда он сам был родом), форсируя их экономическое развитие в ущерб Чолла. Другими поводами к восстанию в Кванджу были выступления в Пусане и Масане 18–20 октября 1979 г., несбывшиеся надежды «Сеульской весны» после убийства Пак Чонхи, протест против планов «новых военных» захватить власть, расширения ими зоны применения чрезвычайного положения и ареста Ким Дэджун. Подавление с чрезмерной жестокостью студенческих демонстраций «новыми военными», которым очень хотелось показать свою власть, стало последней каплей в чаше народного терпения.

В ходе опроса общественного мнения, проведенного в Кванджу через восемь лет после восстания, 55% участников указали его причиной «изохронные махинации “новых военных”», вызванные их стремлением захватить власть»; 25,7% считали, что причиной явилось «жестокое подавление демонстраций войсками», 11,5% видели ее в «подстрекательствах некоторых политиков», и только 2,4% видели причиной «региональный антагонизм», т.е. неприязнь чолласцев к пользовавшемуся особым покровительством военных режимов региону Кёнсан.

Стоит отметить несколько важных исторических моментов, связанных с выступлением в Кванджу против военной хунты. Во-первых, оно

возникло в одном городе, переросло в вооруженное восстание, потом появились признаки распространения его на другие районы, т.е. угроза общенародного вооруженного возмущения. Во-вторых, это был поворотный момент, приведший к власти Чон Духвана. В-третьих, просочившиеся в народ сведения о том, что американцы дали согласие на переброску Чон Духваном военных сил с ДМЗ в Кванджу, вызвали антиамериканское движение такой мощи, которого до этого Южная Корея никогда не видела.

«Движение 10 июня» (1987 г.) за демократизацию и национальное движение за воссоединение

После подавления восстания в Кванджу движения за демократизацию и национальное воссоединение на какое-то время вступили в период застоя. Но потенциал, накопленный в 1970-х годах, когда эти движения, а также движения рабочих и крестьян быстро развивались единым фронтом, позволил этим силам вскоре вновь активизироваться. Это особенно проявилось, когда народ выступил против обнародованных Чон Духваном 13 апреля 1987 г. «Мер по защите Конституции» (*4.13 хохон чочхи*), оставлявших в силе не прямые выборы президента и практически означавших продление диктатуры, и добился в итоге прямых президентских выборов. С конца 1980-х годов движения за демократизацию и национальное воссоединение начали развиваться особенно быстро — в русле происходивших в мире больших изменений.

Впавшие на время, в результате репрессий режима Чон Духвана, в кризис движения за национальное воссоединение и демократизацию, оживились с созданием Объединения молодежи за демократизацию (*Минджухва ундон чхоннён ёнхап*) в сентябре 1983 г., Ассоциации уволенных профессоров (*Хэджик кёсу хёбыйхве*) в декабре 1983 г., Ассоциации за благосостояние корейских рабочих (*Хангук нодонджа покчи хёбыйхве*) в марте 1984 г., Ассоциации движения за народную культуру (*Минджун мунхва ундон хёбыйхве*) в апреле 1984 г. и Ассоциации движения за демократическую прессу (*Минджу оллон ундон хёбыйхве*) в декабре 1984 г. В провинциях в результате объединения молодежных и религиозных движений возникли Ассоциация движения за демократизацию провинции Северная Чолла (*Чонбук минджухва ундон хёбыйхве*) в октябре 1984 г., Ассоциация движения демократической молодежи провинции Южная Чолла (*Чоннам минджу чхоннён ундон хёбыйхве*), Объединение общественного движения Инчхона (*Инчхон чйёк сахве ундон ёнхап*) — обе в ноябре 1984 г. Тогда же возникли коалиционные организации национального фронта за объединение — Ассоциация движения народа за демократию (*Минджун минджу ундон хёбыйхве*, 29 июня 1984 г.) и Общество граждан за демократическое объединение (*Минджу тхониль кунмин хвёый*, 16 октября 1984 г.). Выступавшие до и

сразу после восстания в Кванджу разрозненно и изолированно силы национального движения за демократию стали проявлять стремление к созданию единого фронта, но при этом распались на две основные группы: Ассоциацию народного движения за демократию (*Минджун минджу ундон хёбыйхве*), ядром которой было Объединение молодежи за демократизацию, и Общество граждан за демократическое воссоединение (*Минджу тхониль кунмин хвей*) во главе с протестантскими деятелями.

В марте 1985 года эти две группы слились в «Народное объединение за демократическое воссоединение» (*Минджу тхониль минджун ундон ёнхан — Минтхоннён*), целью которого были «демократизация и национальное воссоединение» и который был демократически ориентированной организацией оппозиционных политических групп. *Минтхоннён* сыграл определенную роль в объединении движений за демократизацию и воссоединение в период, предшествовавший всплеску борьбы за демократию в июне 1987 года (*юволь минджухва ундон*).

К этому же времени относится возникновение и деятельность Ассоциации движения семей [арестованных] демократических активистов (*Минджухва сильчхон каджок ундон хёбыйхве*, 1985), которая ставила целью освобождение узников совести, отмену антикоммунистического Закона об охране государства (*Кукка поанбон*) и практики пыток, а также Всекорейской ассоциации профессоров за демократизацию (*Минджухва-рыль вихан чонгук кёсу хёбыйхве*), созданной в 1987 г. для борьбы за демократизацию научного сообщества и повышение роли интеллигенции в народном движении за объединение, и Собрания адвокатов за демократическое общество (*Минджу сахве-рыль вихан пёнхоса моим*), учрежденного в 1988 г. для оказания юридической помощи в делах, связанных с правами человека.

Пытки и смерть от рук полиции на допросе члена подпольного социалистического кружка — студента Пак Чончхоля 14 января 1987 г. привели к резкому росту антиправительственных и демократических движений. Когда 13 апреля 1987 г. режим Чон Духвана обнародовал «Меры по защите конституции», Демократическая партия за объединение (*Тхониль минджудан*) Ким Ёнсама и «Народное объединение за демократическое воссоединение» соединили свои силы и 27 мая создали штаб Движения граждан за завоевание демократической конституции (*Минджу хонбон чэнчхви кунмин ундон понбу — Кунмин ундон понбу*) с «конечной целью установления демократического правительства путем завоевания демократической конституции».

10 июня 1987 г. правящая Демократическая партия справедливости (ДПС, *Минджу чоныйдан*) выдвинула Ро Дэу (Но Тхэу) своим кандидатом на пост президента. За день до этого, 9 июня, от взрыва полицейской гранаты со слезоточивым газом погиб на демонстрации студент Ли Ханёль. В ответ на это в 18 городах страны: Сеуле, Кванджу, Пусане, Тэджоне, Инчхоне и др., — начались массовые митинги студентов

и граждан, которые требовали отмены «Мер в защиту конституции 13 апреля», свержения военной диктатуры, принятия демократической конституции и прекращения вмешательства США во внутренние дела страны. Эти митинги и демонстрации получили название «собраний граждан 10 июня» (*б.10 кунмин тэхве*), и отличались невиданным доселе масштабом и организованностью. Они начались мирно и сопровождались рукоплесканием граждан и гудками автомобилей в знак поддержки, но были разогнаны полицейскими, с применением суровых карательных мер. Городская мэрия, 15 полицейских участков и два местных отделения ДПС были повреждены, а более 3800 демонстрантов — арестованы.

Рис. 40. Одно из «собраний граждан 10 июня» (1987) — перед зданием Сеульской мэрии, в день похорон погибшего из-за полицейского беспредела студента Ли Ханёля.

После этого группа протестующих закрылась в католическом Мёндонском соборе в Сеуле (католическая церковь с 1970-х гг. оказывала поддержку демократическому движению), а в Сеуле, Пусане, Тэгу, Инчхоне, Тэджоне, Чинджу, Чхонане, Сувоне и др. городах вновь развернулись демонстрации, которые были поддержаны в других местах. В результате был нанесен ущерб 16-ти местным отделениям полиции, трем отделениям правящей Демократической партии справедливости — ДПС, и двум региональным офисам государственной телерадиовещательной корпорации Кей-Би-Эс, ненавидимой демократически настроенными корейцами как инструмент правительственной пропаганды. 18 июня 1987 г. штаб Движения граждан за завоевание демократической конституции организовал «митинги за запрещение гранат со слезоточивым газом», которые прошли в 247 районах 14-ти городов по

всей стране. В них приняли участие более 200 тысяч человек. Они требовали отмены конституции, отставки военного правительства, демократических преобразований (*минджу чэнчхви*) и вывода поддерживающих военную диктатуру американских войск. Согласно оценкам полиции, в ходе этих митингов в Сеуле демонстранты разоружили более 80 военизированных жандармов (*чонтху кёнчхаль*). По всей стране были повреждены 21 полицейский участок и 13 полицейских машин, ранен 621 полицейский. Появились слухи о возможном введении военного положения и готовящемся вводе армии на улицы Сеула.

20 июня Ро Дэу заявил, что «не стремится обязательно быть кандидатом на пост президента». Состоялась встреча между президентом Чон Духваном и лидером Демократической партии за объединение (*Тхониль минджудан*) Ким Ёнсамом, но какого-либо результата достигнуто не было.

26 июня 1987 г. штаб Движения граждан за завоевание демократической конституции вновь организовал крупномасштабные демонстрации. Они прошли в 371 районе тридцати трех городов и четырех уездов и волостей. В них приняли участие больше миллиона человек. Были разрушены или сожжены 2 больших полицейских участка и 29 местных отделений полиции, а также 4 местных отделения правящей Демократической партии справедливости и несколько десятков полицейских машин. 3467 демонстрантов были арестованы.

В этот момент режим Чон Духвана через своего представителя Ро Дэу обнародовал Декларацию 29 июня, подготовленную с учетом требований оппозиции. В ней содержалось обещание внести в конституцию поправки, разрешающие прямые президентские выборы, осуществить честные и открытые выборы, амнистировать и реабилитировать Ким Дэджуну, освободить арестованных демонстрантов и демократических активистов, прекратить нарушения основных прав человека, провести реформу системы управления, предоставить свободу прессе, создать местные представительные органы, дать автономию университетам и системе образования в целом.

Что касается США, то с момента обнародования «Мер в защиту конституции 13 апреля» Чон Духваном они стали подталкивать его правительство и оппозицию к компромиссу с оппозиционными силами и продолжали настаивать на достижении компромисса после «собраний граждан 10 июня». После «митингов против применения гранат со слезоточивым газом» США разъяснили, что настаивают на скорейшем начале дискуссий о поправках в конституцию и выступают против применения чрезвычайных мер против демонстрантов и ввода войск. Комитет по правам человека Палаты представителей американского парламента принял «Резолюцию по развитию демократизации в Республике Корея», а Сенат — «Резолюцию по вопросу о демократизации Республики Корея». США также дали понять, что они приветствуют Декларацию 29 июня.

Июньское движение за демократизацию было направлено против военной диктатуры и явилось продолжением народных выступлений в Пусане и Масане 1979 года и восстания в Кванджу 1980 года, но если эти ранние выступления были краткосрочными и ограничивались определенной местностью, то Июньское движение проходило по всей стране, в нем приняли участие 4–5 млн. человек и в ходе него уличные демонстрации, митинги и столкновения с полицией продолжались в течение трех недель. Июньское движение проходило не в нескольких больших городах, а одновременно в 30–40 городах по всей стране и даже кое-где на селе. Это общенациональное, широкомасштабное и продолжительное движение было успешным, так как заставило правящий режим отказаться от власти и упразднить систему непрямых выборов президента.

Июньское движение за демократизацию не переросло в вооруженное сопротивление, как это произошло в Кванджу. Однако, несмотря на то, что инициировавший его штаб Движения граждан за завоевание демократической конституции объявил программу борьбы ненасильственными методами, оно было очень ожесточенным и наступательным, как о том свидетельствовало, например, коллективное разоружение демонстрантами полицейских. Единственным способом для Чон Духвана справиться с этим движением было применить армию, но он уже не мог этого сделать. Время было не то, что в 1980 г. В конце концов, движение достигло своих целей.

В Движении 10 июня, которое возглавили молодежь и студенты, приняли участие представители различных слоев населения: служащие, промышленные рабочие, мелкие городские торговцы, независимые предприниматели, крестьяне. Это было народное движение против диктатуры, в котором проявились самостоятельность и демократический дух. Это было одно из тех народных движений, которые издавна играли важную историческую роль в критические моменты корейской истории. Также оно было тесно связано с рабочим движением, которое активно развернулось по всей стране в июле — сентябре 1987 года.

Добившись прямых выборов президента, национальное демократическое движение направило свои усилия на то, чтобы сделать Юг и Север страны местом одновременного проведения XXIV летних Олимпийских игр 1988 г. Всекорейская ассоциация представителей университетского студенчества (*Чондэхён*) и еще 8 организаций выступили с предложением провести 15 августа, в день Освобождения Кореи, встречу студентов Севера и Юга, а представители общественных движений создали Ассоциацию демократических организаций за самостоятельное объединение Отечества (*Чогук-ый чаджуджок тхонхирыль вихан минджу танчхе хёбыйхве*), и движение за демократизацию стало сливаться с движением за национальное объединение. Когда администрация Ро Дэу выступила с «Заявлением 7 июля 1988 г.» о «самостоятель-

ном, миром и демократическом пути» к объединению, на следующий день более 90 деятелей оппозиции создали Общество граждан за самостоятельное объединение нации (*Чаджу минджок тхониль кунмин хвей*), чтобы активизировать и поддержать «снизу» процесс воссоединения нации.

2 сентября 1988 г. для укрепления национального демократического движения была учреждена Всекорейская ассоциация национального движения за демократию (ВАНДД — *Чонгук минджок минджу ундон хёбыйхве*). 21 января 1989 г. в результате слияния восьми секторных ассоциаций неправительственных организаций и 12-ти региональных рабочих и крестьянских организаций из разных частей страны было создано Всекорейское объединение национального движения за демократию (*Чонгук минджок минджу ундон ёнхап — Чонмиллён*) — «возглавляемый трудящимся народом и действующий в поддержку борьбы молодежи и студентов центр сплочения всех выступающих за воссоединение и демократию патриотических сил: стоящих на стороне правды профессоров, деятелей культуры, представителей религиозных кругов, юристов, журналистов, врачей, ученых, а также мелких и средних предпринимателей и соотечественников за рубежом». Комитет по воссоединению Отечества при ВАНДД направил на Север предложение провести общенациональный съезд (*пом минджок тэхве*). Ранее, 9 декабря 1988 г., Север уже предлагал созвать «пан-национальный конгресс» с участием общественных организаций Севера и Юга и зарубежных корейцев, а 26 декабря Комитет [северо]корейских студентов (*Чосон хаксэн вивонхве*) пригласил южнокорейский *Чондэхён* принять участие в XIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Пхеньяне. Следовавшая в отношении КНДР политике «единственного канала» (*чхангу танильхва-рон* — согласно этой политике, все, что касалось межкорейских контактов, должно было обсуждаться лишь на межправительственном уровне) администрация Ро Дэу не разрешила представителям демократического движения посетить Север. Однако 25 марта 1989 г. советник *Чонмиллён*, известный протестантский теолог и активист пастор Мун Икхван вместе с оппозиционным активистом Ю Вонхо отправился в Пхеньян по приглашению Севера. Находясь там, 2 апреля, они выступили с Совместным заявлением из 9-ти пунктов, касавшихся мирного объединения. 30 июня через Японию и Европу прибыла в Пхеньян на XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов отправленная *Чондэхёпом* студентка Университета иностранных языков в Сеуле Лим Сугён. Ее сопровождал католический священник Мун Гухён, специально командированный организацией «Католическая пасторская группа для реализации справедливости» (*Чхонджугё чоныйгу хёнса чедан*). Национальное демократическое движение переживало волнующий момент подъема.

В августе 1988 г. был создан Штаб мирового конгресса за мир и объединение Корейского полуострова и ускоренное проведение общена-

ционального съезда (*Хан пандо пхёнхва-ва тхонир-ыль вихан сеге тэхве мит пом минджок тэхве чхуджин понбу*) и провозглашено начало подготовки к «общенациональному съезду» с участием корейцев Севера и Юга, а также зарубежных соотечественников — для «укрепления стремления нации к мирному объединению, оценки основных предложений по объединению и подготовки взаимоприемлемого проекта объединения, в русле общемировых тенденций по освобождению от наследия холодной войны и борьбы за мир».

Северокорейский Комитет за мирное объединение Отечества (*Чогук пхёнхва тхониль вивонхве*) ответил на приглашение участвовать в мировом конгрессе положительно, в ответ на что Чонмиллён опубликовал в январе 1989 г. «Предложения по проведению подготовительных практических переговоров в связи с подготовкой к общенациональному съезду» (*Пом минджок тэхве-рыль вихан еби сильму хведам чеансо*), после чего подготовка пошла полным ходом. Этот конгресс был звеном политики «объединения снизу», через действия неправительственных демократических организаций Юга, в противовес политике «единственного канала» Ро Дэу.

Режим Ро Дэу блокировал проведение подготовительных переговоров. Таким образом, ничего не оставалось кроме как провести в 1989 г. «общенациональный конгресс» по отдельности на Юге, Севера и за рубежом. Второй съезд, проходивший в 1990 г. в университете Ёнсе (Сеул) в обстановке полицейской блокады и репрессий, также был «общенациональным» только частично — в нем участвовали лишь представители рабочих и демократических организаций Юга. Однако на состоявшейся в Берлине в ноябре 1990 г. «трехсторонней встрече» (Север, Юг и зарубежные корейцы) был создан общекорейский орган по объединению — Общенациональный союз за объединение Отечества (*Чогук тхониль пом минджок ёнхан*). В январе 1991 г. был создан Зарубежный штаб этого Союза во главе со знаменитым корейским композитором, проживавшим в эмиграции в ФРГ — Юн Исаном (1917–1995) и южнокорейский Штаб по подготовке к будущим общенациональным съездам.

Если раньше национальное демократическое движение ограничивалось призывами к самостоятельным, независимым от правительства, обменам и отмене препятствий к объединению, например антикоммунистического Закона об охране государства, то движение за созыв «общенационального съезда» взяло курс на объединение, призывая к миру, сокращению вооружений и ненападению и подготавливая конкретные планы объединения. Это общенациональное гражданское движение стало одним из факторов, повлиявших на изменение планов объединения правительств Севера и Юга, что в итоге привело к заключению между ними базового соглашения (*Нам — Пук кибон хабыйсо*).

Глава 6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ СЕВЕРА И ЮГА (10–13.XII.1991)

Северный проект объединения через конфедерацию (10.X.1980) и южный проект национального примирения и объединения (22.I.1981)

Во время кратковременной демократической «оттепели» — «Сеульской весны», наступившей после убийства Пак Чонхи 26 октября 1979 г. и продолжавшейся до введения чрезвычайного военного положения 17 мая 1980 г., Север выступил с предложением отправить общую команду спортсменов Севера и Юга на Московскую Олимпиаду (20 декабря 1979 г.). Юг отверг это предложение и 11 января 1980 г. выдвинул взамен свое — провести «соревнования дружбы Севера и Юга». В ответ Север 14 января предложил провести переговоры между премьер-министрами. Юг принял это предложение, и в Пханмунджоме состоялись переговоры по подготовке к встрече премьер-министров, на которых 6 февраля была достигнута договоренность снова открыть «горячую» телефонную линию между Пхеньяном и Сеулом и продолжить дальнейшие консультации. Состоялось всего 10 раундов переговоров, связанных с подготовкой встречи премьер-министров, пока они не были прерваны 24 сентября 1980 г. по требованию представителей Севера в связи с разногласиями по вопросу о повестке дня.

10 октября 1980 г. Север опубликовал проект объединения, в котором предлагал создание нейтральной в международном плане «Демократической Конфедеративной Республики Корё» (*Корё Минджу Ёнбан Конхвагук*) как единого национального государства. Проект предполагал взаимное признание Югом и Севером разницы идеологий и государственных систем и на этой основе создание «конфедеративного правительства национального объединения, в котором у обеих сторон будут равные права и обязанности и каждая из них будет независимо от другой жить со своей собственной системой, на основе чего будет достигнуто объединение Отечества». Согласно этому плану, в объединенном государстве конфедеративного типа будет создано Верховное национальное конфедеративное собрание (ВНКС — *Чхвего минджок ёнбан хвейи*), состоящее из равного числа представителей Севера и Юга и определенного числа представителей корейской зарубежной диаспоры. ВНКС, в свою очередь, учредит Постоянный комитет Конфедерации (*Ёнбан сансол вивонхве*), который будет руководить местными правительствами Севера и Юга и осуществлять общий надзор за деятельностью конфедеративного государства. Также Север определил ряд условий для формирования ВНКС, куда входили отмена южнокорейских

Антикоммунистического закона и Закона об охране государства, легализация всех общественных организаций и политических партий (в том числе нелегальных радикальных групп), замена Соглашения о перемирии 1953 г. мирным договором и вывод с Юга американских войск (к 1980 г. их численность составляла 43 тысячи человек).

Северокорейский проект также содержал «десять политических задач»: достижение реальной внешнеполитической независимости; осуществление демократии и реализация национального единства во всех областях; экономическое взаимодействие и обмен для самостоятельного развития экономик обеих сторон; обмены и взаимодействие в области науки, литературы и образования; установление между Севером и Югом транспортного сообщения и коммуникаций и их свободное использование; повышение уровня жизни и благосостояния народа; создание объединенной национальной армии для защиты от иностранных вторжений; защита прав и интересов корейцев, проживающих за рубежом; совместное решение международных вопросов; осуществление миролюбивой политики и поддержание дружественных отношений со всеми странами мира.

Пять дней спустя, 15 октября 1980 г., Юг осудил проект Севера как «фальшивый», а 12 января 1981 г. выступил с предложением обменяться визитами высших руководителей двух сторон. 22 января Юг обнародовал свой собственный «Проект национального примирения и объединения», в котором предлагал создать «Совет по объединению нации» с участием представителей Севера и Юга, который разработает и провозгласит «Конституцию воссоединения» для создания «Единой демократической республики», призванной «воплотить национальные идеалы демократии, свободы и процветания». Предусматривалось, что «Конституция воссоединения» будет ратифицирована путем демократического референдума на Севере и на Юге и что на ее основе будут проведены всеобщие выборы для создания единого парламента и правительства.

Южнокорейский проект включал «Семь практических мер для достижения воссоединения». Первое: стороны поддерживают отношения, основанные на принципах взаимной выгоды и равенства. Второе: стороны решают спорные вопросы мирным путем. Третье: стороны воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга. Четвертое: стороны строго соблюдают Соглашение о перемирии во избежание вооруженной конфронтации. Пятое: взаимный обмен и сотрудничество. Шестое: стороны признают заключенные каждой из них международные договоры и соглашения. Седьмое: создать в Сеуле и Пхеньяне постоянные представительства для осуществления взаимодействия.

1 февраля Юг обнародовал список «двадцати первоначальных практических задач», куда входили открытие шоссе между Сеулом и Пхеньяном, превращение района между горами Сораксан на Юге и Кымган-

сан на Севере в свободную туристическую зону, открытие портов Инчхон и Нампхо для свободной торговли и др.

10 февраля 1981 г. Север отверг предложение Юга об обмене визитами высших руководителей и его «Проект национального примирения и объединения» и взамен предложил созвать «Совещание политиков Севера и Юга» — по 50 представителей с каждой стороны. Но Юг продолжал настаивать на проведении переговоров между высшими руководителями (главами государств или премьер-министрами). Таким образом, даже в начале 1980-х годов стороны бесконечно, с пропагандистскими целями, обменивались проектами объединения и предложениями о переговорах, не заботясь о том, могут ли эти предложения быть выполнены в реальности.

Однако надо сказать, что выдвинутый Севером в 1980-х годах «конфедеративный проект», содержащий идею «конфедерации как конечной формы воссоединения», существенно отличался от выдвигавшейся Севером в 1970-х годах формулы создания «конфедерации как переходной формы объединения». Предложения Юга касались, в основном, конкретных мер и методов воссоединения, и хотя они были односторонними, их осуществление представляло бы реальный шаг к достижению национального примирения в процессе объединения.

9 октября 1983 г. в ходе официального визита Чон Духвана в Бирму на него было совершено покушение, в результате которого взрывом бомбы было убито 17 высокопоставленных южнокорейских чиновников⁵². Через некоторое время после этого, 10 января 1984 г., Север выдвинул предложение провести трехсторонние переговоры с участием Севера, Юга и США, одновременно призвав заключить Декларацию о ненападении между Югом и Севером. Юг ответил требованием «прямых переговоров между Югом и Севером». Тогда Север опять предложил послать единую команду Севера и Юга на XXIII Олимпийские игры. Юг ответил на предложение положительно, состоялись три предварительные встречи для обсуждения этого вопроса, но никакого конкретного результата достигнуто не было.

8 сентября 1984 г. Север — прежде всего в пропагандистских целях — предложил помощь в виде риса, лекарств и цемента жертвам наводнения на Юге. 14 сентября Юг принял это предложение, и помощь была доставлена. Стороны продолжали предлагать различные встречи

---

⁵² Считается практически доказанным, что покушение было подготовлено и осуществлено спецслужбами КНДР, хотя сама КНДР подобные утверждения опровергает. В организации теракта подозревались трое граждан КНДР, один из которых был убит при задержании, а два других — арестованы. Один из арестованных был позже казнен, а другой (капитан Кан Минчхоль) до сих пор отбывает свой пожизненный срок заключения в бирманской тюрьме. В ноябре 1983 г. Бирма разорвала в знак протеста дипломатические отношения с КНДР.

(переговоры): экономические, парламентские, Обществ Красного Креста, политиков и военных высокого ранга, министров иностранных дел. Состоялись переговоры по вопросам спорта и экономики. Но эти контакты были прерваны в связи с совместными американо-южнокорейскими военными маневрами «Тим спирит» (проводившимися ежегодно с 1976 по 1993 г. с целью укрепления координации между войсками Южной Кореи и США, несмотря на протесты КНДР, считавшей их «подготовкой к агрессии») и практических результатов не имели.

Заключение Соглашения о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве (10–13 декабря 1991 г.)

В то время когда Ро Дэу готовился к вступлению в должность президента, 1 января 1988 г. Север выступил с предложением принять Декларацию о ненападении, прекратить американо-южнокорейские военные маневры «Тим спирит», выступить с предложением об одновременном проведении Олимпийских игр 1988 г. на Юге и на Севере и провести встречу представителей политических партий и общественных организаций с участием членов правительства. Прийдя к власти, Ро Дэу сразу же выступил со своими предложениями, куда входило заключение Временного соглашения о принципах взаимоотношений между Севером и Югом, проведение регулярных переговоров между членами кабинетов министров сторон и превращение Севера и Юга в «сообщество мирного сотрудничества».

Несмотря на неудачную попытку провести встречу студентов Севера и Юга 10 июня 1988 г., энтузиазм Всекорейской ассоциации представителей университетского студенчества (*Чондэхён*) не уменьшился, как об этом свидетельствует последовавшее тут же ее предложение о проведении «встречи студентов 15 августа». На волне этих настроений в обществе 7 июля 1988 г. режим Ро Дэу опубликовал документ, известный как «Декларация 7 июля». Она содержала обещание открыть «новую эпоху национального достоинства и процветания путем создания общественного, культурного, экономического и политического сообщества, охватывающего всех представителей нации на принципах внешнеполитической самостоятельности, мира, демократии и благосостояния». Декларация содержала 6 предложений:

Первое: активное развитие обменов между корейцами Юга и Севера и свободное посещение обеих частей полуострова зарубежными корейцами. Второе: активизация обмена письмами между членами разделенных семей и их взаимных посещений. Третье: считать торговлю между Севером и Югом внутренней торговлей. Четвертое: сбалансированное развитие национальной экономики, непрепятствование обмену с Севером товарами и продуктами невоенного назначения — как с дружест-

венной страной. Пятое: сотрудничество на международной арене во имя общих интересов нации. Шестое: содействие Северу в улучшении отношений с капиталистическими государствами и стремление к улучшению отношений Республики Корея с социалистическими государствами. «Декларация 7 июля», с одной стороны, освободила зарубежных корейцев от наказания, которому они подлежали за посещение Северной Кореи по статье 6 Закона о национальной безопасности («бегство и проникновение на занятую антигосударственной организацией территорию»), а с другой стороны, опубликовав ее, администрация Ро Дэу стремилась поставить под свой контроль активизирующееся в народе стремление к объединению, заключив его в рамки своей «политики одного канала» в отношении Севера.

После опубликования «Декларации 7 июля» продолжились предварительные переговоры, связанные с подготовкой встречи членов парламентов Севера и Юга, и переговоры Обществ Красного Креста, а 16 ноября 1988 г. Север выступил с предложением провести переговоры высших представителей политических и военных кругов Севера и Юга для поисков путей ослабления военно-политического противостояния. 28 декабря 1988 г. Юг выступил с ответным предложением провести переговоры Севера и Юга с участием чиновников высокого уровня, которое Север принял 16 января 1989 г. Предварительные переговоры по этому вопросу были в разгаре, когда 11 сентября администрация Ро Дэу выступила с «Планом воссоединения через создание корейского национального сообщества» (*Хан минджок кондончхе тхонъхиль панан*), который представлял собой краткое изложение ее предложений по объединению.

Этот проект, подчеркнув принцип самостоятельного, мирного и демократического объединения, предполагал путем переговоров на высшем уровне создать Совет Севера и Юга; провести переговоры членов кабинета министров по конкретным практическим вопросам; провести всеобщие выборы, основываясь на «Конституции объединения», разработанной Советом Севера и Юга, учредить «свободную демократическую республику» с двухпалатным парламентом и таким образом осуществить объединение нации. Основными принципами политики объединенного государства объявлялись демократическая республиканская система, повышение благосостояния и надежное обеспечение безопасности всех его граждан, установление дружественных отношений с другими государствами. Проект содержал призыв к Северной Корее обеспечить соблюдение прав человека и отказаться от «курса на объединение путем «коммунизации» Юга», т.е. от использования насилия во внутрикорейских отношениях.

«План» Ро Дэу предполагал создание «союза Севера и Юга», и тем отличался от предлагаемого Севером «конфедеративного» плана объединения и от предлагаемого оппозиционными партиями Юга плана соз-

дания «союза государств». Согласно «Плану» Ро Дэу, «каждое государство — и Север, и Юг — остается суверенным и сохраняет собственные международные отношения и вооруженные силы, но это не означает раздел Корейского полуострова. Хотя, на первый взгляд, это предложение может показаться противоречивым, оно порождено реальными потребностями: признать существование двух различных систем и одновременно сохранить традиции нашей нации, которая имеет многотысячелетнюю общую историю».

Предложение Ро казалось противоречивым, ибо оно призывало к сосуществованию двух суверенных государств с независимыми внешней политикой и вооруженными силами. В отличие от северокорейского проекта объединения, суть которого можно охарактеризовать как «одно государство — две системы», суть выдвинутого правительством Ро проекта можно свести к формуле: «два государства — две системы».

После восьми раундов подготовительных встреч, состоявшихся в период с 8 февраля 1989 г. по 26 июля 1990 г., с 4 по 7 сентября 1990 г. в Сеуле состоялась первая встреча высших должностных лиц Севера и Юга. На ней Юг выступил с проектом базового соглашения по улучшению отношения между Севером и Югом, а Север — с проектом мер по прекращению политического и военного противостояния. На состоявшейся 16–19 октября второй встрече в Пхеньяне Юг выступил с проектом совместной декларации о примирении и сотрудничестве Севера и Юга, а Север — с проектом Декларации о ненападении. 11–14 декабря в Сеуле прошла третья встреча, где Юг опять представил проект базового соглашения по улучшению отношений Севера и Юга, а также Декларацию Севера и Юга о взаимном ненападении, а Север — проект Декларации о взаимном ненападении, примирении и сотрудничестве.

Переговоры Севера и Юга на высшем уровне проходили попеременно то в Пхеньяне, то в Сеуле, и во время их проведения по очереди, 11 и 21 октября 1990 г., в обеих столицах прошел «футбольный чемпионат Севера и Юга за объединение». Единые команды Севера и Юга с успехом приняли участие в ХLI чемпионате мира по настольному теннису (25 марта 1991 г.) и Шестом молодежном чемпионате мира по футболу (6 мая 1991 г.). 17 сентября 1991 г. Республика Корея и КНДР были одновременно приняты в ООН.

На четвертых переговорах высших должностных лиц, состоявшихся 22–25 октября 1991 г. в Пхеньяне Юг выступил с проектом базового соглашения по улучшению отношений между Севером и Югом, куда входила и декларация о взаимном ненападении, и предложения по установлению связей в области коммуникаций и транспорта, экономическим обменам и сотрудничеству. Север, в свою очередь, представил проект декларации о денуклеаризации Корейского полуострова. На пятых переговорах, состоявшихся в Сеуле 10–13 декабря 1991 г., был принят базовый документ, известный как «Соглашение между Севером и Югом

о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве» (*Нам — Пук саи-ый хвахэ-ва пульгачхим мит кёрю — хемнёг-е кванхан хабыйсо*). Оно состояло из 25-ти пунктов.

Раздел «Примирение» содержал пункты о признании и уважении политических систем друг друга; невмешательстве во внутренние дела; запрете актов, нацеленных на подрыв или завоевание противной стороны; соблюдении Соглашения о перемирии до тех пор, пока оно не будет заменено договором о мире; прекращение взаимной конкуренции на международной арене; создании Бюро по связям между Севером и Югом в Пханмунджоме и политического подкомитета Севера и Юга.

Раздел «Ненападение» включал пункты о неприменении вооруженных методов и ненападении, мирном разрешении спорных вопросов, соблюдении неприкосновенности разделительной линии, создании Совместного военного комитета Севера и Юга, установлении прямой телефонной связи между военными ведомствами сторон, создании военного подкомитета Севера и Юга.

Раздел «Обмены и сотрудничество» предусматривал совместное освоение природных ресурсов; обмен сырьем и материалами; совместные капиталовложения; обмен и сотрудничество в таких областях как наука, технологии, образование, культура, искусство и спорт; свободные путешествия и общение граждан; свободу контактов, путешествий, встреч и посещений для членов разделенных семей и их воссоединение в соответствии со свободным волеизъявлением; объединение железных и шоссейных дорог и открытие морского сообщения; создание Совместного комитета по экономическому обмену и сотрудничеству. Был открыт путь к объединению и нормализации деятельности всех отраслей, разделенных в ходе национального раздела и, особенно, Корейской войны.

Базовое соглашение было логическим продолжением Совместного заявления 4 июля 1972 г., но содержало гораздо более конкретную, весомую и прогрессивную часть о самостоятельном и мирном воссоединении. Его можно расценивать как большой успех национального движения, развивавшегося ценой огромных жертв со времен раздела страны. Но, несмотря на все надежды, совместные американо-южнокорейские маневры «Тим спирит» и северокорейская ядерная проблема продолжали препятствовать усилиям сторон добиться воссоединения, и в реализации пунктов базового соглашения при Ро Дэу никакого успеха достигнуто не было. На Юге задача реализации его положений была возложена на новое «гражданское правительство» (*мунмин чонквон*), наконец пришедшее к власти после 30 лет военного правления.

Использованная литература

- Хан минджок кондончхе тхониль ан-ый иронджок кичхо-ва чончхэк панхян (Теоретические основы и направления политики проекта по объединению корейской национальной общности). Сеул: Куктхо тхонирвон (Институт объединения нации), 1990.
- Тонъя ёнгам (Ежегодник «Тонъя»). Сеул: Тонъя ильбоса, 1989–92.
- Хангук сахве ундонса (История общественных движений в Корее). Ред. Чо Хиён. Сеул: Чуксан, 1990.
- Нёнпхё инмуль чарё-ро пон Нам — Пук Хан 45нёнса (45 лет истории Севера и Юга Кореи в хронологии, лицах и материалах) / Политический отдел Института социальных проблем «Хангёре». Сеул: Вольган тари, 1989.
- Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 4 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.

Часть 3

ЭКОНОМИКА: ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ (1945–1992)

Введение

Корея стала колонией Японии в переходный период от средневековья к новому времени. Колонизация воспрепятствовала накоплению национального капитала, становлению и развитию современной национальной промышленности. Кроме того, за 35 лет колониального правления, большая часть национального достояния была присвоена японцами. В результате самой насущной экономической проблемой, которая встала перед Кореей после Освобождения 15 августа 1945 г., был перевод экономики колониального периода на демократические рельсы и создание самостоятельной экономики.

В конце 1930-х годов, когда перспектива скорого национального освобождения стала весьма отчетливой, между правым и левым течениями национально-освободительного движения был достигнут консенсус (скажем, в рамках Шанхайского временного правительства) о том, что при независимости должна быть осуществлена национализация основных отраслей промышленности и земли как главных национальных богатств. Однако после Освобождения установление американской военной администрации и создание отдельных государств на Севере и Юге сделали невозможным реализацию экономических планов деятелей национально-освободительного движения.

В Южной Корее земельная реформа была осуществлена весьма непоследовательно, и в результате многие крестьяне утратили свои земельные наделы. В промышленности была не только признана крупная частная собственность корейцев, но и принадлежавшие японцам предприятия перешли к частным лицам, которые были с ними связаны, так что разработанные фронтом национально-освободительного движения экономические планы и в этом случае выполнены не были.

В колониальный период подлинно национальный капитал не сформировался, и промышленная структура Кореи представляла собой не

более чем придаток к экономике метрополии. Неспособность местных промышленных предприятий функционировать в полной мере самостоятельно после раздела страны еще более углубилась, и потому в период правления Ли Сынмана (1948–1960) экономика, в силу нехватки капитала и технической отсталости, могла выжить только с помощью США. Эта помощь была предоставлена с целью поставить южнокорейскую экономику в зависимость от Америки и укрепить антикоммунистическую систему.

Главными в экономической системе Южной Кореи этого времени были «три белые отрасли промышленности» (*сам бэк саноп*): мукомольная, хлопкопрядильная и сахаропроизводительная. Они развивались за счет импорта излишков американской сельскохозяйственной продукции, и это существенно снизило заинтересованность крестьян в развитии собственного производства и превратило Южную Корею в постоянного импортера пищевых продуктов. Кроме того, индустриальный сектор продолжал развиваться по схеме, унаследованной от колониального времени — с упором на товары потребления. В нем доминировала небольшая группа предпринимателей, связанная с государством и зависимая от иностранной экономической помощи. Таким образом, в период после освобождения экономика Южной Кореи превратилась из экономики, подчиненной Японии, в экономику, зависимую от американской помощи.

Экономика времен Ли Сынмана характеризовалась зависимостью, монополизмом и упором на потребление, что тормозило формирование основ самостоятельного национального хозяйства. В результате с конца 1950-х годов необходимость демократизации и повышения самостоятельности экономики становилась все более очевидной. Сокращение объемов американской экономической помощи в результате ухудшения баланса американской торговли привело к свертыванию производства со стороны *чэболь* (яп. *дзайбацу*, связанные с правительством конгломераты) и застою экономики в целом. Он стал одной из причин Апрельской революции 1960 г., которая смела режим Ли Сынмана.

Правительство Чан Мёна попыталось провести некоторые меры по демократизации экономики, но слишком недолго находилось у власти. Режим Пак Чонхи выдвинул план развития экономики, который предполагал замену прежней, зависимой от иностранной помощи, экономической системы на новую — основанную на привлечении иностранного капитала. Пак Чонхи пришел к власти в мае 1961 г. — в период, когда объем американской экономической помощи сокращался, а передовые капиталистические страны начали искать сферы вложения капитала в странах третьего мира, в первую очередь, — в легкую промышленность.

Режим Пак Чонхи активно привлекал иностранный капитал и, пользуясь дешевизной корейской рабочей силы, добился высоких темпов роста, в первую очередь, легкой промышленности и быстрой диверси-

фикации и увеличения экспорта. Для привлечения прямых иностранных инвестиций были созданы «зоны свободного экспорта» со специальным налоговым режимом. Однако старые проблемы, унаследованные от колониального прошлого: ориентированное на потребление производство, монополизм крупных производителей, большая зависимость от внешних экономик и пренебрежение аграрным сектором, — сохранились.

С начала 1970-х годов передовые капиталистические страны, продолжая монополизировать передовые высокие технологии, начали выводить некоторые производства тяжелой промышленности, а также капитал в неразвитые капиталистические страны. Режим Пак Чонхи активно расширял металлургическую и автомобильную промышленности. Однако к концу десятилетия чрезмерные вложения в тяжелую промышленность и неудачные попытки открыть иностранные рынки для южнокорейской продукции привели к глубокому экономическому застою. Это была одна из главных причин падения режима Пак Чонхи.

С начала 1980-х годов экономика страны под давлением передовых капиталистических стран стала шире открывать свой рынок для импорта. Режим Чон Духвана попытался преодолеть экономический кризис конца 1970-х — начала 1980-х годов, избавившись от малоприбыльных производств и полностью реорганизовав, по требованию США и других передовых капиталистических стран, структуру промышленности, с целью — как и при Пак Чонхи — обеспечить быстрый экономический рост, в первую очередь, тяжелой и химической промышленности.

К середине 1980-х годов режиму Чон Духвана, благодаря так называемым «трем низким стоимостям»: низким процентным ставкам, низким ценам на нефть, низкой стоимости доллара, — удалось преодолеть экономический кризис и укрепить монополистический капитал, но также еще больше увеличилась зависимость страны от экономик передовых капиталистических стран. «Три низких стоимости» через какое-то время исчезли как фактор экономической жизни страны, но международное давление на Южную Корею, с тем, чтобы она открыла свою экономику, продолжалось. Южнокорейское правительство не могло противостоять этим требованиям, что в правление Ро Дэу опять привело к отрицательному балансу в торговле.

«Открытая экономика» 1980-х существенно повлияла на средний и мелкий бизнес. Если до этого они постоянно находились под «дамокловым мечом» разорения или поглощения крупными монополистами, то дальнейшее укрепление ориентированного на экспорт монополистического капитала в 1980-х годах означало, что, с одной стороны, сами эти корпорации оказались втянутыми в международную систему разделения труда, а с другой, — что средние и маленькие предприятия трансформировались в субподрядчиков крупных монополистических предприятий. Эти изменения серьезно изменили роль среднего и малого бизнеса, сделав его полностью зависимым от крупного.

Политика «открытой экономики» 1980-х годов неизбежно принесла изменения и в финансовую сферу. Финансовая политика, основывавшаяся в прошлом на низких процентных ставках и «привилегированных» кредитах, которые предоставляли корпорациям-экспортерам находившиеся в собственности государства финансовые учреждения, существенно изменилась в результате приватизации финансовых учреждений и автономизации их управления. Частично это было результатом внутренних экономических изменений, но это также было и следствием возросшего давления транснациональных корпораций, требовавших открытия южнокорейского финансового рынка. Приватизация банков и расширение рынка «вторичных» финансовых услуг (инвестиционные фонды и т.д.) привели к установлению доминирующего влияния на финансовом рынке внутреннего монополистического капитала, однако вместе с «открытием» финансового рынка начал расти и контроль транснациональных корпораций над финансами Южной Кореи.

От мер по «открытию» экономики в 1980-х годах больше всего пострадал аграрный сектор, особенно в связи с подписанием различных внешне-торговых соглашений в ходе «Уругвайского раунда» переговоров о либерализации мировой торговли и избавлении от таможенных пошлин (1986–1994). Сельское хозяйство, которому ранее не уделялось должного внимания, поскольку приоритет отдавался тяжелой и химической промышленности, оказалось полностью неготовым к вступлению в новую экономическую систему и неспособным противостоять международной конкуренции. Когда с открытием рынка сельскохозяйственной продукции стало ясно, что «диверсификационная сельскохозяйственная политика» (поощрение выращивания высокодоходных культур и рыночно ориентированного скотоводства) правительства провалилась, оно разработало новый «Комплексный план развития сельского хозяйства и рыболовства», создало трастовый фонд по управлению обрабатываемыми землями и делает попытки осуществить индустриализацию села, но остаются серьезные сомнения в том, увенчаются ли эти попытки успехом в условиях полного открытия рынка сельскохозяйственной продукции, включая рис.

Глава 1

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ (1940–50-е гг.)

Аграрная политика американской военной администрации — конфискация японской земельной собственности и проблемы земельной реформы

Начавшийся в 1876 г. с подписания Канхваского договора с Японией период «открытия» Кореи характеризовался некоторым сокращением крупной земельной собственности на землю, а одним из основных тре-

бований участников крестьянской войны 1894 года была передача крестьянам владений крупных землевладельцев в собственность, что свидетельствовало о кризисе крупного землевладения. Однако в колониальный период крупное землевладение вновь окрепло, и ко времени разгрома Японии в 1945 г. 63% обрабатываемых земель находились в частной собственности крупных владельцев. По этой причине даже придерживавшееся правой ориентации Шанхайское временное правительство включило национализацию земли одним из пунктов своей «Программы строительства государства» после Освобождения. Согласно «Программе», наследование и продажа запрещались, а полевые работы должны были осуществляться по старинной общинной системе *туре* (совместная посадка и сбор урожая). Однако после 15 августа 1945 г. процесс ликвидации крупного землевладения и передачи земли в собственность крестьянам к югу от 38-й параллели столкнулся с большими трудностями.

Реализация аграрной политики американской военной администрации (АВА) началась с опубликования ею 25 сентября 1945 г. Указа № 2, согласно которой все находившееся в государственной и общественной собственности имущество, а также имущество, принадлежавшее японцам как частным лицам, конфисковывалось и передавалось под управление АВА, а решения местных народных комитетов о захвате земель японских землевладельцев и японского Восточного Колонизационного Общества (*Тонъян чхоксик хвеса*) объявлялись незаконными. В Указе № 9 от 5 октября 1945 г. был установлен максимальный размер стоимости аренды земли — треть урожая, землевладельцам было запрещено расторгать договор аренды до истечения срока его действия, а уже действующие договоры, где стоимость аренды превышала треть урожая, были объявлены незаконными. В феврале 1946 г. АВА объявила имущество Восточного Колонизационного Общества и японских корпораций на юге Кореи своей собственностью и для управления ею учредила Общественную корпорацию «Синхан» (*Синхан конса*).

Взяв под контроль все принадлежавшие японцам земли и сократив до 30% стоимость аренды, которая в колониальное время превышала 50%, американская военная администрация внесла определенные изменения в систему землевладения. У нее не было никаких планов относительно дальнейших аграрных реформ. Но реальность была такова, что на конец 1945 года только 13,8% крестьян обрабатывали свою собственную землю. 34,6% обрабатывали «смешанные» участки, где часть находилась в их частной собственности, а часть они арендовали. 48,9% крестьян были «чистыми» арендаторами. Без земельной реформы демократизация экономики была невозможна, и потому все политические партии Кореи — и правые, и левые, — выдвинули программы и курсы ее осуществления.

В начале 1946 г. к северу от 38-й параллели была осуществлена земельная реформа, по которой все земли были конфискованы у крупных землевладельцев без компенсации и безвозмездно переданы крестьянам. Это событие активизировало крестьян Юга, которые стали все более настойчиво требовать реформ сельского хозяйства. Созданный 8 декабря 1945 г. Общенациональный союз крестьянских объединений (*Чонгук нонмин чохап чхон ёнмэн*) потребовал конфискации принадлежавшей японцам и национальным предателям земли и передачи ее крестьянам и подготовил свой проект земельной реформы, который был передан АВА 21 февраля 1947 г. В ответ на это АВА объявила о создании Временного законодательного совета Южной Кореи (*Нам Чосон квадо инпоп ыйвон*) и обещала, что он решит вопрос о земельной реформе. В 1947 г. в Тэгу и других районах провинции Северная Кёсан произошли массовые народные волнения, известные в южнокорейской историографии как «октябрьское народное сопротивление» (*сиволь минджун ханджэн*), и американская администрация осознала, наконец, важность земельной реформы. Однако Временный совет, преобладающее влияние в котором принадлежало Демократической партии Кореи и сторонникам Ли Сынмана, долго тянул время и представил проект реформы лишь 23 декабря 1947 г. А поскольку в тот момент правое крыло Временного совета бойкотировало его деятельность, требуя передачи корейского вопроса в ООН и создания на Юге сепаратного правительства, то комитет по обсуждению проекта земельной реформы так и не был создан. Несмотря на настойчивые предложения, с которыми АВА неоднократно обращалась к Временному совету, решение этого вопроса затянулось вплоть до создания отдельного правительства, а деятельность АВА в этом направлении ограничилась планами передачи местным собственникам тех земель, которые ранее были в собственности японцев, а теперь находились в управлении Общественной корпорации «Синхан». Когда стало ясно, что Временный совет по законодательству не желает заниматься всерьез вопросами земельной реформы, 10 марта 1948 г. АВА издала Указ Переходного правительства Южной Кореи № 173 о роспуске корпорации «Синхан», а для распродажи находившихся в ее ведении земель 22 марта учредила Центральную земельную администрацию (*Чунан тходжи хэнджончхо*).

Эта новая администрация установила три условия распродажи земли, применимые к участкам размером до 2 *чонбо*. Первое — приоритетное право на покупку участка имеют обрабатывающие его арендаторы. За ними следуют крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, крестьяне-беженцы из Северной Кореи и перебравшиеся на Юг жертвы стихийных бедствий, а также крестьяне, вернувшиеся на родину из-за рубежа (в основном из Японии или Маньчжурии). Второе — цена земли устанавливается в размере 300% стоимости среднегодового урожая с выплатой по 20% в течение 15 лет. Третье — продажа, сдача в аренду и

под залог полученных в результате распродажи участков запрещается в течение определенного периода времени.

Как видно из *Таблицы 1*, в ведении Общественной корпорации «Синхан» находилось 324 тысячи *чонбо* земли: 270 тысяч *чонбо* обрабатываемых земель плюс сады, тутовые рощи, земли под жилыми усадьбами и леса. Из этих земель АВА распорядилась только поливными и суходольными полями, из которых ко времени, когда к власти пришел Ли Сынман, 85% было уже продано, в основном — обрабатывавшим их крестьянам. Американская администрация спешила с перераспределением хотя бы ранее принадлежавших японцам земель потому, что в условиях, когда уже существовал план создания отдельного правительства в Южной Корее, в преддверии намеченных на 10 мая 1948 г. парламентских выборов она хотела ослабить позиции левых сил и провести выборы в более выгодном для себя ключе.

Таблица 1

**Площадь земли, находившейся в управлении
Общественной корпорации «Синхан» (в *чонбо*, %)**

Тип земли	Площадь	Процент от целого
Поля поливные	205 988	75,5
Поля суходольные	62 631	23,0
Сады	3 618	1,3
Тутовые рощи	670	0,2
Всего обрабатываемых земель:	272 907	100,0
Земли под жильем	3 342	
Прочие сельскохозяйственные угодья	10 518	
Леса	37 697	
ВСЕГО	324 464	

Источник: Ноноп кёндже нёнбо (Сельскохозяйственный и экономический ежегодник). Сост.: Издательство газеты «Нонним синмунса» («Поля и леса»). Сеул, 1949.

Земельная реформа в период правления Ли Сынмана

Планы всеобъемлющей аграрной реформы и национализации земли, вынашивавшиеся в колониальный период деятелями национально-

освободительного движения как левой, так и правой ориентации, не были реализованы во время трехлетнего правления американской военной администрации, которая распорядилась только теми землями, которые раньше принадлежали японцам. Таким образом, задача осуществления фундаментальной земельной реформы перешла к режиму Ли Сыньмана. 86-я статья конституции, в соответствии с которой было сформировано правительство Ли, гласила, что «сельскохозяйственные угодья будут переданы крестьянам» и что «условия передачи, предельные размеры земельной собственности, ее особенности и налагаемые на нее ограничения определяются законом».

5 февраля 1949 г. правительство представило в парламент проект земельной реформы из трех пунктов. Первое — правительство купит участки, обрабатываемые арендаторами, а также участки свыше 3 *чонбо*, находящиеся в собственности у обрабатывающих их крестьян, и проведет их перераспределение в размере до 3 *чонбо* с выдачей компенсаций арендаторам, сельскохозяйственным рабочим, занимающимся сельским трудом потомкам скончавшихся борцов за независимость и вернувшимся на родину из-за рубежа корейцам — в такой очередности. Второе — стоимость земли устанавливается в размере 200% среднегодового урожая; правительство выплатит ее землевладельцам в течение 10 лет, начиная через 3 года после отъема у них земли. Третье — крестьяне, получившие землю, должны выплатить ее полную стоимость равными частями в течение 10 лет.

Национальное собрание также подготовило проект земельной реформы. В общих чертах он был похож на тот, что предложило правительство, за исключением того, что цена земли устанавливалась в размере 300% среднегодового урожая, что было менее выгодно для крестьян, чем цена, предложенная в проекте правительства. По сравнению с проектом АВА, который предусматривал стоимость надела в размере 300% среднегодового урожая с выплатой ее в течение 15 лет по 20% ежегодно, также невыгодным для крестьян был и предложенный правительством и парламентариями срок выплат — 10 лет. Предложенный парламентом проект отвечал интересам, в первую очередь, крупных землевладельцев, которых было немало среди его членов.

В процессе обсуждения Закона о земельной реформе в Национальном собрании развернулись жаркие дискуссии между сторонниками правительственного проекта, с одной стороны, и парламентского проекта, — с другой. В результате был подготовлен новый, компромиссный, план, который был представлен правительству 28 апреля 1949 г. Он предусматривал компенсируемую крупным землевладельцам стоимость земельных наделов в размере 150% среднегодового урожая, выплату крестьянами стоимости участков в размере 125% среднегодового урожая, а платежный период был сокращен до 5 лет. Решение о сокращении стоимости земли, которую должны были выплатить крестьяне,

вдвое — по сравнению с проектом правительства, и втрое — по проекту парламента, было принято под давлением общества, где преобладало мнение, что реформа должна быть выгодна крестьянству.

Суммы компенсаций крупным землевладельцам были назначены выше, чем выплаты за земельные наделы крестьян, и их выплаты оказались бы весьма обременительными для государственной казны. Поэтому правительство заявило о невозможности осуществить реформу по финансовым причинам и потребовало уравнивать стоимость компенсаций и выплат. Национальное собрание отвергло это требование и вновь направило законопроект в правительство. В результате 21 июня 1949 г. этот закон был принят без каких-либо изменений. Но правительство не осуществило земельную реформу на том основании, что это было слишком тяжелое финансовое бремя. Критика со стороны народа заставила парламент принять 10 марта 1950 г. поправку к Закону о земельной реформе, которая уравнивала компенсации крупным землевладельцам и выплаты крестьян.

Исправленный закон не уменьшал компенсаций, а поднимал размер выплат до 150% среднегодового урожая, сохранив при этом 5-летний период выплат. Это означало, что крестьянам ежегодно надо было отдавать на выплаты 30% урожая ежегодно.

Закон о земельной реформе был после многих проволочек и с большими затруднениями, наконец, принят, но осуществлялся он — с середины марта 1950 г. — крайне непоследовательно⁵³, как и другая важнейшая задача деколонизации — наказание прояпонских коллаборационистов. Это стало главной причиной ослабления поддержки в обществе первого после Освобождения национального правительства — режима Ли Сынмана.

Проект земельной реформы, предложенный режимом Ли Сынмана, был выгоден крупным землевладельцам. Все связанные с земельной реформой дискуссии в политических кругах южной Кореи после освобождения были связаны, в первую очередь, с вопросом об условиях компенсации и перераспределения. Предлагались три основных варианта: конфискация земли без компенсации и ее безвозмездное перераспределение; конфискация с компенсацией и безвозмездное перераспределение; конфискация с компенсацией и перераспределение с выплатой. Американская военная администрация осуществила конфискацию принадлежавших японцам земель без компенсации и передала их крестьянам, которые ее обрабатывали, за деньги. Правительство Ли Сынмана

---

⁵³ В принципе, планы перераспределения земли на местах должны были быть одобрены сторонами (крупными землевладельцами и крестьянами) к 24 марта 1950 г. (хотя сделано это было не везде). Подробные правительственные указания о выплатах за переданную землю были опубликованы 23 июня 1950 г. — за два дня до начала войны с КНДР.

конфисковало землю у крупных землевладельцев-корейцев с выплатой им компенсаций и перераспределило эту землю между крестьянами за выкуп. И первая, и вторая меры по осуществлению земельной реформы были выгодны крупным хозяевам, а мелким и средним крестьянам — невыгодны.

Земельная реформа в южной Корее была осуществлена через 5 лет после Освобождения страны. Но существовала большая разница между площадями, сдававшимися в аренду по состоянию на 15 августа 1945 г., и площадью сельскохозяйственных угодий, реально распределенных в результате земельной реформы. Она происходила оттого, что большое количество земли было продано частным образом до реформы. Как видно из *Таблицы 2*, общая площадь сдаваемой в аренду земли в конце 1945 г. составляла 1 447 тыс. *чонбо*, в то время как площадь земель, распределенных по земельной реформе, составила только 550 тыс. *чонбо*. В результате земельной реформы были перераспределены только 38% земли, сдававшейся в аренду в конце колониального периода. Остальная часть была, в основном, выгодно продана хозяевами.

Таблица 2

**Земли, арендованные в 1945 г.,
и земли, распределенные по реформе (в *чонбо*)**

	Земли, арендованные в 1945 г.	Земли, пере- распределенные по реформе	В процентном отношении
Поля поливные	895 313	395 794	44%
Поля суходольные	552 046	155 174	28%
Всего	1 447 359	550 968	38%

Источник: *Сакураи Хироси*. Канкоку ноджи кайкаку но сайкэнто (Новый взгляд на земельную реформу в Корее). Токио, 1976, с. 120.

Главной задачей земельной реформы было передать крестьянам землю в собственность и создать полностью самостоятельное, не зависимое от аренды сельское хозяйство. Хотя реформа администрации Ли Сынмана формально и привела к созданию такого хозяйства, оно осталось нестабильным — большинство крестьян не выбрались из бедности — и потому в реальности преобразования надо считать непоследовательными.

В процессе осуществления реформы разразилась Корейская война. Это привело к спаду в сельскохозяйственном производстве. Кроме того,

испытывавшее большие финансовые трудности правительство ввело временный налог на землю. Общая сумма выплат и налогов по перераспределенным участкам земли доходила до 39% урожая, что было большим бременем для крестьян. Кроме того, все годы войны продолжалась очень сильная инфляция — до 100% в год. Хотя некоторые отрасли экономики и выиграли от инфляции, она серьезно ухудшила положение крестьян, которые должны были платить налоги и выплаты натурой.

После земельной реформы крестьяне по-прежнему пребывали в нищете, испытывая огромные трудности с выплатами за землю. В марте 1953 г., когда, согласно реформе, должен был закончиться срок крестьянских выплат за перераспределенную землю, объем внесенного крестьянами зерна составил лишь 56,8% от того, что они должны были внести в качестве компенсаций за полученные ими участки. Только к 1962 г. крестьяне выплатили зерном 98% стоимости своих участков. Росло число крестьян, которым не оставалось ничего иного, кроме как продать свои участки еще до окончания выплат за них. К концу 1954 г. было совершено 13 006 таких сделок, в результате которых было продано 3146 *чонбо* поливных и суходольных земель.

Как уже говорилось выше, строя планы устройства корейского государства после Освобождения, Шанхайское временное правительство разработало план земельной реформы, предполагавший национализацию земли, распределение ее между крестьянами, запрет на передачу земли в наследство и ее продажу. Администрация Ли Сынмана поступила проще: она запретила продажу и передачу земли в дар, если стоимость ее не выплачена полностью. В результате опять появились землевладельцы, сдающие свои земли арендаторам. Это означало, что земельная реформа не выполнила свою задачу по созданию стабильного и самостоятельного сельского хозяйства. Не была достигнута и другая цель реформы: побудить бывших крупных землевладельцев вкладывать полученные в качестве компенсаций за участки деньги в развитие промышленности.

По подсчетам официальных органов, к 1954 г. бывшие крупные землевладельцы получили в качестве выплат за конфискованные участки земли 132,7 млрд. хван (264 млн. долларов по тогдашнему официальному курсу). Правительство надеялось использовать эти деньги, а также доходы от продажи принадлежавшего японцам имущества на развитие индустриализации. Земельные облигации, в виде которых правительство выдавало бывшим крупным землевладельцам компенсации за конфискованные земли, хранились как сбережения в финансирувавшем промышленников государственном Корейском промышленном банке, который выдавал их владельцам ежемесячно до 300 тыс. хван — на жизнь — и отказывался признавать эти облигации как платежное средство за что бы то ни было, кроме налогов и при покупке ранее принадлежавшего японцам имущества. Выдача кредитов под залог этих обли-

гаций также была ограничена — операциями по управлению предприятиями, ранее принадлежавшими японцам. Со временем ограничения по облигациям были частично отменены, но их владельцы, в связи с сильной инфляцией, были вынуждены продавать их с 20–30-процентной скидкой. Таким образом, в деле превращения сельскохозяйственного капитала в индустриальный, а крупных землевладельцев — в промышленных капиталистов успеха добиться не удалось. От реформы выиграла лишь небольшая группа крупных землевладельцев, которые приобретали облигации со скидкой и получали прибыль, вкладывая их в покупку ранее принадлежавшего японцам имущества. Бывший до реформы сравнительно широким слой средних землевладельцев, промышленявших сдачей земли в аренду, фактически исчез.

В планах земельной реформы, которые выдвигали в годы колониального правления как правые, так и левые представители национально-освободительного движения, был и пункт о национализации всего имущества коллаборационистов. Но в Законе о земельной реформе Ли Сынмана такого пункта не было, как и пункта о перераспределении земель, занятых под садами и лесами, и они, таким образом, остались в собственности прежних хозяев — как обычных землевладельцев, так и коллаборационистов. Эти земли можно было и передать по наследству, как это было, например, с получившими в наследство большие земельные участки потомками известнейшего коллаборациониста Ли Ванъёна, который приобрел эти земли, способствуя, как премьер-министр Кореи в конце 1900-х гг., колонизации страны японцами.

Существуют два взгляда на значение земельной реформы Ли Сынмана. Согласно одному, это была выгодная помещикам реформа, в результате которой с помощью компромисса было покончено с полуфеодальной земельной собственностью. Согласно другому, это была буржуазная реформа, которая покончила с феодальной собственностью и расширила и укрепила крестьянскую собственность на землю. Ясно то, что это не была та реформа, которую рисовали в своем воображении деятели национально-освободительного движения. Она не смогла превратить бывших землевладельцев — получателей поземельной ренты, особенно средних и мелких, в индустриальную буржуазию. Поскольку Закон о земельной реформе запрещал продажу земли только на ограниченный период времени, навсегда покончить с безземельем крестьянства и арендаторством не удалось.

Политика Американской военной администрации и режима Ли Сынмана в отношении принадлежавшего японцам имущества

Единый фронт национально-освободительного движения колониального периода предполагал осуществить после Освобождения нацио-

нализацию всех производственных предприятий на территории Кореи, принадлежавших японскому правительству, японским корпорациям или частным лицам. Как уже упоминалось, Шанхайское временное правительство отстаивало идею национализации всех принадлежавших японцам промышленных и транспортных предприятий, банков и средств связи, а также наиболее крупных предприятий, находящихся в собственности у корейцев.

После освобождения АВА отказалась от каких-либо действий в отношении предприятий, находящихся в собственности у корейцев. 22 сентября 1945 г. она издала Приказ № 2, предусматривавший «замораживание или ограничение сделок с любым государственным или общественным имуществом Японии в Корее», а 23 декабря — Приказ № 33 о «конфискации частной собственности японцев в Корее», взяв, таким образом, на себя контроль над имуществом, находившимся в собственности у частных лиц японской национальности.

В период между декларацией японского императора Хирохито о капитуляции 15 августа 1945 г. и прибытием в Корею американских войск в середине сентября 1945 г. большая часть имущества, принадлежавшего японскому правительству, японским компаниям или отдельным частным лицам, управлялась самостоятельно их корейскими работниками. К середине декабря, когда был опубликован Приказ № 33, девять из десяти имевших собственность в Корее японцев уже возвратились в Японию. Большая часть их имущества была либо продана корейцам — частным лицам, которые заплатили за них все еще бывшими в обращении банкнотами центрального банка Кореи колониальных времен — Корейского банка (*Тёсэн гинко*), либо находилась под управлением лиц, назначенных бывшими японскими владельцами при отъезде, или самостоятельно сформированных комитетов корейских рабочих. Приказ № 33 был предназначен не столько для того, чтобы поставить под контроль АВА всю японскую собственность в Корее, сколько для того, чтобы поставить под этот контроль ту ее часть, которая уже была продана корейцам, находилась в управлении доверенных лиц и, особенно, в управлении рабочих комитетов. Приказ № 33 положил конец стихийно возникшему движению рабочих по управлению бывшими японскими предприятиями.

Под контролем АВА оказались 21,6% всех предприятий Кореи того времени, на них работало 48,3% всех сотрудников, что свидетельствует о том, что это были сравнительно крупные предприятия. АВА назначило в них управляющих с теми же полномочиями, что и у управляющих государственными предприятиями — в основном из числа тех, кто работал на этих предприятиях с колониальных времен, был их инвестором, поддерживал с этими предприятиями давние деловые отношения, или тех, кто был нанят на эту работу по приглашению рабочих комитетов сразу после 15 августа.

С марта 1947 г. АВА приступила к продаже части поставленной под ее контроль бывшей японской собственности. Было продано 513 предприятий, 839 объектов недвижимости и 916 других объектов. 513 предприятий представляли собой не более 10–20% общего количества конфискованных японских предприятий, к тому же они были в основном мелкие. Распродажа наиболее крупных предприятий, например, шахт и банков, была отложена до прихода к власти режима Ли Сынмана, которое последовало американскому примеру и стало продавать предприятия управляющим или же уже арендовавшим их предпринимателям. Таким образом, можно сказать, что общее направление того, как распорядиться конфискованным имуществом, было задано американской военной администрацией.

Перераспределение конфискованных сельскохозяйственных угодий было осуществлено путем продажи — в первую очередь, страдавшим от японских землевладельцев крестьянам-арендаторам, при этом основной целью было укрепление и расширение крестьянской собственности на землю. Однако в случае с другим имуществом японцев, в первую очередь, промышленными предприятиями, АВА отказалась поддержать созданные на некоторых из них комитеты самоуправления работников, и продало эти предприятия корейцам, которые были тесно связаны с их прежними владельцами-японцами и которым те доверили управление своими предприятиями перед отъездом из Кореи. В результате, американская администрация открыла прояпонским элементам путь к превращению в лидеров экономики южной Кореи.

Вскоре после прихода Ли Сынмана к власти, 11 сентября 1948 г. было заключено американо-южнокорейское «Соглашение о финансах и имуществе». Его пятый пункт оговаривал, что «Республика Корея признает и одобряет действия американской военной администрации по отношению к конфискованной согласно Приказу № 33 бывшей японской собственности — как общественной, так и частной». Таким образом, администрация Ли Сынмана признала и факт продажи японского имущества, и способ, каким она была осуществлена.

Стремясь добиться финансовой стабильности, эта администрация продала частным лицам и компаниям около 330 тысяч объектов бывшей японской собственности. Не были проданы только объекты трех категорий, зачисленные в разряд государственной или общественной собственности: Первая — основные природные ресурсы, леса и имеющие историческое и общественное значение территории, здания и памятники культуры. Вторая — то, что было необходимо для деятельности правительства и официальных организаций. Третья — предприятия, необходимые для национальной обороны и жизнедеятельности страны, основные шахты, сталелитейные и машиностроительные заводы, другие имеющие общественное значение предприятия. Проданное частным лицам имущество было разделено на 4 категории: предприятия и не-

движимое имущество; движимое имущество, акции и прочее. Приоритет в приобретении был отдан лицам, имеющим отношение к данной собственности, сотрудникам, а также людям, имеющим заслуги перед страной, и их потомкам. Распродажи проводились как для назначенных властями лиц, так и обычные. Выплаты стоимости недвижимого имущества должны были производиться частями, в течение 15 лет.

В результате Корейской войны 67% распроданных предприятий были разрушены, что значительно снизило эффект от произведенных операций по изъятию и перераспределению бывшей японской собственности, целью которых было укрепить государственные финансы. Однако 43% продаж конфискованной собственности пришлось на военный период, поскольку правительство стремилось увеличить производство военных материалов, контролировать инфляцию, наращивая обеспечение товарами, и облегчить дефицит военного времени путем передачи конфискованных предприятий под управление частных лиц. Однако инфляция серьезно обесценила полученные правительством выплаты, а падение производства, поскольку производственные предприятия часто не работали, привело к задержке платежей.

В конечном итоге, распродажа конфискованной собственности не принесла существенного дохода в государственный бюджет. В период с 1949 по 1955 гг. он составил лишь 1,5% от общей суммы налоговых поступлений. С 1957 г. некоторые суммы, полученные от этой распродажи, были использованы на поддержку жилищного строительства, средних и малых предприятий, сельского хозяйства. В 1949–1955 гг. правительство, чтобы пополнить казну всего лишь на 1,5%, продало всю собственность, которая была украдена у народа в течение 40 лет японского колониального господства, причем в основном тем лицам, кто был связан с японцами.

В целом примерно 40% платежей, которые государство получило за счет распродажи бывшей японской собственности в период до 1958г., поступили в форме земельных облигаций. Это не означало, что бывшие крупные землевладельцы выкупили такое количество конфискованной японской промышленной собственности. Причина заключалась всего лишь в том, что во время и после войны многие из них продали свои облигации со скидками торговцам-нуворишам, сумевшим разбогатеть среди хаоса первых лет независимости. При продаже конфискованных японских предприятий первоочередное право на покупку было отдано, как это было при Американской военной администрации, держателям акций, арендаторам и управляющим. В дальнейшем эти предприятия оттеснили только что возникшие средние и малые предприятия и использовали получаемую через связи в правительственных кругах американскую помощь для превращения в монополии.

В качестве вывода следует сказать, что большое число японских предприятий, которые были намечены для национализации деятелями

национально-освободительного движения колониального периода, перешли в частные руки при американской военной администрации и режиме Ли Сынмана. Попытки рабочих взять на себя управление предприятиями были пресечены. Стоит особо отметить, что в ходе приватизации японской собственности американцы избрали такой способ назначения управленцев, который, в конечном счете, привел к переходу предприятий к лицам, тесно связанным с бывшими японскими владельцами этих предприятий. Приоритеты режима Ли Сынмана и его практика продажи японского имущества назначенным властями лицам привели к тому, что предприятия перешли в руки тех, кто был связан с японцами, и именно эти люди после освобождения стали ядром южнокорейской капиталистической экономики. Таким образом, перераспределение конфискованных предприятий, которое по важности уступало только земельной реформе в процессе экономической деколонизации Кореи, привело к продаже важных активов по сниженным ценам про-японским элементам. Продажи сопровождались разного сорта привилегиями, делавшими их даже более реакционными в историческом контексте, чем земельная реформа. Это произошло потому, что АВА и режим Ли Сынмана, стремясь укрепить антикоммунистическую систему, сделали приоритетной цель создания преданного им социального слоя, который повел бы экономику по капиталистическому пути.

Использованная литература

- Хангук саноп кёндже симнёнса (10-летняя история промышленной экономики в Южной Корее). Сеул: Корейский промышленный банк (Хангук саноп ынхэн), 1955.
- Сакураи Хироси. Канкоку ноджи кайкаку но сайкенто (Новый взгляд на земельную реформу в Корее). Токио: Азия кейдзай кенкюдзо, 1976
- Ли Джонхун. Хангук кёнджерон (Корейская экономика). Сеул: Поммунса, 1979.
- Ю Инхо. Хэбан ху нонджи кэхёг-ый чонгэ кваджон-гва сонгёк (Ход и характер аграрной реформы после Освобождения) // Хэбан чонхуса-ый инсик (Осмысление истории до и после Освобождения). Сеул: Хангильса, 1979.
- Ким Бёнхэ. Нонджи кэхёг-ый пхёнка-ва пансон (Земельная реформа: оценки и размышления) // Хангук кёндже-ый чонгэ кваджон (Процесс развития южнокорейской экономики). Сеул: Тольбегэ, 1981.
- Ли Дэгын. Ми кунджон ха квисок чэсан чхори-е тэхан пхёнка (Оценка политики американской военной администрации в отношении бывшей японской собственности) // Хангук сахве ёнгу. 1983, № 1.
- Хван Хансик. Ми кунджон ха ноноп-ква тходжи кэхёк чончхэк (Сельское хозяйство и земельная реформа при американской военной администрации) // Хэбан чонхуса-ый инсик (Осмысление истории до и после Освобождения). Т. 2. Сеул: Хангильса, 1985.

Чан Санхван. Нонджи кэхёк кваджон-е кванхан сильчынджок ёнгу (Детальное исследование процесса земельной реформы по оригинальным материалам) // Там же.

Нонджи кэхёкса ёнгу (Изучение истории земельной реформы). Сост.: Научный центр экономики сельского хозяйства Кореи. Сеул, 1989.

Глава 2

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ (1950-е гг.)

Экономическая помощь США

По мере усиления японской агрессии на континенте в 1930-х годах произошла частичная колониальная индустриализация Корейского полуострова, поскольку Япония стремилась превратить Корею в базу для своих военных операций. Однако такая индустриализация поставила Корею в экономическую зависимость от Японии, привела к глубокому дисбалансу в развитии регионов и практически не дала никакой возможности самим корейцам для накопления капитала. Когда Япония была разгромлена и корейская промышленность оказалась отрезанной от метрополии, экономическая структура Корейского полуострова оказалась практически неспособной функционировать самостоятельно. Ситуацию ухудшило еще и то, что экономика южной Кореи гораздо больше пострадала от раздела страны, поскольку основная часть тяжелой промышленности была сконцентрирована на севере.

Кроме того, режим Ли Сынмана не смог заручиться поддержкой не только левых сил, но даже таких сил умеренно правой ориентации, как Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*), что привело к ослаблению его позиций как преемника национально-освободительного движения. Когда же Ли разошелся не только с умеренными правыми, но и с крайне правыми силами внутри страны, например с Демократической партией Кореи, социальная опора его режима начала резко ослабевать. Но Соединенные Штаты, желая поставить заслон «коммунизации» Корейского полуострова, были преисполнены решимости сохранить на Юге капитализм даже в таких неблагоприятных экономических и политических условиях. Для этого США прибегли в Корее к политике экономической помощи, которую они уже применяли в других странах с окончания второй мировой войны для предотвращения расширения социалистического блока.

Экономическая помощь, предоставленная южной Корее при американской военной администрации, была частью проекта «Управление и помощь в оккупированных зонах» (*Government and Relief in Occupied*

Areas — GARIOA), по которому американскую помощь получали после войны Германия, Япония и Австрия. Сумма помощи, которую США передали южной Корее за 3 года правления АВА, составила 410 млн. долларов. Она поступила в основном в виде потребительских товаров: продуктов питания (41,6%), сельскохозяйственного оборудования и запчастей (17%) и одежды (10%). Когда к власти пришла администрация Ли Сынмана, для обеспечения экономической стабильности в Южной Корее США начали осуществлять политику более долгосрочной экономической помощи. Эта помощь осуществлялась на основе американо-южнокорейского Соглашения о помощи (*Хан — Ми вонджо хёпчон*) и называлась «помощь Администрации экономического взаимодействия», коротко: «помощь И-Си-Ей» (Economic Cooperation Administration aid). С началом Корейской войны «помощь И-Си-Ей» трансформировалась в «помощь Эс-И-Си» (Supplies Economic Cooperation, экономическая помощь по снабжению), которая продолжалась до 1953 г. Кроме того, в годы войны Южная Корея также получала помощь в виде предметов первой необходимости от ООН, а после войны — помощь Агентства по восстановлению Кореи ООН (United Nations Korea Reconstruction Agency). Американская помощь Южной Корее увеличилась после прекращения огня в 1953 г. С этого времени она поступала через Агентство иностранных операций (Foreign Operations Agency — FOA), Агентство международного взаимодействия (International Co-Operation Agency — ICA), Агентство по международному развитию (Agency for International Development — AID), а также по публичному закону № 480 (Public Law 480). После того, как внешнеторговый баланс США ухудшился к 1957 г., объем безвозмездной помощи начал сокращаться, и вместо нее стали предоставлять займы.

Общий объем американской помощи в период с 1945 по 1961 г., когда при Пак Чонхи началась реализация первого пятилетнего плана экономического развития, составил примерно 3,1 млрд. долларов. Из них приблизительно 42% поступили в форме сырья и полуфабрикатов для мануфактур и в виде косвенных инвестиций в развитие аэропортов, портов и прочей инфраструктуры, 25% — в виде поставок таких сельскохозяйственных продуктов как пшеница и кукуруза, 9% — в виде материалов и производственного оборудования, 5% — в виде технической помощи. Помощь, которую США предоставила в течение 17 лет, позволила преодолеть хаос в годы сразу после Освобождения, серьезную нехватку продуктов и упадок производства в период Корейской войны, сохранить режим Ли Сынмана и добиться определенной степени стабильности в южнокорейской капиталистической экономике.

Однако с точки зрения задач, стоявших перед южнокорейской экономикой после Освобождения: экономическая деколонизация и создание структуры самостоятельной экономики, формирование сил, способных возглавить развитие демократической и производительной эконо-

мики, — американская помощь сыграла негативную роль. Ориентированная на потребление экономическая помощь в виде, в первую очередь, продуктов питания и хлопка-сырца задерживала развитие самостоятельных экономических структур. Хотя ввоз излишков сельскохозяйственного производства в виде продовольствия способствовал разрешению продуктового кризиса во время войны, он негативно повлиял на развитие южнокорейского сельского хозяйства, определил потребительские запросы южнокорейцев и поставил структуру потребления в зависимость от иностранной помощи. Помощь в виде поставок хлопка-сырца привела к созданию текстильных *чэболь*, зависящих от особых привилегий по централизованному распределению поступающих из США материалов и сокращению производства хлопка в Корее. Ориентированная на потребление американская экономическая помощь создала проблемы и для политики индустриального развития Кореи: задержала ее развитие, одновременно стимулируя быстрый рост уровня потребления южнокорейцев и создавая структуру потребления, которая в большой степени зависела от внешнего мира. Одновременно эта помощь была для Соединенных Штатов средством преодоления их собственных экономических трудностей после войны. Несмотря на то, что это была безвозмездная помощь, она помогла укрепить позиции американского капитализма на мировом рынке и, в конечной перспективе, расширению рынка сбыта американских товаров. Также экономическая помощь была способом развития экспорта американского капитала.

В целом можно сказать, что экономическая помощь помогла нации-донору преодолеть экономические проблемы, возникшие у нее после войны в результате избыточного производства, и развить экспорт своей продукции и капитала. Помощь эта также способствовала и укреплению политического и военного влияния страны донора на страну-получателя. Экономическая помощь явилась самым важным фактором в укреплении американского влияния на международные отношения после второй мировой войны. Но эта помощь одновременно и препятствовала формированию самостоятельной экономической структуры и национального капитала в странах-получателях и сделала их экономические системы зависимыми от внешней поддержки. Она также сделала возможным существование диктаторских режимов и формирование связанных с этими режимами монополистического капитала, сыграв, таким образом, роль в установлении недемократических политических и экономических систем.

Так же, как это было в случае с Южной Кореей, эта помощь способствовала созданию оплота антикоммунизма на переднем крае противостояния с СССР и Китаем и даже ставила задачей воспрепятствовать мирному объединению Корейского полуострова. Принятый в феврале 1950 г. «Акт об экономической помощи Дальнему Востоку» (Far East Economic Aid Act) оговаривал, что «в случае создания в Южной Корее

коалиционного правительства, в котором хотя бы один из членов является членом коммунистической партии или партии, подконтрольной северокорейским властям, или разделяет их идеалы, экономическая помощь будет прекращена».

Излишки сельскохозяйственного производства в США и сельское хозяйство Южной Кореи

В колониальный период Корея поставляла продовольствие в Японию, а в военное время, начиная с 1939 г., она испытала насильственную экспроприацию риса в форме «продразверстки» (*ссаль кончхуль*) и крайнее падение уровня потребления в результате введения карточной системы. Даже в этих трудных условиях корейское сельское хозяйство было способно обеспечить потребности населения, пусть на минимальном уровне. Но после Освобождения такие факторы как возвращение большого числа корейцев из-за рубежа и нехватка удобрений привели к ухудшению продовольственной ситуации.

Она усугубилась еще больше в результате Корейской войны. В 1949 г., за год до войны, в Южной Корее было собрано 2,4 млн. *сом* риса⁵⁴. В 1951 году эта цифра снизилась до 2 млн. Нехватка продовольствия и сильная инфляция привели к неуклонному росту цен на рис. Среднегодовая цена за один *сом* быстро возросла со 191 воны в 1949 г. до 906 вон в 1950 г., 2570 вон — в 1951 г. и 9300 вон — в 1952 г. По Публичному закону № 480 (PL480), в соответствии с которым осуществлялась основная часть поставок в форме помощи излишков американской сельскохозяйственной продукции, в Южную Корею ее было ввезено на сумму в 203 млн. долларов. Из этих поставок 10–20% американцы использовали для собственных нужд, а остальное направлялось южнокорейскому правительству на военные нужды. Пшеница составляла 41%, а хлопок-сырец, ячмень и рис вместе — 50%. Американская помощь в виде поставок излишков сельхозпродукции сыграла определенную роль в решении проблемы продовольствия в послевоенной Южной Корее. Для Соединенных Штатов она также стала средством предотвратить депрессию в сельском хозяйстве, надвигающуюся из-за перепроизводства. Большая часть средств, вырученных от продажи американской сельскохозяйственной помощи, направлялась в фонд обороны, и это шло в русле американской политики, направленной на блокирование распространения коммунизма и сохранение Южной Кореи под американским влиянием. Однако эта помощь оказала огромное воздействие на экономику южнокорейского села и уровень жизни крестьян. Эти американские поставки осуществлялись не столько для того, чтобы

⁵⁴ 1 *сом* колониального периода равнялся 200 литрам.

просто покрыть нехватку продовольствия в Корее, сколько для того, чтобы поддержать режим Ли Сыньмана, испытывавший серьезные финансовые трудности.

Таблица 3

Ввоз излишков американской сельхозпродукции
(единица: тысяча сом)

Год	Потребность по государственным оценкам	Внутреннее производство	Нехватка по государственным оценкам (А)	Реальный импорт (В)	В процентном соотношении (В/А)
1956	26 643	24 785	1 858	3 092	166
1957	28 444	21 126	7 318	6 318	86
1958	29 256	25 270	3 986	6 456	162
1960	31 822	26 885	330	3 512	1,064
1961	31 143	25 500	3 042	3 979	131
1962	33 232	30 325	2 157	3 677	170
1963	33 683	31 567	10 814	9 235	85
1964	38 436	28 398	3 963	6 391	161
1965	43 843	35 346	1 438	4 910	341
1966	56 652	44 570	4 110	4 205	102
1967	65 693	61 772	3 921	8 102	207
1968	69 680	60 918	8 762	11 171	127
1969	75 167	59 268	15 899	17 118	108

Источник: Нонним тхонге вольбо (Статистический ежемесячник полей и лесов). Сост. Управление полей и лесов. Сеул, 1971–72.

* Государственные оценки нехватки продовольствия, начиная с 1960 г., не включают остатков предыдущего года и недополученного за предыдущий год.

Как видно из *Таблицы 3*, с 1956 г., когда начались поставки излишков американской сельхозпродукции по Публичному закону № 480, и до их окончания в 1969 г. реальный объем импорта почти каждый год превышал государственные оценки нехватки продовольствия. Среднегодовой реальный объем ввоза за эти 13 лет превысил правительственные оценки нехватки продовольствия не менее чем в 2,23 раза. Причина того, что импорт продовольствия был более чем вдвое больше, чем реально требовалось, заключалась в том, что правительству нужны бы-

ли средства на военные нужды, и оно их получало путем продажи продовольственной помощи. Кроме того, таким способом оно пыталось обуздать сильную инфляцию, особенно рост цен на зерно. Американские сельхозпродукты продолжали поступать в страну и в дальнейшем, когда экономика уже оправилась от последствий войны и Южная Корея обеспечивала себя продовольствием на 97%, что вело к падению цен на производимое в стране зерно.

Последствием поставок американской сельхозпродукции стало снижение цен на местное зерно, сокращение доходов крестьян и уменьшение их заинтересованности в производстве, в результате Южная Корея стала постоянным импортером продовольствия. 74,3% доходов крестьянских хозяйств составляли поступления от сельского хозяйства (остальное приходилось на долю побочных промыслов, отходничества и т.д.), а поступления от сельского хозяйства, в свою очередь, на 78,5% были доходами от продажи зерна. Политика поддержания низких цен на зерно с помощью импорта американской сельхозпродукции вела к тому, что цены, по которым крестьяне продавали свое зерно, были искусственно заниженными. Средняя цена за 1 *сом* риса, проданный крестьянами в период с октября 1958 по сентябрь 1959 г. составила примерно 22 744 хван, что было на 2374 хван меньше реальной стоимости продукции. В 1959 г. среднемесячный доход городской семьи составлял 95073 хван (около 190 долларов США по официальному курсу и примерно 96 долларов по рыночному курсу), а крестьянской семьи — только 45 311 хван. В результате задолженность крестьянских хозяйств быстро росла: от 3 997 хван на семью в 1957 г. до 11 294 вон — в 1962 г. Поставки американской сельхозпродукции также привели к серьезным диспропорциям в южнокорейской экономике. Так называемые «три белые отрасли промышленности», интенсивное развитие которых способствовало восстановлению экономики после войны, основывались целиком на дешевом импорте сельхозпродуктов, поступающих в виде американской помощи. Это привело к подрыву производства всех сельскохозяйственных культур, кроме риса. Изменение вкусов потребителей, связанное с импортом американской пшеницы, привело к быстрому развитию мукомольного производства, но внутреннее производство пшеницы, которое ранее было столь же важно, что и производство ячменя, сократилось в связи с поступлением дешевой импортной пшеницы. В 1955 г. внутреннее производство удовлетворяло 70% потребности южнокорейцев в пшенице, а в 1958 г. — только 25%. Таким образом, крестьяне сосредоточили свою деятельность преимущественно на рисе, и это при том, что в связи с изменением вкусовых привычек потребление риса в стране стало сокращаться.

Аналогичная ситуация сложилась с хлопком. До Освобождения японское генерал-губернаторство, стремясь обеспечить производство военных материалов, насильственно заставляло крестьян культивиро-

вать хлопок в южной Корее, провозгласив политику «хлопок — на юге, шерсть — на севере» и приняв «план повышения производства хлопка». В результате, даже несмотря на то, что значительная часть хлопка шла на военные нужды, Корея почти полностью стала обеспечивать себя этим продуктом. Но с конца 1950-х годов, несмотря на огромное увеличение текстильного производства, площадь земель, отведенных под хлопок, стала резко сокращаться. Больше всего площадей под хлопок было занято в 1942 г. — 257 682 *чонбо*. К 1961 г. они уменьшились до 16 443 *чонбо*. Главной причиной того, почему в Южной Корее, где ранее под хлопком были заняты очень большие площади, теперь эти площади составляли не более 6% всех обрабатываемых земель, были, как и в случае с пшеницей, широкомасштабные американские поставки.

Что касается третьей «белой промышленности» — сахарной, — то тут дело обстояло иначе, поскольку Корея не производила сырье для производства сахара. Однако мукомольная и текстильная отрасли отказались от производимого внутри страны сырья и перешли на дешевое импортное. Эти отрасли легкой промышленности стали ведущими в развитии южнокорейского капитализма после Корейской войны и в итоге сосредоточились в руках монополистов — *чэболь*.

Американская экономическая помощь и промышленность

При Ли Сынмане в южнокорейской промышленности отчетливо проявились две тенденции: преимущественное развитие отраслей, производящих товары потребления и концентрация некоторых из этих отраслей в руках крупных монополистов. Это было связано с тем, что южнокорейский капитал опирался на иностранную экономическую помощь. За исключением последних колониальных лет, когда японцы стали превращать Корею в базу по производству военной продукции, в стране преимущественно развивались пищевая и текстильная отрасли промышленности. После Освобождения к порожденным колониализмом проблемам южнокорейской экономики прибавились новые, возникшие в результате американской экономической помощи, которая привела к дальнейшему преимущественному развитию производства товаров потребления, в первую очередь, «трех белых отраслей».

Сравнение производства потребительских и промышленных товаров в *Таблице 4* отчетливо показывает, до какой степени усилилась диспропорция южнокорейской индустрии в условиях получения американской экономической помощи. В 1953 г. сектор производства потребительских товаров составлял 74,4% всего промышленного производства, в то время как доля производства средств производства не превышала 18,3%. Этот перекося в структуре промышленности сохранялся до окончания американской экономической помощи в 1961 г. К этому времени

он даже еще больше усугубился: сектор производства потребительских товаров увеличился до 77,3%, в то время как производство средств производства возросло лишь на 1%. Этот структурный дисбаланс возник в результате той зависимости от импортных поставок, в которой оказались предприятия в ходе развития зависимой экономики.

Таблица 4

**Производство средств производства
и потребительских товаров (в %)**

	Южная Корея		Япония
	1953	1961	1959
Производство средств производства	18,3%	19,4	57,7
Химическая промышленность	7,6%	8, 2	11,1
Машиностроение		—	34,3
Производство стали, цветная металлургия	10,7%	11,2%	12,3
Потребительские товары Легкая промышленность	74,4%	77,3	30,1
Пищевая промышленность	27,0%	28,6	12,8
Текстильная промышленности	17,9%	17,4	8,8
Керамическое производство	3,7%	4,2	4,9
Прочие	25,8%	27,1	3,6
Другие отрасли	7,3%	3,4	12,2

Источник: Ким Дэхван. 1950нёндрэ Хангук кёндже-ый ёнгу (Изучение корейской экономики 1950-х годов) // 1950нёндрэ-ый инсик (Взгляд на 1950-е годы). Сеул: Хангильса, 1981, с. 211.

О степени этой зависимости свидетельствует, скажем, такой пример: общая стоимость сырья, использованного корейскими предприятиями за 12 месяцев, начиная с сентября 1962 года, составила 17,5 млрд. вон, из которых 11,2 млрд. вон приходились на импорт. Зависимость корейской индустрии от импортного сырья составляла не менее 63,7%. Текстильная отрасль, на которую приходилось свыше 30% предприятий в стране, зависела от импортного сырья на 79%, и его большую часть составляли излишки агропроизводства США, которые они поставляли по Публичному закону № 480. Примерно на 64,7% каждая зависела от иностранных поставок такие другие ведущие отрасли как химическая и целлюлозно-бумажная.

Другой отличительной особенностью южнокорейской промышленной структуры в период зависимости от помощи извне стал рост предприятий-монополистов, возникновению которых способствовал способ распродажи после Освобождения бывших японских предприятий. Как уже упоминалось выше, американская военная администрация отказалась признать рабочие комитеты самоуправления и назначала для управления бывшими японскими фабриками ранее связанных с японцами чиновников. Так как администрация Ли Сынмана распродала бывшую японскую собственность лицам со связями в правительственных кругах, большинство крупных японских предприятий перешло к людям, готовым финансово поддерживать Ли Сынмана и его Либеральную партию.

В условиях, когда прежняя национальная экономика и карточная распределительная система были разрушены, появилось большое число развивавшихся на местном сырье и работавших на местный рынок средних и мелких предприятий. Но как только в страну потекло американское сырье и товары, правительство лишило их возможности получать иностранную помощь, государственное финансирование, а также стало отказываться продавать им валюту для закупок сырья и машин за границей. Господствующее место на рынке потребительских товаров постепенно заняли ранее принадлежавшие японцам крупные предприятия, получавшие иностранную экономическую помощь и привилегии через администрацию Ли Сынмана.

Рост производства хлопчатобумажных тканей в 1950-х годах стимулировали три фактора: распродажа бывших японских предприятий, доступ к хлопку-сырцу, поставляемому из США в виде помощи, и особые правительственные кредиты. Доступ к хлопку-сырцу и особому финансированию не предоставлялся всем без исключения предприятиям на демократической основе. Его получили только некоторые, имевшие связи с правительством, что привело к концентрации производства на небольшом числе предприятий. Несмотря на существенный рост производства хлопчатобумажных тканей, он не привел к развитию связанных с ним производств внутри страны, например, машиностроения и сталелитейной промышленности. Сырье и станки для южнокорейских фабрик поставляли из-за рубежа, и выгоду от этого получал иностранный капитал. В развитых странах рост текстильного производства в XVII–XIX вв. открыл путь к созданию и развитию самостоятельных национальных экономик, но в Южной Корее периода правления администрации Ли Сынмана текстильное производство развивалось в условиях большой зависимости от иностранного сырья и продукции машиностроения и потому мало способствовало развитию самостоятельной национальной экономики.

Привилегированные условия, которые были созданы для развития производства потребительских товаров, естественно вели к засилию в

отрасли малого числа больших монополистических предприятий. Как видно из *Таблицы 5*, очень малое количество больших предприятий (с двумястами и более работниками) имели подавляющее преобладание на рынке продукции в большинстве секторов промышленности.

Таблица 5

**Степень концентрации производства
в основных отраслях промышленности**

Отрасль промышленности	Количество предприятий		Общий объем продаж (млн. вон)	
	Всего	Крупных* предприятий (%)	Всего	Крупных предприятий (%)
Мукомольная	58	2 (3,4)	2 337	233 (9,9)
По очистке сахара	44	2 (4,5)	3 480	3 173 (91,2)
Прядильная и ткацкая	174	39 (19,0)	11 089	9 834 (88,7)
Производство фанеры	8	5 (62,5)	14 497	7 067 (48,7)
Производство покрышек и труб	10	2 (20,0)	1 105	1 023 (92,6)
Производство мыла	98	1 (1,0)	528	255 (49,2)
Цементная	5	1 (40,0)	1 337	129 (9,6)
Производство резиновой обуви	48	9 (18,8)	1 845	1 437 (77,9)

Источник: Ким Дэхан. 1950нёндэ Хангук кёндже-ый ёнгу (Изучение корейской экономики 1950-х годов) // 1950нёндэ-ый инсик (Взгляд на 1950-е годы). Сеул: Хангильса, 1981, с. 211.

* Крупными предприятиями считаются те, где работали 200 и более сотрудников.

В мукомольной промышленности, где насчитывалось всего 58 предприятий, 2 крупных предприятия контролировали 10% рынка; в сахарной промышленности 2 предприятия из 44-х контролировали 91,2% рынка; в мыльной промышленности одно предприятие из 98 контролировало 49,2%, а в производстве резиновой обуви 9 крупных предприятий из общего числа 48 контролировали 78% рынка продукции в стране.

В период правления Ли Сынмана, когда экономика развивалась за счет иностранной помощи, крупные предприятия приобрели монопольное влияние в производстве товаров потребления, развиваясь как монополистические корпорации — *чэболь*. Они сформировались благодаря «льготным» распродажам бывшей японской собственности, преимуще-

Рис. 41. Чеджу (провинциальный центр острова Чеджудо) 1950-х гг. Простонародье по-прежнему стирало одежду в речках и прудах — водопровод дома был редкостью. Уровень жизни в этот период мало отличался от колониального периода — средней зарплаты неквалифицированного рабочего не хватало даже на еду.

ственному доступу к бесплатному зарубежному сырью, а также особому финансированию со стороны правительства. В результате средние и мелкие предприятия, которые могли бы стать основой самостоятельной национальной экономики, не получили возможности роста.

Развитие производства товаров потребления преимущественно на монополистических предприятиях на основе американской экономической помощи в 1950-х годах привело к сдерживанию развития самостоятельной индустриальной базы. Двухуровневая экономическая структура, т.е. неравенство в положении монополистического капитала и мелкого и среднего бизнеса, привела к сужению внутреннего рынка и чрезмерному росту производственных мощностей предприятий-монополистов в узком секторе экономики. Сокращение американской помощи и импорта сырья в конце 1950-х годов привело к сокращению объемов загрузки мощностей на заводах монополистических концернов. Противоречия, возникшие в результате развития экономики за счет иностранной помощи, достигли своего предела. Апрельская революция 1960 г. была не только проявлением недовольства политической системой, но и взрывом возмущения народа преимущественным развитием зависимых от иностранного капитала и в основном производящих товары потребления монополистических предприятий и порожденными этим явлением проблемами: ухудшением ситуации в сельском хозяйстве, крайне тяжелым положением трудящихся и средних и мелких предприятий. Движение народа заставило сменившую Ли Сынмана администрацию Чан Мёна (23.VIII.1960 — 18.V.1961) поставить первоочередной задачей наказание коррупционеров во власти и стимулирование развития средних и мелких предприятий с целью создания демократической самостоятельной экономики.

Использованная литература

Хангук саноп кёндже симёнса (10-летняя история промышленной экономики в Южной Корее). Сеул: Корейский промышленный банк (Хангук саноп ын-хэн), 1955.

Пак Хёнчхэ. Минджок кёндже-рон (Национальная экономика). Сеул: Хангильса, 1978.

Ли Джонхун. Хангук кёнджерон (Национальная экономика). Сеул: Поммунса, 1979.

Пак Хёнчхэ. Ми иньё нонсанмуль вонджо-ый кёнджеджок квигёль (Последствия американской помощи в виде поставок излишков сельскохозяйственной продукции). // 1950 нёндэ-ый инсик (Осмысление 1950-х годов). Сеул: Хангильса, 1981.

Ким Дэхван. 1950 нёндэ Хангук кёндже-ый ёнгу (Изучение корейской экономики 1950-х годов). // Там же.

Пак Чханыль. Мигуг-ый кёндже вонджо-ый сонкёк-ква кы кёджеджок квигёль (Суть и экономические последствия американской экономической помощи) // Хангук кёндже-ый чонгэ кваджон (Становление южнокорейской экономики). Сеул: Тольбегэ, 1981.

Глава 3

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ЗА СЧЕТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА (1960–70-е гг.)

Начало ввоза иностранного капитала и его особенности

После Апрельской революции 1960 г. Демократическая партия в преддверии всеобщих выборов 29 июля дала обещание изъять нажитые несправедливым путем состояния, бороться с монополизмом, обеспечить справедливое распределение национального дохода, облегчить положение безработных, возродить села, способствовать развитию средних и малых предприятий, и облегчить их доступ к кредитам. Стремясь создать основу самостоятельной экономики, администрация Чан Мёна, с одной стороны, приступила к разработке грандиозного, стоимостью в 40 млрд. вон (80 млн. долларов по тогдашнему официальному курсу), «Национального проекта экономического строительства» (*Куктхо консоль саон*), а с другой, приняла план по развитию экономики, наметив общие меры по обеспечению роста средних и малых предприятий. Этим планам, однако, не суждено было сбыться. Сначала их исполнению мешала ожесточенная политическая борьба, а после военного переворота

16 мая 1961 г. они были окончательно похоронены. При режиме Пак Чонхи начала формироваться система экономики, основанная на привлечении иностранного капитала.

Уже в последние годы режима Ли Сынмана поступавший в страну в виде безвозмездной экономической помощи иностранный капитал стал постепенно трансформироваться в займы. Но реально замена системы безвозмездной экономической помощи на систему ввоза иностранного капитала стала осуществляться при Пак Чонхи в 1962 г., когда началось выполнение первого пятилетнего плана экономического развития. Этот переход особенно активизировался после подписания в 1965 г. соглашения по нормализации японо-южнокорейских отношений.

Разработанный администрацией Пак Чонхи план экономического развития основывался на привлечении иностранного капитала, и поэтому она предприняла целый ряд мер для получения государственных займов и коммерческих кредитов, привлечения частных иностранных капиталов и закупки зарубежных технологий. Однако на начальном этапе реализации первого плана экономического развития значительные коммерческие кредиты и частные инвестиции привлечь почти не удалось. Вплоть до 1965 г. основные средства поступали от государственных займов, однако с подписанием соглашения о нормализации отношений с Японией коммерческие кредиты и прямые зарубежные инвестиции стали быстро расти. Если в 1964 г. объем внешней задолженности не превышал 99 млн. американских долларов, то в 1965 г. он вырос до 177 млн., а в 1966 г. — до 261 млн. долларов. Подписание японо-южнокорейского соглашения стало поворотным моментом в реализации экономической программы по привлечению иностранного капитала, поскольку способствовало существенному приливу в страну японских капиталовложений, включая коммерческие кредиты, и способствовало новому проникновению в страну японского капитализма — через 20 лет после разгрома Японии и освобождения Кореи в 1945 г. Оно также дало возможность Южной Корее ослабить ее почти полную зависимость от Соединенных Штатов, так как после его подписания в Южную Корею начался прилив иностранного капитала не только из Японии, но и из таких развитых капиталистических стран как Западная Германия, Англия и Франция. Начал быстро нарастать объем предоставляемых коммерческих кредитов.

В 1969 г. объем коммерческих кредитов из-за рубежа составил 623 млн. долларов США, а в 1970 г. в стране уже появились первые предприятия-банкроты, не выполнившие своих обязательств по возвращению иностранных кредитов. Правительство взяло на себя контроль над такими предприятиями, а 3 августа 1972 г. приняло «Меры по замораживанию долгов частным лицам», нацеленные на улучшение финансовой структуры предприятий через облегчение их задолженности частным внутренним кредиторам. С другой стороны, оно перешло к по-

литике благоприятствования прямым иностранным инвестициям и создания зон свободного экспорта в окрестностях Масана (порт на южном побережье Кореи) и Ири (другое название — Иксан; провинция Северная Чолла). Иностранные предприятия, строившие в таких зонах сборочные заводы, продукция которых шла целиком на экспорт, пользовались значительными налоговыми льготами.

Когда в результате «нефтяного шока» 1973 г. (повышения цен на нефть в несколько раз ближневосточными государствами, стремившимися «наказать» Запад за поддержку Израиля в войне против Египта и Сирии) и победы коммунистов во Вьетнаме в 1975 г. объем прямых инвестиций сократился, стал возрастать объем государственных займов, поступавших, в первую очередь, через Международный валютный фонд (МВФ). Изменилась и форма коммерческих кредитов. Если раньше они поступали в товарной форме, то теперь стала увеличиваться доля денежных кредитов, значительная часть которых была получена путем выпуска облигаций на международном валютном рынке. Как правило, проникновение иностранного капитала в неразвитые страны начиналось с безвозмездной помощи, которая постепенно трансформировалось в государственные займы, затем в коммерческие кредиты и, наконец, в прямые инвестиции и создание зон свободной торговли. Южная Корея не была в этой общей схеме исключением.

К 1979 г. общая сумма иностранных кредитов и займов, предоставленных Южной Корее, достигла 23,7 млрд. долларов, в том числе 8,87 млрд. государственных займов, 10,8 млрд. — коммерческих кредитов и 1,7 млрд. — иностранных инвестиций. Самым крупным заимодателем были США, предоставившие 23,9% указанной суммы. Если говорить о коммерческих кредитах, то больше всего их предоставили Великобритания (22,4%), Япония (12,7%) и МВФ. По объемам прямых иностранных инвестиций лидировали Япония (54,7%) и США (20,7%), на долю которых приходилось три четверти поступлений этой категории.

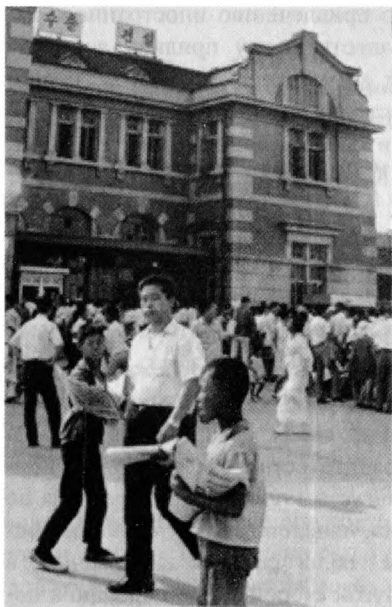

Рис. 42. В 1960–70-е гг. провинциальная бедность стекалась в Сеул в поисках лучшей доли. На снимке — Сеульский вокзал в 1969 г. Через этот вокзал проходила значительная часть мигрировавших в столицу выходцев из деревни.

Если посмотреть на структуру привлекаемых кредитов — их форму, вклад по отраслям, то государственные займы были использованы в основном на строительство инфраструктуры (дороги, дамбы, порты, мосты и т.д.), покупку зерна и развитие обрабатывающей промышленности; коммерческие кредиты — на обрабатывающую промышленность, инфраструктуру и рыболовство, а прямые вложения частных зарубежных инвесторов — на обрабатывающую промышленность, строительство отелей и развитие иностранного туризма. Безусловным приоритетом являлось развитие обрабатывающей промышленности. Если говорить об условиях, то по состоянию на июнь 1976 г. — в разгар индустриализации — более половины государственных займов были предоставлены сроком на 20 лет под 5% годовых, с отсрочкой начала выплат на 5 лет. Условия предоставления коммерческих кредитов были жестче: сроком на 10 и менее лет, под 4–8% годовых. Свыше 53% выплат по ним должны были начаться менее чем через 3 года после предоставления кредита.

Первые прямые иностранные инвестиции были сделаны в нефтеперерабатывающую промышленность, а затем постепенно инвесторы стали вкладывать капиталы также в производство удобрений и синтетических волокон. Если взять, к примеру, созданную благодаря иностранным инвестициям нефтеперерабатывающую компанию, то право принимать решения по ее управлению было доверено совету директоров, состоявшего из равного числа иностранных и местных членов, но когда голоса разделялись поровну, последнее слово оставалось за иностранцами. В то время как вопросы увеличения или уменьшения основного капитала, изменения устава, слияния и разделения компании должны были решаться совместно обеими сторонами, такие основные вопросы как финансы, наём, покупки и продажи решались в основном иностранной стороной. Такие выгодные условия иностранцам были гарантированы до того времени, как они получают 150% вложенных капиталов в виде прибыли.

Иностранцам, сделавшим прямые инвестиции, был гарантирован ежегодный минимальный фиксированный уровень дивидендов. Имея приоритетные права на дивиденды, иностранные инвесторы в среднем получали ежегодно 20% вложенного капитала. Это означало полный возврат вложенного капитала через 5 лет, однако во многих случаях иностранцам давали гарантии 20% годовых на срок в 15 лет и на тот же период сохраняли их преимущественное положение в управлении компаниями.

Прямые иностранные инвестиции нередко делались в предприятия-монополисты в легкой промышленности. Сырье для них поступало от принадлежавших иностранным инвесторами компаний, что позволяло им получать дополнительную прибыль — сверх той, которую они получали от своих инвестиций. Нередко правительственным учреждениям как внутри страны, так и за рубежом спускались директивы об обяза-

тельной покупке продукции таких совместных предприятий, и это обеспечивало дальнейшее повышение прибыли по иностранным инвестициям. Как видно из *Таблицы 6*, «Калтекс» (Caltex), инвестировавший в Хонамскую нефтеперерабатывающую компанию, возвратил первоначально вложенный капитал менее чем за 4 года, с существенной прибылью.

Таблица 6

Возврат по иностранным инвестициям в две основные нефтеперерабатывающие компании (в тыс. долл. США)

Годы	Югон (Gulf)	Хонам (Caltex)	Всего
1964–1971	2 156	—	2 156
1972	4 502	1 015	5 517
1973	4 502	4 144	8 646
1974	4 500	3 056	7 556
1975	5 300	7 498	12 798
Всего (А)	20 960	15 713	36 673
Первоначальная инвестиция (В)	30	12 147	42 147
Процент возврата (А/В)	69,9%	129,4%	87,0%

Источник: Ли Дэгын. Веджа тоип (Привлечение иностранного капитала) // Хангук кёнджерон (Корейская экономика). Сеул: Юпхун, 1977.

Несмотря на многочисленные проблемы, которые вызвал активный ввоз в страну иностранного капитала, за 19 лет с начала выполнения первого пятилетнего плана экономического развития (1962–1980) Южная Корея добилась среднегодового роста экспорта в размере 40,7% , роста накоплений по иностранным инвестициям в размере 20% и среднегодового роста валового национального продукта (ВНП) в размере 8,9%. В 1966–1970 гг. Республика Корея лидировала по темпам роста ВНП и объемов экспорта и занимала 2-е место по росту занятости в обрабатывающей промышленности среди 59 развивающихся стран мира, снискав в международном сообществе признание как образец экономического развития.

При этом продолжали усиливаться сохранявшаяся с колониального периода зависимость от иностранного капитала, социальное неравенство, диспропорциональное развитие регионов и различных отраслей производства. Противоречия в социальной и экономической сферах

усилились, двухуровневая структура экономики закрепилась, а влияние монополий-чэболь расширилось.

Иностранный капитал и индустриализация

Отличительной чертой промышленности при Ли Сынмане были упор на производство товаров потребления, высокая степень зависимости от иностранного капитала и сырья и монополизм небольшого числа чэболь в основных отраслях. Несмотря на быстрый рост промышленности при Пак Чонхи, основанная на привлечении иностранного капитала экономика не смогла преодолеть эти проблемы. В первую очередь, даже в период самых высоких темпов роста не изменилась структура экономики, где сохранялся крен в сторону преимущественного развития производства потребительских товаров.

Как видно из *Таблицы 7*, доля добавленной стоимости, произведенной в легкой промышленности, которая в 1962 г. составляла 74,9%, к 1979 году упала до 44,6%, в то время как доля добавленной стоимости, произведенной в тяжелой и химической промышленности, в этот период возросла существенно — с 25,1% до 55,3%. Вплоть до 1976 г. среди отраслей тяжелой промышленности самыми быстрыми темпами развивались производство электрооборудования, переработка нефти и угля. Хотя эти отрасли относятся к тяжелой промышленности, они по характеру имеют большое сходство с отраслями, ориентированными на производство потребительских товаров. При этом отрасли, производящие средства производства, такие как машиностроение и базовая химическая промышленность, отставали, и Южная Корея продолжала в значительной мере зависеть от поставок иностранных средств производства.

Если подразделить продукцию тяжелой промышленности по области применения, то в ней можно выделить три основные группы: 1) отрасли, производившие базовые материалы для дальнейшего производства — металл, сталь, прошедшее первичную обработку сырье для химических предприятий, производственное оборудование; 2) отрасли, выпускавшие продукцию для дальнейшей обработки, — химические и металлические полуфабрикаты, промышленное электрооборудование; 3) отрасли, производившую конечную продукцию, например, транспортное оборудование. Анализ показывает, что доля добавленной стоимости в первой группе уменьшилась с 9,7% в 1963 г. до 6,0% в 1974 г. Одновременно она возросла во второй группе с 25,4% до 27,6% и в третьей группе — с 64,9% до 66,4%. Таким образом, наиболее интенсивно развивались отрасли третьей группы тяжелой промышленности.

Таблица 7

**Добавленная стоимость
по отраслям промышленности (%)**

	1962	1966	1970	1973	1976	1979
Легкая промышленность	74,9	71,1	54,3	51,2	48,8	44,6
Продукты и табак	21,3	18,7	25,7	18,2	18,4	16,5
Текстиль, одежда, кожа	26,1	27,1	17,1	21,8	22,3	19,6
Пиломатериалы и мебель	6,0	3,2	3,5	4,6	2,5	2,4
Бумага, типографии, издательства	7,2	7,5	5,1	4,4	3,6	4,3
Прочие отрасли	14,3	14,6	2,9	2,2	2,0	1,8
Тяжелая промышленность	25,1	28,9	45,7	48,9	50,2	55,3
Химикаты, нефте- и углепереработка, резина, пластмассы	7,0	9,3	22,0	20,0	20,5	17,4
Добыча нерудных минералов	3,5	4,3	5,9	5,1	4,7	5,8
Первичный металл	3,4	3,8	4,0	7,6	5,3	7,9
Металлические изделия, станки, оборудование	11,2	11,7	13,8	16,2	19,7	24,2

Источник: Квангоноп тхонге часа погосо (Горная и обрабатывающая промышленность: статистический доклад) / Управление экономического планирования. Сеул, 1981.

Далее. Зависимость от иностранного капитала, которая являлась основным слабым местом корейской экономики в колониальный период и в период администрации Ли Сынмана, в годы интенсивного экономического роста при Пак Чонхи стала еще более заметной. Например, доля собственного капитала в совокупном акционерном капитале предприятий обрабатывающей промышленности с 1960-х годов неуклонно уменьшалась и в 1975 г. составила 22,8%, что было значительно ниже,

чем в горнодобывающей промышленности, где, по данным на тот же год, корейцам принадлежали 41,2% акций всех предприятий, электроэнергетике (33,0%) и строительстве (34,4%).

В обрабатывающей промышленности доля собственного капитала в совокупном акционерном капитале предприятий тяжелой промышленности составляла 26,1%, а легкой — 19,7%. В предприятиях, производивших товары для местного потребления, эта доля равнялась 24,2%, а в тех, что работали на экспорт — 21,0%. В малых и средних предприятиях она достигала 36,1%, но в крупных предприятиях была ниже — 22,1%. Структура задолженности обрабатывающей промышленности на 1975 год была такова: банковские кредиты и различные частные вложения составляли соответственно 35% и 28% общей суммы задолженности, иностранные кредиты — 48%, а суммы долгосрочных банковских кредитов не превышали 28%. Главной структурной особенностью финансового положения обрабатывающей промышленности была большая доля в них иностранного капитала, поступившего, в первую очередь, через иностранные кредиты.

Зависимость от иностранных экономик в период интенсивного роста южнокорейской экономики также проявлялась в зависимости от поставок иностранного сырья. Особенно сильной была зависимость от японского капитала работавших на экспорт предприятий. Корейские производители также на 100% зависели от поставок из-за рубежа сырой нефти, хлопка-сырца, необработанной шерсти и резины, жиров, сахара-сырца. Кроме того, свыше 80% внутренней потребности в пшенице, целлюлозе и железном ломе удовлетворялась за счет импорта. Одной из причин зависимости было отсутствие такого сырья в самой Корее, но другой причиной было то, что развитие сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности отставало и не было связано с ростом производства в других отраслях. Результатом этого стало дальнейшее усиление зависимости Южной Кореи от импорта сырья — притом, что она также зависела от иностранного капитала и технологий.

Другой причиной большой зависимости южнокорейской экономики от внешнего фактора была ограниченность спроса на внутреннем рынке, вызванная частично тем, что развитие аграрного сектора было принесено в жертву быстрому развитию промышленности, что привело к уменьшению покупательной способности крестьян. Но главной причиной ограниченности спроса на внутреннем рынке была структура стоимости промышленной продукции, которая распределялась в 1974 г. в такой пропорции: сырье — 81,6%, оплата труда — 8,4%, расходы по управлению — 10,0%. Чрезвычайно низкая стоимость труда означала низкую покупательную способность, и это был главный фактор низкой покупательной способности на внутреннем рынке.

Третьей особенностью корейской промышленности в период правления Пак Чонхи, когда экономика основывалась на ввозе иностранного капитала, было сохранение унаследованных от колониальных времен и периода безвозмездной американской помощи диспропорций в развитии регионов и концентрации производства в монополиях. В небольшом числе местностей концентрировалась подавляющая доля всей произведенной в промышленности добавленной стоимости: в Сеуле — 30,1%, в провинции Кёнгидо — 15,5%, в Пусане — 14,4% и в провинции Южная Кёнсан — 13,5%. Было построено несколько промышленных парков на побережье провинций Южная и Северная Кёнсан, но в целом промышленность по-прежнему концентрировалась в районе Сеул — Инчхон. Не было никаких надежд, что распределение промышленности по стране изменится, хотя основанное на местном сырье местное производство могло бы стимулировать развитие сельского хозяйства.

Разрывы в двухуровневой структуре экономики между главными урбанизированными зонами и индустриальными парками на побережье, которые основывались на высоких технологиях и крупном иностранном капитале, с одной стороны, и обычными средними и малыми предприятиями в маленьких городках и сельских местностях, с другой, продолжал углубляться, как и разрыв между ориентированными на экспорт отраслями, которые имели налоговые льготы, специальное финансирование, правительственную поддержку и доступ к импортному сырью, и предприятиями, работавшими на внутренний рынок. Расширение разрывов, в конце концов, приводило к поглощению средних и малых предприятий крупными и еще большей концентрации производства в малом числе *чэболь*. Как видно из *Таблицы 8*, доля трех ведущих монополий на рынке была чрезвычайно высока. Это не был процесс, когда монополизация начинается в производящей средства производства тяжелой промышленности и оказывает влияние на промышленность, производящую товары потребления. Это был неестественный процесс, когда создание монополий началось в сфере производства товаров потребления на основе импортного оборудования и технологий, что оказало влияние на тяжелую промышленность.

Процесс монополизации производства отразился также на соотношении предприятий разного размера. Как свидетельствует *Таблица 9*, мелкие предприятия с 5–9 работниками составляли 37,5% всех производителей в стране, но объем производимой ими продукции не превышал 1,5%. С другой стороны, очень крупные предприятия с более чем 500 работниками составляли всего 2% общего числа производителей, производя при этом 55% от общего объема продукции. Самые крупные производители в основном опирались за финансирование из-за рубежа.

Таблица 8

**Доля на рынке основных промышленных товаров
(ведущих трех компаний)**

Продукт	Доля на рынке (%)	Продукт	Доля на рынке (%)
Сухое молоко	92,3	Строительный раствор	100,0
Вермишель в упаковке	100,0	Карбид	92,0
Сахар рафинированный	90,1	Зубная паста	100,0
Соджу (ликёр)	68,0	Цемент	64,0
Пиво	100,0	Металлоконструкции	74,2
Лимонад	100,0	Проволока	93,4
Кола	65,8	Культиваторы	100,0
Полиэстер (ткани)	92,0	Подшипники	100,0
Вискозное волокно	100,0	Телеприемники	86,6
Акриловое волокно	72,1	Автомобили легковые	100,0
Трикотаж шерстяной	68,2	Велосипеды	67,4
Крафт-бумага	92,1	Холодильники	86,7
Автопокрышки	68,3		

Источник: «Тонъя ильбо» за 27 марта 1976 г.

Таблица 9

Соотношение предприятий разной величины (1979) (%)

	Кол-во предприя- тий	Кол-во работников	Продукция	Добавлен- ная стоимость
Мелкие (5–9 работников)	37,5%	3,6%	1,5%	1,9
Малые (10–49 работников)	42,0%	14,1%	7,6%	8,8
Средние (50–199 работников)	14,8%	21,8%	15,1%	17,4

Окончание таблицы

	Кол-во предприя- тий	Кол-во работников	Продукция	Добавлен- ная стоимость
Крупные (200–499 работников)	3,8%	17,1%	18,4%	16,9
Очень крупные (500 + работников)	2,0%	43,4%	56,3%	55,0
Всего:	31 804 пред- приятий	21 160 000 человек	26 трлн. вон	9,2 трлн. вон

Источник: Квангоноп тхонге часа погосо (Горная и обрабатывающая промышленность: статистический доклад) / Управление экономического планирования. Сеул, 1981.

Экономика периода режима Пак Чонхи испытала быстрый рост промышленного сектора, основанного на привлечении иностранного капитала и роста экспорта. Но она не смогла перейти от производства, ориентированного на производство потребительских товаров к производству средств производства, сократить зависимость от иностранных капитала, технологий, сырья и рынков, избавиться от диспропорций в промышленном развитии регионов, сократить разрывы в двухуровневой структуре экономики и предотвратить поглощение средних и мелких предприятий монополиями.

Иностранный капитал и рост экспорта

Лозунгом экономической политики Пак Чонхи, основанной на привлечении иностранных ресурсов, капиталов и технологий, был «экспорт прежде всего». Имелось в виду, что стране нужна иностранная валюта для проведения всесторонней модернизации. Поэтому с 1960-х годов начался быстрый рост экспорта. Как видно из *Таблицы 10*, в 1960 г. доходы от экспорта были менее 33 млн. долларов; в 1964 г. они превысили 100 млн., а в 1966 г. достигли суммы в 250 млн. долларов. Это значит, что в годы осуществления первого плана экономического развития (1962–1966) экспорт рос ежегодно на 44%.

Таблица 10

Тенденции импорта и экспорта (в млн. долларов)

Год	Экспорт (Сумма таможенной очистки)		Экспорт (Сумма таможенной очистки)	
	Сумма	Рост в %	Сумма	Рост в %
1960	32,8	65,7	343,5	13,1
1961	40,9	24,7	316,1	–8,0
1962	54,8	34,0	421,8	33,4
1963	86,8	58,4	560,3	32,8
1964	119,1	37,2	404,4	–27,8
1965	175,1	47,0	463,4	14,6
1966	250,3	42,9	716,4	54,6
1967	320,2	27,9	996,2	39,1
1968	455,4	42,2	1 462,9	46,8
1969	622,5	36,7	1 823,6	24,7
1970	835,2	34,2	1 984,0	8,8
1971	1 067,6	27,8	2 394,3	20,7
1972	1 624,1	52,1	2 522,0	5,3
1973	3 225,0	98,6	4 240,3	68,1
1974	4 460,4	38,3	6 851,8	61,6
1975	5 081,0	13,9	7 274,4	6,2
1976	7 715,1	51,8	8 773,6	20,6
1977	10 046,5	30,2	10 810,5	23,2
1978	12 710,6	26,5	14 971,9	38,5
1979	15 055,5	18,4	20 338,6	35,8

Источник: Кёндже тхонге нёнбо (Ежегодный статистический справочник экономики)/ Национальный банк Кореи (Хангук ынхэн). Сеул, 1982.

В 1971 г. объем экспорта достиг 100 млн. долларов. Он продолжал расти и в период второго пятилетнего плана (1967–1971) — в среднем на 33,6% ежегодно, и в дальнейшем. В 1975 г. экспорт достиг 500 млн. долларов, а в 1977 г. перевалил через миллиард. В 1972–1979 гг., несмотря на кризис мировой экономики, вызванный «нефтяным шоком»

и победой коммунистов во Вьетнаме, экспорт рос в среднем на 41% в год.

Однако, поскольку рост этот осуществлялся в основном не за счет укрепления промышленной основы внутри страны, а за счет основанной на налоговых и финансовых привилегиях экспортной политики правительства, в экономике сохранялось немало слабых мест. Во-первых, страна ушла от системы 1950-х гг., когда экспортировались в основном ресурсы и материалы, но все равно главную часть экспорта неизменно составляла продукция легкой промышленности. В 1961 г. ее доля в общем объеме экспорта составляла 22% (остальное приходилось в основном на экспорт продукции первичных отраслей — ресурсы, материалы, и т.д.), в 1962 г. — не превысила 27,7%, но с принятием мер по ускоренному развитию экспорта стала быстро увеличиваться. В 1963 г. потребительские товары составляли 50% от общего объема экспорта, а в 1974 г. их доля достигла 89,2%.

Как показывает *Таблица 11*, 67,2% экспорта в 1974 г., а в 1975 г. даже больше (74,9%) составляла продукция легкой промышленности: бакалейные товары, сырьевые и пищевые полуфабрикаты, текстиль, фанера и обувь. В противоположность этому, в те же годы экспорт ряда продуктов тяжелой промышленности (металлоизделий, электрооборудования) сократился: с 32,8% в 1974 г. до 25,1% в 1975 г. Экспорт продукции тяжелой промышленности несколько увеличился с 1978 г., когда Южная Корея стала экспортировать корабли, но и в конце периода Пак Чонхи, в 1979 г., бакалея, полуфабрикаты и другая продукция легкой индустрии по-прежнему составляли большую часть импорта (61,3%). Это свидетельствует о том, что резкий рост экспорта при Пак Чонхи был достигнут, в первую очередь, за счет интенсификации и низкой оплаты труда в легкой промышленности.

Таблица 11

Экспорт основных продуктов (в млн. долл.)

Товары	1974		1975	
	Стоимость	% роста	Стоимость	% роста
Продовольствие и готовые потребительские товары	347,3	7,8	669,9	13,2
Сырье и топливо	236,1	5,3	218,8	4,3
Другая продукция легкой пром-ти:	2 414,1	54,1	2 916,0	57,4

Окончание таблицы

Товары	1974		1975	
	Стоимость	% роста	Стоимость	% роста
Фанера, продукты из древесины	199,4	4,5	227,6	4,5
Обувь	179,5	4,0	191,2	3,8
Прочее	509,2	11,4	657,0	12,9
Товары тяжелой промышленности:				
Химикаты	1 463,0	32,8	1276,3	25,1
Металлоизделия	91,8	2,1	74,8	1,5
Транспортное оборудование	450,3	10,1	231,5	4,6
Прочее	121,1	2,7	183,7	3,6
Прочее	325,6	7,3	344,7	6,8
Всего:	4460,4	100,0	5081,0	100,0

Источник: Ю Дониль. Кукче суджи, муёк, вэхван (Международный платежный баланс, торговля и денежный обмен Республики Корея) // Хангук кёнджерон (Корейская экономика). Сеул, 1977.

С другой стороны, большая часть основных продуктов экспорта была сделана из импортных материалов, что означает, что реальная прибыль в вырученной от их продажи иностранной валюте была не столь велика, как это выглядело в абсолютных цифрах. Хотя доходы в иностранной валюте от экспорта промышленных товаров возросли с 34% в 1963 г. до 61,7% в 1973 г., интенсивность пополнения валютных запасов упала с 82,2% до 65%. Причина заключалась в том, что экспортировались в основном товары легкой промышленности, работавшей не на внутреннем, а на закупленном за рубежом сырье. Поэтому хотя в абсолютном выражении экспорт Южной Кореи рос, на улучшение международного платежного баланса это существенно не влияло.

Другой проблемой, порожденной быстрым ростом экспорта, была растущая зависимость национальной экономики в целом от международной торговли. Зависимость эта (исчисляемая в доле внешней торговли по отношению к внутреннему валовому продукту) выросла с 21,1% в 1961 г. до 73,9% в 1975 г. Это значит, что Южная Корея была подвержена быстрому и сильному влиянию ограничений на импорт, которые вводились из-за таких проблем международной

экономики как инфляция, нефтяные потрясения и кризисы перепроизводства.

Еще одной проблемой основанной на привлечении иностранного капитала экономической системы была чрезмерная зависимость от двух стран: США и Японии. В 1967 г. на долю этих стран приходилось 69,4% внешней торговли страны, в 1972 г. — 71,8%. Позднее эта тенденция несколько смягчилась, но чрезмерно тесные экономические и политические связи Южной Кореи с этими государствами сделали затруднительными для Кореи попытки диверсифицировать свою международную торговлю.

Рис. 43. Пак Чонхи ставит задачи по выполнению запланированных показателей по экспорту продукции. Хотя Южная Корея 1970-х гг. и была капиталистическим обществом, авторитарное государство имело в своем распоряжении целый ряд финансовых, административных и налоговых рычагов воздействия на полностью подчиненный ему предпринимательский слой.

Иностранный капитал и сельское хозяйство

Лозунг «экспорт прежде всего», быстрая индустриализация и быстрые темпы роста экономики в 1960–1970-х годах существенно повлияли и на сельское хозяйство. Во-первых, резко снизилась доля сельскохозяйственной продукции в валовом национальном продукте (ВНП), значительно уменьшилось и население в деревнях. Как показано в *Таблице 12*, в 1962 г. сельское хозяйство и рыболовство давали 43,3% ВНП, а в 1979 г. их доля упала до 19,2%, в отличие от растущей доли других отраслей. В то же время доля добычи полезных ископаемых и промышленности выросла с 11,1% до 33,8%. Наибольший спад в сельском хозяйстве и рыболовстве пришелся на конце 1960-х — начало 1970-х годов, а в 1974 г. доля ВНП, приходившаяся на промышленные товары, превысила долю сельского хозяйства и рыболовства.

Таблица 12

Распределение ВВП по отраслям производства

Год	Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	Добыча полезных ископаемых, промышленность	Вложения в инфраструктуру
1962	43,3%	11,1%	45,6%
1965	42,9%	13,1%	44,0%
1970	30,4%	19,5%	50,1%
1975	24,9%	28,0%	47,1%
1979	19,2%	33,8%	47,0%

Источник: Кёндже тхонге нёнбо (Ежегодный статистический справочник экономики)/ Национальный банк Кореи. Сеул, 1982.

Как следует из *Таблицы 13*, доля крестьянских хозяйств в общем числе семей сократилась с 53,6% в 1961 г. до 27% в 1980 г., а доля крестьянства в общей численности населения страны уменьшилась с 56,1% до 28,4%. Сократилось и число занятых в сельском хозяйстве: с 63,1% в 1963 г. до 45,9% — в 1975 г., в то время как процент занятых в добыче полезных ископаемых и промышленности вырос с 8,7% до 19,2%.

Таблица 13

Доля крестьянских хозяйств и сельского населения

Год	Число крестьянских хозяйств	% общего числа хозяйств	Сельское население	% общего числа населения
1961	2 327 000	53,6%	14 509 000	56,1%
1966	2 540 000	48,9%	15 781 000	53,6%
1970	2 483 000	42,4%	14 422 000	45,9%
1975	2 379 000	35,2%	13 244 000	38,2%
1980	2 156 000	27,0%	10 830 000	28,4%

Источник: Кёндже тхонге нёнбо (Ежегодный статистический справочник экономики)/ Национальный банк Кореи. Сеул, 1982.

Другой важной особенностью аграрного сектора в это время стало изменение социальной структуры сельского населения. Беднейшее крестьянство в большом количестве покидало деревню, а средний слой

крестьянства существенно увеличился. Число беднейших крестьянских хозяйств с наделами менее 0,5 *чонбо* уменьшилось с примерно 1 млн. в 1960 г. до 690 тысяч в 1975 г., что составило 30,2% всех крестьянских хозяйств. Одновременно возросло число хозяйств с наделами более 0,5 *чонбо*. Наиболее значительно выросло число хозяйств с наделами размеров 1–2 *чонбо*. Увеличилось, хотя и не столь значительно, число хозяйств с наделами 0,5–1 *чонбо*. Причиной, которая заставила беднейших крестьян покинуть свои хозяйства, был растущий разрыв между доходами сельского и городского населения и увеличение шансов найти работу в других секторах экономики.

Другими важными особенностями сельского хозяйства периода Пак Чонхи стали рост числа крестьянских семей, подрабатывавших на стороне, за пределами аграрного сектора, изменение возрастного состава и гендерной структуры крестьянства. Если в 1964 г. только 10% крестьянских семей имели отхожий промысел, то в 1968 г. эта цифра возросла до 15%, а в 1979 г. — до 18%. Главным фактором в этом процессе стало создание нескольких индустриальных парков вблизи крестьянских поселков. Изменился возрастной состав крестьянства и соотношение в мужском и женском населении. В 1963 г. 27% сельского населения составляли люди в возрасте 20–30 лет, но в 1974 г. эта цифра уменьшилась до 17%. В тот же период доля людей пожилого возраста — 50 лет и старше — увеличилась с 19% до 26%. В 1963 г. 62% занятых в сельском хозяйстве составляли мужчины. В 1974 г. их доля уменьшилась до 58,5%, а доля занятых в сельском хозяйстве женщин возросла, соответственно, с 38% до 41,5%. Рост числа занятых в сельском хозяйстве в этом период был связан с большим вовлечением женщин в работу на полях.

Несмотря на быструю индустриализацию и урбанизацию в период, когда у власти находилась администрация Пак Чонхи, ситуация с землей в сельском хозяйстве практически не изменилась. В 1960 г. обрабатывались 2 042 000 *чонбо* земли. К 1968 г. эта цифра несколько возросла — до 2 334 000 *чонбо*, но в 1975 г. сократилась до 2 240 000 *чонбо*. Причиной было увеличение площадей земли, занятых под фабрики, жилищное строительство и дороги, а также отсутствие стимулов к освоению новых земель.

Несмотря на то, что в связи с сокращением обрабатываемых земель и увеличением числа рабочих мест в других секторах экономики сельское население сократилось, большинство селян оставались бедны. Средний размер земли в собственности крестьянских хозяйств не превышал одного *чонбо*. В период с 1956 по 1975 гг. доля крестьянских хозяйств, имевших участок земли менее одного *чонбо* сократилась с 73,5% до 66,4%, а доля крестьян-собственников земли размером в 1–2 *чонбо* возросла с 20,4% до 27,1%. Доля хозяйств с более чем двумя *чонбо* земли почти не изменилась: 6,1% и 6,5% соответственно.

Согласно сельскохозяйственным переписям правительства, в 1960 г. арендовали землю 26,4% общего числа крестьянских хозяйств; в 1970 г. эта цифра возросла до 33,5%. В 1960 г. площади арендуемых земель составляли 12% общей площади сельскохозяйственных угодий, а в 1970 г. — 17%. Стоимость аренды равнялась примерно 50% урожая — столько же, сколько до земельной реформы арендаторы платили за землю арендодателям-землевладельцам.

По мнению одних, возрождение аренды было возрождением «феодалных отношений». По мнению других, это были отношения аренды, характерные для фермерства новейшего времени. Но как бы там ни было, она свидетельствовала о том, что земельные отношения в деревне развивались далеко не в сторону формирования крестьянской земельной собственности, как на то надеялись прогрессивные силы страны, выдвигавшие в колониальный период земельную реформу как одно из своих главных требований. Чтобы решить проблему хронической бедности села, правительство Пак Чонхи решило поощрить развитие коммерческого сельского хозяйства, легализовав вновь появившиеся арендные отношения как «сдачу земли под обработку по поручению» и «фермерскую аренду» и убрав ограничения на предельный размер земельного участка в частной собственности.

Такая сельскохозяйственная политика, целью которой было активизировать развитие сельского хозяйства путем привлечения городского капитала и механизации сельских работ и перевести его на капиталистические рельсы, была хотя и направлена на повышение производительности труда на селе, но с другой стороны, ставила крест на надеждах крестьян на демократизацию аграрного сектора и передачу земли тем, кто ее обрабатывает, и была оценена как попытка отделить крестьянина от главного средства его производства — земли — и превратить его в наемного работника. С одной стороны, эта политика способствовала в какой-то мере рационализации в использовании земли и повышению производительности сельского труда; она открыла, что было важно в условиях перенаселения, новые возможности для трудоустройства и повышения уровня жизни крестьян, а также для развития сельского хозяйства на основе срочных государственных кредитов. С другой стороны, однако, существует и мнение, что эта аграрная политика игнорировала возможность осуществления механизации сельского хозяйства на условиях крестьянской кооперации в деле совместного найма специалистов и использования техники.

Использованная литература

Пён Хёньюн и Ким Юнхван (авторы-составители). Хангук кёнджерон (Корейская экономика). Сеул: Юпхун чхульпханса, 1977.

Ан Бёнджик и др. Хангук кёндже-ый чонгэ кваджон (Процесс развития корейской экономики). Сеул: Тольпэге, 1981.

Пак Хёнчхэ. Хангук ноноб-ый кусан (Надежды корейского сельского хозяйства). Сеул: Хангильса, 1981.

Чо Ёнбом. Хангук кёндже-ый ирон (Теория корейской экономики). Сеул: Чон-ымса, 1981.

Глава 4

РАЗВИТИЕ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ (1980-е гг.)

Усиление монополистического капитала

В период *юсин* в конце 1970-х годов в южнокорейской экономике начал интенсивно развиваться монополистический капитал — в первую очередь, в тяжелой промышленности. Однако в конце 1970-х — начале 1980-х годов чрезмерные вложения в тяжелую промышленность привели к глубокому экономическому спаду. Стремясь преодолеть кризис, правительство Чон Духвана приняло 8 января 1986 г. «Закон о развитии предприятий», а в декабре 1986 г. — «Закон о регулировании снижения налогов» и приступило к осуществлению политики «рационализации промышленности», чтобы избавиться от нерентабельных предприятий.

Правительство Чона разделило подлежавшие «рационализации» отрасли на те, которым требовалось урегулирование капиталовложений (тяжелое строительное оборудование, автомобилестроение — там, где существующие капиталовложения были чрезмерными), и те, где были необходимы структурные изменения (текстильная, производство неорганических и азотных удобрений). Относительно первой группы было решено отказаться от создания в ней новых компаний и усилить специализацию компаний существующих, а второй группе было предоставлено 210 млрд. вон государственных займов и субсидий на осуществление перепрофилирования. Эти меры укрепили основы монополистического капитала.

Ликвидация нерентабельных предприятий была проведена в 5 приемов, начиная с 1986 г. и коснулась в целом 78 предприятий. 57 из них были переданы другим корпорациям, а 21 — слито с однопрофильными предприятиями, поставлено под внешний контроль, лишено филиалов или закрыто. В ходе этой перестройки правительство оказало промышленности большую финансовую поддержку: 282,4 млрд. вон в кредитах и 214,4 млрд. вон — за счет уменьшения налогов. Чтобы покрыть потери коммерческих банков, Национальный банк Кореи выдал им льготных займов на сумму 1722,2 млрд. вон (примерно два с половиной

млрд. долларов США по тогдашнему курсу). «Передача другим корпорациям» означала переход предприятий к основным *чэболь*, а всего *чэболь* получили льгот на сумму 9782,4 млрд. вон (около 13 млрд. долларов).

В 1980-х годах в Азии начало складываться новое международное разделение труда. Усилилось проникновение в этот регион американских транснациональных монополий, «новые индустриальные страны» (НИС), к числу которых принадлежала и Южная Корея, получили преобладание в среднем секторе (машиностроение, электроника и т.д.), а страны АСЕАН (образована Индонезией, Малайзией, Филиппинами и рядом других стран в 1967 г.) стали специализироваться в трудоемких перерабатывающих и сборочных производствах. Реструктуризация промышленности при Чон Духване была внутренней мерой, направленной на то, чтобы приспособиться к этим переменам в системе международного разделения труда.

Получив, благодаря энергичным мерам правительства, гарантии прибыльности вложений и используя преимущества наступившего в 1986 трехлетнего «периода трех низких стоимостей»: низких процентных ставок, низких цен на нефть, низкой стоимости доллара, — *чэболь* добились ежегодного роста в 12% в таких отраслях, как автомобилестроение, электроника, станкостроение и металлургия. Стал расти и экспорт, вернувшись к показателям 1970-х годов. Рост экспорта и ограничения на импорт создали благоприятные условия, в результате которых профицит национального торгового баланса достиг в 1986 г. рекордной отметки в 4,6 млрд. долларов и в последующие 3 года продолжал расти. Порожденный «тремя низкими стоимостями» бум позволил Южной Корее преодолеть депрессию конца 1970-х — начала 1980-х годов, но поскольку он был обусловлен внешними факторами, с изменением этих факторов в 1988 г. закончился и экономический бум. В 1989 г. рост ВВП замедлился и составил 6,7%, рост в добывающей и обрабатывающей промышленности сократился до 3,5%, рост экспорта — до 2,8%, а национальный торговый баланс вернулся к дефициту. Монополистический капитал не мог противостоять ухудшающимся условиям, поскольку накопленный в период «трех низких стоимостей» дополнительный капитал был использован на спекулятивные приобретения, в особенности в области недвижимости. Площадь недвижимости в собственности 30 крупнейших *чэболь* возросла с 394,0 квадратных километров в конце 1986 г. до 469,2 квадратных километров в начале 1989 г.

Однако в 1980-х годах объем промышленного производства в целом существенно вырос. Если мы примем уровень 1980 г. за 100%, то показатель 1989 г. был равен 276 (см. *Таблицу 14*). Это стало основой для роста ВВП с 52 до 120 триллионов вон, а доходов на душу населения — с 1592 до 4968 долларов.

В 1980-е годы значительно усовершенствовалась структура производства: доля сельского и лесного хозяйства и рыболовства уменьшилась с 15% в 1981 г. до 10,2% в 1989 г., доля промышленного производства возросла в тот же период с 29,9% до 31,3%, а сферы услуг — с 53,1% до 57,9%. В индустриальном секторе доля тяжелой и химической промышленности увеличилась с 51,2% в 1980 г. до 61,3% в 1989 г., а объем ее продукции в структуре экспорта возрос с 47,3% в 1981 г. до 57,9% в 1989 г.

Таблица 14

Основные показатели экономического развития в 1980-х годах

Год	ВНП (трлн. вон)	Доход на душу населения (\$)	Промыш- ленное производство	Произво- дительность труда
1980	52,3	1 592	100,0	100,0
1981	55,4	1 734	112,7	116,8
1982	59,3	1 824	118,4	125,3
1983	66,8	2 002	137,0	141,9
1984	73,0	2 158	157,6	155,6
1985	78,1	2 194	164,5	166,4
1986	88,2	2 505	198,5	193,2
1987	99,6	3 110	236,2	219,3
1988	112,0	4 127	268,3	250,9
1989	119,5	4 968	276,0	279,5

Источник: Корейская экономика. Сеул: Корейский институт социальных проблем, 1991, с. 160.

В 1981–1989 гг. промышленное производство выросло примерно в 2,8 раза, при преимущественном росте тяжелых отраслей. Энергетика, электроника выросли в 6,9 раз, станкостроение — примерно в 6 раз, транспортное оборудование — в 5,4 раза. Доля производства сборных металлоконструкций, станков и оборудования увеличилась с 21,8% в 1980 г. до 33,2% в 1988 г. Это были отрасли, которые росли в этот период наиболее интенсивно и обеспечили наибольший прирост экспорта в 1980-х годах.

Существенно сократилась (с 25,3% в 1970 г. до 22,4% в 1987 г.) зависимость от иностранных поставок средств производства в отраслях

тяжелой промышленности, собиравших продукцию как краткосрочного, так и длительного пользования, то есть в тех отраслях, которые в 1980-х годах лидировали по темпам роста экспорта и значительно диверсифицировали структуру экспортной продукции. Это свидетельствует о серьезном укреплении производственной базы внутри страны. Однако рост экспорта и производства средств производства происходил за счет дешевой низкотехнологичной продукции с низкой добавленной стоимостью, при этом рос импорт дорогих высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью.

По мере развития тяжелой промышленности развивался и импорт производственного оборудования. Это происходило потому, что выпуск средств производства в Южной Корее был привязан не столько к рынку разделения труда внутри страны, сколько ориентировался на международный рынок, где южнокорейские производители выполняли роль субподрядчиков. Несмотря на рост вложений *чэбо*ль в научные разработки, технологическая отсталость сохранялась, а импорт технологий быстро развивающейся промышленностью неуклонно увеличивался. Стоимость импортируемых новых технологий возросла со 100 млн. долларов в 1980 г. до 1 млрд. долларов в 1989 г.

Несмотря на развитие тяжелой промышленности, ее базовая структура, основанная на импорте оборудования и запчастей из Японии и экспорте собранной продукции в США, оставалась неизменной. В результате, как об этом свидетельствует *Таблица 15*, корейская экономика стала еще более зависимой от торговли с США и Японией. В 1989 г. активный баланс Южной Кореи в торговле с США составил 9,4 млрд. долларов, но негативный баланс в торговле с Японией достиг 40 млрд. долларов.

Испытывая в начале 1980-х годов большие проблемы с выплатами международных долгов, южнокорейский монополистический капитал открыл двери для прямых иностранных инвестиций, которые не требовалось потом выплачивать с процентами и которые давали возможность получить передовые технологии. Усилившиеся со второй половине 1980-х годов трения из-за торгового дисбаланса и активное давление извне ускорили открытие южнокорейской экономики. В результате объем прямых иностранных инвестиций возрос с примерно 10 млрд. долларов в 1987 г. до 65,7 млрд. долларов в 1989 г. В 1986 г. созданные целиком за счет прямых иностранных инвестиций компании выпускали 13,0% добавленной стоимости всей производимой в стране продукции и 29,3% экспорта. На их долю, таким образом, приходилась одна четверть всего экспорта и импорта Южной Кореи. В 1986 г. положительное сальдо международной торговли составило 4,2 млрд. долларов, и 2,6 млрд. из них заработали созданные целиком за счет прямых иностранных инвестиций компании.

Таблица 15

Торговля с США и Японией (в млн долл.)

	США			Япония		
	Экспорт	Импорт	Баланс торговли	Экспорт	Импорт	Баланс торговли
1970	47,3	29,5	–165,9	28,1	40,8	–575,0
1980	26,3	21,9	552,0	17,4	26,3	–2 818,4
1989	33,1	25,9	937,9	21,6	28,4	–3 991,8

Источник: Корейская экономика. Сеул: Корейский институт социальных проблем, 1991, с. 189.

В результате продолжавшейся на протяжении 1980-х годов реструктуризации промышленности, монополизм *чэболь* в экономике усилился. Продажи 30 ведущих *чэболь* неизменно составляли свыше 40% всех продаж, а доля, которую составляла в ВВП произведенная 50 ведущими *чэболь* добавленная стоимость, выросла с 15,8% в 1980 г. до 20,8% — в 1984 г. Подводя итоги, можно сказать, что реструктуризация промышленного сектора в 1980 г. укрепила монополистический капитал внутри страны. Это был процесс адаптации к изменениям в международном разделении труда, основанный на слиянии капитала и кооперации в области технологий.

Изменения в малом и среднем бизнесе

До середины 1970-х годов контроль монополий над малым и средним бизнесом сводился, в основном, к выдавливанию его с рынка или его поглощению. Однако в результате интенсивного развития тяжелой промышленности в конце 1970-х годов структура средних и мелких предприятий также начала изменяться. Их доля в общем объеме производства возросла с 38,4% в 1974 г. до 47,4% в 1985 г. По мере того, как с середины 1970-х годов стала возрастать доля в экспорте продукции тяжелой промышленности, стала увеличиваться и доля в нем предприятий мелкого и среднего бизнеса, что свидетельствовало о совершенствовании структуры его производства. Если раньше малые и средние предприятия производили в основном потребительские товары, то теперь они перешли к производству полуфабрикатов и запчастей для предприятий-монополистов. В условиях углубления разделения труда в обществе как поставщики крупных предприятий они превратились в составную часть производственной базы.

Если в процессе установления своего преобладания в экономике монополистический капитал вытеснял и поглощал малые предприятия, то

теперь, когда его контроль над экономикой был обеспечен, он перешел к тактике сосуществования с мелким и средним бизнесом. Поставив их в зависимость, монополистический капитал использовал их для укрепления своего господства в экономике и наращивания своей прибыли.

В мае 1986 г. правительство приняло Закон о поддержке создания средних и мелких предприятий. В 1981–1988 гг. вложения в оборудование таких предприятий выросли втрое; из них доля вложений на покупку станков и механизмов выросла с 46,0% до 56,0%. Одним из результатов стало увеличение объема продаж мелких и средних предприятий в 5,3 раза в 1987 г. по сравнению с 1981 г., в то время как объем продаж товаров тяжелой промышленности увеличился в тот же период лишь в 3,3 раза. Другим результатом стало сокращение импорта запчастей в таких важных, основанных на сборке, отраслях как электронная, автомобильная и кораблестроительная с 40,5% в 1978 г. до 29,3% в 1985 г.

Наряду с осуществленной сверху реструктуризацией мелкого и среднего бизнеса, сформировалась вертикаль в его отношениях с крупными предприятиями. Например, если в 1975 г. только 17,4% малых и средних предприятий были поставщиками крупных производителей, то в 1988 г. эта доля возросла до 55,5%. В машиностроении роль мелких предприятий была особенно заметной. В 1988 г. в этой отрасли 80% средних и мелких предприятий были поставщиками крупных предприятий и представляли, по сути, их мелкие подразделения. Их бизнес на 80% зависел от крупных предприятий.

Одновременно росло число мелких и средних предприятий, работающих в сфере сборки и обработки и ориентированных на экспорт. В 1980 г. их продукция составляла 32,1% экспорта. В 1988 г. эта цифра выросла до 37,9%. Поскольку росли продажи мелких и средних предприятий крупным производителям, то росло и их участие в экспорте страны.

Таблица 16

Структура продаж мелких и средних предприятий

Год	Экспорт	Продажи на внутреннем рынке	
		Продажи производителям	Продажи на рынке
1970	9,1%	20,9%	70,0%
1980	23,8%	28,1%	52,9%
1986	29,7%	33,2%	42,0%
1987	32,3%	42,0%	33,9%
1988	28,8%	40,8%	33,5%

Источник: Корейская экономика. Сеул: Корейский институт социальных проблем, 1991, с. 189.

Как видно из *Таблицы 16*, в 1980 г. доля в объеме экспорта мелкого и среднего бизнеса составляла 23,8%, а в 1987 г. она выросла до 32,2%, таким образом, в этот период около трети их продукции шла на экспорт.

Чем больше средние и мелкие предприятия работали на экспорт, тем сильнее возрастала их зависимость от крупных предприятий как субподрядчиков, поставщиков и пр., и тем больше они попадали в зависимость от иностранного капитала в отношении средств производства и рынков сбыта. Особенно велика была зависимость от США и Японии. Доля используемого ими импортного сырья и материалов продолжала увеличиваться, как и совместные капиталовложения и импорт технологий. Как показывает *Таблица 17*, в 1983 г. имели место 53 случая совместных инвестиций, в которых участвовали южнокорейские мелкие и средние предприятия, с одной стороны, и иностранный капитал, — с другой. В 1987 г. это число увеличилось до 267. Число внедрений иностранных технологий также увеличилось: с 95 в 1982 г. (30,8%) до 325 — в 1987 г. (51,0%).

Таблица 17

**Совместные капиталовложения мелких
и средних предприятий
и иностранного капитала — развитие по годам**

	1983	1984	1985	1986	1987	1983–87 Total
Всего иностранных инвестиций (А)	75	104	127	203	363	872
Иностранные инвестиции совместно с мелкими и средними предприятиями (В)	53	72	81	135	267	608
Иностранные инвестиции совместно с крупными предприятиями	17	20	23	29	44	133
Предприятия с исключительно иностранными инвестициями	5	12	23	39	52	131
В процентном отношении от А (%)	70,6	69,3	63,8	66,5	73,6	69,7

Источник: Корейская экономика. Сеул: Корейский институт социальных проблем, 1991, с. 230.

Начиная с 1980 г. усилился процесс дифференциации мелких и средних предприятий, что было вызвано потребностями развивающейся тяжелой промышленности. Возникло их четкое деление на экспортеров, субподрядчиков крупных предприятий, производителей для внутреннего рынка, филиалы крупных предприятий и компании, созданные исключительно на иностранных капиталовложениях. Каждая группа предприятий имела характерные отличительные особенности и определенное место в структуре производства. Однако все они отличались структурной слабостью и отсталостью.

В 1986 г. мелкие и средние компании с активами менее 100 млн. вон (примерно 140 тыс. долларов) составляли 46,8% общего числа подобных предприятий, а с числом работников менее 100 — 93,2%. Большинство (73,0%) средних и мелких предприятий были не акционерного типа, а частные. В силу отсталости их оборудования и технологий производительность труда в них была низкой. В 1987 г. произведенная на этих предприятиях добавленная стоимость в пересчете на одного работника составляла 68,8% от уровня производства добавленной стоимости в промышленности в целом и всего 49,0% от уровня крупных предприятий. В 1980-х годах мелкие и средние предприятия в высшей степени зависели от подрядов монополий — отечественных и иностранных. Их место в структуре производства означало, что у них имелся сравнительно небольшой доступ к государственным кредитам и капиталовложениям и к поддержке из-за рубежа. В 1987 г. они получили лишь 5,4% из общей суммы государственной поддержки бизнесу, что было значительно меньше, чем в Японии, где в 1985 г. мелкие и средние предприятия получили 18,1% от общей финансовой поддержки правительства индустрии. В отличие от крупных предприятий, которые имели льготы при финансировании, средние и мелкие предприятия должны были предоставлять гарантии при получении банковских кредитов, что вызывало у них немало финансовых трудностей.

Несмотря на общий рост продаж мелких и средних предприятий и реструктуризацию этого сектора экономики, процент малых и средних предприятий, которым пришлось сократить, отложить или даже аннулировать производство, был сравнительно велик. В 1987 г. сократили, отложили или аннулировали производство 700 предприятий, в 1988 г. — 1037. Особенно много неблагополучных мелких и средних предприятий было в пищевой (29,2%), бумажной (22,6%), химической и пластмассовой (21,4%) отраслях. Эти показатели существенно превышают показатели в целом по промышленности, которые составляли 13,7%.

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на эффективную реструктуризацию мелких и средних предприятий в 1980-х годах, трансформация многих из них в подрядчиков местных и крупных иностранных предприятий означала, что они были подчинены крупному капита-

лу. Степень зависимости была тем сильнее, что они зависели от монополий еще и в приобретении сырья и освоении рынков. Это означало, что перспектива развития свободной от монополий экономической системы постепенно отдалялась. Вместо этого в южнокорейской экономике произошло значительное усиление монополистического капитала, который был тесно связан с иностранным капиталом.

Изменения в структуре финансового рынка

Хотя распродажа администрацией Ли Сынмана акций находившихся ранее в собственности японцев коммерческих банков и кредитных ассоциаций способствовала передаче банков — ранее служивших в основном интересам японской администрации и капитала — в руки отечественных частных акционеров, в конечном счете, она привела к постепенному превращению банков в приватные источники финансирования для *чэболь*. После военного переворота 16 мая 1961 г. правительство отозвало акции основных инвесторов и фактически аннулировало акционерное управление банками. Они перешли или в собственность, или под контроль государства (осуществлявшийся через Бюро контроля над банками, созданное в 1962 г.)⁵⁵ и главная роль, которая им была теперь отведена, заключалась в предоставлении льготных кредитов и займов для поддержания определенных правительственных инициатив.

Банки предоставляли предприятиям кредиты под проценты, которые были гораздо ниже, чем на неформальном рынке заимствований (где процветал ростовщический процент), а проценты под правительственные кредиты, выдававшиеся госбанками, были вполтину ниже, чем коммерческие банковские. В соответствии с официальным экономическим курсом правительство предоставляло льготные кредиты в основном предприятиям тяжелой промышленности или работавшим на экспорт, то есть крупным монополистам, чем способствовало ускоренному накоплению ими капитала.

В сложившихся условиях банки не имели возможности выполнять свою главную функцию — привлекать и пускать в оборот имевшиеся в

---

⁵⁵ Большая часть акционерного капитала коммерческих банков была передана правительству, а в Закон о Национальном Банке Кореи были внесены поправки с целью более эффективного осуществления денежной политики. В начале 60-х годов правительство учредило различные специализированные банки для оказания финансовой помощи как наименее развитым, так и стратегически важным отраслям: Национальную федерацию сельскохозяйственных кооперативов, Национальную федерацию рыболовецких кооперативов, Банк кредитования малых и средних предприятий и Национальный банк для граждан. В 1983 г. учреждением Национальной федерации животноводческих кооперативов завершилось формирование современной системы специализированных банковских учреждений.

стране у населения денежные средства. Нехватка средств в банках покрывалась за счет заимствований у Национального банка Кореи, что вело к росту денежной массы и инфляции. В 1963–1985 гг. свыше 10% средств, выданных банками в виде кредитов, были получены путем «особого финансирования» из центрального банка. Чрезмерные вложения в предприятия-монополисты привели к итоговому пассивному балансу у немалого числа компаний, «облагодетельствованных» льготным финансированием, но на деле не имевших достаточных рынков сбыта. В 1985 г. на покрытие их долгов и убытков было истрачено 125,6 млрд. вон.

В декабре 1980 г. правительство обнародовало «План либерализации управления коммерческими банками», что было одной из мер по возвращению банков под управление частных акционеров. Оно затем продало 50% своих акций в старейших банках «Ханиль», «Чеиль», «Синтак» и «Чохын». Стремясь предотвратить переход банков в руки монополистов, оно также ограничило количество акций в руках одного держателя восемью процентами. Однако *чэболь* обошли эти ограничения, используя для покупки акций свои дочерние компании и, в результате, сосредоточив в своих руках от 20 до 27% акций этих банков (см. *Таблицу 18*).

Таблица 18

Доли негосударственных держателей в акционерном капитале ведущих банков (по состоянию на 4 августа 1983 г.)

Банк	Дата приватизации	Основные держатели акций	% имеющихся акций
Саноп (Промышленный)	31.07. 1973	Торговая ассоциация (<i>Муёк хёпхве</i>)	21,6
		Дочерние компании конгломерата «Самсон»	13,8
		Кооперативный фонд «Санхак»	6,7
Ханиль	01.07. 1982	Дочерние компании конгломерата «Тэрим»	12,1
		Дочерние компании конгломерата «Хёндэ» (Hyundai)	2,2
		Дочерние компании конгломерата «LG»	6,9
Чеиль	10.09. 1982	Дочерние компании конгломерата «Тэу» (Daewoo)	18,0
		Дочерние компании конгломерата «Ханджин» (Hanjin)	10,9

Окончание таблицы

Банк	Дата приватизации	Основные держатели акций	% имеющихся акций
		Дочерние компании конгломерата «Хёндэ» (Hyundai)	10,3
		Дочерние компании конгломерата «LG»	10,2
		Страховое общество образования «Тэхан» (<i>Тэхан кёюк похом</i>)	9,0
		Дочерние компании конгломерата «Самсон» (Samsung)	8,0
Соуль синтхак	10.09. 1982	Дочерние компании сталелитейного концерна «Тонгук» (Tongguk steel)	10,1
		Дочерние компании строительного концерна «Тонъя консоль»	10,1
		Дочерние компании конгломерата «Хёндэ» (Hyundai)	6,9
		Дочерние компании предприятия по производству <i>соджу</i> (ликеро-водочного) «Соджу саноп»	6,7
		Дочерние компании издательского концерна «Син Тонъя»	6,3
Чохын	08.03. 1983	Дочерние компании промышленного объединения «Тхэгван саноп»	11,4
		Дочерние компании конгломерата «Самсон» (Samsung)	9,8
		Дочерние компании издательского концерна «Син Тонъя»	7,8
		Дочерние компании концерна «Ссанъён»	5,9

Источник: Хангук кёнджерон (Корейская экономика) / Корейский институт социальных проблем. Сеул: Пэксан содан, 1991, с. 324.

Правительство также стремилось поощрять либерализацию управления банками, находившимися в собственности частных акционеров. В январе 1981 г. и декабре 1984 г. были отменены Закон о временных мерах в отношении финансовых учреждений, по которому приоритет в назначении руководителей финансовых учреждений принадлежал директору Бюро контроля над банками, и свыше 600 постановлений,

регулирующих работу финансовых учреждений. В 1982 г. правительство убрало из Закона о банках (*Ынхэнбон*) статью, дававшую директору Бюро контроля над банками право издавать инструкции, касавшиеся деятельности банков. В ноябре 1990 г. банки представили «План по укреплению конкурентоспособности банков в преддверии открытия финансового рынка», в котором призвали гарантировать либеральные условия управления: автономию в назначении высших руководителей, введение должности председателя банка, разрешение производить дополнительный выпуск акций и сливаться с другими банками.

Одним из изменений, произошедших в мировой капиталистической системе в 1980-х годах, было усиление транснационального капитала и рост его давления на «новые индустриальные страны» (НИС) с тем, чтобы принудить их к открытию своих рынков финансовых услуг и сервиса. Южная Корея не стала исключением. Либерализация финансового рынка активно началась в 1981 г., когда правительство обнародовало «Проект долгосрочного плана интернационализации рынка капитала с целью либерализации капитала». Меры по либерализации финансовых операций с акциями, кредитами, страхованием и недвижимостью были продолжением активных попыток правительства привлечь в страну прямые инвестиции транснациональных компаний во время экономического спада конца 1970-х — начала 1980-х годов. Их начали поспешно предпринимать в период временного улучшения баланса международной торговли и открытия рынка товаров в середине 1980-х годов.

Таблица 19

**Зависимость ведущих чэболь от отделений иностранных банков
(на июль 1987 г., единица — 100 млн. вон).**

Название чэболь	Общая сумма кредитов	% займов, полученных от отделений иностранных банков
Самсон (Samsung)	20 799	25,47
Хёндэ (Hyundai)	24 451	16,77
Тэу (Daewoo)	29 270	8,04
Эл-Джи (LG)	14 272	32,31
Сонгён (Sunkyung)	7 612	22,74

Источник: Хангук кёнджерон (Корейская экономика) / Корейский институт социальных проблем. Сеул: Пэксан содан, 1991, с. 320.

В результате начался рост зависимости от иностранных источников денежного капитала. Тенденция ограничивать ввоз иностранного капитала государственными займами, которая превалировала до конца 1970-х годов, сменилась в начале 1980-х годов на новую, когда южнокорейцам было разрешено брать кредиты от иностранных банков, а иностранцам — приобретать косвенным путем южнокорейские акции и другие ценные бумаги⁵⁶. Это привело к активному проникновению в Южную Корею транснациональных банков, а общий капитал отделений иностранных банков в Корее возрос с 14,5 млрд вон в 1970 г. до 7,09 трлн вон в 1989 г. Из *Таблицы 19* видно, что повысился и процент средств, занимаемых *чэболь* у иностранных банков.

С 1980-х годов в результате открытия финансового рынка усилилась зависимость южнокорейской экономики от международного разделения труда, и одновременно укрепилось господство *чэболь* на внутреннем финансовом рынке. Они практически полностью контролировали вторичный финансовый рынок: компании по выдаче краткосрочных ссуд, смешанные финансовые и инвестиционные компании, которые начали возникать в стране с 1970-х годов⁵⁷, и приобрели существенный контроль над частично приватизированными коммерческими банками.

Подводя итоги, можно сказать, что полномасштабное проникновение в Корею транснационального капитала в период перехода страны к открытой экономике в 1980-х годах привело к усилению конкурентной борьбы между местными предприятиями, попавшими в долги в условиях ослабления протекционистских мер, и дальнейшей монополизации производства. Следствием этого, несмотря на передачу банков акционерам и либерализацию финансового рынка, стало дальнейшее усиление прямого контроля монопольных групп над финансовыми учреждениями.

Открытая экономика и сельское хозяйство

Когда во второй половине 1970-х годов Корея какое-то время имела положительный текущий баланс, а объем ее экспорта достиг 10 млрд долларов, ее международные торговые партнеры отреагировали на это

---

⁵⁶ До 1992 г. иностранные инвесторы имели право вкладывать средства в корейские ценные бумаги косвенным путем — через посредство отечественных фондов, покупая сертификаты и ценные бумаги, выпускаемые отечественными компаниями исключительно для иностранных инвесторов. Начиная с 1992 г., иностранные инвесторы могут вкладывать средства непосредственно в корейские ценные бумаги.

⁵⁷ В 1972 г. начал быстро развиваться фондовый рынок в результате ряда мер, направленных на развитие капиталовложений в ценные бумаги и стимулирование акционирования предприятий. Также были приняты законодательные меры, в том числе по укреплению функций инвестиционных компаний, и учреждены Комиссия по ценным бумагам и биржам и Совет по контролю за ценными бумагами.

введением ограничений на импорт, что вынудило правительство приступить к осуществлению политики по открытию рынка Кореи для некоторых видов импортных товаров. В 1978 и 1979 гг. правительство сняло ограничения на импорт 160 видов товаров — таких, которые либо не производились внутри страны, либо пользовались повышенным спросом, в том числе и некоторые виды сельхозпродукции, и приступило к постепенной ликвидации системы государственного поощрения экспорта.

С возвращением и последующим ростом внешнеторгового дефицита в конце 1970-х — начале 1980-х годов отмена ограничений на импорт была приостановлена. Однако, что касается риса, то в связи с сопротивлением крестьян навязываемым правительством посевам риса сорта «Тхониль» («Объединение»),⁵⁸ в 1979 г. пришлось импортировать 500 тысяч тонн риса, в 1980 г. — 1190 тысяч, в 1981 г. — 1830 тысяч, а в 1982 г. — 500 тысяч тонн.

С 1985 г. США начали осуществлять новую торговую политику, направленную на сокращение отрицательного баланса их международной торговли путем увеличения экспорта сельскохозяйственных продуктов. Предполагала она и репрессивные торговые санкции. В Общий закон о торговле были внесены поправки: чтобы ускорить проведение торговых переговоров и облегчить применение экономических санкций, функции принятия решений по этим вопросам были изъяты из полномочий президента и переданы главному торговому представителю. Применение репрессивных торговых санкций стало обязательным, и было расширено определение влекущего за собой санкции «несправедливого торгового обмена».

США потребовали от Южной Кореи, чтобы она до конца 1988 г. отменила бы квоту на импорт кормовых и технических зерновых культур и в три захода сняла бы ограничения на импорт таких дорогостоящих продуктов, как говядина и апельсины, а также на обычно закупаемые в больших количествах пшеницу и кукурузу. В результате импорт в Корею продуктов сельского хозяйства и животноводства значительно возрос. Отмена ограничений на импорт американских сигарет в сентябре 1986 г. привела к сокращению числа культивирующих табак крестьянских хозяйств с 91 389 в 1987 г. до 77 485 в 1998 г. и площадей под посадками табака с 35 226,9 до 31 821,4 гектара.

---

⁵⁸ Высокоурожайный сорт риса «Тхониль», отличавшийся, однако, в худшую сторону по вкусовым показателям от традиционных сортов, был выведен в середине 1970-х годов. Его культивация позвонила решить вопрос о самообеспечении страны рисом и отказаться от импорта этой культуры. Но с начала 1980-х годов в связи с ростом благосостояния граждан потребление риса начало падать, а потребление овощей, мяса, молока, мучных продуктов — увеличиваться. В 1989 г. самообеспечение рисом в Корее составило 108%, и встала проблема перепроизводства. В результате культивирование сорта «Тхониль» в Южной Корее было остановлено по решению правительства.

4 августа 1989 г. правительство объявило, что снимет в ближайшие 3 года ограничения на импорт 243 видов сельскохозяйственных продуктов. В их список были включены 62 из 119 видов продуктов, ограничения на импорт которых требовали снять США. Как показано в *Таблице 20*, доля разрешенных к импорту видов в общем объеме сельскохозяйственной, животноводческой, рыболовной и лесной продукции составила в 1989 г. 71,9%, а в 1990 г. — уже 84,9%.

Таблица 20

**Либерализация импорта сельскохозяйственной,
животноводческой, рыболовной и лесной продукции
(по годам, в процентах)**

Продукция по отраслям	Декабрь 1988	1989	1990	1991
Сельского хозяйства и животноводства	75,1	79,3	82,8	86,2
Лесного хозяйства	94,6	94,9	95,3	97,3
Рыболовство	40,2	57,9	57,9	69,2
В среднем в год	71,9	76,1	80,3	84,9

Источник: Хангук кёнджерон (Корейская экономика) / Корейский институт социальных проблем. Сеул: Пэксан содан, 1991, с. 394.

С середины 1970-х годов, когда началось активное развитие капитализма, в первую очередь в тяжелой и химической промышленности, политика правительства по поддержанию сравнительно высоких цен на рис стала подвергаться критике. Изменение рациона южнокорейцев в связи с ростом благосостояния привело к сокращению потребления риса⁵⁹, а высокие цены на него вели к затовариванию, когда большое его количество оставалось в хранилищах. Кроме того, двойственная ценовая политика правительства, согласно которой рис внутри страны продавался дешевле закупочной цены, была растущим бременем для бюджета. Правительство возмещало эти затраты не за счет обычных налоговых поступлений, а за счет особых кредитов Национального банка Кореи, что вело к росту денежной массы и инфляции.

В период «Движения 10 июня» за демократизацию закупочная цена риса временно поднялась. В 1988 г. были внесены поправки в Закон о зерне, в соответствии с которыми для изменения закупочных цен на рис и определения объема закупок отныне стало необходимо решение Национального

⁵⁹ В 1965 г. один кореец потреблял в год 121,8 кг риса, в 1970 г. — 136,4 кг, а в 1980 г. — только 118 кг.

собрания, а при определении закупочной цены необходимо было выслушать и мнение Комитета по обороту зерна, членами которого были представители различных слоев населения. Однако меры правительства, связанные с производством и закупками зерна, не были скоординированы, и закупочные цены на него определялись скорее стремлением поддержать ценовую стабильность и политической ситуацией в данный момент, чем интересами крестьян. Из произведенных в 1988 г. 42 млн. *сом* риса 16% (около 6,7 млн. *сом*) было закуплено государством, а из произведенных в 1989 г. 41 млн. *сом* риса было закуплено 11,7 млн. *сом*.

В 1983 г., чтобы поддержать на прежнем уровне доходы крестьянских хозяйств, снизившиеся в связи с замораживанием закупочных цен на зерно, правительство выступило с программой поощрения фермеров, которые наряду с рисом будут выращивать культуры, характерные для данной местности, и другие дополнительные культуры. Для этой цели были учреждены около 2 тысяч «особых зон», на развитие которых было отпущено 245,3 млрд. *вон*. Стимулируемые правительством крестьяне активно приступили к выращиванию иных, кроме риса, коммерческих культур. Однако предпринятые меры привели к перепроизводству и существенному падению или колебанию цен. В качестве характерного примера можно привести так называемые «волнения из-за цен на говядину». Когда во второй половине 1970-х годов произошел существенный рост цен на говядину в связи с недостаточным ее производством, правительство решило поощрить разведение крупного рогатого скота (прежде всего, коров) в соответствии с курсом на диверсификацию сельскохозяйственного производства. В период между 1973 и 1983 гг. количество крупного рогатого скота в Корее оставалось примерно на одном и том же уровне — 1,53 млн. голов, но в результате роста импорта живого скота и активизации развития животноводства с 1983 г. к июню 1985 г. количество крупного рогатого скота выросло до 2,65 млн. голов. Последствием стало резкое падение цены на говядину и доходов крестьян-животноводов. Задолженность 3,05 млн. крестьянских хозяйств по возврату ассигнованных на развитие животноводства в 1983–1984 гг. государственных средств составила 250,2 млрд. *вон* — по 820 тысяч *вон* на хозяйство. Этот долг составил 6% общей задолженности крестьянских хозяйств, равнявшейся 4,18 триллионам *вон*.

Отказ от поощрения зерноводства, отступление от курса, ориентированного на поддержание высоких цен на рис и отмена ограничений на импорт сельскохозяйственной продукции в 1980-х годах привели к быстрому росту крестьянских долгов, что заставило правительство принять в 1987 г. «Меры по сокращению задолженностей крестьянских и рыболовецких хозяйств» и «Комплексные меры по активизации развития земледелия и рыболовства». Однако и эти шаги не принесли желаемого результата в силу финансовой слабости крестьянских хозяйств и несовершенства структуры государственного финансирования. В результате долги

крестьянства еще более возросли. Как видно из *Таблицы 21*, средняя задолженность крестьянского хозяйства, составлявшая в среднем 339 тыс. вон в 1980 г., выросла до 3899 тыс. вон в 1989 г., при постепенном росте зависимости от частного ростовщического финансирования.

Упадок сельского хозяйства привел к массовой миграции сельского населения в города и соответственному уменьшению рабочей силы в аграрном секторе. В 1970 г. сельское население составляло 14 млн. 422 тыс. человек — 45,1% от общего населения страны (31 миллион 435 тысяч человек). В 1980 г. численность сельского населения уменьшилась до 10 млн. 830 тыс. человек, что составило 28,4% от населения страны (38 млн. 124 тысячи человек). К 1987 г. оно сократилось до 7 млн. 770 тыс. человек — то есть до 18% от общей численности населения Южной Кореи, которая к тому времени достигла 42,4 млн. человек. Продолжало неуклонно снижаться и число крестьянских хозяйств. В 1967 г. их было 2,58 млн. В 1967–1975 гг. их число ежегодно сокращалось в среднем на 26 тысяч, или на 1%, а в 1975–1988 гг. — в среднем на 42 тысячи, то есть 2%. В первую очередь село покидали молодые мужчины, что привело к «старению» деревни и увеличению числа занятых в сельском производстве женщин.

Таблица 21

Состояние крестьянских долгов (в тысячах вон, %)

Год	Всего (А) Рост в процентах	Кредиты от финансовых учреждений			Частные кредиты	В/А	В/С
		Всего (В)	Нонхёп (Союз крестьянских кооперативов)	Другие			
1980	339	173	165	8	166	51	104
1981	437 (28,9)	227	216	11	210	52	108
1982	830 (89,9)	554	524	30	276	67	201
1983	1 285 (54,8)	864	823	41	421	67	205
1984	1 784 (38,8)	1 226	1 147	79	558	69	220
1985	2 024 (13,5)	1 440	1 337	103	584	71	247
1986	2 192 (8,3)	1 550	1 436	114	642	71	242
1987	2 390 (9,8)	1 876	1 718	158	514	75	365
1988	3 131 (31,0)	2 652	2 511	141	479	85	554
1989	3 899 (19,7)	3 272	3 069	203	627	84	552

Источник: Хангуг-есой чабонджуый-ый пальталь (Развитие капитализма в Южной Кореи) / Коре́йский институт социальных проблем. Сеул: Сэгийл, 1971, с. 310.

Существенные изменения произошли и в социальной структуре села. Доля хозяйств, владеющих менее чем 0,3 *чонбо* земли, уменьшилась с 15,7% в 1970 г. до 13,4% в 1980 г. и до 12,7% в 1986 г. Сокращение числа рабочих рук стимулировало механизацию сельского хозяйства. До середины 1970-х годов она была ограничена в основном культиваторами, но затем широко стали распространяться посадочные и сборочные машины, а выращивание риса было полностью механизировано. Внедрение машин зачастую позволяло тем крестьянам, кто владел более 1 *чонбо* земли, расширить свои владения. В то же время количество земли, необходимое для поддержания хозяйства на минимально-среднем уровне, выросло с 0,5–1,0 *чонбо* в 1976 г. до 1,5–2,0 *чонбо* в 1983 г.

Быстрое сокращение сельского населения с конца 1970-х годов привело к значительно большему, чем в предшествующие периоды, развитию аренды земли. Доля арендуемых земель выросла с 16,5% в 1977 г. до 34,8% в 1988 г., а число крестьян-арендаторов земли увеличилась резко с 27,8% в 1975 г. до 64,7% в 1985 г. В 1985 г. общая сумма, которую выплачивали фермеры за аренду земли, составила 500 млрд. вон. Из этой суммы 321,5 млрд. вон получили владельцы земли, не занятые непосредственно сельским хозяйством. Среднегодовая сумма аренды из расчета на одного арендатора составляла 419 тысяч вон (около 600 долларов), что равнялось 11,3% общего дохода хозяйства.

Политика правительства по поощрению развития комплексного сельского хозяйства, вызванная падением доходности крестьянских хозяйств в условиях, когда основные усилия государства были направлены на развитие тяжелой и химической промышленности, провалилась со снятием ограничений на импорт сельскохозяйственной продукции. Кризис сельского хозяйства характеризовался развитием арендаторства, ростом долгов крестьянских хозяйств, сокращением сельского населения и уменьшением объема производимого в стране продовольствия.

С принятием в апреле 1989 г. «Комплексных мер по развитию фермерских и рыболовецких деревень» правительство перешло к политике индустриализации села (*нончхон конопхва чончхэк*). Была создана государственная Корпорация по развитию земледельческих и рыболовецких деревень с бюджетом в размере 2 триллионов вон, который использовался на поддержку покупки земли под развитие специализированного коммерческого сельского хозяйства. Также Корпорация учредила в прилегающих к столичной метрополии провинциях Северная и Южная Чхунчхон 53 специальные «зоны индустриализированного сельского хозяйства» и столько же — в провинциях Северная и Южная Кёнсан вблизи второго по величине города страны — Пусана. Но хотя фонд управления сельскохозяйственными землями был использован на то, чтобы сократить площади арендованных земель и расширить земельные владения среднего крестьянина, для мелких крестьянских хозяйств воз-

возможности заработка вне сферы сельского хозяйства в большинстве сельских районов были весьма невелики.

В условиях открытия экономики наибольшие трудности для аграрного сектора создал «Уругвайский раунд» многосторонних переговоров в рамках ГАТТ о либерализации мировой торговли и снижении или отмене таможенных пошлин (1986–1994)⁶⁰.

В ходе этих переговоров, где ведущую роль играли США, было выдвинуто требование аннулировать все пошлины на импорт сельскохозяйственной продукции и отказаться от любых внутренних субсидий на ее производство и экспорт. Еще остается под вопросом, в какой степени сможет правительство Южной Кореи противостоять этим требованиям и усовершенствовать структуру сельского хозяйства, чтобы сделать ее конкурентоспособной на мировом уровне. Предстоит также разрешить вопросы, связанные с внедрением системы ценовых гарантий для сельскохозяйственной продукции и улучшением системы ее сбыта с целью

---

⁶⁰ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (англ. GATT — General Agreement of Tariff and Trade, принятая в России аббревиатура — ГАТТ) — принятое в 1948 г. многостороннее соглашение, содержащее правила заключения межгосударственных торговых контрактов и ведения международных торговых операций. Также «ГАТТ» называлась и международная организация, связанная с ООН и ставившая своей целью снижение тарифов и устранение других барьеров, препятствующих развитию международной торговли. Штаб-квартира ГАТТ располагалась в Женеве. В 1992 г. насчитывалось 103 страны — участницы Соглашения и 29 стран, применяющих правила ГАТТ. Затем ГАТТ была преобразована во Всемирную Торговую Организацию (ВТО).

В рамках ГАТТ было проведено 8 раундов многосторонних торговых переговоров: Женева, 1947 г.; Аннеси (Франция), 1949 г.; Торквей (Великобритания), 1951 г.; Женева, 1956 г.; Женева (раунд Дрисона), 1960–1961 гг.; Женева (раунд Кеннеди), 1964–1967 гг.; Токио/Женева (токийский раунд), 1973–1979 гг.; Пунта дель-Эсте (уругвайский раунд; последние заседания проведены в Монреале), начался в 1987 г.

Уругвайский раунд многосторонних переговоров в рамках ГАТТ является первым раундом за всю историю Генерального соглашения по тарифам и торговле, на котором проблемы торговли сельскохозяйственными товарами стали главной темой для обсуждения. В последние годы проблемы мировой внешней торговли продовольствием настолько обострились, что их уже нельзя было игнорировать. Растущие бюджетные расходы по поддержке сельского хозяйства, появление излишков определенных видов товаров, постоянные разногласия и споры между ведущими странами-участниками внешней торговли, усиление соперничества по завоеванию новых экспортных рынков, увеличение экспортных субсидий, — все эти негативные тенденции современной внешней торговли сельскохозяйственной продукцией в конце концов заставили страны сесть за стол переговоров. На Уругвайском раунде впервые была предпринята попытка снизить уровень протекционизма в области сельского хозяйства и включить весь этот сектор в рамки ГАТТ. Основными целями переговоров были достижение либерализации торговой политики ведущих развитых стран-экспортёров (Австралии, Канады, стран ЕЭС, Японии и США) и подчинение экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции правилам и принципам ГАТТ.

эффективной регуляции производства и расширения продаж на внешних рынках.

Использованная литература

- Хангук кёнджерон (Корейская экономика) / Корейский институт социальных проблем. Сеул: Пэксан содан, 1991.
- Хангуг-есой чабонджуый-ый пальталь (Развитие капитализма в Южной Корее) / Корейский институт социальных проблем. Сеул: Сэгиль, 1971. С. 310.
- Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 4 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.
- Пак Хёнчхэ* (автор-составитель), Чхоннён-ыль вихан Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи для молодежи). Сеул: Сонаму, 1992.

Часть 4

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА В ПЕРИОД РАЗДЕЛА

Введение

Политическая система Южной Кореи зародилась после освобождения в период правления американской военной администрации (АВА) и последовательно развивалась в периоды правления Ли Сынмана, Чан Мёна, Пак Чонхи, Чон Духвана и Ро Дэу. Одновременно усиливалась и система раздела нации в политической, экономической, социальной и культурной областях. Важную роль в этом процессе играло образование. АВА реформировала существовавшую в Корее почти полвека колониальную систему образования на американский манер, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения содержания. При Ли Сынмане важной составной частью образования стал антикоммунизм, а Пак Чонхи насаждал официальный национализм (*минджок чучхесон*), направленный на легитимизацию его диктатуры.

В связи с тем, что после создания сепаратных правительств и Корейской войны режим Ли Сынмана упорно следовал политике «воссоединения путем вторжения на Север», в области образования особый упор был сделан на антикоммунизм и военную подготовку. Режим Пак Чонхи, несмотря на его декларативный переход к политике «мирного объединения», закрепленный подписанием 4 июля 1972 г. «Совместного заявления Севера и Юга», укреплял антикоммунистическую составляющую образования (такие идеологические предметы, как «национальная этика» и «национальная история», а также начальную военную подготовку), проводя меры по переходу на «образование с национальным лицом» (*кукчо-и иннын кёюк*: националистическая индоктринация), чтобы подчеркнуть легитимность своей власти.

Если сравнить то, как преподносилась история раздела нации и перспективы ее объединения при Ли Сынмане, который отстаивал идею «воссоединения путем вторжения на Север», и Пак Чонхи, на словах провозгласившего политику «мирного объединения», то между ними не было никакой разницы, за исключением того, что при Паке насаждение антикоммунизма и ненависти к КНДР только усилились. Реакционная и

шовинистическая природа «образования с национальным лицом» Пак Чонхи работала на укрепление системы раздела, против национального воссоединения. В годы правления Чон Духвана и Ро Дэу, даже несмотря на то, что во всем мире шел активный процесс деидеологизации и приобретали новую ценность идеи мирного объединения страны, признанные и в официальных политических документах Южной Кореи, образовательная политика все же оставалась в старых рамках системы «холодной войны».

Конкретным примером являлось преподавание истории. Даже после провозглашения принципов мирного и самостоятельного объединения страны в «Совместном заявлении Севера и Юга» 1972 г. администрацией Пак Чонхи, «Проекта национального примирения и демократического объединения» режимом Чон Духвана (22 января 1981 г.), а также «Заявления 7 июля» (1988 г.) и «Плана воссоединения через создание корейского национального сообщества» режимом Ро Дэу (11 сентября 1989 г.), школьные курсы истории умалчивали об историческом значении движений за создание единого фронта левых и правых сил в колониальный период и за сотрудничество левых и правых сил в период после Освобождения, а также переговоров Севера и Юга 1948 г. и народных движений за объединение 1970-х — 1980-х годов.

Серьезные проблемы испытало после Освобождения рабочее движение, что в значительной степени было связано с разделом страны. Несмотря на то, что вследствие колонизации развитие капитализма в Корее началось с запозданием, рабочее движение было важной частью ее национально-освободительного движения, а корейские рабочие имели высокий уровень политического, социального и культурного сознания.

Рабочие были одними из наиболее активных участников национально-освободительного движения внутри страны, и в период после Освобождения существовал большой потенциал для дальнейшей активизации рабочего движения, поскольку в ходе развития капитализма многие бедствия колониального времени усугублялись, а условия трудового найма ухудшались. Однако в ситуации национального раздела и противостояния капиталистических и социалистических стран рабочие организации не смогли стать независимыми от властей и постепенно превращались в составную часть госструктур. В то же время укрепление симбиотических отношений между официальной профбюрократией и государством не могло помешать выступлениям наиболее сознательной части рабочих за свои права. Активны были также выступления и неорганизованного большинства рабочих. Тем не менее, вследствие ограничений, налагаемых противостоянием с КНДР и идеологией официального антикоммунизма, рабочее движение при Ли, Паке и Чоне оставалось в целом разобщенным и ограниченным.

Однако даже в условиях диктатуры в недрах рабочего движения таился скрытый потенциал, который прорывался наружу в короткие пе-

риоды политической «оттепели», например, во время Апрельской революции 1960 г. и особенно осенью 1987 г., после «Движения 10 июня» за демократизацию, когда рост независимых от властей демократических профсоюзов привел к созданию Ассоциации региональных профсоюзов (*Чиёк нодон чохап хёбыйхве*), а вслед за ней — Всекорейской ассоциации профсоюзов (*Чонгук нодон чохап хёбыйхве*).

Правительство и работодатели ответили на это репрессивными мерами, применив принцип «нет работы — нет оплаты»⁶¹ и систему «совокупной оплаты труда»⁶². Хотя с 1993 г. с военным правлением было покончено и к власти пришло гражданское правительство, эти вопросы пока так и остаются нерешенными.

Большие трудности в поисках путей своего развития испытала и национальная культура. Раздел нации привел к разделу и ее культурного потенциала и вызвал большие разногласия в понимании того, что собственно есть «национальная культура». Создание сепаратных режимов и Корейская война расколола деятелей культуры на две соперничающие группы, каждая из которых внесла свою лепту в усиление системы раздела. По мере ее углубления часть деятелей культуры приспособились к режиму противостояния с КНДР, в то время как другая часть стремилась в своих произведениях выразить вызванную разделом человеческую боль. Эта тенденция, в конце концов, развилась в новое культурное движение, ставившее целью приблизить национальное воссоединение.

Это новое течение было в основном литературным, но с 1980-х годов к писателям примкнули группы ученых и художников, также стремившихся преодолеть национальный раскол. В 1980-х годах литераторы реорганизовали созданную в 1970-х годах Ассоциацию писателей за осуществление гражданских свобод (*Чаю сильчхон мунин хёбыйхве*) в Национальную ассоциацию литераторов (*Минджок мунхак чакка хвейи*). В национальной литературе более четко обозначились элементы классовости и партийности. Возникли новые литературные теории: «национального освобождения» (*минджок хэбан мунхак-рон*) и «освобождения труда» (*нодон хэбан мунхак-рон*), а также «рабочего освобождения в искусстве» (*нодон хэбан муне-рон*), — вызвавшие жаркие дискуссии. Появились поэты и новеллисты рабочего происхождения, создавшие превосходные произведения о реалиях жизни рабочих в Южной Корее. Это был особенный период в истории корейской литературы.

⁶¹ Отказ от каких бы то ни было выплат рабочим в период забастовок, в том числе и легальных.

⁶² *Чхонэк имгымдже* — система, ограничивающая совокупную сумму годового заработка фиксированной суммой и тем самым не дающая профсоюзам возможности требовать увеличения премиальных или сверхурочной оплаты.

Другой характерной чертой 1980-х годов был подъем активности стоявших на прогрессивной и народной позициях деятелей культуры в самых разных областях: искусстве, музыке, кинематографе, драме, архитектуре, танце, фотографии. Впервые после Корейской войны эти деятели собрались вместе и создали Корейскую генеральную федерацию деятелей национального искусства (*Хангук миндэжок есурин чхон ёнхан*), солидаризировавшуюся с общенациональным и народным движениями.

Глава 1

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ ПРИ СИСТЕМЕ РАЗДЕЛА

Образовательная политика Американской военной администрации

Все политические партии, составлявшие фронт движения за национальное освобождение в колониальный период, выступали за создание в Корее после освобождения системы обязательного бесплатного образования. Строя планы на будущее, Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*), основываясь на «принципе трех равенств» (равенство политических, экономических и образовательных возможностей), приняла резолюцию о том, что «государство примет на себя все расходы на народное образование всех видов», а Революционная партия корейской нации (*Чосон миндэжок хёнмёндан*) объявила в своей политической программе, что «расходы на обязательное и профессиональное образование будут покрываться государством». Союз корейской независимости (*Чосон тоннип тонмэн*) также отстаивал идею создания «системы народного обязательного образования за госсчет». Подобный подход к политике в области образования нашел отражение и в «Программе строительства государства» Шанхайского временного правительства, где говорилось: «Расходы на разного вида образование граждан неизменно и во всех случаях будет нести государство. Оно провозгласит независимость, демократию и солидарность главными принципами образования и издаст новые учебники».

Если обратиться к прошлому, то на протяжении всего периода Чосон образование было привилегией в основном правящего сословия *янбанов*. После открытия страны внешнему миру в 1876 г. возможности для его получения простолюдинами стали возрастать, как и число образовательных учреждений в стране. Однако в колониальный период образование для корейцев было сведено в значительной мере к профессиональному обучению низкоквалифицированных рабочих — в русле

японской политики, направленной на ограничение доступа коренных жителей колонии к образованию.

По этой причине и правые, и левые представители фронта движения за национальное освобождение были единодушны в стремлении изменить японскую образовательную систему. Все они приняли программы, где отстаивалась необходимость создания системы обязательного образования с целью обеспечения равного для всех доступа к образованию и повышения образовательного уровня народа. Но после освобождения в Южной Корее в период правления АВА образовательные проекты фронта национального освобождения не были в полной мере реализованы.

Оккупировав Корею к югу от 38-й параллели и создав там военную администрацию, американцы первым делом приняли на себя руководство существовавшим при японском генерал-губернаторстве Образовательным управлением (*Ханмузук*) и преобразовали его в Министерство образования (*Мунгёбу*). 16 сентября 1945 г. они создали Корейский комитет по образованию (*Хангук кёюк вивонхва*), куда вошло 7 (позже — 10) человек (с консультативными функциями) и издали приказы об открытии начальных (24 сентября) и средних (28 сентября) школ. В ноябре 1945 г. АВА учредила возглавляемый известным националистическим журналистом и историком Ан Джэхоном и состоявший из десяти подкомитетов Консультативный совет по образованию (*Кёюк симыйхва*) и провозгласила главной задачей системы образования «воспитание совершенного и патриотичного гражданина национального государства в соответствии с идеалом “принесения широкой пользы всем людям мира” (*хонъик инган*), заложенным в идеях основателя корейской нации Тангуна». Некоторые в тот период критиковали использование в государственных актах заимствованного из мифологии и научно не объяснимого понятия, которое весьма напоминало мифологему «восьми углов под одной крышей» (объединения мира под властью «божественной» Японии), пропагандировавшуюся японскими империалистами в колониальный период.

Консультативный совет по образованию аннулировал созданную японцами систему элементарных и временных сельских учебных заведений и создал новую, предусматривавшую 6 лет обучения в начальной школе (*кунмин хаккё*), 6 лет — в средней школе (*чундын хаккё*) и 4 года — в университете. Обучение в средней школе было подразделено на две трехлетние ступени: среднюю школу начальной ступени (*чхогын чунхаккё*) и среднюю школу высшей ступени (*когын чунхаккё*), то есть была принята американская система: 6 — 3 — 3 — 4.

Незадолго до своего ухода, 12 августа 1948 г., АВА издала Приказ о создании районных советов по образованию (*Кёюк кухве сольчхи помнён*) для руководства школами на местах. Были предприняты шаги, чтобы избавиться от наследия колониального периода (авторитаризма, по-

давления индивидуальности и нудной зубрежки учебных текстов), но достигнутый прогресс был невелик, так как не хватало кадров квалифицированных учителей и подходящих учебных материалов.

В период правления АВА планы по созданию оплачиваемого государством обязательного образования, разработанные в колониальный период фронтом движения за национальное освобождение, реализовать не удалось, но число учебных заведений и учащихся существенно возросло. Если взять начальное образование, то в августе 1945 г. в стране существовали 2834 элементарные школы, где обучалось 1 366 024 человека. Три года спустя, когда к власти пришел Ли Сынман, число школ составляло уже 3443, а количество их учеников возросло до 2 426 115. В тот же период число средних школ увеличилось со 165 до 564, а число их учеников — со 133 857 до 756 700 человек. Что касается высшего образования, то число университетов и колледжей увеличилось с 19 до 31, а число их студентов — с 7819 до 24 000 человек. Рост материальной базы образования, особенно среднего и высшего, очень существенно отставал от роста числа учащихся, который был тем более велик, что в колониальное время доступ к среднему и высшему образованию для корейцев был чрезвычайно затруднен. Оборотной стороной этого роста стало снижение качества образования.

Резкое увеличение числа учащихся на фоне быстрых социальных изменений в стране породил немалые проблемы в сфере образования. Во-первых, крайне не хватало учителей. Даже если бы удалось мобилизовать всех, кто работал учителями в колониальный период, это было бы значительно меньше того, что требовалось. Кроме того, была необходима переподготовка учителей, работавших в сфере образования в колониальный период, но она осуществлена не была, и учителя продолжали по старинке работать на своих местах. Раскол общества на правых и левых вверг учебные заведения в хаос; учащиеся во многих местах бунтовали, требуя настоящей демократизации образования. Бойкоты занятий проходили в школах всех уровней по всей стране.

В качестве характерного примера можно привести движение против плана создания национального университета. 19 июня 1946 г. созданное при АВА Министерство образования, ссылаясь на финансовые причины и необходимость лучшего использования имеющихся человеческих и материальных ресурсов, объявила о своем решении «распустить все высшие учебные заведения в Сеуле и его окрестностях и создать новый огромный университет на основе новых идеалов, с новой структурой и представляющий науку и образование всей страны». Против этого плана немедленно выступило Объединение преподавателей специальных и высших учебных заведений (*Чонмун — тэхак кёсу танён ханхве*). Оно было обеспокоено тем, что созданный для создания нового университета совет состоял исключительно из чиновников Министерства образования, и опасались, что засилье чиновников приведет в дальнейшем к

утрате автономии образования, установлению над ним диктаторского чиновничьего контроля и к ослаблению не имевших политического влияния технических школ и вузов: естественнонаучного факультета Кёнсонского университета и других учебных заведений, готовивших инженеров, специалистов по естественным наукам и горному делу.

Объединение преподавателей предлагало расширить Кёнсонский университет (бывший Императорский университет Кэйдзё⁶³), сохранив особенности составлявших его факультетов. Студенческая оппозиция предложению Министерства образования (ее возглавляли левые) приняла форму бойкота занятий в тех учебных заведениях, которые предполагалось объединить в Кёнсонский университет.

Когда Министерство образования объявило перерыв в занятиях Кёнсонского университета и временно отстранило от занятий участвовавших в бойкотах студентов, выступавшие против плана создания национального университета профессора покинули стены своих вузов, а бойкот занятий распространился на более чем четыреста учебных заведений по всей стране. 22 августа 1946 г. был создан Сеульский национальный университет, и бойкот занятий постепенно сошел на нет. Движение против создания национального университета было самым серьезным выступлением вузовской среды, с которой пришлось столкнуться американской военной администрации. Оно возникло в знак протеста против одностороннего подхода к данному вопросу Министерства образования. Другой его причиной стало широко распространенное убеждение, что закрытие уже существующих школ используется администрацией как средство избавиться от преподавателей левых убеждений.

Образовательная политика режима Ли Сынмана

Статья 16-я конституции, по которой Ли Сынман пришел к власти, гласила, что «все граждане имеют равные права на образование» и что «государство обеспечивает, в минимальном необходимом размере, бесплатное обязательное начальное школьное образование». Это означало, что бесплатным и обязательным объявлялось только начальное образование. В первый год пребывания у власти Ли Сынмана, в 1948 г., расходы на образование составили 8,9% бюджета, и 69,4% этих средств были использованы на финансирование обязательного начального образования. В бюджете на 1949 г. доля на образование возросла до 11,4%, 71,6% которых были использованы на обязательное начальное образование. Но при этом из бюджета оплачивались лишь 30% стоимости об-

---

⁶³ Кэйдзё — японское название Сеула, который до 1945 г. назывался по-корейски Кёнсон. С 1945 г. официальное название — Сеул.

разования, а 70% должны были вносить родители в виде «взносов на поддержку школ и учителей». Эти взносы были упразднены только через 14 лет после создания первого национального правительства — в 1962 г.

31 декабря 1949 г. был принят Новый закон об образовании (*Син кёюк поп*). В нем сохранилось утвержденное еще в период правления АВА положение о «достижении идеала принесения широкой пользы всем людям мира» как главной цели образования и добавился тезис о «служении единой нации» (*ильминджужуй*), как идеале «демократического национального образования». Новый закон объявлял о создании «отрядов учащихся по защите государства» (*хакто хогуктан*) для военной подготовки учащихся старших классов школ и студентов.

Несмотря на то, что режим Ли Сынмана на словах выступал за демократическое образование, по сути своей он был диктаторский, и политика его в области образования вызывала большую озабоченность у многих, которые считали объявленный им тезис о «служении единой нации» фашистским, а «отряды учащихся по защите государства» — аналогией «Гитлерюгенда» в фашистской Германии. Высказывались опасения, что режим навязывает свою идеологию учащимся и осуществляет в образовании централизаторскую политику. Со временем тезис о «служении единой нации» исчез из официальной идеологии, но «отряды учащихся по защите государства» сохранились до Апрельской революции 1960 г.

С первых дней у власти режим Ли Сынмана проводил в области образования политику по сплочению народа под лозунгом антикоммунизма, основными принципами которой были объявлены «демократическое националистическое образование», «народное единомыслие» (*кунмин сасан-ый квишь*), «антикоммунистический дух» и «один человек — одна специальность». В годы Корейской войны был объявлен еще один принцип — «образование во имя национальной обороны» (*кукпан кё-юк*), и антикоммунистическая направленность образовательной политики еще более усилилась. В феврале 1951 г. администрация Ли Сынмана обнародовала «Положения об особых мерах в области образования в условиях войны», где определила три основные составляющие образования в военный период: «образование в области морали» (*тоый кёюк*), техническое образование и «образование во имя национальной обороны», — и подчеркнула, что главными задачами образования в это момент являются «воспитание веры в непременную победу над коммунизмом, разъяснение в нужном направлении ситуации на фронте и вопросов, связанных с международной безопасностью, и руководство повседневной жизнью».

Также при Ли Сынмане в 1951 г. была осуществлена реформа школьного образования: 6-летняя средняя школа была разделена на трехлетнюю среднюю школу (*чунхаккё*) и трехлетнюю среднюю школу

повышенной ступени (*кодын хаккё*). Та же система, с некоторыми незначительными изменениями, существует в Южной Корее и по сей день. Эти меры были осуществлены вопреки мнению оппозиции, считавшей, что новая система лишь добавит к нагрузке школьников новые вступительные экзамены — для поступления из средней в среднюю школу повышенной ступени, что это заставит школы концентрировать усилия на подготовке учащихся к экзаменам и удвоит лежащее на родителей финансовое бремя.

Хотя Закон о новом образовании заложил законодательную основу для создания системы самоуправляемого образования на местах, его реальное осуществление было отложено в связи с Корейской войной, и лишь в июне 1952 г. в городах и образовательных округах к югу от Хангана, т.е. в более удаленных от фронта местностях, были созданы комитеты по образованию. Образовательные округа территориально совпадали с уездами. Руководившие ими комитеты по образованию находились под контролем губернаторов провинций, министров образования и внутренних дел и состояли из руководителей уездов и выборных представителей уездов и волостей. Возглавляли их районные администраторы, выдвинутые на должность окружными комитетами, но их кандидатуры должны были быть одобрены губернатором провинции и министром образования и окончательно утверждались президентом.

Городские комитеты по образованию состояли из 10 назначенных мэрами и городскими советами лиц и суперинтенданта. Комитеты по образованию провинциального уровня состояли из представителей комитетов по образованию всех входящих в провинцию районов и городов (по одному человеку) и трех назначенных губернатором лиц, но реальная исполнительная власть в области образования находилась в руках руководителей отделов образования и социальных вопросов провинциальной администрации, а комитеты по образованию выступали как совещательные органы.

Целью создания самоуправляемой местной системы образования была его демократизация, которая предполагала децентрализацию его управления и переход под местный контроль, отделение его от обычной государственной администрации, постановку под управление профессионалов и избавление от бюрократического контроля. Однако попытки создания такой системы образования при Ли Сынмане привели к компромиссу, в результате которого образование оказалось одновременно и под центральным, и под местным контролем, а также и под бюрократическим, и под общественным контролем, а попытки исключить непрофессиональное вмешательство в управление образованием провалились. В то время как городские комитеты по образованию осуществляли реальный административный контроль, провинциальные и центральный комитеты по образованию не могли в полной мере выполнять свою функцию даже как совещательных органов. Не были ясны и прерогати-

вы уездных комитетов по образованию, являвшихся принимавшими решения органами, но лишь формально. Кроме того, самоуправляемой системе образования крайне не хватало финансовой поддержки. Все эти проблемы были препятствием к осуществлению децентрализации образования и освобождения его от бюрократического контроля.

Хотя провозглашенное конституцией обязательное бесплатное школьное образование последовательно осуществить не удалось, усилия для полной реализации политики обязательного образования постоянно прилагались, и государственный бюджет на образование также неуклонно рос. К 1960 г. бюджет Министерства образования составил 15,2% общего национального бюджета, и 80,9% этих средств были направлены на покрытие расходов по обязательному бесплатному образованию. Существенно выросли и масштабы образования. В 1945–1960 гг. число начальных школ возросло на 62,3% (с 2834 до 4602), а количество учащихся в них увеличилось в 2,6 раза (с 1 366 024 до 3 597 627). Число средних школ возросло с 97 до 1053, то есть почти в 11 раз.

Если же сосчитать средние школы повышенной ступени, то их общее число (существовали гуманитарные и реальные средние школы высшей ступени) выросло с 224 в 1945 г. (учитываются все учреждения предвузовского среднего образования, существовавшие на тот момент) до 640 в 1960 г., то есть почти в 3 раза, а число обучающихся в них молодежи увеличилось с 84 363 до 263 563 человек, то есть в 3,1 раза. В тот же период число университетов выросло в 3,3 раза (с 19 до 63), а число студентов — в 12 раз (с 7819 до 97 819).

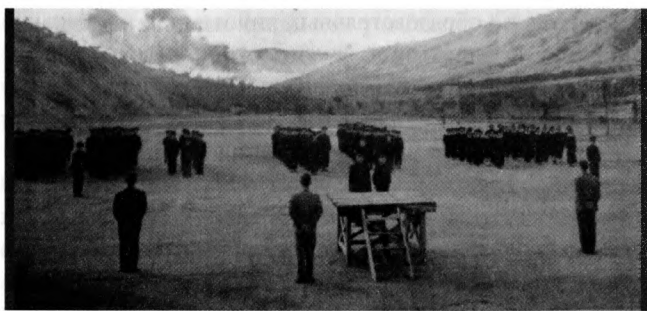

Рис. 44. Школьная линейка в школе под Сеулом, 1950-е гг. В южнокорейских школах продолжала практиковаться военная дисциплина, мало отличавшаяся от порядков начала 1940-х гг., когда японские колонизаторы мобилизовывали корейцев на войну против США и Китая и использовали школьное образование прежде всего как средство допризывной подготовки будущих солдат.

Главными причинами роста системы образования был взрыв интереса к образованию после многих лет ограничений на него в колониальный период, осуществление в период после освобождения «политики

открытого образования», направленной на удовлетворение растущего спроса, рост населения школьного возраста, отказ от прививавшегося в колониальный период мнения, что университетское образование предназначено только для правящего сословия и буржуазии, отсрочка от армии для студентов во время и после Корейской войны, трудности трудоустройства — особенно для тех, кто имел лишь школьное образование. Однако темпы роста числа студентов значительно превышали темпы роста числа школ. Результатом стало снижение качества образования, особенно высшего.

Движение за демократизацию образования после Апрельской революции 1960 г.

«Движение 19 апреля», развернувшееся в 1960 г. как движение за демократию против диктаторской политики и коррупции режима Ли Сынмана, немедленно обратило внимание на авторитаризм в образовательной системе. Учащиеся проводили длительные демонстрации против школ и управлявших школами советов, и ситуация все более усложнялась. Движение за демократизацию образования началось с выдвижения тех его работников, кто был замешан в коррупции и имел отношение к нарушениям во время выборов.

Настойчивые требования учащихся поддержало переходное правительство Хо Джона, которое 26 мая 1960 г. опубликовало «Постановление о срочных мерах по нормализации сферы образования». Оно предусматривало наказание образовательных чиновников и увольнение деканов, президентов и директоров учебных заведений, а также членов советов частных школ, если они попадали в следующие категории: 1) те чиновники образования или обычные граждане, кто своим активным участием в нарушениях на выборах вице-президента 15 марта 1960 г., вызвал порицание граждан; 2) те, кто, пользуясь своими связями с прежним правительством, самоуправствовали, брали взятки или нарушали закон при управлении учебными заведениями с целью укрепления своей власти и приобретения наживы; а также те, кто нарушил закон и навлек позор на сферу образования; 3) те, кто, движимые нечистыми побуждениями, подстрекали учащихся и коллег к нарушению законов в образовательных учреждениях, и те, кто пренебрегал своими обязанностями.

Участники движения за демократизацию сферы образования также потребовали роспуска Отрядов учащихся по защите государства как недемократических, иерархичных, бюрократизированных и подверженных политическим манипуляциям и замены их независимыми студенческими ассоциациями. Правительство Хо Джона опять поддержало учащихся и в этом вопросе и 10 мая 1960 г. издало постановление о

ропуске «отрядов учащихся по защите государства». Вслед за этим в учебных заведениях всех уровней были созданы студенческие ассоциации как представительные и студкомитеты как исполнительные органы, а 9 сентября 1960 г. было создано Всекорейское генеральное объединение учащихся высших учебных заведений (*Чонгук тэхагсэн тхон ёнхапхве*), которое в дальнейшем сыграло решающую роль в деле участия студенчества в движениях за демократию и национальное объединение.

Движение за демократизацию сферы образования вынудило администрацию Чан Мёна уменьшить степень централизации администрации системы образования и делегировать местным административным органам функции по назначению чиновников этой сферы и утверждению советов по управлению детскими садами, начальными школами и средними школами начальной и высшей ступени. Также для укрепления автономии образовательных учреждений был создан Комитет по обсуждению системы автономного образования (*Кёюк чачхи чедо симый вивонхве*) и активизирован Центральный комитет по образованию (*Чунан кёюк вивонхве*), который в период правления Ли Сынмана почти не собирался.

Одним из важнейших вопросов для движения за демократизацию сферы образования после Апрельской революции 1960 г. стал вопрос о создании профсоюза учителей. В 1959 г., незадолго до падения режима Ли Сынмана, по этому вопросу уже возникали серьезные разногласия между учителями и советами частных школ. После Апрельской революции движение за создание профсоюза учителей активизировалось вновь — в первую очередь, среди тех учителей, кто отказался признать официозную Корейскую ассоциацию образования, проводившую в этой области государственную политику. Движение началось с создания 6 мая 1960 г. профсоюза учителей средней школы в Тэгу и быстро распространилось на другие районы. Очень скоро, 22 мая, свыше 300 представителей учебных заведений всех уровней, включая университетских профессоров, собрались в Сеульском национальном университете, создали Федерацию профсоюзов преподавателей Кореи (*Тэхан кёвон нодон чохан ёнхапхве*) и приняли его программу из трех пунктов: бороться за улучшение экономического положения преподавателей; стремиться к свободе и демократизации образовательной сферы; вносить вклад в укрепление мира во всем мире путем строительства демократического государства. Затем федерации были созданы в каждой провинции — чтобы противостоять Корейской ассоциации образования. Особенно активно это движение было в провинции Южная Кёнсан, где в профсоюзы вступило свыше 90% всех преподавателей, и в провинции Северная Кёнсан (70%). Как переходное правительство Хо Джона, так и администрация Чан Мёна категорически отказались признать профсоюзы преподавателей, а группа парламентариев представила проект закона, ставившего эти профсоюзы вне

закона. Однако проект был отклонен из-за яростного сопротивления профсоюзов преподавателей.

Режим Чан Мёна попытался достичь компромисса с преподавателями, разработав законопроект, который признавал их право на создание профорганизаций и заключение коллективных договоров с частными нанимателями, но лишал права на коллективные действия (забастовки и т.д.). Однако против этого законопроекта выступила Корейская ассоциация образования (*Тэхан кёюк ёнхванхва*) на том основании, что он якобы провоцирует раскол среди преподавателей. Выступили против него и профсоюзы преподавателей, поскольку, согласно этому законопроекту, на создание организации требовалось официальное разрешение, а также не допускались забастовки и заключение коллективных договоров в государственных школах. Поэтому законопроект даже не был представлен на рассмотрение парламента.

18 октября 1960 г. Федерация профсоюзов преподавателей провела Всеобщий конгресс против попыток поставить профсоюзы преподавателей вне закона, 400 участников которого направили протесты в парламент и Министерство образования. Последнее отказалось признать движение за создание профсоюзов преподавателей. В его заявлении по этому поводу говорилось: «Снижение учителя до уровня рабочего — это оскорбление святой профессии. По этой причине, хотя мы разрешаем создавать организации, мы не можем позволить учителям участвовать в трудовых конфликтах». Несмотря на отказ режима Чан Мёна признать профсоюзное движение преподавателей, оно продолжало развиваться. Его участники активно протестовали против предложенных правительством законов: об «особых временных мерах против коммунизма» и об ограничении демонстраций и поддержали предложение о проведении встречи студентов Севера и Юга. После военного переворота 16 мая 1961 г. это движение было полностью поставлено вне закона, а многие его участники репрессированы. Сохранилась только Корейская ассоциация образования.

Когда силы движения за демократию свергли режим Ли Сыньмана, они немедленно объединились с движением за демократизацию образования. Процесс уничтожения антидемократических элементов, накопившихся в сфере образования за долгое время был в определенной мере хаотичен, что было вполне закономерно в обществе, которое долго находилось под гнетом и вдруг стало свободным. Однако при всех его недочетах развернувшееся после Апрельской революции 1960 г. движение за демократизацию образования, добившееся роспуска Отрядов учащихся по защите государства и выступавшее за создание профсоюза преподавателей, является важной страницей в истории демократического движения Южной Кореи.

Образовательная политика режима Пак Чонхи

Принципы и направления политики правившего почти 20 лет режима Пак Чонхи характеризует провозглашенная им 5 декабря 1968 г. «Хартия народного образования» (*Кунмин кёюк хонджон*). Этот документ изобилует такими выражениями как «дух первооткрывательства» (*кэчхок чонсин*), «дух сотрудничества» (*хёптон чонсин*), «гражданский дух» (*кунмин чонсин*), «возрождение нации» (*минджок чунхын*), «антикоммунистический демократический дух» (*нангон — минджу чонсин*), «разделенное со всем человечеством процветание» (*иллю конъён*), «общественная польза и порядок» (*конъик-ква чильсо*), «будущее объединенного Отечества» (*тхониль чогуз-ый амаль*), «развитие возможностей» (*соджилъ кебаль*).

«Хартия народного образования», разработанная учившимся в японской школе Пак Чонхи и несколькими учеными и педагогами, также получившими колониальное образование, напоминала «Императорский рескрипт об образовании»⁶⁴ милитаристской Японии и подверглась критике за чрезмерный упор на идеи государства и нации. Она способствовала укреплению при Пак Чонхи официозного национализма в образовании (*чучхесон кёюк*), «образования во имя национальной безопасности» и «образования в духе Движения за “новую деревню”» (*сэ майль кёюк*), а также идеи о «сотрудничестве между промышленностью и образованием» (*санхак хёптон*).

Официозный национализм в образовании преследовал две цели. Одна — «ликвидация наследия японского колониального правления»; другая — утверждение легитимности режима Пака в конфронтации между Севером и Югом. Режим упорно внедрял в школьные программы идею о том, что «история имеет национальность», создал в 1972 г. Комитет по укреплению преподавания национальной истории (*Кукса кёюк канхва вивонхве*), а с 1973 г. ввел правило, по которому все школьные учебники истории должны были издаваться правительством. Режим также укреплял образование в области «национальной этики», основанное на антикоммунизме и «моральном воспитании» (*тоый кёюк*), и этот аспект его образовательной политики еще более усилился после установления системы *юсин*.

Для усиления военной подготовки учащихся Пак Чонхи восстановил распущенные после Апрельской революции «отряды учащихся по защите государства». 6 декабря 1971 г., во время переговоров обществ

⁶⁴ Яп. *Кёйку тёкуго*. Принят в 1890 г., ставил воспитание «преданности императорскому дому и почтительности к родителям», а также «духа самопожертвования во имя нации» в центр образовательного процесса. В Японии был отменен после 1945 г.

Красного Креста Севера и Юга, он объявил в стране чрезвычайное положение, чтобы расправиться с движением за демократизацию образования и глубже внедрить свою систему «образования во имя безопасности». В его директиве по этому поводу говорилось:

«Усиливая систему образования во имя безопасности во всех областях школьной подготовки, чтобы преподаватели и учащиеся прониклись новой решимостью в связи с чрезвычайной ситуацией в стране и слились в единое целое для укрепления незыблемого порядка в учебных заведениях, мы выполняем священную роль по укреплению ценностей, необходимых для исполнения исторической миссии преодоления чрезвычайной ситуации в стране и возрождения нации».

1 февраля 1962 г. был принят Закон об особых временных мерах в образовании, по которому самоуправляемая система образования на местах была передана в подчинение обычным местным администрациям. Спустя два года автономия местных органов образования была восстановлена, но в отличие от прошлого — только на провинциальном уровне. Все члены провинциальных комитетов по образованию, куда входил и губернатор, назначались сверху. Суперинтенданты, то есть формальные главы комитетов по образованию, назначались по рекомендации комитетов. Короче говоря, в «самоуправляемой образовательной системе» самоуправления было очень мало.

Существенным новшеством при Пак Чонхи была реструктуризация вступительных экзаменов на всех уровнях. Скажем, если раньше каждая средняя школа проводила свой собственный вступительный экзамен, то теперь была принята система государственных экзаменов. В 1971 г. она была отменена, и ее сменила система, по которой поступление из начальной школы в одну из средних школ образовательного округа по месту жительства поступающего определялось лотерей. Предполагалось, что эти изменения позволят уменьшить чрезмерную конкуренцию при поступлении в среднюю школу и злоупотребления в сфере дополнительного обучения, представленной частными репетиторами и специальными курсами по подготовке к экзаменам. Однако многие считали эти образовательные меры незавершенными и выражали озабоченность тем, что из-за разницы в материальной базе школ в различных образовательных округах и в уровнях знаний учащихся из различных социальных слоев может возникнуть большая разница в уровне подготовки, что приведет к снижению общего качества образования.

Для средних школ повышенной ступени правительство ввело единый конкурсный вступительный экзамен, после которого распределение по школам осуществлялось с помощью лотереи. Сначала эта система была введена в Сеуле и Пусане, где конкуренция из-за поступления в лучшие средние школы повышенной ступени была самой сильной; потом ее распространили и на некоторые города в провинции. Но недостаток должных мер, направленных на выравнивание материальной базы

школ, уровня преподавания и подготовки студентов, привели к неудаче мер по стандартизации среднего образования высшей ступени, и по всей стране они введены не были.

Что касается колледжей и университетов, то по принятому в 1961 г. правительством Пак Чонхи Закону об особых временных мерах в образовании, была введена система квалификационных экзаменов для проучившихся 4 года бакалавров, которая, однако, просуществовала всего два года. В 1969 г. была введена система общегосударственных предварительных экзаменов, направленная на то, чтобы отсеять часть желающих поступить в вузы, чтобы число сдающих основной экзамен в каждом отдельном вузе абитуриентов не превышало 200% от предполагаемого числа набора. Оценки, полученные на предварительных экзаменах, частично учитывались на окончательных экзаменах, которые каждый колледж или университет проводил отдельно. Система предварительных экзаменов была направлена на то, чтобы ограничить чрезмерную конкуренцию при поступлении в вузы и ограничить число принимаемых на учебу студентов предписанными квотами, но при этом она ограничила и автономию университетов при отборе учащихся.

В основе политики администрации Пак Чонхи в области образования лежали официозный национализм и стремление всемерно милитаризировать школы и вузы. Эта политика фокусировалась на пропаганде «величия и исключительности корейской истории», «национальной морали», антикоммунизме и военной подготовке. Студенческие выступления против нормализации японо-южнокорейских отношений в 1965 г., нарушений во время выборов 1967 г., поправок в конституцию 1969 г., усиления военной подготовки в 1971 г. и создания системы *юсин* в 1972 г. неизменно приводили к отмене занятий, временному закрытию образовательных учреждений и/или продлению зимних или летних каникул.

В период действия системы *юсин* в 1972–1979 гг. упор был перенесен на «образование по системе *юсин*», «образование в духе Движения за “новую деревню”», воспитание конфуцианских «преданности государству и сыновней почтительности», так как государство стремилось насильственно привить студентам свою идеологию. В этих условиях 12 профессоров Национального университета провинции Южная Чолла во главе с Сон Нэуном (1926–1989) и Сон Гисуком (р. 1935) опубликовали заявление «Ориентиры нашего образования», в которой критиковали «Хартию народного образования» и требовали «подлинно демократического и подлинного гуманистического» образования. Все подписавшиеся под этим документом были уволены и посажены в тюрьму.

Образовательная политика режимов Чон Духвана и Ро Дэу и Всекорейский профсоюз учителей

Образовательную политику в период правления Чон Духвана и первые годы правления Ро Дэу можно разделить на две части: до и после создания Совета по обсуждению реформы образования (*Кёюк кэхёк симыйхве*) 7 марта 1985 г. В оба эти периода официально высшей целью образования было «укрепление духовного воспитания граждан», но приоритеты и способы осуществления этой политики были разные.

Образовательная политика в первый период определялась «Мерами по реформе образования» — документом, принятым Законодательным собранием по защите государства, которое хунта Чон Духвана созвала из своих доверенных лиц 30 июля 1980 г. и наделила полномочиями парламента. Образовательная политика второго периода, в отличие от первых пяти лет правления Чон Духвана, была направлена, в первую очередь, на воспитание у граждан «экономического сознания», и на подготовку рабочей силы для растущей экономики страны.

Перед режимом Чон Духвана, который пришел к власти в результате военного путча 12 декабря 1979 г. и подавления народного восстания в Кванджу, стояли две сложные задачи: первая — необходимость доказать свою легитимность, и вторая — преодоление серьезной депрессии в экономике конца 1970-х — начала 1980-х годов. Основные усилия в области образования были сосредоточены на решении первой из них. Эта задача образования формулировалась как «духовное воспитание граждан».

Было объявлено, что «духовное воспитание граждан» — это «образование с целью формирования у граждан фундаментальных [духовных] ценностей, необходимых для сосуществования наций и государств и обеспечения процветания их сообщества, и воспитания соответствующей жизненной позиции». «Духовное образование граждан» было систематизировано в концепцию, которая объединила в себе «образование во имя объединения и безопасности», «экономическое образование», «образование в духе Движения за “новую деревню”» и «образование во имя социального очищения» и внедрялась не только в образовательной сфере, но и в обществе в целом.

Среди вышеуказанных составляющих «экономическое образование» было направлено на то, чтобы умирить обеспокоенность народа растущим экономическим неравенством, возникшим в период быстрого экономического роста 1960-х — 1970-х годов, и воспитать навыки приспособления к быстро меняющимся экономическим условиям. Другой целью было намерение покончить в будущем с рабочим движением путем критики перед лицом подрастающего поколения идеологии справедливого перераспределения доходов.

Хотя было заявлено, что «духовное воспитание граждан» осуществляется по их добровольному согласию, в реальности оно внедрялось сверху и весьма смахивало на пропаганду государственной политики. По предложению министра образования Ли Гюхо (1926–2002), в программу всех университетов была включена «национальная этика» как обязательный предмет, а в учебный процесс в начальных школах и средних школах начальной и повышенной ступеней активно внедрялся предмет «девять ценностей духовного образования».

«Меры по реформе образования» от 30 июля 1980 г. содержали изложение реформы вступительных экзаменов в вузы и так называемые «меры по нормализации образования». Меры по пересмотру системы вступительных экзаменов предусматривали отмену экзаменов, проводившихся отдельно каждым университетом, и вводили правила, по которым при поступлении учитывались школьные оценки. Студентов предлагалось отбирать по результатам общего вступительного экзамена и по аттестату из средней школы повышенной ступени, что, как предполагалось, нормализует школьное образование и ограничит чрезмерные внеклассные занятия с репетиторами и на частных курсах. «Система квот по вступительным экзаменам» была заменена на «систему квот по выпускным экзаменам» (*чорон чонвондже*), согласно которой число выпускников строго ограничивалось, но могло превышать число поступающих, а «лишних» студентов предлагалось отсеивать по оценкам. Вступившую в силу в 1981 г. «систему квот по выпускным экзаменам» Министерство образования оценивало как способ стимулировать прилежание на старших курсах и покончить с постоянными волнениями в университетах. Но у многих она вызвала протест как попытка правительства установить контроль над процессом набора студентов в университеты.

В то время 15% от 9,8 млн. южнокорейских учащихся школ всех ступеней занимались дополнительно у частных репетиторов. В средних школах повышенной ступени гуманитарного профиля это число было еще выше: 26% всех учащихся этих школ. В среднем родители тратили ежегодно на дополнительные занятия своих детей около 327,5 млрд. вон (примерно 460 млн. долларов по тогдашнему курсу), что равнялось 30% ежегодного бюджета Министерства образования. Так называемые «меры по стандартизации образования» содержали строгий запрет на дополнительные занятия на частных курсах и с репетиторами и сокращали число изучаемых в школе предметов. Запрет дополнительных занятий был центральным пунктом «Мер по реформе образования» от 30 июля 1980 г. Принимая их, правительство рассчитывало волевым решением покончить со сложившейся в сфере образования ненормальной ситуацией и снискать, таким образом, поддержку населения. Однако это была лишь косметическая реформа, которая заведомо не могла положить конец нарушениям в системе образования, бывшим составной частью

социальной патологии Южной Кореи, поскольку она не затрагивала корни проблемы: социальное и образовательное неравенство и монополистическую структуру экономики, обеспечивавшую верхушке крупного бизнеса особое положение в обществе. Меры по реформированию образовательного процесса были предприняты с целью воспитания «целостной личности», но, в конце концов, их единственным результатом стало то, что дополнительные занятия стали проводить не на частных курсах, а в школах после основных занятий, а также по телевизору (так называемые «дополнительные телекурсы»). Вышеуказанные меры подвергались резкой критике в обществе как серьезное вмешательство правительства в учебный процесс.

Главное содержание образовательной политики правительства Чон Духвана в первой половине 1980-х годов составили «система квот по выпускным экзаменам» и запрет на дополнительные занятия с репетиторами. Главной задачей этой политики было расширить социальную опору режима в народе, уменьшив в какой-то степени накопившееся социальное и экономическое неравенство с помощью теоретически эгалитаристских образовательных реформ. Однако вскоре режиму пришлось отказаться как от «системы квот по выпускным экзаменам», так и от запрета на частное репетиторство — режим не смог противостоять давлению частного рынка образовательных услуг. У него в итоге не оставалось другого выхода кроме как искать новое направление политики в области образования.

Быстрое изменение обстановки в мире в конце 1980-х годах привело к возникновению движения за реформу образования и породило в деловой среде требования изыскать способы противостоять снижению конкурентоспособности южнокорейских товаров на мировом рынке. По мнению экономистов, резервы крылись в сфере образования. Кроме того, в народе зрело глубокое недовольство политикой правительства и недоверие к нему, а голоса, требовавшие реформы образования, раздавались все громче. В авангарде этого движения стоял Всекорейский профсоюз учителей (ВПУ: *Чонгук кёджиквон нодон чохан* — Чонгёджо). Образовательная политика начала 1980-х годов была нацелена, в первую очередь, на решение важных политических задач, подоплекой которых являлись требования экономики. В ответ на них правительству пришлось разработать новые конкретные шаги.

Главным вопросом образовательной политики во второй половине 1980-х годов стали поиски «диверсификации» и «совершенства». Поиски «совершенства» в образовании стали отражением перехода от трудоемкого промышленного производства к производству на базе передовых технологий, которое требовало высококвалифицированных работников. Первые попытки в этом направлении были сделаны в 1982 г., когда был разработан план под названием «Направления развития науки и технологий», который предусматривал поддержку начального тех-

нического образования, создание специальных средних школ повышенного звена с научно-техническим уклоном и осуществление специальных программ по обучению особо одаренных учащихся. Переход к курсу на поиски «диверсификации» и «совершенства» вел к ослаблению государственного централизованного управления образованием и введению дискриминационных мер, которые шли вразрез с принципом «равный доступ к образованию для всех».

Кроме того, начало 1980-х годов ознаменовалось такими событиями в области образования как введение образовательного налога (5 декабря 1981 г.), принятие Закона о развитии дошкольного образования и Закона об общественном образовании (оба закона приняты 31 декабря 1982 г.), а также созданием открытых университетов (с упрощенным порядком поступления и получения образования, в основном для абитуриентов, желающих получить образование без отрыва или с минимальным отрывом от производства) и школ при промышленных предприятиях. Но особенно важным событием стало создание учителями, требовавшими «настоящего образования» (*чхам кёюк*), Всекорейского профсоюза учителей (ВПУ) — *Чонгёджо* (29 мая 1989 г.).

Репрессивная политика режима Чон Духвана, пришедшего к власти путем подавления народного восстания в Кванджу, привела к временному упадку в движении за демократизацию в начале 1980-х годов, и образовательный сектор не был тут исключением. Но во второй половине 1980-х движение за демократизацию возродилось с новой силой. В области образования этот подъем активности нашел отражение в создании в 1985 г. группой передовых учителей журнала «Минджун кёюк» («Народное образование»). Хотя Ким Джингён и другие, кто играл ведущую роль в издании этого журнала, были арестованы и уволены с работы, с началом «Движения 10 июня» (1987 г.) была сформирована Национальная ассоциация учителей за развитие демократического образования (НАУРДО — *Минджун кёюк чхуджин чонгук кёса хёбыйхве*), которая возглавила борьбу за отмену репрессивного законодательства в области образования. Эта ассоциация организовала сбор подписей под петицией за пересмотр имеющих отношение к образованию законов, а 20 ноября 1988 г. провела на площади Ёйдо в Сеуле общенациональный митинг учителей, в котором приняли участие 12 тысяч человек.

На состоявшемся 19 февраля 1989 г. собрании представителей НАУРДО было принято решение о создании профсоюза учителей для борьбы за осуществление «трех трудовых прав» — на организацию в профсоюз, коллективные переговоры и забастовку. Преодолев сопротивление правительства, 29 мая 1989 г. они создали Всекорейский профсоюз учителей (ВПУ) — первый в стране профсоюз педагогов за 28 лет с тех пор, как преподавательские профсоюзы были распущены после военного переворота 16 мая 1961 г. Немедленно были открыты

15 городских и провинциальных филиалов и свыше 600 местных отделений этого профсоюза, а общее число его членов вскоре составило более 20 тысяч человек.

Программа ВПУ призывала: первое — к созданию независимого от властей, специализированного образования и его демократизации; второе — к повышению социального статуса учителей, улучшению их экономического положения, предоставлению им демократических прав и развитию материальной базы образования; третье — к реальному осуществлению национального, демократического, гуманистического образования, готовящего учащихся к самостоятельной жизни с осознанием себя гражданами демократического общества; четвертое — к солидарности с другими организациями учителей и прочими организациями, выступающими за свободу, мир и демократию. Однако режим Ро Дэу прибегнул к репрессиям: 60 членов ВПУ были арестованы, 927 его членов — уволены, 383 — лишены права преподавания, 13 — временно отстранены от работы. Всего учебные заведения пришлось покинуть более чем 1500 членам ВПУ. Даже после прихода к власти гражданского правительства Ким Ёнсама Всекорейский профсоюз учителей не был легализован, а уволенные учителя до сих пор не восстановлены на работе⁶⁵.

Использованная литература

- Хангук кёюк симнёнса (Десятилетняя история образования в Республике Корея) / Общество по изданию «Десятилетней истории образования в Республике Корея». Сеул: Пхунмунса, 1960.
- О Чхонсок. Хангук син кёюкса (Новая история образования в Корее). Сеул: Хёндо кёюк чхонсо чхульпханса (Издательство по изданию литературы по современному образованию), 1964.
- Чарё Тэхан Мингукса (Материалы по истории Республики Корея) / Кукса пхён-чхан вивонхве (Комитет по составлению национальной истории). Сеул, 1970.
- Кэхан 100нён нёнпхё/чарё чип (Хронологические таблицы и материалы по столетней истории после открытия Кореи). Сеул: Тонъя ильбоса, 1976.

---

⁶⁵ ВПУ был легализован лишь в 1999 г. в результате десятилетней упорной борьбы. После этого большинство уволенных его членов было восстановлено на работе. Но давление властей на ВПУ не прекращается до сих пор. В отличие от учителей многих других стран, корейские учителя не имеют права на забастовку или коллективные переговоры с нанимателями, им также запрещено заниматься политической деятельностью, например, вступать в политические партии или материально поддерживать их. Поэтому ВПУ, в отличие от учительских профсоюзов других стран, не может открыто поддерживать политические партии и организации прогрессивной, социалистической ориентации.

Хангук кёюк чончхэг-ый инём (Принципы образовательной политики в Республике Корея) / Хангук кёюк кэбарвон (Корейский институт по развитию образования). Сеул, 1987.

Хангук кёюг-ый сонгёк-ква кёджигвон ноджо ундон (Образование в Республике Корея и профсоюзное движение учителей) / Хангук кёюк ёнгусо (Корейский институт вопросов образования). Сеул, 1990.

Глава 2

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ПРИ СИСТЕМЕ РАЗДЕЛА

Рабочее движение и отношение к нему Американской военной администрации

После Освобождения перед Кореей встали серьезные социальные и экономические проблемы, в том числе сокращение производства, инфляция, уменьшение реальной заработной платы рабочих и рост безработицы. В 1939 г. промышленное производство южной части полуострова составляло 527 935 000 иен (126 млн. долларов США по тогдашнему курсу). В 1946 г. оно сократилось на 71,2% — до 152 192 000 вон. Ко времени освобождения в южной части страны имелись лишь несколько заводов, которые производили сельскохозяйственные удобрения, цемент и машинное оборудование для военных целей, а также несколько крупных хлопко- и шерстепрядильных и ткацких предприятий. Ориентировавшееся на Японию производство прекратилось, предприятия перешли под управление АВА, которая оставила их без должного внимания.

В связи с сокращением производства быстро росли цены. То, что можно было купить за 100 вон в августе 1945 г., в 1947 г. стоило 2295 вон. А если взять за основу уровень 1936 г., то цены к 1947 г. выросли в 402,03 раза. Причинами этой сильнейшей инфляции был распад системы контроля над экономикой в связи с разгромом Японии и последовавший за этим рост спекулятивной активности, инфляция колониальной иены японским Банком Кореи (*Тёсэн Гинко*), распродажа правительственных фондов по закупке продовольствия в период перед поражением Японии в войне, а также чрезмерный выпуск денег американской военной администрацией, хаос на производстве и рост населения в связи с прибытием в южную Корею беженцев с севера и возвращением корейских эмигрантов из других стран.

Сокращение производства и рост населения привели к росту безработицы. Как видно из *Таблицы 1*, в период с 1943 г. по март 1947 г. число предприятий уменьшилось с 10 065 до 4500 (на 55,3%), а число занятых на них рабочих — с 255 398 до 139 979 (на 47,5%).

Таблица 1

**Число производственных компаний (5 и более рабочих)
и занятых на них рабочих**

	Число производственных компаний			Число занятых рабочих		
	1943 г.	Март 1947 г.	Сокращение (%)	1943 г.	Март 1947 г.	Сокращение (%)
Металлургия	426	262	36,9	12 578	6 118	51,4
Машиностроение	944	874	7,4	27 331	20 510	25,0
Химическая промышленность	681	582	14,5	22 869	21 457	6,2
Газ, электричество, водоснабжение	70	32	52,8	2 864	1 927	32,7
Керамическое и фаянсовое производство	1 172	700	40,3	20 616	10 686	48,2
Текстильная промышленность	1 683	537	68,1	61 210	37 353	39,0
Деревообработка	1 359	542	60,1	14 598	11 315	22,5
Пищевая промышленность	1 704	643	62,3	19 854	12 506	37,0
Печатная промышленность	420	143	65,9	7 370	2 655	63,7
Строительство	997	90	91,0	53 680	6 297	88,3
Прочие отрасли	619	95	84,6	12 423	3 155	74,6
ВСЕГО	10 065	4 500	55,3	255 393	133 979	47,5

Источник: *Ким Накчун*. Хангук нодон ундонса — хэбан ху пхён (История корейского рабочего движения — период после Освобождения). Сеул: Чхонса, 1982, с. 52.

В ноябре 1946 г. число безработных в южной Корее оценивалось в 1 112 000 человек. Из них 57,8% потеряли работу из-за нанесенного войной ущерба, а 42,2% — в связи с закрытием предприятий или сокращением производства. Инфляция и безработица вели, естественно, к сокращению реальных заработков. В *Таблице 2*, где за базовый показатель (100) взяты цены и зарплаты 1936 г., показано, что к концу 1947 г. оптовые цены выросли в 583 раза, а реальная заработная плата уменьшилась до 29,3% от уровня 1936 г.

Таблица 2

**Изменение реальной заработной платы
после Освобождения**

Годы и месяцы	Оптовые цены	Номинальная зарплата	Реальная зарплата
1937	116,61	120,12	103,0
1940	180,01	145,72	80,9
1943	215,09	199,80	92,8
1944	241,12	224,51	93,1
1946, декабрь	4 359,20	2 724,50	62,5
1946, июль	12 806,60	6 996,40	54,6
1947, январь	29 261,00	11 450,90	39,1
1947, июль	38 797,30	15 666,10	40,3
1947, декабрь	58 305,20	17 088,30	29,3

Источник: Ким Накчун. История корейского рабочего движения — период после Освобождения. С. 52.

В колониальный период различными партиями, входившими в единый фронт национально-освободительного движения, были разработаны разные меры по защите трудящихся. Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*) призывала к «принятию законов по защите труда с целью гарантировать улучшение условий жизни трудящихся». Программа Шанхайского временного правительства предлагала ввести «запрет ночной работы для пожилых, детей и женщин, а также работы, неподходящей по возрасту, или выполняемой в неподобающем месте и в неподходящее время». Также предлагалось принять законы по защите интересов трудящихся, гарантировать 8-часовой рабочий день, обеспечить свободу рабочего движения и защиту условий труда стариков, молодежи и женщин.

Если бы после Освобождения к власти пришло правительство, состоявшее из представителей национально-освободительного движения, то трудно сказать, какую именно трудовую политику оно бы осуществляло в условиях сокращения производства, инфляции, уменьшения реальной зарплаты и роста безработицы. Что же касается АВА, то основные направления ее политики в этом вопросе характеризуют ряд принятых ею законов и приказов, в частности: «Правила по ограничению сверхприбыли» от 30 октября 1945 г., «Закон о Комитете по урегулированию вопросов о труде» от 8 декабря 1945 г., «Указ о публичной политике по трудовым вопросам и создании Министерства труда» от 23 июля

1946 г., «Закон о детском труде» от 18 сентября 1946 г. и «Указ о максимальной продолжительности рабочего дня» от 7 ноября 1946 г.

«Правила по ограничению сверхприбыли» были направлены на защиту прав трудящихся, против попыток предпринимателей и торговцев извлечь сверхприбыли из спекуляций товарами первой необходимости. Для претворения «Правил» в жизнь 12 декабря 1945 г. были созданы центральный и провинциальные комитеты по труду. Центральный комитет состоял из пяти корейцев и семи американцев. В его функции входило урегулирование трудовых конфликтов в масштабах двух и более провинций. Функции провинциальных комитеты ограничивались масштабами их провинций. Поскольку трудовых конфликтов возникало много, со временем АВА реорганизовала отдел по труду Управления шахтами и промышленностью Министерства торговли и предпринимательства в Управление по труду того же министерства.

Приняв «Закон о детском труде», АВА пыталась урегулировать продолжительность рабочего дня, условия труда, вопросы здравоохранения и гигиены, возможности для отдыха и минимальный уровень зарплаты для малолетних работников, число которых в южной Корее оценивалось примерно в 800 тысяч человек, однако результат был минимален. В дальнейшем, 8 апреля 1947 г. этот закон был дополнен путем принятия Законодательным советом (*Иппон ыйвон*) «Закона о защите труда подростков». Этот закон запрещал наём детей моложе 12 лет на опасные или тяжелые работы и предусматривал наказание для нарушителей этого запрета, в том числе и для родителей. Но этот закон фактически существовал только на бумаге и практического эффекта почти не имел.

«Указ о максимальной продолжительности рабочего дня» устанавливал стандартное количество рабочих часов — 48 часов в неделю, а максимальное — 60 часов в неделю. Предусматривалась выплата сверхурочных в размере 15% от ставки, если продолжительность рабочей недели была больше 48 часов, и наказания в виде штрафов для нарушителей этого указа. В результате проведенного американской военной администрацией в ноябре — декабре 1947 г. расследования было выявлено, по меньшей мере, 157 нарушений этого указа, но ни один из работодателей не был наказан. Эти 157 случаев были лишь малой частью того, что происходило в действительности.

Рабочее движение в Корее, которое активно развивалось в 1920-е годы, существенно ослабло в следующее десятилетие из-за суровых репрессий японцев. После Освобождения, когда были сняты ограничения на политическую деятельность, и 9 октября 1945 г. АВА отменила «Закон о поддержании правопорядка» (*Чхуан юджибон* — использовался колониальными властями для политических репрессий), «Закон о наказании политических преступников» и «Закон о предварительном заключении», рабочее движение вновь активизировалось. Этому способство-

вали также инфляция, уменьшение реальной зарплаты и растущая безработица. К ноябрю 1945 г. в разных частях страны были созданы свыше 1000 профсоюзов.

Первой организацией, объединившей профсоюзы в масштабах всей страны, стал *Чонпхён* — Национальный совет [корейских] профсоюзов (НСП, *Чосон нодон чохап чонгук пхёныйхве*), созданный 5 ноября 1945 г. В него вошли 1194 профсоюза, включая 13 отраслевых профсоюзов промышленных рабочих, в том числе горняков, общей численностью свыше полумлн. человек. НСП заявил, что будет «активно участвовать в создании прогрессивного и преданного демократии правительства национального единого фронта, выступающего за полную независимость Кореи и исключение прояпонских элементов и национальных предателей». Он выдвинул практическую программу, в которой призвал к «созданию промышленности путем взаимодействия с сознательной частью национальных капиталистов и преодолению вызванной дефицитом паники и губительной инфляции».

НСП также представил «Общую программу деятельности» из 19 пунктов, которые касались установления минимальной зарплаты, 8-часового рабочего дня, одного выходного дня в неделю, ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью 1 месяц, запрет принимать на работу детей моложе 14 лет, оплачиваемый двухмесячный отпуск для женщин до и после родов.

В принятой на учредительном собрании декларации НСП заявил, что «мы также должны бороться против детской болезни левизны — отрыва от масс, игнорирования борьбы за повседневные интересы трудящихся, увлечения исключительно политической борьбой», а также что «мы должны подчеркнуть, что в настоящее время существует большая опасность крена в сторону ультралевого сектантства». Таким образом, он дал понять, что главным направлением его деятельности будет не политическая борьба, а отстаивание экономических интересов трудящихся, и что в осуществлении этого курса он не приемлет левацкие методы.

Рабочее движение правой ориентации, уступавшее НСП во влиянии на промышленные профсоюзы, началось с создания движения антикоммунистической молодежи. 21 ноября 1945 г. был создан Общенациональный молодежный союз по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхоксон чонгук чхоннён чхонёнмэн*), в который вошли Общество молодых буддистов (*Пульгё чхоннёнхве*), Общество молодых протестантов (*Кидоккё чхоннёнхве*) и Молодежная группа Гражданской партии (*Кунминдан чхоннёнбу*). Союз организовал Трудовой отдел и стал создавать свои отделения на некоторых предприятиях. В период, когда развернулось движение против опеки, т.е. с начала 1946 г., правые решили создать независимую рабочую организацию правонационалистической ориентации, и в результате 10 марта 1946 г. была создана предшественница будущих

официозных профсоюзов — Ассоциация профсоюзов по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхоксон нодон чохан ёнмэн*). Эта организация, которая в своей программе призывала к «созданию государства, основанного на принципах демократии и нового национализма, дружбе между капиталистами и рабочими и объединению трудящихся всей страны в единый фронт», была создана, в первую очередь, как антикоммунистическая молодежная группа, а не как объединение рабочих или рабочих организаций, и охватывала очень малое число рабочих. Но при сильной поддержке правых политических организаций она проникла в профсоюзы, входившие в НСП, и создала в них отделения, выступавшие против его генеральной линии. Организации рабочих, возникшие в период АВА, были расколоты между НСП и правыми националистами в такой степени, что в 1946 г. они по отдельности отмечали 1 Мая. В дальнейшем их противостояние продолжало углубляться — до того времени, когда первый был объявлен вне закона, и правонационалистические официозные профсоюзы возглавили рабочее движение.

Первым проведенным по инициативе НСП общенациональным выступлением трудящихся стала всеобщая забастовка членов профсоюза корейских железнодорожников 13 сентября 1946 г. Они требовали предоставления бесплатных обедов, замены подневной оплаты труда ежемесячной и выделения карточек на продовольствие. Поскольку АВА отвергла эти требования, железнодорожники по всей стране объявили забастовку. Американская военная администрация прекратило ее, мобилизовав полицию, право-молодежные организации и активистов правонационалистических профсоюзов. Они проникли в штаб-квартиру забастовки и выволокли оттуда 1200 бастующих, передав их полиции. Затем правонационалистические профсоюзы предъявили американской администрации те же самые требования, что и бастовавшие. Администрация эти требования приняла, и забастовка завершилась. Сентябрьская забастовка 1946 г. стала первой в череде забастовок, инициированных НСП. В ответ на кровавое подавление народного восстания в Тэгу 1 октября 1946 г., в ходе которого рабочие, студенты и простые горожане атаковывали полицейские участки, и которое затем распространилось на соседние территории провинций Кёнсан, Чолла и Канвон, в марте следующего года НСП выступил с требованиями наказать полицейских чиновников, вычистить из полиции бывших прислужников колонизаторов, остановить антикоммунистический террор, сдержать рост безработицы, освободить из тюрем политзаключенных и обеспечить рабочим средства к существованию. Затем НСП перешел к общенациональной забастовке, и в результате к концу марта было арестовано 2000 рабочих.

Когда США в августе 1947 г. перенесли корейский вопрос в ООН, АВА объявила НСП вне закона и арестовала многих членов социали-

стических организаций. Тем не менее, 7 февраля 1948 г. прошла еще одна всеобщая забастовка — против прибытия в Корею членов Комитета ООН по Корею. Судя по полицейским сводкам, были зарегистрированы 70 случаев массовых беспорядков, 103 демонстрации, 204 случая поджога, 50 забастовок и 34 случая бойкота учебных занятий.

Хотя при создании НСП его организаторы и заявили, что отказываются от политических методов борьбы и крайних левацких методов, они поддержали провозглашение «Комитетом по подготовке к строительству государства» «Корейской Народной Республики», а в последствии — движение в поддержку опеки. В ходе всеобщей забастовки в сентябре 1946 г. отчетливо проявилась враждебность к НСП американской военной администрации, и он перешел к политической деятельности. С другой стороны, правонационалистические профсоюзы с самого начала проявили свою антикоммунистическую направленность и выступили против опеки. Таким образом, деятельность обеих организаций не ограничилась рамками только рабочего движения.

Рабочее движение и отношение к нему режима Ли Сынмана

Глава 17-я Конституции, по которой пришел к власти Ли Сынман, гласила, что «все граждане имеют право на работу и обязаны работать» и что «работающие женщины и дети находятся под особой защитой». Глава 18-я гласила: «Права рабочих объединяться, вести коллективные переговоры и участвовать в деятельности организаций гарантированы в рамках закона. Рабочие частных коммерческих предприятий имеют право на участие в доле прибыли, как это определено законом».

Принятие законов о труде, как это было предписано вышеприведенными статьями конституции, было отложено из-за Корейской войны до 1953 г., когда были приняты Закон о профсоюзах, который должен был «гарантировать право рабочих на свободное объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров и, путем улучшения условий труда рабочих, способствовать укреплению их положения в обществе и повышению их благосостояния», и Закон об урегулировании трудовых конфликтов, который «гарантировал свободное право рабочих на коллективные действия» и должен был «способствовать сохранению мира в промышленности, путем справедливого урегулирования трудовых споров».

Кроме того, были приняты Закон о профкомах на производстве — «с целью развития национальной экономики и демократизации управления рабочим персоналом», и Закон о трудовых стандартах — «чтобы обеспечить основные жизненные потребности трудящихся путем определения стандартных условий труда и способствовать развитию сбалансиро-

рованной народной экономики». Таким образом, вступили в силу четыре основных закона о труде.

Правонационалистическая Ассоциация профсоюзов Кореи (*Тэхан ночхон*) активно участвовала в выборах сепаратного правительства Южной Кореи 10 мая 1948 г. и немало способствовало его приходу к власти. После создания правительства она поменяла название, превратившись в Ассоциацию корейских профсоюзов (АКП — *Тэхан нодон чхон ёнмэн*). Но уже довольно скоро она вступила в противостояние с администрацией Ли Сынмана по вопросу о профсоюзах государственных служащих. Входивший в АКП Союз железнодорожников выступил против содержащегося в «Законо о государственных служащих» положения, запрещавшего им создавать свои профсоюзы, и не захотел самораспуститься. Преодолев сопротивление правительства и администрации, создали свой профсоюз и рабочие Корейской государственной электрической корпорации.

Во время так называемых «политических волнений в Пусане» 1952 г. Ли Сынман изгнал из АКП политическую оппозицию и передал руководство Ассоциацией своим сторонникам, поддерживавшим идею его переизбрания, превратив тем самым АКП в филиал своей Либеральной партии и в орудие своих политических акций. В итоге Ассоциация стала аренной состязаний на степень преданности режиму.

На состоявшемся в 1954 г. VII Общенациональном конгрессе АКП была принята резолюция, которая содержала положение об «абсолютной поддержке международной политики Его Превосходительства Президента Ли Сынмана». Когда Ли Сынман, навязавший поправку в конституцию, позволившую ему баллотироваться на третий президентский срок, вдруг обмолвился, что он, возможно, не будет выставлять свою кандидатуру на пост президента, АКП организовала уличные парады из повозок, в которые были впряжены лошади и быки, чтобы выразить свое «горячее желание», чтобы Ли непременно баллотировался на выборах.

С другой стороны, группа профсоюзных лидеров, которые критически относились к коррупции и фракционной борьбе правительственных марионеток из числа руководства АКП, начали движение за создание отдельной федерации национальных профсоюзов. В итоге 11 августа 1959 г. состоялась встреча, на которой присутствовали представители 24 из 37 национальных профсоюзных объединений. Они создали Комитет по подготовке к созданию Национального совета профсоюзов (*Чонгук нодон чохап хёбыйхве соллип чунби вивонхве*). Эти представители выдвинули программу, содержащую следующие три призыва: первое — бороться за защиту прав и интересов рабочих и повышение их благосостояния путем развертывания свободного и демократического рабочего движения; второе — вносить вклад в развитие здоровой национальной экономики и создание эгалитарного общества, где существует

равенство между трудом и капиталом, путем развертывания свободного и демократического рабочего движения; и третье — вносить вклад в установление национального суверенитета и мира во всем мире, солидаризируясь с мировым рабочим движением. Преодолев оппозицию Ассоциации профсоюзов Кореи (АПК — *Тэхан ночхон* — так опять переименовала себя к тому времени официальная АКП), 21 представитель 14 профсоюзов тайно собрались и создали новую федерацию, деятельность которой развернулась, когда Апрельская революция 1960 г. открыла новые возможности для рабочего движения.

После установления режима Ли Сынмана возникли целый ряд трудовых конфликтов, в том числе движение за сохранение Союза железнодорожников и движение за создание профсоюза рабочих Корейской государственной электрической корпорации. Происходили крупные выступления рабочих и во время Корейской войны. Упомянем, например, конфликт в текстильной компании «Чосон панджик» в Пусане и забастовку докеров в том же городе. Во время первого из этих выступлений, состоявшегося в 1951 г., рабочие компании, которая ранее принадлежала японцам, потребовали отставки ее руководителя, навязанного предприятию правительством, гарантий свободного осуществления рабочего движения и защиты человеческих прав рабочих. Конфликт продолжался около трех месяцев. В ходе него произошел ряд таких событий как демонстрация более тысячи женщин-работниц перед зданием в Пусане, где в годы войны заседало Национальное собрание. Однако в итоге, вследствие безжалостных репрессий режима Ли Сынмана и пассивности АПК, около тысячи рабочих были уволены, а 500 были вынуждены оставить работу «по собственному желанию».

Забастовка пусанских докеров началась с требования входившего в состав АКП профсоюза докеров под названием «Союз свободы» повысить заработную плату в 2,8 раза. Большое количество беженцев, наводнивших Пусан в годы войны, искало работу по разгрузке военных грузов в доках. Месячный доход этих людей не превышал 120 тысяч вон, в то время как 1 *маль* (20 литров) риса стоил 11 500 вон. 17 июля 1952 г., когда контролировавшие порт американские военные проигнорировали их требования о повышении заработной платы, они объявили забастовку, которая вызвала растерянность у американской администрации. Забастовщики добились успеха: заработная плата поденщиков была увеличена втрое, а работавших по договору — вдвое.

После войны, несмотря на достаточно активное восстановление экономики, положение рабочих оставалось трудным. В 1957 г. Министерство здравоохранения и социальных вопросов провело обследование условий жизни 37 909 рабочих 101 предприятия в разных частях страны, в результате которого обнаружилось, что среднемесячный доход рабочего составляет 20 153 хван, в то время как прожиточный минимум — 40 509 хван. Даже с учетом дополнительных заработков, среднемесячный

доход рабочего на 13 178 хван (32,5%) не достигал до минимального прожиточного уровня. Низкая зарплата и плохие условия труда были постоянной причиной забастовок в послевоенные годы. Например, во второй половине 1954 г. состоялось сразу несколько крупномасштабных забастовок, в том числе декабрьская забастовка 7 тысяч рабочих государственной Корейской угольной корпорации, которые требовали выплаты заработной платы, задержанной во время войны; или августовское выступление служащих американских военных баз в Пусане, требовавших увеличения жалованья и применения на деле положений «Закона о трудовых стандартах»; или августовская забастовка работавших в доках на разгрузке импортных удобрений 17 тысяч рабочих, требовавших повышения заработной платы; или сентябрьская забастовка членов профсоюза транспортников (водители автобусов и т.д.) в Сеуле, которым удалось добиться выполнения своих требований: 8-часового рабочего дня и заключения коллективного договора с предпринимателями.

Не прекратили рабочие конфликты и забастовки и во второй половине 1950-х гг. К числу крупнейших из них можно отнести, например, выступление рабочих текстильного предприятия «Тэхан панджик» в Тэгу (1956 г.), протестовавших против необоснованных увольнений и требовавших заключения коллективного договора с предпринимателями (1956); увенчавшуюся успехом забастовку Федерации профсоюзов работников угольной промышленности, требовавших повышения заработной платы (1956); и также успешную забастовку рабочих цементного предприятия «Самчхок Симентхы» (провинция Канвон), требовавших выплаты задержанной заработной платы. Продолжали рабочие забастовки и в дальнейшем. Упомянем выступление в 1958 г. 4 тысяч рабочих электрической компании «Намсон» с требованием выплатить компенсации за незаконное подавление профсоюзного движения; состоявшееся также в 1958 г. выступление 6 тысяч рабочих кораблестроительной государственной компании «Тэхан чосон кон-са», требовавших немедленной выплаты задержанной зарплат; выступление 1959 г. 36,5 тысяч членов Национальной федерации профсоюзов рабочих ткацкой промышленности (*Чонгук сомю ноджо ён-мэн*), требовавших сокращения продолжительности рабочего дня; забастовку 1959 г. 8,7 тысяч работников Корейской угольной корпорации — членов Федерации профсоюзов угольщиков — с требованием повышения зарплат.

Несмотря на превращение АКП в марионетку в руках правительства, рабочие из входивших в эту ассоциацию профсоюзов неоднократно выступали со своими требованиями и организовывали забастовки. Некоторые из них увенчались успехом, но было и много случаев провала, как, например, это случилось во время забастовки рабочих текстильного предприятия «Тэхан панджик» в Тэгу (1956 г.), когда руководство предприятия проигнорировало даже парламентскую резолюцию в под-

держку требований рабочих и мобилизовало полицию на подавление выступления. В 1959 г., который стал последним перед падением диктатуры Ли Сынмана, произошло наибольшее число рабочих выступлений с участием наибольшего числа рабочих с момента установления этого режима в 1948 г. Это был один из факторов, который привел режим Ли Сынмана к краху.

Рабочее движение после Апрельской революции (19.IV.1960–16.V.1961)

Хотя в последние годы правления Ли Сынмана трудовые конфликты и забастовки происходили часто, они не были настолько сильны, чтобы свергнуть диктатуру. Однако, как только режим Ли рухнул, сразу поднялась волна выступлений рабочих против АПК, принимавшей участие в нарушениях во время выборов. В результате в Ассоциации был смещен исполнительный совет и произведены определенные демократические изменения.

Движение за демократизацию профсоюзов первым начал профсоюз пусанских докеров, а затем оно распространилось на профсоюзы по всей стране, включая профсоюзную федерацию Инчхона, профсоюз железнодорожников, профсоюз рабочих Электрической компании Сеула и профсоюз текстильщиков. Чтобы заставить лидеров профсоюзов уйти в отставку, рабочие проводили демонстрации, выбирали новых лидеров и добились некоторых положительных перемен в сторону демократизации своих профсоюзов. Это движение не привело к реорганизации всех профсоюзов, но оно, тем не менее, способствовало быстрому росту демократического сознания трудящихся.

С другой стороны, АПК, чтобы сохранить себя после Апрельской революции 1960 г., разорвала связи со всеми политическими партиями. 23 апреля 1960 г., пытаясь поддержать Ли Сынмана, она выступила с заявлением, в котором потребовала официальной отставки вновь «избранного» вице-президента Ли Гибуна и всех членов Народного собрания. Всекорейская ассоциация профсоюзов (ВАП — *Чонгук нодон чохап хёбыйхве*), созданная в самом конце правления Ли Сынмана, несмотря на противодействие властей, выступила с заявлением, в котором осудила мизерные зарплаты, обрекавшие рабочих на голодное существование и задержки с их выплатами и потребовала отставки превратившегося в приспешников властей и капиталистов руководства АПК и всех официозных профсоюзных лидеров, демократической реорганизации профсоюзов, прекращения вмешательства полиции в профсоюзное движение и отставки правительственных чиновников, ответственных за трудовые вопросы.

После Апрельской революции Всекорейская ассоциация профсоюзов (ВАП) существенно расширилась за счет вступления в ее ряды

170 местных профсоюзных организаций и 160 тысяч новых членов. В другой стороны, началось движение за объединение АПК и ВАП. 25 ноября 1960 г. состоялась встреча представителей этих двух организаций и 723 представителей независимых профсоюзов, на которой была создана Федерация корейских профсоюзов (ФКП — *Хангук нодон чохап чхон ёнмэн*, сокращенно *Хангук норён*).

Основными задачами своей деятельности ФКП провозгласила совместную борьбу за защиту прав трудящихся и улучшение их социально-экономического положения; за переустройство индустрии через повышение производительности труда; за создание гармоничного общества, где предприниматели и трудящиеся пользовались бы равными правами; за полную либерализацию государства путем укрепления гражданских прав; а также укрепление связей с независимыми международными рабочими организациями во имя мира во всем мире. Выдвинутая Федерацией программа действий состояла из 21 пункта и включала требования 8-часового рабочего дня, предоставления прав на ведение коллективных переговоров и на забастовки, установления минимального уровня заработной платы, предоставления социальных гарантий работающим и страхования безработным. Приняв систему коллективного руководства, по которой общее управление федерацией осуществлял Исполнительный комитет, ФКП открыла новые перспективы для развития рабочего движения. Однако она была разогнана после военного переворота 16 мая 1961 г.

После Апрельской революции рабочее движение резко активизировалось, вдохновленное общей атмосферой социальных свобод и ростом демократического сознания рабочих. Как видно из *Таблицы 3*, число трудовых конфликтов возросло с 45 в 1957 г. до 227 — в 1960 г. (год, когда был свергнут режим Ли Сынмана), а число из участников возросло соответственно с 9 394 до 64 335.

Таблица 3

Уровень занятости и трудовые конфликты

Год	Занятых		Безработных		Трудовые конфликты			
	Количество	Индекс	Количество	Индекс	Количество	Индекс	Число участников	Индекс
1957	8 076 000	100	277 000	100	45	100	9 394	100
1958	8 748 000	108	344 000	121	41	91	10 031	107
1959	8 768 000	109	347 000	125	9–5	211	49 813	530
1960	8 521 000	106	434 000	157	277	504	64 335	685

Источник: Ким Накчун. История корейского рабочего движения — период после Освобождения. С. 294.

В течение одного года после Апрельской революции произошло 282 рабочих выступления, из которых 19% составляли забастовки. Это было существенно больше, чем среднегодовое количество трудовых конфликтов — 41 (из них 7% — забастовки) — в период между 1953 и 1959гг. и свидетельствует о том размахе, который приобрело в это время рабочее движение.

Одним из крупнейших выступлений трудящихся периода администрации Чан Мёна была забастовка профсоюза моряков, которые требовали немедленного заключения коллективного договора, который гарантировал бы их права, повышения заработной платы на 30%, повышения командировочных за работу за пределами страны и выплаты сверхурочных в соответствии с законами. В 1960 г. несколько забастовок организовали работницы таких крупнейших предприятий текстильной промышленности, как инчхонская фабрика «Хынхан панджик» (май), принадлежавшая конгломерату «Самсон» фабрика «Чеиль моджик» (июнь) в Тэгу и принадлежавшая семье владельцев газеты «Тонъя Ильбо» сеульская фабрика «Кёнсон панджик» (сентябрь).

Одной из особенностей рабочего движения периода администрации Чан Мёна была активизация деятельности профсоюзов государственных служащих и интеллигенции. Сурово подавлявшаяся при Ли Сынмане деятельность профсоюзов госслужащих: железнодорожников, работников государственных монополий и предприятий связи — широко развернулась после Апрельской революции.

В частности, профсоюз железнодорожников выступил с требованием повысить базовые оклады, командировочные и доплату за выполнение опасных работ, сократить рабочий день и принять отдельную систему оплаты труда, отличную от общих тарифных ставок госслужащих. Правительство согласилось на всех их требования, кроме повышения базовых окладов. В ответ железнодорожники решили перейти к поэтапной забастовке, в ходе которой предполагалось на первом этапе приостановить на короткое время железнодорожное сообщение, на втором — отказаться продавать билеты, на третьем — прекратить подачу топлива на тепловозы, затем прекратить подачу сигналов на железнодорожных линиях и, наконец, перейти к всеобщей забастовке. Забастовка завершилась только после того, как правительство согласилось поднять базовые оклады на 30%.

Работники государственных монополий (предприятия по производству табачных изделий, женьшеня и т.д.) прибегли к другой форме протеста — сокращению объема производимых операций — и добились согласия правительства на выполнение всех своих требований: повышение заработной платы, введение доплат за владение технологией и поощрительных премий, а также пересмотра коллективного договора. Профсоюз связистов также выступил с требованием повышения заработной платы, выплат пособий в соответствии с законом, полного

соблюдения закона относительно праздничных и выходных дней и отпусков. Когда профсоюз проголосовал за забастовку, правительство сразу решило удовлетворить его требования, не доводя дело до конфликта.

Примерами развития после 19 апреля 1960 г. профсоюзного движения интеллигенции являются уже упоминавшееся выше движение за создание профсоюза учителей, а также создание профсоюза работников банков и его деятельность. При Ли Сынмане целый ряд банков в ходе приватизации перешел в собственность *чэболь*. Эти банки превратились в значительной мере в источник пополнения политических фондов режима, в то время как права их служащих ущемлялись. Поэтому после Апрельской революции начались активные выступления трудящихся за демократизацию банковской сферы и защиту прав ее работников.

Первым профсоюз был создан в старейшем банке «Чохын». Его примеру быстро последовали работники других банков, и уже вскоре профсоюзы существовали в таких банках как Корейский коммерческий банк (*Хангук санъон ынхэн*), «Чеиль», «Ханиль», Сеульский банк и др. 23 июля 1960 г. была создана Национальная федерация профсоюзов банковских служащих (НФПБС — *Чонгук ынхэн нодон чохан ёнханхва*). Выдвинутая ею программа включала в качестве основных задач защиту интересов банковских служащих путем предотвращения неоправданного внешнего вмешательства, нормализацию нездоровой ситуации, связанной с тайной конкуренцией банков за государственные субсидии и льготы; обеспечение нормального развития национальной экономики путем демократизации банковской сферы. НФПБС удалось добиться от владельцев основных банков заключения коллективных договоров.

Возник профсоюз и в Сельскохозяйственном банке (*Ноноп ынхэн*), который был создан путем объединения средств отдельных крестьян, Объединения сельскохозяйственных кооперативов (*Ноноп хёттон чохан*) и других сельскохозяйственных организаций. Этот профсоюз выступил с требованием повышения заработной платы и заключения коллективного договора. В ответ последовали репрессии руководства банка по отношению к лидерам профсоюза, которые привели к забастовке работников филиалов этого банка в Пусане. Однако некоторые из забастовщиков быстро отказались от борьбы. Под давлением общественного мнения, считавшего, что работникам Сельскохозяйственного банка, чей доход был существенно выше, чем доход крестьян, которым, как предполагалось, они должны служить, не подобает бороться за свои экономические интересы, отделения профсоюза работников Сельскохозяйственного банка в провинции Южная Кёнсан и в Сеуле заявили о своем роспуске. Этот факт показывает один из аспектов профсоюзного движения интеллигенции.

Рабочее движение периода экономического роста (16.V.1961–6.XII.1971) и отношение к нему правительства

После военного переворота 16 мая 1961 г. Приказом № 5 от 19 мая того же года военные власти ввели в действие «Специальное постановление о восстановлении порядка в сфере экономики», запретив любые выступления трудящихся. Приказом № 6 от 21 мая Верховный комитет по национальному переустройству (ВКНП — *Кукка чэгон чхвего вивонхве*) распустил все политические партии и общественные организации. В результате все профсоюзы в стране, в том числе и ФКП, были распущены, и многие профсоюзные лидеры арестованы.

3 августа 1961 г. ВКНП обнародовал Закон о временных мерах в отношении деятельности рабочих организаций, разрешавший деятельность профсоюзов. На следующий день ВКНП назначил несколько лиц, ответственных за создание профсоюзов по отраслям промышленности, и создал Комитет по восстановлению трудовых организаций Южной Кореи. Этот Комитет назначил оргкомитеты по созданию профсоюзов в 15 отраслях промышленности и 29 августа 1961 г. поспешно созвал съезд профсоюзов 13 отраслей промышленности (кроме профсоюзов докеров и печатников), на котором была воссоздана Ассоциация профсоюзов Кореи (АПК — *Хангук нодон чохап чхон ёнмэн*, сокр. *Хангук ночхон*). В своей программе эта Ассоциация обещала «работать во имя демократического воссоединения государства путем усиления антикоммунистической системы и создания автономной экономики», «защищать основные права трудящихся и повышать уровень их жизни путем укрепления единства» и «развивать демократическое движение трудящихся путем политического нейтралитета и финансовой самостоятельности». АПК также выразила полную поддержку «военной революции 16 мая» и опубликовала резолюции в поддержку активного привлечения иностранного капитала, за отмену закона, запрещающего выступления рабочих за свои права, за установление уровня минимальной заработной платы и создание системы социальных гарантий.

Против воссоздания АПК выступили бывшие активисты ФКП, выдвинув в качестве обоснования аргумент, что «восстановление профсоюзов должно осуществляться на демократической основе и самостоятельно». Когда в 1963 г. был снят запрет на политическую деятельность, некоторые представители «старой» ФКП выступили с предложением подать в суд с целью добиться «подтверждения недействительности решений учредительного съезда АПК» и 17 февраля 1963 г. созвали съезд по подготовке к созданию отдельного Национального объединения корейских профсоюзов (НОКП — *Хангук нодон чохап чхон ёнхапхве*), в котором приняли участие 300 представителей профсоюзов каждой из отраслей промышленности, включая железнодорожников, шахтеров и работ-

ников действовавших в Корее зарубежных организаций (служащих американских военных баз и т.д.).

После этого инициаторы создания НОКП развернули подготовительную работу на низовом уровне, выступая против АПК под лозунгами «искоренением официозных профсоюзов» и «добьемся права на забастовку». Но военные власти, которые возвестили о своем намерении «передать управление страной в руки гражданского правительства», внесли поправку в Закон о профсоюзах, согласно которой создавать профсоюз можно было только с разрешения правительства, и отказались признать «организации, которые мешали нормальному управлению существующих профсоюзов». Таким образом, все профсоюзы, которые в тот момент создавались на местах в рамках подготовительной работы по созданию НОКП и были официально еще не зарегистрированы, были объявлены вне закона.

С другой стороны, в преддверии объявленной Пак Чонхи «передачи управления страной в руки гражданского правительства» среди части рабочих активистов возникло движение за создание рабочей политической партии, которая могла бы представлять интересы трудящихся в парламенте, поскольку было очевидно, что «новая» АПК не сможет сохранить политический нейтралитет и будет однозначно выступать на стороне правительства. Председатели восьми отраслевых промышленных профсоюзов, в том числе и профсоюза шахтеров, создали Инициативный комитет по созданию Демократической трудовой партии (*Минджу нодондан чхондан пальги вивонхве*) и 11 ноября 1963 г. опубликовали заявление о своих намерениях, однако из-за вмешательства правительства и «новой» АПК рабочую партию создать не удалось.

Меры по развитию экономики, предпринятые режимом Пак Чонхи в 1960-х годах, принесли определенные изменения и в жизнь трудящихся. Во-первых, в ходе осуществления первого и второго планов экономического развития в 1962–1971 гг. усилился процесс разорения крестьянства, в результате чего в промышленном секторе и на шахтах существенно возросло предложение дешевой рабочей силы. Если в 1963 г. в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве были заняты 63,1% всей рабочей силы, то в 1971 г. эта доля уменьшилась до 48,4%, в то время как доля занятых на шахтах и в промышленном производстве возросла в тот же период с 8,7% до 14,2%.

Покидавшие села в процессе индустриализации крестьяне становились источником дешевой рабочей силы для промышленности, в результате чего общий жизненный уровень рабочих в стране в этот период не только не поднялся, а, наоборот, серьезно снизился. В «период экономического роста» заработок рабочего составлял 38,7% прожиточного минимума среднестатистической городской семьи. Эта доля ежегодно снижалась и в 1964 г. составила 28,8%, а в 1968 г. едва достигла уровня 1959 г.

Таблица 4

**Среднемесячные заработная плата
и расходы городской семьи
(в вонах)**

Год	Зарботная плата	Расходы городской семьи в целом	Расходы городской семьи на еду
1961	2 610		
1962	2 780		
1963	3 180		
1964	3 880	8 620	5 130
1965	4 600	9 780	5 550
1966	5 420	13 560	6 580
1967	6 640	20 620	9 180
1968	8 400	23 190	9 840
1969	11 270	26 070	10 670
1970	14 150	29 950	12 120

Источник: Хангук нодон чохап ундонса (История корейского профсоюзного движения) / Федерация корейских профсоюзов (Хангук ночхон). Сеул, 1979, с. 563.

Как показывает *Таблица 4*, средний заработок рабочего производственного сектора был значительно меньше прожиточного минимума семьи среднего горожанина. Его было недостаточно даже на еду, не говоря уже об оплате жилья, электроэнергии, отопления и покупке одежды. Не было улучшения и в условиях труда. Например, в 1969 г. средняя продолжительность рабочего дня женщины-работницы составляла 11,1 часа. 13,7% всех работающих женщин работали по 6 часов в день, 17,9% — по 8 часов, 17,9% — по 10 часов, 29,9% — по 12 часов, 15,2% — по 13 часов, 0,4% — по 17 часов.

Резко возросло количество производственных травм и профессиональных заболеваний: с 1189 случаев в 1964 г. до 38 872 случаев в 1969 г. Проведенное в августе — декабре 1970 г. обследование 75 предприятий в районе Ёндынпхо в Сеуле показало, что 78,7% их работников страдают от профессиональных заболеваний.

Рост общего числа рабочих сопровождался увеличением числа организованных рабочих. После того, как 3 августа 1961 г. военные власти приняли разрешивший создание профсоюзов Закон о временных мерах в отношении деятельности рабочих организаций, и рабочие вновь нача-

ли объединяться, в стране насчитывалось всего 172 местных и 14 отраслевых профсоюзов, куда входили 96 831 человек. К концу 1971 г. было уже 437 местных и 17 отраслевых профсоюзов, а число организованных рабочих возросло впятеро — до 493 711 человек. Но, несмотря на быстрое пополнение рядов профсоюзов в 1960-х годах, их численность существенно отставала от уровня других стран. После принятия в новой редакции антикоммунистического Закона об охране государства в 1972 г. рост профсоюзов замедлился.

В 1970 г. в Южной Корее работали по найму примерно 3,78 млн. человек. Из них только 496 тысяч (12,4%) были организованы в профсоюзы. Для сравнения сообщим, что в том же году в Японии профсоюзы объединяли 34,5% всех трудящихся, в Англии — 48%, а в Западной Германии — 35,4%. В США в 1967 г. в профессиональные организации входили 29,4% трудящихся. Одной из причин малого охвата рабочих профсоюзами в Южной Корее было то, что многие из них работали на очень маленьких предприятиях, что затрудняло их объединение. С другой стороны, крупные предприятия всячески препятствовали созданию профсоюзов или предпринимали действия по их ликвидации, если они уже существовали. Также существовал официальный запрет на создание профсоюзов госслужащих и учителей.

Но даже и в таких сложных условиях рабочее движение продолжалось и ширилось в течение всех 1960-х годов. Начиная с первых двух лет после военного переворота 16 мая 1961 г., когда действовал закон о чрезвычайном положении, профсоюзы были распущены, а рабочие выступления запрещены, трудящиеся продолжали бороться за свои права: устраивали акции протеста, петиционные движения, подавали жалобы, требуя разрешения на создание профсоюзов, повышения оплаты и улучшения условий труда. В 1963 г. (год, когда было отменено чрезвычайное положение) произошло 89 рабочих выступлений, в которых приняли участие 168 843 человека.

В период с 1963 г. и до 6 декабря 1971 г., когда режим Пак Чонхи объявил «общегосударственное чрезвычайное положение», ежегодно в стране происходило 103 выступления трудящихся со средним числом участников 154 288 человек. В середине 1960-х годов крупномасштабные рабочие выступления произошли в основных экспортных отраслях — текстильной, металлургической и химической. В 1970-х годах начались выступления неорганизованных рабочих отдельных предприятий тех отраслей, которые не работали на экспорт и не были включены в правительственные программы по стимулированию развития. Одним из примеров таких выступлений стало самосожжение Чон Тхэиля — текстильного рабочего с маленькой фабрики на рынке Чхонге в Сеуле — 13 ноября 1970 г.

Таблица 5

**Трудовые конфликты по числу участников
и характеру их требований**

Год	Количество	Число участников	Основные требования (% от общего)					
			Повышение платы труда	Денежные пособия	Протест против увольнений	Сокращение рабочих часов	Соблюдение прав рабочих	Прочее
1963	89	168 843	58,4	7,9	3,4	1,1	22,5	—
1964	126	207 406	73,3	6,7	4,8	0,9	12,4	-
1965	113	103 707	61,9	7,2	8,2	2,1	14,4	-
1966	117	145 168	69,2	9,6	0,9	3,8	13,5	3,0
1967	105	150 535	80,0	3,9	-	0,9	14,3	0,9
1968	112	265 941	54,3	5,3	6,2	-	22,3	1,9
1969	70	108 248	70,0	2,9	2,9	-	22,8	1,4
1970	88	182 808	70,0	-	2,5	-	25,0	2,5
1971	101	115 943	68,3	5,0	2,0	-	18,0	5,9

Источник: История корейского профсоюзного движения / Федерация корейских профсоюзов. Сеул, 1979. С. 567.

Как видно из *Таблицы 5*, требование повысить оплату труда составляли львиную долю в общем объеме требований рабочих — 67,3%. Трудовые конфликты, где выдвигались требования о заключении коллективных договоров и создании профсоюзов, составляли 18% от общего числа. Эти цифры отражают реалии жизни трудящихся в период экономического роста, характерной чертой которой являлась низкая оплата труда, а также свидетельствуют о противодействии капиталистов созданию профсоюзов, а в случае, если профсоюзы уже были созданы, — об их стремлении поставить эти организации под свой контроль.

**Рабочее движение периода юсин (6.XII.1971 — 26.X.1979)
и отношение к нему правительства**

В ответ на растущее недовольство трудящихся режим Пак Чонхи в 1971 г. объявил «общегосударственное чрезвычайное положение» и принял Закон об особых мерах по защите государства, который серьезно ограничил гарантированные конституцией права на заключение коллективных договоров и коллективные действия. Профсоюзы более не имели права выступать самостоятельно с предложениями о проведении

рабочих выступлений, а все возникавшие трудовые конфликты должны были урегулировать правительственные чиновники.

При системе *юсин* подавление любых общественных движений, в том числе и рабочих, усилилось. Тем не менее, сопротивление рабочих и профсоюзное движение продолжало развиваться. В 1970-х годах ведущими силами профсоюзного движения были не существовавшие официально профсоюзы, а новые «демократические профсоюзы» (*минджу ноджо*), такие как, например, профсоюз текстильщиков фабрик селульского рынка Чхонге, профсоюз работников текстильного предприятия «Тониль», профсоюз работников шерстопрядильного предприятия «Вон пхун», профсоюз работников корейского филиала американской компьютерной компании «Контрол Дэйта», профсоюз работников торговой компании «Пандо» и профсоюз работниц производившей парики на экспорт компании «Вай-Эйч». Эти профсоюзы прилагали постоянные усилия к улучшению условий труда рабочих даже в условиях преследований и репрессий. В своей внутренней организации они следовали демократическим принципам и постепенно стали приобретать немалое влияние в рабочих коллективах. Руководители этих профсоюзов снискали широкую поддержку тем, что неизменно оставались преданными интересам своих членов. Они также вели просветительскую деятельность, чем способствовало повышению сознательности трудящихся. Организуя специальные кружки, эти профсоюзные деятели просвещали рабочих по вопросам трудового права. Это способствовало усилению их организаций, которые постепенно окрепли настолько, что поднимали рабочих на смелые коллективные действия и борьбу за улучшение условий труда даже в условиях действия Закона об охране государства.

«Демократические профсоюзы» тщательно готовились к своим коллективным выступлениям, внимательно прислушивались к требованиям своих членов и добивались улучшения условий их труда, чем снискали доверие трудящихся. Одновременно их деятельность способствовало и

Рис. 45. 21 февраля 1978 г. на текстильной фабрике «Тониль» администрация подговорила хулиганствующих элементов забросать бастовавших работниц-профактивисток экскрементами. Вскоре 124 активистки были уволены с занесением в «черный список», что означало невозможность устроиться на работу в текстильной отрасли в будущем. Таковы были методы, использовавшиеся капиталом Южной Кореи для того, чтобы держать рабочих в подчинении, поддерживая нечеловеческий ритм труда — работать приходилось зачастую по 16–18 часов в сутки без выходных, примерно так же, как в колониальные времена.

росту внимания к трудовым вопросам в обществе в целом. Примерами профсоюзных акций, которые привлекли внимание граждан по всей стране, стали борьба текстильщиков сеульского рынка Чхонге за право создать свой профсоюз и за предоставление помещения для профсоюзных занятий; борьба текстильщиков предприятия «Тониль» за сохранение своего профсоюза и возвращение на рабочие места уволенных коллег и занятие здания оппозиционной Новой демократической партии членами профсоюза компании «Вай-Эйч», требовавшими выплаты задолженности по зарплате и выходных пособий.

После самоожжения текстищика Чон Тхэиля 13 ноября 1970 г. в рабочем движении стали активно участвовать интеллигенция и религиозные деятели и организации. Например, Городское промышленное миссионерское общество (*Тоси саноп сонгёхве*) и Общество молодых рабочих-католиков (*Катхоллик нодон чхоннёнхве*), которые были созданы еще в 1950-х годах для проповеди христианства среди рабочих, начали вносить серьезный вклад в рабочее движение именно в 1970-х. Во второй половине этого десятилетия широко развернулось движение интеллигенции и студентов по созданию вечерних школ для рабочих, которые существенно способствовали росту сознательности последних.

В этом плане особенно надо отметить деятельность Городского промышленного миссионерского общества и Общества молодых рабочих-католиков, которые, с одной стороны, организовали для рабочих курсы «кликбеза» по трудовым вопросам и поддерживали акции, направленные на улучшение условий труда, а с другой стороны прилагали усилия к тому, чтобы привлечь внимание общественности к трудовым вопросам и способствовать их разрешению. Эти организации активно поддерживали создание демократических профсоюзов и их протестные акции и сыграли большую роль в борьбе трудящихся за 8-часовой рабочий день. В условиях, когда АПК и официозные отраслевые профсоюзные ассоциации поддерживали правительство, Городское промышленное миссионерское общество и Общество молодых рабочих-католиков являлись практически единственным местом, где профсоюзы работников отдельных предприятий и местные отделения отраслевых профсоюзов могли получить реальную поддержку.

Активизация деятельности «демократических профсоюзов» способствовала активизации профсоюзного движения в стране в целом. Как видно из *Таблицы 6*, общее число членов профсоюзов выросло с 497 тысяч в 1970 г. до более 1 млн. в 1979 г., в то время как число местных отделений профсоюзов увеличилось с 3063 до 4394. В рассматриваемый период ежегодно в среднем происходило около 100 выступлений трудящихся, и хотя эта цифра на вид невелика, ее вполне достаточно, чтобы показать, что сопротивление рабочих не прекращалось и в условиях, когда по закону любые трудовые выступления были запрещены.

Таблица 6

**Профсоюзы, их члены и рабочие выступления
по годам (1971–1979)**

Год	Профсоюзы	Члены профсоюзов	Число выступлений
1971	3 061	497 000	101
1972	2 961	515 000	0
1973	2 865	548 000	0
1974	3 352	656 000	0
1975	3 585	750 000	133
1976	3 854	846 000	110
1977	4 042	955 000	96
1978	4 305	1 055 000	102
1979	4 394	1 088 000	105

Источник: Имгым кваллён тхонге чарё чип (Сборник статистических документов по заработной плате). Сеул: Хангук нодон ёнгувон (Центр изучения корейского рабочего движения), 1990, с. 153–155.

После смерти Пак Чонхи 26 октября 1979 г. система *юсин* рухнула и правительственный контроль за рабочим движением в определенной мере ослаб, что привело к взрыву активности трудящихся, которые долгие годы страдали от низкой оплаты труда и чрезмерно продолжительного рабочего дня. Трудовые конфликты возникли на многих предприятиях. В 1980 г. их число достигло 407, что было в четыре раза больше, чем за предыдущий год. Особенно ожесточенными забастовки и демонстрации были на крупных предприятиях. В апреле 1980 г. объявили забастовку рабочие угольных шахт в городе Сабук провинции Канвон, потребовавшие повышения заработной платы и удаления профсоюзных бюрократов, тесно сотрудничавших с шахтовладельцами. Жители близлежащих окрестностей поддерживали забастовку, и она переросла в акцию протеста регионального масштаба. Город Сабук на несколько дней оказался в руках рабочих.

Ожесточенные и широкомасштабные выступления рабочих произошли на нескольких крупных предприятиях: сталелитейных заводах «Инчхон чечхоль» и «Тонгук чеган» (Пусан) и фабрике вискозного волокна «Вонджин рэйон». Все больше людей требовало роспуска правительственных, а также тесно связанных с предпринимателями профсоюзов и демократизации профсоюзов на местном, региональном и даже национальном уровнях. Однако захват власти «новыми военны-

ми» во главе с Чон Духваном, положил конец росту активности рабочего движения.

Рабочее движение при Чон Духване (1980–1987)

При Чон Духване, который пришел к власти в результате военного переворота 12 декабря 1979 г., рабочее движение подавлялось даже более сурово, чем при Пак Чонхи в период *юсин*. Сразу после захвата власти военная хунта уволила с работы многих профсоюзных руководителей и под предлогом так называемого «очищения общества» распустила региональные объединения профсоюзов, что было особенно тяжелым ударом по рабочим мелких предприятий. В декабре 1980 г. новый режим в корне пересмотрел существовавшие законы о труде, в результате чего государственный контроль над рабочим движением усилился.

Пересматривая трудовое законодательство, администрация Чона стремилась, в первую очередь, ограничить размеры профсоюзов масштабами отдельных предприятий. Условия для создания профсоюзов были затруднены, а система, при которой вступление в профсоюз выставлялось условием найма на работу («профсоюзный цех») — объявлена вне закона. Увеличивая число поводов для собственного вмешательства в деятельность профсоюзов, режим одновременно запретил вмешательство в их деятельность «третьих сторон», что было попыткой предотвратить поддержку рабочего движения интеллигенцией. Ограничения на рабочие выступления также усилились. Они были запрещены на государственных учреждениях и предприятиях, в местных органах власти и на предприятиях оборонной промышленности. Было увеличено время, которое давалось администрации предприятий на урегулирование трудового конфликта перед началом забастовки. Система обязательного арбитражного разбирательства перед голосованием о забастовке — оттягивавшая начало забастовки и дававшая арбитражным органам возможность навязать рабочим невыгодное для них разрешение конфликта — теперь распространилась не только на некоммерческие организации, но и на обычные предприятия и компании. Таким образом, правительство фактически получило право прекращать любые трудовые выступления своим волевым решением.

Меры, предпринятые режимом Чон Духвана против рабочего движения, развалили «демократические профсоюзы», которые начали возникать в стране в 1970-х годах. В январе 1981 г. по распоряжению властей был распущен профсоюз текстильщиков сеульского рынка Чхонге, а его офис — захвачен полицией. В знак протеста члены профсоюза захватили офис официозного Азиатско-американского института свободного труда (Asian and American Free Labour Institute — AAFLI — существовал на средства американской профсоюзной ассоциации АФТ-КПО и должен был «содействовать развитию» проаме-

риканских и антикоммунистических профсоюзов в Корее), но были разогнаны полицией. 11 человек были арестованы. Затем режим распустил профсоюзы работников торговой компании «Пандо» и компьютерного завода «Контрол Дэйта». Долше всех сохранялся профсоюз работников шерстепрядильного предприятия «Вонпхун», но в сентябре 1982 г. пришел конец и ему. Он самораспустился под давлением правительства и хозяев предприятий, а на смену ему пришел новый, официальный, профсоюз.

Роспуск правительством «демократических профсоюзов» показал рабочим, что движение за права трудящихся неразрывно связано с борьбой против военной хунты. После подавления народного восстания в Кванджу в мае 1980 г. немало представителей интеллигенции и студенчества пошли на предприятия рабочими, приняли активное участие в рабочем движении и внесли большой вклад в развитие классового сознания трудящихся.

Примерно с 1984 г. давление властей начало ослабевать, и рабочее движение активизировалось вновь. Начавшаяся в Тэгу забастовка водителей такси быстро распространилась на другие города по всей стране, в том числе на Пусан, Масан и Тэджон. На текстильных предприятиях конгломератов «Тэу», «Хёсон» и «Сониль», на электротехнических фабриках в сеульском квартале Карибон вновь возникли «демократические профсоюзы», которые продолжили дело своих предшественников, существовавших в 1970-х годах. Но правительство отказалось признать эти новые профсоюзы, вследствие чего широкого распространения движение по созданию «демократических профсоюзов» получить не смогло.

Однако многие активисты уже осознали к тому времени, что ограниченность движения «демократических профсоюзов» 1970-х годов заключалась в концентрации усилий на экономических вопросах и в отсутствии солидарности между отдельными профсоюзами. Поэтому они начали прилагать усилия к развитию хотя бы элементарного политического просвещения трудящихся и воспитанию чувства классовой солидарности, что укрепило их организационно. Последствием стала проявившаяся с 1985 г. активизация рабочих на местах, происходившая независимо от руководства головных профсоюзов. При ведущей роли рабочих-выходцев из студенчества прошла забастовка на автомобильном заводе «Тэу» в городке Пупхён под Сеулом; коллективные акции в поддержку демократизации профсоюзов состоялись на Чансонской шахте, кондитерской фабрике «Хэтхэ чегва», оружейном заводе «Тхониль сан-оп» и сталелитейном заводе «Ханиль».

Это вызвало ответные меры правительства. В частности, в июне 1985 г. были арестованы руководители профсоюза компании «Тэу — текстиль», который играл ведущую роль в движении «демократических профсоюзов». Они были обвинены в нарушении «Закона о трудовых

конфликтах». В знак протеста члены профсоюза захватили здание компании. Чтобы их поддержать, объявили забастовку профсоюзы текстильных предприятий конгломератов «Тэу», «Хёсон» и «Сониль», электротехнических фабрик Карибона и фабрики «Пухын», а также ряда компаний индустриального комплекса «Куру» на юго-западе Сеула: «Седжин электроникс», «Ром–Корея», «Намсон» (электротехническая компания) и «Тхониль саноп», но усилиями полиции и менеджмента она была быстро прекращена. Свыше 30 рабочих были арестованы, более одной тысячи — уволены, а независимые профсоюзы — распущены. Однако это выступление имело большое значение как первая за долгое время попытка широкомасштабной борьбы в знак солидарности с другими бастующими рабочими.

В середине 1980-х годах в дополнение к существовавшим официально профсоюзам, стали возникать полуполигальные рабочие организации, которые внесли свой вклад в дальнейшее развитие рабочего движения. По инициативе бывших руководителей существовавших в 1970-е годы «демократических профсоюзов» в марте 1984 г. была создана Ассоциация за благосостояние корейских рабочих (*Хангук нодонджа покчи хёбыхве*), а в феврале 1985 г. — Союз корейских рабочих-протестантов (*Хангук кидоккё нодонджа чхон ёнмэн*). В отличие от действовавшего в 1970-х годах Городского промышленного миссионерского общества (*Тоси саноп сонгёхве*), этими организациями руководили сами рабочие. Они не просто оказывали поддержку движению со стороны, а являлись его составной частью.

После разгона забастовки солидарности в индустриальном комплексе «Куру» в рабочем движении стали слышаться настойчивые призывы к преодолению «экономизма» (борьба за узко экономические требования) и трансформации рабочего движения в движение за широкие социальные реформы. Тогда и стали возникать нелегальные и секретные рабочие организации, которые существенно отличались от обычных профсоюзов. Типичным примером может служить Сеульский союз рабочего движения (*Соуль нодон ундон ёнхан — Сонорён*). Он позиционировал себя как «массовую политическую организацию» и считал главными целями своей деятельности политическую агитацию и политическую борьбу за социальные реформы. В экономической борьбе он призывал к бескомпромиссности.

Сразу после создания *Сонорён* сходные с ним по характеру организации появились в каждом регионе, например, Союз рабочих Инчхона или Аньянский комитет по завоеванию «трех рабочих прав»⁶⁶. Эти организации поддерживали борьбу трудящихся за улучшение условий труда и одновременно предпринимали меры, чтобы повысить их политическую сознательность. Однако их деятельность в значительной мере

⁶⁶ Т.е. прав на организацию профсоюза, коллективный договор и забастовку.

была ограничена кругом рабочих-выходцев из студенчества и меньшинства сознательных рабочих, не затрагивая широкие слои рабочего класса. Причиной была переоценка ими роли политической борьбы. Они не обращали должного внимания на экономическую борьбу, а внутри них за гегемонию соперничали различные политические фракции и кружки, что было весьма далеко от рабочих интересов. Вдобавок у них отсутствовала четкая политическая линия. Все эти факторы привели к постепенной утрате ими влияния. В дальнейшем возникли новые мнения по основным задачам рабочего движения, и было много споров. Возникли новые нелегальные организации, однако в условиях репрессий они не смогли укорениться непосредственно в рабочей среде.

«Движение 10 июня» (1987 г.) за демократизацию и рабочее движение

После того, как народное «Движение за демократизацию 10 июня» (1987 г.) заставило Чон Духвана обнародовать Декларацию 29 июня, где он обещал внести в конституцию поправки, разрешающие прямые президентские выборы, контроль властей ослаб и долго подавлявшееся возмущение рабочих прорвалось наружу. Это привело к так называемой «июньско-августовской борьбе» (*чхиль — пхаль тхуджэн*) 1987 г., которая была крупнейшим выступлением трудящихся в стране со времен Освобождения в 1945 г. Она началась на предприятиях промышленной группы «Хёндэ» в Ульсане (провинция Южная Кёнсан). Когда на входивших в комплекс «Хёндэ» предприятиях стали создаваться профсоюзы, в самых крупных из них — на автомобильном и кораблестроительном заводе — были насильственно образованы лояльные хозяевам псевдопрофсоюзы. Это привело к забастовке рабочих. Она быстро распространилась на другие предприятия Ульсанского района, на другие промышленные зоны провинции Южная Кёнсан, в частности, на Пусан, Масан и Чханвон, и, в конце концов, — на всю страну. В середине августа 1987 г. в среднем в Южной Корее происходило до 400 рабочих выступлений в день. После 20 августа это число возросло почти до 500 и достигло пика 27 августа — 743 выступления. Забастовщики требовали улучшения условий труда, но особенно упорно отстаивали право на создание демократических профсоюзов. Борьба трудящихся не ограничилась только производственным сектором. К ней примкнули шахтеры и транспортники, которые также проводили забастовки и демонстрации.

Когда борьба рабочих приобрела широкие масштабы, Всекорейское объединение предпринимателей (*Чонгук кёнджеин ёнхан*) обнародовало список «34 примеров аморальных рабочих выступлений», широко растиражированный прессой. Рабочие демагогически обвинялись в «насилии», «покушении на авторитет старших» и т.д. Затем правительство вернулось к прежней политике репрессий и направило полицию на мес-

та основных выступлений, в частности на предприятия промышленной группы «Хёндэ» в Ульсане. Многие рабочие задерживались и арестовывались. Накал борьбы трудящихся стал ослабевать, и после 15 сентября в стране уже не происходило сколько-нибудь заметных выступлений. Всего в июле — августе 1987 г. произошло 3337 выступлений трудящихся. Забастовки и демонстрации состоялись на 75,5% крупнейших предприятий страны (с числом работников 1000 и выше), что свидетельствует о размахе борьбы. В этот период было создано много «демократических профсоюзов», которые стали базой для разворачивания рабочего движения впоследствии.

В июле — августе 1987 г. рабочее движение приобрело некоторые новые черты. Во-первых, его движущей силой были сами трудящиеся массы, которые создавали на местах «демократические профсоюзы» и стремились добиться своих целей путем коллективных акций. Это означало, что отныне рабочее движение превратилось в ведущую силу общества, способную влиять на его развитие.

Это явление нашло отражение в росте числа профсоюзов. Если в июне 1987 г. их было 2742, то к концу 1989 г. это число выросло до 7861. В тот же период число членов почти удвоилось, увеличившись с примерно 1 млн. до 1,9 млн. человек. Профсоюзы были созданы в 59,4% предприятий с количеством работников от 300 до 499 человек, в 77% предприятий с числом работников от 500 до 999 человек и 79,2% предприятий с числом работников свыше 1000 человек. Кроме того, процесс демократизации профсоюзов привел к тому, что почти все проправительственные профсоюзы, а также профсоюзы, солидаризировавшиеся с предпринимателями, на время потеряли свое влияние.

Вторым изменением, которое внесла в рабочее движение «июльско-августовская борьба», было распространение профсоюзного движения среди служащих и интеллигенции. После Апрельской революции 1960 г. предпринимались попытки по организации этой прослойки трудящихся, но успехом они не увенчались. Однако после «Движения 10 июня за демократию» (1987 г.) профсоюзы стали возникать в финансовых учреждениях, в СМИ, больницах, университетах, на государственных предприятиях и организациях. Примкнули к рабочему движению учителя школ всех уровней, которые, преодолев противодействие правительства, консервативных кругов и привилегированных слоев общества, создали Всекорейский профсоюз учителей (ВПУ — Чонгёджо). В то время как профсоюзы служащих выступали в основном с требованием повышения оплаты и улучшения условий труда, профсоюзы работников СМИ, поддерживая эти требования, также развернули еще и «движение за добросовестное освещение событий», а ВПУ — Движение «за настоящее образование», встав, тем самым, в авангарде демократического движения.

Третьим вызванным «июльско-августовской борьбой» 1987 г. изменением было создание новой, отдельной от АПК, «демократической»

национальной организации трудящихся — Ассоциации региональных профсоюзов (*Чиёк нодон чохап хёбыйхве* — *Чинохён*), которая возникла вскоре после «Движения 10 июня» в 1987 г. Ведущую роль в ней играли «демократические профсоюзы». Тогда же произошел и переход на демократические рельсы некоторых старых профсоюзов. В отличие от профсоюзов, входивших в АПК, профсоюзы из *Чинохён* заняли очень четкую позицию в отношении работодателей, осуществляли на практике методы демократического руководства и приобрели большое влияние в районах Масана и Чханвона. После подготовительного периода в январе 1990 г. была создана Национальная ассоциация профсоюзов — НАП (*Чонгук нодон чохап хёбыйхве* — *Чоннохён*) во главе с известным рабочим активистом, строительным рабочим Тан Бёнхо, которая определяла себя как наследницу традиций демократического профсоюзного движения 1970-х годов. НАП заявила, что «преодолеет воплощаемые Ассоциацией профсоюзов Кореи соглашательство и антидемократизм» и «будет выступать в едином строю с различными демократическими силами с целью добиться экономических и социальных реформ и способствовать осуществлению самостоятельного, демократического и мирного объединения Родины».

В дальнейшем НАП поддерживала борьбу рабочих по всей стране за повышение оплаты труда и отдельные коллективные акции, организуемые профсоюзами на местах, а 1 Мая 1990 г. возглавила всеобщую забастовку трудящихся. НАП примкнула к объединявшему различные народные движения Национальному союзу (*Чонгук ёнхан*) и участвовала в политической борьбе за демократизацию. Но большого успеха в расширении числа профсоюзов в своем составе НАП добиться не удалось — в силу противодействия правительства. Внутри национального профсоюзного движения она так и осталась «боевым авангардом». Несмотря на то, что НАП симпатизировали профсоюзы многих крупнейших предприятий, они не вступили в нее, опасаясь реакции работодателей.

Профсоюзы служащих также стремились к созданию собственного, отдельного от АПК, объединения. Они создали такие организации общенационального масштаба как Федерация профсоюзов служащих и финансовых работников, Федерация профсоюзов работников лечебных учреждений, Федерация профсоюзов инженеров и техников, Федерация профсоюзов работников СМИ и печатников и создали общенациональное объединение — Ассоциативный совет профессиональных объединений — АСПО. Этому совету не удалось объединиться с НАП, но он солидаризировался со многими целями последней и участвовал в ряде совместных акций, способствовавших развитию профсоюзного движения в стране в целом.

С другой стороны, подталкиваемая повсеместным ростом числа демократических профсоюзов АПК провела крупномасштабную встречу, на которой выразила протест против некоторых предложений прави-

тельства. Однако ее возможности противостоять антирабочей политике правительства были ограничены.

Активизировавшееся после «движения за демократию 10 июня» (1987 г.) рабочее движения начало затухать после усиления правительственного давления в 1989 г. Число коллективных акций трудящихся стало резко сокращаться: с 1873 в 1988 г. до 1616 — в 1989 г., 322 — в 1990 г. и 234 — в 1991 г. Правительство и работодатели применили политику «нет работы — нет оплаты», отказываясь выплачивать зарплату в период забастовок. В 1992 г., несмотря на активные протесты трудящихся, была введена система «потолка зарплаты», жестко ограничивавшая рост зарплаты и выплату дополнительных премиальных. Выступления солидарности профсоюзов также пошли на спад. Хотя трудящиеся осознавали, что необходимо отказаться от системы, при которой профсоюзы организовывались по отдельным предприятиям и компаниям (что препятствовало развитию отраслевой и региональной солидарности), в реальности она только закрепилась. Число членов входивших в *Чоннохён* профсоюзов неуклонно сокращалось — в такой степени, что некоторые региональные профобъединения практически прекратили свою деятельность. Уменьшалось и число членов в профсоюзах отдельных предприятий, и работодатели начали надеяться на то, что в них возобладают сторонники умеренного курса «сотрудничества между работниками и менеджментом».

Однако и после 1990 г. на выборах в руководство профсоюзов на крупнейших предприятиях победу чаще всего одерживали те рабочие, которые отстаивали «демократические профсоюзы», благодаря чему потенциал для развития демократического рабочего движения продолжал сохраняться. Это показали забастовки, организованные местными профсоюзами на кораблестроительном заводе конгломерата «Хёндэ» и в государственной телерадиовещательной корпорации Кей-Би-Эс, участники которых призвали покончить с репрессивной политикой правительства.

Использованная литература

- Ким Юнхван, Ким Накчун.* Хангук нодон ундонса (История рабочего движения в Южной Корее). Сеул: Ильчогак, 1975.
- Хангук нодон чохап ундонса (История профсоюзного движения в Южной Корее) / Ассоциация профсоюзов Кореи (*Хангук нокхон*). Сеул, 1979.
- Ким Накчун.* Хангук нодон ундонса — хэбан ху пхён (История корейского рабочего движения — период после Освобождения). Сеул: Чхонса, 1982.
- 1970 нёндэ нодон хёнджан-ква чынон (Свидетельства об условиях труда в 1970-х годах) / Хангук кидоккё кёхве хёбыйхве (Корейская ассоциация протестантских церквей). Сеул: Пхульпит, 1984.

Ким Гымсу, Пак Хёнчхэ и др. Хангук нодон ундон нон (Теории рабочего движения в Корее). Сеул: Мирэса, 1985.

Ли Ёнмин. Хён танге Хангук нодон ундон-ый квадже (Задачи корейского рабочего движения на современном этапе). Сеул: Чуксан, 1988.

Нодон чохап чоджик ёнгу (Изучение организации профсоюзов) / Хангук сахве ёнгусо (Институт по изучению корейского общества). Сеул: Пэксан содан, 1989.

Хангук хёндэса (Новейшая история Кореи). Т. 4 / Отделение новейшей истории Научного исторического общества Республики Корея. Сеул: Пхульпит, 1991.

Глава 3

ДВИЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ СИСТЕМЕ РАЗДЕЛА

Раскол мира культуры

Культурная деятельность, находившаяся в Корее колониального периода — особенно после вступления Японии во вторую мировую войну — в застое, после Освобождения резко активизировалась. Возникло множество новых культурных организаций разного типа, но они практически сразу раскололись на правые и левые. Мир искусства и культуры поляризовался. Это стало препятствием для восстановления корейской культуры после десятилетий колониального гнета.

Если говорить о литературных кругах, то сразу после освобождения деятели существовавшей с 1925 г. Корейской федерации пролетарского искусства (КАПФ; на эсперанто KAPF — Korea Artista Proletaria Federatio) и некоторые представители течения за «чистую литературу» (*сунсу мунхакпха*), объединившись, создали Штаб по строительству корейской литературы. Также при активном участии КАПФ был создан Союз пролетарской литературы. Впоследствии эти две организации слились в одну, образовав 16 декабря 1945 г. Союз корейских литераторов (*Чосон мунхакка тонмэн*). Его председателем был избран знаменитый автор исторических романов Хон Мёнхи (1888–1968), а заместителями — прозаик Ли Тхэджун (1904–?) и поэт Ли Бёнги (1891–1968).

В то же время писатели правой ориентации объединились в Центральную культурную ассоциацию. 13 марта 1946 г. на ее основе была создана Всекорейская ассоциация писателей (ВАП — *Чон Чосон мунхильга хёнхве*), председателем которой стал известный конфуцианский мыслитель и «культурный националист» колониальной эпохи Чон Инбо (1893–1950), а его заместителями — романист Пак Чонхва (1901–1981) и критик Соль Ыйсик (1900–1954). Ее авангардом стала образованная 4 апреля 1946 г. Ассоциация молодых литераторов Кореи (*Чосон чхоннён мунхакка хёнхве*) — еще более правая, чем ВАП.

Если говорить о художниках, то 18 августа 1945 г. был создан Штаб по строительству корейского искусства (ШСКИ), еще не определившийся со своей ориентацией и объединивший художников восточного и западного стилей, детских художников, художников-пропагандистов, а также скульпторов и промышленных дизайнеров. Но когда 22 сентября 1945 г. был создан Союз пролетарских художников (СПХ), ШСКИ был распушен.

Впоследствии на основе СПХ был создан Союз корейских художников (*Чосон мисульга тонмэн*), который, в свою очередь, слился с Союзом корейских скульпторов (*Чосон чохён есиль тонмэн*), в результате чего возник Союз корейского искусства (СКИ — *Чосон мисульга тонмэн*) во главе с пейзажистом из Пхеньяна Киль Джинсопом (1907–1975). С другой стороны, после роспуска ШСКИ была создана организация художников правой ориентации, известная как Ассоциация художников Кореи (АКХ — *Чосон мисульга хёнхве*). Ее возглавил сеульский художник западного стиля Ко Ыйдон (1886–1965). СКИ и АКХ противостояли друг другу, но с приходом к власти в 1948 г. Ли Сынмана первый из них был запрещен, а вторая поменяла имя на «Ассоциацию (южно)корейского искусства» (*Тэхан мисуль хёнхве*).

Театральные деятели сразу после освобождения образовали Штаб по строительству корейского театра — ШСКТ, в котором не существовало отчетливого разделения на левых и правых. Также был создан Пролетарский театральный союз. В дальнейшем к нему примкнули члены ШСКТ левой ориентации, в результате чего возник Корейский театральный союз (КТС — *Чосон ёнгык тонмэн*), возглавивший деятельность театральных кругов в первый период после Освобождения. В программу КТС входили борьба за ликвидацию пережитков японского колониализма и феодализма, отпор корейскому шовинизму, создание прогрессивного национального театра и союз с прогрессивными театральными деятелями других стран. Под его эгидой были образованы несколько трупп, в том числе Корейский художественный театр (*Чосон есиль кыкчан*). С другой стороны, вышедшие из ШСКТ правые во главе с Ю Чхиджином (1905–1974) создали в 1947 г. Театральную художественную ассоциацию (ТХА — *Кык есиль хёнхве*), ориентированную на «чистый театр» (т.е. на формальную деполитизацию) и «искусство ради искусства» (*сунсу есильджуый*). После прихода к власти Ли Сынмана большинство левых театральных деятелей уехали на Север, и ТХА стала ведущей организацией в театральном мире Южной Кореи.

Что касается музыкантов, то сразу после Освобождения были созданы Штаб по строительству корейской музыки — ШСКМ, и левый Пролетарский музыкальный союз. Вскоре они слились в Ассоциацию корейских деятелей искусств (*Чосон ымакка хёнхве*) во главе с музыкантом-исполнителем Ли Ёнсе. Правые представители музыкальных кругов образовали Ассоциацию симфонической музыки (*Кёхьянак хёнхве*) со главе с композитором Хён Джемеёном (1902–1960) и Корейскую ассо-

циацию исполнителей (*Тэхан ёнджуга хёпхве*). Деятели кинематографа, в свою очередь, создали Штаб по строительству кинематографа — ШСК, и Пролетарский кинематографический союз, на базе которых в дальнейшем был образован Корейский кинематографический союз (ККС — *Чосон ёнхва тонмэн*), где председателем центрального исполнительного комитета был режиссер Ан Джонхва (1902–1960). ККС объединял под своей эгидой ряд киностудий, прокатных агентств, технических служб и имел отделения в провинциях.

Раздельное создание культурных организаций естественно привело к созданию раздельных генеральных объединений. Первой, 18 августа 1945 г., была создана Центральная ассоциация по строительству корейской культуры — ЦАСКК (*Чосон мунхва консоль чунан хёбыйхве*), объединившая штабы по строительству корейской литературы, искусства и музыки. Программа ЦАСКК определила основными направлениями ее деятельности борьбу за освобождение культуры, строительство национальной культуры и создание объединенного фронта. Политическое размежевание между вошедшими в нее организациями еще не было отчетливо выражено.

Однако практически сразу после этого возник Союз пролетарской литературы с отчетливой левой ориентацией. За этим последовало создание аналогичных союзов пролетарских художников, музыкантов и театральных деятелей, которые 31 сентября 1945 г. объединились в Пролетарский художественный союз.

В это время в левом лагере возникло противостояние между теми, кто рассматривал период после Освобождения как базу для развития социалистической революции, и теми, кто считал его плацдармом для осуществления буржуазной революции. Аналогичное разделение возникло и в культурном движении, где стали проявляться левацкие тенденции. Одной из попыток преодолеть методологические расхождения в национальном культурном движении стало создание 24 февраля 1946 г. Всекорейского объединения культурных организаций — ВОКО (*Чосон мунхва танхве чхон ёнмэн*) путем слияния Центральной ассоциации по строительству корейской культуры (ЦАСКК) и Пролетарского художественного союза.

ВОКО состояло из большого числа разнообразных организаций. В него входили 13 научных ассоциаций, в том числе такие как созданные сразу после Освобождения Корейская академия (*Чосон хаксурвон*) — объединение ученых, в основном гуманитариев, во главе с известным марксистом-историком Пэк Намуном, и Союз корейских ученых, а также существовавшее еще в колониальный период историческое исследовательское общество «Чиндан» (*Чиндан хаххве*). Входили в ВОКО также 9 художественных организаций, в том числе союзы литераторов, музыкантов и театральных деятелей, образованные в результате объединения представителей ЦАСКК и Пролетарского художественного сою-

за, и 25 других организаций, таких как Корейская ассоциация газетных репортеров, Ассоциация корейских деятелей образования и Корейское физкультурное общество.

Ставившее целью строительство демократической национальной культуры ВОКО в своей программе призвало: первое — продолжить лучшие традиции собственной культуры и заимствовать достижения мировой культуры; второе — заимствовать и изучать прогрессивные технологии, создавать собственный теоретический фундамент; третье — осуществлять демократическое образование и научное просвещение народа; четвертое — отказаться от антинаучных и антидемократических тенденций в культуре. Политическая линия ВОКО стала ясна, когда оно выразило поддержку Демократическому национальному фронту (*Минджуджуый минджок чонсон*), который был создан как организация единого фронта левых политических, общественных и культурных организаций. В результате деятели культуры правой ориентации отдельно создали 13 февраля 1947 г. еще одну ассоциацию культурных организаций — Всекорейское генеральное объединение культурных организаций — ВГОКО (*Чонгук мунхва танхве чхон ёнхвхве*).

ВГОКО состояло из 33 культурных организаций правой ориентации, таких как Всекорейская ассоциация писателей (ВАП), Ассоциация художников Кореи (АХК), Всекорейская ассоциация музыкальной культуры (*Чонгук ымак мунхва хёнхве*). Пунктами программы ВГОКО стали ликвидация всех препятствий на пути к национальному возрождению; содействие скорейшему достижению самостоятельного объединения; создание национальной культуры, основанной на идеалах мировой культуры; укрепление самоуважения во всех малых народах мира; отстаивание культурного наследия и защита индивидуальности художника.

Литературные круги после освобождения можно разделить на четыре группы: две левые и две правые. К первым относились «группировка классовой литературы», в которую входили члены Союза пролетарской литературы, и левое крыло «группировки национальной литературы» (*минджок мунхвапха*), состоявшее из представителей Штаба по строительству корейской литературы. Ко вторым относились писатели правого крыла «группировки национальной литературы» из Всекорейской ассоциации писателей (ВАП) и «группировка чистой литературы» из Ассоциации молодых литераторов Кореи.

Несмотря на наличие возможности для правого и левого крыла «группировки национальной литературы» найти общие теоретические основы для взаимодействия, в связи с процессом разделения нации ее реализовать не удалось. Постепенно в литературных кругах доминирующими стали теории классовой и «чистой» литературы, а затем и антикоммунистической литературы. Сходные процессы происходили и в других областях культуры и искусства, что привело к углублению раскола деятелей культуры.

Литература и влияние на нее Апрельской революции (1960) и военного переворота 16 мая 1961 года

В процессе создания сепаратных государств жившие на Юге деятели культуры левых убеждений по большей части перебрались на Север, а жившие на Севере правые — на Юг. Раскол культурных кругов усугубила Корейская война. С ее началом деятели культуры на Юге создали такие организации как «Чрезвычайная национальная пропагандистская бригада» и «Бригада деятелей культуры по спасению государства», которые были приписаны к армейскому Управлению политвоспитания, либо создали отдельные творческие группы, работавшие в частях сухопутной армии, ВВС и ВМФ. Чтобы поддержать боевой дух солдат, они выпускали журнал «Фронтальная литература», сочиняли военные песни. Также был проведен «Съезд деятелей культуры, вовлеченных в решающий бой по спасению государства».

Деятели культуры не только внесли свой вклад в усиление системы раздела в годы войны. Они стали неотъемлемой частью этого процесса и в дальнейшем сыграли определенную роль в укреплении диктатуры. После войны — этого бедствия, во время которого корейцы убивали корейцев, культурные круги провалились в болото декаданса, гедонизма и глубокого пессимизма. Чем больше они удалялись от поиска новых путей развития национальной культуры и решения национальной проблемы, тем больше они оказывались связанными с коррумпированным диктаторским режимом Ли Сынмана.

В 1955 г. был создан журнал «Хёндэ мунхак» («Современная литература»), представлявший течение «чистой литературы». Он стал ведущим в литературном мире. С другой стороны, был издан указ о регистрации деятелей культуры, 30 июля 1954 г. были основаны Академия наук (*Хаксурвон*) и Академия художеств (*Есурвон*), объединявшие наиболее авторитетных деятелей науки и культуры. Стали проходить встречи антикоммунистически настроенной интеллигенции и выставки антикоммунистического искусства. Когда диктатура Ли Сынмана укрепилась, была также создана экстремистская «Антикоммунистическая группа деятелей искусств», которая выпустила фильм «Общество Независимости и юный Ли Сынман», использованный во время предвыборной кампании. Был проведен съезд деятелей искусств под лозунгом «Приветствуем выдвижение доктора Ли Сынмана и господина Ли Гибуна», а некоторые деятели культуры в поддержку избирательной кампании Ли Гибуна ничтоже сумняшися написали апологетический труд «Ли Гибун как Человек», восхвалявший этого кандидата на пост вице-президента.

Несмотря на то, что культурные и артистические круги в 1950-х годах в целом стояли на позициях «чистой литературы» и антикоммуни-

стического искусства и поддерживали диктатуру Ли Сынмана, с 1953 г. начал выходить журнал «Сасанге» («Мир идей»), внушавший читателям критическое отношение к правящему режиму. Незадолго до падения Ли Сынмана, несмотря на сильные позиции аполитичных форм экзистенциализма⁶⁷ в южнокорейских литературных кругах, появилась литература, разоблачавшая социальное зло и выражавшая боль в связи с расколом нации.

Например, поэма Пак Бону «Линия перемирия» (1956 г.) была посвящена поискам «прекрасного пути», осуществляемого на фоне боли от раздела нации и страха перед возможностью новой войны:

О, это леденящее зрелище, когда две противоположные стороны пристально смотрят друг на друга...

В этом прекрасном месте неужели больше не осталось ни духа Когурё, ни легенд Силла?

Но небо, усыпанное множеством звезд, ведь по сути одно...

Почему здесь наши лица были преисполнены невыразимого страха?

Подобный языку ядовитой змеи страшный ветер, готовящийся загудеть еще раз,

Неужели ты вновь заставишь нас пережить те же самые испытания?

Сколько еще должны жить невинные цветы там, на перекрестке четырех ветров, где они сейчас?

Только это и есть «прекрасный путь»?

Революция 19 апреля 1960 г., поднявшаяся, когда протестная литература только начинала бросать вызов засилью «чистой» и антикоммунистической литературы, оказала огромное влияние на литературу и искусство. Во-первых, были распущены верно служившие Ли Сынману ВГОКО и «Антикоммунистическая группа деятелей искусств». Была создана новая, ориентированная на «национальную литературу» Послевоенная ассоциация литераторов (*Чонху мунхагин хёпхве*), призывавшая к «преодолению наложенных диктатурой объективных ограничений и

---

⁶⁷ Экзистенциализм (фр. *existentialisme* от лат. *exsistentia* — существование), философия существования — направление в философии XX в., рассматривающее человека как уникальное духовное существо, способное к выбору собственной судьбы. Экзистенция трактуется как противоположность эссенции (сущности). Если судьба вещей и животных предопределена, т. е. они обладают сущностью прежде существования, то человек обретает свою сущность в процессе своего существования. Основным атрибутом экзистенции является свобода, которая подразумевает тревогу за результат своего выбора. В Южной Корее экзистенциализм — с присущим ему субъективизмом, пессимистическим отношением к миру, подчеркиванием изначальной трагичности человеческого существования — стал популярен после Корейской войны. Он давал части интеллигентов возможность уйти от безрадостных картин общественной жизни в свой индивидуальный мир, по сути, являясь отражением тенденции к эскапизму — бегству от проблем действительности.

самооправданий политиков от литературы; и к активному творчеству во имя создания национальной литературы».

Потоком хлынули произведения, воспевавшие Апрельскую революцию и демократию. Это было пробуждение литературного мира, который в период режима Ли Сынмана был погружен в болото символизма, сюрреализма и экзистенциализма. Широко стало известно такое стихотворение, написанное ученицей младшей школы Кан Мёнхи:

Незабываемый день 19 апреля...

По дороге домой из школы
Летели пули,
Кровь покрывала улицы.
Забытый кем-то одинокий портфель
Был тяжел.
Я знаю, мы все знаем,
Почему старшие братья и сестры пролили кровь,
Хотя отцы и матери ничего об этом не говорили...

Как видно из нижеследующего стихотворения известного поэта Пак Туджина, весь литературный мир стал «пространством участия» и воспевал свободу и демократию:

Даешь подлинную демократию в политике!
Даешь подлинную свободу идей!
Даешь подлинное экономическое равенство
И подлинное равенство человеческих прав!
Наша цель — победа Родины.
Наша цель — победа во всем мире.
Наша цель — победа справедливости,
человечности, свободы, равенства, человеколюбия.
До тех пор пока мы не добьемся победы народа
и не отстоим нашу революцию,
Мы не можем опустить наше обагренное кровью знамя,
Не можем прервать kloкочущий кровью наш крик,
Не можем остановиться на нашем кровавом пути,
Прекратить наше движение вперед.
О, Революция!

Однако это новое в культурное среде течение сошло на нет после военного переворота 16 мая 1961 г. Военные власти издали приказ о роспуске всех политических, общественных, а также и культурно-художественных организаций, а в январе 1962 г. создали Всекорейское генеральное объединение художественно-культурных организаций — ВГОХКО (*Хангук есиль мунхва танчхе чхон ёнханпхве*) взамен существовавшего при Ли Сынмане ВГОКО.

Хотя после переворота активность деятелей культуры вновь сократилась, все же в литературе периода Пак Чонхи разоблачительные и критические тенденции в изображении реальности продолжали углубляться, чему способствовали интенсивное экономическое развитие, соглашение по нормализации отношений с Японией, отправка корейских солдат во Вьетнам, поправка в конституцию, позволившая Пак Чонхи баллотироваться на третий срок и т.д. Кроме того, росло понимание большой социальной роли литературы, повышалось историческое сознание литераторов.

В нижеприведенном стихотворении Син Донмуна 1963 г. Родина предстает зловещим, тоскливым пространством страдания, несправедливости и скорби:

Тихая провинция...
Теплая сельская дорога...
Ни войны, ни врага...
Только звук армейских сапог в ночи.
Разве тебя это не пугает,
О, моя Родина?
Разве тебе не надоело слышать и днем и ночью
«Вперед шагом марш!», «Назад шагом марш!» —
приказы, которые тяжелее, чем цепь,
О, моя Родина?
Разве тебя не возмущает их припев:
«Просто следуй за нами!»,
И то, что нам, без всякой нашей вины,
закрывают рот, уши и глаза?
О, моя Родина!

За опубликованный в примерно тот же период рассказ «Земля экскрементов» — о мести американцам со стороны деклассированного корейца, мать которого умерла после того, как ее изнасиловал американский солдат, — его автор Нам Джонхён был арестован. По Антикоммунистическому закону ему были предъявлены обвинения в анти-американизме и антиправительственной деятельности — и только потому, что этот рассказ о произволе американской военщины на Юге страны был вскоре после изначальной публикации перепечатан (без ведома автора) в литературной периодике КНДР. После более чем года в тюрьме и многочисленных протестов литературной общественности Нам Джонхёна выпустили (в связи с отсрочкой в судебном рассмотрении дела), но ярлык «прокоммунистического элемента» остался на нем надолго.

В этот период среди деятелей литературы, чье социальное и историческое сознание существенно возросло под влиянием Апрельской революции и военного переворота 16 мая 1961 г., вновь развернулась дискуссия между сторонниками так называемой «чистой» литературы и

теми, кто отстаивал необходимость активного участия литераторов в реальной жизни. После расцвета периода Апрельской революции и нового, вызванного военным переворотом, упадка одна часть литераторов вновь начала искать выход в натурализме, сюрреализме и модернизме, утверждая, что «искусство уже достигло своей цели, поскольку оно само и есть его цель», и выступала против отражения в литературе реальной жизни. Однако другая часть писателей была единодушна в том, что литература «только тогда значима, когда вносит вклад в решение реальных проблем нации, отражает ее историю и, в конечном счете, способствует укреплению самостоятельного национального самосознания». Известный критик и эссеист Ким Уджон так критиковал сторонников «чистой литературы»: «Можно понять сторонников “чистой литературы” в колониальной период. Они стремились к самосохранению, чтобы избежать репрессий японской полиции. Оставаться безразличными к крикам народа, наслаждаться стихосложением на лоне природы, заявлять, что они “омыты голубыми волнами”, и бояться загрязниться — разве не в этом суть “чистой литературы”?»

Литературный мир эпохи Ли Сынмана, в котором доминировали сторонники «чистой литературы» и теоретики антикоммунизма, после Апрельской революции 1960 г. пережил серьезные изменения, связанные с возникновением теорий «литературы участия». После военного переворота 16 мая 1961 г. он разделился на тех, кто стремился продолжать и дальше развивать «литературу участия», и тех, кто остался на позициях «чистой литературы». Однако возникшая в 1960-х годах и получившая широкое распространение «литература участия» и в дальнейшем продолжала развиваться, что привело к появлению теорий «национальной литературы».

Развитие теорий «национальной литературы»

Так называемое «государственно-национальное» (*кунмин*) литературное движение 1920-х годов не могло в условиях колониального гнета отражать реальные национальные проблемы и черпало вдохновение, главным образом, в историческом прошлом страны. В 1930-х годах оно лишилось каких-либо ориентиров и, хотя дожило до Освобождения, развернувшаяся тогда в литературных кругах дискуссия о новой национальной (*минджок*) литературе показала его полную несостоятельность. Теория «национальной литературы» в понимании писателей левой ориентации, которые концентрировались вокруг Союза корейских литераторов, предполагала в то время, что задача национальной литературы состоит в том, чтобы способствовать установлению демократического правительства, ставящего целью обеспечить самостоятельность и независимость нации и ее полное освобождение. В ней предпочтение отдавалось национальной, а не классовой литературе на

том основании, что «суть национальной литературы не в том, является ли она национальной или классовой, а в том является ли она национальной или анти-национальной».

Однако укрепление позиций правых привело к подчеркиванию методологических различий в подходах левых и правых к вопросам теории литературы. В то же время углубление конфронтации в мире в связи с «холодной войной» привело к провозглашению левыми теории «национальной литературы, основанной не на идеалах буржуазии, а на идеалах рабочих и крестьян».

С другой стороны, в принятом на учредительном собрании правой Всекорейской ассоциации писателей (ВАП) заявлении были выдвинуты другие принципы национальной литературы, служащей строительству демократического национального государства. В нем, в частности, говорилось: «Наше намерение состоит в восстановлении Родины, история которой была прервана, на идеалах демократии путем распространения представлений о том, что есть подлинно демократическое государство, где уважают человеческие права, защищают свободу, где нет деления на классы и на бедных и богатых... Мы намерены построить подлинно демократическую культуру, смыкающуюся с политикой, направленной на возрождение настоящей жизни после долгих лет борьбы за выживание». Выдвинутая ВАП теория национальной литературы, служащей созданию демократического государства, была практически идентична той, с которых на первых порах выступал Союз корейских литераторов. В ходе создания отдельных государств и углубления национального раскола она не получила развития. Литература послевоенной эпохи либо основывалась на теории «чистой литературы», полностью оторванной от политической, экономической и социальной реальности, либо (это касалось писателей, которых в определенной мере волновали проблемы национальной жизни) замкнулась в рамках антикоммунизма. Режим Пак Чонхи, озабоченный укреплением своей легитимности, подчеркивал «национальную самобытность» и проводил в области культуры ретроградный курс, центральной задачей которого было восстановление и сохранение консервативных черт традиционной культуры.

Однако, несмотря на все это, в 1970-х годах произошло возрождение теории национальной литературы, что было вызвано ростом национального самосознания в ходе движений за демократию и национальное воссоединение после Апрельской революции 1960 г. и подписания Совместного заявления Севера и Юга 4 июля 1972 г. Теория национальной литературы этого периода отличалась критическим отношением к состоянию дел в политике, экономике и общественной жизни. Она была продолжением движений за демократизацию и национальное объединение и характеризовалась осознанием общности проблем стран «третьего мира» и чувством солидарности с другими развивающимися странами.

Движение за национальную литературу 1970-х годов, главным рупором которого был основанный в 1966 г. ежеквартальный журнал «Чханджак-ква пипхён» («Творчество и критика») пошла дальше протестной литературы и «литературы участия» начала 1960-х годов. Оно систематизировало и применило теорию национальной литературы на практике. Национальная литература этого периода определялась как «литература, которая возникла в процессе преодоления пережитков феодализма, развилась как детище национально-освободительного движения и изображает реальный опыт народных масс, являющихся главной движущей демократической силой нации», а также как «литература, которая объединяет в себе современное антифеодалное и антиимпериалистическое сознание, которое является высшей ценностью национальной истории» (сформулировано известным критиком, профессором-германистом Ём Мууном из Ённамского Университета в Тэгу).

Эти определения содержали утверждение, что национальная литература — это та, которая изображает реалии жизни народа (*минджун*), вышедшего на арену как субъект истории и ответственного за выполнение исторических задач борьбы против наследия феодализма и гегемонии империализма. Таким образом, литература оказывалась напрямую связана с современными прогрессивными движениями.

Эта теория национальной литературы получила распространение в национальном культурном движении и, как видно из нижеследующей декларации, ее связь с национальными историческими задачами периода разделения еще более усилилась: «Миссия, возложенная на наше движение за демократическую культуру, состоит в том, чтобы конкретно отразить состояние народного движения, направленного на освобождение личности и национальное объединение, показать ему правильный путь развития и реализации. Для этого наше национальное культурное движение должно реально участвовать в борьбе за восстановление основных прав народа и улучшение условий жизни трудящихся масс. Нужны многосторонние усилия по развитию движений за национальную литературу и искусство, по анализу и критике официальной компрадорской культуры и созданию внесистемных СМИ и образования».

Национальное культурное движение объявило о необходимости присоединиться к движению за народное освобождение и права человека, и во имя осуществления высшей цели национальной истории эпохи раскола — демократического национального объединения — отвергнуть корейский шовинизм и восхваляющую «жертвы во имя государства» державническую (*кукка чисанджуый*) идеологию. Было подчеркнуто, что «движение за национальную литературу должно сделать очевидным тот факт, что оно является составной частью наиболее прогрессивного литературного течения в мире — литературы “третьего мира”» (известный критик Пэк Накчхон — профессор кафедры английской литературы Сеульского государственного университета).

Создание теории национальной литературы в 1970-х годах нашло отражение в литературных произведениях и практических действиях. В своей поэме 1967 г. «Прочь, шелуха! (*Ккоптеги-нын кара*)» поэт Син Донъёп (1930–1969) подчеркнул, что лучшей частью народа являются лишь те, кто стремится к национальному объединению:

Прочь, шелуха!
Пусть останутся лишь семена Апреля!
Прочь, шелуха! Прочь, шелуха!
С переправы тонхаковских лет звучит вопль:
«Прочь, шелуха!»
И потому опять: Прочь, шелуха!
В этом месте встретились два сердца.
Асадаль и Асанё
Стоят перед свадебным алтарем⁶⁸.
Как они застенчивы!
Они кланяются друг другу, и потому
Прочь, шелуха!
От Халласана до Пэктусана
Пусть будет лишь благоухающая земля.
Сгинь, железо войны!

В произведениях тех лет: поэмах «Пять бандитов (*О чок*)» Ким Джиха и «Крестьянский танец» (*Нонму*) Син Гённима, романе «Чужая земля» (*Кэкчи*) Хван Согёна, — разоблачалась коррупция и нашли отражение процесс роста самосознания рабочих и отчаянное положение крестьян.

Протест литераторов против системы *юсин* проявился и в конкретных действиях. 24 октября 1974 г. была опубликована «Декларация за реализацию свободы СМИ» (*Чаю оллон сильчхон сонон*), получившая широкое распространение в журналистских кругах. Это стало толчком к созданию 18 ноября 1974 г. Ассоциации писателей за осуществление свобод (АПОС — *Чаю сильчхон мунин хёбыххе*), в которую сразу вступили свыше ста литераторов. Они потребовали освобождения политзаключенных, а также свободы прессы, публикаций и собраний,

---

⁶⁸ Согласно одной из старых буддийских легенд, строительством храма Пульгукса в столице Силла Кёнджу (конец VIII в.) руководил пэкческий зодчий Асадаль. Пришедшая на стройку жена его, Асанё, желала повидаться с мужем, но тот, стремясь побыстрее окончить работу, попросил ее подождать у соседнего «Пруда Теней» (*Ёнджи*), сказав, что придет, как только на воду пруда упадет тень от построенной храмовой пагоды. Не дождавшись этого момента, Асанё бросилась в воды пруда и покончила с собой, а вскоре прибежавший к пруду Асадаль, увидев на водах пруда тень от облика своей жены, последовал за ней. В корейском фольклоре — символ чистоты и преданности.

свободы создания организаций, свободы совести и самовыражения, пересмотра трудовых законов в соответствии с демократическими принципами. Члены АПОС внесли вклад в борьбу с диктатурой и своим творчеством, в котором нашли отражение идеи демократии и национального объединения. Об этом свидетельствует нижеследующая поэма бывшего буддийского монаха Ко Ына:

Глядя на полевые цветы и воду в глуши,
Я принял решение целый день идти горными тропами провинции Канвон⁶⁹.
Все бессмысленно, если не произойдет Объединение Юга и Севера.
Даже демократия, о которой мы так мечтаем, не имеет смысла.
Единственное, что имеет смысл — это Объединение.
Человек, который брюзжит, идя вслед за быком по вечерней дороге в горах,
Мечтает хотя бы во сне, при свете факела, что будет жить в нашей единой стране.
Нет, мы не закончим свои дни в стране, разделенной на две части.
Наша страна — не две части, где мы едим и спим.
Завтра наступит день объединения Юга и Севера.
Завтра, которое мы призывали миллионы раз.
Завтра я взберусь на вершину Чхонбон, к небесам,
И отрежу свою голову, чтобы хотя бы она увидела там, вдали, дорогой сердцу
Кымгансан.

Можно сказать, что движение за национальную литературу 1970-х годов развивалось в трех основных направлениях. Первое: предпринимались активные усилия по созданию теории национальной литературы. Второе: национально-исторические задачи отражались в литературных произведениях намного активнее, чем раньше. Третье: выработанная теория не только нашла воплощение в литературных произведениях, но и реально проводилась писателями в жизнь.

Углубление теорий «национальной литературы»

После прихода к власти режима Чон Духвана, в начале 1980-х годов, писательские круги страны подверглись репрессиям. 31 июля 1980 г. были закрыты ежеквартальные журналы «Чханджак-ква пипхён» («Творчество и критика») и «Мунхак-ква чисон» («Литература и интеллект»), стоявшие в авангарде движения за национальную литературу в 1970-х годах. Однако продолжал выходить ежеквартальный журнал «Сильчхон мунхак» («Реальная литература») и активизировался выпуск нерегулярных альманахов: «Оволь си» («Майская поэзия»), «Си-ва кёндже» («Поэзия и экономика»), «Сальм-ый мунхак» («Литература

⁶⁹ Канвон — гористая провинция, имеющаяся и в Южной, и в Северной Корее, разделена 38-й параллелью.

жизни»), — из-за чего этот период получил название «период альманахов» (*мукхыджиджи сидэ*). Эти издания избежали репрессий со стороны режима и продолжили традиции литературы предшествовавшего десятилетия, получив широкое распространение среди сторонников национально-демократического литературного движения.

После прихода к власти Чон Духвана АПОС подверглась репрессиям и на время прекратила свою деятельность, но затем ей удалось возродиться, опираясь на молодых писателей, пришедших в литературу с началом «периода альманахов». 1 августа 1985 г. АПОС опубликовала «Декларацию 401 литератора за свободу творчества и самовыражения», а затем (в феврале 1987 г.) — «Декларацию писателей 1987 г. за реализацию свободы», которые резко контрастировали с деятельностью поддерживавших режим Чон Духвана Всекорейского генерального объединения художественно-культурных организаций (*Ечхон*) и Ассоциации корейских писателей (*Хангук мунин хёбыйхве*). В дальнейшем (17 сентября 1987 г.) АПОС изменила название на Национальную ассоциацию литераторов (*Минджок мунхак чакка хвеий*); его председателем стал профессор Пусанского Университета, прозаик Ким Джонхан (1908–1996). После организационной реформы этой организации число ее членов превысило 700 человек.

Наряду с областью литературы, серьезный взлет пережило в 1980-х годах демократическое народное искусство (*минджун есульт*). В апреле 1980 г. была создана первая в истории организация, представлявшая протестное искусство масс, — Объединение народных культурных ассоциаций (*Минджун мунхва хёбыйхве хан туре*), продолжившее творческие традиции возникшего на базе начавшегося в предшествовавшее десятилетие Движения за возрождение танца в масках и других подобных движений. Активизировалось движение «малых театров». 14 апреля 1984 г. была создана Ассоциация народного культурного движения — *Минмунхёп* (*Минджун мунхва ундон хёбыйхве*), куда вошли деятели культурно-художественной сферы: литературы, живописи, театра, музыки.

Минмунхёп приняла активное участие в развернувшихся в то время дискуссиях по выработке теории социальных реформ, придавая значительное внимание вопросам «народности» (*минджунсон*) и «рабочей классовости» (*нодонджа кегын танхасон*) своей деятельности. В результате в 1986 г. она сменила свое название на Ассоциацию за народную культуру — ОНКД (*Минджун мунхва ундон ёнхан*). В результате активизации народного и рабочего движения во второй половине 1980-х годов в 1989 г. ОНКД слилось с Институтом по изучению литературы и искусства — объединением исследователей молодой литературы и искусства нового поколения. В результате возникло Объединение литературно-художественного движения трудящихся, которое ставило целью развивать творческую деятельность, способствующую выработке классового сознания и продвижению движения за реформы в целом, не связывая себя с узкими задачами текущей повестки дня.

В этот период также были созданы Национальная ассоциация организаций культурного движения рабочих, которая действовала, в первую очередь на производстве и фокусировала внимание на решении конкретных проблем культурной жизни рабочих, а также Объединение культурно-художественных организаций рабочих Сеула, выпускавшее художественно-пропагандистские материалы к забастовкам и демонстрациям.

В художественной области также продолжались начавшиеся десятилетием раньше усилия по объединению искусства с реалиями жизни. С развитием в 1980-х годах национального демократического движения возросла потребность в звуковых и визуальных пропагандистских материалах, и ряд прогрессивных художников принял активное участие в работе по их подготовке. Их усилиями были созданы и активно действовали такие группы как «Хёнсиль-гва парон» («Реальность и слово») и «Имсуллён» («1862 г.» — в память о крестьянских восстаниях этого года), а также организованы тематические выставки «Дух эпохи» и «40 лет после Освобождения». Деятельность этих организаций привела к созданию 22 ноября 1985 г. Национальной художественной ассоциации. Следом были созданы организация профессионалов сцены — Всекорейская ассоциация национального театрального движения и, 23 декабря 1988 г., Корейская генеральная федерация деятелей национального искусства — *Минечхон* (*Хангук минджок есурин чхон ёнхп*), которое объединяло комитеты, представлявшие различные сферы искусства: литературу, театр, кинематограф, шаманские песнопения, архитектуру, живопись, музыку, танец, фотографию. Сопредседателями *Минечхон* были выбраны поэты Чо Сонгук и Ко Ын и критик-искусствовед Ким Юнсу. Это была первая после Корейской войны федерация, объединившая прогрессивных деятелей культуры и искусства. *Минечхон*, с одной стороны, инициировала петиционное движение, направляя правительству заявления и декларации, связанные с актуальными проблемами страны, а с другой — активно участвовала в укреплении солидарности с общенациональным и народным движениями внутри страны и народными культурными движениями за рубежом, организовывала крупномасштабные представления, выступала с анализом и критикой правительственной политики в области культуры.

В 1980-е годы, которые начались с народного восстания в Кванджу, повышенное внимание уделялось «народности» и «классовости» и связи литературы с социальными вопросами и подвергалась критике непоследовательность в изложении принципа «народности» в теории национальной литературы. В первом выпуске альманаха «Мунхак есульт ундон» («Литературно-художественное движение»), посвященном «национальной литературе переходного периода» (1987) были подвергнуты критике Пэк Накчхон и другие видные теоретики нацио-

нальной литературы 1970-х годов за их «неспособность преодолеть мелкобуржуазные представления». Были также выдвинуты принципы «народной национальной литературы» (*минджунджок минджок мунхак рон*), предполагавшие дальнейшее укрепление сплоченности литературного и народного движений и передачу руководства литературного движения от интеллигенции к образованным представителям пролетариата.

Известный корейский теоретик критического марксизма Чо Джонхван, признавая идейную целостность и объективность теории национальной литературы 1970-х годов, все же подверг критике ее классовую ограниченность. Он указал, что она обладала лишь абстрактным пониманием «народности» и не имела классового чутья, а потому и не могла прийти ни к чему иному, кроме как к утверждению гегемонии мелкой буржуазии. Чо Джонхван выдвинул новую концепцию — «демократической национальной литературы» (*минджуджуый минджок мунхак*), отражающей партийность и идейное лидерство самого последовательного сторонника демократии — рабочего класса.

Во второй половине 1980-х годов, отмеченной подъемом народного движения и поисками новых путей развития движения за социальные реформы, этап теоретических разногласий в национальной литературе был преодолен и стали предприниматься шаги по поиску новых идеалов литературного движения. Возникли новые течения: «литература освобождения труда», отрицавшая рамки «теории национальной литературы» как таковые; испытывавшая влияние северокорейских идей *чучхе* «теория литературы национального Освобождения»; и «литературно-художественная теория освобождения труда», критиковавшая партийность «теории литературы освобождения труда» как проявление субъективизма.

Однако эти дебаты не лишили теорию национальной литературы ее прогрессивности и научного характера. Наоборот, в ходе них эта теория систематизировалась, углубилось осознание природы национального раскола и марксистское понимание принципа «партийности» — т.е. взаимоотношения между литературой и организованной борьбой за освобождение труда. В 1980-х годах теория национальной литературы поднялась на новый уровень, благодаря взаимодействию с «теорией народной литературы» и «теорией социалистической литературы». Происходивший в это время поиск новых, основанных на классовом сознании, литературных подходов способствовал прогрессу в изображении жизни народа, особенно рабочего класса. В этот период в литературу пришли поэты и писатели рабочего происхождения: Пак Нохэ, Пан Хёнсок, Чон Хваджин. Пак Нохэ писал простые и непритязательные стихи, где описывал испытываемые рабочим классом угнетение и неравенство и выражал веру в необходимость преодолеть классовый гнет. Вот что он писал в поэме «Могила рук (*Сон мудом*)».

Эта поэзия вышла за рамки простого и ужасающе-натуралистичного описания конкретного примера классового противостояния. В показе скрытых в обыденной реальности противоречий, увиденных острым глазом рабочего с «разбуженным» сознанием, были открыты новые направления в развитии национальной литературы. Как высокохудожественное изображение реалий жизни трудящихся получили признание произведения Чон Хваджина и Пан Хёнсока, написанные на основе личного опыта. В этот период начали обращаться к описанию рабочей жизни и писатели-выходцы из интеллигенции. Однако с другой стороны, произведения писателей-выходцев из рабочей среды подвергались критике за то, что они «концентрируют внимание на усилиях рабочих освободить себя и не достигли еще той фазы зрелости, которая необходима, чтобы говорить о народных и национальных проблемах».

⁷⁰ Отмечается в Республике Корея 5 мая.

ские настроения и выступления. Это отчетливо отразилось в литературной деятельности. Многие поэты и писатели стали изображать США как первопричину национального раскола. Одним из них был, например, автор поэмы «Бойня-1 (*Хаксаль-1*)» Ким Намджу (1946–1994), который в период правления Пак Чонхи провел много лет за решеткой, куда попал в связи с «делом о Фронте национального освобождения Южной Кореи»⁷¹:

О, моя страна,
С телом, малым, как у моей сестры,
С длинной талией, как у моей возлюбленной,
Кто разделил себя на Север и Юг?
Кто превратил мои деревни и мои города в царство демона войны
Ашуры?
Кто воткнул железные шипы вместо цветов в мои раны, когда я
стою с согбенной спиной?
Это сделала Америка, которая говорит о своей любви к свободе
и миру,
А сама, манипулируя из-за кулис марионетками,
Планомерно убивает их руками народ,
Который борется за освобождение и независимость своей Родины.
О, Америка!
Взгляни на истекающее кровью сердце моей Родины,
Расстрелянное пулями, которые ты продала.
Посмотри на залитые кровью
Волосы убитой девушки.
Посмотри на распоротый мечом живот беременной женщины
Посмотри в ясные глаза убитых детей.

В 1980-х годах, наконец-то, начали преодолевать идеологию антикоммунизма, усиленную Корейской войной. Это дало возможность писателям, которые начали касаться проблемы раздела с 1970-х годов, изображать современную историю с более объективных позиций. В романе «Горы Тхэбэксан (*Тхэбэк санмэк*)» писатель Чо Джоннэ отказался от антикоммунистической идеологии и описал ожесточенную классовую и антиимпериалистическую борьбу и процесс национального разделения так, что это получило отклик по всей стране. С другой

---

⁷¹ «Фронт национального освобождения Южной Кореи» (*Намминджон*) — раскрытая властями в октябре 1979 г. подпольная организация радикальной интеллигенции, ставившая своей целью свержение диктатуры Пак Чонхи и проведение затем в стране социалистических преобразований. Организация признавала вооруженное восстание одним из важнейших методов борьбы с диктатурой Пак Чонхи. Ее лидеры были приговорены к смертной казни или длительным срокам тюремного заключения. Реабилитированы в 2006 г., в том числе посмертно.

Рис. 46. Поэт-революционер Ким Намджу декламирует свои стихи. В 1980–1987 гг. поэт находился в заключении, причем тюремная администрация первоначально даже отказывалась снабжать его бумагой и письменными принадлежностями. Ряд своих лучших стихов этого периода Ким Намджу написал огрызком карандаша на спичечных коробках, нелегально передававшихся затем на свободу. «Самиздатовские» издания стихов Ким Намджу распространялись по всей стране. Поэт безвременно скончался в 1994 г. от последствий пыток.

стороны, продолжалась творческая деятельность таких поэтов как Ко Ын и Син Гённим, пришедших в литературу в 1970-х годах. Особенное признание (как произведения, открывшие новые направления в литературе) получили сборники стихов Ко Ына «Генеалогия для всех (Манинбо)» и «Звезда Родины (Чогуг-ый пёль)» и его же эпическая поэма «Пэктусан».

Однако перед национальной литературой, в которой в 1980-х годах установился классовый подход, все еще стоит задача преодолеть свойственную раннему этапу ограниченность и по-новому отразить национальную действительность через призму «разбуженного» сознания рабочего класса как носителя подлинных идеалов нации и народа. Когда в 1990-х годах, в условиях меняющейся ситуации в стране и мире, эта задача будет выполнена, национальная литература увидит реальные плоды, к которым она стремилась с 1970-х годов.

Использованная литература

- Хэбан мунхак исимнён (Литература за двадцать лет после Освобождения) / Хангук мунин хёпхве (Ассоциация корейских писателей). Сеул: Чхонымса, 1971.
- Им Хонён. Мунхак нонджэн чип (Сборник литературных дебатов). Сеул: Тхэгык чхульпханса, 1976.
- Пэк Накчхон. Минджок мунхак-ква сего мунхак (Национальная литература и мировая литература). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1979.
- Пэк Накчхон. Инган хэбан-ый нолли-рыль чхаджасо (Освобождение человека: в поисках логики). Сеул: Сининса, 1979.
- Ём Муун. Минджун сидэ-ый мунхак (Литература эры народа). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1979.
- Ку Джунсо. Пундан сидэ-ый мунхак (Литература эры раздела). Сеул: Чхоневон, 1982.
- Чхве Вонсик. Минджок мунхаг-ый нолли (Логика национальной литературы). Сеул: Чханджак-ква пипхёнса, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронологическая таблица 1.

КОРЕЯ 1904–1945 гг.

- 9 января 1904 г. — российские войска начали выдвижение на передовые позиции в районе реки Амноккан (Ялуцзян).
- 13 января 1904 г. — Коджон издал декларацию о нейтралитете Кореи.
- 6 февраля 1904 г. — Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Японская эскадра под командой вице-адмирала Того выдвинулась в корейские воды.
- 9 февраля 1904 г. — начало Русско-японской войны. Битва крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой из шести бронированных крейсеров и восьми миноносцев в заливе у порта Чемульпхо (Инчхон). Ввод японских войск в Корею.
- 10 февраля 1904 г. — Япония официально объявила войну России.
- 23 февраля 1904 г. — подписан «Союзный Договор» между Кореей и Японией, позволивший японцам «давать политические рекомендации корейскому правительству» и «временно занимать стратегически важные пункты».
- 26 апреля — 7 мая 1904 г. — русско-японское сражение на реке Амноккан (Ялуцзян), окончившееся победой японцев. За ним последовал перенос основных военных действий в Маньчжурию.
- 18 мая 1904 г. — корейский двор под давлением японцев денонсировал все имеющиеся договора с Россией.
- 31 мая 1904 г. — взят курс на превращение Кореи в японский протекторат. Японский кабинет принял решение дислоцировать на постоянной основе свои войска в стратегически важных районах Кореи, взять в свои руки ее международные связи, сократить корейскую армию до небольшого отряда дворцовой охраны.

---

* Сост. Т. М. Симбирцева, общ. ред. В. М. Тихонов.

- 18 июля 1904 г. — основана газета «Тэхан мэиль синбо», тайно финансирувавшаяся Коджоном. Также издавалась на английском языке («Korean Daily News»).
- 22 августа 1904 г. — подписано т.н. «Первое корейско-японское соглашение», которое обязало корейское правительство приглашать японских советников или рекомендованных японцами иностранцев на работу в основные министерства. Начался отзыв корейских дипломатов из миссий за рубежом.
- Август 1904 г. — на японские деньги создано прояпонское общество *Ильчинхве* («Единение и Прогресс») во главе с Сон Бёнджуном.
- Ноябрь 1904 г. — тайная поездка по приказу Коджона протестанта Ли Сынмана к президенту США Т. Рузвельту, закончившаяся неудачей.
- Июнь 1905 г. — японскому «Дайити Гинко» переданы функции центрального банка Кореи. Личные средства Коджона на его счетах переведены в распоряжение прояпонского кабинета министров.
- Лето 1905 г. — с тайной миссией к Николаю II послан Ли Ёнъик, доверенное лицо Коджона. Прибыв в Петербург 27 ноября, он предложил российскому правительству концессии в Корее и просил от имени Коджона о принятии Кореи под российское покровительство.
- 29 июля 1905 г. — заключено тайное соглашение между японским премьером Кацура и личным представителем президента Т. Рузвельта военным министром США Тафтом, в котором США признавали господство японцев в Корее в обмен на отказ Японии от претензий на колонизированные Америкой Филиппины.
- 23 августа 1905 г. — подписан Портсмутский мирный договор, по которому Россия признала «преобладающие интересы Японии» в Корее. Японский кабинет принял решение об установлении протектората над Кореей. Для его осуществления в Хансон (Сеул) отправился глава Тайного Совета Ито Хиробуми.
- В ночь с 17 на 18 ноября 1905 г. — подписан Договор о протекторате (*Ыльса чояк*), лишивший Корею права дипломатических контактов и передававший администрацию под контроль японского генерального резидента.
- 2 марта 1906 г. — Ито Хиробуми вступил в обязанности японского генерального резидента в Корее.
- 14 апреля 1906 г. — по инициативе Юн Хёджона, Юн Чхихо и Чан Джихёна в столице создано «Общество самоусиления Кореи» (*Тэхан чаганхве*) — первое просветительское общество общенационального уровня — с целью «развивать народное просвещение и предприни-

мательство, повышать культурный уровень народа и таким образом заложить фундамент независимости через развитие внутренних сил».

Октябрь 1906 г. — в Хансоне создано «Общество друзей Запада» (*Сохакхве*) — первое в Корее местное просветительское общество.

Февраль 1907 — 1908 гг. — массовое движение за выплату корейского долга Японии (13 млн. иен), в котором националистическая буржуазия впервые выступила в роли общенационального лидера.

Апрель 1907 г. — Ан Чханхо и Ян Гитхак основали в Пхеньяне тайное «Общество нового народа» (*Синминхве*), ставившее целью «всестороннее обновление нации», возвращение независимости и установление республики.

15 июня — 18 октября 1907 г. — 2-я Международная мирная конференция в Гааге, на которую Коджон тайно послал своих доверенных лиц (Ли Сансоля, Ли Джуна, Ли Виджона) с поручением выступить с разоблачением сфабрикованного японцами Договора о протекторате. Они не были допущены к участию в конференции, но через прессу рассказали международной общественности о творимых японцами в Корее беззакониях.

19 июля 1907 г. — вооруженные столкновения между корейскими военными и японской полицией на улицах Хансона (Сеула).

21 июля 1907 г. — отречение от престола императора Коджона в пользу наследника — сына королевы Мин принца Ли Чхока (1874–1926), впоследствии получившего посмертное тронное имя Сунджон.

24 июля 1907 г. — корейско-японское соглашение, позволившее назначать рекомендованных генеральным резидентом японцев на все официальные посты в Корее вплоть до уровня заместителя министров и требовавшее от корейского правительства следовать руководству генерального резидента во всех значимых политических актах. Секретный протокол к соглашению предусматривал роспуск корейской армии.

Июль 1907 г. — в регионе Хонам (пров. Северная и Южная Чолла) создана просветительская организация «Хонамское ученое общество» (*Хонам хакхве*), которое сочетало идеи *сирхак* с культом Тангуна и заимствованными у Лян Цичао эволюционистскими представлениями.

1 августа 1907 г. — официальная церемония роспуска корейской армии. Указ об этом от имени Сунджона опубликован накануне. Бунт в Сеуле.

1907 г. — организован подпольный штаб лидеров «армий справедливости» (*ыйбён*) всех 13 корейских провинций.

1907–1910 гг. — разгар вооруженной борьбы отрядов *ыйбён* против японских колонизаторов. Убито 17 тыс. и ранено 36 тыс. участников «армий справедливости» и подозревавшихся в связях с ними. Пик сопротивления — 1908 г. (1976 столкновений, в которых участвовало более 80 тыс. корейских бойцов).

Август 1907 г. — разгон «Общества самоусиления Кореи» за участие в демонстрациях против насильственного отречения Коджона.

Ноябрь 1907 г. — объединенные силы *ыйбён* (10 тысяч бойцов из пров. Чхунчхон, Канвон и Кёнги) безуспешно попытались отбить у японцев Сеул.

10 ноября 1907 г. — конец 1910 г. — деятельность «Корейского общества» (*Тэхан хёпхве*), созданного бывшими членами «Общества самоусиления Кореи» и приверженцами религии *чхондогё*. Занималось правозащитной работой на местах, сбором средств на строительство школ, а также популяризацией современных государственно-правовых идей и критикой «устаревших и вредных обычаев» в своем ежемесячном журнале.

1907 г. — основан Хансонский аграрно-индустриальный банк (*Хансон нонгон ынхэн*).

Январь 1908 г. — конец 1910 г. — деятельность «Западного и Северного общества», образованного путем объединения «Общества друзей Запада» с просветительским обществом провинций Южная и Северная Хамгён. Уделяло основное внимание техническому образованию народа, издавало ежемесячный журнал.

23 марта 1908 г. — убийство патриотами-эмигрантами Чон Мёнуном и Чан Инхваном в Сан-Франциско американского советника бывшего корейского МИД Д.В. Стивенса, чья кампания по пропаганде «японских достижений в модернизации Кореи» в США щедро финансировалась японским правительством.

Август 1908 г. — суд над редактором «Тэхан мэиль синбо» Ян Гитхаком по сфальсифицированному обвинению в хищении средств, собранных газетой в ходе народного движения за выплату корейского долга Японии.

1908 г. — бывшим просветителем На Чхолем создана новая религия *тэджонгё*, основанная на поклонении «предку нации» Тангуну и бывшая аналогом японского *синто* — государственного националистического культа.

3 октября 1908 г. — полиция получила право наказывать мелких правонарушителей штрафами и тюремным заключением без суда, в адми-

нистративном порядке. К корейцам, «согласно корейской традиции и практике», разрешалось применять телесные наказания, к японцам не применявшиеся.

Июнь 1909 г. — на должность генерального резидента вместо Ито Хиробуми заступил сторонник радикальных действий в корейском вопросе барон Сонэ Арасукэ (1849–1910).

6 июля 1909 г. — японский кабинет принял решение о полной аннексии Кореи сразу по получению согласия на это держав Европы и США (согласование было закончено к весне 1910 г.)

Октябрь — ноябрь 1909 г. — контроль над тюремной системой и судопроизводством Кореи полностью передан японской администрации.

26 октября 1909 г. — убийство в Харбине корейским патриотом Ан Джунгыном (1879–1910) одного из главных «архитекторов» японской колонизаторской политики в Корее Ито Хиробуми. Ан Джунгын был приговорен японским судом к смерти и повешен в тюрьме Порт-Артура 26 марта 1910 г.

4 декабря 1909 г. — прояпонское общество *Ильчинхве* подало «Прошение о присоединении Кореи к Японии», призванное создать для западной и японской публики иллюзию господства японофильских настроений в общественном мнении Кореи.

Май 1910 г. — на должность генерального резидента назначен генерал Тэраути Масатакэ (1852–1919), чьей задачей было формальное оформление колонизации страны.

22 августа 1910 г. — прояпонский кабинет Ли Ваньёна подписал (с опубликованием 29 августа) «Договор о присоединении Кореи к Японии», сделавший Корею японским «генерал-губернаторством Тёсэн». Этот день вошел в историю Кореи как «день национального позора». Опубликован указ «Об аристократах Кореи», который присваивал 76 высшим чиновникам старого корейского правительства наследственные аристократические титулы.

Ноябрь 1910 г. — японская администрация выплатила денежное вознаграждение 9721 «пожилому почтенному конфуцианцу».

Декабрь 1910 г. — генерал-губернаторством издано «Положение о коммерческих компаниях» (*Хвесарён*), согласно которому, на создание новых компаний требовалось особое разрешение центральных властей колонии.

30 декабря 1910 г. — опубликован указ «О департаменте государева двора бывшей династии Ли», согласно которому в штат департамента, занимавшегося обслуживанием бывших государей Кореи, вклю-

чено 198 корейских и японских чиновников на годовом бюджете в 1,5 млн. иен.

Март 1912 г. — во Владивостоке началось издание газеты «Квоноп синмун», редактором которой был до 1913 г. известный публицист и историк Син Чхэхо. Газета была закрыта после вступления России в первую мировую войну в союзе с Японией против Германии.

Май 1913 г. — протестантский активист Ан Чханхо основал в Калифорнии «Академию по воспитанию благородных мужей» (*Хынсандан*), чтобы прививать подрастающему поколению корейской эмиграции «христианские и американские ценности».

1915 г. — Пак Санджин, ученик казненного японцами лидера *ыйбён* Хо Ви, создал тайный «Союз возрождения Кореи» (*Тэхан кванбокхве*) — одну из первых организаций внутри страны, ставивших целью вооруженную борьбу с захватчиками.

Октябрь 1916 г. — в журнале «Свет Знания» в Токио опубликована первая в истории корейской прессы статья о проблемах рабочего движения. Автор — студент университета Васэда Ким Чхольсу (в будущем — ответственный секретарь подпольной Компартии Кореи).

Июль 1917 г. — Пак Ынсик и другие лидеры корейской эмиграции в Китае издали «Декларацию национального единения» (*Тэдон тангэль сонон*), в которой заявили, что монархия в Корее исчерпала себя, и предложили создать временное корейское правительство в изгнании на основе республиканских принципов.

Август 1917 г. — Чо Соан (в будущем — теоретик «прогрессивного национализма» корейской эмиграции) принял участие в работе международной социалистической конференции в Стокгольме, где разоблачил миф о «прогрессивности» японского колониализма в Корее.

20 ноября 1917 г. — в «Обращении ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока» Советская Россия заявила о своем стремлении «помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу» и прямо указала на ряд аннулированных ею договоров, противоречивших интересам полуколониальных и зависимых народов Азии. Обращение нашло широкий отклик в Корее.

8 января 1918 г. — в обращении к Конгрессу президент США В.Вильсон изложил знаменитые «14 пунктов», включавшие, в частности, «справедливое разрешение колониальных вопросов с принятием во внимание интересов населения колоний» — пункт, истолкованный корейской националистической интеллигенцией как признание права народов колоний на самоопределение.

8 февраля 1918 г. — корейские студенты в Токио приняли «Декларацию независимости». В ней, выражая Японии «благодарность за избавление от китайской зависимости и опасности русской агрессии», они просили Японию вернуть Корее независимость, «так как ни Россия, ни Китай более не угрожают нам, и нет причин оставаться в составе Японской империи». Формулировки были лояльными, но сам факт упоминания о независимости Кореи оказал большое влияние на состояние умов внутри страны.

Июнь 1918 г. — в Хабаровске создана Партия корейских социалистов (*Ханин сахведан*), состоявшая в основном из националистов — недавних эмигрантов.

Январь 1919 г. — начало работы Версальской мирной конференции, на которую корейскими эмигрантами в Шанхае был послан протестантский националист Ким Гюсик. Он не получил возможности официально участвовать в конференции, но сделал немало для информирования международной общественности о действительной ситуации в Корее. Также консервативные конфуцианские ученые из провинции Северная Кёнсан послали на Версальскую конференцию петицию о независимости страны на классическом китайском языке.

22 января 1919 г. — кончина бывшего императора Коджона, последнего правителя свободной Кореи. Тысячи людей потянулись в столицу, чтобы участвовать в его похоронах. Слухи, что он был отравлен японцами, усиливали волнение в обществе.

1 марта 1919 г. — начало Первомартовского движения — самого крупного в корейской истории выступления против колонизаторов (2 млн. участников). В парке «Пагода» в центре Кёнсона (яп. Кэйдзё, как в колониальный период назывался Сеул) зачитана «Декларация независимости», после чего демонстрации развернулись по всему городу и вскоре охватили всю страну.

Март — май 1919 г. — при разгоне демонстраций и в тюрьмах скончалось 8 тыс. корейцев, еще 16 тыс. ранено, 47 тыс. человек арестовано.

13 апреля 1919 г. — корейскими политэмигрантами создано Шанхайское временное правительство во главе с Ли Сынманом. К концу 1920-х годов его практическим главой стал Ким Гу — бывший член «Общества нового народа».

Август 1919 г. — новым генерал-губернатором Кореи стал отставной адмирал барон Сайто Макото. Начало периода японского «культурного правления» в Корее, по контрасту с «сабельным» режимом 1910-х годов.

- Конец 1919 г. — в Маньчжурии создан *Ыйёльдан* («Корпус героев справедливости») — революционная организация, сочетавшая элементы радикального национализма и анархизма и ставившая целью «прямые действия» (нападения на органы японской власти в Корее и убийства японских чиновников и японских пособников).
- 5 марта 1920 г. — основана газета «Чосон ильбо» («Корейский ежедневник»), которую возглавляли радикальные националисты и в штате которой было несколько журналистов-членов компартии.
- 1 апреля 1920 г. — вышел в свет первый номер газеты «Тонъя ильбо» («Восточноазиатский ежедневник»), главным редактором которой стал выходец из разбогатевшего *янбанского* клана Ким Сонсу.
- 1920 г. — основано Корейское общество рабочей взаимопомощи, которое подпало вскоре под влияние радикальных социалистов (в том числе коммунистического направления).
- 1921–22 гг. — реформы в области образования.
- Май 1921 г. — в Иркутске прошел учредительный съезд Корейской коммунистической партии («иркутской»), состоявшей в основном из родившихся на российской территории этнических корейцев — в большинстве своем российских граждан и членов РКП(б).
- 21 января 1922 г. — Съезд народов Дальнего Востока в Москве. Его участник Ё Унхён, официальный глава Корейской эмигрантской ассоциации Шанхая, встретился с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким.
- 1924 г. — в Кёнсоне открылся Императорский университет (ныне — Сеульский государственный университет).
- 1924 г. — в Кёнсоне создана подпольная коммунистическая группа «Общество вторника» (*Хваёхве*: во вторник родился Карл Маркс), связанная с «иркутской» компартией. В Токио корейскими студентами создано сходное по настрою «Общество северного ветра» (*Пукххунхве*).
- 1924 г. — «Корейское общество рабочей взаимопомощи» переформировано в Корейскую рабоче-крестьянскую федерацию, ставившую задачей-максимум «освобождение пролетариата в борьбе с буржуазией и строительство нового общества».
- Март 1925 г. — крупная забастовка печатников Пхеньяна, которые требовали введения 8-часового рабочего дня, норм минимальной заработной платы и системы «закрытого цеха» (обязательного вступления все работающих на предприятии в профсоюз).

- 17–18 апреля 1925 г. — в Кёнсоне на базе «Общества вторника» и при участии «Общества северного ветра» создана первая в истории Кореи нелегальная коммунистическая партия (разгромлена полицией в декабре того же года). Под руководством Пак Хонёна создан корейский комсомол.
- 7 мая 1925 г. — японской администрацией принят «Закон по охране общественного порядка», признававший преступными любые речи и действия, направленные на изменение существующей социально-политической системы.
- Август 1925 г. — создана Корейская федерация пролетарского искусства.
- 10 июня 1926 г. — крупные антияпонские демонстрации в Кёнсоне по случаю похорон Сунджона — последнего корейского монарха.
- Декабрь 1926 г. — группа революционеров во главе с Ким Чхольсу воссоздает подпольную Коммунистическую партию Кореи.
- Февраль 1927 г. — май 1931 г. — деятельность «Общества новой основы» (*Синганхве*), созданного вступившими в союз радикальными националистами (в т. ч. религиозными) и коммунистами. Ставило правозащитные, просветительские и политические задачи, стремясь представлять интересы корейской нации как единого целого.
- 1927 — 1933 гг. — деятельность под лозунгом «землю — крестьянам» Корейской крестьянской федерации, находившейся под сильным влиянием нелегальных коммунистических групп. В целом радикальное крестьянское движение на местах было подавлено к концу 1930-х годов.
- 1929 г. — всеобщая четырехмесячная забастовка в Вонсане.
- 24 октября 1929 г. — биржевой крах в Нью-Йорке; начало мирового экономического кризиса и эпохи активного вмешательства государства в экономику.
- Ноябрь 1929 г. — бунт школьников в Кванджу (пров. Южная Чолла).
- 1930 г. — в Хамхыне вошел в строй один из крупнейших заводов азотных удобрений в Восточной Азии, принадлежавший японскому химическому концерну «Нихон Тиссо».
- 1931 г. — основано «Корейское лингвистическое общество» (*Чосоно хаххве*) на базе существовавшего с 1921 г. «Общества исследователей корейского языка». В 1933 г. оно опубликовало унифицированный вариант корейской орфографии, исправленный и дополненный

в 1936 г., и ныне являющийся основой для орфографических правил как на Юге, так и на Севере Кореи.

18 сентября 1931 г. — «маньчжурский инцидент», аннексия Японией Маньчжурии, начало агрессии японского империализма против материкового Китая.

1931 г. — в Хамхыне и Пусане созданы сильные федерации «красных» профсоюзов («Общекорейский совет левых профсоюзов»). В Пхеньяне создана «красная» федерация рабочих химической промышленности и текстильщиков. В Шанхае начал выходить журнал «Коммунист» на корейском языке.

1931–36 гг. — правление в Корее генерал-губернатора Угаки Кацусигэ, бывшего военного министра Японии, осуществлявшего политику «одновременного развития сельского хозяйства и промышленности».

1931 г. — главой Шанхайского временного правительства Ким Гу создано «Патриотическое общество Кореи» (*Ханин эгуктан*), провозгласившее индивидуальный террор главным методом борьбы за независимость Кореи.

8 января 1932 г. — неудачное покушение в Токио на японского императора Хирохито рабочего Ли Бончхана, члена «Патриотического общества Кореи».

18 февраля 1932 г. — в Маньчжурии провозглашено марионеточное «государство» Маньчжоу-го.

Апрель 1932 г. — создано «Корейское этнографическое общество», за которым последовали другие научные общества: «Корейское экономическое общество» (1933), общество историков Кореи «Чиндан» (1934) и др. Середина 1930-х годов — появление в Корее академической науки современного типа в гуманитарных областях.

29 апреля 1932 г. — теракт в шанхайском парк Хункоу. Во время торжеств по случаю дня рождения японского императора бомбой, брошенной сеульским активистом подпольного движения за независимость Юн Бонгилем, убит глава японского экспедиционного корпуса в Шанхае и еще нескольких японских военачальников.

1932 г. — начало крупномасштабной кампании за «подъем деревни» — первого мероприятия такого рода на государственном уровне в истории страны. Цель рассчитанного на пять лет плана — «направить» 2,5 млн. безземельных и малоземельных хозяйств к «лучшей жизни» без земельной реформы (через повышение урожайности путем улучшения семян и большего использования удобрений, развитие побочных промыслов, а также изучение основ японского языка).

- 1934 г. — корпорация «Ногути» основала в Корее дочернее предприятие «Корейское акционерное общество электропередач» («Тёсэн Содэн»), завершив процесс монополизации этого сектора корейской экономики.
- 26 августа 1936 г. — генерал-губернатором Кореи стал генерал Минами Дзиро, проводивший курс на мобилизацию ресурсов колонии для военных нужд и ассимиляцию корейцев («превращение [корейцев] в императорских верноподданных»).
- Август 1936 г. — на Берлинской Олимпиаде в марафонском беге победил Сон Гиджон — первый олимпийский чемпион в истории Кореи. Как член японской сборной он стал известен миру под японским именем Сон Китей.
- 7 июля 1937 г. — «инцидент» на мосту Марко Поло в окрестностях Пекина. Начало полномасштабной войны Японии против Китая.
- Сентябрь 1937 г. — при канцелярии генерал-губернатора создан Отдел ресурсов (позже — Планировочное Бюро) для подготовки корейской экономики к работе в режиме тотальной мобилизации. Началась «профилактическая работа» с целью принуждения корейской интеллигенции к сотрудничеству с японской военной машиной.
- 4 октября 1937 г. — в школах Кореи, вместе с «физзарядкой императорского верноподданного», введено обязательное коллективное декламирование «Клятвы императорского верноподданного».
- Февраль 1938 г. — корейцам разрешено добровольно вступать в ряды сухопутной армии. Началась подготовка к введению в Корею всеобщей воинской повинности. Корейский язык запрещено преподавать и использовать в школах, чтобы будущие призывники с детства привыкали к усвоению знаний на японском языке.
- 5 мая 1938 г. — в Корею начал действовать «Закон о национальной мобилизации», ставивший гражданских лиц, наравне с военными, на полуказарменное положение. Создан «Корейский союз всеобщей духовной мобилизации», призванный объединить все домохозяйства страны в деле выполнения поставленных властью целей.
- Апрель 1939 г. — создание лидерами коммунистического подполья Ли Гвансулем и Ли Хёнсаном Кёнсонской комгруппы, которая ставила своей задачей объединить самые широкие национальные силы в борьбе против империализма и милитаризма.
- 1 октября 1939 г. — на корейской территории вступил в силу «Закон о всеобщей трудовой повинности», позволивший властям организовывать массовую отправку корейских рабочих в Японию.

- 1940 г. — введение в Корее продовольственной карточной системы.
- 11 февраля 1940 г. — начало кампании по «ояпониванию» корейских имен и фамилий.
- 10 августа 1940 г. — закрыты газеты «Тонъя ильбо» и «Чосон ильбо». На корейском языке продолжают издаваться лишь официальные органы японских властей и некоторые журналы.
- 22 октября 1941 г. — создано «Корейское общество служения родине в военное время» (*Чосон имджон погуктан*), чтобы «воспитывать в корейских подданных Его Императорского Величества дух Императорского Пути, перестраивать жизнь нации на военный лад, распространять и углублять оборонное сознание».
- 7 декабря 1941 г. — нападение Японии на американскую морскую базу в Пирл-Харборе. Начало войны между США и Японией на Тихом океане.
- Декабрь 1941 г. — начался набор корейцев на работу на японских военно-морских базах на островах южной части Тихого океана.
- Май 1942 г. — генерал-губернатором Кореи стал Куниаки Коисо, который довел корейскую деревню до состояния всеобщего перманентного недоедания.
- 8 мая 1942 г. — решение японского правительства о начале подготовки к призыву корейцев в вооруженные силы Японии. В соответствии с ним в аппарате генерал-губернаторства создан комитет, осуществлявший регистрацию всех лиц призывного возраста.
- Июнь 1942 г. — сражение при атолле Мидуэй, в результате которого в войне на Тихом океане наметился перелом в пользу США и их союзников.
- Декабрь 1942 г. — всех корейских юношей в возрасте от 17 до 21 года приказано поочередно призывать на краткосрочные военные сборы в специально созданные для этого по всей стране 1922 военных лагеря.
- 1 марта 1943 г. — обнародован указ о введении в Корее всеобщей воинской повинности, вступавший в действие с августа.
- 20 октября 1943 г. — Указ номер 48 японского Министерства армии, по которому корейцам — учащимся высших и средних специальных учебных заведений — позволялось пойти добровольцами на фронт вместе с японскими юношами в составе «студенческих бригад» до получения диплома.
- 22–26 ноября 1943 г. — совещание лидеров стран антифашистской коалиции в Каире. По китайской инициативе в «Каирскую декларацию»

союзников (подписана 27 ноября, опубликована 1 декабря) впервые включено упоминание о «рабском положении» корейского народа и необходимости предоставления Кореи независимости.

Февраль 1944 г. — порядок призыва на краткосрочные военные сборы в специально созданные для этого по всей стране военные лагеря распространён на девушек (первый в истории Кореи случай массового привлечения женщин к воинской службе).

Июль 1944 г. — с назначением генерал-губернатором Кореи бывшего премьер-министра Японии, генерала Абэ Нобуки, трудовая мобилизация приняла открыто насильственный характер.

Август 1944 г. — японские власти в Корею начали призыв незамужних девушек и женщин в возрасте от 12 до 40 лет в «добровольные трудовые отряды».

Август 1944 г. — создание подпольной организации «Корейский союз за строительство государства» (*Чосон конгук тонмэн*) во главе с лидером умеренных левых сил Ё Унхёном, которая ставила целью борьбу за установление в Корею «народно-демократической республики» в случае поражения японцев в войне.

5 апреля 1945 г. — Москва денонсировала советско-японский пакт о нейтралитете.

Апрель 1945 г. — военные действия переместились на территорию Японского архипелага (о-ва Рюкю).

26 июля 1945 г. — на Потсдамской конференции союзники приняли декларацию о безоговорочной капитуляции Японии, которая предусматривала лишение ее всех завоеванных заморских территорий.

6 и 9 августа 1945 г. — атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки.

8 августа 1945 г. — СССР объявил войну Японии.

9 августа 1945 г. — СССР развернул военные действия в Маньчжурии.

10 августа 1945 г. — Япония официально заявила о готовности принять Потсдамские условия капитуляции с оговоркой относительно сохранения структуры императорской власти в стране. США согласились на японскую поправку.

11 августа 1945 г. — соединения 25-й армии Забайкальского фронта (командующий — генерал-полковник И.М. Чистяков) начали наступление в северной части Корейского полуострова.

12–13 августа 1945 г. — высадка советских десантов в корейских портах Унги и Наджин.

- 13–16 августа 1945 г. — взятие корейского порта Чхонджин (Сейсин) силами десантных подразделений Тихоокеанского Флота.
- 14 августа 1945 г. — созданный по инициативе императора Японии Хирохито Совет старейшин принял по его настоянию решение о безоговорочной капитуляции.
- 15 августа 1945 г. — День Освобождения Кореи (император Хирохито объявляет по радио о безоговорочной капитуляции). Генерал-губернаторство предлагает «Корейскому союзу за строительство государства» во главе с Ё Унхёном взять на себя поддержание в Корее порядка на условии обеспечения безопасности японцев в период их эвакуации. Ё Унхён согласился, став, фактически главой временной переходной администрации Кореи.
- 16 августа 1945 г. — в Сеуле создан Комитет по подготовке к строительству государства во главе с Ё Унхёном. Под его эгидой на местах организованы «народные комитеты», взявшие на себя функции административных органов.
- 24–25 августа 1945 г. — войска советской 25-й армии вышли к 38-й параллели, которая, согласно принятому Советским правительством предложению американской стороны, должна была разграничивать зоны американской и советской оккупации.
- 2 сентября 1945 г. — Акт о капитуляции Японии подписан на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе. Американские войска оккупировали территорию Японии.
- 6 сентября 1945 г. — сторонниками «Комитета по подготовке к строительству государства» провозглашена «Корейская Народная Республика».
- 8 сентября 1945 г. — американские войска высадились в Инчхоне и вступили в Сеул.
- 9 сентября 1945 г. — командующий войсками США в Корее Дж. Хадж принял капитуляцию у последнего японского генерал-губернатора в Корее Абэ Нобуюки. Конец 35-летнего периода японского колониального господства в Корее.

Японские генеральные резиденты и генерал-губернаторы в Корее (1906–1945 гг.)

Генеральные резиденты (1906–1910 гг.)

март 1906 г. — июнь 1909 г. — князь Ито Хиробуми (1841 — 1909)

июнь 1909 г. — май 1910 г. — барон Сонэ Арасукэ (1849–1910)

май 1910 г. — август 1910 г. — фельдмаршал, граф Тэраути Масатакэ (1852–1919)

Генерал-губернаторы (1910–1945 гг.)

1910–1916 гг. — фельдмаршал, граф Тэраути Масатакэ (1852–1919)

1916–1919 гг. — фельдмаршал, граф Хасэгава Ёсимити (1850–1924)

1919–1927 гг. — адмирал, виконт Сайто Макото (1858–1936)

1927 г. — генерал Угаки Кацусигэ (1868–1956)

1927–1929 гг. — генерал Яманаси Хандзо (1864–1944)

1929–1931 гг. — адмирал, виконт Сайто Макото (1858–1936)

1931–1936 гг. — генерал Угаки Кацусигэ (1868–1956)

1936 — 1942 гг. — генерал Минами Дзиро (1874–1955)

1942–1944 гг. — генерал Куниаки Коисо (1880–1950)

1944–1945 гг. — генерал Абэ Нобуюки (1875–1953)

Хронологическая таблица 2.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ 1945–1992 гг.*

- 22 сентября 1945 г. — Приказ № 2 Американской военной администрации (АВА), предусматривавший «замораживание или ограничение сделок с любым государственным или общественным имуществом Японии в Корее».
- 10 октября 1945 г. — съезд северокорейских ответственных работников и активистов компартии в Пхеньяне отказался от идеи осуществления политической власти через Народную Республику и взял курс на создание широкого фронта национального единства.
- 5 ноября 1945 г. — создан Национальный совет профсоюзов.
- 12 декабря 1945 г. — создан Общенациональный союз крестьянских объединений.
- 16–26 декабря 1945 г. — Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании приняло решение о передаче Кореи под опеку держав-союзниц на пять лет.
- 23 декабря 1945 г. — Приказ № 33 АВА о «конфискации частной собственности японцев в Корее».
- 7 января 1946 г. — «Коммюнике четырех партий», призывавшее отложить решение вопроса об «опеке» до создания национального правительства.
- 14 января 1946 г. — по инициативе Национальной партии новой Кореи (*Синхан минджоктан*) состоялась «встреча пяти партий» в поддержку объединения правых и левых сил. Однако разногласия, особенно между консервативной Демократической партией и коммунистами, так и не были преодолены.

---

* Сост. Т. М. Симбирцева, общ. ред. В. М. Тихонов.

- 14 января 1946 г. — созданы южнокорейские полицейские силы.
- 15 января 1946 г. — заложены основы будущей южнокорейской армии, вначале в размере одного батальона.
- 2 февраля 1946 г. — Временное правительство созвало Чрезвычайный народный съезд, на котором еще раз подчеркнуло свою легитимность как преемника национально-освободительного движения колониального периода и свою оппозицию «опеке».
- 9 февраля 1946 г. — создан Временный народный комитет Северной Кореи.
- 21 февраля 1946 г. — АВА учредила Общественную корпорацию «Синхан» для управления имуществом Восточного колониального общества и японских корпораций на юге Кореи, которые она объявила своей собственностью.
- 15 февраля 1946 г. — создан Демократический национальный фронт, основанный на принципах «народной демократии».
- 24 февраля 1946 г. — создано Всекорейское объединение культурных организаций путем слияния Центральной ассоциации по строительству корейской культуры и Пролетарского художественного союза.
- 5 марта 1946 г. — в Северной Корее принят Закон о земельной реформе.
- 20 марта 1946 г. — началась работа Совместной советско-американской комиссии.
- 18 апреля 1946 г. — Совместная комиссия приняла решение, что будет вести переговоры только с теми партиями и организациями, которые приняли решения Московского совещания и поддержали проект опеки.
- 6 мая 1946 г. — прервана работа Совместной советско-американской комиссии.
- 15 мая 1946 г. — скандал в издававшем коммунистическую прессу издательстве «Чонпхан» (Сеул).
- 3 июня 1946 г. — «речь в Чоныпе» Ли Сынмана (пров. Северная Чолла), в которой он призвал к созданию отдельного правительства на Юге.
- 22 июля 1946 г. — учрежден Комитет за сотрудничество левых и правых сил (*Чва-у хапчак вивонхве*).
- 25 июля 1946 г. — первая встреча (в Сеуле во дворце Токсугун) членов Комитета за сотрудничество левых и правых сил.
- 22 августа 1946 г. — создан Сеульский национальный университет.

- 28–30 августа 1946 г. — учредительный съезд в Пхеньяне, на котором Коммунистическая партия Северной Кореи объединилась с Новой народной партией (*Сининминдан*) и была создана Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК).
- 5 сентября 1946 г. — слияние Компартии, Народной партии и Новой народной партии юга Кореи в Трудовую партию Кореи; АВА приказала арестовать лидеров коммунистов.
- 13 сентября 1946 г. — всеобщая забастовка членов профсоюза корейских железнодорожников — первая, инициированная Национальным советом профсоюзов.
- 1 октября 1946 г. — начало народного восстания в Тэгу и других районах провинции Северная Кёнсан, в котором приняли участие 300 тыс. человек. Жестоко подавлено.
- 7 октября 1946 г. — Комитет за сотрудничество левых и правых сил обнародовал «Семь принципов сотрудничества», которые предполагали решение вопроса об «опеке» после учреждения национального демократического временного правительства.
- 7 декабря 1946 г. — Ли Сынман отправился в США с «дипломатическим» визитом, чтобы добиться обсуждения корейского вопроса в ООН и заручиться поддержкой в деле создания отдельного правительства в южной Корее.
- 21 февраля 1947 г. — Общенациональный союз крестьянских объединений передал АВА свой проект земельной реформы, который предполагал конфискацию принадлежавшей японцам и национальным предателям земли и передачу ее крестьянам. В ответ АВА объявила о создании Временного законодательного совета Южной Кореи для решения вопроса о земельной реформе.
- Март 1947 г. — АВА приступила к продаже части поставленной под ее контроль бывшей японской собственности.
- 21 мая 1947 г. — первая встреча в Сеуле 2-й Совместной советско-американской комиссии.
- 3 июля 1947 г. — более 100 видных общественных и политических деятелей сформировали Совет по мерам по урегулированию ситуации, оказывавший активную поддержку объединительному движению.
- 19 июля 1947 г. — членом ультранационалистической организации убит Ё Унхён, лидер левого крыла движения за сотрудничество левых и правых сил.
- 17 сентября 1947 г. — США отказались от московских договоренностей и вынесли корейскую проблему на обсуждение в ООН.

- 21 октября 1947 г. — окончательный роспуск 2-й Совместной советско-американской комиссии.
- 14 ноября 1947 г. — решением Генеральной Ассамблеи ООН создана Временная комиссия ООН по Корее из представителей 8 государств во главе с К. Меноном.
- 23 декабря 1947 г. — Временный законодательный совет Южной Кореи, где преобладали сторонники Ли Сынмана, выработал свой проект земельной реформы.
- 8 января 1948 г. — Временная комиссия ООН по Корее прибыла в Сеул.
- 6 февраля 1948 г. — Ким Гу представил Временной комиссии ООН по Корее проект встречи деятелей Севера и Юга.
- 7 февраля 1948 г. — возглавленная левыми забастовка против прибытия в Корею членов Временной комиссии ООН по Корее и создания сепаратного правительства в южной Корее.
- 10 февраля 1948 г. — Ким Гу выступил со «Слезным обращением к 30 миллионам соотечественников», в котором выразил протест против планов создания сепаратного правительства.
- 26 февраля 1948 г. — ООН утвердила предложение председателя Временной комиссии ООН по Корее К. Менона провести выборы «только на тех территориях, где это возможно».
- 10 марта 1948 г. — приказ АВА о роспуске корпорации «Синхан».
- 22 марта 1948 г. — учреждена Центральная земельная администрация для распродажи ранее находившихся в ведении общественной корпорации «Синхан» земель.
- 3 апреля 1948 г. — народное выступление на Чеджудо против создания отдельного правительства, начало партизанской войны.
- 4 апреля 1948 г. — 108 деятелей культуры подписали «Заявление о поддержке встречи Севера и Юга».
- 19–26 апреля 1948 г. — Всекорейская встреча представителей политических и общественных организаций Севера и Юга.
- 27–30 апреля 1948 г. — Совещание лидеров политических партий и общественных организаций Севера и Юга с участием 11 делегатов с Юга (Ким Гу, Пак Хонён и др.) и 4 — с Севера (во главе с Ким Ир Сеном).
- 30 апреля 1948 г. — отдельная встреча четырех лидеров (Ким Гу, Ким Гюсика, Ким Ир Сена и Ким Дубона).
- 10 мая 1948 г. — выборы в Национальное собрание Южной Кореи.

- 29 июня 1948 г. — Второе совещание лидеров политических и общественных организаций Севера и Юга в Пхеньяне, которое заклеило парламент Южной Кореи как «незаконную организацию» и приняло решение учредить центральное правительство Корейской Народно-Демократической Республики.
- 17 июля 1948 г. — принята первая конституция Республики Корея, согласно которой президент избирается Национальным собранием и срок его полномочий ограничен двумя четырехлетними сроками.
- 21 июля 1948 г. — создана Ассоциация содействия объединению и независимости, куда вошло левое крыло, возглавляемое Трудовой партией Южной Кореи, и умеренные правые силы во главе Ким Гу и Ким Гюсиком.
- 12 августа 1948 г. — Приказ АВА о создании районных советов по образованию для руководства школами на местах.
- 15 августа 1948 г. — вступил в должность Ли Сынман, первый президент Республики Корея. Период его правления (до 26 апреля 1960 г.) известен как «Первая республика».
- 21 августа 1948 г. — в Хэджу с целью поддержки создания Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) состоялся Съезд народных представителей Южной Кореи.
- 9 сентября 1948 г. — на Севере провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика.
- 11 сентября 1948 г. — заключено американо-южнокорейское «Соглашение о финансах и имуществе», по которому администрация Ли Сынмана признала факт продажи японского имущества Американской военной администрацией и способ, каким она была осуществлена.
- 20 октября 1948 г. — бунт солдат и офицеров левых убеждений в Ёсу (Южная Чолла), протестовавших против создания сепаратного правительства на Юге страны и не желавших участвовать в подавлении народного восстания на Чеджудо.
- 5 февраля 1949 г. — правительство Ли Сынмана представило в парламент свой проект земельной реформы.
- Март 1949 г. — южнокорейские власти начали широкомасштабную кампанию по уничтожению партизан в Чирисане и Южной Чолла. В результате партизанские отряды были ликвидированы почти полностью, кроме отдельных групп глубоко в горах.

- 17 марта 1949 г. — между СССР и КНДР подписано «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве» и секретное соглашение о предоставлении КНДР военной помощи.
- 18 марта 1949 г. — секретное соглашение между КНР и КНДР о возвращении на родину 5 тыс. корейских солдат, служивших в вооруженных силах Китая.
- 6 июня 1949 г. — разгон Ли Сынманом Специального комитета по расследованию антинациональной деятельности.
- 21 июня 1949 г. — на Юге принят Закон об аграрной реформе.
- 25 июня 1949 г. — северокорейские власти объявили о создании Единого демократического отечественного фронта Кореи (ЕДОФ).
- 26 июня 1949 г. — убийство Ким Гу младшим лейтенантом южнокорейской армии, крайним антикоммунистом Ан Духи, связанным, судя по всему, с американской военной разведкой.
- 30 июня 1949 г. — американцы завершили вывод своих войск с юга Кореи, оставив там группу военных советников (около 500 человек).
- 1 июля 1949 г. — создание Трудовой партии Кореи как объединения ее северного и южного отделений.
- 2 июля 1949 г. — КНДР направила генеральному секретарю ООН «Декларацию мирного объединения», в которой подчеркнула, что «мирное воссоединение Кореи должно осуществиться самым народом Кореи», и выступила «за одновременные выборы как на Севере, так и на Юге».
- 31 декабря 1949 г. — принят Закон о новом образовании, где главной задачей образования было названо внедрение в умы «“идеала принесения широкой пользы всем людям мира”, заложенного в идеях основателя корейской нации Тангуна».
- 26 января 1950 г. — заключен американо-южнокорейский «Пакт о взаимной безопасности».
- Февраль 1950 г. — в США принят «Акт об экономической помощи Дальнему Востоку» (Far East Economic Aid Act), который оговаривал, что «в случае создания в Южной Корее коалиционного правительства, в котором хотя бы один из членов является членом коммунистической партии или партии, подконтрольной северокорейским властям, или разделяет их идеалы, экономическая помощь будет прекращена».
- 25 июня 1950 г. — начало Корейской войны.

- 4 июля 1950 г. — КНДР приняла «Меры по претворению Программы земельной реформы в южной части Республики».
- 6 июля 1950 г. — КНДР объявила о призыве в свою армию добровольцев из числа жителей той части южной Кореи, которая находилась под ее контролем.
- 10 октября 1950 г. — Ли Сынман объявил об установлении военного правления на всей территории севернее 38-ой параллели, а 16 октября создал там орган военного правления по гражданским делам.
- 11 февраля 1951 г. — «кочханский инцидент», во время которого в уезде Кочхан (Южная Кёнсан) южнокорейской армией были убиты более 500 мирных жителей по подозрению в «пособничестве коммунистическим партизанам».
- 26 февраля 1951 г. — администрация Ли Сынмана обнародовала «Положения об особых мерах в области образования в условиях войны».
- Март 1951 г. — «инцидент с отрядами гражданской обороны» Южной Кореи, связанный с присвоением высокопоставленными офицерами огромных денежных и материальных средств.
- 10 июля 1951 г. — в Кэсоне начались предварительные консультации об условиях переговоров о прекращении огня между США (формально «войсками ООН») и войсками КНР и КНДР.
- 8 сентября 1951 г. — в Сан-Франциско заключен Американско-японский сепаратный мирный договор, по которому вернувшая себе суверенитет Япония стала союзницей США.
- 31 октября 1951 г. — достигнута договоренность о временном прекращении огня между силами ООН и северокорейскими и китайскими войсками и договоренность о создании комитета из представителей нейтральных государств для контроля за его соблюдением.
- Декабрь 1951 г. — трудовой конфликт в текстильной компании «Чосон панджик» в Пусане.
- Апрель — май 1952 г. — Ли Сынман начал кампанию запугивания и репрессий, направленную на то, чтобы внести в конституцию поправку, позволяющую проводить прямые выборы президента.
- 4 июля 1952 г. — в присутствии полиции в Национальном собрании проведено голосование вставанием и принята поправка к конституции, разрешавшая прямые выборы президента.
- 17 июля 1952 г. — забастовка докеров в Пусане.
- 5 августа 1952 г. — Ли Сынман переизбирается на должность президента.

- 27 января 1953 г. — южнокорейским Национальным собранием принят Закон о профсоюзах, гарантирующий «право рабочих на свободное объединение в профсоюзы и ведение коллективных переговоров».
- 26 апреля 1953 г. — заключено соглашение между КНДР и силами ООН об обмене больными и ранеными.
- 18 июня 1953 г. — Ли Сынман в одностороннем порядке выпустил из тюрем 25 тысяч «антикоммунистических» (т.е. отказавшихся по различным причинам от отправки в Северную Корею) военнопленных, чем поставил переговоры о перемирии на грань срыва.
- 27 июля 1953 г. — в Пханмунджоме подписано «Соглашение о прекращении огня» (перемирии).
- 7 августа 1953 г. — совместное заявление США и Южной Кореи, что «если мирного воссоединения Корейского полуострова в его исторических рамках в виде демократического и независимого государства не удастся достичь в течение 90 дней», они уйдут с переговоров.
- 1 октября 1953 г. — в Вашингтоне официально подписан «Пакт о взаимной обороне между США и Республикой Корея».
- 26 апреля 1954 г. — открылись политические переговоры о будущем Корейского полуострова в Женеве с участием СССР, США, Китая и двух Корей. Министром иностранных дел Австралии Р. Кэйси предложен «план проведения всеобщих выборов и на Севере, и на Юге под эгидой ООН», затем отвергнутый Ли Сынманом.
- 30 июля 1954 г. — в Республике Корея основаны Академия наук и Академия художеств, объединившие наиболее авторитетных деятелей науки и культуры.
- 29 ноября 1954 г. — принята «округлительная» поправка в конституцию, давшая Ли Сынману право переизбираться на пост президента без ограничений.
- Март 1955 г. — Министерство культуры Южной Кореи публикует положение об импорте и цензурировании зарубежной кинопродукции.
- Январь 1956 г. — успешная забастовка горняков, требовавших повышения заработной платы, под руководством Федерации профсоюзов работников угольной промышленности.
- Февраль 1956 г. — забастовка рабочих текстильной фабрики «Тэхан панджик» в Тэгу.
- 15 мая 1956 г. — Ли Сынман в третий раз избран президентом. Лидер оппозиции Чан Мён стал вице-президентом.

- 28 сентября 1956 г. — покушение на вице-президента Чан Мёна.
- Декабрь 1956 г. — успешная забастовка рабочих предприятия «Самчхок Симентхы» (пров. Канвон), требовавших выплаты задержанной заработной платы.
- Июль 1957 г. — началось оснащение войск США в Южной Корее ядерным оружием.
- Ноябрь 1958 г. — выступление 6 тысяч рабочих кораблестроительной государственной компании «Тэхан чосон конса», требовавших немедленной выплаты задержанных платежей.
- 22 января 1959 г. — создана Лига антикоммунистической молодежи, ядром которой являлись преступные группировки.
- Февраль 1959 г. — выступление 36,5 тысяч членов Национальной федерации профсоюзов рабочих ткацкой промышленности за сокращение продолжительности рабочего дня.
- 29 апреля 1959 г. — закрыта критически настроенная к режиму католическая газета «Кёнхян синмун».
- Август 1959 г. — забастовка 8,7 тысяч рабочих «Корейской угольной корпорации» — членов Федерации профсоюзов угольщиков, с требованием повышения зарплаты.
- 11 августа 1959 г. — на встрече представителей 24 из 37 национальных профсоюзных объединений создан Комитет по подготовке к созданию Национального совета профсоюзов.
- 15 марта 1960 г. — сфальсифицированные четвертые президентские и вице-президентские выборы. Массовая демонстрация в Масане в знак протеста против нарушений при голосовании разогнана полицией.
- 18 апреля 1960 г. — демонстрация студентов университета Корё в Сеуле в знак протеста против фальсификации выборов.
- 19 апреля 1960 г. — начало Апрельской революции — восстания, в котором приняли участие более 20 тысяч студентов и простых граждан. Полиция открывает огонь, убив 186 человек.
- 27 апреля 1960 г. — отставка Ли Сынмана с поста президента принята парламентом. Создан Комитет по управлению страной в условиях чрезвычайной ситуации.
- 28 апреля 1960 г. — создание переходного правительства Хо Джона.
- 22 мая 1960 г. — создана Федерация профсоюзов преподавателей Кореи.

- 26 мая 1960 г. — правительство Хо Джона опубликовало «Постановление о срочных мерах по нормализации сферы образования».
- 15 июня 1960 г. — Национальное собрание приняло поправку к конституции, устанавливающую двухпалатную парламентскую систему.
- 23 июля 1960 г. — создана Национальная федерация профсоюзов банковских служащих.
- 29 июля 1960 г. — всеобщие выборы в Национальное собрание. Победа либерально-консервативной Демократической партии во главе с Чан Мёном. Серьезное поражение на выборах прогрессивных (социал-демократических) сил.
- 15 августа 1960 г. — КНДР выступила с «Планом конфедеративного объединения Севера и Юга».
- 23 августа 1960 г. — избрание президентом Юн Босоном, лидера консервативного крыла Демократической партии. Сформирован кабинет во главе с Чан Мёном. Период правления Юн Босоном — Чан Мёна (до 16 мая 1961 г.) известен как «Вторая республика».
- 30 августа 1960 г. — создана Центральная ассоциация за самостоятельное объединение нации (*Минджатхон*), которая выступила за немедленные переговоры между Севером и Югом о путях воссоединения; создание Верховного комитета по строительству единого национального государства, отказ от вмешательства внешних сил.
- 22 сентября 1960 г. — раскол в правящей Демократической партии на «группу молодых» и «группу стариков» привел к созданию последними Новой народной партии (*Синминдан*).
- 8 октября 1960 г. — группа студентов захватила трибуну Палаты Представителей, возмущенная легкими наказаниями для лиц, замешанных в преступных деяниях режима Ли Сынмана.
- 2 ноября 1960 г. — режим Чан Мёна заявляет о неприятии объединения Кореи по «австрийской модели» (с нейтрализацией страны как условием объединения).
- 25 ноября 1960 г. — создана Федерация корейских профсоюзов (*Хангук норён*).
- 2 февраля 1961 г. — заключено американо-южнокорейское «Соглашение об экономической помощи».
- 5 мая 1961 г. — на встрече 50 представителей от 17 университетов в Сеуле учрежден Всекорейский союз студентов за национальное воссоединение.

- 13 мая 1961 г. — массовую манифестацию под лозунгом «За ускоренное достижение воссоединения» провели *Минджатхон* и другие выступавшие за реформы силы.
- 16 мая 1961 г. — военный переворот, конец режима Юн Босона — Чан Мёна. Создан Верховный комитет по национальному переустройству (ВКНП) во главе с генерал-майором Пак Чонхи. Его хунта обнародовала «Революционную декларацию», первый пункт которой объявил антикоммунизм основой государственной идеологии.
- 18 мая 1961 г. — официальная отставка кабинета Чан Мёна.
- 21 мая 1961 г. — Приказом № 6 ВКНП распустил все политические партии и общественные организации.
- 10 июня 1961 г. — создано Центральное разведывательное управление Республики Корея.
- 22 июля 1961 г. — создано Бюро планирования экономики; принят «Первый план экономического развития (1962–1966)».
- 3 августа 1961 г. — ВКНП обнародовал Закон о временных мерах в отношении деятельности трудовых организаций, разрешавший деятельность профсоюзов.
- 29 августа 1961 г. — на съезде профсоюзов 13 отраслей промышленности создана Федерация корейских профсоюзов (*Хангук ночхон*), которая выразила полную поддержку «военной революции 16 мая».
- 4 сентября 1961 г. — принят новый Антикоммунистический закон (*Пангонбон*).
- 5 января 1962 г. — создано Всекорейское генеральное объединение художественно-культурных организаций.
- 13 января 1962 г. — обнародован «Первый план экономического развития (1962–1966)», предусматривавший замену безвозмездной иностранной экономической помощи ввозом иностранного капитала.
- 1 февраля 1962 г. — принят Закон об особых временных мерах в образовании, по которому самоуправляемая система образования на местах передана в подчинение обычным местным администрациям.
- 16 марта 1962 г. — принят Закон об «очищении политической деятельности», наложивший запрет на деятельность 4374 «старых» политиков.
- 11 декабря 1962 г. — подписан «Меморандум Ким Джонпхия — Охирасаёси», по которому корейская сторона согласилась принять от Японии 300 млн. долларов «помощи» и 300 млн. долларов займов на

льготных условиях и взамен не требовать больше репараций за колониальное прошлое.

- 17 декабря 1962 г. — военная хунта провела национальный референдум и приняла новую конституцию, возвращавшую страну к президентской системе правления.
- 17 февраля 1963 г. — учредительный съезд независимого от властей Национального объединения корейских профсоюзов. Вскоре оно распалось под давлением властей.
- 18 февраля 1963 г. — в преддверии выборов Пак Чонхи обнародовал заявление о неучастии в будущем гражданском правительстве.
- 19 февраля 1963 г. — демонстрации военных командиров и солдат столичного гарнизона, требовавших продления периода военного правления.
- Июль 1963 г. — опубликован план перехода к гражданскому правлению.
- 17 декабря 1963 г. — победа Пак Чонхи на президентских выборах. Начало периода «Третьей республики» (до “реставрации” 1972 г.).
- 3 июня 1964 г. — Сеул объявлен на осадном положении в связи с массовыми народными выступлениями против переговоров с Японией.
- 31 октября 1964 г. — подписано американо-южнокорейское соглашение о посылке корейских войск во Вьетнам.
- 22 июня 1965 г. — подписано «Соглашение по нормализации японо-южнокорейских отношений».
- 9 июля 1966 г. — принят «Второй план экономического развития (1967–1971)».
- 3 мая 1967 г. — на президентских выборах Пак Чонхи с большим перевесом победил кандидата оппозиционной Новой демократической партии Юн Босона.
- 8 июня 1967 г. — начало массовых студенческих демонстраций против подтасовок на выборах.
- 19 июня 1967 г. — закрыты 31 университет и 136 средних школ повышенной ступени.
- 5 декабря 1968 г. — провозглашена «Хартия народного образования», отразившая принципы и направления образовательной политики режима Пак Чонхи.
- 14 сентября 1969 г. — сессия Национального собрания, на которой присутствовали только депутаты от правящей Демократической респуб-

- ликанской партии, приняла поправку в конституцию, позволявшую Пак Чонхи баллотироваться на третий президентский срок.
- 25 июля 1969 г. — в США провозглашена «доктрина Никсона», направленная на уменьшение напряжения в отношениях с коммунистическим блоком.
- 13 ноября 1970 г. — самоожжение текстильного рабочего из Сеула Чон Тхэиля, ставшее пиком выступлений городской бедноты против ухудшения ее положения в связи с застоем экономики.
- 12 апреля 1971 г. — Верховное народное собрание КНДР провозгласило «Предложения по национальному воссоединению из восьми пунктов».
- 19 апреля 1971 г. — создана оппозиционная Ассоциация граждан в защиту демократии, развернувшая кампанию против очередного переизбрания Пак Чонхи.
- 27 апреля 1971 г. — Пак Чонхи в третий раз избран президентом Республики Корея.
- 6 августа 1971 г. — КНДР выступила с заявлением о своем намерении вступить в переговоры со всеми южнокорейскими партиями, включая партию Пак Чонхи — ДРП. Это создало основу для восстановления мирных контактов между Севером и Югом впервые за последние 20 лет.
- 10 августа 1971 г. — бунт жителей города Кванджу (пров. Кёнги).
- 12 августа 1971 г. — Общество Красного Креста Южной Кореи предложило Обществу Красного Креста на Севере провести встречу, чтобы обсудить возможность встречи между членами семей, разделенных в годы Корейской войны, и получило 14 августа положительный ответ. Так начались переговоры, проходившие по очереди в Пханмунджоме, Пхеньяне и Сеуле и длившиеся до мая 1973 г.
- 15 октября 1971 г. — в Сеуле и окрестностях вновь объявлено военное положение в связи с продолжающимися выступлениями против режима Пак Чонхи. Вооруженные солдаты введены в 10 университетских кампусов, 156 студентов исключены из университетов.
- 6 декабря 1971 г. — Пак Чонхи объявил «общегосударственное чрезвычайное положение» и внес в парламент Закон об особых мерах по защите государства.
- 27 декабря 1971 г. — на внеочередном собрании Национального собрания без участия оппозиции и с нарушениями процедуры принят Закон об особых мерах по защите государства.

- Май 1972 г. — создан Комитет по укреплению преподавания национальной истории.
- 4 июля 1972 г. — опубликовано «Совместное заявление Севера и Юга» о принципах мирного и самостоятельного объединения страны. Декларативный переход режима Пак Чонхи к «политике мирного объединения».
- 3 августа 1972 г. — правительство Пак Чонхи приняло «Меры по замораживанию долгов частным лицам», нацеленные на улучшение финансовой структуры предприятий через облегчение их задолженности частным кредиторам.
- 12 октября 1972 г. — началась первая встреча сопредседателей Координационных комитетов Севера и Юга по проведению политических переговоров Севера и Юга для разрешения проблемы воссоединения на базе согласованных принципов.
- 17 октября 1972 г. — «октябрьская реставрация»: Пак Чонхи распустил Национальное собрание, объявил о введении во всей стране чрезвычайного военного положения и провозгласил «систему *юсин* (реставрации)».
- 21 ноября 1972 г. — проходивший под контролем властей национальный референдум ратифицировал текст «Конституции *юсин*», которая предполагала непрямые выборы президента через коллегия выборщиков.
- 27 октября 1972 г. — принята «Конституция *юсин*», сделавшая Пак Чонхи пожизненным президентом. Начало периода «Четвертой республики» (закончился 26 октября 1979 г., со смертью Пак Чонхи).
- 2 ноября 1972 г. — в Пхеньяне прошла вторая встреча сопредседателей Организационного комитета по проведению политических переговоров Севера и Юга. Опубликовано «Соглашение о создании Координационного комитета Севера и Юга».
- 23 декабря 1972 г. — на восьмых по счету президентских выборах в южнокорейской истории коллегия выборщиков переизбрала Пак Чонхи (единственного кандидата) президентом.
- 27 декабря 1972 г. — Пак Чонхи вступил в должность президента.
- 9 мая 1973 г. — последняя (шестая) встреча обществ Красного Креста Севера и Юга (в Сеуле).
- 23 июня 1973 г. — Пак Чонхи опубликовал «Заявление о внешнеполитических принципах мирного воссоединения». В ответ Ким Ир Сен опубликовал на приеме в честь генерального секретаря компартии

Чехословакии Г. Гусака свою «Программу из пяти принципов объединения Отечества».

- 28 августа 1973 г. — вслед за похищением из Японии лидера оппозиции Ким Дэджунa южнокорейскими спецслужбами Северная Корея объявила о прекращении переговоров в рамках двухстороннего Организационного комитета по проведению политических переговоров Севера и Юга. В Южной Корее набирает силу петиционное движение за пересмотр «Конституции *юсин*», в котором приняло участие свыше 1 млн. человек.
- 3 апреля 1974 г. — запрещена деятельность Общекаорейского союза демократической молодежи и студентов, ее лидеры арестованы.
- 15 августа 1974 г. — покушение на Пак Чонхи, совершенное жителем Японии корейского происхождения Мун Сегваном во время празднования годовщины Освобождения Кореи, убита жена Пак Чонхи Юк Ёнсу.
- 18 ноября 1974 г. — создана либерально-демократическая Ассоциация писателей за осуществление свобод.
- 12 февраля 1975 г. — проведенный в обстановке репрессий еще один общенациональный референдум по вопросу о «Конституции *юсин*», показал, что ее «поддерживают большинство граждан».
- Июнь 1976 г. — первые совместные американо-южнокорейские военные маневры «Тим спирт» с целью укрепления координации между войсками двух стран (проводились ежегодно по 1993 г., несмотря на протесты КНДР).
- 21 декабря 1978 г. — Национальный совет по объединению переизбрал Пак Чонхи президентом на шестилетний срок.
- 11 августа 1979 г. — забастовка работниц промышленной компании «Уай-Эйч» в Сеуле
- 16 октября 1979 г. — народные выступления в Пусане и Масане против системы *юсин*.
- 26 октября 1979 г. — убийство Пак Чонхи главой местного ЦРУ Ким Джэпго.
- 6 декабря 1979 г. — Национальный совет по объединению назначил премьер-министра Чхве Гюха президентом.
- 12 декабря 1979 г. — военный переворот, передавший реальную власть в руки хунты Чон Духвана.
- 20 декабря 1979 г. — Север выступил с предложением отправить общую команду спортсменов Севера и Юга на Московскую Олимпиаду 1980 г.

- 11 января 1980 г. — в ответ Юг выдвинул предложение провести «соревнования дружбы Севера и Юга». В Московской Олимпиаде-80 Южная Корея не участвовала.
- 14 января 1980 г. — Север предложил Югу провести переговоры между премьер-министрами и получил согласие.
- 6 февраля 1980 г. — на переговорах по подготовке к встрече премьер-министров в Пханмунджоме достигнута договоренность о возобновлении телефонной связи между Пхеньяном и Сеулом и продолжении консультаций. Состоялось всего 10 раундов переговоров (до 24 сентября 1980 г.).
- 24 апреля 1980 г. — «Петиция о демократизации учебных заведений» 361 преподавателя сеульских университетов.
- 16 мая 1980 г. — 100-тысячная манифестация студентов на площади перед Сеульским вокзалом с требованием отмены военного положения. Обнародование «Декларации 134 интеллигентов за демократизацию» с протестом против угрозы установления новой военной диктатуры.
- 17 мая 1980 г. — опубликован «Декрет № 10», по которому чрезвычайное положение распространялось на всю страну. Арест Ким Дэджун и ряда других демократических лидеров.
- 18–27 мая 1980 г. — народное восстание в Кванджу.
- 31 мая 1980 г. — создан Чрезвычайный комитет по защите государства во главе с Чон Духваном, которому фактически была передана вся полнота законодательной, судебной и исполнительной власти.
- 30 июля 1980 г. — обнародованы «Меры по реформе образования», содержавшие изложение реформы вступительных экзаменов в вузы и так называемые «меры по нормализации образования».
- 31 июля 1980 г. — Ким Дэджуну и ряду других демократических деятелей предъявлено официальное обвинение в «антигосударственной деятельности». Закрыты ежеквартальные журналы «Чханджак-ква пипхён» («Творчество и критика») и «Мунхак-ква чисон» («Литература и интеллект»), стоявшие в авангарде движения за национальную литературу в 1970-х годах.
- 16 августа 1980 г. — Чхве Гюха подал в отставку с поста президента.
- 23 августа 1980 г. — собрание высших военных командиров приняло резолюцию, в которой предлагало избрать главой государства Чон Духвана.

- 27 августа 1980 г. — Национальный совет по объединению избрал Чон Духвана президентом на одиннадцатый президентский срок с момента основания южнокорейского государства. Период правления Чона известен как «Пятая республика».
- 17 сентября 1980 г. — Ким Дэджун приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена бессрочным заключением. В декабре 1982 г. Ким Дэджун был «досрочно освобожден» и отпущен в США.
- 24 сентября 1980 г. — по требованию представителей Севера в связи с разногласиями по вопросу о повестке дня прерваны переговоры по подготовке встречи премьер-министров Северной и Южной Кореи.
- 10 октября 1980 г. — Север опубликовал проект объединения, в котором предлагал создание нейтральной в международном плане «Демократической Конфедеративной Республики Корё» как единого национального государства.
- 15 октября 1980 г. — Юг осудил проект Севера о создании «Демократической Конфедеративной Республики Корё» как «фальшивый».
- 22 октября 1980 г. — национальный референдум ратифицировал новую конституцию Чон Духвана.
- Декабрь 1980 г. — режим Чон Духвана в корне пересмотрел существовавшие законы о труде, в результате чего государственный контроль над рабочим движением усилился.
- Январь 1981 г. — отменен Закон о временных мерах в отношении финансовых учреждений, по которому приоритет в назначении руководителей финансовых учреждений принадлежал директору Бюро контроля над банками.
- 12 января 1981 г. — Юг предложил Северу обменяться визитами высших руководителей.
- 15 января 1981 г. — создана правящая Демократическая партия справедливости (*Минджу чоныйдан*) во главе с Чон Духваном
- 22 января 1981 г. — правительство Чон Духвана обнародовало «Проект национального примирения и демократического объединения».
- 11 февраля 1981 г. — Чон Духван прошел через формальную процедуру, вновь избрав самого себя президентом — теперь уже с помощью коллегии выборщиков.
- 18 марта 1982 г. — поджог Американского культурного центра в Пусане студентом-теологом Мун Бусиком.

- Май 1982 г. — «инцидент Чан Ёнджа — Ли Чхольхи» — профессиональных аферистов, присвоивших при помощи родственников жены Чон Духвана более 700 млрд. вон (около миллиарда долларов).
- Август 1983 г. — аудиторская проверка в штаб-квартире «Движения за новую деревню», которое возглавлял младший брат Чон Духвана, обнаружила серьезные нарушения.
- 9 октября 1983 г. — покушение в Рангуне на Чон Духвана в ходе его официального визита в Бирму, которое, как считается, было подготовлено спецслужбами КНДР, хотя последняя это упорно опровергает. Взрывом бомбы убито 17 высокопоставленных южнокорейских чиновников.
- 8 сентября 1984 г. — Север предложил помощь в виде риса, лекарств и цемента жертвам наводнения на Юге. Помощь была принята.
- 18 января 1985 г. — создана Демократической партии новой Кореи (*Синхан минджудан*) во главе с Ли Мину, которая вскоре превратилась в ведущую оппозиционную партию.
- 7 марта 1985 г. — создан Совет по обсуждению реформы образования при Министерстве образования.
- 21 и 23 мая 1985 г. — захват студентами американских культурных центров в Пусане и Сеуле в знак протеста против поддержки США диктатуры Чон Духвана.
- Июнь 1985 г. — по обвинению в нарушении Закона о трудовых конфликтах арестованы руководители профсоюза компании «Тэу — текстиль», игравшего ведущую роль в движении «демократических профсоюзов». Началась забастовка солидарности рабочих индустриального комплекса «Куро» на юго-западе Сеула.
- 1 августа 1985 г. — Ассоциация писателей за осуществление свобод опубликовала «Декларацию 401 литератора за свободу творчества и выражения».
- 8 января 1986 г. — принят «Закон о развитии предприятий» как попытка противостоять резкому экономическому спаду, вызванному чрезмерными вложениями в тяжелую промышленность.
- Февраль 1986 г. — в кампании по сбору подписей под петицией о пересмотре конституции приняло участие 10 млн. человек.
- 28 марта 1986 г. — профессура университета Корё (Сеул) выступила с требованием демократизации, их поддержали профессора колледжей и университетов по всей стране.
- 10 мая 1986 г. — с призывом к демократизации выступили 546 учителей начальных и средних школ.

- 30 октября 1986 г. — хунта Чон Духвана заявила, что дамба в горах Кымгансан в Северной Корее строится, чтобы якобы «затопить Сеул морем воды», и призвала граждан начать «движение за строительство “дамбы мира”».
- Декабрь 1986 г. — принят в новой редакции «Закон о регуляции снижения налогов», началось осуществление «политики рационализации промышленности».
- 13 апреля 1987 г. — Чон Духван обнародовал «Меры по защите конституции», отвергнув тем самым требования демократизации.
- 1 мая 1987 г. — Ким Ёнсам создал новую Демократическую партию за объединение (*Тхониль минджудан*).
- 27 мая 1987 г. — Демократическая партия за объединение и Объединение народа за демократическое объединение (*Минтхоннён*) совместно создали «Штаб движения граждан за завоевание демократической конституции».
- 9 июня 1987 г. — от взрыва гранаты со слезоточивым газом погиб студент Университета Енсе (Сеул) Ли Ханёль.
- 10 июня 1987 г. — массовые митинги («собрания граждан 10 июня») прошли в 18 городах страны как реакция на гибель Ли Ханёля. Участники требовали отмены «Мер в защиту конституции 13 апреля», ухода военных от власти, принятия демократической конституции и прекращения вмешательства США во внутренние дела Южной Кореи.
- 26 июня 1987 г. — мирные манифестации за демократизацию, в которых приняли участие свыше 1 млн. человек по всей стране.
- 29 июня 1987 г. — режим Чон Духвана через своего представителя Ро Дэу (Но Тхэу) обнародовал «Декларацию 29 июня», в которой содержалось обещание внести в конституцию поправки, разрешающие прямые президентские выборы, и осуществить демократизацию политической и общественной системы.
- Июль — август 1987 г. — «июльско-августовская борьба» — крупнейшее выступление трудящихся со времен Освобождения в 1945 г. с требованием улучшения условий труда и права на создание демократических профсоюзов.
- 19 августа 1987 г. — создана Всекорейская ассоциация представителей университетского студенчества (*Чондэхён*).
- 16 декабря 1987 г. — Ро Дэу избран президентом; вступил в должность 25 февраля 1988 г. Период его правления именуется «Шестой республикой».

- 7 июля 1988 г. — Заявление Ро Дэу о «самостоятельном, мирном и демократическом пути» к объединению.
- 17 сентября — 2 ноября 1988 г. — в Сеуле с большим успехом прошли XXIV летние Олимпийские игры.
- 13 сентября 1988 г. — Республика Корея установила официальные отношения с Венгрией.
- 1 ноября 1988 г. — Республика Корея установила официальные отношения с Польшей.
- 16 ноября 1988 г. — Север выступил с предложением провести переговоры высших представителей политических и военных кругов Севера и Юга для поисков путей ослабления военно-политического противостояния.
- 8 декабря 1988 г. — Республика Корея заключила «Соглашение об обмене консулами» с СССР.
- 13 декабря 1988 г. — создана Особая следственная комиссия по правонарушениям режима Чон Духвана.
- 23 декабря 1988 г. — создано Всеобщее объединение корейских национальных деятелей искусств (*Минечхон*).
- 28 декабря 1988 г. — Республика Корея установила официальные отношения с Югославией.
- 28 декабря 1988 г. — Юг выступил с предложением провести переговоры Севера и Юга с участием чиновников высокого уровня, которое Север принял 16 января 1989 г.
- 21 января 1989 г. — создано Всекорейское объединение национального движения за демократию (*Чонмиллён*).
- 25 марта 1989 г. — советник *Чонмиллён* пастор Мун Икхван вместе с демократическим активистом, оппозиционным политиком Ю Вонхо отправился в Пхеньян по приглашению Севера без санкции южнокорейских властей. Во время их визита, 2 апреля, было составлено и обнародовано «Совместное заявление» из 9-ти пунктов, касавшееся мирного объединения Кореи.
- 29 мая 1989 г. — создан Всекорейский профсоюз учителей, первый в стране профсоюз педагогов за 28 лет с тех пор, как преподавательские профсоюзы были распущены после военного переворота 16 мая 1961 г. Общее число его членов вскоре составило 20 тысяч человек.
- 11 сентября 1989 г. — режим Ро Дэу принял «План воссоединения через создание корейского национального сообщества», который предла-

гал создать «союз Севера и Юга» и тем отличался от предлагаемого Севером «конфедеративного» плана объединения.

31 декабря 1989 г. — Чон Духван дал показания перед Национальным собранием, где заявил, что приказ стрелять в народ во время событий в Кванджу 1980 г. был отдан командованием «для самозащиты».

1 января 1990 г. — Ро Дэу создал новую Демократическо-либеральную партию (*Минджу чаюдан*) путем слияния правящей Партии демократической справедливости с Демократической партией за объединение во главе с Ким Ёнсамом и Новой демократической республиканской партией во главе с Ким Джонпхилем.

1 Мая 1990 г. — всеобщая забастовка трудящихся.

4 июня 1990 г. — неофициальная встреча президентов СССР и Республики Корея М.С. Горбачева и Ро Дэу в Сан-Франциско.

4–7 сентября 1990 г. — первая встреча премьер-министров Севера и Юга (в Сеуле), где Юг выступил с проектом базового соглашения по улучшению двусторонних отношений, а Север — с проектом мер по прекращению политического и военного противостояния.

30 сентября 1990 г. — в Нью-Йорке министрами иностранных дел СССР и Республики Корея Э.А. Шеварднадзе и Чхве Ходжуном подписан Договор об установлении официальных отношений между двумя странами. Перед этим в Москве состоялась 1-я межправительственная встреча по экономическому сотрудничеству, где условием скорейшего установления полных дипломатических отношений был выставлен пакет экономического сотрудничества, включавший предоставление СССР южнокорейского займа в 2–3 млрд. долларов.

11 и 21 октября 1990 г. — в Пхеньяне и Сеуле прошел «футбольный чемпионат Севера и Юга за объединение».

16–19 октября 1990 г. — второй раунд переговоров премьер-министров Севера и Юга (в Пхеньяне). Юг выступил с проектом совместной декларации о примирении и сотрудничестве, а Север — с проектом декларации о ненападении.

Ноябрь 1990 г. — южнокорейские банки представили «План по укреплению конкурентоспособности банков в преддверии открытия финансового рынка».

20 ноября 1990 г. — на состоявшейся в Берлине «трехсторонней встрече» (Север, Юг и зарубежные корейцы) создан Общенациональный союз за объединение Отечества.

- 11–14 декабря 1990 г. — третий раунд переговоров премьер-министров Севера и Юга (в Сеуле), где Юг опять представил проект базового соглашения по улучшению двусторонних отношений и декларацию о взаимном ненападении, а Север — проект декларации о взаимном ненападении, примирении и сотрудничестве.
- 13–16 декабря 1990 г. — президент Ро Дэу посетил Москву с официальным визитом.
- 3 февраля 1991 г. — «инцидент Сусо»: обнародованы секретные документы, показывавшие причастность правительства к незаконному выделению земли под жилищную застройку.
- 27 марта 1991 г. — первые после военного переворота 1961 г. выборы в органы местного самоуправления.
- 19–20 апреля 1991 г. — краткосрочный официальный визит президента СССР М.С. Горбачев в Республику Корея (на о. Чеджудо).
- 17 сентября 1991 г. — Республика Корея и КНДР одновременно приняты в ООН.
- 22–25 октября 1991 г. — В Пхеньяне состоялся 4-й раунд переговоров премьер-министров, где Юг вновь выступил с проектом базового соглашения по улучшению отношений между Севером и Югом.
- 13 декабря 1991 г. — в ходе 5-го раунда переговоров премьер-министров Севера и Юга (Сеул) подписано «Соглашение между Севером и Югом о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве».
- Июль 1992 г. — крупнейший финансовый скандал при режиме Ро Дэу, связанный с присвоением 6,6 млрд. вон группой мошенников, куда входили и высокопоставленные военные.
- 24 августа 1992 г. — установлены полные дипломатические отношения между Южной Кореей и Китаем.
- 18–20 ноября 1992 г. — официальный визит в Южную Корею Президента РФ Бориса Ельцина, в ходе которого был подписан Договор об основах отношений Российской Федерации и Республикой Корея. Во Владивостоке открылось Генеральное консульство Республики Корея.
- 18 декабря 1992 г. — на президентских выборах победил Ким Ёнсам. К власти пришло первое за 32 года гражданское правительство.

Словарь-индекс понятий к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»*

- Апрельская революция (*Саволь хён-мён*) 215, 218, 278, 306, 372, 377, 424–429
- Армия Освобождения (*Кванбоккун*) 220
- антикоммунистическая система (*пан-гон чхедже*) 274, 306, 320, 405
- Антикоммунистический закон (*Пан-гонбон*) 219, 276, 278, 298, 398, 427
- ввоз иностранного капитала (*веджа тоип*) 306, 332, 333, 336, 340, 362
- «восемь углов под одной крышей» (яп. *хакко итцу*) 374
- воспитание «преданности государству и сыновьей почтительности» (*чхун-хё кёюк*) 385
- воспитание «целостной личности» (*чонин кёюк*) 388
- государственная идеология (*кукси*) 220
- гражданское правительство (*мунмин чонквон*) 303
- «двадцать первоначальных практических задач» (*20кэ сибом сильчхон саоп*) 298
- Движение граждан за завоевание демократической конституции (*Минджу хонбон чэнчхви кунмин ундон*) 237, 292, 291
- Движение 19 апреля (*Сальгю ундон*) 270, 272, 274, 276, 380
- Движение 10 июня [1987 года] за демократизацию (*Юволь минджухва ундон*) 364, 372, 389, 416, 418
- Движение за возрождение танца в масках (*Тхальчхум пухын ундон*) 433
- Движение за единую национальную партию (*Минджок юль тан ундон*) 246
- Движение «за новую деревню» (*Сэ маыль ундон*) 238
- Движение «за настоящее образование» (*Чхам кёюк ундон*) 417
- Движение «за правильную жизнь!» (*Парыге сальги ундон*) 242
- Движение «малых театров» (*Со кык-чан ундон*) 433
- «девять ценностей духовного образования» (*кунмин чонсин кёюк кудэ токмок*) 387
- «демократические профсоюзы» (*минджу ноджо*) 410
- демократическое народное искусство (*минджун есиль*) 433
- державническая идеология (*кукка чисанджуй*) 430
- «десять политических задач» (*10тэ сиджон панчхим*) 298
- «духовное воспитание граждан» (*кунмин чонсин кёюк*) 386

- единый конкурсный вступительный экзамен (*ёнхал коса*) 384
- Закон об охране государства (*Кукка поанбон*) 291, 298, 408
- «зоны индустриализированного сельского хозяйства» (*санопхва ноноп чидэ*) 367
- «зоны свободного экспорта» (*сучхуль чаю чидёк*) 307
- «идеал принесения широкой пользы всем людям мира» (*хонъик инган*) 374
- «инцидент с отрядами гражданской обороны» (*кукмин панвигун саккон*) 210
- «инцидент Сусо» (*Сусо саккон*) 242
- «инцидент Чан Ёнджа — Ли Чхольхи» 238
- «искусство ради искусства» (*сунсу есуджуый*) 421
- «июльско-августовская борьба» (*чхиль — пхаль тхуджэн*) 416
- Кандонская политическая школа (*Кандон чончхи хазгон*) 193
- корейский шовинизм (*куксуджуый*) 421, 430
- «кочханский инцидент» (*Кочхан саккон*) 210
- курс на объединение путем «коммунизации» Юга (*чокхва тхониль носон*) 301
- литературная теория «демократической национальной литературы» (*минджуджуый минджок мунхак рон*) 435
- литературная теория «классовой литературы» (*кегын мунхак рон*) 423
- литературная теория «народной национальной литературы» (*минд-жунджок минджок мунхак рон*) 435
- литературная теория «национального освобождения» (*минджок хэбан мунхак рон*) 435
- литературная теория «национальной литературы» (*минджок мунхак рон*) 423, 428, 429, 435
- литературная теория «освобождения труда» (*нодон хэбан мунхак рон*) 372, 435
- литературная теория «рабочего освобождения в искусстве» (*нодон хэбан муне рон*) 372
- литературная теория «чистой литературы» (*сунсу мунхак рон*) 423, 424, 427–429
- народное восстание в Кванджу (*Кванджу минджун ханджэн*) 174, 232, 235, 238, 240, 249, 286–290, 294, 386, 389, 414, 434, 436
- «народное единомыслие» (*кунмин сасан-ый квишь*) 377
- «народность» (*минджунсон*) 433
- народовластие (*кунмин чугвонджуый*) 272, 274
- национальная самостоятельность (*чаджугвон*) 226
- «национальная субъектность» (*минджок чучхесон*) 370
- «национальная этика» (*кунмин юлли*) 370
- «нет работы — нет оплаты» (*мунодон муимгым*) 372
- «новые военные» (*син кунбу*) 231, 240, 288–289
- «образование в области морали» (*тоый кёюк*) 377, 383
- «образование во имя национальной обороны» (*кукпан кёюк*) 377

- «образование в духе Движения за “новую деревню”» (*Сэ майль кёюк*) 385, 386
- «образование с национальным лицом» (*куччог-и иннын кёюк*) 370
- «образование во имя социального очищения» (*сахве чонхва кёюк*) 386
- «образовательные лагеря тройного очищения» (*самчхон кёюктэ*) 233
- «один человек — одна специальность» (*иль ин иль ки*) 377
- «октябрьская реставрация» (*сиволь юсин*) 227
- «октябрьское народное сопротивление» [1946 г.] (*сиволь минджун ханджээн*) 310
- «открытая экономика» (*кэбан кёндже чхедже*) 307, 308, 350, 362
- «отряды белой кости» (*пэккольдан*) 210
- отряды общественной безопасности (*конгук чхиандэ*) 250
- «отряды справедливости» (*ыйбён*) 289
- «отряды учащихся по защите государства» (*хакто хогуктан*) 377
- «парламентский инцидент [1949 г.]» (*кукхве пхыракчи саккон*) 214
- «партийность» (*танпхасон*) 433
- «период альманахов» (*мукхыджи сидэ*) 433
- «План конфедеративного объединения Севера и Юга» (*Нам – Пук ёнбан четхонильбан*) 278
- «План мирного национального воссоединения через национальное примирение» (*Минджок хвахан минджу тхониль панан*) 249
- «План воссоединения через создание корейского национального сообщества» (*Хан минджок кондончхетхониль панан*) 301
- политика «воссоединения путем вторжения на Север» (*пукчин тхониль рон*) 374
- политика «единственного канала» (*чхангу танильхва рон*) 295
- политика «мирного объединения» (*пхёнхва тхониль чончхэк*) 370
- политика «рационализации промышленности» (*санон хамнихва чончхэк*) 350
- «помощь И-Си-Ей» (*Economic Cooperation Administration aid*) 322
- «помощь Эс-И-Си» (*Supplies Economic Cooperation aid*) 322
- «Предложения по национальному спасению из восьми пунктов» (*Пхаль ханмок кугук панан*) 226
- «принцип трех равенств» (*самгюнджуый вончхик*) 373
- проблема ядерных объектов на севере Кореи (*хэк сачхаль мунджэ*) 249
- «Проект долгосрочного плана интернационализации рынка капитала с целью либерализации капитала» (*Чабон чаюхва-рыль вихан чабон сиджан кукчехва-ый чанги кехвек ан*) 361
- Пятилетний план экономического развития (*Кёндже кэбаль огёнён кехвек*) 322, 333, 336
- «Пять принципов объединения Родины» (*Чогук тхонхиль 5дэ каннён*) 284
- рисовая «продразверстка» (*ссаль кончхуль*) 324
- «рабочая классовость» (*нодонджа кегып танпхасон*) 434
- «русская политика продвижения на юг» (*Россия намха чончхэк*) 179

- «северная политика» (*пукпан чончхэк*) 243
- «Семь практических мер для достижения воссоединения» (*тхониль ыль ирукхаль ттэ ккаджи ый иль-гоп каджи сильчхон чочхи*) 298
- «Семь принципов сотрудничества левых и правых» (*чвау хапчак чхиль вончхик*) 262
- «Сеульская весна» (*Соур-ый пом*) 289, 297
- «силы самообороны» (яп. *дзизьтай*) 208
- система безвозмездной экономической помощи (*мусан воджо чхедже*) 322, 323, 333, 334, 340
- система «двойного правления» (*ивон чипчондже*) 232
- система квалификационных экзаменов для проучившихся 4 года бакалавров (*хакса чагёк косидже*) 385
- «система квот по выпускным экзаменам» (*чороп чонвондже*) 387
- система «совокупной оплаты труда» (*чхонэк имгымдже*) 372
- система экономики, основанная на привлечении иностранного капитала (*веджа кёндже чхедже*) 306
- система *юсин* 174, 228, 230, 232, 241, 282, 284, 383, 385, 410, 412, 431
- «собрания граждан 10 июня» (*б.10 кунмин тэхве*) 292, 293
- «Совместное заявление Севера и Юга 4 июля [1972 г.]» (7.4. *Нам — Пук кондон сонмён*) 281, 429
- Соглашение между Севером и Югом о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве» (*Нам — Пук саи-ый вхэхэ-ва пульгачхим мит кёрю — хемнёг-е кванхан хабьйсо*) 302
- «сообщество мирного сотрудничества» (*хёмнёк кондончхе*) 300
- «соревнования дружбы Севера и Юга» (*Нам — Пук чхинсон кёхван кёнги*) 297
- «сотрудничество между промышленностью и образованием» (*санхак хёнтон*) 383
- теория «региональной революции» (*чиёк хёнмённон*) 278
- «три белые отрасли промышленности» (*сам пэк санон*) 306
- «три низких стоимости» (*самджо хохван*) 307
- «три трудовых права» (*нодон сам квон*) 389
- «34 примера аморальных рабочих выступлений» (*иллюн-ыль пхажвеханын 34 конджэн-ый саре*) 416
- «Уругвайский раунд» 368
- федерация Севера и Юга (*Нам — Пук Ёнбандже*) 249
- футбольный чемпионат Севера и Юга за объединение (*Нам — Пук тхониль чхукку тэхве*) 302
- «Хартия народного образования» (*Кунмин кёюк хонджон*) 383, 385
- хван*, южнокорейская денежная единица, 1953-1962 гг. 210
- «хлопок — на юге, шерсть — на севере» (*наммён пугян*) 327
- «четыре подозрительных инцидента» (*садэ ыйхок саккон*) 223
- «чистый театр» (*сунсу ёнгык*) 421
- чонбо*, мера площади 260
- чэболь* 306, 323, 327, 330, 337, 351-354, 358, 359, 361, 404
- «экспорт прежде всего» (*сучхуль чельджуый*) 342, 346

Индекс политических партий и организаций к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»*

- Академия по воспитанию благородных мужей (*Хынсадан*) 217, 220
- Антикоммунистическая группа деятелей искусств (*Пангон есурин тан*) 425, 426
- Антикоммунистический Центр (*Пангон хвегван*) 273
- Анъянский комитет по завоеванию «трех рабочих прав» (*Анъян чиёк нодон самквон чэнчхви вивонхве*) 415
- Ассоциативный совет профессиональных объединений (*Опчон норён хёбыйхве хвейи, Опчон хвейи*) 418
- Ассоциация борьбы в защиту народо-властия (*Кунмин чуквон онхо тхуджэн хвейи*) 272
- Ассоциация граждан в защиту демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*) 224
- Ассоциация граждан Кореи по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхоксон кунминхве*) 259
- Ассоциация движения демократической молодежи провинции Южная Чолла (*Чоннам минджу чхоннён ундон хёбыйхве*) 290
- Ассоциация движения за демократизацию провинции Северная Чолла (*Чонбук минджухва ундон хёбыйхве*) 290
- Ассоциация движения народа за демократию (*Минджун минджу ундон хёбыйхве*) 290
- Ассоциация движения семей [арестованных] демократических активистов (*Минджухва сильчхон каджок ундон хёбыйхве*) 291
- Ассоциация демократических организаций за самостоятельное объединение Отечества (*Чогук-ый чаджуджок тхонир-ыль вихан минджу танчхе хёбыйхве*) 294
- Ассоциация движения за демократическую прессу (*Минджу оллон ундон хёбыйхве*) 290
- Ассоциация за благосостояние корейских рабочих (*Хангук нодонджа покчи хёбыйхве*) 290, 415
- Ассоциация [движения] за народную культуру (*Минджун мунхва ундон хёбыйхве*) 290, 433
- Ассоциация корейских деятелей искусств (*Чосон ымакка хёпхве*) 421

- Ассоциация корейских деятелей образования (*Чосон кёюкча хёпхве*) 423
- Ассоциация корейских писателей (*Хангук мунин хёбийхве*) 433, 436
- Ассоциация корейских профсоюзов (*Тэхан нодон чхон ёнмэн*) 398
- Ассоциация корейцев, проживающих в Америке (*Чэми ханджок ёнхапхве*) 263
- Ассоциация молодых литераторов Кореи (*Чосон чхоннён мунхака хёпхве*) 420, 423
- Ассоциация народного культурного движения (*Минджун мунхва ундон хёбийхве, Минмунхён*) 433
- Ассоциация писателей за осуществление свобод (*Чаю сильчхон мунин хёбийхве*) 229, 372, 431-433
- Ассоциация по содействию развитию демократии (*Минджухва чхуджин хёбийхве*) 236
- Ассоциация преподавателей университетов (*Кёсу хёпхве*) 275
- Ассоциация профсоюзов Кореи 1 (*Тэхан ночхон*) 398–400
- Ассоциация профсоюзов Кореи 2 (*Хангук нодон чохап чхон ёнмэн, Хангук ночхон*) 401, 402
- Ассоциация профсоюзов по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхосон нодон чохап ёнмэн*) 396
- Ассоциация региональных профсоюзов (*Чиёк нодон чохап хёбийхве, Чинохён*) 372, 418
- Ассоциация симфонической музыки (*Кёхянак хёпхве*) 421
- Ассоциация содействия объединению и независимости (*Тхониль тоннип чхоччинхве*) 189
- Ассоциация уволенных профессоров (*Хэджик кёсу хёбийхве*) 290
- Ассоциация художников Кореи (*Чосон мисульга хёпхве*) 421, 423
- Ассоциация (южно)корейского искусства (*Тэхан мисуль хёпхве*) 421
- Всекорейская ассамблея молодежных представителей (*Чонгук чхоннён тэпхёджа тэхве*) 256
- Всекорейская ассоциация музыкальной культуры (*Чонгук ымак мунхва хёпхве*) 423–424
- Всекорейская ассоциация национального движения за демократию (*Чонгук минджок минджу ундон хёбийхве*) 295
- Всекорейская ассоциация национального театрального движения (*Чонгук минджок кык ундон хёбийхве*) 434
- Всекорейская ассоциация писателей (*Чон Чосон мунпхильга хёпхве*) 420, 423, 429
- Всекорейская ассоциация представителей университетского студенчества (*Чонгук тэхахсэн тэпхёджа хёбийхве, Чондэхён*) 235, 294, 295, 300
- Всекорейская ассоциация профессоров за демократизацию (*Минджухва-рыль вихан чонгук кёсу хёбийхве*) 291
- Всекорейская ассоциация профсоюзов (*Чонгук нодон чохап хёбийхве*) 372, 401, 402
- Всекорейский конгресс национальных лидеров (*Чонгук юджиджа тэхве*) 252

- Всекорейский профсоюз учителей (*Чонгук кёджиквон нодон чохап, Чонгёджо*) 388–390, 417
- Всекорейский союз студентов за национальное воссоединение (*Минджок тхонхиль чонгук хаксэн ёнмэн*) 276
- Всекорейское генеральное объединение культурных организаций (*Чонгук мунхва танчхе чхон ёнхапхве*) 423
- Всекорейское генеральное объединение учащихся высших учебных заведений (*Чонгук тэхаксэн тхон ёнхапхве*) 381
- Всекорейское генеральное объединение художественно-культурных организаций (*Хангук есиль мунхва танчхе чхон ёнхапхве, Ечхон*) 426, 433
- Всекорейское объединение культурных организаций (*Чосон мунхва танчхе чхон ёнмэн*) 422, 423
- Всекорейское объединение национального движения за демократию (*Чонгук минджок минджу ундон ёнхап, Чонмиллён*) 295, 296
- Всекорейское объединение предпринимателей (*Чонгук кёнджеин ёнхап*) 416
- Всеобщая лига женщин (*Пунё чхон томмэн*) 260
- Всеобщее объединение крестьянских профсоюзов Кореи (*Чонгук нонмин чохап чхон ёнмэн*) 184, 260
- Всеобщий союз в поддержку реформ (*Хёксин тонджи чхон ёнмэн*) 275
- Всеобщий союз граждан в защиту прав народа (*Минквон сухо кунмин чхон ёнмэн*) 272
- Городское промышленное миссионерское общество (*Тоси саноп сонгёхве*) 411, 412, 415
- Гражданская партия (*Кунминдан*) 258, 395
- Демократическая народная партия (*Минджу кунминдан*) 217
- Демократическая партия за объединение (*Тхониль минджудан*) 237, 291, 293
- Демократическая партия Кореи (*Хангук минджудан, Ханминдан*) 183, 184, 187, 188, 209, 212, 217, 254, 258, 261, 262, 264, 265, 269, 276, 321, 332
- Демократическая партия корейской независимости (*Минджу хандоктан*) 268
- Демократическая партия независимости (*Минджу тонниптан*) 268
- Демократическая партия новой Кореи (*Синхан минджудан*) 236, 237, 263
- Демократическая партия справедливости (*Минджу чоныйдан, Минджондан*) 234, 237, 291, 292
- Демократическая республиканская партия (*Минджу конхвадан*) 223
- Демократический национальный фронт (*Минджуджувый минджок чонсон, Минджон*) 184, 252, 260, 261, 423
- «Демократический парламент» (*Минджу ыйвон*) 184, 260
- Демократический совет граждан Кореи (*Тэхан кунмин тэпхё минджу ыйвон*) 259
- Демократическо-либеральная партия (*Минджу чаюдан*) 241, 242
- Единая социалистическая партия (*Тхониль сахведан*) 275
- Единый фронт национально-освободительного движения (*Минджок*

- хэбан ундон-ый тхониль чонсон*) 172, 316, 393
- Католическая пасторская группа для реализации справедливости (*Чхонджугё чоныйгу хёнса чедан*) 295
- Комитет борьбы ополченцев (*Симингун тхуджэн вивонхве*) 288
- Комитет горожан по наведению порядка (*Симин сусып тэчхэк вивонхве*) 287, 288
- Комитет за достижение демократии и объединение нации (*Саммин тхуджэн вивонхве*) 235
- Комитет за сотрудничество левых и правых сил (*Чва-у хапчак вивонхве*) 247, 261, 264
- Комитет по восстановлению трудовых организаций Южной Кореи (*Хангук нодон танчхе чэгон чоджик вивонхве*) 205
- Комитет по всеобщей мобилизации граждан на борьбе против опеки (*Тхакчхи пандэ кунмин чхон тон-вон вивонхве*) 259
- Комитет по подготовке к строительству государства (*Конгук чунби вивонхве*) 178, 181, 246, 247, 250, 252, 397
- Комитет по развитию демократического согласия (*Минджу хвахан чхуджин вивонхве*) 240
- Комитет [северо]корейских студентов (*Чосон хаксэн вивонхве*) 295
- Комитет студентов по наведению порядка (*Хаксэн сусып тэчхэк вивонхве*) 288
- Коммунистическая партия Кореи (*Чосон консандан*) 186, 252, 256-258, 260, 262
- Корейская ассоциация газетных репортеров (*Чосон синмун киджа хёпхве*) 423
- Корейская ассоциация образования (*Тэхан кёюк ёнхапхве*) 382
- Корейская генеральная федерация деятелей национального искусства (*Хангук минджок есурин чхон ёнхан*) 373, 434
- Корейская народная партия (*Чосон инминдан*) 252
- Корейская республиканская партия (*Чосон конхвадан*) 263
- Корейская федерация пролетарского искусства (Korea Artista Proletaria Federatio) 420
- Корейский кинематографический союз (*Чосон ёнхва тонмэн*) 422
- Корейский союз за строительство государства (*Чосон конгук тонмэн*) 178, 246, 250, 264
- Корейский театральный союз (*Чосон ёнгык тонмэн*) 421
- Корейское физкультурное общество (*Чосон чхеюкхве*) 423
- Либеральная партия (*Чаюдан*) 210, 211, 213, 215, 216, 272
- Лига антикоммунистической молодежи (*Пангон чхоннёндан*) 213
- Молодежная ассоциация Северо-запада (*Собук чхоннёндан*) 207
- Молодежный союз (*Чхоннён тонмэн*) 260
- Народная ассоциация в поддержку демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*) 280
- Народная партия (*Инминдан*) 186, 258, 260, 262
- Народное объединение за демократическое воссоединение (*Минджу тхониль минджун ундон ёнхап, Минтхоннён*) 291

- Народно-революционная партия (*Инмин хёнмёндан*) 279
- Народно-республиканская партия Кореи (*Чосон инмин конхвадан*) 268
- Народный союз (*Минджун тонмэн*) 263, 265
- Национальная ассоциация литераторов (*Минджок мунхак чакка хвёый*) 372, 433
- Национальная ассоциация организаций культурного движения рабочих (*Чонгук нодонджа мунхва ундон танчхе хёбыйхве*) 434
- Национальная ассоциация профсоюзов (*Чонгук нодон чохап хёбыйхве, Чоннохён*) 418
- Национальная ассоциация учителей за развитие демократического образования (*Минджу кёюк чхуджин чонгук кёса хёбыйхве*) 389
- Национальная партия новой Кореи (*Синхан минджоктан*) 258, 263
- Национальная федерация профсоюзов банковских служащих (*Чонгук ынхэн нодон чохап ёнхапхве*) 404
- Национальная художественная ассоциация (*Минджок мисуль хёбыйхве*) 434
- Национальное объединение корейских профсоюзов (*Хангук нодон чохап чхон ёнхапхве*) 405, 406
- Национально-революционная партия Кореи (*Чосон минджок хёнмёндан*) 259, 260, 264
- Национальный совет [корейских] профсоюзов (*Нодон чохап чонгук пхёыйхве, Чонпхён*) 260, 395, 396
- «Национальный совет по объединению» (*Тхониль чучхе кунмин хвёый*) 227
- Национальный союз (*Чонгук ёнхап*) 418
- Новая демократическая партия (*Синминдан*) 224, 230, 277
- Новая демократическая республиканская партия (*Син минджу конхвадан*) 237
- Новая народная партия (*Синминдан*) 217, 262
- Новая прогрессивная партия (*Синджиндан*) 263, 265, 268
- Общекорейский союз демократической молодежи и студентов (*Чонгук минджу чхоннён хаксэн чхон ёнмэн*) 229
- Общенациональный молодежный союз по содействию скорейшему достижению независимости (*Тэхан тоннип чхоксон чонгук чхоннён чхон ёнмэн*) 395
- Общенациональный союз крестьянских объединений (*Чонгук нонмин чохап чхон ёнмэн*) 310
- Общенациональный союз за объединение Отечества (*Чогук тхониль пом мин-джок ёнхап*) 296
- Общество возрождения отечества (*Чогук кванбохве*) 204
- Общество граждан за демократическое воссоединение (*Минджу тхониль кунмин хвёый*) 291
- Общество граждан за самостоятельное объединение нации (*Чаджу минджок тхониль кунмин хвёый*) 295
- Общество защиты Конституции (*Хохон тонджихве*) 272
- Общество молодых буддистов (*Пульгё чхоннёнхве*) 395
- Общество молодых протестантов (*Кидоккё чхоннёнхве*) 395

- Общество молодых рабочих-католиков (*Катхоллик нодон чхоннёнхве*) 411, 412
- Общество нового стиля (*Синпхунхве*) 217
- Общество новой основы (*Синганхве*) 246
- Общество расцвета нации (*Минджок конъянхве*) 275
- Объединение культурно-художественных организаций рабочих Сеула (*Соуль нодонджа мунхва есуль танчхе ёнхпхве*) 434
- Объединение литературно-художественного движения трудящихся (*Нодонджа мунхва есуль ундон ёнхпх*) 433
- Объединение молодежи за демократизацию (*Минджухва ундон чхоннён ёнхпх*) 290, 291
- Объединение народных культурных ассоциаций (*Минджун мунхва хёбыйхве хан туре*) 433
- Объединение общественного движения Инчхона (*Инчхон чйёк сахве ундон ёнхпх*) 290
- Объединение преподавателей специальных и высших учебных заведений (*Чонмун — тэхак кёсу танён хпхве*) 375
- Объединение сельскохозяйственных кооперативов (*Ноноп хёптон чохап*) 404
- Партия граждан новой Кореи (*Синхан кунминдан*) 263
- Партия демократических реформ (*Минджу хёксиндан*) 275
- Партия демократического объединения (*Минджу тхонильдан*) 263
- Партия демократической Кореи (*Минджу Хангуктан*) 235, 236
- Партия за мир и демократию (*Пхёнхва минджудан*) 237
- Партия корейской независимости (*Хангук тонниптан*) 183, 188, 262, 268, 321, 373
- Партия народных масс Кореи (*Чосон тэджундан*) 263
- Партия реформ (*Хёксиндан*) 275
- Партия трудового народа (*Кылло инминдан, Кынминдан*) 268, 275
- Партия трудящихся масс (*Кылло тэджундан*) 263
- Революционная партия за объединение (*Тхониль хёнмёндан*) 279
- Революционная партия Кореи (*Чосон хёнмёндан*) 263
- Послевоенная ассоциация литераторов (*Чонху мунхагин хёпхве*) 425
- Прогрессивная партия (*Чинбодан*) 212, 216, 275
- Пролетарский кинематографический союз (*Пхыроллетхариа ёнхва тонмэн*) 422
- Пролетарский музыкальный союз (*Пхыроллетхариа ымак тонмэн*) 422
- Пролетарский театальный союз (*Пхыроллетхариа ёнгык тонмэн*) 421
- Пролетарский художественный союз (*Пхыроллетхариа есуль тонмэн*) 422
- Революционная партия корейской нации (*Чосон минджок хёнмёндан*) 373
- Сеульский союз рабочего движения (*Соуль нодон ундон ёнхпх, Сонорён*) 415
- Собрание адвокатов за демократическое общество (*Минджу сахверыль вихан пёнхоса моим*) 291

- Совет граждан по защите демократии (*Минджу сухо кунмин хёбыйхве*) 285
- Совет по мерам по урегулированию ситуации (*Сигук тэчхэк хёбыйхве*) 263
- Социал-демократическая партия (*Сахве минджудан*) 263, 265, 268
- Социалистическая народная партия (*Сахве тэджундан*) 217, 275
- Социалистическая партия (*Сахведан*) 275
- Союз за демократию и самостоятельность (*Минджу чаджу ёнмэн*) 265
- Союз за национальную самостоятельность (*Минджок чаджу ёнмэн*) 263
- Союз корейских литераторов (*Чосон мунхакка тонмэн*) 420, 428
- Союз корейских рабочих-протестантов (*Хангук кидоккё нодонджа чхон ёнмэн*) 415
- Союз корейских скульпторов (*Чосон чохён есиль тонмэн*) 421
- Союз корейских ученых (*Чосон квахакча тонмэн*) 422
- Союз корейских художников (*Чосон мисульга тонмэн*) 421
- Союз корейского искусства (*Чосон мисуль тонмэн*) 421
- Союз корейской независимости (*Чосон тоннип тонмэн*) 373
- Союз национального объединения (*Минджок тхониль ёнмэн*) 276
- Союз национальной защиты и наставления (*Кунмин подо ёнмэн*) 205
- Союз пролетарских художников (*Пхыролетариа мисуль тонмэн*) 421
- Союз пролетарской литературы (*Пхыролетхариа мунхак тонмэн*) 422, 423
- Союз рабочих Инчхона (*Инчхон чийк нодонджа ёнмэн*) 415
- Союз свободы (*Чаю ёнмэн*) 399
- Союз сторонников движения за национальное освобождение Кореи (*Чосон минджок хэбан ундонджа тонмэн*) 259
- Специальный комитет по расследованию антинациональной деятельности (*Пан минджок хэнви тхыкпёль чоса вивонхве, Панмин тхыгви*) 190, 271
- Театральная художественная ассоциация (*Кык есиль хёпхве*) 421
- Трудовая партия Северной Кореи (*Пук Чосон нодондан*) 189, 204, 266, 282
- Трудовая партия Южной Кореи (*Нам Чосон нодондан*) 189, 191, 204, 268
- Федерация корейских профсоюзов (*Хангук нодон чохап чхон ёнмэн, Хангук норён*) 402, 411, 418
- Федерация профсоюзов инженеров и техников (*Чонмун кисуль норён*) 418
- Федерация профсоюзов служащих и финансовых работников (*Саму кымюн норён*) 418
- Федерация профсоюзов преподавателей Кореи (*Тэхан кёвон нодон чохап ёнхапхве*) 381, 382
- Федерация профсоюзов работников лечебных учреждений (*Пёнвон норён*) 418
- Федерация профсоюзов работников СМИ и печатников (*Оллон норён*) 418

- Фронт национального освобождения Южной Кореи (*Намминджсон*) 440
- Ханахве* (Единое общество) 231
- Центральная ассоциация за самостоятельное объединение нации (*Минджок чаджу тхониль чунан хёбыйхве*, *Минджатхон*) 275
- Центральная ассоциация по содействию скорейшему достижению независимости (*Тоннип чхоксон чунан хёбыйхве*) 256, 259
- Центральная ассоциация по строительству корейской культуры (*Чосон мунхва консоль чунан хёбыйхве*) 422
- Центральная культурная ассоциация (*Чунан мунхва хёпхве*) 420
- Чиндан хаххве* (Историческое общество *Чиндан*) 422
- Чхондогё погуктан* («Чхондогё на службе страны») 263
- Чхонудан* (Партия молодых друзей) 263
- Штаб движения граждан за завоевание демократической конституции (*Минджу хонбоп чэнчхви кунмин ундон понбу*, *Кунмин ундон понбу*) 291, 292, 293,
- Штаб мирового конгресса за мир и объединение Корейского полуострова и ускоренное проведение общенационального съезда (*Хан пандо пхёнхва-ва тхонир-ыль ви-хан сеге тэхве мит пом минджок тэхве чхуджин понбу*) 295
- Штаб по строительству корейского искусства (*Чосон мисуль консоль понбу*) 421
- Штаб по строительству корейского кинематографа (*Чосон ёнхва консоль понбу*) 422
- Штаб по строительству корейского театра (*Чосон ёнгык консоль понбу*) 421
- Штаб по строительству корейской литературы (*Чосон мунхак консоль понбу*) 420
- Штаб по строительству корейской музыки (*Чосон ымак консоль понбу*) 421
- Юдохве* (Общество конфуцианского пути) 275

Сокращения к разделу «Южная Корея 1945–1992 гг.»*

АВА — Американская военная администрация

ГАТТ — Генеральное соглашение по тарифам и торговле (General Agreement of Tariffs and Trade — GATT)

ДМЗ — демилитаризованная зона

Ечхон — *Хангук есульт мунхва танчхечхон ёнхапхве* (Всекорейское генеральное объединение художественно-культурных организаций)

КАПФ — Korea Artist Proletaria Federatio (Корейская федерация пролетарского искусства)

Кунмин ундон понбу — *Минджу хонбоп чэнчхви кунмин ундон понбу* (Штаб движения граждан за завоевание демократической конституции)

МВФ — Международный валютный фонд (IMF, International Monetary Fund)

Минджатхон — *Минджок чаджу тхониль чунан хёбыйхве* (Ассоциация за самостоятельное объединение нации)

Минджондан — *Минджу чоныйдан* (Демократическая партия справедливости)

Минечхон — *Хангук минджок есурин чхон ёнхап* (Корейская генеральная федерация деятелей национального искусства)

Минмунхён — *Минджун мунхва ундон хёбыйхве* (Ассоциация народного культурного движения)

Минтхоннён — *Минджу тхониль минджун ундон ёнхап* (Народное объединение за демократическое воссоединение)

Опчон хвевый — *Опчон норён хёбыйхве хвевый* (Ассоциативный совет профессиональных объединений)

Сонорён — *Соуль нодон ундон ёнхап* (Сеульский союз рабочего движения)

Тэхан ночхон — *Тэхан нодон чхон ёнмэн* (Ассоциация корейских профсоюзов)

Хангук норён — *Хангук нодон чохан чхон ёнмэн* (Федерация корейских профсоюзов)

Хангук ночхон — *Хангук нодон чохан чхон ёнмэн* (Ассоциация профсоюзов Кореи)

Ханминдан — *Хангук минджудан* (Демократическая партия Кореи)

---

* Сост. Т. М. Симбирцева, общ. ред. В. М. Тихонов.

Чинохён — *Чиёк нодон чохап хёбыйхве* (Ассоциация региональных профсоюзов)

Чонгёджо — *Чонгук кёджиквон нодон чохап* (Всекорейский профсоюз преподавателей)

Чондэхён — *Чонгук тэхагсэн тэпхёджа хёбыйхве* (Всекорейская ассоциация представителей университетского студенчества)

Чонмиллён — *Чонгук минджок минджу ундон ёнхап* (Всекорейское объединение национального движения за демократию)

Чоннохён — *Чонгук нодон чохап хёбыйхве* (Национальная ассоциация профсоюзов)

Чонпхён — *Чосон нодон чохап чонгук пхёныйхве* (Национальный совет [корейских] профсоюзов)

Индекс имен*

- Абэ Нобуюки 144, 178
Акаси Мотодзиро 71
Александр II 19
Алексеев Е.И. 19
Ан Бёнджик 133, 350
Ан Джонхва 422
Ан Джунгын 38, 39, 53, 131
Ан Джэхон 106, 111, 158, 250, 252, 255, 258, 261, 263, 264
Ан Духи 269
Ан Чханхо 65, 84, 85, 112, 113, 138, 217
Асададь 431
Ачесон, Дин 192
Андзако Юкка 15
Арнольд, Арчибальд 183
Баба Тацуи 87
Безобразов А.М. 19
Бетелл Э. 27
Вакацуки Рэйдзиро 118
Ванин Ю.В. 15
Викхэм, Джон 234
Вильсон В. 89, 90
Витте С.Ю. 30
Вон Сехун 258, 261-263
Гитлер А. 135, 141, 153
Горький М. 87
Громыко А.А. 187
Ё Джонсок 81
Ё Унхён 156-158, 178, 186, 250-256, 258-264
Ё Унхон 263, 267
Ём Муун 430, 438
Ёсино Сакудзо 98
Жебин А.З. 15
Забровская Л.В. 15
Им Хонён 438
Им Чэдок 48
Ито Хиробуми 29, 31, 32, 34, 37, 38, 61, 98, 131
Каваи Кацуо 162
Кадзимура Хидеки 13, 88
Камингс, Брюс 13
Кан Гёндэ 242
Кан Дарён 110
Кан Мангиль 14, 15, 165-170, 269, 270, 277
Кан Мёнхи 246
Кан Минчхоль 299
Кан Сун 263
Кан Ювэй 83
Канегути Фуни 209
Картер Д. 231
Кацура Таро 29, 37
Квак Чонсок 96
Квон Джунхён 30
Квон Донджин 60
Квон Ёнтхэ 126
Квон Инсук 236
Квон Осоль 109
Киль Джинсоп 42

- Киль Сонджу 93
 Ким Бёнён 207
 Ким Бённо 111, 252, 258, 262
Ким Бёнтхэ 320
 Ким Бонджун 261, 263
 Ким Вонбон 259, 260
 Ким Вонхон 48
Ким Г.Ф. 88, 116
 Ким Гаджин 60
 Ким Гвандже 66, 67
Ким Гвансик 277
Ким Гёниль 116
 Ким Гу 72, 129, 131, 132, 188, 189, 253, 257, 262, 263, 265–268, 271
Ким Гымсу 420
 Ким Гюсик 91, 156, 189, 253, 257, 261, 263–267
 Ким Дальсам 193
 Ким Даня 109, 126
 Ким Джингён 389
 Ким Джиха 431
 Ким Джонбэ 288
Ким Джонгвон 269
 Ким Джонпхиль 221, 223, 232, 234, 237, 241
 Ким Джонтхэ 279
 Ким Джонхан I 80, 81
 Ким Джонхан II 433
 Ким Джуэль 272
 Ким Джунён 251
 Ким Джэгю 230, 232
 Ким Доён 217
Ким Дохён 15
 Ким Дубон 260, 265–267
 Ким Дусын 81
 Ким Дэджун 224–226, 228, 229, 232, 234, 236, 237, 239, 241–243, 284, 288, 289
Ким Дэхван 328, 330, 332
 Ким Ёнджу 282
 Ким Ёнсам 230, 234, 236, 237, 241, 242, 291, 293, 390
 Ким Ёнсу 103, 104
Ким Ёнхи 167
 Ким Ир Сен 12, 114, 125, 127, 154–156, 189, 192, 193, 203–205, 207, 226, 230, 244, 249, 266, 267, 274, 278, 280, 282, 284
Ким Накчун 392, 393, 402, 419
 Ким Намджу 437, 438
 Ким Оккюн 12, 179
 Ким Рип 132
 Ким Сеён 258
 Ким Сагук 109
 Ким Сонджу (Ким Ир Сен) 155
 Ким Сонджу 207
 Ким Сонсу 104
 Ким Сонсук 259, 260
 Ким Уджон 428
Ким Хакхён 167
Ким Хакчун 277, 285
Ким Хосон 69
 Ким Чхансук 275
 Ким Чхольсу 87, 110, 125, 127
 Ким Ынбин 204
 Ким Юнсик 96
 Ким Юнсу 434
Ким Юнхван 349, 419
 Ким Яксу 109, 251, 262, 263
 Кларк 202
 Ко Вонхун 152
 Коджон 21, 26–35, 41, 43, 51, 52, 57, 58, 63, 67, 73, 93, 179
 Комура Дзютаро 30
Концевич Л.Р. 15
 Коротков Г.П. 267

Ко Ыйдон 421	Ли Джэю 126, 127
Ко Ын 432, 434, 438	Ли Доннён 112
<i>Ку Джунсо</i> 438	Ли Донхва 251, 269
Куниаки Коисо 143	Ли Донхви 112
<i>Курбанов С.О.</i> 168	Ли Дусан 263
Кэйси, Ричард 274	Ли Дэгын 320, 336
Ленин В.И. 13, 49, 156	Ли Ён 109
Ли Бёнги 420	Ли Ёнджик 96
Ли Бёнму 34	<i>Ли Ёнмин</i> 420
Ли Бомджин 26, 27, 33	Ли Ёнсе 421
Ли Бомюн 50	Ли Ёнсолъ 251
Ли Бончхан 130	Ли Ёнъик 21, 24, 27
<i>Ли Ванбом</i> 270	Ли Ёсон 258
Ли Ванъён 30, 31, 34, 36, 39, 61, 81	Ли Ин 252
Ли Виджон 33	Ли Инён 52
Ли Ган 73	Ли Мангю 253, 255
Ли Гангук 251, 252, 261	Ли Мину 236
Ли Ганнён 43	Ли Панджа (Масако) 74
Ли Гапсон 92	Ли Сансолъ 33, 34
Ли Гвансу 106, 115, 139	<i>Ли Сансолъ</i> 285
Ли Гвансуль 126, 127, 154	Ли Санхёп 103
Ли Ги 62	Ли Сонгён 204
Ли Ги Бэк 168	Ли Сунтхак I 105
Ли Гибун 213, 272, 401, 424	Ли Сунтхак II 263
Ли Гон 73	Ли Сынбок 258
Ли Гу 74	Ли Сынёп 253
Ли Гынно 260	Ли Сынман 85, 90, 91, 112–114, 132, 174, 184, 185, 187, 188, 190–192, 194, 196, 200, 202, 206, 207, 209–220, 224, 247, 253, 255, 256, 259, 261–265, 269–274, 277, 306, 310–313, 315, 316, 318, 320, 321, 325, 329, 330, 331, 337, 358, 370, 375–378, 381, 382, 397–399, 401, 402, 404, 421, 424–426, 428
<i>Ли Джонхун</i> 320, 332	Ли Сынхун 65, 82, 92, 99
Ли Джун 33, 34	Ли Тхэджун 420
Ли Джуха 258	Ли Хаён 22
Ли Джэмён 31	Ли Ханёль 235, 292

- Ли Ханьин 26
 Ли Хёнсан 126, 154, 193, 203
 Ли Ходже 193
 Ли Хурак 282
 Ли Хэмён 132
 Ли Чхок (Сунджон) 34
 Ли Чхольхи 238
 Ли Ын 73, 74
 Лим Вонгын 109
Лим Гёнсок 162
 Лим Сугён 295
 Лю Инсок 43-45, 50, 51
 Лян Цичао 62
 Магрудер, Картер 222
 Макартур, Дуглас 197, 199, 206, 207, 254
 Макензи Ф. 52, 53
 Маркс К. 109
 Маршалл, Джордж 187
 Менон, Кришна 188
 Мидзуно Рэнтаро 98
 Мин Джонсик 45
 Мин Ёнхван 31
 Минами Дзиро 137
Миядзима Хироси 88
Мията Сэцуко 15, 162
 Момояма Кэнъити (Ли Гон) 73
 Мун Бусик 236
 Мун Гухён 295
 Мун Икхван 241, 295
 Мун Сегван 229
 Муссолини Б. 115
 Мэгата Танэтаро 28
 Мэйдзи 140
 Мэчхон (Хван Хён) 32
 На Гёнсок 87, 105
 На Чхоль 32, 62
 Нам Гёну 204
 Нам Джонхён 427
 Нам Добу (Ха Джунсу) 193
 Намгун Ок 60
 Нелидов А.И. 34
 Николай II 19, 25, 27
 Никсон, Ричард 225, 279
Но Джунсон 277
 Но Мухён 166
 Ногуты Ситагау 119
 О Джиён 260
 О Мёнджик 132
 О Сечхан 60, 253
 О Хаён 263
О Чхонсок 390
 Огаки Такэо 59, 60
 Ом, «леди» 74
 Охира Масаёси 224
 Павлов А.И. 23, 24
Пак Б.Д. 116
 Пак Бону 425
 Пак Ёнбаль 204
 Пак Ёнман 132, 133
 Пак Ёнхё 12, 75, 105, 120
 Пак Ёнхи 263
 Пак Кванхи 204
Пак Кёнсик 88
 Пак Кисо 269
 Пак Нохэ 435
 Пак Пёнгвон 222
 Пак Санджин 63
Пак Сонджин 15
 Пак Туджин 426
Пак Тхэ Гын 116
 Пак Ухон 204
Пак Хёнчхэ 332, 350, 369, 420
 Пак Хидо 92

- Пак Хонён 12, 109, 126, 154–156, 160, 252, 253, 256, 260, 262, 271
- Пак Чесун 30
- Пак Чонгын 204
- Пак Чонхва 420
- Пак Чонхи 152, 166, 169, 174, 210, 219–231, 234, 237, 238, 241, 278–280, 283–285, 289, 297, 306, 307, 322, 333, 337, 338, 340, 342, 344, 346, 348, 349, 370, 371, 383–385, 406, 409, 413, 427, 437
- Пак Чончхоль 235, 291
- Пак Чонъян 21
- Пак Чунпхё 204
- Пак Чханиль* 332
- Пак Ынсик 54–57, 61, 65, 83–85, 89, 165
- Пан Хёнсок 435, 436
- Пён Хёнъюн* 349
- Плеве В.К. 20
- Пэк Ванхёк 81
- Пэк Ёнсон 92
- Пэк Квансу 106
- Пэк Накчхон* 430, 434, 438
- Пэк Намун 186, 260, 266, 422
- Пэк Хонгюн 258
- Пэн Дэхуай 198
- Рейган, Р. 234
- Ро Дэу (Но Тхэу) 231, 237–242, 244, 249, 291, 293, 294, 296, 300–302, 370, 371, 386, 390
- Руднев В.Ф. 22
- Рузвельт, Теодор 21, 30
- Рузвельт, Франклин 176, 182
- Сайто Макото 98, 99, 118
- Сакураи Хироси* 320
- Сан Хо 63, 64
- Сигэмицу Мамору 131
- Симбирцева Т.М.* 15, 168
- Син Гённим 421, 438
- Син Джубэк* 133
- Син Дольсок 47, 51
- Син Донмун 427
- Син Донъёп 431
- Син Икхи 215
- Син Согу 106
- Син Сук 263
- Син Хёнхвак 232, 286
- Син Чхэхо 64, 65, 85, 85
- Сиобара Токисабуро 141
- Сиракава Ёсинори 130, 131
- Со Джунсок* 270
- Со Сандон 66
- Соль Ыйсик 420
- Сон Бёнджун 28
- Сон Бёнхи 92
- Сон Вольджу 233
- Сон Гиджон (Сон Китей) 138
- Сон Гисук 385
- Сон Гонхо* 255, 269, 285
- Сон Джину 178, 252, 254
- Сон Джусик 257, 259–261
- Сон Ён 115
- Сон Намхон* 255, 269
- Сон Нэун 385
- Сон Юбо* 277
- Сонэ Арасукэ 38
- Спенсер Г. 55
- Сталин И.В. 114, 176, 182, 202
- Стивенс Д.В. 38
- Сунджон 35, 73, 74, 110
- Сунь Ятсен 87
- Такаки Масао (см. Пак Чонхи) 153
- Такасаки Содзи 167
- Тан Бёнхо 418
- Танака Гиити 132

- Тангун 62, 374
 Тафт В. 29
 Тихонов В.М. 165, 168, 171
 Ткаченко В.П. 15
 Толстой Л.Н. 65
 Троцкий Л.Д. 156
 Трушин В. П. 159
 Тэраути Масатакэ 38, 39
 Угаки Кацусигэ 118, 119, 137
 Усова Л.И. 116
 Утида Рёхэй 37
 Ха Джунсу (Нам Добу) 193
 Хадж, Джон Р. 178, 181, 267
 Хаксли Т. 55
 Хан Вансан 277
 Хан Ёнун 92
 Хан Гюсоль 30
 Хан Маркс 69
 Хан Саннён 81
 Хан Сынджу 245, 277
 Хара Такаси 98
 Хаяси Гонсукэ 26
 Хван Согён 431
 Хван Хансик 320
 Хван Хён (Мэчхон) 32, 46
 Хён Бонги 82
 Хён Джемён 421
 Хён Джунхо 82, 104
 Хигути Юити 162
 Хирохито 130, 158, 317
 Хо Ви 52, 63
 Хо Джон 215, 273, 380
 Хо Хон 252, 253, 260
 Холодович А.А. 15
 Хон Бомдо 47, 49–51
 Хон Джынсик 257
 Хон Мёнхи 83, 110, 263, 266, 420
 Хон Нампхё 257, 258
 Хори Кацуо 133
 Чан Гонсан 257, 260
 Чан Джиён 54, 58, 60, 83
 Чан Джунха 228
 Чан Доён 220, 221
 Чан Ёнджа 238
 Чан Инхван 38
 Чан Кайши 131, 134, 135, 176
 Чан Мён 212, 213, 215, 217, 219–222, 273, 276, 331, 332, 370, 381, 382, 403
 Чан Санхван 321
 Чан Седон 241
 Черчилль У. 176
 Чехов А.П. 25
 Чи Суголь 133
 Чин Доккю 245
 Чистяков И.М. 159
 Чо Бёнок 139, 213
 Чо Бонам 212, 216, 274
 Чо Джинтхэ 81
 Чо Джоннэ 437
 Чо Джонхван 435
 Чо Ёнбом 350
 Чо Мансик 267
 Чо Соан 86, 215, 266
 Чо Сонгук 434
 Чо Хиён 304
 Чон Бокхи 69
 Чон Бэк 250, 252
 Чон Гёнхван 238, 241
 Чон Дархон 125
 Чон Джэён 94
 Чон Духван 166, 231–241, 285, 290, 293, 294, 299, 307, 350, 370, 371, 386, 388, 389, 413, 416, 434, 433
 Чон Инбо 420

Чон Мёнун 38	Ю Ёнъик 15
Чон Носик 261	Ю Инхо 320
Чон Сынхва 231	Ю Сонджун 99
Чон Тхэиль 226, 408, 411	Ю Чхиджин 421
Чон Унбок 61, 62, 64	Ю Чхисон 235
Чон Хваджин 435, 436	Ю Чхуннёль 218
Чу Ёнха 125, 127, 266	Юк Ёнсу 229
Чха Гымбон 110	Юн Бонгиль 130
Чха Джичхоль 230	Юн Босон 217, 218, 223, 224
Чхве Вонсик 438	Юн Гисоп 263
Чхве Гыну 250	Юн Гонхи 288
Чхве Гюха 231, 232, 234, 240, 286	Юн Исан 296
Чхве Джанджит 209	Юн Мёнхон 162
Чхве Джонок 48	Юн Хёджон 57, 58, 60, 64
Чхве Джун 104	Юн Чхихо 57, 58, 66
Чхве Икхён 46, 51	Ямагата Аритомо 37
Чхве Ингю 213	Ян Гитхак 27, 65, 67
Чхве Ёнгон 266	Ян Хомин 285
Чхве Ёндаль 252	
Чхве Намсон 92, 93, 152	
Чхве Рин 92, 152	<i>Baldwin, F.</i> 116
Чхве Чханик 253	<i>Cummings, Bruce</i> 209
Чхве Чханхак 120	<i>Duncan J.B.</i> 167
Чэнь Вэньшоу 167	<i>Han, Kee-hyung</i> 88
Шабшина Ф.И. 116	<i>Kang Mangil</i> 167
Ше Де Сук (Со Дэсук) 116	<i>Kang Wi Jo</i> 162
Шипаев В.И. 69, 133	<i>Lee Chong-sik</i> 116
Штыков Т.Ф. 183	<i>Lee, Kwang-rin</i> 69
Ю Вонхо 295	<i>McNamara, D.L.</i> 133
Ю Гильджун 73, 179	<i>Robinson, M. E.</i> 88
Ю Джэиль 277	<i>Scalapino, R. A.</i> 116
Ю Дониль 345	<i>Shin, Gi-Wook</i> 133
Ю Ённёль 69	<i>Suh Dae-suk</i> 162

Список изданий, откуда заимствованы иллюстрации

Кан Мангиль. Кочхё ссын Хангук хёндэса (Исправленная новейшая история Южной Кореи). Сеул: Чханби, 2007.

Корейская Народно-Демократическая Республика. Справочное издание. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Республика Корея: цифры и факты. Сеул: Корейская культурно-информационная служба, 2007.

Ет саджин ёпсо-рыль тхонхэ пон кэхваги Инчхон мосып-ква ури-ый пхунсып (Инчхон и корейские обычаи времен открытия страны в старинных фотографиях и открытках). Каталог фотовыставки. Инчхон, 1988.

Саджин-ыро по-нын кындэ Хангук II (Корея нового времени в фотографиях. Т. II). Фотоальбом. Сеул: Сомундан, 1994.

Семир-хан илосытхы-ва хигви саджин-ыро пон кындэ Чосон (Korea Illustrated by British Weeklies, 1858–1911). Сеул: Салим, 2008.

Сок Хваджон. Пхунджахва-ро по-нын Ро-Иль чонджэн (Русско-японская война в карикатурах). Сеул: Чисик санопса, 2007.

Тэхан Чегук 1907 Хеиг тхыкса (Специальные посланники Корейской империи на конференции в Гааге 1907 г.). Иллюстрированный каталог выставки. Сеул: Управление культурным наследием РК, 2007.

Contents

V. Tikhonov
Korea in 1905-1945

Chapter 16. Colonization of Korea by the Japanese Imperialism in 1905 – 1910 and the Nationalist “Enlightenment” Movement	19
a) The Russo-Japanese War (1904 – 1905) and the Process of Colonization of Korea in 1905 – 1910	19
b) Resistance to the Japanese Colonialism and Formation of Nationalist Ideologies in Korea (1905 – 1910)	41
1. The Activities of the “Righteous Armies” (Ŭibyŏng)	42
2. The Enlightenment Movement (Kyemong Undong). Social Darwinism	54

PART 4. THE COLONIAL KOREA: COLONIAL “MODERNIZATION” AND NATIONAL RESISTANCE (1910 – 1945)

Chapter 17. The Japanese “Sabre Regime” and Changes in the Korean Life in 1910 – 1919	70
a) The Colonial System and the Problem of Capitalism Development in 1910’s Korea	70
b) Korean Nationalism and the National Movement: in Search of Response to the Challenges of the Time	83
Chapter 18. The Pan-national Anti-colonial March 1st 1919 Movement and the Transition to the Policy of Concessions by the Japanese Colonialism: 1919 – 1931	88
a) 1st March Movement: Background, Development, Results	88
b) The “Cultural Rule” and the Development of Capitalism in 1920s Korea	98
c) Radical Movements in the Korean Socio-Political Life in the 1920’s	106
d) The 1920’s – the Results of the Decade	114
Chapter 19. The Japanese Militarism and Industrialization of Korea (1931 – 1937)	116
a) Global Crisis and Changes in the Japanese Policy in Korea	116
b) Radical and Moderate Social Movements in Korea of the Early 1930’s	123
Chapter 20. War, Total Mobilization and Liberation: 1937 – 1945	133
a) The Japanese Aggression in China and the Pacific War	133
b) The Japanese Policy of Repression and Mobilization in Korea	137
c) Korean Society during the War: Cooperation and Resistance	148
d) Liberation of Korea	157

Kang Man'gil
A History of Contemporary Korea (1945-1992)

Translation from Korean – *T. Simbirtseva*
Editing and Footnotes – *V. Tikhonov*

Translator's Preface	165
Editor's preface	169

**PART 1: THE FORMATION AND INTENSIFICATION
OF THE DIVISION SYSTEM (1945 – 1992)**

Introduction	172
Chapter 1: The Process of National Division	176
The Defeat of Japan (15.VIII.1945)	176
Demarcation of the 38th Parallel	178
The Breakup of the Soviet-US Joint Commission (20.III–6.V.1946, 21.V. – 10.VII.1947)	181
The Establishment of Separate States (15.VIII.1948, 9.IX.1948)	187
Chapter 2: The Korean War (25.VI.1950 – 27.VII.1953)	190
The Background to the War	190
The Development of the War	194
The Significance of the War	203
Chapter 3: The Process of Strengthening the Division System	209
The Syngman Rhee (Yi Sŭngman) Regime (15.VIII.1948 – 26.IV.1960)	209
The Chang Myon (Chang Myŏn) Regime (23.VIII.1960 – 18.V.1961)	215
The Park Chung Hee (Pak Chŏnghŭi) Regime (1): From Military Rule to 'Civilian Government' (16.V.1961 – 17.X.1972)	219
The Park Chung Hee (Pak Chŏnghŭi) Regime (2): the Rise of the 'Yushin' System (17.X.1972 – 26.X.1979)	225
The Chun Doo Hwan (Chŏn Tuhwan) Regime (12.XII.1979 – 25.II.1988)	231
The Roh Tae Woo (No T'aeu) Regime (25.II.1988 – 18.XII.1992)	239

**PART 2. THE DEVELOPMENT OF THE MOVEMENT
FOR DEMOCRACY AND REUNIFICATION**

Introduction	246
Chapter 1. The Committee for the Preparation of Korean Independence and the 'Korean People's Republic'	
The Activities of the Committee for the Preparation	250
of Korean Independence (15.VIII. – 4.IX.1945)	250
The Declaration of the 'Korean People's Republic'	253

Chapter 2. The Left-Right Coalition Movement and the North-South Meeting (1945 – 1948)	255
People's Republic – Interim Government Negotiations and the Four-Party Communiqué (January 7, 1946)	255
The Activities of the Left-Right Alliance Committee	259
The North-South Meetings in April 1948	265
Chapter 3. The 19 April Movement for Democracy and Unification (1960 – 1961)	270
The 19 April Democratization Movement	270
The 19 April National Reunification Movement	274
Chapter 4. The 4 July (1972) North-South Joint Statement	278
The North-South Red Cross Talks (August 1971 – May 1973)	278
The North-South Joint Statement of 4 July, 1972	281
Chapter 5. The Kwangju Minjung Resistance and the 10 June Democratization Movement	285
The Kwangju Minjung Resistance (18.V. – 27.V.1980)	285
The 10 June Democratization Movement and the National Reunification Movement	290
Chapter 6. The Conclusion of the North-South Agreement (10 – 13.XII.1991)	297
The National Reconciliation and the Confederation Reunification Plans	297
The Agreement for Reconciliation, Non-Aggression, Exchange and Co-Operation (December 10 – 13, 1991)	300

PART 3. THE ECONOMY: DECOLONIZATION AND DEVELOPMENT (1945 – 1992)

Introduction	305
Chapter 1. Economic Decolonization (1940 – 1950's)	308
The US Military Government's Disposal of Land under Its Control	308
Land Reform under the Syngman Rhee (Yi Sŭngman) Regime	311
Dispossession of Japanese-Owned Businesses by the US Military and the Rhee (Yi) Regime	316
Chapter 2. The Development of the Aid Economy (1950's)	321
US Economic Aid	321
US Agricultural Surplus and Agriculture in Korea	324
The Aid Economy and Industry	327
Chapter 3. The Development of the Foreign Capital Economy System (1960 – 1970's)	332
The Introduction and Nature of Foreign Capital	332
The Foreign-Capital Economy and Industrialization	337
The Foreign-Capital Economy and Growth of Exports	342
The Foreign-Capital Economy and Agriculture	346

Chapter 4. The Development of the Open Economy	
System (1980's)	350
The Strengthening of the Monopoly Capital System	350
Changes in the Nature of Medium	
and Small Businesses	354
Changes in Financial Structure	358
The Open Economy and Agriculture	362

PART 4. SOCIETY AND CULTURE IN THE DIVISION PERIOD

Introduction	370
Chapter 1. Education and the Academic Movement	
under the Division System	373
The Educational Policy of the US Military Government	
(9.IX.1945 – 15.VIII.1948)	373
The Educational Policy of the Syngman Rhee (Yi Sŭngman)	
Regime (15.VIII.1948 – 19.IV.1960)	376
The Post-19-April Movement for Academic Democratization	
(19.IV.1960 – 16.V.1961)	380
The Park Chung Hee (Pak Chŏnghŭi) Regime's	
Educational Policy (16.V.1961 – 26.X.1979)	383
Educational Policies of the Chun (Chŏn) and Roh (No)	
Regimes and the National Teachers' Union	
(1.IX.1980 – 25.II.1993)	386
Chapter 2. The Labour Movement	
under the Division System	391
The US Military Government Labour Policy	
and the Labour Movement	391
The Syngman Rhee (Yi Sŭngman) Regime's Labour	
Policy and the Labour Movement	397
The '19 April Space' and the Labour Movement	
(19.IV.1960 – 16.V.1961)	401
Labour Policy in the Years of Economic Growth	
and the Labour Movement (16.V.1961 – 6.XII.1971)	405
Labour Policy and the Labour Movement under	
the Yushin System (6.XII.1971 – 26.X.1979)	409
The Labour Movement under the Chun Doo Hwan	
(Chŏn Tuhwan) Regime (1980 – 1987)	413
The 10 June (1987) Democratization Movement	
and the Labour Movement	416
Chapter 3. The Cultural Movement	
of the Era of Division	420
The Division of the Cultural World	420
19 April, 16 May and Literary Activities	424
The Development of National Literature Theory	428
The Deepening of National Literature Theory	432

ATTACHMENTS

Comp. *T. Simbirtseva*, ed. *V. Tikhonov*

Chronological table 1. Korea in 1904 – 1945	441
Japanese Residents-General and Governors-General in Korea (1906 – 1945)	455
Chronological table 2. South Korea in 1945 – 1992	456
Index of Notions to Kang Man'gil's "A History of Contemporary Korea (1945 – 1992)"	478
Index of Political Parties and organizations to Kang Man'gil's "A History of Contemporary Korea (1945 – 1992)"	482
Abbreviations to Kang Man'gil's "A History of Contemporary Korea (1945 – 1992)"	490
Index of Names	492
List of Publications from which the Illustrations are Borrowed	499

V.M. Tikhonov, Kang Man 'gil

History of Korea (in two volumes). Volume 2: The Twentieth Century

Volume 2 of the present textbook of Korean history is devoted to the 20th century. V. M. Tikhonov completes the description of the Korean modernity in it. Considering the period from the Russo-Japanese War of 1904 – 1905 till the liberation of Korea in 1945 he concentrates his attention on social and ideological phenomena and their connection with the dynamics of the class and social interests. The epoch of 1945-1992 in South Korea is represented through the vision of the patriarch of South Korean Marxist historiography Kang Man 'gil. Several chapters of his famous book “The History of Contemporary Korea” are published in Russian for the first time. Written from critical positions, this book does not mechanically divide historical figures into ‘heroes’ and ‘villains’ but reveals social causality and inner contradictions in their activities.

Тихонов В. М., Кан Мангиль

История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905–1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945–1992 гг. (Кан Мангиль) / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (*Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) М.: Наталис, 2011. 499 с.

ISBN 978-5-8062-0343-5

ISBN 978-5-8062-0345-9

Второй том учебного пособия по истории Кореи посвящен XX веку. В нем В.М. Тихонов завершает описание эпохи Нового Времени. Рассматривая период с русско-японской войны 1904–1905 гг. до освобождения Кореи в 1945 г., он концентрируется на общественных и идеологических феноменах и их взаимосвязи с динамикой классовых и социальных интересов. Эпоха 1945–1992 гг. на юге Корейского полуострова представлена через видение патриарха марксистской историографии Южной Кореи Кан Мангиля. Главы из его имеющей широкое признание книги «Новый взгляд на новейшую историю Кореи» публикуются на русском языке впервые. Написанная с критических позиций, эта книга не делит исторические фигуры на «героев» и «злодеев», а старается выявить в деятельности каждого из них социальную обусловленность и внутренние противоречия.

УДК 950(519)

ББК 63.3(5)я73

Учебное пособие

В.М. Тихонов, Кан Мангиль

ИСТОРИЯ КОРЕИ

В 2 т.

Т. 2

Двадцатый век

Компьютерная верстка – *О. Русакова*

Подписано в печать 14.06.2011.

Формат 60×90 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 32

Тираж 300 экз. Заказ № 801

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Издательство «Наталис»

9 785806 203459